

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Центр экономической истории при Историческом факультете

Российская академия наук
Институт российской истории
Научный совет по проблемам российской
и мировой экономической истории

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ЕЖЕГОДНИК

2 0 0 6

Москва
РОССПЭН
2006

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 05-01-16314

Редакционная коллегия:

Л.И. Бородкин, Ю.А. Петров (ответственные редакторы),
Б.В. Ананьич, С.А. Афонцев, А.М. Маркевич, И.В. Поткина,
А.К. Соколов, С.А. Саломатина (ответственный секретарь),
А.К. Сорокин.

Редактор научных переводов — к. э. н. *С.А. Афонцев.*

Э 40 **Экономическая история: Ежегодник. 2006.** — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 560 с.

В восьмом выпуске ежегодника представлены новейшие исследования по отечественной и мировой экономической истории. Среди авторов ежегодника — историки и экономисты из научных центров России, а также Великобритании и Германии.

В книге публикуются статьи, посвященные экономическим отношениям России — РСФСР — СССР со странами Запада в 1910—1930-е гг., а также статьи по экономической истории дореволюционной России: по проблемам истории денежного обращения, акционерного права, предпринимательства, землевладения, фондовой биржи и др. Экономическая история советского периода отражена в статьях, посвященных социальным аспектам труда в промышленности и строительстве в 1920—1930-е гг. В сборнике также подведены итоги научной дискуссии о путях развития страны накануне индустриализации, прослежено состояние нефтяной промышленности СССР в 1930-е гг., рассмотрена проблема экономических причин массовых репрессий 1930-х гг. В книгу вошли статья о структуре крестьянского подворного хозяйства в Западной и Восточной Европе в XVII—XIX вв., а также материал об экологических изменениях после Второй мировой войны на территориях, отошедших к СССР в составе Калининградской области.

Сборник рассчитан на историков и экономистов, а также всех, кто интересуется экономической историей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восьмой выпуск ежегодника «Экономическая история» подготовлен к печати при поддержке Научного совета РАН по проблемам отечественной и мировой экономической истории, Центра экономической истории при Историческом факультете МГУ, а также Института российской истории РАН.

Данный выпуск отличается тематическим разнообразием, несмотря на то что публикуемые статьи освещают в основном экономическую историю России. В сборнике представлено большинство традиционных рубрик, посвященных взаимодействию государственных и частных экономических институтов, истории предпринимательства, финансов, трудовых отношений, экономической истории советского периода. Весьма интересны разделы, которые далеко не каждый раз удается представить новыми исследованиями, — это рубрика «В глубь веков», посвященная экономической истории периода средневековья и античности, а также раздел «Дискуссии». В этом выпуске ежегодника впервые появилась рубрика «История и экология».

Открывает издание раздел, завершающий публикацию материалов, подготовленных в рамках международного проекта «Россия и страны Запада: экономические отношения накануне Первой мировой войны и проблема их восстановления в 1920-х — 1930-х гг.». Проект посвящен изучению уровня интеграции дореволюционной России в мировую экономику, а также тем изменениям, которые произошли в экономических взаимоотношениях России и стран Запада после Октябрьской революции 1917 г.¹

В статье С.В. Калмыкова на материале зарегистрированных в Великобритании холдингов — The Russian General Oil Corporation и The Russian Tobacco Company — показано, что к началу 1910-х гг. российский бизнес был вполне готов выйти на качественно новый уровень интеграции с Западной Европой, однако этому помешало нарастание политического кризиса в Европе в 1912—1914 гг.

Статья С.А. Афонцева посвящена ключевым сдвигам, которые произошли в структуре торговли России со странами Запада при переходе от Российской империи к СССР. Автор отмечает, что за период 1913—1929 гг. структура внешней торговли в целом мало изменилась, однако во второй половине 1920-х гг. начались процессы форсированной индустриализации. Некоторые из последствий произошедших в этот период изменений продолжают ощущаться спустя 80 лет после описываемых событий.

В статье А.А. Матвейчука на основе анализа содержания советских отраслевых журналов «Нефтяное хозяйство» и «Азербайджанское нефтяное хозяйство» делается вывод о том, что восприятие американского

¹ Подробнее о проекте см.: Бородкин Л.И., Петров Ю.А., Саломатина С.А. Об исследовательском проекте «Россия и страны Запада: экономические отношения накануне Первой мировой войны и проблема их восстановления в 1920-х — 1930-х гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2005. М., 2005. С. 11—13.

опыта сыграло ключевую роль в развитии советской нефтяной промышленности в период первой пятилетки.

Традиционный для последних выпусков ежегодника раздел «Государство и экономика» открывает статья А.В. Бугрова, посвященная малоизученным аспектам истории денежного обращения в России, а именно истории введения во второй половине XVIII в. — первой трети XIX в. бумажных денег (ассигнаций), где выявлена тесная связь разменной операции с развитием внутренней торговли.

В ином аспекте рассмотрены взаимоотношения государства и экономики в статье Л.П. Марней об истории института агентов Министерства финансов. Эта должность появилась в связи с необходимостью защиты торговых интересов империи на вновь присоединенных польских территориях. Деятельность первого агента, А.Я. Ланга, назначенного в Царство Польское в 1823 г., во многом определила функции агентов, действовавших с 1829 г. в Париже, Берлине, Лейпциге и Вене.

Завершает раздел статья А.С. Кушнирук, в которой с формально-юридической точки зрения подводятся итоги развития акционерного права в дореволюционной России в таких аспектах, как общее понятие акционерного товарищества и порядок его возникновения, виды и значение акций, внутренняя структура акционерной компании и права акционеров, правовое регулирование ликвидации компании.

История предпринимательства в ежегоднике представлена двумя исследованиями. В статье Е.Г. Неклюдова рассмотрен состав владельцев металлургических заводов Урала в наименее изученный период — в первой половине XIX в. Проанализировав их предпринимательскую деятельность, автор приходит к выводу, что уже тогда отчетливо проявилась неспособность большинства заводчиков справиться с возрастающими проблемами функционирования их предприятий, даже при поддержке со стороны казны.

Работа Е.Н. Савиновой представляет собой детальное исследование особенностей землевладения в Московской губернии в пореформенное время. В статье показан процесс перераспределения земельной собственности между дворянством и другими сословиями в этот период. По архивным материалам выявлена доля предпринимательских слоев среди землевладельцев.

Еще одна традиционная тема ежегодника — финансы и фондовый рынок — представлена в этом выпуске разделом, посвященным истории фондовой биржи в дореволюционной России. Так, в статье Л.И. Бородинкина и Г. Перельмана впервые в историко-экономической науке представлен индекс курсов акций ведущих российских промышленных компаний, котировавшихся на Петербургской бирже в 1897—1914 гг.

Статья П.В. Лизунова посвящена предпринимательской деятельности и судьбе Захария Жданова, петербургского банкира и биржевика. Популярность Жданова, не лишенная скандального характера, распространилась далеко за пределы круга лиц, имевших отношение к финансам. После 1917 г. он был обвинен в антисоветской деятельности и экономических преступлениях, приговорен к 10 годам заключения и сослан в Соловецкий лагерь.

История труда в ежегоднике представлена в социальном аспекте. В частности, в исследовании М.А. Фельдмана рассмотрены условия труда

промышленных рабочих Урала в 1910–1930-х гг. Автор доказывает, что на заводах, шахтах и рудниках региона в этот период доминировал ручной труд, сложились неблагоприятные для здоровья людей условия. К середине 1930-х гг. произошло лишь частичное улучшение условий труда. Сдерживающим фактором служил невысокий уровень механизации производства и профессиональной подготовки рабочих.

В статье немецкого историка Д. Нойтатца тяжелые условия труда в период советской индустриализации анализируются на материале строительства Московского метро в 1931–1935 гг. Прославленная советской пропагандой стройка в реальности испытывала значительные кадровые проблемы; условия труда были чрезвычайно тяжелыми; рабочих часто увольняли из-за дисциплинарных взысканий. Тем не менее конечный успех «Метростроя» следует объяснять не только системой жесткого контроля, но и высокой мотивацией труда строителей первого в стране метрополитена.

Материалы раздела по истории советской экономики объединяет общая тема поиска путей модернизации в 1920–1930-е гг. Так, в статье Г.А. Черемисинова представлен комплексный макроэкономический анализ закономерностей развития хозяйства СССР во второй половине 1920-х гг., раскрыта специфика преимущественно экстенсивного роста государственного предпринимательства за счет средств казенного сектора экономики, денежных сбережений населения, налогов, ресурсов негосударственного сектора, а также использования некоторых других экономических и административных рычагов.

Н.Л. Роголина рассматривает проблемы, связанные с изучением исходного уровня советской индустриализации. В центре внимания автора находятся текущие итоги научной дискуссии о достижениях, проблемах и перспективах страны накануне модернизационного рывка. В статье также рассматриваются альтернативные возможности развития страны в рамках нэпа и причины реализации сценария форсированной индустриализации.

Социально-экономические и политические аспекты состояния нефтяной промышленности СССР в годы первой и второй пятилеток рассматриваются в статье А.А. Иголкина и А.К. Соколова. В частности, в работе показано, что выполнить нереальные плановые задания пытались любой ценой. Бездумная политика, нацеленная на форсированное развитие, нанесла серьезный ущерб отрасли, в результате чего объем нефтедобычи сначала упал, а затем несколько лет рос ничтожными темпами.

Завершает раздел исследование известного британского историка-экономиста Р. Дэвиса, ставящее под сомнение точку зрения, что экономический кризис 1936 г. стал главной причиной массовых политических репрессий. В статье показано, что истоки репрессий нужно искать во внеэкономических факторах. Скорее наоборот, именно репрессии стали причиной экономических трудностей 1937–1938 гг.

В статье А.М. Сологунова (раздел «История и экология») исследуется проблема культуры в «чужом» пространстве на примере Калининградской области — территории, после Второй мировой войны вошедшей в состав СССР. Сюда прибыли переселенцы из центральных российских областей, в результате чего были изменены системы поселе-

ния людей, землепользования, коммуникации, возникла новая топонимика, изменился видовой состав животного и растительного мира и т. д.

Раздел «В глубь веков» представляет статья В.Л. Носевича, в которой выдвигается новая точка зрения на различия в структуре традиционного крестьянского подворного хозяйства в Западной и Восточной Европе. В XVII–XIX вв. на Западе доминировало хозяйство, состоящее из одной брачной пары с детьми; недостаток рабочей силы восполнялся за счет наемных работников. На Востоке в это время было распространено хозяйство, объединявшее две и более семейные пары, состоящие в родстве. Традиционно принято считать, что изначально существовавшее многосемейное хозяйство трансформировалось в односемейное на Западе, а на Востоке сохранилось в неизменном виде. Однако в статье доказывается, что вплоть до XVI в. крестьянское хозяйство в Европе в целом было односемейным. Многосемейное хозяйство возникло в процессе адаптации к специфическим социальным и экономическим условиям, таким как барщинная форма эксплуатации и ограниченный рынок наемной рабочей силы.

Завершает сборник раздел «Дискуссии», в котором публикуется ответ Б.Н. Миронова на заметку Б.В. Ананьича². Б.Н. Миронов доказывает, что рост благосостояния населения ставит под сомнение концепцию системного кризиса пореформенного российского общества.

Выпуская в свет восьмой выпуск ежегодника, редколлегия издания с удовлетворением констатирует, что за прошедшие годы он стал настоящим форумом, объединяющим историков и экономистов, которые работают в области отечественной и мировой экономической истории. Мы по-прежнему заинтересованы в расширении круга авторов и тематики издания и приглашаем к сотрудничеству молодых исследователей.

Редколлегия выражает благодарность Г. Перельману (Калифорнийский университет, США) за помощь в работе над выпуском.

Л.И. Бородкин, Ю.А. Петров, С.А. Саломатина

² См.: Ананьич Б.В. Заметки по поводу статьи Б.Н. Миронова «Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным» // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 611–613.

Экономические отношения
России — РСФСР — СССР
и стран Запада

Российские компании и западноевропейский фондовый рынок в начале XX в.

Интеграция России в евро-атлантическое экономическое пространство в качестве более-менее равноправного партнера (не как политический лозунг, а как экономический факт) вообще вряд ли достижима в большей степени, чем это уже имело место в период до 1914 г. С одной стороны, на определенное время в Европе возникла ситуация, при которой Россия приобрела чрезвычайную важность для поддержания самого мира и стабильности в Европе как элемент в системе внутриевропейских военно-политических союзов, за что часть стран, и прежде всего Франция, были готовы дорого заплатить, инвестируя в России значительные средства. С другой стороны, Россия оказалась на тот момент наиболее близко расположенным и наиболее «цивилизованным» из развивающихся регионов, куда было возможно инвестировать часть объективно избыточных в Европе капиталов, что делало эти вложения не только «жертвой политике», но и коммерчески рентабельным проектом.

Наиболее реальной для России «интеграция» с Европой была в интервале между началом 1890-х гг. и 1914 г., когда первая в самой большой степени была интересна второй и экономически, и как важный фактор внутриевропейской политической стабильности. Ближе всего к возможности интеграции Россия подошла в том секторе экономики, который был наименее связан со спецификой реального сектора в конкретной стране и наиболее унифицирован и стандартизован по методам деятельности, так сказать, наиболее предрасположен к «космополитизму» по самой внутренней сути своей деятельности, — в финансово-банковском секторе. Организационные методы и формы при создании финансово-промышленных групп в разных странах будут гораздо более близкими, чем в области ведения собственно производства; при свободе конвертации и трансферта неважно, в какой стране была получена конкретная сумма прибыли, и поэтому финансовые институты разных стран успешно кооперируются для совместной работы, и т. д.

* Калмыков Сергей Валерьевич — кандидат исторических наук (Институт российской истории РАН).

К началу XX в. Россия, без сомнения, давно и неоспоримо состояла членом клуба великих политических держав, однако членом клуба наиболее экономически развитых великих держав она могла считаться лишь с большой долей условности, в частности значительно уступая по многим показателям производительности и потребления на душу населения не только великим державам, но и многим странам Европы. Также значительным было и отставание технического уровня основных секторов российской экономики от средневропейского. Но, несмотря на то что Россия в целом была еще весьма далека от полноценной интеграции в начавшее складываться евро-атлантическое экономическое пространство, в ее народном хозяйстве имелись определенные секторы, и в первую очередь банковский, которые в своем функционировании больше других приблизились к западным стандартам и в какой-то момент ощутили себя способными играть полностью по правилам западной экономики и на ее поле.

Большинство интеграционистских попыток в сфере экономики, как мы знаем, было инициировано на Западе, но в 1910-е гг. наблюдались единичные случаи, когда интеграционные импульсы шли с Востока, когда российские банки сделали попытку внедриться в европейские структуры бизнеса уже не как младшие партнеры, а в качестве руководителей крупных самостоятельных проектов, к участию в которых они пригласили группу своих давних деловых партнеров, а также массу рядовых владельцев свободных в данный момент капиталов.

В данной статье речь пойдет о попытке группы русских банков, воспользовавшись благоприятными новациями в английском корпоративном законодательстве, а именно разрешением деятельности *free-standing companies* (термин, предложенный Мирой Уилкинс)¹, создать в Британии компании для контроля над большими объединениями в России в нефтяной и табачной промышленности под видом британских холдинг-компаний, — соответственно, *The Russian General Oil Corporation* и *The Russian Tobacco Company*, или РГО и РТК. Помимо чисто утилитарных задач, здесь присутствовал и явно различимый элемент финансовой спекуляции. В этом проекте приняла участие большая группа европейских банков и банкирских домов; задуманные планы имели много шансов на успех, если бы не фатальные изменения, внесенные в жизнь Европы Первой мировой войной.

В данном случае РГО и РТК выбраны потому, что их дополнительно объединяла одна важная черта — они, помимо обеспечения чисто финансового интереса, предполагали удовлетворение потребностей массового рынка Западной Европы в нефтепродуктах и та-

бачных изделиях, то есть представляли шаг к реальной экономической интеграции на уровне потребительского рынка.

Русско-Азиатский банк, который выступал главным «мотором» всего дела, занялся нефтяным проектом в значительной степени под грузом внутренних проблем и принимая во внимание некоторые тенденции, наметившиеся в русском и международном нефтяном бизнесе. Как известно, он сам возник в результате слияния двух «проблемных» банков, и это обстоятельство не могло не отразиться на его деятельности. Один из этих банков — Северный банк — являлся, в сущности, филиалом французского банка *Société Générale pour favoriser le développement du Commerce et de l'Industrie en France* (*Société Générale*), открытым в Петербурге в кризисные для российской экономики первые годы XX в. для курирования некоторых предприятий, в развитие которых французский банк вложил средства в годы экономического подъема 1890-х гг. Другой — Русско-Китайский банк — был создан в середине 1890-х гг. по инициативе и на деньги русского правительства, но с большим участием французских капиталов, представленных финансовой группой во главе с другим крупным французским банком — *Banque de Paris et de Pays-Bas* (*PARIBAS*) — для экономической поддержки русской экспансии на Дальнем Востоке, в первую очередь в Маньчжурии, и для банковских операций в Тихоокеанском регионе вообще.

Задуманный как так называемый «деловой» банк, Северный банк, во-первых, сразу же столкнулся с сильной конкуренцией уже существующих аналогичных петербургских банков, и, во-вторых, большинство его клиентов в связи с экономическим кризисом оказались в трудном положении, и поэтому банк все время балансировал на опасной грани. Тем не менее к нему проявил интерес еще один парижский банк — *Banque de l'Union Parisienne*, который увидел в Северном банке «шанс» для старта своих операций в России. В апреле 1906 г. уже с участием *Banque de l'Union Parisienne* состоялось увеличение капитала Северного банка, благодаря чему в руководстве последнего появился его представитель Т. Ломбардо (*Theophile Lombardo*). Ломбардо удалось заметно усилить работу президента банка М. Верстрата (*Maurice Verstraete*), однако этого оказалось недостаточно, чтобы положение Северного банка могло считаться прочным, и к 1909 г. ситуация вновь обострилась — до такой степени, что *Société Générale* поставило вопрос о его слиянии и остановилось на варианте слияния с Русско-Китайским банком.

После того как Россия проиграла войну на Дальнем Востоке, деятельность Русско-Китайского банка потеряла перспективу. И французская сторона, которая вложила преобладающую часть

($\frac{5}{8}$) в акционерный капитал, забеспокоилась, как бы не потерять эти деньги. Не следует трактовать ситуацию слишком прямолинейно: PARIBAS вовсе не желал уйти совсем и не возражал бы против слияния Русско-Китайского банка с каким-нибудь из русских банков, хотя бы с наиболее близким ему по району деятельности Сибирским Торговым, который, со своей стороны, также был одно время заинтересован в подобном слиянии. Поэтому была определенная внутренняя логика в том, что в итоге возник проект слияния обоих банков с участием французских капиталов как результат начавшегося в 1906 г. сближения Société Générale и PARIBAS. Нельзя сказать, что переговоры проходили легко, однако в ноябре 1909 г. удалось подписать прелиминарный протокол. Окончательное согласование заняло еще примерно год, и с декабря 1910 г. Русско-Азиатский банк начал действовать. Во главе банка (а фактически на роль его «спасателя») был поставлен А.И. Путилов, в прошлом весьма талантливый и энергичный чиновник Министерства финансов, в 1905 г. вынужденный оставить государственную службу и перейти в формально частный Русско-Китайский банк².

В результате слияния возник очень крупный банк, располагавший уже при основании примерно 60 млн руб. собственных капиталов и 250 млн руб. депозитов, а все его активы приближались к 600 млн руб. Между тем перед его руководителями сразу же встал ряд серьезных проблем в виде далеко не идеальной структуры вложений, необходимости сделать банк рентабельным, явно избыточной для новых условий и нерационально размещенной филиальной сети и т. д. Путилов видел наиболее перспективный выход из создавшегося положения в проведении при поддержке французских патронов крупных операций, которые позволили бы банку решить задачу выгодного размещения обширных пассивов, улучшить структуру активов и занять ведущее место среди петербургских банков. Общей чертой этих проектов были масштабные финансовые комбинации, в основе которых лежали модные в 1910-х гг. идеи трестирования. Путилов последовательно предложил французским патронам проекты создания железнодорожного треста (банковской группы для получения от правительства концессий на постройку железных дорог и размещения ценных бумаг железнодорожных обществ), затем так называемого треста банков. Реализация обоих предложений требовала крупных дополнительных инвестиций, и потому проекты встретили в Париже негативную реакцию. Тогда Путилов пошел на прямой шантаж парижского руководства и, угрожая отставкой, добился в конце 1911 — начале 1912 г. карт-бланш в определении дальнейшей стратегии своего банка.

Проект РГО развивал идеи, положенные в основу создания треста банков и в еще большей степени — железнодорожного треста. В первом случае Путилов предлагал создать французскую контрольную компанию, которая в обмен на собственные акции сосредоточила бы в своем портфеле крупные пакеты акций четверки петербургских банков — Русско-Азиатского, Петербургского Частного коммерческого, Сибирского Торгового и Русского Торгово-промышленного. Чуть позже, весной 1912 г., Путилов от имени «группы русских банков», в которых обоснованно можно предполагать упомянутую четверку, выдвинул перед парижскими патронами новую идею — создание железнодорожного треста в виде учрежденной опять-таки во Франции холдинговой компании, портфель которой состоял бы из облигаций российских обществ, предназначенных для размещения на французском финансовом рынке³. И эта идея не встретила одобрения в Париже, между тем от нее уже совсем недалеко до замысла создания РГО, только на этот раз контрольная компания была английской, а место железнодорожных акций и облигаций заняли акции нефтяных обществ, которые предполагалось размещать в Лондоне и Париже, эксплуатируя благоприятно сложившуюся в начале 1910-х гг. конъюнктуру. Проект бралась финансировать банковская группа, костяк которой составляла названная четверка.

По всей видимости, Путилову очень нравилась сама идея создания треста с ядром в виде квазииностранной холдинговой компании; надо полагать, что в этом его поддержали и руководители четверки. Получая в Париже отвод, он снова и снова пытался реализовать эту идею с разным конкретным наполнением, потому что почти одновременно, с небольшим интервалом, во второй половине 1912 г. и начале 1913 г. Русско-Азиатский банк дал старт осуществлению сразу трех практически идентичных друг другу проектов, эксплуатирующих эту идею, — в нефтяной, табачной промышленности и в производстве продуктов на основе растительного масла, — причем на этот раз, кажется, уже без предварительных консультаций с Парижем. Во всех этих проектах в тех или иных сочетаниях принимали участие банки из состава четверки, а также примыкавшие к ним: в одном случае — Петербургский Международный коммерческий банк и Русский для внешней торговли банк (в проекте РГО), в другом — Русский для внешней торговли и Коммерческий банк в Ростове-на-Дону (в проекте РТК).

Участие Международного банка особенно любопытно, поскольку еще в феврале 1912 г. Путилов сообщил в Париж, что банк занял враждебные позиции по отношению к Русско-Азиатскому банку и «представляемым им интересам». Однако, по-видимому, здесь нужно иметь в виду, что мир петербургского *haute banque* был достаточ-

но тесен и у банковских руководителей хватало здравого смысла не переводить локальные противоречия в плоскость тотальной конфронтации, способной лишь нанести вред их общим интересам, а потому Международный банк вполне мог найти интересным участие в данном проекте, — тем более, что это был уже не первый по счету опыт его сотрудничества с Русско-Азиатским банком, — и даже разделить руководство этим проектом, что было желательным, потому что Международный банк пользовался значительно большей международной известностью и имел более богатый опыт работы с нефтяной промышленностью.

Британский бизнес проявлял большой интерес к русской нефти, определившийся тем несколько преувеличенным значением, которое приобрели запасы, добыча и экспорт нефти из России в 1880—1900-е гг. Об этом свидетельствуют многие факты: еще в начале 1880-х гг. английская торговая фирма Lane and Macandrew решила заняться организацией экспорта нефти из Батума наливным способом в европейские порты и заключила договор с фирмой Нобелей, но эти отношения не получили большого развития, так как Нобели тогда еще не проявили заинтересованности в крупной экспортной торговле. Тогда в 1885 г. Lane and Macandrew подписали соглашение с Каспийско-Черноморским обществом Ротшильдов, вследствие чего в Лондоне была учреждена The Petroleum Company, а в 1891 г. возникло соглашение о партнерстве с Samuel, Samuel & Co⁴. В 1897 г. соглашение между Lane and Macandrew и Ротшильдами было возобновлено на новый срок, в Лондоне в связи с этим была основана The Anglo-Caucasian Company, которая построила большие склады для хранения русской нефти. Но события начала 1890-х гг., и в первую очередь образование в 1893 г. Союза бакинских керосинозаводчиков, членом которого стало и Каспийско-Черноморское общество, привели к тому, что британские компании больше не могли контролировать цены на экспортируемый русский керосин. Это обстоятельство, а также изданное в 1897 г. русским правительством распоряжение, разрешавшее иностранным предпринимателям иметь лишь «косвенные интересы» в компаниях, осуществляющих перевозку нефтепродуктов по морю между русскими портами, вынудили заинтересованный британский бизнес активизировать деятельность по покупке нефтеносных участков в России и организации добычи нефти своими силами.

Одной из первых созданных для этого структур стало возглавляемое А. Стюартом The London Agency, оно также было в той или иной степени причастно к созданию еще целого ряда относительно крупных нефтедобывающих компаний в Бакинском районе, среди которых можно назвать The European Petroleum Company и The Russian

Petroleum and Liquid Fuel Company, а также The Baku Russian Petroleum Company; Samuel, Samuel & Co в 1898 г. основала The Schibaieff Petroleum Company, а в 1899 г. — The Bibi-Eybat Petroleum Company — холдинговую компанию, которая являлась держателем всего капитала одноименного русского нефтяного общества на Биби-Эйбате, и т. д. Всего между 1896—1911 гг. британцами было учреждено в различных районах Кавказа 24 нефтедобывающие компании.

Кризис в российской экономике в первые годы XX в. вызвал практически полную остановку притока английских инвестиций в нефтяную промышленность, и начало новой волны приходится уже на 1909—1910 гг. Характерной чертой этого периода было появление крупных финансовых групп, таких как The Royal Dutch Shell и РГО (хотя последняя по происхождению своего капитала, как мы увидим, не была английской компанией).

Активное стремление The Royal Dutch Shell проникнуть в российскую нефтяную промышленность было замечено с 1909 г. под влиянием относительно неудачной попытки подчинить своему контролю нефтяное производство Румынии. В 1910 г. трест приобрел контрольный пакет акций фирмы «Казбекский синдикат», помимо этого в сферу влияния The Royal Dutch Shell вошло Северо-Кавказское общество, занимавшее третье место по добыче нефти в районе Грозного, а в 1911 г. под контроль треста перешла The Ural Caspian Oil Corporation — английская холдинговая компания, владевшая капиталом одноименного русского общества. В июне 1911 г. правление The Ural Caspian Oil Corporation заключило соглашение («синдикат») с группой представителей The Royal Dutch Shell — Лэйном (Lane) и Детердингом (Deterding) и брокерами Гульбенкяном (Gulbenkian) и фон Опфенхаймом (von Opfenheim) — об увеличении капитала компании до 1 млн фунтов стерлингов (ф. ст.), участие в котором распределялось между Лэйном и Детердингом и Гульбенкяном, с одной стороны, и фон Опфенхаймом — с другой, как $73\frac{1}{3}$ к $26\frac{2}{3}$; члены этой группы образовали «коммерческую группу правления», в задачу которой входило управление английской холдинг-компанией и финансово зависимой от нее русской компанией.

Наиболее важной операцией The Royal Dutch Shell в России было приобретение в 1912 г. ряда компаний («Русский стандарт», «Мазут» и Каспийско-Черноморское общество), принадлежавших Ротшильдам. Как показал В.И. Бовыкин⁵, одной из основных причин, заставивших Ротшильдов продать контроль за ними The Royal Dutch Shell, стало резкое падение их конкурентоспособности по отношению к фирме Нобелей внутри самой России и к The Standard

Oil Trust и к самому The Royal Dutch Shell вне ее. Следующим важным актом было подчинение контролю The Royal Dutch Shell значительной части производства смазочных масел в России через приобретение контрольного пакета акций The Schibaieff Petroleum Company. Поскольку одноименное «русское» Шибаетовское нефтепромышленное и торговое общество находилось в тот момент в тяжелом финансовом положении, правление The Royal Dutch Shell приняло решение ликвидировать его и создать взамен The New Schibaieff С°; акционерный капитал нового общества в 1,16 млн ф. ст. был разделен на 690000 акций-шер (share — доля) в 1 ф. ст. и 470 привилегированных шер также по 1 ф. ст. Все вновь выпущенные шеры были приобретены The Anglo-Saxon Petroleum С° также из состава треста, и 345 тыс. акций были подписаны банкирскими фирмами Chaplin, Milne, Grenfell & С° из Лондона и Н. Oyens & Zonen из Амстердама.

Эти действия The Royal Dutch Shell нарушили сложившуюся расстановку сил в российской нефтяной промышленности и явились внешним побудительным мотивом для группы крупных аутсайдеров и заинтересованных в делах нефтяной промышленности банков создать третье крупное объединение в противовес группам Нобелей и The Royal Dutch Shell, — им, собственно, и стало РГО.

Активно развивалась в 1910 г. также деятельность английского бизнеса в районе Майкопа (получившая особое название «Майкопского бума»), вызванная информацией об открытии здесь исключительно богатых месторождений нефти. В Лондоне был учрежден ряд компаний, которые впоследствии были зарегистрированы под русскими названиями, и The Anglo-Maikop Corporation, которая была преимущественно инвестиционной компанией с задачей финансирования компаний, непосредственно ведущих добычу. Взаимоотношения между этими компаниями и The Anglo-Maikop Corporation складывались по схеме «финансирование в обмен на контроль»: финансирование, менеджмент и техническое обеспечение были сосредоточены в руках корпорации, добывающие компании владели пакетами акций инвестиционной компании и друг друга, а также уступали в пользу инвестиционной компании часть своей продукции, передавая опционы на добычу нефти. К 1913 г. под контролем The Anglo-Maikop Corporation находилось уже 13 добывающих, перерабатывающих и транспортирующих компаний. Продажа нефтепродуктов производилась в России; в 1914 г. правление The Anglo-Maikop Corporation начало искать пути проникновения на рынки Германии, Голландии и Великобритании, однако осуществлению этих планов помешала начавшаяся вскоре Первая мировая война⁶.

Помимо The Anglo-Maikop Corporation в регионе действовало еще две группы английских компаний. Одна из них была объединена в составе The Maikop General Oil Trust, другую образовали The London & Maikop Oil Corporation и The Australian-Maikop Company, контролируемые инвестиционной компанией Buick, Mooring & Co; остальные компании функционировали как независимые. Однако независимые компании, едва успев учредиться и приступить к добыче, также были охвачены процессами слияния⁷.

Начиная с 1909 г. та же централизация и концентрация производства происходила и в нефтяной промышленности России в целом. Это приводило к образованию вокруг ведущих фирм своеобразных «концернов» за счет поглощения мелких и средних фирм и установления с ними системы взаимных участия в акционерном капитале, а также учреждения новых компаний. К началу 1912 г. в группу Нобелей уже вошли Челекено-Дагестанское общество, Восточно-Азиатское нефтепромышленное и торговое общество «Колхида», Русское нефтепромышленное общество (33% капитала), Ферганское нефтепромышленное и торговое общество «Чимион», Товарищество минеральных масел «В.И. Рагозин и К^о» и транспортное Пароходное общество «Кама», а несколько позже к ним добавились Нефтепромышленное общество «Эмба» и Общество подсобных предприятий Эмбенского района.

К группе перешедших к The Royal Dutch Shell бывших предприятий Ротшильдов кроме названных присоединились Русское нефтепромышленное общество (33% капитала) и добывающие компании «Кавказ», «Соучастники» и Северо-Кавказское общество. Существовали и более мелкие группы: английский The Cheleken Concern, включавший пять фирм, осуществлявших добычу нефти на острове Челекен, т. н. «максимовская группа» (Англо-Русское Максимовское общество и Первое Грозненское товарищество)⁸.

В Бакинском районе существовало еще несколько крупных аутсайдеров — принадлежавшие местным азербайджанским или армянским купеческим семействам фирмы Манташева, Нагиева, Асадуллаева, Лианозова, Гукасова, которые также имели комбинированный характер производства, но по размерам операций далеко отставали от фирмы Нобелей и The Royal Dutch Shell. М.Я. Гефтер высказал кажущуюся верной гипотезу о наличии среди них еще одной группировки (как он называл ее, «манташевской», «лианозовской» или «гукасовской»), которая настойчиво пыталась стать третьей самостоятельной силой в противовес группам Нобелей и The Royal Dutch Schell и в конце концов нашла выход в превращении в промышленное ядро РГО⁹.

В это время в Великобритании получают распространение акционерные компании нового типа (*the free-standing company*), которые предоставляли возможность регистрации в Британии акционерных холдинговых компаний с целью ведения деловых операций за пределами Британской империи путем совмещения интересов инвесторов в Великобритании с прибыльным помещением капитала за границей. Независимые компании учреждались как английские акционерные общества с капиталом, номинированным в фунтах стерлингов, но при этом их акционерами и членами правлений могли быть граждане любого государства. Независимые компании обеспечивали организационную структуру, минимизирующую степень риска, осуществляли управление сбережениями английских вкладчиков и могли заниматься привлечением как английских, так и иностранных капиталов. Это имело без преувеличения решающее значение для осуществления плана создания РГО, «русского» нефтяного треста с управляющей структурой в виде английской компании.

Создателям РГО, в сущности, и не пришлось придумывать ничего нового: они действовали в соответствии с логикой и процедурами, которые в аналогичных ситуациях применялись британским бизнесом, намеревались удовлетворять те же потребности, включая экспорт нефтепродуктов из России, и даже само название РГО имело узнаваемые британские параллели. Так что массу рядовых британских инвесторов не должно было удивить появление еще одной нефтяной компании «in Russia», и не было причин, мешавших им приобрести ее акции, если бы они имели доходность на среднем уровне для такого рода бумаг или чуть выше, — а что такую доходность удастся гарантировать, у русских инициаторов проекта поначалу сомнений не возникало.

Шеры РГО были введены в котировку Лондонской биржи 15 июня (8 июля по новому стилю) 1912 г. Цели корпорации в проспекте эмиссии (*un prospect d'émission*) были сформулированы как установление контроля над производством и распределением нефтепродуктов в России, а также регулирование цен.

На авансированные финансовой группой средства (которые предполагалось частично возратить с помощью вложений рядовых британских инвесторов в бумаги самой холдинговой компании) в 1912—1914 гг. согласно заранее намеченной программе происходила скупка, частью по предварительной договоренности с владельцами нефтедобывающих, транспортных и комбинированных компаний, и перераспределение акций и собственности между тремя основными фирмами в составе РГО (Лианозова, Манташева и Русским товариществом «Нефть»), каждая из которых до этого была крупным са-

мостоятельным игроком и продолжала сохранять определенные сепаратные интересы и после вхождения в РГО (по этим же силовым линиям, кстати, произошел в 1916—1917 гг. и разлом единой структуры, когда стало ясно, что она не имеет дальнейших перспектив существования).

Осуществить цели, сформулированные в проспекте эмиссии, предполагалось путем установления контроля над рядом крупных фирм в Бакинском регионе, из числа которых, по причине физической невозможности сделать это, были исключены фирмы Нобелей, Каспийско-Черноморское общество и товарищество бр. Мирзоевых, а также, вследствие совпадения интересов с РГО, — фирма Лианозова, Русское товарищество «Нефть» и Русское нефтепромышленное общество (РУНО), 33% капитала которого также находилось в собственности фирмы Лианозова¹⁰. Первоначально была намечена следующая последовательность приобретения фирм: фирма Манташева, Московско-Кавказское товарищество, фирма Питоева¹¹.

Дальнейшее развитие этот план получил в меморандуме, датированном ноябрем 1912 г. В нем было намечено приобретение следующих фирм: «Шихово», Нафталанское общество, товарищество бр. Мирзоевых, Московско-Кавказское товарищество, фирма Лианозова, — по-видимому, данный состав следует считать промышленным ядром РГО. Эти планы были методично реализованы в 1912—1914 гг. При непосредственном участии финансовой группы, и в частности ее ведущих участников — Русско-Азиатского и Международного банков, были приобретены акции и собственность 22 нефтепромышленных предприятий¹². Наряду с Русско-Азиатским банком наибольшую активность в этом проявила фирма Лианозова, которая при поддержке названных банков приобрела акции и имущество 8 фирм из 22. Основным источником средств для этих покупок являлись банковские кредиты, предоставляемые под залог акций, в том числе новых эмиссий. (По данным русской биржевой прессы, за период 1911—1913 гг. произошло изменение величины акционерных капиталов 21 российской нефтяной фирмы: 4 фирмы уменьшили размер капитала на 4,4 млн руб., 17 фирм увеличили его на 82 млн руб. РГО в этот период являлась наиболее динамично развивавшейся группой: на долю входивших в нее фирм приходилось свыше 68% этого увеличения.)

Финансовая группа РГО не ограничивалась только операциями по установлению финансового контроля, но также активно участвовала в финансировании геологической разведки и в учреждении новых нефтяных предприятий в районе Грозного и на реке Эмба¹³. В последнем случае при поддержке Русско-Азиатского банка в Лондоне была основана The Emba Caspian Oil Co с разрешенным капита-

лом 3,2 млн ф. ст., которая стала холдинговой компанией для одноименного русского общества. В состав ее правления вошли А.И. Путилов, директор Международного банка А.И. Вышнеградский и целая группа британских представителей. В связи с обменом акций русской фирмы на английские была проведена сложная финансовая комбинация, в результате которой сначала была искусственно понижена оценка собственности, чтобы уменьшить долю русских акционеров, а затем капитал вновь увеличен, и в число акционеров вошла фирма Нобелей¹⁴.

Первоначальный выпуск акций The Emba Caspian Oil С° был определен в 1,14 млн ф. ст., для его реализации был образован консорциум русских и французских банков. Французскую группу («синдикат Доссор») образовали Société Générale, PARIBAS и банкирские дома N. et G. Bardac, L. Dreyfus et С^{ie} и A.G. Stern, в русскую группу вошли названные банки из состава финансовой группы РГО. Русская и французская группы участвовали в соотношении соответственно 740 тыс. и 440 тыс. шер, половина из которых должна была быть распределена среди публики, а другая поступить в особый пул. Кроме того, предполагалось выпустить еще 540 тыс. шер, если бы банкирский дом Н. Higgins et С^{ie} и Г. Шпис (G. Spies), один из совладельцев действовавшей в России компании Spies Petroleum, смогли найти в Лондоне гарантов, согласных в этом случае принять на себя финансовые риски. Размещение акций компании согласилась взять на себя Chaplin, Milne, Grenfell & С° — банкирская фирма, контакт с которой был установлен через поверенных (солиситоров) РГО — адвокатскую контору Spyer and Sons. От 200 тыс. до 500 тыс. шер планировалось разместить в Париже (эти операции также были начаты в 1913 г.). К этим операциям проявил интерес крупный дилер в нефтяной промышленности — упомянутый выше Калуст Гульбенкян. Однако к лету 1914 г., когда в связи с банкротством партнера Chaplin, Milne, Grenfell & С°, The Canadian Agency, размещение акций The Emba Caspian Oil С° было прекращено, оказались распределенными всего 33325 шер¹⁵.

Очевидно, интерес европейцев к русской нефти в начале XX в. определялся не только ожидаемыми прибылями, но и поступлением российских нефтепродуктов на европейские рынки. Экспорт нефтепродуктов из России в Европу в 1910-е гг. осуществляли фирма Нобелей, бывшие предприятия Ротшильдов, перешедшие к The Royal Dutch Shell, бельгийская группа «И.А. Ахвердов и К°» (I.A. Akhverdov & С°) и Русский Грозненский стандарт. Руководители РГО также обнаружили заинтересованность к этой сфере и решили принять в ней участие через свои экспортные филиалы. Всего их было три: французский — La Lianosoff Française, британский — The

British Lianosoff White Oil Co и немецкий — Deutsch Lianosoff Mineraloel Export AG. Французский филиал был основан еще в 1911 г., британский действовал с 1 июля 1912 г., немецкий был предположительно основан в 1913 г. 95% акций французского филиала принадлежали фирме Лианозова, чуть больше 5% — трем иностранным акционерам, в британском филиале их не было совсем, в германском филиале на сумму 123500 марок участвовала германская фирма Mineraloel Export AG. Фирма Лианозова сбывала нефтепродукты (различные смазочные масла и вазелин) в Антверпене, Зеебрюгге, Дюнкерке, Руане, Марселе, Гамбурге и Париже и также, если судить по маркам продаваемых ею нефтепродуктов, в большом количестве американский керосин и смазочные масла. В 1913 г. фирма Лианозова отправила в адрес зарубежных филиалов 27 тыс. т нефтепродуктов, в 1914 г. — 29976 т (в связи с блокадой Черноморских проливов в годы Первой мировой войны зарубежные филиалы полностью перешли на продажу американского керосина и смазочных масел)¹⁶.

Как говорилось выше, акции РГО были введены в котировку Лондонской биржи 25 июня (8 июля)*1912 г. 25 июня — 3 ноября 1912 г. под руководством Русско-Азиатского и Международного банков был образован синдикат по реализации первого выпуска акций (1250 тыс. шер по 1 ф. ст., 50% разрешенного акционерного капитала). Практически одновременно с ним действовал второй синдикат по выпуску еще 750 тыс. шер с целью получения средств для приобретения контрольного интереса в фирме Манташева. Вторым синдикат начал действовать 27 июля 1912 г. и официально прекратил существование 11 февраля 1913 г., но операции по обоим синдикатам продолжались и после этой даты¹⁷.

Шеры первоначально размещались в Лондоне, а с января 1913 г. они были введены также и в котировку Парижской биржи. Судя по переписке Русско-Азиатского банка, организацией размещения шер в Лондоне занималось его Лондонское отделение, а также банкирские дома O.A. Rosenberg et Cie (Париж) и V. Margulies (Брюссель). 9 сентября 1913 г. O.A. Rosenberg et Cie сообщил Русско-Азиатскому банку, что 16—20 сентября планирует ввести шеры также на фондовые биржи Брюсселя и Амстердама и что ведет переговоры о введении их в котировку также на биржах Базеля, Марселя и Глазго¹⁸ (документального подтверждения того, что шеры котировались в этих трех городах, нет).

9 (22) октября 1913 г. был образован третий эмиссионный синдикат для размещения 500 тыс. шер, эмитируемых для приобретения

* Далее, если не используется двойная датировка, даты даются по старому стилю.

крупного участия (12 тыс. шер) в фирме Нобелей. Он неоднократно пролонгировался (до 30 ноября 1914 г., затем до 30 июня 1915 г. и, наконец, до 1 января 1916 г.). Так как сведения о каком-либо движении шер отсутствуют, можно предположить, что в связи с войной операции были остановлены до более благоприятного времени, а 20 апреля 1916 г. синдикат был формально ликвидирован с большими потерями на уменьшении курсовой оценки¹⁹.

Параллельно в 1913—1914 г. одновременно действовало несколько «интервенционных» синдикатов с целью поддержания биржевого курса шер. Один, *conto meta*, т. е. по 50% участия (Русско-Азиатский банк и О.А. Rosenberg et Cie), начал действовать 9 (22) сентября 1913 г., в него поступило 2,7 тыс. шер, операции с которыми были блокированы сначала до середины 1915 г., а затем до конца войны (в июне 1917 г. О.А. Rosenberg et Cie ликвидировал свое участие с финансовыми потерями для себя)²⁰. Другой синдикат начал свои операции 27 апреля (7 мая) 1914 г., к нему перешли 650 тыс. шер из портфеля второго эмиссионного синдиката. В дальнейшем никаких операций с ними также не велось, что явилось причиной его буквально обвального распада 13 января 1916 г. под сильнейшим давлением второстепенных участников, чтобы минимизировать дальнейшие курсовые потери (потери одного только Русско-Азиатского банка по этому синдикату составили 170 тыс. руб.)²¹. Последний по времени синдикат, *conto trio* (в составе Русско-Азиатского и Международного банков и О.А. Rosenberg et Cie), был образован в мае 1915 г., на его счет были переданы и блокированы до конца войны 100 тыс. шер. Курсовые потери Русско-Азиатского банка по этому синдикату составили меньшую, но все равно чувствительную сумму — 24,3 тыс. руб.²²

В старой русской и советской литературе РГО было объявлено сначала чисто иностранным, затем смешанным предприятием с большим участием иностранных капиталов, но эти выводы являются следствием недостатка информации. Уже сам состав правления противоречит такому мнению: в него первоначально вошли А.И. Путилов и Ч. Инчболд (Ch. Inchbald) (директор Лондонского отделения Русско-Азиатского банка), А.И. Вышнеградский и Ж. Радин (J. Radine) (директор Парижского отделения Петербургского Международного банка), А.А. Давидов и виконт де Бретейль (*viscompte de Breteuil*) от Петербургского Частного банка, И.М. Кон от Петербургского Учетного и ссудного банка, М.А. Соловейчик от Сибирского Торгового банка, А.Н. Рафалович от Русского Торгово-промышленного банка, председатель правления Русского товарищества «Нефть» Т.В. Белозерский, председатель правления Товарищества нефтяного производства «Г.М. Лианозова сыновья»

С.Г.(Э.) Лианозов, один из собственников фирмы Гукасовых (Каспийское товарищество), П.О. Гукасов, и граф Каррик (the earl of Carrick)²³, который, согласно А.А. Фурсенко, представлял интересы некоей британской группы, близкой к The Anglo-Maikop Corporation и в этом смысле «враждебной» по отношению к The Royal Dutch Shell²⁴, но это не более чем гипотеза.

В качестве официальных «банкиров» РГО в prospect d'émission были указаны The London County and Westminster Bank, банкирский дом О.А. Rosenberg et Cie и Лондонское отделение Русско-Азиатского банка; далее, было объявлено, что РГО имеет тесные связи с еще целой «группой финансовых институтов». Ее состав очерчивает круг участников синдикатов с шерами РГО: это была группа петербургских банков (Русско-Азиатский, Петербургский Международный, Петербургский Частный, Русский Торгово-промышленный, Сибирский Торговый, Русский для внешней торговли банки), постоянными партнерами которых выступали французские банкирские дома О.А. Rosenberg et Cie и L. Dreyfus и бельгийский банкирский дом В. Margulies, реже к ним присоединялся французский банкирский дом Н. Higgins et Cie. В «синдикате Доссор» приняли незначительное участие два первоклассных французских банка, Société Générale и PARIBAS, и французские банкирские дома N. et G. Bardas и A.G. Stern; кроме того, операции с шерами РГО вели вышеупомянутые Chaplin, Milne, Grenfell & Co²⁵.

Какие причины побудили петербургские банки, создавая РГО, обратиться к услугам не первоклассных западных банков, а второстепенных, хотя и достаточно известных в финансовом мире банкирских домов? О.А. Rosenberg et Cie и в меньшей степени Н. Higgins et Cie являлись давними партнерами Русско-Азиатского и Петербургского Международного банков и участвовали еще в целом ряде «русских дел» помимо нефтяных; с L. Dreyfus имели также, по-видимому, достаточно давние и прочные связи фирма Лианозова и товарищество «Нефть». The London County and Westminster Bank, насколько известно, также участвовал и в других «русских делах», в частности в The Anglo-Russian Cotton Factories и в т. н. Иртышской корпорации (The Irtysh Corporation) в горнодобывающей отрасли²⁶; некий Milne (предположительно, компаньон Chaplin, Milne, Grenfell & Co) представлял интересы РУНО во вновь образованном Балахано-Забратском нефтяном обществе (The Balakhano-Zabrat Company)²⁷.

Многое проясняет упоминание о размещении русских нефтяных акций в Париже через «кулису» (coulisse), т. е. через сферу «профессиональных финансовых спекулянтов»²⁸. Очевидно, что выбор русских банков определялся именно специфическими связями

названных банкирских домов и их готовностью к спекуляции и несению повышенных финансовых рисков, на что не могли пойти банки с солидной репутацией.

Хотя адресом правления везде указывался Лондон, руководящие импульсы на самом деле шли из Петербурга, где регулярно проводились заседания Комитета по делам РГО, а Лондон каждый раз запрашивал подтверждения уже сделанных шагов²⁹. В функции Секретариата в Лондоне и поверенных РГО *Spyer and Sons* входили контакты с официальными органами и прессой, через *O.A. Rosenberg et Cie* и через Лондонское отделение Русско-Азиатского банка поддерживались контакты с финансовыми кругами и Лондонской фондовой биржей (*The Royal Stock Exchange*).

Другим важнейшим центром являлся Париж, где в основном происходило размещение шер входивших в состав РГО российских фирм. Здесь лидирующая роль предположительно принадлежала уже Парижскому отделению Петербургского Международного банка, а необходимые контакты с Парижской фондовой биржей (*Bourse*) помогали поддерживать вышеупомянутые французские банкирские дома — *O.A. Rosenberg et Cie*, прежде всего, и *L. Dreyfus*. Ряд руководителей РГО (А.И. Путилов, А.И. Вышнеградский, Т.В. Белозерский и Н.Б. Глазберг) неоднократно выезжали в Лондон и Париж для различных переговоров и консультаций.

Фактически с момента создания РГО существует точка зрения (ее во многом разделяет и автор данной статьи), согласно которой это было чисто спекулятивное предприятие: с его помощью группа промышленников и финансистов попыталась получить спекулятивный по природе доход, эксплуатируя хорошую конъюнктуру на русские нефтяные акции. Если отвлечься от чисто внутренних целей создания РГО в России, с Запада дело во многом выглядело именно так. Такое мнение громко прозвучало уже в сентябре 1913 г., — имеется в виду письмо одного из экспертов в редакцию французского журнала «*L'Evolution economique*»³⁰: его автор не вполне верно по форме, но в целом близко к сути отождествил РГО с «Красным Крестом» — консорциумом русских банков, действовавших в этот период под руководством Государственного банка в целях поддержания курсов акций ряда предприятий. Сопоставляя реальную стоимость активов РГО (основываясь на имевшихся у него данных, 38,2 фр. за шеру) с котировкой Парижской биржи (59 фр.), автор письма пришел к выводу, что эта группа пыталась получить спекулятивную прибыль до 52 млн фр. Письмо было направлено в редакцию в связи с публикацией статьи некоего П. Кормье (*P. Cormier*), в которой разоблачались некоторые нечестные приемы, сопровождавшие котировку шер в Лондоне³¹.

Эти наблюдения весьма близки к истине: сохранившиеся отчеты Лондонского отделения о движении шер РГО с января по ноябрь 1913 г. показывают, что котировка имела характер циклических покупок и продаж самими организаторами примерно 2—4% выпущенных шер с целью, во-первых, просто сохранить их в котировочных таблицах биржи и, во-вторых, поддерживать, а если позволит обстановка, то и постепенно повышать котировки, напрямую влияющие на определение текущей биржевой капитализации. По-видимому, аналогично была организована котировка бумаг и других фирм из состава РГО. Распространившиеся же слухи о подкупе прессы привели к тому, что с 1913 г. по решению котировального комитета (совета синдиков) Парижской биржи за использование схожих приемов были вообще сняты с котировки акции Бакинского нефтяного общества³².

РГО по своему статусу являлось холдинг-компанией, следовательно, его собственное финансовое положение и, самое главное, приток в него будущих инвестиций должны были целиком зависеть от дивиденда и курсовой стоимости портфеля. Так как РГО было создано именно для того, чтобы стать ядром крупнейшего нефтяного треста, а потому и не могло, и не хотело пересматривать состав своего портфеля, то стратегия его руководства (а точнее, стоявших за ним банков) была направлена на рост дивидендов и курсовой стоимости шер с помощью определенных текущих и пусть даже пока «чистых» вложений без немедленной отдачи. Характерным примером спекулятивных тенденций стало искусственное вздувание (за счет средств финансирующих банков) у ряда сателлитов РГО отчисляемых в дивиденд акционеров сумм, в течение ряда лет превышавших даже совокупный размер их текущих прибылей. В обстановке промышленного подъема это еще было возможно делать, однако сопряженные с начавшейся войной трудности показали, что подобная конструкция не обладала большим запасом прочности.

Начиная широко задуманные операции, их инициаторы строили свои расчеты на длительном сохранении высокой конъюнктуры. Расчеты эти не оправдались, Балканский кризис вызвал резкое падение курсов уже осенью 1912 г., и в дальнейшем уровень котировок первой половины 1912 г. достигнут не был. В апреле 1913 г. однофунтовые шеры РГО котировались уже всего по 46 шиллингов (это была самая низкая котировка в этом году), к маю 1914 г. котировка упала до 28 шиллингов; в день закрытия Лондонской биржи, 24 ноября 1914 г., котировка упала до 19 шиллингов 6 пенсов, поэтому, например, *Crédit Lyonnais* советовал своим клиентам избавляться от шер РГО уже в феврале 1914 г.³³

Правление РГО в докладе о результатах деятельности компании за 1914 г. было вынуждено признать, что дивиденд по шерам сократился в 2,8 раза, объясняя это сразу несколькими обстоятельствами: увеличением налогообложения, отгрузкой нефтепродуктов по старым договорам по довоенным ценам и др.³⁴; основная же причина заключалась в том, что фирмы из состава РГО и сама компания вложили большие средства в выплату преувеличенных дивидендов, на что была израсходована значительная часть текущих прибылей и банковских кредитов. Для фирм из состава РГО это имело самые отрицательные последствия: возросли объем их задолженности банкам и одновременно объем кредитов, которые они сами предоставляли дочерним фирмам; в трудных условиях военного времени они оказались не в состоянии эффективно конкурировать с фирмой Нобелей, и в результате сначала в 1916 г. ряд банков вышел из финансовой группы РГО, а затем в конце 1916 — начале 1917 г. развалилась и вся структура РГО с рекомбинацией ее элементов.

* * *

Относительно РТК следует отметить, что, во-первых, почти все шаги по ее созданию повторили аналогичные действия при создании РГО, во-вторых, она была значительно меньше ориентирована на привлечение внешних инвестиций и являлась, по существу, лишь удобной «оболочкой», маскировавшей создание чисто русского табачного треста.

Долгое время связи табачных фабрик с банками в России ограничивались коммерческими кредитами на закупку сырья. По этой причине, а также потому, что крупные табачные фабрики являлись семейными фирмами, чьи акции не участвовали в биржевом обороте, они не представляли серьезного интереса для банков. Положение существенно изменилось после повышения в 1909 г. ставок налога (акциза) на табачные изделия, одним из последствий чего стало увеличение потребности предприятий в оборотных средствах. Предприниматели начали поиск путей сокращения издержек и привлечения дополнительных инвестиций; банки могли подсказать выход, заключавшийся в укрупнении производства и в преобразовании семейных фирм в акционерные. В 1910—1912 гг. все крупные табачные фабрики Петербурга, Ростова-на-Дону («В.И. Асмолов и К°»), Киева (М.А. Когена), Москвы («Дукат»), Ярославля (И.Н. Дунаева), Феодосии (В.О. Стамболи) были реорганизованы в акционерные общества³⁵.

В марте 1909 г. были начаты переговоры о слиянии трех самых крупных табачных фабрик Петербурга — «Лаферм» («Lafèrme»), «А.Н. Богданов и К°» и А.Н. Шапошникова³⁶. Несмотря на подпи-

санное соглашение, действительного слияния тогда не произошло, и на время развитие пошло по пути концентрации за счет слияния крупных фирм с второстепенными. Так, в течение 1911 г. фирма «А.Н. Богданов и К^о» присоединила фабрику «Саатчи и Мангуби», «Лаферм» — фабрику «Оттоман», в 1912 г. фирма «В.И. Асмолов и К^о» присоединила ростовские фабрики бр. Асланиди и Я.С. Кушнарева, а «Лаферм» — фабрику «А.Н. Богданов и К^о» и «Дукат»³⁷. Волна слияний обусловила необходимость значительного увеличения акционерных капиталов, а это заметно усилило влияние на табачную промышленность ведущих банков, так как почти все новые эмиссии осуществлялись через банковские консорциумы. Особо значительное влияние приобрели Русско-Азиатский и Русский для внешней торговли банки, которые и сыграли ведущую роль в процессе создания РТК.

Регистрация устава объединения табачных фабрик состоялась 2 сентября 1913 г. в Лондоне, однако его история восходит к более раннему времени. Одним из главных подготовительных этапов и прообразом с технической точки зрения стало достигнутое в мае 1912 г. соглашение о слиянии фирм «Лаферм», «А.Н. Богданов и К^о» и «Дукат»³⁸. Одной из задач этого объединения являлось увеличение экспорта русских табачных изделий, для чего предполагалось использовать действовавший к тому времени уже 50 лет экспортный филиал фирмы «Лаферм» в Дрездене и созданный в 1911 г. аналогичный филиал фирмы «А.Н. Богданов и К^о» в Кельне. Фактическое слияние предприятий было достигнуто уже к февралю 1913 г.; они стали работать по единой программе, но полной передачи имущества не состоялось, потому что правительство задержало выдачу разрешения на эмиссию акционерного капитала Общества русских табачных фабрик, учрежденного в 1912 г.³⁹ Очевидно, именно это побудило создать для ускорения дела контрольную компанию в Великобритании на английском уставе, о чем директор Русско-Азиатского банка М. Верстрат информировал директоров названных петербургских табачных фабрик 6 мая 1913 г., директора предварительно согласовали 10 июля того же года окончательный вариант соглашения⁴⁰. 27 июня 1913 г. Русско-Азиатский банк заключил соглашение с Купеческим банком в Ростове-на-Дону об основах вхождения в трест также и группы Асмолова⁴¹. Выработка окончательных условий соглашения, которые устроили абсолютно всех участников, заняла много времени и окончательно завершилась только 9 сентября 1913 г.⁴²

Участниками соглашения стали 6 крупных фирм («Лаферм», «А.Н. Богданов и К^о», «В.И. Асмолов и К^о», А.Н. Шапошникова, Колобова и Боброва, бр. Шапшал), владевшие 12 крупными

табачными фабриками, чье производство составляло почти 50% русского табачного рынка, а в перспективе степень контроля должна была возрасти до 70%. Участники соглашения рассчитывали, что вследствие централизации норма их прибыли возрастет с 8—11% до 25%, а прибыль держательской английской компании — до 15%⁴³. Юридическую сторону организации английской компании взяли на себя уже знакомые нам поверенные РГО *Spyer and Sons*, переговоры о допущении ее шер к котировке на Лондонской фондовой бирже провела юридическая фирма *Haes and Sons*. В уставе компания фигурировала как *The Russian General Tobacco Corporation*, но слишком буквальное повторение названия нефтяной компании не понравилось и было заменено на *The Russian Tobacco Company Ltd*. Образцом для самого устава РТК послужил устав РГО, с которым он имел много текстуальных совпадений⁴⁴. Первоначально состав правления РТК был чисто русским; в сентябре, после консультаций с *V. Margulies*, было решено для приличия ввести в правление двоих англичан (*A. Wildmore, W. Moire*)⁴⁵.

Выпуск акций британской компании (893719 акций, или чуть больше 50% общего количества) и их обмен на акции российских табачных фирм были произведены через консорциум российских и европейских банков, созданный в сентябре 1913 г. Первоначально предполагалось, что основные финансовые гарантии возьмут на себя *Société Générale* и французский банкирский дом *A. Spitzer et Cie*, но окончательно их приняли вышеупомянутые *O.A. Rosenberg et Cie* и *H. Higgins et Cie*. Российскую часть консорциума (70% участия) сформировали уже знакомые нам банки из состава финансовой группы РГО плюс Ростовский-на-Дону Купеческий банк и большая группа директоров российских табачных фабрик. Зарубежная группа участников (30% участия) была очень смешанной: субучастниками *O.A. Rosenberg et Cie* стали различные банкирские дома Бельгии, Франции, Германии, Швейцарии и Великобритании (наиболее известными среди них были *The London and Midland Bank, The London County and Westminster Bank, The Commercial Bank of Scotland, Glynn, Mills, Currie & Co, Singer, Manasse & Co* и *The Schweizerischer Bankverein*). *H. Higgins et Cie* предоставили опцион *Mrs. Boulton Bros. & Co*, которые также принимали участие в других «русских делах» (в частности, совместно с *Russian Credit and Finance Co, Glynn, Mills, Currie & Co* и с *The Anglo-Russian Cotton Factories*)⁴⁶.

РТК распределила почти весь акционерный капитал заранее; ей было разрешено произвести выпуск первоначального капитала на сумму чуть больше, чем 1 млн ф. ст., из этого количества более 800 тыс. шер были переданы для размещения через консорциум, и еще 640 тыс. шер также могли быть размещены через него, но уже

без предоставления каких-либо финансовых гарантий. Остаток в 850 тыс. шер решено было пока заблокировать, так как они почти целиком предназначались для обмена на акции российских табачных фабрик. Поэтому для предложения британским инвесторам фактически не предназначалось ничего, и все иностранные акционеры владели едва ли больше, чем 2% акционерного капитала РТК. (Русско-Азиатский банк имел 60,7%, другие петербургские банки — 5,7%, российские директора РТК — 15,07%, Ростовский-на-Дону Купеческий банк — 8,5%, все прочие российские собственники — 8,19%, Н. Higgins et Cie — 0,03%, все другие французские акционеры — 1,8% и британские директора РТК — 0,01%⁴⁷.) Физически все выпущенные шеры хранились в депо Лондонского отделения Русско-Азиатского банка и, в отличие от шер РГО, не циркулировали даже символически; весь выпуск был распределен среди участников консорциума, поскольку часть российских участников в ходе операции от своего участия отказалась (Русский Торгово-промышленный и Петербургский Учетно-ссудный банки, группа их директоров и некоторые другие).

К началу войны РТК так и не успела стать элементом английской деловой жизни даже чисто формально (ее акции не были введены в котировочный лист, она ни разу не подала отчета о своей деятельности в английское Министерство торговли и т. д.). Тем не менее оба рассмотренных сюжета расширяют наши представления о типологии русско-европейских интеграционных связей в период до Первой мировой войны. Масштабно задуманные планы имели много шансов на успех, — если бы не фатальные изменения, которые были привнесены в жизнь Европы войной.

Примечания

- ¹ См.: The Free Standing Company in the World Economy, 1830—1996 / Ed. by M. Wilkins and H. Schroter. Oxford, 1998.
- ² Подробнее об этом см.: Бovyкин В.И., Петров Ю.А. Коммерческие банки Российской империи. М., 1994. С. 153—177.
- ³ См.: Там же. С. 171—177.
- ⁴ См.: Гефтер М.Я., Шепелев Л.Е. О проникновении английского капитала в нефтяную промышленность России (1898—1902) // Исторический архив. 1960. № 6. С. 91—92; Гурушина Н.Н., Поткина И.В. Английские капиталы и частное предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М., 1997. С. 70—71.
- ⁵ См.: Бovyкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001. С. 259—296.

- 6 См.: Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883—1914: Документы и материалы. М.; Л., 1961 (далее — МКНПР. 1883—1914). С. 188; Фурсенко А.А. Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е — 1918. М.; Л., 1965. С. 61—62, 73—74, 108, 131—133; Гурушина Н.Н., Поткина И.В. Указ. соч. С. 71—72.
- 7 См.: The Guildhall Library. Anglo-Maikop Corporation. Ms 24,055, Ms 24,056, Ms 24,062, Ms 24,084; Maikop Midland Oilfields. Ms 24,093; Kuban Refining Company. Ms 24,070; Black Sea Amalgamated Oilfields. Ms 24,075A; the Public Record Office, London. Bt 31: 20436/119910, Bt 31: 13297/110414; Гефтер М.Я., Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 103; Гурушина Н.Н., Поткина И.В. Указ. соч. С. 74—76.
- 8 См.: The Public Record Office. Bt 31: 20436/119910; Bt 31: 13297/110414, Bt 31: 13153; Гурушина Н.Н., Поткина И.В. Указ. соч. С. 78.
- 9 См.: Гефтер М.Я. Топливный кризис в России и экономическая политика Третьеиюньской монархии / Исторические записки. 1969. Т. 83. С. 81—82; МКНПР. 1883—1914. С. 728—729.
- 10 См.: МКНПР. 1883—1914. С. 532—534.
- 11 См.: Там же. С. 546.
- 12 См.: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 597. Оп. 2. Д. 35. Л. 42; Д. 230. Л. 78; Д. 231. Л. 1—2; Д. 232. Л. 6; Ф. 630. Оп. 2. Д. 34. Л. 108, 300, 327, 447, 454, 628; Д. 36. Л. 600; Д. 274. Л. 1—7, 27, 58, 61; Д. 282. Л. 32; Д. 289. Л. 2—4, 9, 14, 23, 251; Д. 291. Л. 6, 13, 15; Д. 307; Д. 311. Л. 10, 11, 14; Д. 335. Л. 27, 48; Д. 346; Оп. 3. Д. 127. Л. 185об.; Ф. 1449. Оп. 1. Д. 10. Л. 57, 91, 107, 121, 138; Д. 15. Л. 86—87; Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 263. Оп. 1. Д. 80. Л. 102; Нефтяное дело. 1912. № 11. С. 52; 1913. № 5. С. 51; 1914. № 1. С. 15; МКНПР. 1883—1914. С. 535—537, 545, 557—558, 616—617, 728, 732, 741—742; Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914—1917: Документы и материалы. Л., 1973. (далее — МКНПР. 1914—1917). С. 104.
- 13 См.: РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1816. Л. 2—4, 85—87об., 90, 114, 117; Ф. 630. Оп. 2. Д. 256; Д. 258. Л. 1, 10—11; Д. 293; Д. 294. Л. 1—2, 6—7об., 26; Д. 340; Д. 341; Д. 342; Ф. 1449. Оп. 1. Д. 28.
- 14 См.: Там же. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1592. Л. 177—182; Ф. 630. Оп. 2. Д. 253. Л. 295—310; Д. 347. Л. 106, 274—276; Д. 348. Л. 209; Д. 353. Л. 295—300; Д. 354. Л. 36, 83.
- 15 См.: Там же. Ф. 630. Оп. 2. Д. 347. Л. 106—107, 135, 136; Д. 349. Л. 50—51, 153—154, 157, 160—161; Д. 353. Л. 34—42; Оп. 3. Д. 33. Л. 35—35об.
- 16 См.: Там же. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 10. Л. 17, 19, 27, 56; Д. 11. Л. 2, 18—20, 36; Д. 12. Л. 8—9; МКНПР. 1914—1917. С. 487.
- 17 См.: РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 313. Л. 287—293, 347—364; Оп. 3. Д. 132. Л. 138—138об.
- 18 См.: Там же. Оп. 2. Д. 313. Л. 118, 347—364.
- 19 Там же. Д. 321. Л. 21; Оп. 3. Д. 133. Л. 54—54об.
- 20 Там же. Оп. 3. Д. 130. Л. 195—195об.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 См.: Там же. Ф. 597. Оп. 2. Д. 228. Л. 9—10.
- 24 См.: Фурсенко А.А. Указ. соч. С. 322.

- 25 См.: РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 267, 271, 272, 284, 286, 313, 320, 325, 326, 328, 349.
- 26 См.: Гурушина Н.Н., Поткина И.В. Указ. соч. С. 62—63, 85.
- 27 См.: Нефтяное дело. 1913. № 6. С. 68.
- 28 См.: РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 249. Л. 1—2.
- 29 Там же. Ф. 597. Оп. 2. Д. 228. Л. 15—16; Ф. 630. Оп. 2. Д. 33—49.
- 30 Это письмо в копии в конце концов отложилось в досье одного из петербургских банков. См.: МКНПР. 1883—1914. С. 610—611.
- 31 См.: Там же. С. 741.
- 32 См.: РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 250. Л. 1; МКНПР. 1883—1914. С. 539—540.
- 33 См.: МКНПР. 1883—1914. С. 609—610; Нефтяное дело. 1914. № 22. С. 40.
- 34 См.: МКНПР. 1883—1914. С. 652—655.
- 35 См.: РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 335, 424, 540, 555, 1160, 1548; Оп. 24. Д. 793; Оп. 25. Д. 395.
- 36 См.: Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.). Ф. 1197. Оп. 5. Д. 19. Л. 2—3.
- 37 См.: РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 1060; Оп. 14. Д. 231.
- 38 Там же. Ф. 630. Оп. 2. Д. 798. Л. 13.
- 39 Там же. Ф. 23. Оп. 24. Д. 745. Л. 219, 232об., 291, 320об., 323, 339об.
- 40 См.: ЦГИА СПб. Ф. 1197. Оп. 1. Д. 209. Л. 25; Д. 324. Л. 8, 9, 28.
- 41 См.: РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 799. Л. 3, 8, 9.
- 42 Там же. Л. 3—6, 8—16, 31, 32, 34—41, 44, 50—63, 96—97, 103—104, 151.
- 43 Там же. Д. 804. Л. 12.
- 44 Там же. Д. 799. Л. 28, 59, 66, 77—79; Д. 804. Л. 88—93.
- 45 Там же. Д. 799. Л. 150; Д. 800. Л. 124.
- 46 См.: Гурушина Н.Н., Поткина И.В. Указ. соч. С. 62—63, 86.
- 47 См.: The Public Record Office. 41067/13—881; Гурушина Н.Н., Поткина И.В. Указ. соч. С. 102. Согласно российским источникам, иностранным собственникам принадлежало 6,5% выпущенного капитала.

От Российской империи к СССР: структура торговли со странами Запада¹

В XX в. Россия пережила две коренные трансформации экономической системы. Первая из них, ознаменовавшая переход от рыночной системы Российской империи к административно-планируемой советской системе, привела к радикальным структурным и институциональным изменениям во всех сферах экономической жизни, включая торговые отношения с зарубежными странами. Некоторые из этих изменений оказали долгосрочное влияние на функционирование российской экономики, и их последствия продолжают ощущаться даже после того, как на протяжении 1990-х гг. в России была осуществлена вторая экономическая трансформация, связанная с переходом к рыночной хозяйственной системе. Данная статья посвящена ключевым сдвигам, которые произошли в отраслевой и страновой структуре торговли России со странами Запада под влиянием перехода к административно-планируемой экономике. Материал статьи организован следующим образом. В разделе 1 представлены ключевые факты, связанные с динамикой российской внешней торговли с 14 странами Запада в период 1913—1933 гг. В разделе 2 рассмотрены изменения в отраслевой структуре внешне-торговых потоков. Конкретизация результатов отраслевого анализа на страновом уровне содержится в разделе 3. Раздел 4 подводит итоги проделанного исследования.

1. Динамика внешнеторгового сектора российской экономики, 1913—1933 гг.

Для анализа изменений, произошедших во внешней торговле России в годы перехода к административно-планируемой экономике, необходимо зафиксировать референтные точки, на основе которых будут осуществляться сравнения. Хотя 1913 г., который был последним годом продолжительного периода экономической экспансии, не может считаться типичным для экономического разви-

* Афонцев Сергей Александрович — кандидат экономических наук (Институт мировой экономики и международных отношений РАН).

тия России начала XX в., он традиционно является референтным годом для дореволюционной эпохи во всех исследованиях, ориентированных на сопоставление советского и досоветского периодов. В Таблице 1а представлена информация о структуре экспорта и импорта Российской империи в 1913 г. С учетом имеющейся статистической базы наше определение «стран Запада» включает в себя 13 стран Западной Европы (включая Финляндию, со всеми необходимыми оговорками относительно ее ограниченного суверенитета в 1913 г., и считая Бельгию и Люксембург за одну страну) и США. На эти 14 стран приходилось почти 88% совокупного российского экспорта и около 83% совокупного импорта в 1913 г. Это означает фактически полное доминирование стран Запада в структуре внешней торговли России.

Таблица 1а

Страновая структура внешней торговли России в 1913 г.

Регион, страна	Экспорт		Импорт		
	млн руб в текущих ценах	%	млн руб в текущих ценах	%	
<i>Западная Европа</i>					
1	Германия	453,6	29,8	653,1	47,5
2	Великобритания	267,8	17,6	173,0	12,6
3	Нидерланды	177,4	11,7	21,4	1,6
4	Оддä ðеу	100,9	6,6	57,0	4,1
5	Италия	73,8	4,9	16,8	1,2
6	Австрия	65,3	4,3	35,7	2,6
7	Бельгия и Люксембург	64,7	4,3	8,9	0,6
8	Финляндия	55,3	3,6	51,0	3,7
9	Дания	36,4	2,4	12,9	0,9
10	Швеция	11,4	0,8	16,9	1,2
11	Испания	8,9	0,6	5,7	0,4
12	Норвегия	6,7	0,4	9,8	0,7
13	Швейцария	0,1	0,0	5,2	0,4
<i>Прочие страны Европы</i>					
1	Румыния	21,7	1,4	1,4	0,1
2	Греция	6,9	0,5	1,9	0,1
3	Болгария	2,3	0,2	0,0	0,0
4	Югославия	0,5	0,0	0,0	0,0

Таблица 1а (Окончание)

Регион, страна		Экспорт		Импорт	
		млн руб в теку- щих це- нах	%	млн руб в теку- щих це- нах	%
<i>Америка</i>					
1	США	14,2	0,9	79,1	5,8
2	Бразилия	0,0	0,0	0,6	0,0
<i>Асеу</i>					
1	Иран	57,7	3,8	43,6	3,2
2	Турция	35,8	2,4	18,4	1,3
3	Китай	28,8	1,9	75,7	5,5
4	Афганистан	5,9	0,4	6,3	0,5
5	Монголия	2,7	0,2	8,4	0,6
6	Япония	1,4	0,1	4,8	0,4
7	Корея	0,2	0,0	0,0	0,0
8	Индия	0,0	0,0	34,6	2,5
9	Цейлон	0,0	0,0	14,2	1,0
<i>Африка</i>					
1	Египет	8,7	0,6	5,9	0,4
<i>Австралия и Океания</i>					
1	Австралия	0,1	0,0	0,4	0,0
	Прочие страны	464,4	30,6	665,4	48,4
	Западная Европа и США	1336,4	87,9	1146,4	83,4
	ВСЕГО	1520,0	100,0	1375,0	100,0

Источник: Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. М., 1960. С. 21—44.

Группа из 14 рассматриваемых стран распадается на две подгруппы, если использовать в качестве критерия знак сальдо баланса в торговле с Россией. В первую подгруппу входят Великобритания, Нидерланды, Франция, Италия, Австрия, Бельгия и Люксембург, Финляндия, Дания и Испания. В торговле со всеми этими странами Россия имела положительное сальдо, суммарная величина которого составляла 468,2 млн руб. Ко второй группе относятся Германия, США, Швеция, Норвегия и Швейцария. Объем экспорта каждой из пяти перечисленных стран в Россию превышал объем их импорта из России; совокупный дефицит в российской торговле с этими стра-

нами достигал 278,2 млн руб. (причем 72% соответствующей суммы приходилось на Германию). В целом активное сальдо российской внешней торговли с 14 странами Запада составляло 190,0 млн руб., в то время как в торговле с остальными странами мира Россия имела дефицит в размере 50,0 млн руб.

За полтора десятилетия, вместивших в себя Первую мировую войну и период перехода к административно-планируемой экономике, в страновой структуре внешней торговли России произошли заметные сдвиги (Таблица 16)². Во-первых, доля 14 стран Запада в экспорте и импорте сократилась примерно на 20 процентных пунктов. Во-вторых, США как поставщик товаров в Россию почти сравнялись с Германией, в то время как в 1913 г. стоимостной объем импорта из Германии более чем в 8 раз превосходил объем импорта из США. В-третьих, сальдо в торговле с Германией изменилось с пассивного на активное, в то время как в торговле с Финляндией произошло обратное. Во всех остальных отношениях торговля Советской России со странами Запада демонстрировала примечательную преемственность с дореволюционным периодом³. Изменения в сравнительных позициях конкретных стран-экспортеров и стран-импортеров были достаточно ограниченными. Торговля с 14 странами Запада оставалась основным источником активного торгового сальдо Советской России: превышение экспорта над импортом в торговле с ними составляло в 1929 г. 91,4 млн руб., в то время как в торговле с остальными странами мира наблюдался дефицит в размере около 48 млн руб. Даже знак сальдо в торговле с 12 из 14 рассматриваемых стран остался тем же, что и в 1913 г.

Таблица 16

Торговля со странами Запада в 1929 г.

Страна		Экспорт		Импорт	
		млн руб в теку- щих це- нах	%	млн руб в теку- щих це- нах	%
1	Германия	215,1	23,3	194,6	22,1
2	Великобритания	202,6	21,9	54,7	6,2
3	Франция	42,5	4,6	31,7	3,6
4	Италия	32,9	3,6	7,7	0,9
5	Нидерланды	31,3	3,4	2,0	0,2
6	Бельгия и Люксембург	19,2	2,1	4,5	0,5
7	Дания	17,8	1,9	3,5	0,4
8	Испания	11,6	1,3	6,9	0,8

Таблица 16 (Окончание)

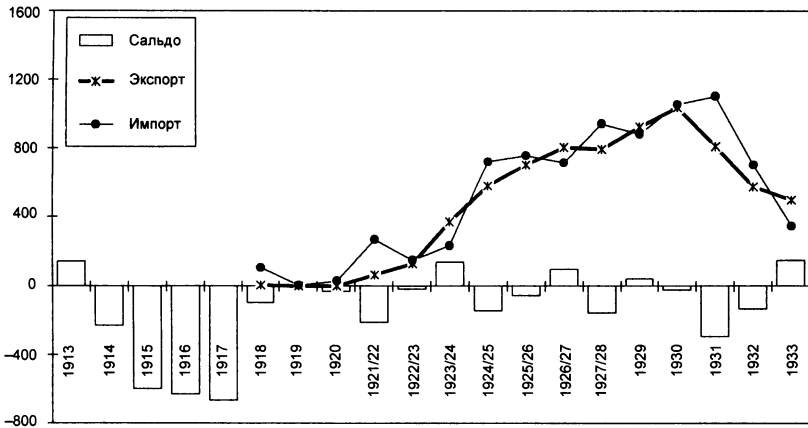
Страна		Экспорт		Импорт	
		млн руб в текущих ценах	%	млн руб в текущих ценах	%
9	Австрия	8,4	0,9	22,6	2,6
10	Финляндия	7,0	0,8	10,8	1,2
11	Норвегия	3,5	0,4	9,0	1,0
12	Швеция	2,2	0,2	17,1	1,9
13	Швейцария	1,0	0,1	4,1	0,5
14	США	42,7	4,6	177,2	20,1
Западная Европа и США		637,8	69,0	546,4	62,0
ВСЕГО		924,0	100,0	881	100,0

Источник: Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. С. 21—28, 37.

Относительная стабильность страновых пропорций во внешней торговле СССР наблюдалась на фоне падения относительных масштабов внешнеторгового сектора — с 10,4% национального дохода в 1913 г. до 3,1% в 1929 г.⁴ Динамика внешней торговли России за рассматриваемый период представлена на Рисунке 1. В 1918—1920 гг. показатели российского экспорта и импорта упали практически до нуля. В 1921/1922—1922/1923 гг. наблюдалось оживление внешней торговли, за которым последовал период быстрого роста экспорта в 1923/1924—1930 гг. (за исключением 1927/1928 г.), окончившийся в 1931 г. в результате общего падения объемов мировой торговли. Динамика импорта также была повышательной, хотя и характеризовалась заметными колебаниями на протяжении всего периода 1921/1922—1930 гг. Резкое падение импорта в 1932—1933 гг. находится в очевидной связи с острой нехваткой иностранной валюты, вызванной снижением экспортных поступлений начиная с 1931 г.

Изучение динамики показателей в реальном выражении дополняет полученную картину. Реальный объем российского экспорта неуклонно увеличивался на протяжении 1921—1931 гг.; тренд динамики реального объема импорта также был восходящим, хотя в 1923 г. и 1926 г. наблюдались заметные спады (Рисунок 2). Как можно видеть, ни объемы экспорта, ни объемы импорта не смогли достичь уровня 1913 г., хотя их рост в период после 1922—1923 гг. был весьма впечатляющим. В следующем разделе мы рассмотрим некоторые структурные аспекты этого роста.

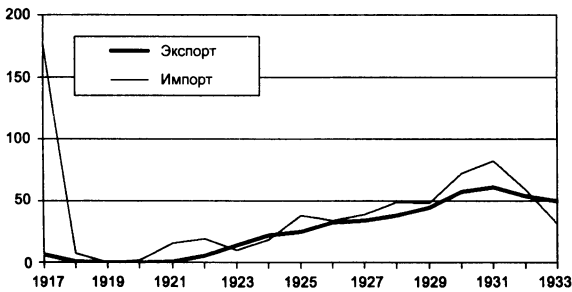
Внешняя торговля России и СССР в 1913—1933 гг., млн руб.

Примечание. Данные до 1922/1923 г. приведены в ценах 1913 г., данные за последующий период — в текущих ценах.

Источник: Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. С. 13; Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.G. (eds.). *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913—1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 317.

Объемы экспорта и импорта России и СССР в 1917—1933 гг. в реальном выражении (уровень 1913 г. принят за 100%)

Источник: Gregory P.R., Stuart R.C. *Soviet Economic Structure and Performance*. N.Y.: Harper and Row, 1990. P. 325.

2. Отраслевая структура внешней торговли России

Крах советской экономической системы в начале 1990-х гг. предоставил экономическим историкам возможность проследить долгосрочные тенденции в структуре внешней торговли России, связанные с переходом от рыночной экономики к административно-планируемой и в обратном направлении. В Таблице 2 приведены сведения об отраслевой структуре экспорта и импорта в соответствии с критериями классификации, принятыми в современной статистике внешней торговли России⁵.

Таблица 2

Долгосрочные тенденции в отраслевой структуре внешней торговли России*, СССР и Российской Федерации (%)

Группы товаров	Экспорт			Импорт		
	1913	1929	2002	1913	1929	2002
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	64,0	30,6	2,2	22,8	0,8	23,3
Минеральные продукты (включая топливо)	4,9	20,1	56,1	7,6	0,4	4,0
Продукция химической промышленности и каучук	1,2	1,1	6,8	8,1	6,9	17,4
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	3,6	12,7	0,2	4,3	6,4	0,4
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	10,9	16,6	4,7	3,3	2,3	4,2
Текстиль, текстильные изделия и обувь	12,5	14,3	0,7	23,9	25,9	4,5
Металлы (кроме драгоценных) и изделия из них	0,6	0,9	14,1	6,7	13,2	6,2
Машины и оборудование	0,3	0,3	9,1	17,4	30,5	36,0
Другие товары	2,1	3,5	6,1	5,9	13,6	4,0
ВСЕГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Исключая Финляндию.

Примечание. Исходные данные за 1913 г. и 1929 г. — в ценах 1950 г.; исходные данные за 2002 г. — в текущих ценах.

Источники: Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. С. 45—120, 204—133; Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации в 2002 г. М., 2003. С. 13.

Наиболее важные изменения в структуре экспорта были связаны с падением доли продукции сельского хозяйства и выходом добыва-

ющего сектора на позиции неоспоримого экспортного лидера. Химические продукты, текстиль и обувь, продукция металлургии, металлообработки и машиностроения занимали в структуре экспорта в 1929 г. примерно то же место, что и в 1913 г. К 2002 г. сравнительные позиции продукции металлургии и металлообработки, с одной стороны, и текстильной и обувной продукции, с другой стороны, диаметрально изменились по сравнению с 1929 г. Доля машиностроения в экспорте увеличилась по сравнению с 1929 г. почти на 9 процентных пунктов, в то время как относительные позиции кожевенного сырья и пушнины, а также продукции лесной и целлюлозно-бумажной промышленности (которые в сумме обеспечивали почти 30% экспорта в 1929 г.) значительно ослабли (их суммарная доля в 2002 г. была равна всего лишь 4,9%).

Изменения в составе российского импорта также весьма примечательны. С одной стороны, его структура в 2002 г. была гораздо ближе к структуре 1913 г., когда экономическая система строилась на рыночных началах, чем к структуре 1929 г., когда экономические процессы жестко регулировались государством, ориентированным на цели форсированной индустриализации. Что наиболее характерно, на продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, а равно и на продукцию металлургии и металлообработки в 2002 г. приходилась почти такая же доля импорта, как и в 1913 г. С другой стороны, доля импорта продукции химической промышленности и машиностроения значительно выросла за счет сокращения доли легкой промышленности (текстиля и обуви), отражая перманентные структурные сдвиги, обусловленные индустриализацией и изменением структуры потребления.

Таким образом, данные Таблицы 2 позволяют идентифицировать два типа структурных изменений в торговле, внесенных в отраслевую структуру внешней торговли переходом к административно-планируемой экономике. Первый из них, характерный именно для «административно-планового перехода», отражал стремление коммунистического руководства развивать индустриальную базу экономики за счет наращивания экспорта при одновременном сдерживании потребительского импорта (в частности, импорта продовольствия, доля которого в совокупном импорте составляла в 1929 г. менее 1%) для того, чтобы обеспечить возможность использования растущих экспортных доходов на закупку товаров инвестиционного назначения. Второй тип изменений, оказавшийся необратимым, был связан со сдвигом экспортной специализации страны от сельского и лесного хозяйства в пользу добывающих отраслей и отраслей «низкого передела» (особенно черной и цветной металлургии), с

соответствующей зависимостью от импорта оборудования и высокотехнологичных потребительских товаров.

Для более детального рассмотрения указанных изменений обратимся к Таблице 3, которая иллюстрирует сдвиги в отраслевой структуре торговых потоков с использованием двух схем классификации товаров. Одна из них проводит различие между промышленными и сельскохозяйственными товарами⁶, другая подчеркивает различия между товарами потребительского и производственного назначения. В Таблице 3 представлена информация о долях соответствующих видов продукции в экспорте и импорте⁷.

Таблица 3

**Товарная структура внешней торговли России и СССР,
1913—1933 гг. (%)**

Год	Доля промышленной продукции в экспорте	Доля продукции потребительского назначения в экспорте	Доля промышленной продукции в импорте	Доля продукции потребительского назначения в импорте
	I	II	III	IV
1913	44,7	23,7	75,1	27,4
1918	62,5	25,0	88,6	73,3
1919*	—	—	0	100
1920	71,4	7,1	96,6	65,5
1921/22	68,3	4,8	85,6	42,4
1922/23	47,8	5,2	85,2	28,2
1923/24	51,2	13,4	86,3	17,9
1924/25	65,9	20,1	62,9	27,9
1925/26	60,7	21,2	70,0	17,5
1926/27	63,8	22,1	83,5	9,9
1927/28	80,8	35,4	65,0	10,5
1929	82,5	30,5	70,5	11,9
1930	70,8	23,0	83,7	10,8
1931	72,5	26,6	88,1	5,4
1932	80,7	29,4	87,4	7,0
1933	83,3	26,0	83,9	6,3

* Экспорт в 1919 г. отсутствовал.

Источник: Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. С. 17—18.

Из столбца I Таблицы 3 следует, что доля промышленных товаров в экспорте, достигнув в 1922/1923 г. довоенного уровня, пережила два значительных «скачка» — в 1924/1925 г. (почти на 15 про-

центных пунктов) и в 1927/1928 г. (на 17 процентных пунктов). Это было достигнуто не столько за счет сокращения сельскохозяйственного экспорта (такое сокращение действительно имело место в обоих случаях — на 26,3 млн руб. в текущих ценах, или на 9%, в 1924/1925 г. и на 77,1 млн руб. в текущих ценах, или на 8%, в 1927/1928 г.), сколько за счет опережающего расширения экспорта промышленной продукции: на 62,4 млн руб., или на 39%, в 1924/1925 г. и на 79,5 млн руб., или на 26%, в 1927/1928 г.

Рассмотрим теперь второе измерение российского экспорта, а именно его подразделение на товары производственного и потребительского назначения. В 1924/1925—1926/1927 гг. доля товаров потребительского назначения в экспорте повысилась до уровня, наблюдавшегося в 1913 г. Сравнение столбцов I и II Таблицы 3 показывает, что данный рост шел параллельно с увеличением доли экспорта промышленных товаров. Это может показаться парадоксальным, поскольку в группе промышленных товаров в тот период доминировали товары производственного назначения. В частности, продукция лесной и добывающей промышленности составляла 73% экспорта промышленной продукции в 1924/1925 г. и 68% в 1926/1927 г. Ключ к этому парадоксу в том, что подавляющая часть российского сельскохозяйственного экспорта также классифицировалась как «товары производственного назначения»; иными словами, экспортировались не готовые продовольственные товары, а сельскохозяйственное сырье (в частности, зерно, представляющее собой сырье для пищевой промышленности). Как следствие, падение доли сельскохозяйственного экспорта отражалось в советской статистике ростом доли товаров потребительского назначения в экспорте. Однако, если абстрагироваться от краткосрочных колебаний, можно убедиться, что средняя за период 1924/1925—1933 гг. доля продукции потребительского назначения в экспорте (26%) очень мало отличалась от показателя 1913 г. (25%).

Именно в те годы, когда имел место значительный рост доли промышленных товаров в экспорте, происходили также критические перемены в динамике доли импорта этих товаров (столбец III Таблицы 3). Как в 1924/1925 г., так и в 1927/1928 г. имело место ее падение, составлявшее порядка 20 процентных пунктов, после чего за два следующих года она возвращалась к прежнему значению. Первое падение совпало с ростом на 10 процентных пунктов доли товаров потребительского назначения в импорте, в то время как в 1927/1928 г. подобного развития событий не наблюдалось. Доля товаров потребительского назначения в импорте в 1922/1923 и 1924/1925 гг. вернулась к довоенному показателю (27—28%). Это возвращение, однако, не было устойчивым: в 1923/1924 г. и

1925/1926 г. соответствующая доля составляла 17—18%, а в 1926/1927—1930 гг. ее средний уровень упал до 10,8% (столбец IV Таблицы 3). Очередное падение было зафиксировано в 1931 г. Принимая во внимание государственную монополию на внешнюю торговлю и жесткий контроль государства за использованием валютных ресурсов, мы можем интерпретировать падение доли товаров потребительского назначения в импорте в 1923/1924 г. как признак неудавшейся попытки искусственно форсировать импорт продукции производственного назначения за счет использования части валютных средств, ранее направлявшихся на обеспечение потребительского импорта. Следующая попытка в 1925/1926—1926/1927 гг. оказалась успешной. Хотя в 1926/1927—1929 гг. более низкая доля товаров потребительского назначения в импорте наблюдалась в условиях, когда доля промышленных товаров в импорте еще не достигла уровня последующих лет (в 1930—1933 гг. она превышала 80%), структура импорта в 1929 г. четко отражает приоритеты форсированной индустриализации: высокая (и растущая) доля импорта промышленных товаров, низкая доля импорта товаров потребительского назначения.

Обратимся теперь к анализу относительных масштабов экспорта и импорта по рассматриваемым товарным группам. Отношение экспорта соответствующих товаров к их импорту может интерпретироваться как показатель внешнеторговой специализации. Структура внешнеторговых потоков в советской экономике формировалась при решающем влиянии государства, поэтому характер возникшей внешнеторговой специализации можно с полным правом назвать политически детерминированным. Какое влияние оказала экономическая политика, проводимая в Советском Союзе, на внешнеторговую специализацию страны и насколько сильно структура внешнеторговой специализации, сформировавшаяся на протяжении 1920-х гг., отличалась от структуры специализации, характерной для предвоенного периода? Для ответа на эти вопросы мы рассчитали показатели внешнеторговой специализации для каждого из четырех рассматриваемых групп товаров (Таблица 4).

Показатель *специализации по промышленным товарам* — т. е. отношение экспорта промышленных товаров к их импорту — на протяжении всего периода 1923/1924—1933 гг. (кроме одного года) был выше, чем в 1913 г. Что касается показателя *специализации по сельскохозяйственным товарам* (отношение экспорта этих товаров к их импорту), то уровень 1913 г. был превзойден лишь в 1922/1923, 1923/1924 и 1926/1927 гг. Как уже говорилось выше, основная часть экспорта промышленных товаров приходилась на продукцию лесного комплекса и добывающей промышленности; таким образом,

Таблица 4

Показатели внешнеторговой специализации России и СССР по товарным группам, 1913—1933 гг.

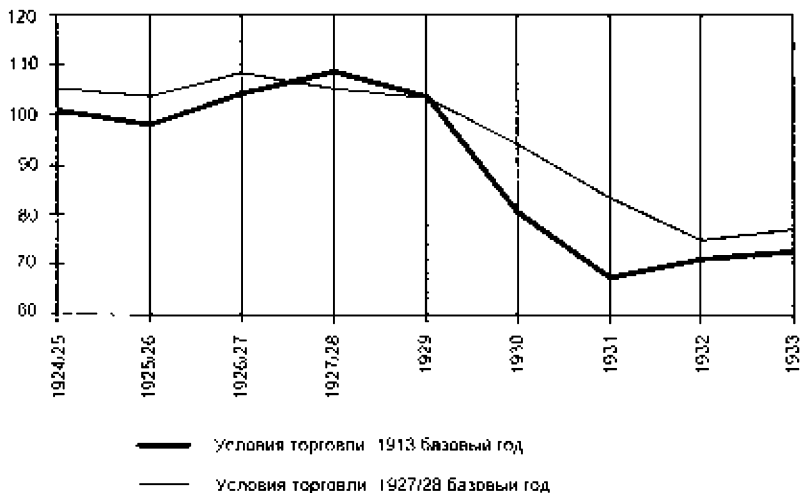
Год	Экспорт промышленных товаров в % к их импорту	Экспорт сельскохозяйственных товаров в % к их импорту	Экспорт товаров потребительского назначения в % к их импорту	Экспорт товаров производственного назначения в % к их импорту
1913	65,8	245,2	95,5	116,2
1918	5,4	25,0	2,6	21,4
1920	3,6	40,0	0,5	13,0
1921/22	18,5	51,3	2,6	38,5
1922/23	50,4	318,2	16,7	118,7
1923/24	94,6	568,8	119,0	168,2
1924/25	83,7	73,5	57,4	88,7
1925/26	80,7	121,6	112,9	88,8
1926/27	86,4	247,5	250,7	97,8
1927/28	104,1	45,9	282,8	60,4
1929	122,7	62,3	268,6	82,7
1930	82,7	175,1	208,8	84,4
1931	60,4	170,2	360,0	56,9
1932	75,4	124,7	344,9	62,0
1933	141,4	148,2	586,4	112,6

Источники: Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. С. 17—18; Davies R.W. (ed.). From Tsarism to the New Economic Policy. Basingstoke: Macmillan, 1990. P. 322—323, 326—327.

рост промышленного экспорта в тот период не противоречил сложившемуся статусу России как экспортера сырьевых товаров. В этих условиях резкое снижение показателя специализации по промышленным товарам в 1930—1931 гг. объясняется общим падением сырьевых цен в ходе мирового экономического кризиса, который привел к резкому ухудшению условий торговли для СССР (Рисунок 3).

Рисунок 3

**Условия внешней торговли СССР
(отношение цен экспорта к ценам импорта), 1924—1933 гг.**

Источник: Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.G. (eds.). Op. cit. P. 318.

Наиболее существенный факт, связанный с внешнеторговой специализацией Советской России, заключается в том, что показатель *специализации по товарам потребительского назначения* (отношение экспорта соответствующих товаров к их импорту) на протяжении периода 1926/1927—1933 гг. был в 2,5—5,8 раза больше, чем в 1913 г., в то время как показатель *специализации по товарам производственного назначения* с 1924/1925 г. был ниже, чем в 1913 г. С учетом того, что было сказано выше об импорте товаров потребительского назначения, можно сделать вывод, что систематическое сдерживание их импорта фактически началось еще в 1926/1927 г. (т. е. до того, как было начато выполнение первого пятилетнего плана) и интенсифицировалось с 1930 г. Применительно к продукции

производственного назначения, напротив, имел место опережающий рост импорта по сравнению с экспортом.

Анализ рассмотренных показателей приводит к достаточно парадоксальному заключению: экономическая политика, проводимая в процессе перехода к административно-планируемой хозяйственной системе, фактически сыграла роль фактора, искусственно усилившего модель внешнеторговой специализации, соответствующую предсказаниям теории Хекшера — Олина⁸: в 1929 г. внешняя торговля страны была в еще более значительной степени ориентирована на экспорт промышленного сырья и импорт товаров производственного назначения, чем в 1913 г. Нет сомнений, что избранные правительством приоритеты индустриализации являлись главной причиной, стоявшей за соответствующими изменениями структуры внешнеторговой специализации.

3. Структурные характеристики торговли России со странами Запада

Как тенденции, рассмотренные в предшествующем разделе, отразились на торговых отношениях Советской России со странами Запада? Сопоставим для начала структуру совокупной внешней торговли страны со структурой торговли с 14 странами Запада, о которых речь шла в разделе 1 (Таблица 5). Несмотря на некоторые ограничения, связанные со сравнимостью данных⁹, такое сопоставление позволяет получить важные выводы.

Во-первых, изменения в структуре торговли со странами Запада достаточно точно совпадают с изменениями в структуре совокупной внешней торговли. Во-вторых, структура совокупного экспорта была очень близка структуре экспорта в страны Запада как в 1913 г., так и в 1929 г. (хотя в торговле со странами Запада доля экспорта продукции лесного комплекса, а также кожевенного сырья и пушнины выросла при одновременном снижении доли экспорта текстильной продукции). В-третьих, структура импорта из стран Запада в 1913 г., по сравнению со структурой совокупного импорта, была в большей степени ориентирована на промышленные товары (в первую очередь машины и оборудование), в то время как доля импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в торговле со странами Запада была на 9—10 процентных пунктов ниже, чем в совокупной внешней торговле. К 1929 г. роль стран Запада как поставщиков машин, оборудования и металлических изделий еще более укрепилась, в то время как относительная доля поставок из этих стран, приходящаяся на текстильную продукцию и обувь, заметно снизилась.

**Отраслевая структура внешней торговли России и СССР в 1913 г.
и 1929 г. (%)**

Группы товаров	Экспорт				Импорт			
	1913 г		1929 г		1913 г		1929 г	
	все страны	страны Запада	все страны	страны Запада	все страны	страны Запада	все страны	страны Запада
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	64,0	65,3	30,6	31,5	22,8	13,3	0,8	3,0
Минеральные продукты (включая топливо)	4,9	4,2	20,1	21,8	7,6	8,3	0,4	0,4
Продукция химической промышленности и каучук	1,2	1,0	1,1	0,9	8,1	8,3	6,9	7,6
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	3,6	3,6	12,7	17,3	4,3	3,6	6,4	1,3
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	10,9	12,1	16,6	20,2	3,3	3,9	2,3	2,8
Текстиль, текстильные изделия и обувь	12,5	10,0	14,3	3,4	23,9	23,8	25,9	19,9
Металлы (кроме драгоценных) и изделия из них	0,6	0,6	0,9	0,0	6,7	8,0	13,2	17,6
Машины и оборудование	0,3	0,2	0,3	0,0	17,4	20,3	30,5	45,3
Другие товары	2,1	3,1	3,5	4,8	5,9	10,5	13,6	2,1
ВСЕГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание. Исходные данные — в ценах 1950 г.

Источник: Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. С. 45—120, 204—333, 423—839, 1044—1072.

Первое из упомянутых выше обстоятельств указывает на то, что выводы, сделанные в разделе 2 применительно к совокупной внешней торговле, являются справедливыми также и в отношении торговли со странами Запада. В свою очередь, второе и третье обстоятельства акцентируют сдвиг во внешнеторговой специализации, произошедший в годы перехода к административно-планируемой экономике: роль стран Запада как потребителей экспортируемого Россией сырья и поставщиков промышленного оборудования и других товаров производственного назначения еще более укрепилась. Для анализа страновой специфики указанных тенденций обратимся к изучению внешнеторговой статистики по отдельным странам.

Из Таблицы 6 следует, что доля экспорта, приходящаяся на топливо и минеральное сырье, выросла в торговле практически со всеми странами (кроме торговли с Австрией и Швейцарией). Рост доли продукции лесного комплекса в экспорте наблюдался в торговле с несколько более ограниченным числом стран, включая США, Великобританию, Францию, Италию, Нидерланды, Бельгию и Люксембург, Финляндию, Норвегию и Швейцарию; доля кожевенного сырья и пушнины в экспортных поставках выросла в торговле с Германией, Великобританией и Францией. В то же время доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья снизилась в экспорте во все страны, кроме США; то же самое произошло с долей текстильной продукции в торговле со всеми странами, которые Россия снабжала ею в 1913 г., за исключением Италии.

Изменения в структуре импорта также были более или менее синхронны в торговле со всеми 14 странами Запада (Таблица 7). Доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья значительно сократилась в импорте из всех стран, кроме Дании. То же самое произошло с этим показателем по текстильной продукции и обуви; исключение здесь составляли Австрия и Испания (в случае Испании имел место рост доли шелка, компенсировавший снижение импорта фруктов). Рост доли машин и оборудования в импорте наблюдался в торговле со всеми странами, традиционно выступавшими в качестве экспортеров соответствующей продукции (за исключением Бельгии и Люксембурга). В 1929 г. на данную товарную группу приходилось более половины импорта из Германии, Дании, Австрии, Швеции и Швейцарии. Если принять во внимание импорт металлов и металлических изделий (доля которого выросла в торговле с 10 из 14 рассматриваемых стран), характерный для форсированной индустриализации сдвиг внешнеторговой специализации становится еще более очевидным: Россия стала импортировать су-

шественно больше промышленной продукции производственного назначения в ущерб импорту продукции потребительского назначения, наращивая сырьевой экспорт для оплаты импортных поставок.

Таблицы 6 и 7 дают возможность составить картину отраслевой структуры экспорта и импорта в торговле с отдельными странами; теперь мы обратимся к рассмотрению распределения совокупного отраслевого импорта между странами-поставщиками. Такой анализ позволит нам оценить сравнительную роль конкретных стран в приобретении товаров российского экспорта и в снабжении Советской России импортной продукцией, произведенной различными отраслями. Таблица 8 показывает, что Германия и США значительно увеличили свои доли в закупках товаров российского экспорта практически по всем товарным группам, в то время как сравнительные позиции Нидерландов, Австрии, Бельгии и Люксембурга как покупателей товаров российского экспорта существенно ослабли. Финляндия, несмотря на обретение суверенитета, сохранила особый статус в торговле с Советской Россией, выступая в роли покупателя почти трети машин и оборудования, экспортируемого из СССР. Изменения в структуре импорта (Таблица 9) были менее радикальными и затрагивали преимущественно сравнительные позиции импорта из трех главных стран-поставщиков: Германии, Великобритании и США. Соединенным Штатам удалось повысить свою долю в поставках по всем товарным группам, кроме кожевенного сырья и пушнины, заметно потеснив Германию и Великобританию. Франция также увеличила свою долю в поставках продукции химической промышленности, кожевенного сырья и пушнины, металлов и изделий из них. По отдельным отраслям заслуживают упоминания позиции Италии, которая обеспечивала в 1929 г. более 40% поставок в СССР минерального сырья (главным образом серы), и Норвегии, которая благодаря поставкам сельди контролировала более 20% российского импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья. Что касается Финляндии, то она по-прежнему оставалась ключевым поставщиком продукции лесной и целлюлозно-бумажной промышленности.

В целом, характерный для форсированной индустриализации сдвиг внешнеторговой специализации, обнаруженный нами при изучении отраслевой структуры совокупного экспорта и импорта, наложил четкий отпечаток и на страновую структуру отраслевых торговых потоков. В числе ключевых потребителей российского сырья укрепились позиции признанных промышленных лидеров, таких как США и Великобритания, в то время как Нидерланды —

«страна торгового капитала», которая в 1913 г. занимала место третьего по значимости потребителя российского экспорта, — утратили свои сравнительные позиции. Что касается импорта Советской России, то максимальное укрепление сравнительных позиций продемонстрировали Соединенные Штаты, в полном соответствии со своей новой ролью лидера мировой экономики.

Результаты анализа, проделанного в данном разделе, подтверждают наше предположение о том, что переход к административно-планируемой экономике, хотя и сопровождался подавлением рыночного механизма, парадоксальным образом привел к укреплению внешнеторговой специализации, описываемой моделью Хекшера — Олина. При этом, однако, надо сделать две важные оговорки. Во-первых, общая направленность экономической политики на форсированную индустриализацию в ущерб сельскому хозяйству обусловила долгосрочный подрыв сравнительных преимуществ в сельскохозяйственном секторе, последствия которого ощущаются по сей день. Падение сельскохозяйственного экспорта было компенсировано главным образом за счет роста экспорта пушнины, леса и особенно минерального сырья, которое по сей день остается основой специализации российского экспорта. Во-вторых, рост импорта продукции машиностроения и иных товаров производственного назначения происходил на фоне сокращения импорта продукции потребительского назначения. Таким образом, обусловленный проводимой экономической политикой сдвиг внешнеторговой специализации страны имел очевидные негативные последствия с точки зрения благосостояния граждан. Соответствующие издержки следует принимать во внимание при рассмотрении вопроса о том, какую цену заплатила Россия за переход к административно-планируемой экономической системе.

4. Заключение

Выводы из проделанного на предшествующих страницах исследования можно сформулировать следующим образом.

(1) Несмотря на общее сокращение относительных масштабов внешнеторгового сектора, основные параметры страновой структуры внешней торговли России за период 1913—1929 гг. изменились мало. В целом, страны Запада играли роль ключевых торговых партнеров России как до войны, так и в конце 1920-х гг. Наиболее важным изменением, произошедшим в страновой структуре внешней

торговли, была страновая диверсификация торговых потоков и рост доли США в структуре российского импорта.

(2) На протяжении всего изучаемого периода в структуре российского экспорта доминировали сырьевые товары, хотя в рамках этой товарной группы произошел сдвиг от сельскохозяйственной продукции в пользу продукции лесной и добывающей промышленности. Доля промышленных товаров в импорте в 1921/1922—1933 гг. была значительно выше, чем в 1913 г., главным образом за счет расширения импорта промышленных товаров производственного назначения.

(3) Данные свидетельствуют о том, что искусственное сдерживание импорта товаров потребительского назначения имело место начиная с 1926/1927 г., когда их доля в совокупном импорте стала снижаться, а доля импорта товаров производственного назначения, наоборот, расти. В то же время импорт товаров производственного назначения вырос по отношению к их экспорту. Эти изменения очевидным образом указывают на то, что характерный для форсированной индустриализации сдвиг внешнеторговой специализации начался уже во второй половине 1920-х гг.

(4) Выводы (2) и (3) предполагают, что переход к административно-планируемой экономической системе фактически привел к искусственному укреплению модели внешнеторговой специализации, соответствующей предсказаниям теории Хекшера — Олина: Россия стала экспортировать больше сырьевых товаров и импортировать больше продукции обрабатывающей промышленности. Некоторые из последствий произошедших в этот период изменений оказались весьма долгосрочными и продолжают ощущаться спустя восемьдесят лет после описанных событий. Зависимость от экспорта минеральных ресурсов и импорта сельскохозяйственной продукции, высокая доля импорта продукции машиностроения — все это свидетельствует о том, что некоторые из последствий трансформации хозяйственной системы сказываются на состоянии экономики страны гораздо дольше, чем могли предполагать инициаторы преобразований.

Таблица 6

Отраслевая структура экспорта России и СССР в 14 стран Запада в 1913 г. и 1929 г. (%)

Группы товаров	Германия		США		Великобритания		Франция		Италия		Нидерланды		Бельгия и Люксембург	
	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	70,4	38,6	19,1	26,8	50,9	29,7	55,0	21,6	94,5	15,8	78,6	22,1	30,8	2,9
Минеральные продукты (включая топливо)	2,8	12,3	12,1	28,0	4,5	17,0	6,1	43,0	1,0	65,7	5,1	6,7	10,3	50,9
Продукция химической промышленности и каучук	0,9	1,2	2,9	0,7	1,1	0,5	0,5	1,1	0,5	0,5	0,3	0,0	0,8	0,4
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	5,7	28,9	52,1	27,9	3,9	15,1	0,7	12,6	0,0	0,9	0,7	0,0	0,3	0,0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	9,4	9,7	2,3	6,6	25,0	31,4	10,5	13,1	1,2	6,8	14,7	69,8	11,6	25,5
Текстиль, текстильные изделия и обувь	8,2	3,6	10,3	4,7	12,4	1,9	13,8	3,5	1,9	8,3	0,3	0,1	45,5	13,3
Металлы (кроме драгоценных) и изделия из них	1,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0
Машины и оборудование	0,2	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Другие товары	1,3	5,6	1,3	5,3	2,1	4,4	13,4	5,1	0,9	2,1	0,2	1,3	0,7	6,9
ВСЕГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 6 (Окончание)

Группы товаров	Дания		Испания		Австрия		Финляндия		Норвегия		Швеция		Швейцария	
	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	78,1	88,2	95,5	0,0	66,1	61,8	63,9	19,4	76,5	16,6	74,7	68,2	65,6	17,0
Минеральные продукты (включая топливо)	1,4	7,4	4,4	100	2,3	0,0	7,3	13,0	0,6	13,7	3,7	6,7	0,0	0,0
Продукция химической промышленности и каучук	1,0	0,2	0,0	0,0	1,6	4,4	3,2	6,5	1,0	2,4	0,9	6,2	1,4	0,0
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,6	0,0	0,0	0,0	1,8	0,8	0,7	0,1	0,2	0,5	2,5	2,1	0,0	0,4
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	17,9	2,5	0,1	0,0	5,9	4,7	0,9	48,8	20,6	60,0	7,3	6,9	0,0	82,5
Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,0	0,0	0,0	0,0	16,5	9,5	9,0	2,5	0,0	0,3	3,9	2,6	10,1	0,0
Металлы (кроме драгоценных) и изделия из них	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	5,9	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0
Машины и оборудование	0,1	0,0	0,0	0,0	0,3	0,1	1,3	1,0	0,0	0,0	1,7	0,0	1,0	0,0
Другие товары	0,9	1,6	0,0	0,0	5,5	18,6	7,8	8,6	1,1	6,5	5,3	7,2	21,9	0,1
ВСЕГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание. Исходные данные — в ценах 1950 г.

Источник: Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. С. 423—839, 1044—1072.

Таблица 7

Отраслевая структура импорта России и СССР из 14 стран Запада в 1913 г. и 1929 г. (%)

Группы товаров	Германия		США		Великобритания		Франция		Италия		Нидерланды		Бельгия и Люксембург	
	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	10,5	2,2	1,4	1,0	13,6	6,5	29,4	4,4	36,0	11,9	27,0	2,8	6,1	0,1
Минеральные продукты (включая топливо)	6,2	0,2	0,8	0,4	25,3	0,6	0,8	0,1	2,7	12,8	7,6	0,0	0,6	0,0
Продукция химической промышленности и каучук	8,4	12,9	9,8	3,1	10,0	4,2	7,9	9,5	1,3	19,0	22,1	54,5	15,5	33,3
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	5,4	2,1	0,5	0,0	0,4	2,3	1,7	2,6	0,0	3,7	2,0	0,0	18,5	0,0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	0,9	1,5	1,2	0,6	0,7	0,2	2,3	0,9	0,2	0,4	0,3	0,0	0,0	0,0
Текстиль, текстильные изделия и обувь	22,7	8,3	60,5	41,0	18,0	13,1	41,5	18,5	50,5	2,1	5,8	2,3	23,7	20,2
Металлы (кроме драгоценных) и изделия из них	9,2	17,2	1,7	10,9	7,4	28,5	3,5	31,9	1,6	1,8	25,1	17,0	17,8	23,1
Машины и оборудование	23,4	54,2	21,4	42,6	20,3	34,6	5,8	30,8	1,9	43,4	3,9	7,6	9,4	8,0
Другие товары	13,4	1,4	2,7	0,4	4,3	10,0	7,1	1,4	5,6	4,8	6,2	15,9	8,4	15,2
ВСЕГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 7 (Окончание)

Группы товаров	Дания		Испания		Австрия		Финляндия		Норвегия		Швеция		Швейцария	
	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	15,3	14,8	32,1	0,0	13,6	0,8	15,6	1,1	88,3	37,7	24,3	0,3	11,1	0,6
Минеральные продукты (включая топливо)	1,7	0,0	0,8	0,0	16,4	0,1	0,2	0,3	7,3	0,0	6,3	0,1	0,0	0,0
Продукция химической промышленности и каучук	11,2	0,9	2,5	1,0	3,0	0,3	0,8	2,0	0,4	9,1	4,1	1,7	3,9	3,5
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	4,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	2,6	0,1	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	20,8
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	3,6	0,9	10,0	5,9	5,2	0,0	63,3	90,6	0,1	0,9	0,2	2,8	0,1	0,0
Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,7	2,1	0,0	39,8	14,2	13,3	4,0	0,3	0,0	0,0	0,1	0,1	52,9	1,6
Металлы (кроме драгоценных) и изделия из них	14,0	12,2	48,3	53,3	5,1	17,5	0,6	1,9	0,8	49,8	10,2	17,9	1,2	6,1
Машины и оборудование	32,7	67,8	0,0	0,0	24,4	67,4	3,4	3,2	2,7	2,5	43,8	76,5	9,8	66,8
Другие товары	16,8	16,1	6,3	0,0	18,2	0,7	9,6	0,5	0,4	0,0	10,8	0,7	21,1	0,6
ВСЕГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание. Исходные данные — в ценах 1950 г.

Источник: Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. С. 423—839, 1044—1072.

Таблица 8

Страновые доли в отраслевом экспорте России и СССР в 14 стран Запада в 1913 г. и 1929 г. (%)

Группы товаров	Германия		США		Великобритания		Франция		Италия		Нидерланды		Бельгия и Люксембург	
	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	36,6	41,3	0,3	5,7	15,6	29,9	6,4	4,6	8,0	2,6	16,0	3,4	2,3	0,3
Минеральные продукты (включая топливо)	22,5	19,0	3,1	8,6	21,7	24,8	10,9	13,1	1,3	15,5	16,1	1,5	12,0	7,0
Продукция химической промышленности и каучук	32,6	45,1	3,1	5,1	23,0	17,2	4,0	8,6	2,8	3,1	4,6	0,0	3,9	1,3
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	54,0	56,3	15,5	10,8	21,7	27,7	1,6	4,9	0,0	0,3	2,6	0,0	0,4	0,0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	26,3	16,1	0,2	2,2	41,3	49,2	6,5	4,3	0,5	1,7	16,1	16,9	4,6	3,8
Текстиль, текстильные изделия и обувь	28,1	36,2	1,1	9,3	24,8	18,1	10,4	6,8	1,0	12,6	0,3	0,2	22,1	11,8
Металлы (кроме драгоценных) и изделия из них	57,2	98,4	0,1	0,5	1,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	2,4	0,5	0,1	0,0
Машины и оборудование	37,1	43,5	0,4	16,8	8,6	0,4	2,1	1,9	0,1	0,1	1,4	0,0	0,3	0,0
Другие товары	14,0	39,4	0,4	7,3	13,4	29,1	32,7	7,1	1,7	2,2	1,1	1,3	1,1	4,3
ВСЕГО	33,9	33,7	1,1	6,7	20,0	31,8	7,5	6,7	5,5	5,2	13,3	4,9	4,8	3,0

Таблица 8 (Окончание)

Группы товаров	Дания		Испания		Австрия		Финляндия		Норвегия		Швеция		Швейцария	
	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	3,3	7,8	1,0	0,0	4,9	2,6	4,0	0,7	0,6	0,3	1,0	0,7	0,0	0,1
Минеральные продукты (включая топливо)	0,9	0,9	0,7	8,4	2,7	0,0	7,2	0,7	0,1	0,3	0,8	0,1	0,0	0,0
Продукция химической промышленности и каучук	2,8	0,7	0,0	0,0	8,1	6,7	13,6	8,2	0,5	1,5	0,8	2,5	0,0	0,0
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,4	0,0	0,0	0,0	2,4	0,1	0,8	0,0	0,0	0,0	0,6	0,0	0,0	0,0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	0,4	0,4	0,0	0,0	2,4	0,3	0,3	2,6	0,9	1,6	0,5	0,1	0,0	0,6
Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,0	0,0	0,0	0,0	8,1	3,7	3,7	0,8	0,0	0,0	0,3	0,3	0,0	0,0
Металлы (кроме драгоценных) и изделия из них	0,2	0,0	0,0	0,0	0,5	0,0	38,2	0,5	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0
Машины и оборудование	0,9	0,4	0,0	0,0	9,6	4,3	31,4	32,1	0,0	0,0	8,0	0,4	0,0	0,0
Другие товары	15,0	0,9	0,0	0,0	8,6	5,1	10,4	2,0	0,2	0,8	1,5	0,5	0,0	0,0
ВСЕГО	2,7	2,8	0,7	1,8	4,9	1,3	4,1	1,1	0,5	0,6	0,9	0,3	0,0	0,2

Примечание. Исходные данные — в ценах 1950 г. Общий объем российского экспорта продукции каждой отрасли в 14 стран Запада принят за 100%.

Источник: Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. С. 423—839, 1044—1072.

Таблица 9

Страновые доли в отраслевом импорте России и СССР из 14 стран Запада в 1913 г. и 1929 г. (%)

Группы товаров	Германия		США		Великобритания		Франция		Италия		Нидерланды		Бельгия и Люксембург	
	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	45,0	26,2	0,7	11,0	15,5	21,9	11,0	8,5	4,0	5,6	3,8	0,3	0,4	0,0
Минеральные продукты (включая топливо)	42,3	14,5	0,7	27,3	45,9	13,4	0,5	1,6	0,5	40,7	1,7	0,0	0,1	0,0
Продукция химической промышленности и каучук	58,1	60,3	8,1	13,3	18,2	5,6	4,8	7,2	0,2	3,5	5,0	2,6	1,5	3,6
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	85,2	55,1	1,0	0,6	1,8	17,2	2,3	11,2	0,0	3,9	1,0	0,0	4,0	0,0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	13,3	19,5	2,0	6,5	2,8	0,8	3,0	1,8	0,1	0,2	0,1	0,0	0,0	0,0
Текстиль, текстильные изделия и обувь	54,3	14,9	17,6	66,7	11,4	6,6	8,7	5,4	3,1	0,2	0,5	0,0	0,8	0,8
Металлы (кроме драгоценных) и изделия из них	65,3	34,9	1,5	20,0	13,9	16,2	2,2	10,5	0,3	0,1	5,8	0,4	1,7	1,1
Машины и оборудование	65,6	42,6	7,3	30,5	15,1	7,6	1,4	3,9	0,1	1,3	0,4	0,1	0,4	0,1
Другие товары	72,3	22,7	1,8	6,5	6,1	47,2	3,3	3,9	0,8	3,2	1,1	2,8	0,6	5,9
ВСЕГО	57,0	35,6	6,9	32,4	15,1	10,0	5,0	5,8	1,5	1,4	1,9	0,4	0,8	0,8

Таблица 9 (Окончание)

Группы товаров	Дания		Испания		Австрия		Финляндия		Норвегия		Швеция		Швейцария	
	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929	1913	1929
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	1,3	3,2	1,2	0,0	3,2	1,1	5,2	0,7	5,7	20,9	2,7	0,3	0,4	0,1
Минеральные продукты (включая топливо)	0,2	0,0	0,0	0,0	6,1	1,0	0,1	1,2	0,7	0,0	1,1	0,4	0,0	0,0
Продукция химической промышленности и каучук	1,5	0,1	0,1	0,2	1,1	0,1	0,4	0,5	0,0	2,0	0,7	0,7	0,2	0,3
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	1,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	3,3	0,2	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	11,8
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	1,0	0,2	1,3	2,7	4,1	0,1	72,1	64,5	0,0	0,5	0,1	3,2	0,0	0,0
Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,0	0,1	0,0	2,5	1,9	2,8	0,8	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,0	0,1
Металлы (кроме драгоценных) и изделия из них	2,0	0,4	3,0	3,8	2,0	4,1	0,3	0,2	0,1	4,7	1,9	3,2	0,1	0,3
Машины и оборудование	1,8	1,0	0,0	0,0	3,7	6,1	0,7	0,1	0,1	0,1	3,2	5,3	0,2	1,1
Другие товары	1,8	4,9	0,3	0,0	5,4	1,3	4,1	0,5	0,0	0,0	1,5	1,0	0,9	0,2
ВСЕГО	1,1	0,6	0,5	1,3	3,1	4,1	4,4	2,0	0,9	1,6	1,5	3,1	0,5	0,7

Примечание. Исходные данные — в ценах 1950 г. Общий объем российского импорта продукции каждой отрасли из 14 стран Запада принят за 100%.

Источник: Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. С. 423—839, 1044—1072.

Примечания

- ¹ Статья подготовлена в рамках международного проекта «Russia and Western Countries: Economic Relations before World War I and the Problem of Their Restoration in the 1920s» при финансовой поддержке Maison des Sciences de l'Homme (Париж).
- ² Мы рассматриваем 1929 г. в качестве референтной точки для советского периода, поскольку динамика торговых потоков в последующие годы испытывала искажающее влияние мировой рецессии. И 1913 г., и 1929 г. были последними годами продолжительных периодов динамичного развития мировой экономики, что обеспечивает корректность использования их для хронологических сопоставлений во внешнеторговой сфере.
- ³ Необходимо отметить, что сравнения абсолютных показателей внешней торговли за 1913 г. (Таблица 1а) и 1929 г. (Таблица 1б) является некорректным ввиду того, что представленные данные рассчитаны в текущих, а не в постоянных ценах.
- ⁴ Gregory P.R., Stuart R.C. Soviet Economic Structure and Performance. N.Y.: Harper and Row, 1990. P. 325.
- ⁵ В качестве референтной точки для постсоветского периода мы использовали 2002 г., ввиду того что это был год устойчивого экономического роста (напомним, что два других референтных года — 1913 г. и 1929 г. — также характеризовались высокими темпами роста, поэтому сравнение с ними кризисных лет периода 1990-х гг. является некорректным), и в то же время в 2002 г. еще не наблюдалось влияния рекордно высоких цен на нефть, оказавших заметное воздействие на пропорции российского экспорта в последующий период.
- ⁶ В рамках анализа, проделанного ниже, мы рассматриваем всю продукцию лесного комплекса в составе выпуска лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности.
- ⁷ Сумма долей промышленных и сельскохозяйственных товаров в экспорте и импорте равна 100%; сумма долей продукции производственного и потребительского назначения также равна 100%. С учетом этого обстоятельства для наглядности сопоставления мы приводим в Таблице 3 данные только по одной категории для каждой пары, а именно для промышленных товаров и товаров потребительского назначения.
- ⁸ В соответствии с теорией Хекшера — Олина, страны специализируются на экспорте товаров, в производстве которых интенсивно используются факторы производства, которыми соответствующие страны наделены в сравнительно большей степени, чем их торговые партнеры. Применительно к торговле России с промышленно развитыми странами Запада, теория Хекшера — Олина предполагает экспортную специализацию России в отраслях, где интенсивно используются природные ресурсы, и ориентацию на импорт капиталоемкой продукции обрабатывающей промышленности.
- ⁹ Наиболее существенное из этих ограничений связано с тем, что данные по торговле со странами Запада содержат завышенную оценку доли катего-

рии «Другие товары», поскольку имеющаяся статистика не позволяет однозначно отнести часть сырьевых товаров к категориям минерального, сельскохозяйственного или текстильного сырья; часть промышленных товаров потребительского назначения также не может быть однозначно отнесена к какой-либо отрасли. К счастью, доля категории «Другие товары» в торговле со странами Запада достаточно низка. Исключение составляет доля данной категории в импорте в 1913 г. (можно предположить, что в этом случае к числу «других товаров» отнесена значительная часть импорта промышленных товаров потребительского назначения, не классифицированная по отраслям).

Проблемы внедрения опыта нефтяной промышленности США на страницах советской отраслевой прессы в период первой пятилетки

В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) утвердил директивы к составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства страны, т. е. партийно-политическое руководство СССР во главе с И.В. Сталиным пришло к решению о скорейшем осуществлении коренных экономических и социальных преобразований в стране. «Дело построения социализма в стране пролетарской диктатуры может быть проведено в исторически минимальные сроки», — было подчеркнуто на одном из последующих пленумов Центрального комитета партии¹.

Разработчиками пятилетнего плана предполагалось, что в ходе его реализации будет обеспечено резкое наращивание объемов промышленного производства по основным параметрам и преодолено значительное техническое и технологическое отставание советской промышленности от ведущих стран мира посредством реализации широкомасштабной программы индустриализации в основном с опорой на внутренние источники накопления.

Поскольку в 1926 г. в СССР было добыто только 8,9 млн т нефти², т. е. все еще не достигнут уровень довоенного 1913 г. в 9,23 млн т³, партийно-политическое руководство страны поставило перед работниками отрасли сложную задачу существенного наращивания объемов добычи нефти и производства нефтепродуктов для полного обеспечения потребностей народного хозяйства.

В то же время стало понятным, что в условиях дефицита необходимых финансовых и материальных ресурсов организация масштабных работ по разведке и разработке каких-либо новых месторождений в отдаленных регионах страны была крайне затруднительна. Поэтому основной упор руководство Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) сделало на интенсификацию производства в «старых» нефтяных районах — на Апшеронском полуострове, в Грозненском районе и на Кубани. Подобным образом

* Матвейчук Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Oil of Russia».

пытались поступать и на предприятиях нефтеперерабатывающего сектора, где доминирование мазутного производства определяло подавляющее наличие устаревших кубовых батарей низкой производительности. В определенной степени стихийно складывавшаяся стратегия научно-технического развития советской нефтяной промышленности в первое десятилетие своего существования была ориентирована именно на это.

Острый недостаток финансовых ресурсов, с одной стороны, и настоятельная необходимость технического и технологического перевооружения промышленности, с другой стороны, побуждали руководство страны рассматривать различные возможные варианты получения и внедрения достижений научно-технического прогресса в народное хозяйство. Выступая в декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) нарком внешней и внутренней торговли СССР А.И. Микоян особо подчеркнул: «...есть другая область, — новая, — которой мы до сих пор придавали мало значения, — это область иностранной технической помощи нашей промышленности... То, что уже известно и опытом проверено за границей, нам нечего вновь выдумывать, тратя громадные материальные силы»⁴.

И в этом отношении, по мнению руководства СССР, большую роль должно было сыграть широкое внедрение передового зарубежного опыта, в первую очередь американского, на советских нефтяных промыслах и нефтеперерабатывающих заводах. Не случайно на встрече с американским бизнесменом Кэмбеллом генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин подчеркнул: «Мы следим за США, так как эта страна стоит высоко в научном и техническом отношении. Мы бы хотели, чтобы люди науки и техники в Америке были нашими учителями в области техники, а мы их учениками»⁵.

Особое место в реализации мер по пропаганде и внедрению передового американского опыта в советской нефтяной промышленности было отведено двум ведущим изданиям периодической отраслевой печати — журналам «Нефтяное хозяйство» и «Азербайджанское нефтяное хозяйство». Анализ содержания опубликованных в них материалов в рассматриваемый период показывает, что они достаточно активно освещали положение дел и тенденции в нефтяной промышленности США и выявляли наиболее приемлемые для внедрения в практику отечественного производства технические новшества и передовые технологии. Следует подчеркнуть, что работа в этом направлении в указанных изданиях началась несколько раньше, еще в начале 20-х гг. Так, в 1922 г. в журнале «Нефтяное хозяйство» отмечалось: «Само это ознакомление с работой технической мысли за границей может явиться значительным импульсом к развитию нашей техники; тем более, что

иногда бывает важна сама идея, а не ее практическое осуществление, допускающее различные варианты, — едва ли можно сомневаться, что многие американские методы, по внесению в них соответствующих изменений и упрощений, окажутся в ближайшее время доступными для нашей техники»⁶.

Разработка и реализация первого пятилетнего плана придавала деятельности сотрудников журналов в сфере изучения американского опыта особое значение. Им со всех сторон приходилось анализировать доступную имеющуюся информацию и отбирать все то, что при минимальных затратах могло способствовать достижению основных задач нефтяного производства. Бывший ответственный редактор журнала «Нефтяное хозяйство» В.Н. Якубов вспоминал: «Из огромной зарубежной технической литературы о нефти, в которой наряду с серьезными изданиями печаталось и невообразимое множество рекламных материалов, нужно было срочно отбирать, реферировать или переводить полностью и публиковать все то, что могло пригодиться для ликвидации технической отсталости отечественной нефтяной промышленности и скорейшей ее реконструкции»⁷.

Полезным для советских специалистов было ознакомление с информацией, публикуемой в журналах в рубриках «Иностранный отдел» (журнал «Нефтяное хозяйство») и «Нефтяная промышленность за границей» (журнал «Азербайджанское нефтяное хозяйство»), где читатели могли познакомиться с хроникой основных событий развития нефтяной промышленности США. Определенный интерес для читателей журналов представляла и информация о книжных новинках в области зарубежного нефтяного дела, регулярно помещаемая в разделе «Библиография». Особенностью этого раздела было то, что его материалы были достаточно подробными, включали не только рецензии, но и небольшие конспекты с формулами расчетов, графиками, схемами из рецензируемых работ. Организацией этой рубрики в журнале «Нефтяное хозяйство» занимался известный советский ученый-нефтехимик профессор А.Ф. Добрянский.

Через некоторое время в журналах «Нефтяное хозяйство» и «Азербайджанское нефтяное хозяйство» четко обозначилась линия на активную пропаганду достижений американской нефтяной науки и техники по ключевым направлениям производства.

Всего за период 1927—1931 гг. в журнале «Нефтяное хозяйство» было опубликовано 186 материалов по американскому нефтяному делу (без учета статей в разделах «Библиография» и «Технические заметки»). В журнале «Азербайджанское нефтяное хозяйство» за тот же период было опубликовано 96 подобных материалов.

Распределение материалов по основным направлениям американского нефтяного и газового дела, опубликованных в журналах «Нефтяное хозяйство» и «Азербайджанское нефтяное хозяйство» в 1927—1931 гг., представлено ниже в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

**Распределение опубликованных в журнале «Нефтяное хозяйство»
в 1927—1931 гг. материалов по основным направлениям
американского нефтяного и газового дела**

Направление (тематика материалов)	1927 г	1928 г	1929 г	1930 г	1931 г
Нефтяная геология	1	1	2	2	—
Разработка и эксплуатация нефтяных месторождений	8	2	12	12	2
Нефтепереработка	1	9	11	18	9
Нефтехимия и химмотология	3	2	3	4	—
Транспорт и хранение нефти	1	4	1	6	2
Сбыт и использование нефтепродуктов	3	1	2	3	—
Экономика нефтяного производства	—	1	2	3	—
Газовая промышленность	—	1	7	2	—
Статистические и конъюнктурные материалы	2	4	15	19	6
Итого	19	25	56	67	19

Источник: журнал «Нефтяное хозяйство» за 1927—1931 гг.

Таблица 2

**Распределение опубликованных в журнале «Азербайджанское
нефтяное хозяйство» в 1927—1931 гг. материалов по основным
направлениям американского нефтяного и газового дела**

Направление (тематика материалов)	1927 г	1928 г	1929 г	1930 г	1931 г
Нефтяная геология	—	—	1	—	1
Разработка и эксплуатация нефтяных месторождений	4	6	12	5	1
Нефтепереработка	2	8	4	6	7
Нефтехимия и химмотология	—	—	1	—	—
Транспорт и хранение нефти	—	1	1	2	2
Сбыт и использование нефтепродуктов	—	1	—	—	—
Экономика нефтяного производства	5	3	2	2	—
Газовая промышленность	—	—	—	1	1
Статистические и конъюнктурные материалы	3	2	2	6	4
Итого	14	2	23	22	16

Источник: журнал «Азербайджанское нефтяное хозяйство» за 1927—1931 гг.

Таким образом, в советских нефтяных журналах достаточно четко обозначился ряд приоритетных направлений, которые определяли развитие научно-технического прогресса в отрасли в 1920-х — 1930-х гг.

Так, по тематике разработки и эксплуатации нефтяных месторождений в журналах «Нефтяное хозяйство» и «Азербайджанское нефтяное хозяйство» всего было опубликовано 66 материалов, или 23,4% от общего количества. Причем здесь публикации в основном охватывали американский опыт в области вращательного (роторного) бурения и глубиннонасосной эксплуатации нефтяных скважин. Большой интерес у читателей журнала вызвала статья Н. Вангейма «Обзор успехов буровой техники в Америке», опубликованная в № 4 за 1927 г. Основную свою задачу автор определил следующим образом: «Ознакомить читателей с последними нововведениями в области бурения, особенно вращательного, причем из массы материала мы старались извлечь все то, что могло бы без крупных изменений быть применено на нефтяных промыслах СССР». Успешные и значимые достижения в буровом деле США автор объяснял тем, что «к американским техникам в настоящее время предъявляются требования рационализации производства, состоящей не только в небольших изменениях старых методов работы или в некоторых улучшениях ее, но и в полной замене старых процессов новыми...»⁸. Следует отметить, что этот материал был снабжен большим количеством чертежей и эскизов бурового оборудования и инструмента, что явилось несомненным достоинством данного обзора. Весьма обстоятельно проблемы внедрения роторного бурения были рассмотрены в статьях Д.З. Лозинского «Некоторые вопросы динамики вращательного бурения» (Нефтяное хозяйство. 1928. № 11—12), Г.Г. Дивендоффа и Ф.И. Хертеля (Н.Н. Divendoff, F.W. Hertel) «Вращательное бурение в Венткре, Калифоринии» (Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1929. № 3), Я.В. Лаврентьева «Успехи буровой техники в Америке» (там же. 1929. № 10), М.И. Барина «Разведка и бурение в Америке и у нас» (там же. 1929. № 12), В. Писакова «Из практики вращательного бурения в Америке» (там же. 1930. № 9), В. Затурского «Новости американской нефтепромысловой техники» (там же. 1930. № 9) и др.

Опыт эксплуатации американских глубиннонасосных скважин, условия их рациональной установки и эксплуатации в местных условиях нашли свое обстоятельное отражение в журнале «Нефтяное хозяйство»: в подборке сразу из пяти материалов, сведенных в специальную рубрику «Вопросы теории и практики применения глубоких насосов» (1927. № 6), а также в статьях Н.К. Шевченко «Рама “Оклахома” с прямолинейным ходом штока» (1927.

№ 8), Г.И. Газиева «Из практики применения глубоких насосов на Бакинских промыслах» (1928. № 6), Н.И. Гейштора «Исследование процесса подъема нефти из скважин глубокими насосами» (1928. № 8), Г.В. Лейка (G.W. Lake) «Исследование процесса работы глубоких насосов при помощи “динамотографа”» (1929. № 3) и др.

Несмотря на то что основная линия развития технологии нефтедобычи на советских промыслах в 20-х — 30-х гг. была связана с массовым внедрением глубинных насосов, в отраслевых журналах всестороннее рассматривалась и возможность использования технологий «эрлифта» и «газлифта», изобретенных в России еще в начале XX в., однако нашедших практическое применение в США. В первом номере журнала «Нефтяное хозяйство» за 1929 г. была опубликована статья Л.М. Слонима «Эрлифт и газлифт на американских нефтяных промыслах», где были рассмотрены не только возможности добычи нефти, но и проблемы повышения нефтеотдачи пластов за счет закачки в них газа и воздуха. Ряд последующих материалов в журнале наглядно отражал ход процесса изучения и внедрения данной технологии на нефтяных промыслах СССР. В статье Д.С. Вилькера и Н.В. Самострелова «Опыты с лабораторным эрлифтом» (Нефтяное хозяйство. 1929. № 5) были предложены некоторые оптимальные решения для внедрения данной технологии в производство, а в работе Н.Д. Гейштора «Опыт применения способа Мариэтта на старых промыслах Грознефти» (там же. 1930. № 5) были подробно проанализированы вопросы применения метода повышения нефтеотдачи «из истощенных пластов Старого района нагнетанием в пласт воздуха». И неслучайно, что впоследствии, на основе анализа американских работ по закачке газа в пласт, грозненские нефтяники пришли к идее о реальной практической возможности применения этой технологии. В журнале «Азербайджанское нефтяное хозяйство» исследованию этой проблемы были посвящены статьи В.С. Меликова «Поправки к формулам расчета эрлифта и анализ их» (Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1928. № 6—7), Г.Ф. Садовникова «Опыт повышения производительности скважин путем накачивания воздуха в нефтяной пласт» (там же. 1928. № 6—7), а также переводная статья «Нагнетание газа в нефтяные пласты в начальном периоде разработки промыслов» (там же. 1929. № 6—7).

Наличие серьезных проблем в советском нефтеперерабатывающем секторе определило то, что наибольшее число материалов — 75, или 26,6% от общего числа, в журналах «Нефтяное хозяйство» и «Азербайджанское нефтяное хозяйство» было посвящено вопросам освоения нового высокоэффективного оборудования и технологий в области переработки нефти. Отечественные нефтеперерабатываю-

шие заводы в силу своей многолетней мазутной ориентации имели достаточно скромные показатели по производству светлых нефтепродуктов. Так в 1925/1926 операционном году в СССР было выработано всего 440,8 тыс. т бензина, а годовой объем производства этого нефтепродукта в США в 1926 г. составил 35,7 млн т⁹.

В тот период в Главном управлении по топливу ВСНХ нередко говорили о необходимости «революционного прорыва» для ликвидации бензинового кризиса, и в июле 1925 г. даже была пущена в эксплуатацию первая пилотная крекинг-установка в Баку, созданная по проекту горного инженера С.К. Квитки. Однако опытные специалисты хорошо осознавали, что массовое внедрение технологии крекинг-процесса в советской промышленности, располагавшей в основном только устаревшими перегонными кубовыми батареями, минуя неизбежную стадию эксплуатации трубчатых установок, было осуществить невозможно. Сложнейшее в техническом отношении нефтеперерабатывающее производство, которого ранее не знала Россия, нельзя было создать в существующих условиях. Поэтому руководством ВСНХ была определена программа реконструкции имеющихся заводов, без остановки производства, с последовательной модернизацией кубов путем монтажа небольших ректификационных колонн, а затем и широкого внедрения трубчатых установок.

Идя в ногу со временем, журналы «Нефтяное хозяйство» и «Азербайджанское нефтяное хозяйство» отвели много места для широкой пропаганды передового опыта США в организации нефтепереработки. На их страницах в переводе на русский язык были опубликованы работы ведущих американских специалистов по вопросу модернизации кубовых батарей: С.В. Стретфорда (S.W. Stratford) «Современные перегонные кубы» (Нефтяное хозяйство. 1928. № 10), Л.А. Меклера (L.A. Meckler) «Применение топок с циркуляцией дымовых газов в нефтеперерабатывающей промышленности (там же. 1928. № 7), В.Е. Пердью (W.E. Perdeu) «Десять способов рационализации старых кубовых батарей» (там же. 1930. № 2) и др.

После опубликования в журнале «Нефтяное хозяйство» основополагающей работы по проектированию и эксплуатации трубчатых установок известного американского специалиста Г.С. Бэлла (G.S. Bell) «Новейшие типы трубчаток» (1928. № 8) на страницах издания в развитие этой темы появился целый ряд статей уже советских специалистов, посетивших американские заводы. В № 11—12 за 1928 г. вышла статья И.Н. Стрижова о перегонке нефти в трубчатках. Ее первая часть была составлена на основании доклада по технологии трубчатой перегонки нефти другого известного специалиста — А.Г. Петеркина (A.G. Peterkin), зачитанного послед-

ним на годовом съезде Американского нефтяного института в декабре 1927 г. Вторая часть статьи была посвящена анализу шестимесячной работы высокопроизводительной трубчатой печи Фостера для перегонки нефти, наиболее распространенной в Америке. В заключении статьи И.Н. Стрижов отметил, что «при проектировании новых крупных заводов в Батуми, Туапсе, Москве, Самаре, на Украине и в Узбекистане тип установок Фостера должен быть изучен и принят во внимание»¹⁰. На основании семимесячной командировки в США инженер Н.А. Алексеев написал статью-отчет о трубчатых нефтеперегонных установках для топливных нефтей (1930. № 4), в которой описал технологическую цепочку нефтеперегонного завода фирмы «General Petroleum Corp. of California» из корпорации «Standard Oil». Он указал на то, что «в дальнейшем фирма отказалась строить новые кубовые батареи усовершенствованного типа и предполагается производить расширение производства постройкой трубчатых перегонных батарей»¹¹. Своеобразный итог изучению технологии трубчатой перегонки нефти в США подвела статья инженера К.В. Кострина «Трубчатая установка для полной перегонки нефти при однократном ее испарении», где автор после исследований различных типов печей констатировал, что «в данное время в Соед. Штатах достигнут некоторый стандарт в сооружении трубчатых установок, и дальнейшее совершенствование их идет не столько по пути изменения основных их схем и конструкций, сколько по пути улучшения отдельных частей и, главным образом, отдельных деталей»¹².

Наряду с анализом достоинств и недостатков технологии переработки на трубчатых установках, журналы «Нефтяное хозяйство» и «Азербайджанское нефтяное хозяйство» помещали значительное количество материалов по крекинг-процессу. В значительной степени это было связано с тем, что в СССР с конца 20-х гг. велась интенсивная работа по выбору самой приемлемой технологии крекинга, наиболее полно отвечающей техническим, технологическим и экономическим требованиям. В начале 1930 г. профессор Научно-исследовательского института Грознефти А.Н. Саханов отмечал: «В настоящее время для советской нефтяной промышленности вопрос о выборе и преимуществах той или другой системы крекинга* имеет первостепенное значение»¹³. В 1927 г. в № 2 журнала «Азербайджанское нефтяное хозяйство» была опубликована обширная работа И. Сальникова «Крекинг в американской нефтяной промышленности», где автор дал обстоятельный анализ основных

* Написание слова «крекинг» в довоенной советской отраслевой периодике.

типов нефтеперерабатывающих установок и сделал вывод о возможности использования некоторых из них в СССР. Интерес у отечественной аудитории вызвала статья профессора А.Ф. Добрянского (в соавторстве с А. Муреевой) «К вопросу о крекинге в жидкой фазе» (Нефтяное хозяйство. 1927. № 3). В декабре 1928 г. в журнале «Азербайджанское нефтяное хозяйство» появился обзор «Развитие крекинг-процесса», а в январском номере 1929 г. — перевод работы американских специалистов Д. Дастена и Р. Пайктли (D. Dustan, R. Picketly) «Последние успехи крекинга».

В январском номере журнала «Нефтяное хозяйство» за 1930 г. была опубликована статья С.М. Волоха «Крекинг-установки системы Вольфа», которая вызвала полемику среди инженеров. Автор на основании предварительного технико-экономического анализа сообщил о предпочтительности использования немецкой крекинг-установки системы Вольфа по сравнению с английским оборудованием системы Виккерса. В ходе развернувшейся на страницах журнала дискуссии известные советские специалисты инженер М.А. Капелюшников и профессор А.Н. Саханов высказались против использования крекинг-установки Вольфа, причем Саханов снабдил свои замечания сравнительным анализом основных типов крекирования нефти, что наглядно доказывало преимущества американской технологии. Эта позиция получила полную поддержку и в статьях инженера К.В. Кострина «Крекинг-установка Винклера—Коха для переработки газойля» (Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1930. № 2), Б. Чиркина «Крекинг-установка системы Дженкинса» (там же. 1930. № 10), А. Маргулова «Крекинг-установка системы Кросса» (там же. 1930. № 11), В. Хохлова «Работа крекинг-установки Доббса» (там же. 1931. № 4) и Э. Гинсбурга «Новый парофазный крекинг системы Пратта» (там же. 1931. № 9—10).

Значимую роль в обосновании выбора в данной сфере для руководства отрасли также сыграли опубликованные в журналах переводы статей известных американских специалистов: Р. Пайктли (R. Picketly) «Обзор развития крекинг-процесса в 1927 г.» (Нефтяное хозяйство. 1928. № 11—12), Г. Эглофа (G. Eggloaf) «Мировое значение крекинг-процесса как источника моторного топлива» (там же. 1928. № 11—12).

В 1931 г. по итогам исследований Технического бюро объединения «Союзнефть», проведенных в США в области нефтепереработки, в журнале «Нефтяное хозяйство» вышла статья В. Коробовкина, в которой однозначно говорилось, что «для нас наиболее подходящей системой крекинга является “крекинг Винклера—Коха”, как по простоте изготовления оборудования, так и по легкости обслуживания». Отдавая предпочтение этой системе, Техбюро ставило задачи

по дальнейшему развитию данной технологии в СССР: «...работу на установках Коха нужно рационализировать в направления фракционирования под большим давлением, а также пойти по линии выжимания возможно большего количества газойля из крекинг-остатков»; начать постройку парофазной установки для Грозного и «проработать вопрос о комбинированной крекинг-установке — жидко- и парофазной»¹⁴. Уже в следующем номере того же журнала появился отчет о командировке А.Б. Шейнмана, посвященный подробному анализу эксплуатации единственной в то время в США установки Винклера—Коха, «кооперирующей» жидкофазный и парофазный крекинг¹⁵.

Значительное место (63 статьи, или 22,3% от общего числа) на страницах журналов «Нефтяное хозяйство» и «Азербайджанское нефтяное хозяйство» было отведено статистической и конъюнктурной информации о состоянии мирового рынка и внешнеторговой нефтяной стратегии и тактике США. Наряду с обширными аналитическими обзорами, такими как «Перспективы развития потребления нефтепродуктов в Соединенных Штатах в 1927 г.» (Нефтяное хозяйство. 1927. № 6), «Сегодняшний ответ американской нефтяной промышленности» (там же. 1928. № 1), «Перспективы нефтяного экспорта Соед. Штатов по данным американской печати» (там же. 1928. № 8), «Итоги нефтяной промышленности Соед. Штатов за первое полугодие 1928 г.» (там же. 1928. № 9), «Экспорт нефтепромыслового оборудования из Соед. Штатов» (там же. 1929. № 9), были опубликованы аналитические статьи Я.М. Букшпана «Еще раз о конъюнктуре американского нефтяного рынка» (там же. 1928. № 4), «Об основных факторах нефтяной конъюнктуры Соед. Штатов в конце 1928 г.» (там же. 1929. № 1), А. Розанова «Ценообразование в американской нефтяной промышленности» (там же. 1930. № 7).

Большой интерес у советских специалистов вызвали прогнозные материалы американских экономистов О. Кэмбелла и С.Д. Дигана (O. Campbell, S.J. Deegan) «Разница в цене между бензином и нефтепродуктом будет уменьшаться» (там же. 1927. № 4), «Перспектива американской нефтепромышленности» (там же. 1930. № 1), Г.С. Крейнина «Соед. Штаты и европейский нефтяной рынок» (там же. 1931. № 4—5) и др.

В целом анализ опубликованных в журналах «Нефтяное хозяйство» и «Азербайджанское нефтяное хозяйство» материалов показывает, что развитие советской нефтяной промышленности в период первой пятилетки по ключевым направлениям было неразрывно связано с усвоением, творческой переработкой и адаптацией новых нефтепромысловых и нефтеперерабатывающих технологий и высо-

копроизводительного американского оборудования. Так, настойчивая пропаганда и внедрение американского опыта в СССР по применению вращательного (роторного) бурения вскоре принесли свои плоды. Если в 1927 г. вращательным способом было пробурено 63% всех скважин, то в 1929 г. — уже 89%, а к 1934 г. на советских нефтяных промыслах ударное бурение вообще вышло из употребления. Применение западной прогрессивной техники и технологии привело к существенному увеличению скорости бурения — с 6,8 метра/станок-мес. в 1920—1924 гг. до 111 метра/станок-мес. в 1929 г. — при неизменно увеличивающейся глубине пробуренных скважин¹⁶.

В целом объем буровых работ по нефтяным скважинам за 1928—1932 гг. составил почти 3 млн м, т. е. в три раза превысил аналогичный показатель за предыдущие пять лет¹⁷.

Внедрение американских глубинных насосов на отечественных нефтяных промыслах способствовало значительному повышению эффективности эксплуатации нефтяных скважин. Если в 1923 г. на Апшеронском полуострове насчитывалось всего 7 насосов, то в начале 1927 г. 55% продуктивных нефтяных скважин обслуживались 1500 глубинными насосами, обеспечивающими 35% объема всей нефтедобычи. К началу 1932 г. устарелый тартальный способ эксплуатации нефтяных скважин с помощью желонки был полностью ликвидирован. Значительно выросла производительность труда на промыслах. Если в тресте «Азнефть» в 1927 г. на одну эксплуатационную скважину приходилось 8,3 рабочего, то в 1931 г. при существенном росте скважинного парка этот показатель снизился до 2,918. В результате, если в 1927 г. было добыто 9,92 млн т нефти и преодолен уровень 1913 г., то в 1930 г. уровень нефтедобычи достиг 18,6 млн т, а в 1931 г. был превзойден 20-миллионный рубеж и получено 22,9 млн т¹⁹.

Плодотворная деятельность отраслевых журналов по организации изучения и освоения зарубежного опыта нефтепереработки при сравнении технологии и техники оказала определенное влияние на окончательный выбор руководства отрасли. В 1929 г. на Бакинском заводе № 5 была построена первая в СССР трубчатая установка конструкции американской компании «Graver Corporation». Затем в течение следующего года там же пущены в эксплуатацию еще четыре «трубчатки» производства американской фирмы «Badger». Опыт строительства, монтажа, наладки и эксплуатации этих установок позволил советским специалистам в марте 1932 г. успешно завершить строительство и обеспечить пуск первой отечественной «трубчатки» на территории цеха № 3 бакинского завода им. И.В.Сталина. Опыт

работы на трубчатых установках позволил отечественным нефтяникам уверенно перейти и на следующую ступень нефтеперерабатывающего производства. В соответствии с заключенными с советскими организациями соглашениями в 1931—1932 гг. компания «Винклер—Кох» (США) изготовила чертежи и поставила оборудование для 15 крекинговых установок, предназначенных для монтажа в Баку, Грозном, Батуми, Туапсе, Осипенко, Константинове, Хабаровске, Херсоне, Одессе, Ярославле. В общей сложности за 1930—1932 гг. в строй вошло 18 трубчаток и 23 крекинг-установки. В тот период по сравнению с 1920—1921 гг. мощность заводов по переработке нефти выросла в 6,7 раза²⁰.

Представляется, что и публикация на страницах журналов «Нефтяное хозяйство» и «Азербайджанское нефтяное хозяйство» обширной статистической и конъюнктурной информации о положении на мировом нефтяном рынке и о стратегии и тактике США в определенной степени сыграла свою роль в увеличении объемов экспорта советских нефтепродуктов. Так, если в 1926 г. СССР экспортировал 1685 тыс. т нефти и нефтепродуктов, то в 1928 г. — уже в 1,7 раза больше, 2882 тыс. т, и его доля в мировом объеме экспорта составила 5,2%²¹.

Значение освоения передового опыта США в рассматриваемый период отметил крупнейший советский ученый, профессор Л.С. Лейбензон, который по вполне понятным причинам в жестких условиях государственной цензуры был вынужден выражаться крайне осторожно: «Своим большим достижением в области технической реконструкции советская нефтяная промышленность обязана в значительной степени развитию научной деятельности. Хотя современное оборудование наших нефтяных промыслов и нефтеперегонных заводов занесено из САСШ, однако оно развивалось в известной степени оригинальным образом. Не имея возможности пока вести столь широкую экспериментальную проработку конструкций, как это практиковалось в САСШ, в СССР пошли несколько иной дорогой, основанной главным образом на научно-исследовательской технической проработке проблем нефтяного дела»²².

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что конец 1920-х гг. и начало 1930-х гг. характеризуются как наиболее благоприятное время для развития научно-технического сотрудничества между капиталистическими США и социалистическим СССР. Именно в этот период был заложен индустриальный фундамент советской нефтяной промышленности. Применяя американское обо-

рудование у себя на промыслах, анализируя его работу во время многочисленных командировок, советские инженеры получили возможность перейти к разработке оригинальных идей и обеспечить техническую и технологическую самостоятельность советской нефтяной промышленности. Таким образом, научно-техническая информация как наиболее доступный способ изучения зарубежного опыта сыграла большую роль в развитии советской нефтяной промышленности в период первой пятилетки. Активными пропагандистами передового зарубежного опыта являлись журналы «Нефтяное хозяйство» и «Азербайджанское нефтяное хозяйство». Отвечая на вызов времени, эти периодические издания своими публикациями обеспечивали пропаганду и широкое внедрение передового опыта американской нефтяной индустрии в структуры социалистической системы хозяйствования, давая тем самым импульс эффективной работы по всем составляющим нефтяного производства и способствуя неуклонному росту объемов нефтедобычи и нефтепереработки в СССР.

Примечания

- 1 КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Ч. II. С. 510.
- 2 Губкин И.М. Учение о нефти. М., 1932. С. 6.
- 3 Там же.
- 4 XV съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1928. Т. 2. С. 1100.
- 5 Сталин И.В. Сочинения. М., 1952. Т. 13. С. 149.
- 6 Нефтяное хозяйство. 1922. № 9—12. С. 430.
- 7 Якубов В.Н. Из истории организации первых лет работы журнала «Нефтяное хозяйство» // Нефтяное хозяйство. 1962. № 12. С. 7.
- 8 Нефтяное хозяйство. 1927. № 4. С. 512.
- 9 Губкин И.М. Указ. соч. С. 9.
- 10 Стрижов И.Н. Перегонка нефти в трубчатках // Нефтяное хозяйство. 1928. № 11—12. С. 657.
- 11 Алексеев Н.А. Трубочатые нефтеперегонные установки для топливных нефтей в Соед. Штатах // Там же. 1930. № 4. С. 626.
- 12 Кострин К.В. Трубочатая установка для полной перегонки нефти при однократном ее испарении // Там же. № 1. С. 70.
- 13 Саханов А.Н. По поводу статьи С.М. Волоха «Крэкинг-установка системы Вольфа» // Там же. 1930. С. 91.
- 14 Коробовкин В. Выводы из исследований Техбюро, произведенных в Америке по вопросам нефтепереработки // Там же. 1931. № 10—11. С. 257.

- 15 Шейнман А.Б. Комбинированная жидкофазная-парофазная крекинг-установка системы Винклера—Коха // Там же. № 12. С. 338.
- 16 Нефть СССР. М., 1987. С. 19.
- 17 Там же. С. 23.
- 18 Там же. С. 21.
- 19 Там же. С. 20.
- 20 Нефтяная и нефтехимическая промышленность СССР к 50-летию Октября. М., 1967. С. 24.
- 21 Нефтяное хозяйство. 1929. № 10. С. 604.
- 22 Лейбензон Л.С. Наука на службе нефтяной техники в СССР // Там же. 1932. № 10. С. 202.

Государство и экономика

Променные конторы Ассигнационного банка (1772—1823 гг.)

История променных контор Ассигнационного банка слабо освещена в исследовательской литературе по истории кредита и банковского дела дореволюционной России¹. Между тем они были первым опытом создания в России банковских филиалов, обслуживавших операцию размена, необходимую для нормального развития денежного обращения. В этой связи деятельность променных контор, несомненно, заслуживает внимания, а обнаруженные автором новые архивные материалы² позволяют раскрыть этот аспект истории российских государственных банков XVIII в.

В отличие от государств Западной Европы, на обширных пространствах Российской империи было затруднительно разменивать деньги только в столичном центре. Между тем первые банки в России действовали исключительно в столицах, включая и открытые в 1769 г. в Москве и Петербурге Ассигнационные банки (в 1786 преобразованные в Государственный Ассигнационный банк), на которые возлагалась денежная эмиссия. Их главной задачей было внедрение в обращение бумажных денег — ассигнаций, призванных покрыть часть расходов на русско-турецкую войну 1768—1774 гг. Эти денежные суррогаты с принудительным курсом буквально навязывались в обращение. Примечательно, что заведующий финансами генерал-прокурор А.А. Вяземский еще в 1786 г. не признавал ассигнации денежными знаками, относя их к внутренним облигациям государственного долга³.

Несмотря на то что по закону размен бумажных денег предусматривался на всю монету, включая золотую и серебряную, в действительности их разменивали лишь на «медь», чаще всего на крупные пятаки, в большинстве чеканившиеся на Екатеринбургском монетном дворе на Урале из добываемой там же руды.

В связи с трудностями, связанными с перевозкой денег, нехваткой денежных знаков в провинции, сосредоточением состоятельных слоев населения преимущественно в Петербурге и Москве, бумажные деньги и монета концентрировались главным образом в этих го-

* Бугров Александр Владимирович — кандидат исторических наук (Центральный банк Российской Федерации).

родах. Дефицит платежных средств подстегивал развитие меняльного промысла: разменять монету на ассигнации, а также медную монету на серебряную нередко (особенно в провинции) становилось возможным только за проценты. Менялы процветали даже в Москве, где от имени государства деньги разменивал Московский Ассигнационный банк. Имеются сведения, что обмен крупных ассигнаций на мелкие велся из расчета по 2 коп. с рубля; за промен бумажных денег на медь брали уже 5 коп. с рубля, а ассигнаций на серебряные рубли — по 10 коп. Размен медной монеты на «целковые» (серебряные рубли) шел из расчета 8 коп. с рубля⁴.

Для пресечения подобной спекуляции и внедрения ассигнаций в денежное обращение провинции в окружении графа А.П. Шувалова, главного директора правления Ассигнационных банков, был выработан план открытия променных контор как «отдаленных частей самих банков». Видимо, заранее предполагалось, что размен будет осуществляться только на медную монету. Это объяснялось дефицитом в стране золота и серебра, которые принимались во внешние платежи и ценились населением. На местах эти «драгоценные монеты», как правило, мало участвовали в обращении, по большей части оседа в сбережениях икладах.

Судя по балансам Ассигнационных банков, золотая и серебряная монета концентрировались в Петербурге, где находился двор. Известно, что в 1775 г. монета из драгоценных металлов составляла 29% разменного фонда в Петербургском Ассигнационном банке. Даже в Москве фонд «драгоценной» монеты был крайне малым: в 1775 г. он не превышал 1% суммы всех монет⁵. В провинции же обращалась преимущественно медная монета, включая еще и ту, которая была отчеканена при императрице Елизавете Петровне по 16-рублевой стопе и (в отличие от золота и серебра) имела принудительный курс. Известно, что в это время стоимость металла в медной монете была меньше ее номинала в два раза⁶.

Манифест об учреждении променных контор был подписан 22 июня 1772 г.⁷ и предусматривал ведение в них только обменной операции — «промена» (как тогда говорили) ассигнаций на медные деньги. Как следовало из текста документа, конторы должны были открываться «во всех тех местах, где нужда более настоять будет»⁸. Это означало их появление прежде всего в крупных торговых и административных центрах, где предполагалось значительное предъявление ассигнаций к размену со стороны дворянства и купечества.

Не удивительно, что первая променная контора была открыта (не позднее 20 августа 1772 г.) в Ярославле, известном торговом городе на Волге. Сюда под воинским конвоем доставили на 300 тыс. руб. медной монеты из Екатеринбурга. Одновременно создавались еще

три подобных учреждения — в Смоленске, Устюге и Вышнем Волочке⁹. Они открылись год спустя, в 1773 г., как и конторы в Астрахани и Нижнем Новгороде. Все эти города были оживленными торговыми центрами, где более всего ощущалась потребность в размене. Так, Нижний Новгород являлся крупным торговым центром на Средней Волге, Вышний Волочек — на «хлебном пути» в Петербург, а Смоленск — на западном, «польском» направлении. Астрахань входила в число трех крупнейших внешнеторговых портов в России и оставалась единственным крупным портом империи, через который шла торговля с Персией, Закавказьем и Средней Азией. Во второй половине 1770-х гг. были открыты две променные конторы в Сибири — в Тобольске (1776 г.) и Иркутске (1779 г.).

С начала 1780-х гг. программа создания контор уже не была привязана к торговому значению городов. В 1781 г. конторы открылись в десяти (Пскове, Новгороде, Твери, Нежине, Киеве, Курске, Харькове, Тамбове, Орле и Туле), а в 1782 г. — в пяти (Казани, Архангельске, Херсоне, Риге и Ревеле) городских центрах.

К 1783 г. в ведении Ассигнационного банка имелось 23 променные конторы — максимальное число за всю историю их существования. Они состояли в ведении правления банка, но находились под непосредственным надзором губернаторов, ответственных за ежемесячный осмотр денежных кладовых. В губернских городах под конторы были отведены каменные здания с подвалом, приспособленным под кладовую, или специально построены «пристойные дома»¹⁰.

Для каждой конторы в 1772 г. был определен штат в 12 чел.¹¹ — сравнительно большой для банковских отделений XVIII в. Директору с чином VIII класса статской службы или обер-офицерского звания подчинялись товарищ, камерир (бухгалтер), комиссар (кассир), канцелярист, 2 писца, 4 счетчика и сторож. Годовое содержание каждой конторы (включая жалование служащим) было определено в 1674 руб.¹²

Поскольку банковское дело в России не получило еще широкого развития, сугубо банковские специалисты — бухгалтеры и кассиры — ценились высоко. Известно, например, что не только во времена Екатерины II, но даже в начале XIX в. в казенных банках в Москве такими специалистами нередко были иностранцы или выходцы из прибалтийских провинций.

Основной «кузницей кадров» для променных контор, как и для других государственных учреждений, стала армия. В XVIII в. армия считалась «универсальной» организацией государственного управления и инкубатором чиновничьих кадров. Армейский опыт был тем более ценен, что в воинских частях действовали собственные

бухгалтеры — камериры. Показательно, что это название перешло и на бухгалтеров променных контор. Кроме того, офицеры, которых нередко ставили во главе этих учреждений (часто в звании секунд-майоров), имели необходимый образовательный ценз, без которого было невозможно контролировать счетоводство и деятельность филиалов Ассигнационного банка.

Если в первое время военные чины занимали в основном должности товарищей (заместителей), то с начала 1780-х гг. они стали доминировать в руководстве этих учреждений. Достаточно сказать, что из десяти руководителей открытых в 1781 г. контор только три имели статские чины (два — коллежского асессора и один — надворного советника). Армейские офицеры определялись на службу в банковские филиалы исключительно по положительным аттестатам и рекомендациям, в том числе от самых влиятельных лиц. Известно, например, что определенный в Нежин капитан и кабинет-курьер Федор Рубанов был «одобрен к просимому месту как в способности, так и в поведении от господина генерал-майора Безбородки»¹³.

Величина «променного» капитала контор изначально определялась возможной потребностью в размене, которую оценивали очень приблизительно. В большинстве случаев капиталы не превышали 200 тыс. руб. Наибольший — 1 млн руб. — был выделен Тобольской конторе, обслуживавшей до половины сибирского региона, где торговали «мягким золотом» — мехами. Наименьшие средства — по 100 тыс. руб. — получили Великий Устюг и Ревель (последний в тот период имел главным образом административное и военное значение).

Таблица

Капиталы променных контор (на июль 1786 г.), тыс. руб.¹⁴

Променная контора	Капитал	Променная контора	Капитал
Архангельская	200	Псковская	200
Астраханская	200	Ревельская	100
Великоустюжская	100	Рижская	200
Вышневолоцкая	200	Смоленская	250
Иркутская	395,2	Тамбовская	200
Казанская	200	Тверская	200
Киевская	199,925	Тобольская	1000
Курская	200	Тульская	200
Нежинская	200	Харьковская	200
Нижегородская	200	Херсонская	299,95
Новгородская	200	Ярославская	300
Орловская	200		

Общая сумма капитала променных контор к началу 1786 г. (5,7 млн руб.) была соизмерима лишь с капиталом Московского Ассигнационного банка (5,1 млн руб.) и в 7 раз уступала таковому в Ассигнационном банке в Петербурге (40,9 млн руб.)¹⁵. Это лишний раз подчеркивает исключительное положение столиц как центров концентрации денежной наличности в империи.

Несмотря на то что Екатерина II повелела отсылать в конторы столько медной монеты, сколько в них находилось ассигнаций, это не изменило установившегося соотношения между столицами и провинцией. Средства пересылались главным образом из Петербургского Ассигнационного банка. Также их могли брать из поступавшей в казну подушной подати, в правление Екатерины II приносившей около 30% государственного дохода¹⁶.

О том, что на практике «снабжение» монетой велось плохо, свидетельствует жалоба астраханского губернатора князя Г.А. Потемкина о нехватке в местной конторе медной монеты (1774 г.). Ассигнаций было отпущено сполна, а медной монеты — только на 80 тыс. руб., «а к тому еще не доставлено 120 тыс. руб., и что без оных равновесия в банковых балансах быть не может»¹⁷. «Обращается ныне более ассигнаций в народе, нежели состоит монеты в наличности для обмена их», — говорилось в именном указе от 9 марта 1777 г. о посылке в контору недостающей медной монеты на 120 тыс. руб. Исполнение просьбы, как видно, затянулось, хотя никто не рискнул прямо отказать генерал-аншефу и фавориту императрицы.

В функции променных контор не входили задачи финансирования различных местных нужд, но с течением времени на основании особых указов ассигнации стали отпускаться и целевым образом. В основном это касалось закупок хлеба для губерний. Известно, что в 1786 г. в распоряжение архангельского и олонеккого генерал-губернатора Т.И. Тутолмина было отпущено из Ассигнационного банка 67,5 тыс. руб. «на составление в Архангельской губернии запасных хлебных магазинов». В том же году «заимообразно» Иркутская променная контора отпустила в местную казенную палату 69 тыс. руб. «на покупку хлеба для нерчинских заводов»¹⁸.

При этом основная операция — размен денег — в конторах развивалась слабо. На местах год от года росли злоупотребления. Так, проведенная в 1781 г. проверка наличности Великоустюжской конторы выявила недостачу в 18,5 тыс. руб. Директор успел скрыться, а в его доме вместо денег обнаружили многочисленные долговые документы. Их даже было больше недостающей суммы, а это могло свидетельствовать о том, что на выдачу кредитов частным лицам обращались не только казенные деньги, но и прибыль по прежним

вексельным сделкам. Судя по реестру изъятых долговых документов, список должников включал жену директора конторы, занявшую 7 тыс. руб., а также князя И.А. Янгальчева (300 руб.), семь великоустюжских купцов (на общую сумму 9900 руб.), разных мещан и даже одного экономического крестьянина¹⁹.

В Тобольской конторе подобные «сомнительные» операции вскрылись уже на третий год после открытия. В 1779 г. в Петербург поступил донос о том, что руководство конторы незаконно роздало под проценты 16 тыс. руб. вверенной им казенной суммы. Правление Ассигнационного банка сообщило об этом местному генерал-губернатору Е.П. Кашкину, который явно не спешил расследовать дело²⁰. Только через год он приступил к проверке наличности, когда большинство должников уже вернули деньги. Осенью 1780 г. от губернатора в правление банка поступило письмо, в котором тот «обнадежил» петербургских чиновников. По его словам, в кассе недоставало всего 2936 руб. 76 коп., а все деньги «с людей разного звания строжайше взыскиваются»²¹. Возможно, Кашкин был сам связан с незаконными ростовщическими операциями. По крайней мере, нашлись покровители провинциальных чиновников, не дававшие ходу просьбе правления Ассигнационного банка об их увольнении. Такие ходатайства в 1780 г. дважды подавались на имя императрицы. В одном из докладов даже подчеркивалось, что «Правление... ни при капитале, ни при конторе поверенного человека теперь не имеет»²².

14 марта 1782 г. был издан особый указ Екатерины II, чтобы в променные конторы «определить по рассмотрению своему из людей чиновных состояния добропорядочного»²³. На директорскую должность для заведования Тобольской конторой в мае 1782 г. назначили «честного чиновника» (секунд-майора Ф.Б. Буксгевдена)²⁴.

Однако надежда на честность управленцев нового призыва не оправдалась. Уже в 1785 г. недостача обнаружилась в Ярославской конторе (около 450 руб.). Тогда же Ассигнационный банк потряс и новый скандал: из 200 тыс. руб. разменного капитала Нижегородской променной конторы украли 145,5 тыс. руб., или около 73% всей суммы²⁵. Произведенные на местах проверки выявили, что в провинции деньгами Ассигнационного банка фактически распоряжались местные власти. Такой порядок вещей сенатор Г.Р. Державин застал в Тамбове, где учет сумм велся из рук вон плохо: «Суммы более 150000 рублей валялись вовсе без записки, из коих, носился слух, раздаваны вице-губернатором взаймы казенные деньги без процентов и без залогов — кому хотел»²⁶.

Разумеется, ввиду многочисленных злоупотреблений высоких вельмож, чины поменьше, такие как директора променных контор, тоже не стеснялись воровать. Раскрытые ревизорами отдельные случаи мошенничества, связанные, как правило, с незаконным ростовщичеством, скорее всего, являлись верхушкой массивного айсберга казнокрадства.

Проблема имела и другой аспект. Использование в провинции казенных денег для отдачи их «в рост» свидетельствовало о потребности в кредите, которую государство было не в силах удовлетворить. Прежде всего это касалось кредитования купечества, в XVIII в. проводившегося государством эпизодически и абсолютно не отвечавшего потребностям возросших торговых оборотов.

К середине 1780-х гг. государство на содержании променных контор стало нести серьезные убытки, в то время как размен во многих из них шел крайне слабо. Как правило, он не превышал 20 тыс. руб. в год, а в некоторых конторах не доходил и до этой суммы.

Непрерывно растущие расходы государства, связанные, прежде всего, с огромными затратами на армию, обостряли вопрос об экономии казенных средств. Поэтому при проведении преобразований в Ассигнационном банке в 1785—1786 гг. предметом обсуждения стала целесообразность содержания столь большого числа контор. По этому вопросу А.П. Шувалов представил императрице отдельный доклад. Хотя оригинал документа не сохранился, общее содержание доклада можно восстановить по тем мерам, которые были приняты в ходе реформирования банка. После замены ассигнаций старого образца на новые (произведена в 1786—1787 гг.; к выполнению этой задачи было привлечено 14 променных контор²⁷) по указу от 16 февраля 1788 г. было закрыто 15 контор из 23²⁸. Их капиталы были переданы местным казенным палатам. Деньги из Астраханской конторы были отпущены также «по надобности... Кавказского корпуса» русской армии, а из Иркутской — «по Кабинету нашему для Нерчинских заводов»²⁹. Каменные дома контор было велено продать с аукциона, а вырученные средства доставить в Ассигнационный банк³⁰.

Государственные заведения по размену денег остались лишь в 8 городах, где ежеквартальный размен превышал 10 тыс. руб.: в Ярославле, Смоленске, Нижнем Новгороде, Казани, Орле, Херсоне, Вышнем Волочке и Архангельске³¹. Однако, несмотря на расположение в относительно крупных торговых центрах, променные конторы продолжали приносить казне убыток как из-за расходов на содержание, так и по другим причинам. Например, в результате по-

жара в Архангельске, случившегося в 1793 г., от здания местной конторы остались только «каменные стены и железо»³².

По указу Павла I от 19 декабря 1796 г. были закрыты еще 5 контор, за исключением Архангельской, Рыбинской (переведена из Ярославля) и Вышневолоцкой³³. Остаточные суммы упраздненных учреждений передали в казначейства, истребив ассигнации «публичным сожжением», а их каменные здания приказано было «обратить в казармы для войск, а если на сие надобны не будут, то употребить для больниц»³⁴.

Таким образом, вплоть до начала XIX в. лишь в трех провинциальных городах империи бумажные деньги разменивали на монету без комиссии. Только в 1804 г. была учреждена контора в Одессе, а в 1807 г. — еще в двух южных портовых городах — Таганроге и Феодосии³⁵.

В первой половине XIX в. операция размена денег переместилась в основном в казначейства, которые были в каждом губернском и уездном центре. С течением времени променные конторы стали ненужным придатком финансово-банковской системы страны. Поэтому к 1824 г. были уничтожены все оставшиеся к тому времени провинциальные учреждения Ассигнационного банка. Во исполнение доклада министра финансов Е.Ф. Канкрин, внесенного на утверждение Государственного совета 17 сентября 1823 г., было принято решение «состоящие в Московском отделении Ассигнационного банка и в променных конторах Архангельской и Одесской капиталы, в ассигнациях заключающиеся, равно и имеющиеся у них дела передать в тамошние конторы Коммерческого банка»³⁶. Этот указ лишний раз подчеркнул установившуюся к тому времени тесную связь променных контор с купечеством, так как Коммерческий банк был создан в 1817 г. именно для кредитования торговцев.

С 1860 г. функция размена денег перешла к Государственному банку, создавшему обширную сеть филиалов. К тому времени опыт променных контор, конечно, стал достоянием истории. Изменилась сама техника банковского дела: банковские операции требовали специалистов узкого профиля, хорошо знакомых с денежными оборотами, и другой культуры обращения чиновников с крупными казенными суммами. История лишний раз подчеркнула тесную зависимость между величиной размена, развитием кредита и торговых оборотов, «насыщенностью» провинции деньгами. Не случайно кардинальные перемены в этих областях стали возможны только во второй половине XIX в., в период ускоренного экономического роста страны.

Примечания

- ¹ Так, даже в недавно вышедшей книге В.В. Морозана «История банковского дела в России: вторая половина XVIII — первая половина XIX в.» (СПб., 2001), специально посвященной деятельности казенных банков, променным конторам уделено не более страницы текста.
- ² Эти материалы извлечены в основном из двух фондов: ф. 19 (Госархив) Российского государственного архива древних актов и ф. 484 (Собрание материалов по истории финансов в России) Отдела рукописей Российской Национальной библиотеки. Оба фонда были сформированы главным образом из личных архивов высокопоставленных чиновников и приобретены у частных лиц (как, например, документы ф. 484 в ОР РНБ были куплены в начале XX в.). Они содержат уникальные, часто малоизвестные документы по истории казенных банков.
- ³ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 484. Оп. 1. Д. 47. Л. 5 об.—8.
- ⁴ Пыляев М.И. Старая Москва. М., 1990. С. 61.
- ⁵ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Часть 1. Л. 283—286.
- ⁶ По подсчетам А.И. Юхта, в 1760—1770-е гг. стоимость пуда меди составляла 6—7 руб. Из него чеканили медной монеты на 16 руб.; при этом расходы на чеканку составляли примерно 1 руб. (Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 186).
- ⁷ ПСЗ. Собрание первое. Т. XIX. С. 540—542.
- ⁸ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Часть 3. Л. 20.
- ⁹ ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 49.
- ¹⁰ По указу от 5 мая 1783 г. на постройку 19 домов для Ассигнационного банка и его променных контор было выделено 190 тыс. руб. Руководству променных контор разрешалось даже покупать готовые каменные дома. В 1786 г. было решено строить каменные дома для контор в Нижнем Новгороде, Курске, Харькове, Орле, Туле, Казани, Архангельске, Ревеле и Тамбове; готовые дома предполагалось купить в Новгороде, Пскове, Твери, Киеве, Риге, Нежине и Иркутске (см.: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 421. Часть 4. Л. 33—33об.).
- ¹¹ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Часть 1. Л. 29.
- ¹² Там же. Л. 29.
- ¹³ Там же. Часть 3. Л. 76.
- ¹⁴ Там же. Д. 421. Часть 2. Л. 19об.
- ¹⁵ Там же. Л. 19об., 60об., 62об.
- ¹⁶ См.: Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма. М., 1966. С. 121, 141; Де Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 758—762.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 47. Д. 4075. Л. 415.
- ¹⁸ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 421. Часть 2. Л. 92, 138, 177.
- ¹⁹ Там же. Д. 419. Часть 3. Л. 54.
- ²⁰ Там же. Л. 38.
- ²¹ Там же. Л. 39об.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Часть 7. Л. 25.

- 24 ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 129.
- 25 РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 419. Часть 8. Л. 70—72об.
- 26 Державин Г.Р. Записки: 1743—1812. М., 2000. С. 114.
- 27 ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 194—194об.
- 28 Там же. Л. 283—283об.
- 29 Там же.
- 30 Там же. Л. 284.
- 31 Ламанский Е.И. Исторический очерк денежного обращения в России в 1650—1817 гг. // Сборник статистических сведений о России, изданный Императорским Русским географическим обществом. Кн. II. СПб., 1854. С. 131.
- 32 ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 58. Л. 397.
- 33 Там же. Л. 457.
- 34 Там же.
- 35 Морозан В.В. Указ. соч. С. 66.
- 36 Российский государственный исторический архив. Ф. 586. Оп. 2. Д. 1641. Л. 28.

От консула до агента Министерства финансов: охрана торговых интересов России в Царстве Польском (1815—1830 гг.)**

В круг ведущих государств Восточной Европы Россия вошла в XVIII в., а проводимая ею в этот период внешняя политика оказывала активное воздействие на развитие международных отношений. В эпоху, когда европейские государства вели борьбу за торговое и политическое преобладание, за колонии, Россия должна была создать рычаги эффективной защиты экономических и политических интересов государства за пределами империи¹. Вначале эти задачи выполняли «чрезвычайные и полномочные послы, чрезвычайные посланники, министры, резиденты, а иногда и агенты», — так тогда именовали дипломатических представителей за границей². Со второй половины XVIII в. эти функции были возложены на консульства, сеть которых начала создаваться после присоединения Крыма к России в 1783 г.³

Как отмечают многие исследователи, в России существовал своеобразный «дуализм» консульских функций — политических на Востоке⁴ и торговых на Западе⁵. Последние включали в себя защиту интересов национальной торговли и мореплавания, в том числе торгового и военного флотов, выполнение функций нотариуса, гражданского чиновника и полицейского⁶. Они должны были собирать сведения об иностранных рынках, вести торговые операции казенными товарами, заботиться о наиболее выгодном их сбыте, заключать контракты на поставку и т. д.⁷

Расширение обязанностей консулов и усложнение выполняемых ими задач в начале XIX в. привели к созданию 3 мая 1809 г. Экспедиции консульских дел, которая находилась в непосредственном подчинении министра иностранных дел⁸. Попытка введения единообразия в деятельность консульской службы не сразу достигла своей цели. Переписка «по предметам торговли», а также сбор сведений «о российских промыслах за границей» в соответствии с высочайше

* Марней Людмила Петровна — кандидат исторических наук (Институт славяноведения РАН).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 05—01—01119.

утвержденным разделением дел по министерствам в 1810 г. перешли в ведение Министерства финансов⁹. Продолжала существовать практика выдачи отдельных инструкций консулам, когда их отправляли к месту службы. И только 25 октября 1820 г. был издан устав, впервые определивший права и обязанности консулов¹⁰.

Важным шагом на пути создания учреждения, которое помимо консулов защищало бы торговые интересы государства, стали решения Венского конгресса: они не только изменили систему международных политических отношений, но и привели к пересмотру торговых отношений в Европе. Согласно международным соглашениям, подписанным в Вене, к России был присоединен Центральный Польский район, называемый Королевством (или Царством) Польским, к Пруссии — Великопольские области (Великое княжество Познанское), Восточная Галиция вошла в состав Австрийской империи, а Краков с округом получили статус «вольного города»¹¹. Потерянная политическая самостоятельность должна была компенсироваться экономическим единством. «Во всех частях прежней Польши» должно было беспрепятственно осуществляться «судоходство по всем рекам и каналам», «обращение всех произведений земли и изделий промышленности», транзитная торговля и т. д.¹² Регулировались эти отношения на основе двусторонних соглашений между государствами. Так, в соответствии с трактатом от 21 апреля (3 мая) 1815 г., заключенным в Вене между Россией и Пруссией, каждая из договаривающихся сторон могла «иметь во владениях другой консулов или иных агентов коммерции»¹³. Это положение было подтверждено коммерческой конвенцией, заключенной между Россией и Пруссией 7 (19) декабря 1818 г. В статье 6 этого документа отмечалось, что договаривающиеся стороны предоставляют друг другу право назначать и отправлять в области, составляющие «часть бывшего Королевства Польского после 1772 года со включением и Восточной Пруссии», консулов или коммерческих агентов. Круг обязанностей их был достаточно широк. Они могли «оказывать соотечественникам своим» помощь по торговым делам, а также наблюдать за соблюдением и исполнением конвенции от 7 (19) декабря 1818 г.¹⁴

Включение в состав Российской империи части земель бывшего княжества Варшавского с предоставлением этим территориям, согласно международным соглашениям, широкой экономической автономии поставило перед правительством России ряд задач. Первая состояла в приведении в соответствие с новыми условиями тарифов и осуществлялась в рамках трехсторонней комиссии и двусторонних соглашений¹⁵. Другая состояла в том, что достаточно широкая экономическая и торговая автономия присоединенной территории

ставила под удар торговые интересы Российской империи. В Королевстве не был принят новый торговый тариф, а в преддверии Варшавской ярмарки, на которой купцам, особенно ведущим транзитную торговлю, предоставлялись льготы¹⁶, защищать торговые интересы империи было практически невозможно.

Выход нашли в создании в Варшаве Правления российских таможенных и торговых дел, главная задача которого состояла в том, чтобы наблюдать за российской торговлей, осуществляемой «как чрез Царство», так и «в самом Царстве»¹⁷. Начальником Правления лично Александром I¹⁸ был назначен Антон Яковлевич Ланг¹⁹. Для выполнения возложенных на него функций ему был определен временный штат канцелярии, с тем чтобы «по окончании переговоров с пруссаками и при введении нового тарифа» приступить «к образованию постоянного уже учреждения таможенной части в Царстве Польском и на сухопутной западной границе Империи»²⁰. На основании временной инструкции, утвержденной 17 апреля 1818 г. в Варшаве, А.Я. Ланг, находящийся под непосредственным начальством министра финансов, должен был влиять на деятельность таможен и застав, находящихся «на черте между империею Российскою и Царством Польским». Что касается варшавских ярмарок, то согласно тарифу 1816 г. привоз товаров в Россию сухопутным путем возможен был только через Брест-Литовскую таможню. В этой связи А.Я. Ланг должен был заботиться о том, чтобы все товары, проходящие через нее, провозились через Варшаву, где бы их складировали в «польской таможне варшавских ярмарок». Отправка транспорта с товарами в Россию не возможна была «без выдачи на оные свидетельства или пометы на накладных за подписью генерал-майора Ланга», который, в свою очередь, обязан был посылать предварительные уведомления в российские таможни и заставы о транспорте из Варшавы в Россию. Таможни и заставы должны были доносить ему о всех товарах вообще, а также о товарах, провозимых транзитом из России в Королевство Польское, и точно указывать, кто и когда их провез, какого они качества и сколько получено пошлин. Из этих донесений генерал-майор А.Я. Ланг составлял общий ежемесячный подробный рапорт министру финансов, по которому можно было проверить донесения, полученные от таможен и застав. Польским таможням и заставам также надлежало присылать Лангу «подробные ведомости, куда товары от российской границы отправляются и куда именно из Царства Польского за границу вывозятся». На основании этих сведений можно было бы определить состояние и истинное направление «русской торговли в отношении к средней части Европы»²¹. Инструкция содержала секретные пункты, в соответствии с которыми А.Я. Ланг должен был не только собирать

сведения о возможных злоупотреблениях в Царстве Польском, направленных на подрыв «российских таможенных доходов или во вред... промышленности»²², но и «с благосклонностью принимать прошения и жалобы, которые поступить к нему смогут по сему предмету от купечествующих»²³. Кроме того, начальник Правления должен был «поставить себя в сношение со всеми консулами и другими российскими чиновниками» в Австрии и Пруссии, которым было поручено выдавать «свидетельства мест происхождения (Certificats d'origine), нужные для провоза из тех государств произведений Польского края, дабы тем удостовериться в ходе той торговли и в правильности действий оной»²⁴.

Таким образом, круг обязанностей начальника Правления российских таможенных и торговых дел в Варшаве был очень широк, а возможности для их выполнения — крайне ограничены, что, конечно, способствовало злоупотреблениям, контрабанде и другим нарушениям. П.А. Вяземский в декабре 1818 г. так писал о положении на таможнях: «Брест-Литовский — вертеп таможенников. [...] Здешные таможенные фокус-покусничают с повозками: придет нагруженная бричка, оглянешься — ее уже нет. У Ланга из-под носа так их и скрадьвают. Здесь есть и присланный ревизор из Петербурга от Гурьева. Ланг у них, как собака в киях»²⁵. На пограничной черте от Палангена до Юрбурга, «в местечках, расположенных вблизи границы», имелась определенная категория людей — так называемые «транспортиры». У них были налажены связи «не только с таможенными чиновниками, но и с земской полицией». В любой момент они могли найти необходимое число перевозчиков контрабандного груза. Купцы доверяли этим людям свои товары, предназначенные для тайного ввоза в Россию. «Транспортиры» получали «от них обеспечение» и делали «обязательства о платежах за провоз через границу и доставление в установленное место прокраденных товаров»²⁶.

Справляться со всевозможными злоупотреблениями на таможнях Правлению российских таможенных и торговых дел удавалось с большим трудом. В этих условиях указом от 3 (15) октября 1819 г. устанавливалась полная свобода в торговых отношениях «между подданными Империи Всероссийской и Царства Польского»²⁷. Кроме того, после принятия российского тарифа 1819 г. Королевство Польское было включено в таможенные границы России²⁸. Проведение в жизнь принципов свободной торговли²⁹ негативным образом сказалось на экономическом положении как империи, так и Королевства. Министр финансов Д.А. Гурьев в записке, поданной на имя царя, высказался о необходимости возвращения к покровительственной системе³⁰; установления пограничной линии между

империей и Царством; отмены поощрительных премий на товары, привозимые с варшавских ярмарок; взимания пошлин в соответствии с тарифом со всех товаров, как вывозимых, так и ввозимых, независимо от их происхождения³¹.

Восстановление таможенной черты манифестом от 12 марта 1822 г. привело к ликвидации Главного управления торговых и таможенных дел в Варшаве³², вместо которого, «для облегчения торговых сношений» с Царством, указом от 17 декабря 1823 г. в Варшаве была создана должность генерального агента Министерства финансов. Им стал генерал-майор А.Я. Ланг³³. Обязанности его, подтвержденные позже в § 31 «Общего учреждения о провозе собственных изделий Империи Российской и Царства Польского из одного государства в другое» от 30 июня 1824 г.³⁴, состояли в том, чтобы «защищать интересы русской торговли в Царстве Польском, принимать жалобы от российских подданных, которые сочтут себя ущемленными в правах, и в случае необходимости выступать в их защиту перед польскими властями, дабы обеспечить им пользование правами, предоставленными им постановлениями о торговых сношениях между обоими государствами»³⁵. Кроме того, он должен был защищать интересы российских граждан, осуществлявших транзитную торговлю скотом через Царство в Австрию и Пруссию, если бы они «имели поводы к принесению жалоб» на действия польских властей»³⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что в конце второго десятилетия XIX в. российское правительство принимает целый ряд постановлений, призванных поддержать торговлю и промышленность. 11 июля 1828 г. при Департаменте мануфактур и внутренней торговли был создан Мануфактурный совет³⁷. При росте числа фабрик данное учреждение должно помочь правительству собрать подробнейшие сведения о частных предприятиях и способствовать их развитию, в том числе и при помощи проведения международных выставок «мануфактурных произведений и разнородных образцов»³⁸. Поддержать российскую торговлю, а также способствовать ее распространению должен был Коммерческий совет, созданный в Петербурге при Министерстве финансов 23 октября 1829 г., «с отделениями в Москве, Риге, Архангельске, Одессе, Таганроге». Коммерческий совет был совещательным учреждением, обязанности которого состояли в том, чтобы предоставлять заключения по «торговым делам»; «делать министру финансов представления» о том, какие условия необходимо создать для успешного развития торговли, и «уведомлять его о случившихся или ожидаемых важных переменах в ходе торговли»; доносить о препятствиях или обстоятельствах, затрудняющих «свободное движение и успех тор-

говли»; «вести переписку с отделениями для собрания каких-либо сведений или для сообщения им таковых» и т. д.³⁹

Для наблюдения за развитием мануфактурной промышленности и торговли за границей назначались агенты Министерства финансов⁴⁰. Первым таким агентом при миссии во Франции был назначен барон Петр Казимирович Мейендорф⁴¹. Затем агенты были посланы в Берлин, Лейпциг и Вену. Они должны были содействовать «возвышению технического искусства и вкуса», доставлять сведения «о лучших фабриках, новых изобретениях и положении... промышленности в чужих краях вообще», присылать новейшие образцы «книг, чертежей, моделей и некоторых машин», содействовать поиску «искусных мастеров»⁴². Как показывают новейшие исследования⁴³, агенты успешно справлялись с поставленными задачами.

Таким образом, остается открытым вопрос о том, кого мы можем назвать первым агентом Министерства финансов — А.Я. Ланга или П.К. Мейендорфа. Ответить на него применительно к началу XIX в. непросто. Это было время, когда происходило становление министерской системы, сопровождавшееся частым перераспределением функций между министерствами. Так, консулы постепенно уступили часть своих функций по защите торговых интересов России за границей финансовому ведомству и его представителям в зарубежных странах — агентам Министерства финансов. К 20-м гг. XIX в. консулы подчинялись Министерству иностранных дел, а также должны были находиться в непосредственном контакте с Департаментом внешней торговли Министерства финансов и защищать торговые интересы Российской империи в Европе и Америке.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что обязанности П.К. Мейендорфа и последующих агентов в основном состояли в сборе сведений о промышленности. А.Я. Ланг как глава Правления российских таможенных и торговых дел в Королевстве Польском, а затем и как агент Министерства финансов должен был защищать торговые интересы Российской империи на вновь присоединенной территории. Создание подобной структуры отражало политику российского правительства, направленную на то, чтобы в обход принятой конституции возникали немногочисленные, но очень влиятельные инстанции. Примером тому могут служить должности Н.Н. Новосильцева, императорского комиссара при Административном совете, а также министра статс-секретаря Королевства И. Соболевского⁴⁴, к которому должны были обращаться российские министры по всем вопросам, относящимся к Королевству Польскому⁴⁵. Кроме того, посреднические функции между царем и наместником осуществлял министр статс-секретарь. Таким образом, в эпоху перераспределения функций между министерствами

часть обязанностей, которые раньше выполняли консулы, перешла к агентам Министерства финансов. Можно предположить, что в начале XIX в., когда еще не устоялась структура как высших исполнительных органов, так и подведомственных им подразделений, первым агентом Министерства финансов с 1823 г. был А.Я. Ланг, деятельность которого послужила основой для определения круга обязанностей последующих коммерческих агентов.

Примечания

- 1 История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войны России против Наполеона). М., 1998. С. 5, 10.
- 2 Турилова С.Л. История внешнеполитического ведомства России (1720—1832 гг.): К 200-летию МИД России. М., 2000. С. 15.
- 3 Там же. С. 42.
- 4 Мартенс Ф.Ф. О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. СПб., 1873. С. 576; Первенцев В.В. Консульская служба России в XVIII — начале XIX вв.: Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 1992. С. 12; Наумов Д. Консульское право Европы и Америки. М., 1856. С. 71.
- 5 Первенцев В.В. Указ. соч. С. 9.
- 6 Наумов Д. Указ. соч. С. 85—86.
- 7 Первенцев В.В. Из истории консульской службы России XVIII века // Вопросы истории. 1985. № 8. С. 163.
- 8 Полное собрание законов Российской империи. Собрание I (далее — ПСЗ-1). СПб., 1830 Т. XXX. № 23627. С. 951; Турилова С.Л. Указ. соч. С. 51.
- 9 ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24326. С. 326, 328; см. также: Наумов Д. Указ. соч. С. 29.
- 10 В этом уставе отмечалось, что российский консул должен был наблюдать за соблюдением «прав и выгод российского народа... по торговле и мореплаванию», быть посредником «во всех тяжбах и ссорах по делам торговым и до торговли относящимся». В его обязанности входило также немедленно доносить Министерству иностранных дел и Департаменту внешней торговли Министерства финансов о введении новых налогов или повышении уже существующих, о мерах, которые могли нанести вред торговле, и «по возможности сообщать причины таковых перемен». Кроме того, консулы должны были еженедельно доставлять сведения, со своими комментариями, о ценах и вексельном курсе, об изменениях курса и цен на товары, об уплате государственных долгов, о чрезвычайном выпуске товаров, монеты, банковых билетов и пр. Консул должен был «извещать Департамент внешней торговли о всем вообще, что может касаться до российской торговли и мореплавания», сообщать о тарифах и о переменах, которые могут произойти в этих тарифах; обо всех существующих или вновь публикуемых трактатах и узаконениях, относящихся к торговле и мореплаванию; обращать внимание на то, какие отрасли торговли наиболее процветают. Он должен был представлять свое мнение о том, «какие части русской торговли» могли бы быть «распространены и

- какими средствами» (ПСЗ-1. Т. XXXVII. № 28444. С. 467—476). Консул обязан был исполнять все предписания, которые он получал от Министерства иностранных дел, от российского посольства в том государстве, где он находился, или от Департамента внешней торговли (см. также: Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802—1902. М., 2002. Репринт издания 1902 г. С. 97—98).
- 11 Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 3. СПб., 1876. С. 335.
- 12 Там же. С. 343—347.
- 13 Там же. С. 345.
- 14 Там же. Т. 7. СПб., 1885. С. 332, 349.
- 15 См.: Марней Л.П. Торговая политика России и Королевства Польского после Венского конгресса, 1815—1819 годы // Славяноведение. 2001. № 3. С. 74—81; Она же. Особенности торговой политики России и Королевства Польского в 20-е годы XIX века // Там же. 2005. № 1. С. 30—43.
- 16 Воблый К.Г. Очерки по истории польской фабричной промышленности. Т. 1. Киев, 1909. С. 201.
- 17 Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 19. Оп. 3. Д. 39. Л. 100.
- 18 Там же. Д. 50. Л. 15—15об.
- 19 ПСЗ-1. Т. XXXV. № 27349. С. 214. См. также: РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 50. Л. 31; Воблый К.Г. Указ. соч. С. 303—304.
- До того момента, когда Антон Яковлевич Ланг (Lange, Ланге) возглавил Правление российских таможенных и торговых дел в Варшаве, он с 1791 по 1795 г. служил сержантом, а затем капитаном в Преображенском лейб-гвардии полку, с 1796 по 1798 г. — штабс-капитаном и капитаном в Екатеринославском гренадерском полку, с 1799 г. — военным советником в Военной коллегии, а с мая 1803 г. — в Комиссариатском штате. В 1813 и 1814 гг. был за границей, находился при Резервной армии все время ее существования полевым генерал-кригскомиссаром (Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 1. Л. 168—170об.). В 1825—1830 гг. вел в Вене переговоры о заключении торговой конвенции между Россией и Австрией (Внешняя политика России XIX и начала XX века (далее — ВПР). Серия 2. Т. 5 (13). М., 1982: Док. 190. С. 532—539; Док. 222. С. 626—627; Док. 229. С. 647—648. См. также: прим. 295, 296, 297 на с. 849).
- 20 ПСЗ-1. Т. XLIV. Ч. II. Отд. IV. № 27349. С. 22.
- 21 РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 50. Л. 33—36. См. также: ПСЗ-1. Т. XXXV. № 27349. С. 214—215.
- 22 РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 70. Л. 4—4об.
- 23 Там же. Д. 39. Л. 104об.—105.
- 24 Там же. Л. 105—105об.
- 25 Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. СПб., 1884. Т. 9. С. 63.
- 26 Archiwum Główne Akt Dawnych (Warszawa). Kancelaria senatora Nowosilcowa. №. 303. S. 70—73.
- 27 ПСЗ-1. Т. XXXVI. № 27938. С. 350—352.
- 28 Там же. № 28030. С. 417—499.

- 29 Ajzen M. *Polityka gospodarcza Lubeckiego (1821—1830)*. Warszawa, 1932. S. 103—104; Sartorius von Walterschausen A. *Deutsche Wirtschaftsgeschichte 1815—1914*. Jena, 1923. S. 51; Воблый К.Г. Указ. соч. С. 314—315.
- 30 Лодыженский К. *История русского таможенного тарифа*. СПб., 1886. С. 187, 189, 191; Прошин Г.Г. *Таможенный тариф 1819 года // Научные доклады высшей школы. Исторические науки*. 1961. № 4. С. 115.
- 31 ВПР. Серия 2. Т. 4(12). Док. 129. Прим. 170. С. 676.
- 32 ПСЗ-1. Т. XXXVIII. № 28964. С. 104. См. также: РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 65. Л. 15; Ф. 19. Оп. 3. Д. 67. Л. 21.
- 33 ПСЗ-1. Т. XXXVIII. № 29688. С. 1317.
- 34 Там же. Т. XXXIX. № 29977. С. 425.
- 35 ВПР. Серия 2. Т. 5(13). М., 1982. С. 181. Просуществовав восемь лет, агентство было упразднено 21 октября 1832 г. (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (далее — ПСЗ-2). СПб., 1833. № 5693. С. 800. См. также: РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 70. Л. 2; Ф. 560. Оп. 4. Д. 200. Л. 1—4об.; Ф. 560. Оп. 4. Д. 655. Л. 1—1об.; Ф. 560. Оп. 22. Д. 6. Л. 188—191; Воблый В.Г. Указ. соч. С. 320—321). Е.Ф. Канкрин, объясняя причины этого шага, отмечал, что, по мнению князя Варшавского, не было необходимости существования особого агентства в Варшаве, потому что те обязанности, какие оно выполняло, перешли в ведение «главных директоров, президентов, Комиссий внутренних дел и финансов, избираемых из российских подданных». Кроме того, И.Ф. Паскевич полагал, что «российские купцы, посещающие торговые места Царства, пользуются вполне покровительством правительства». Министр финансов, соглашаясь, со своей стороны, с мнением И.Ф. Паскевича, обращал внимание на то, что правительству Царства Польского остались неизвестны секретные пункты инструкции, данной генеральному агенту, согласно которым он должен был собирать сведения о возможных злоупотреблениях, которые могли бы нанести вред российской промышленности или препятствовали бы получению российским правительством в полном объеме таможенных доходов. Е.Ф. Канкрин считал, что все эти сведения нужно собирать и впредь, а необходимые для этого деньги выделять из сумм, имеющихся «на подобные предметы в распоряжении министра финансов» (РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 70. Л. 3об.—4об.).
- 36 ПСЗ-2. Т. I. 1826. № 272. С. 381.
- 37 Там же. Т. III. 1828. № 2146. С. 683—686.
- 38 Там же. С. 683; Министерство финансов 1802—1902 (далее — Министерство финансов...). СПб., 1902. Ч. 1. С. 340.
- 39 ПСЗ-2. Т. IV. 1829. № 3250. С. 737; Министерство финансов... С. 340.
- 40 Министерство финансов... С. 340.
- 41 Указ от 9 августа 1829 г. (ПСЗ-2. Т. IV. 1829. № 3080. С. 593).
- 42 РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 1. Л. 233—233об.
- 43 Смирнов А.Е. *Агенты Министерства финансов Российской империи за границей (С.С. Татищев в Лондоне): Автореферат дисс... канд. ист. наук*. М., 2003.
- 44 ПСЗ-1. Т. XXXIII. № 26242. С. 615.
- 45 Каппелер А. *Россия — многонациональная империя*. М., 1997. С. 69—70; *Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления*. М., 1998. С. 234.

Правовой статус акционерных компаний в дореволюционной России (институциональные аспекты экономического развития)

Основной целью экономических реформ, декларированной в начале 90-х гг. XX столетия, было создание развитых рыночных отношений во всех сферах экономики. Одной из сторон этого процесса является демократизация рыночного пространства и создание цивилизованных институтов субъектов рыночных отношений, ведущее место среди которых принадлежит акционерным обществам — основным производственно-коммерческим структурам, действующим в сфере экономики.

Исследование современной проблематики развития акционерного права в России с неизбежностью приводит к выводу о целесообразности и необходимости изучения имеющегося дореволюционного правового опыта в этой сфере. Ретроспективный анализ российского акционерного права показывает, что существующие в настоящее время проблемы развития законодательства, такие как правовое регулирование управления акционерным обществом, ответственность последнего, способы защиты прав его акционеров, уже являлись предметом исследования русских дореволюционных правоведов. Поэтому обращение к накопленному в этой сфере опыту и его анализ позволили бы найти новые пути развития и избежать многих ошибок при формировании акционерного движения в наши дни.

Важно отметить, что дореволюционная российская правовая наука, и особенно ее цивилистическая ветвь, имели высочайший уровень развития, они органически впитали в себя как лучшие зарубежные образцы и аналоги в этой сфере, так и результаты чрезвычайно интересного отечественного опыта, обусловленного особенностями российской государственности. Мимо этого опыта не смогло пройти даже законодательство 20-х гг. прошлого века, призванное регулировать принципиально иные отношения государственной экономики. К сожалению, его почти не использовал оте-

* Кушнирук Александра Сергеевна — кандидат юридических наук, главный юрисконсульт «Славянского банка».

чественный законодатель в конце 1980-х — начале 1990-х гг., ориентируясь в основном на зарубежные аналоги. Не учитывая того, что акционерное общество является наиболее сложной организационно-правовой формой предпринимательства, предназначенной для особо крупных капиталовложений, своего рода вершиной организации современной коммерции, но имеющей при всех своих достоинствах и ряд отрицательных свойств, которые позволяют злоупотреблять капиталом акционеров и требуют в силу этого тщательной правовой регламентации, законодатель объявил акционерную форму не только главной, но чуть ли не единственно возможной и перспективной формой предпринимательской деятельности в России. Об этом свидетельствует включение обществ с ограниченной ответственностью в состав разновидностей акционерного общества, а также положения законодательства по вопросу приватизации, фактически не признающего никаких иных организационно-правовых форм. Результаты такого подхода оказались неутешительными. Многие внедренные таким образом конструкции и институты не вписывались в общую правовую и экономическую систему и отторгались сложившимся правосознанием, что, в свою очередь, препятствовало установлению законности в регулируемых отношениях. Однако в последнее время происходит переориентация общественного сознания и деятельности законодателя на имеющийся отечественный опыт, учитывающий специфику нашей страны. Поэтому обращение к национальной истории правового регулирования акционерного дела и его цивилистический анализ способны сыграть одну из ключевых ролей в его современном и дальнейшем развитии. «Подобно тому, как все современное континентальное (европейское) гражданское право имеет в своей основе институты и категории римского частного права, приспособленные к современным потребностям, российское гражданское право нынешнего периода должно стоять на столь же прочном фундаменте дореволюционного отечественного права»¹. Использование же зарубежного опыта в этой сфере должно базироваться на широком применении сравнительно-правовых методов, установлении в условиях России только норм, аналогичных по своим положениям зарубежному законодательству, но основанных прежде всего на отечественных правовых традициях и складывающихся экономических отношениях.

Теоретическую основу данного исследования составили сочинения отечественных ученых по проблемам гражданского права, истории и общей теории права. В ходе работы были проанализированы труды выдающихся правоведов того времени: А.И. Каминки, Л.И. Петражицкого, И.Т. Тарасова, А.С. Лаппо-Данилевского,

П.А. Писемского, В.Д. Спасовича, Г.Ф. Шершеневича, П.П. Цитовича, П.И. Гуссаковского, А.В. Венедиктова.

В настоящее время самым крупным монографическим исследованием, посвященным истории становления и развития отечественного акционерного движения, остается работа Л.Е. Шепелева об акционерных компаниях в России², некоторые аспекты этой проблематики представлены в работе В.И. Бовыкина, посвященной исследованию формирования финансового капитала в России³, а также в коллективной монографии по истории предпринимательства в России во второй половине XIX — начале XX в.⁴, однако такой ракурс изучения данного вопроса, как его цивилистический правовой анализ, на сегодняшний день остался за пределами исследований, что и предопределило актуальность обращения к нему.

Акционерное товарищество: общее понятие

Прежде всего необходимо отметить, что деятельность акционерных обществ в России вплоть до 1917 г. регулировалась «Положением о товариществах по участкам или компаниях на акциях» от 6 декабря 1836 г.⁵, несмотря на многочисленные безуспешные попытки правительства обновить законодательство в этой сфере во второй половине XIX — начале XX в.⁶

Дореволюционное акционерное законодательство отличало использование разных терминов в обозначении акционерных обществ — «товарищества по участкам», «компании на акциях»⁷. В ходе эволюции акционерного законодательства выделились такие основные понятия, как «акционерные общества», «акционерные компании», «паевые товарищества». Акционерное товарищество определялось как «соединение лиц для совместного производства торгового промысла, с ограниченной определенным вкладом ответственностью каждого участника»⁸. Статья 2126 т. X ч. I Свода законов Российской империи признавала товарищество соединением лиц в одном составе. Пaeвое товарищество состояло не менее чем из 2-х лиц, а так как капитал его был разделен на акции или паи, то число его участников не могло быть больше числа акций или паев. Праву того периода был не известен институт «компании одного лица», поэтому сосредоточение акций или паев в руках одного лица означало прекращение товарищества. В своем соединении участники общества образовывали юридическое лицо.

Русские правоведы того времени были едины в том, что акционерное общество является юридическим лицом, а не простой совокупностью его участников-акционеров. Л.И. Петражицкий, говоря

о юридической природе акционерного общества, отмечал: «С юридической точки зрения, субъектом предприятия, предпринимателем являются отнюдь не акционеры и вообще не какие-либо физические лица, а акционерная компания — юридическое лицо. Последнее исключительно является субъектом тех юридических действий (например, покупок, продаж, займов...), которые входят в круг предприятия»⁹. Подобной точки зрения на акционерное общество, но с некоторым уточнением, придерживался и И.Т. Тарасов. По его словам, **«акционерные компании суть юридические лица не столько по существу, сколько в проявлениях своей деятельности** (выделено мной. — А.К.)». Это следует, конкретизировал ученый, «1) из независимости жизни ее от жизни или произвола единичных акционеров, 2) из отчуждаемости акций, 3) из права акционеров получать дивиденд, несмотря на отсутствие права с их стороны на получение обратно своей доли капитала и на отсутствие права со стороны кредиторов их на требование удовлетворения из акционерного капитала... 4) из решения дел, до компании относящихся, не иначе как общею волею, 5) из устранения личной и непосредственной ответственности акционеров по операциям компании, по которым отвечает один только акционерный капитал, и 6) из права компании вчинить иски от своего лица...»¹⁰.

Дореволюционная правовая доктрина, а вслед за ней и судебная практика признавали договорный характер акционерного товарищества. Однако этот вопрос являлся предметом бурной дискуссии. Так, по мнению Л.И. Петражицкого, «акционеры как таковые не состоят друг с другом ни в каких обязательственных и даже ни в каких юридических отношениях». Выразителем схожей позиции был Л.С. Таль, автор самого известного в те годы учебника по торговому праву. Но в теории, основывавшейся на доктрине известного французского цивилиста Р. Салейля, впервые раскрывшего конструкцию договоров присоединения (*contrats d'adhésion*), возобладала такая точка зрения, что акционерные товарищества есть соединения частноправового характера. Эта позиция и была развита в трудах П.А. Писемского, А.Ф. Федорова, Л.С. Талья, Г.Ф. Шершеневича¹¹. Характерным признаком акционерного товарищества считалась ограниченная ответственность всех членов соединения. Ограниченность ответственности выражалась в определенном размере вклада, в независимости от того, принимал ли он форму акции или пая.

В начале XX в. возникало немало товариществ на паях, которые по своей юридической природе мало отличались от акционерных товариществ. Паевыми товариществами назывались компании со сравнительно узким и устойчивым кругом пайщиков (акционеров).

Как правило, они учреждались для продолжения и развития индивидуального или семейного бизнеса, часто в форме торгового дома. Для сохранения решающего влияния на дела фирмы прежних владельцев паи-акции выпускались именными, причем высокого номинала в несколько тысяч рублей, их перепродажа ограничивалась правом преимущественной покупки другими пайщиками, а порядок определения продажной цены определялся уставом. Сенат, исходя из того, что основой паевого товарищества, как и акционерной компании, является ограниченная ответственность его членов, объединил их в один вид¹².

Целью соединения в товарищество признавалось производство торгового промысла. По этому признаку акционерные товарищества отличались от акционерных обществ, «преследующих цели научные, художественные, благотворительные». По существу, различие, устанавливаемое ст. 56 Устава торгового, не влекло никаких правовых последствий даже со стороны подсудности, так как, согласно ст. 2132 т. X ч. I Свода законов, все без изъятия споры акционерных товариществ рассматривались и разрешались в общих, а не в коммерческих судах. Иностранное законодательство этого периода признавало торговыми все акционерные соединения, хотя бы цель их не имела ничего общего с торговлей (Германское торговое уложение, ст. 210; французский закон от 1 августа 1893 г., ст. 6).

Акции: понятие, виды, значение

В дореволюционной цивилистике понятие акции рассматривалось в двух смыслах: материальном и формальном. В материальном смысле под акцией понималось право на участие в предприятии. Это право состояло из следующих элементов: а) участия в разделе прибыли; б) участия в разделе имущества товарищества при ликвидации его дел; в) участия в управлении его делами. Два первых правомочия носили имущественный характер, третье — личный. В формальном смысле под акцией имелся в виду документ, удостоверяющий право на участие в акционерном обществе.

Форма акции определялась ее назначением. Она состояла из двух листов — акционного и купонного. Первый лист удостоверял право на личное участие в разделе имущества, второй давал право на участие в разделе прибыли. Первый лист оставался неизменным, за исключением случая перехода именной акции к другому лицу, второй сокращался вследствие отрезки купонов.

Вопрос о сущности акции являлся центральным вопросом теоретических дискуссий конца XIX — начала XX в. относительно юри-

дической природы акционерного общества. С точки зрения одних, акция — это документ, отражающий право собственности акционеров на долю в имуществе акционерного общества. Для других — это документ, выражающий определенную совокупность прав акционеров. Наконец, третьи полагали, что в акции соединяются первая и вторая характеристики.

Так, П.А. Писемский был убежден, что акция есть свидетельство права собственности акционера на долю компании. По его словам, «признание компании юридическим лицом не исключает права собственности акционеров, ибо компания не есть совокупность их, рассматриваемая как одно лицо. Правда, в течение всего времени существования компании право собственности акционеров выражается лишь в праве на доходы с ее имущества, право распоряжения им принадлежит компании; но по прекращении ее вклады возвращаются акционерам. Право собственности компании есть фикция, введенная для юридических целей, она может до некоторой степени устранить, но не в состоянии совершенно уничтожить действительность»¹³. И.Т. Тарасов считал, что «акция имеет значение документа на известную совокупность прав»¹⁴. Среди этих прав он выделял право членства в акционерной компании, выражающееся в праве голоса, в праве на долю прибыли и в праве на долю имущества компании при разделе его. По словам Л.И. Петражицкого, «права собственности, права требования, иски и т. п. принадлежат не акционерам, а отличному от них юридическому лицу акционерного предприятия»¹⁵.

Анализ высказываний русских правоведов о юридической природе акции позволяет сделать вывод о том, что их мнения имели в основном формальные различия. Все они признавали, что акция выражает право акционера на долю в имуществе акционерного общества, добавляя при этом, что действительным это право становится лишь при ликвидации общества. Однако одни называли такое право правом собственности, а другие — правом требования. Все участники дискуссий соглашались с тем, что акционерное общество является собственником имущества, только одни считали это право собственности фикцией, а другие рассматривали его в качестве реальности, а в качестве юридической фикции предполагалось право собственности акционера на долю в имуществе акционерного общества.

В дореволюционном законодательстве не существовало дробных акций. Неделимость акции как наименьшей единицы вытекала из понятия об акционерном капитале, разбитом на известное число равных долей. Считалось, что к акции, как и к «имуществу нераздельному», должны применяться правила об общей собственности.

Дробление акций или суммы их на части, характерное для французского (*coupure*) и английского (*share*) законодательства, превращает каждую часть в акцию, а акцию делает суммой, потому что каждая часть акции дает право участия в имуществе компании. Русское законодательство исходило из того, что акция, выражающая право на участие в обществе, составляет всегда движимость, в чем бы ни заключалось имущество товарищества. Если фабрики, копи, шахты принадлежали на праве собственности акционерному товариществу как юридическому лицу, то акционер имел право «при жизни товарищества на часть прибыли, при смерти — на денежную ценность»¹⁶. Поэтому к акции, как к движимости, применялись правила об обращении движимых вещей (Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. Ст. 2167).

Особое внимание в дореволюционной правовой литературе, касающейся рассматриваемого вопроса, уделялось разграничению понятий акции и облигации. Колоножниковым в работе «Облигации торгово-промышленных акционерных товариществ» (СПб., 1912) были указаны следующие отличия акции от облигации: а) облигация является долговым обязательством, а обладатель ее — кредитором товарищества, тогда как акция представляет право участия в предприятии, а обладатель ее есть хозяин последнего; б) облигация дает право на определенный процент, акция — на дивиденд, величина которого зависит от размера чистой прибыли; в) имущество товарищества при ликвидации распределяется между акционерами лишь тогда, когда будут оплачены все облигации. Выпуск облигаций может свидетельствовать о хорошем состоянии дел, так как акционеры рассчитывают, что при расширении предприятия на занятый капитал получится прибыль, которая по уплате облигационного процента даст «еще некоторый остаток в пользу акционеров». Когда акционеры рассчитывают, что дивиденд окажется ниже обычного процента, они предпочитают обратиться к дополнительному выпуску акций, если только он найдет подписчиков.

Акции различались «в зависимости от субъекта, обладающего ими, и по объему предоставляемых ими прав»¹⁷. В зависимости от первого критерия акции, как и в современной их классификации, делились на именные и предъявительские. Именная акция указывала имя и фамилию собственника, и только указанное в ней лицо могло считаться акционером и пользоваться всеми правами, соединенными с этим качеством. Все именные акции вносились в особую книгу, так что товариществу были известны фамилии всех акционеров, что при тесных и прочных общественных связях, существовавших в то время, имело немаловажное значение. Акция на предъявителя не содержала никаких указаний на имя и фамилию

обладателя. Акционером признавался тот, кто обладал акцией-документом, следовательно, товарищество не знало фамилий держателей предъявительских акций.

Согласно ст. 2160 Законов гражданских в России были запрещены безымянные акции¹⁸. Но в действительности данное правило соблюдалось лишь в паевых товариществах, тогда как в акционерных обществах акциям на предъявителя отдавалось предпочтение, и свободные капиталы охотно вкладывались в эти акции. Предъявительские акции моментально распространились как средство биржевой игры. Большинство русских правоведов того периода с предубеждением относились к этому виду акций, считая, что «он таит в себе определенную опасность, так как связь, соединяющая акционера с предприятием, достаточно слаба»¹⁹. Учредить акционерную компанию, взять в свои руки большое количество акций, искусственно поднять их рыночную ценность, сбыть их и уйти из товарищества — всегда было делом достаточно обычным в акционерной практике. «Положение о товариществах по участкам или о компаниях на акциях» 1836 г., как отмечалось выше, поначалу запрещало безымянные акции, но с течением времени, при утверждении отдельных уставов, были допущены акции на предъявителя, и потому ст. 2160 т. X ч. 1 Свода законов в издании 1887 г. получила примечание, уничтожающее содержание основного запрета.

В зависимости от объема предоставляемых прав акции подразделялись на простые, привилегированные, учредительские и пользовательские. Простые акции, оплаченные деньгами или вещами, давали право на участие в прибыли общества, которая определялась из баланса и в зависимости от того, сколько приходилось на каждую акцию по разверстке (дивидендные купоны). Привилегированные акции предоставляли их обладателям право на дивиденд в пределах определенного размера, преимущественного перед прочими акционерами, или давали право на дивиденд, когда прибыль еще не получена, за счет средств складочного капитала (процентные купоны). Необходимость такого подхода объяснялась тем, что многие предприятия, требующие продолжительного времени на свое становление, например железные дороги, и потому долго не обещающие прибыль, боялись не найти себе акционеров. В акционерной практике того времени широкое распространение получили учредительские акции, выдаваемые не в обмен на деньги или вещи, а за «личные услуги». Они чаще всего выдавались учредителям за их хлопоты. Наличие таких акций искусственно увеличивало величину складочного капитала по отношению к его действительному размеру. Так называемые пользовательские акции выдавались после проведения амортизации взамен прежних акций. Они давали право участия в

прибыли, но не в разделе ликвидируемого имущества. Такое погашение имело место чаще всего там, где по окончании эксплуатации актив акционерного предприятия должен был перейти в казну или к городскому управлению (например, так было в железнодорожной отрасли, в сфере электрического освещения улиц).

Законодательство большинства европейских стран того периода колебалось относительно вопроса о цене акции. Если складочный капитал предприятия образовывался быстро и легко, предприятие становилось доступным для широких слоев населения, предоставляя возможности для применения труда и капитала, то цена акции назначалась довольно низкой. В Англии встречались акции ценой в 1 шиллинг (около 40 коп. по тому курсу). Низкая цена акций привлекала к акционерным обществам большое количество лиц, не всегда способных понять всей сложности процесса акционирования, вследствие чего цена на акции незамедлительно подсакивала. Французское законодательство исходило из того, что, чем крупнее предприятие, тем менее возможен для массы акционеров действительный контроль. Поэтому французский закон от 1 августа 1893 г. определил низкую цену акции для обществ со складочным капиталом свыше 200 тыс. франков в 100 франков, а для обществ с капиталом ниже 200 тыс. — в 25 франков (10 руб.). Иного принципа придерживалось Германское торговое уложение (§ 180). Исходя из тех соображений, что именные акции приобретаются лицами, желающими прочно связать себя с обществом, оно определяло наименьшую цену акции этого вида в 200 марок (около 100 руб. по тому курсу), тогда как для акций на предъявителя минимум повышался до 1 тыс. марок (около 500 руб.) исходя из того, что этот вид акций не обеспечивал деятельного участия в делах предприятия.

Российское же дореволюционное законодательство было более прогрессивно и в акционерных уставах предоставляло право определять цену акций и только для бумаг акционерных банков устанавливало наименьшую цену в 250 руб.²⁰

Возникновение товарищества

Инициатива возникновения акционерного товарищества, составление проекта устава, обращение к публике с предложением принять участие в новом деле — все это, как и в наши дни, возлагалось на долю учредителей (фундаторов). На них лежала вся подготовка деятельности товарищества, с возникновением которого они входили в его состав на положении акционеров.

Отношения учредителей строились на основе договора. Внешним образом договорный момент проявлялся в подписании проекта

устава. Русское законодательство не предусматривало солидарной ответственности учредителей, в то время как английское и германское право воплотило этот принцип в жизнь. Однако ст. 2166 т. X ч. 1 Свода законов в отношении учреждения акционерных банков говорила о «совокупной ответственности за целостность собранных по подписке сумм». Но вне этого единичного случая оставалась в силе ст. 1548 т. X ч. 1, не предполагавшая солидарной ответственности учредителей: «В отношении к будущему товариществу учредители не более как частные лица, деятельность которых ни в чем не связывает товарищество. Поэтому в отношении к третьим лицам учредители не вправе выступать как представители не существующего еще юридического лица, и для последнего, с момента его возникновения, не обязательны сделки учредителей, хотя бы совершенные в интересах товарищества и даже от его имени»²¹.

И хотя в ст. 2174 т. X ч. 1 Свода законов и говорилось, будто товарищество управляется поначалу его учредителями и потом правлением, практикой подтвердилось мнение, что, пока действуют учредители, товарищества еще нет, а когда товарищество возникло, его представителем может быть только правление. Так, один из учредителей Киево-Брестской железной дороги, Рябинин, заключил договор с фирмой «Тиден Норденфельд и К^о» о поставке рельсов для учреждаемого товарищества. Возникшее товарищество не признало обязательности для себя договора, заключенного не его правлением, и Сенат признал это решение правильным²².

В европейском законодательстве второй половины XIX в. существовало две системы учреждения акционерных обществ: концессионная (разрешительная) и явочная (регистрационная). Русское законодательство придерживалось концессионной системы, т. к. считалось, что для возникновения такого крупного субъекта прав, каким является акционерное общество, способное своей хозяйственной деятельностью оказать значительное влияние на экономическую жизнь общества, необходимо разрешение правительства. «Концессионная система есть разрешения со стороны правительства известному лицу открыть предприятие, которое не подлежит свободному производству, например проведение и эксплуатация железной дороги»²³.

Прошение об учреждении акционерного товарищества подавалось в министерство, в сферу деятельности которого был включен предмет деятельности предполагаемого товарищества²⁴. К прошению прилагался проект устава за подписью учредителей, а если товарищество возникало для приведения в действие нового изобретения, то должны были прилагаться привилегия, выданная на само изобретение, и акт об уступке ее в пользу товарищества. При рассмотрении

проекта в министерстве принималось во внимание: 1) соответствует ли устав общим законам и правилам, изложенным в т. X ч. 1; 2) в достаточной ли степени ограждены уставом интересы будущих акционеров; 3) соблюдены ли права и интересы третьих лиц. «Ввиду обнаруженной в акционерной истории неспособности массы людей, готовых подписаться на акции, разобраться в значении возникающего предприятия, правительственная власть при утверждении устава должна взвесить солидарность нового дела и оградить интересы многочисленных акционеров»²⁵. Рассмотренный и поправленный проект устава вместе с заключением министерства вносился в Совет министров, если для учреждения товарищества требовалось одно разрешение, или в Государственную думу, разумеется с момента существования ее в России. Когда в связи созданием акционерного товарищества испрашивались изъятия из действующих законов, в этом случае министр при представлении проекта присоединял выписку из статей устава, заключающих в себе «особые преимущества товариществу и поднесения их отдельно на Высочайшую конфирмацию Императора»²⁶. Затем на положение Совета министров или на постановление, принятое Государственной думой и Государственным советом, следовало высочайшее соизволение, а устав акционерного общества, вновь подписанный учредителями, публиковался через Сенат в Собрании узаконений и распоряжений правительства, а также в «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях».

После утверждения устава производилось объявление о начале подписки на акции. Срок подписки не мог быть менее 6 месяцев²⁷. Смысл закона заключался в предоставлении возможности участия в обществе лицам, живущим в другой местности. Акционерное товарищество могло возникать и без подписки, если учредители оставляли все акции за собой. Закон предоставлял учредителям право оставлять не более $\frac{1}{5}$ общего предназначенного к выпуску числа акций, тем самым делая подписку необходимым условием возникновения каждого товарищества²⁸. Но отдельные уставы допускали отступление от установленного порядка и разрешали учредителям оставлять все акции за собой. На практике такой порядок был достаточно распространен, и лишь когда оставление акций за собой не сулило выгоды учредителям, объявлялась подписка. По результатам подписки, если спрос на акции превышал предложение, наступала их разверстка, а если спрос оказывался ниже ожидаемого и учредители не желали оставить за собой оставшиеся акции, то товарищество признавалось несостоявшимся. Выдача акций в случае их неполной оплаты производилась, если при открытии деятельности товарищества не требовался весь складочный капитал и уставы

допускали частичную оплату. Тогда удостоверением прав становилась не акция, а временное свидетельство. Неоплаченная сумма могла быть взыскана с акционера правлением товарищества, а в случае его несостоятельности — конкурсным управлением. Временные свидетельства могли быть только именными, что теснее связывало акционеров с обществом. Кроме того, с целью предупреждения возникновения фиктивных капиталов, неполная оплата разрешалась не ниже 25—45%, а в акционерных банках — 50% номинальной цены акций.

При концессионной системе правительство не образовывало, а лишь давало возможность образоваться юридическому лицу, так как было неизвестно, состоится ли подписка на акции. Ст. 2142 т. X ч. 1 Свода законов прямо устанавливала, что «разрешение на учреждение товариществ не включает в себе ручательства правительства в успехе самого предприятия». Моментом образования юридического лица считался созыв учредительного собрания акционеров.

Внутренняя структура акционерного товарищества

Проблема управления акционерным обществом на всех этапах развития акционерного права всегда являлась наиболее дискуссионной. Вопрос о том, какому из органов управления принадлежит ключевая роль в определении деятельности общества, не утратил своей актуальности и на сегодняшний день. «Акционерное товарищество — юридическое лицо, нуждающееся для внутреннего управления и внешних сношений в органах выражения его воли»²⁹. Среди всех структур акционерного общества общему собранию принадлежало центральное место, именно с его деятельностью русские правоведы связывали наиболее сложные проблемы акционерного права.

На практике возникало множество вопросов, связанных с юридическим статусом общего собрания. Показательным примером является нашумевшее дело акционерного товарищества «П. Малютин и сыновья», рассматривавшееся в суде в 1909 г. Общее собрание этого товарищества большинством голосов приняло решение выпустить облигационный заем, однако, поскольку в уставе товарищества ничего не говорилось о возможности принятия такого решения, общее собрание предварительно внесло в данный документ соответствующие изменения. Это и породило спор, поскольку самим уставом не было предусмотрено право общего собрания изменять его содержание. Суд вынес вердикт в пользу мнения большинства и признал за собранием право вносить изменения в устав даже в том случае, если

такое право в уставе не предусматривалось. Действующее законодательство прямо не предусматривало решения этой проблемы, и это дело послужило поводом к дискуссии по вопросу о сущности правомочий общего собрания.

Известный в те годы адвокат В.А. Маклаков, рассматривая дело акционерного товарищества «П. Малютин и сыновья», признал, что для публичных юридических лиц постановление большинства является определяющим, акционерное же общество является юридическим лицом частного права. Его устав создается договором, он сам по себе представляет собой не что иное, как договор, который лишь утверждается в официальных инстанциях. В связи с этим, «если акционерное общество имеет преимущество перед меньшинством и решение большинства обязательно для последнего, то это происходит не в силу веления власти, не по присущему *ipso facto* большинству преимуществу, а по предварительному о том соглашению контрагентов. Большинство только потому и может предписывать меньшинству решать за него, что при составлении устава учредители об этом заранее согласились и что всякий делающийся членом товарищества через посредство устава в этом договоре участвует. Но преобладание большинства само по себе является изъятием из начал договора, а потому и может применяться только в тех пределах, в которых это предусмотрено договором, т. е. уставом»³⁰.

Схожей позиции придерживался И.Т. Тарасов. По его словам, «общее собрание не есть законодательный орган акционерной компании, так как такое значение может быть признано разве только за учредительным собранием, утверждающим устав. Общее собрание в выражениях своей воли ограничено уставом, поэтому оно имеет значение органа управления. Вот почему общим собраниям нельзя предоставить неограниченное право изменять устав компании, а пределы этого права точно определяются частным уставом и общим нормативным уставом»³¹.

Законопроект устава Главного общества российских железных дорог, разработанный комиссией под председательством графа Э.Т. Баранова в 1881 г., предлагал в ст. 89 наказание штрафом от 500 до 1000 руб. и арестом на срок до трех месяцев для передатчиков акций и подставных акционеров и штрафом от 1000 до 3000 руб., а также тюремным заключением на срок от трех месяцев до одного года с лишением права участвовать в акционерных собраниях для виновных в фальсификации решений общего собрания, если они были явно убыточны для акционерного общества и государственной казны.

В русской цивилистике господствовало убеждение, что акционеры должны в общем собрании обладать равным количеством голо-

сов независимо от количества акций, находящихся в их владении: «Исходя из понятия о равенстве всех членов акционерной компании, все акционеры должны бы пользоваться равным числом голосов, ибо невозможно определить экономическое значение того капитала, который помещен ими в акцию: нередко одна акция — все состояние бедняка, между тем как сотни акций — ничто для крупного капиталиста... В акционерных компаниях принимают участие лица самых разных состояний, и потому нет никакого основания предполагать, что богатый владелец 100 акций будет в 100, 50, 20 раз более заинтересован в предприятии, чем бедняк, имеющий одну, две или пять акций, приобретенных им на сбереженные деньги», — писал И.Т. Тарасов³².

А.Ф. Кони, выступая на общем заседании комиссии Баранова, утверждал, что надо различать владение акциями и количество акций, одно владение дает уже право на управление делами акционерного общества: «...пора покончить с безличными общими собраниями бесправных людей, играющих пустую комедию под руководством одного или нескольких крупных акционеров. Пора заставить капитал действовать, не нося лицемерного прозвища общества, которое для него только ширма»³³.

Другой известный русский правовед, В.Д. Спасович, также высказывался в пользу того, что количество голосов акционера в общем собрании должно соответствовать количеству акций, которыми он обладает, подчеркивая, что существенно в данном случае не то, последний или не последний грош свой вложил акционер в предприятие, «но только то, что лишь этим одним грошом он отвечает и ничем больше, что, кроме этого гроша, он ни нравственно, ни юридически не несет никакой ответственности»³⁴.

Действующие уставы акционерных обществ часто, не уравнивая акционеров при голосовании в общих собраниях, тем не менее ограничивали количество голосов, которым мог обладать один акционер. Так, уставом акционерного общества Московско-Рязанской железной дороги предписывалось, что «в Общем собрании может присутствовать каждый акционер, но право голоса принадлежит только акционерам, имеющим не менее десяти акций, владеющий двадцатью пятью акциями имеет два голоса. Затем каждые последующие 25 акций дают право на один голос. Никто не может иметь более десяти голосов по своим собственным акциям; как поверенный других акционеров он может быть представителем еще десяти голосов»³⁵.

Запрет в уставе на возможность иметь одному акционеру более 20 голосов был явлением вполне оправданным. «Вводя в управление капиталом элемент права не капитала, но личности, закон прямо

называет окольные средств для борьбы с таким ограничением. Закон не может сделать, чтобы капиталист, который по числу своих акций имел бы право на несколько сот голосов в общем собрании, согласился иметь их только двадцать, потому что право его распоряжения своим капиталом ограничено законом на $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{20}$ в сравнении с правом других акционеров. Он будет распределять свои акции между подставными лицами и получит в свое распоряжение то число голосов, какое соответствует величине его капитала»³⁶.

Общий вывод, который делали русские правоведы относительно места общего собрания и всей системы управления акционерного общества, сводился к тому, что все управление делами общества будет находиться в руках главных акционеров и никаким законом нельзя этого устранить. Закон всегда оказывается слабее природы того явления, которое он регулирует, и акционерное законодательство не составляет исключения из данного правила³⁷.

Порядок проведения общего собрания регулировался «Правилами о проведении общих собраний» от 21 декабря 1901 г. Правом совещательного голоса, присутствия и участия в обсуждении дел, пользовался каждый акционер, хотя бы у него была лишь одна акция. Право решающего голоса — право участвовать в голосовании принадлежало только тому акционеру, который обладал количеством акций не менее числа, определенного уставом как *minimum*. Таким образом, прерогатива обоснования характера участия акционеров в общем собрании была закреплена за уставами. Акционеры же, имевшие менее необходимого для получения голоса количества акций, могли соединить по общей доверенности свои акции для получения права на один или более голосов. Лишены права голоса были акционеры, состоявшие членами правления или органов наблюдения, в тех случаях, когда вопрос касался вознаграждения, проверки их действий, привлечения к ответственности, а также акционеры, с которыми товарищество собиралось заключить договор.

Право созыва общего собрания принадлежало правлению, ревизионной комиссии, которая вправе была требовать от правления созыва чрезвычайного собрания, и акционерам, представляющим не менее $\frac{1}{20}$ части складочного капитала. До открытия общего собрания производилась проверка прав участия со стороны акционеров. Заготовленный правлением список лиц, заявивших о желании участвовать в собрании, выставлялся за 4 дня до общего собрания для «обозрения всем акционерам». В этот список могли быть занесены обладатели именных акций за 7 дней до общего собрания, обладатели акций на предъявителя, если они были представлены в правление за 7 дней до общего собрания и после того не выдавались обратно в руки.

Собрания могли быть двух видов: очередными и чрезвычайными. Собрание открывалось членом правления, после чего акционеры избирали председателя из своей среды. Голосование было открытым, но при требовании хотя бы одного акционера переходили к закрытой баллотировке, «устраняющей стеснение многих акционеров в смелом выражении своего мнения». Закрытая подача голосов была обязательна при избрании и смещении членов правления и ревизионной комиссии, а также при привлечении их к ответственности.

Постановления общего собрания имели обязательную силу для всех акционеров, в том числе и для тех, которые не участвовали в данном собрании. Однако ни отсутствовавшие, ни присутствовавшие, но оставшиеся в меньшинстве акционеры не были связаны принятым постановлением, если оно состоялось по не предусмотренному уставом вопросу, например, если было сделано пожертвование, о котором в уставе не говорилось. Поэтому хотя бы постановление общего собрания с формальной стороны и соответствовало принятому порядку, а также согласовывалось с интересами общества, тем не менее, раз такое постановление противоречило уставу, оно должно было быть признано недействительным³⁸.

Исполнительным органом в акционерном товариществе являлось правление. Члены правления, называвшиеся директорами, представляли собой «доверенных лиц акционерного товарищества»³⁹. Иногда рядом с директорами, действовавшими на основании особой доверенности и по договору найма, стоял совет из акционеров в качестве контролирующего и направляющего органа, по существу прообраз наблюдательного совета. Члены правления могли быть избраны как из числа акционеров, так и из посторонних лиц, в зависимости от указаний устава. В число директоров могли быть избраны и учредители, что чаще всего и случалось. Лица, состоявшие в высших должностях и званиях государственной службы, соответствующих первым трем классам «Табели о рангах», не имели права занимать какие-либо должности в акционерных товариществах. Российское законодательство содержало жесткие ограничения в отношении совмещения государственной службы и предпринимательской деятельности: лицам, занимающим высшие государственные должности, ст. 734 Устава о службе воспрещалось участие в железнодорожных, пароходных, страховых, торгово-промышленных товариществах и акционерных обществах. Исключение составляли лишь те компании, предмет деятельности которых ограничивался обработкой на месте сельскохозяйственной продукции и эксплуатацией минеральных богатств имений.

Число членов правления не было указано в законе, хотя он предусматривал, что суммы, внесенные в кредитные учреждения, могли

быть истребованы за подписью не менее 3-х членов правления⁴⁰. Следовательно, правление должно было состоять по крайней мере из 3-х человек. Закон не устанавливал никакого предельного срока членства в правлении. Практика исходила из того, что отношения директоров строились на основе договора личного найма, предельный срок которого составлял 5 лет. Поэтому выборы членов правления считались действительными в пределах 5 лет, если уставом не определялся более краткий срок.

Представляется интересным случай, когда по иску душеприказчика В.Ф. Маклецкого к Сибирскому торговому банку, директором которого он некогда состоял, возник спор о признании Маклецкого приказчиком. Сенат, приняв в соображение: а) «что признание кого-либо приказчиком обуславливается не наименованием, а свойством деятельности; б) что приказчиком по закону называется всякий, кто управляет торговыми делами своего хозяина; в) что всякий акционерный торговый банк есть предприятие торговое; г) что директор банка не может быть заведующим торговыми делами акционерного товарищества своего хозяина», пришел к заключению, что Маклецкий, как директор банка, должен рассматриваться как приказчик⁴¹.

В обязанности правления входило: проверка действий учредителей и передаваемого ими обществу имущества, созыв общего собрания, наблюдение за своевременной оплатой акций, если они не были оплачены полностью, рассмотрение предложений акционеров. Главная задача правления заключалась в представлении интересов товарищества «во внешних сношениях», выражаясь языком современных предпринимателей — «переговорах», в заключении сделок от его имени. Вступая в сделки с третьими лицами, директора были ограничены рамками полномочий, предоставленных им уставом. Директора были обязаны представлять отчет о своей деятельности общему собранию. Вознаграждение членов правления определялось уставом или специальным постановлением общего собрания.

Ревизионная комиссия избиралась общим собранием на 1 год и состояла из 5 акционеров. Члены правления могли быть избраны в ревизионную комиссию только по истечении 2-х лет со дня выхода из него. В целях обеспечения интересов меньшинства закон закреплял за акционерами, представившими $\frac{1}{5}$ часть всех предъявленных в общее собрание акций, право самим избирать одного члена ревизионной комиссии. Ревизионная комиссия не позднее чем за месяц до дня общего собрания приступала к проверке «кассы и капиталов, а также к ревизии всех относящихся к отчету и балансу книг, счетов и документов», на основании чего представляла заключение в правление, которое выносило его на рассмотрение общего собрания акционеров.

Права акционера

В дореволюционной правовой науке существовало два противоположных мнения относительно определения правового статуса акционера. Одни правоведы — С.И. Добрин, П.А. Писемский, А.Ф. Федоров, В.А. Удинцев, Г.Ф. Шершеневич — утверждали, что акционеры являются предпринимателями, действующими в обороте именем юридического лица. Другие, как, например, Л.И. Петражицкий, отказывались видеть в акционерах предпринимателей, так как сделки совершаются не от их имени, а от имени юридического лица, а также потому, что они не проявляют заботы, свойственной предпринимателям, т. к. «их доход есть процента с капитала, а не предпринимательская прибыль»⁴². Его оппоненты, отстаивающие первую позицию, обосновывали свои возражения следующим образом: а) юридическое лицо есть только юридическое «средство, которым действуют физические лица», б) и в «единоличных предприятиях предприниматель может не проявлять ни деятельности, ни забот и возложить все это на управляющего, так же как это происходит в акционерном обществе»⁴³. Во многом эти утверждения подтвердились последующей практикой, внесшей со временем свои коррективы.

В прибыли общества акционеры участвовали соответственно количеству принадлежащих им акций. Дивидендом признавалась та часть чистой прибыли, которая, за исключением предусмотренных уставом отчислений, подлежала разделу между акционерами (*quod dividendum est*), а также та доля чистой прибыли, которая падала на каждую акцию. Порядок определения дивиденда сводился к следующему. Ежегодно правление представляло общему собранию отчет о состоянии прибыли и проект ее распределения, общее собрание, заслушав заключение ревизионной комиссии, постановляло произвести различные отчисления на текущий год, а затем утверждало или видоизменяло проект распределения прибыли. Для страховых акционерных обществ устанавливались некоторые ограничения в определении дивиденда. Так, до момента накопления запасных капиталов до размера $\frac{1}{3}$ основного, дивиденд не мог превышать 7%, а до погашения расходов по организации общества дивиденд не должен был превышать 6%⁴⁴.

На основании постановления общего собрания, определявшего размер дивиденда, производилась его выдача по срочным купонам по предъявлении их в кассу. Объявленный дивиденд уже не мог быть изменен последующим постановлением общего собрания, потому что с объявленным размером связывались интересы третьих лиц, так как купоны предъявлялись к оплате в кассу банков и бан-

кирских контор, которые оплачивали купоны на основании объявленного дивиденда. Выданный акционеру дивиденд мог быть потребован обратно конкурсным управлением в том случае, если акционеру было известно, что прибыль фиктивна. Если акционер не являлся для получения причитающегося ему дивиденда, то последний хранился в кассе товарищества в течение 10 лет, после чего акционер терял право на его получение.

Право требования раздела имущества могло быть осуществлено акционером в случае распада товарищества, а также при проведении амортизации — погашения акций, которое заключалось в постепенном, периодически производимом при помощи тиража возвращении акционерам внесенного ими капитала. Такая оплата производилась из чистой прибыли и была допустима только в том случае, если амортизацию предусматривал устав. Взамен погашенных акций нередко выдавались пользовательские акции, благодаря которым акционер не выбывал из состава товарищества, а продолжал наравне с другими участвовать в прибыли и общих собраниях.

Членские права акционера заключались в осуществлении им права участвовать в общих собраниях, быть избранным в члены правления и ревизионной комиссии, знакомиться с балансовыми документами. Участие акционера в обществе не мешало ему быть его контрагентом, но он лишался права голоса в общем собрании в тех случаях, когда обсуждался вопрос о заключении с ним сделки.

Для защиты своих интересов акционер имел право обратиться в суд с иском к товариществу и потребовать в судебном порядке выдачи ему дивиденда, признания постановления общего собрания недействительным полностью или в части, а также прекращения деятельности акционерного товарищества.

Правовое регулирование слияния акционерных обществ

Русское акционерное законодательство не содержало определения понятия слияния. Лишь в условиях о деятельности в России иностранных акционерных обществ встречалось указание о том, что на слияние, или соединение с другими подобными обществами, должно испрашиваться разрешение Министерства торговли и промышленности. Первоначально к слиянию компаний применялся принцип универсального правопреемства, но с 1909 г. Министерство торговли и промышленности с целью обеспечения интересов кредиторов компаний стало требовать обязательной ликвидации обществ, прекращающихся путем слияния. Министерство финансов осталось на позиции прежней практики, и слияния акционерных коммерческих

банков проводились без их ликвидации, на условиях универсального правопреемства⁴⁵.

Отсутствие специальных норм лишало слияние характера особого юридического института и обуславливало применение к нему общих норм о прекращении деятельности и учреждении акционерных компаний.

Слияние — фузионирование — могло быть произведено двумя способами: 1) одно общество поглощало другое, что с юридической стороны представляло собой прекращение существования одного юридического лица с переводом его имущества на имя другого; 2) обе компании прекращали свое существование для образования новой, принимающей их актив и пассив. Второй способ слияния мог проявлять себя двояким образом: либо действительно учреждалась совершенно новая компания на новых основаниях, либо обе компании, в сущности, оставались неизменными, а изменялось только их фирменное наименование и объединялось управление.

Так как фузионирование связывалось с изменением в правах и обязанностях акционеров, то вопрос о нем решался только на общем собрании, в котором, в соответствии с требованием п. 7 прил. к ст. 2158 т. X ч. 1 Свода законов, должно было быть представлено не менее $\frac{1}{2}$ основного капитала (а отдельные уставы требовали и большей доли основного капитала — $\frac{2}{3}$ или даже $\frac{3}{4}$)⁴⁶. Постановление о слиянии должно было приниматься большинством присутствующих в собрании акционеров, уставы, однако, ограничивались нередко требованием согласия $\frac{2}{3}$ явившихся на собрание акционеров⁴⁷. Если в собрание не представлялось необходимое число акций или постановление о слиянии не собирало достаточного числа голосов, созывалось вторичное общее собрание, которое признавалось состоявшимся при любом числе явившихся на него акционеров, и постановление о слиянии принималось простым большинством голосов⁴⁸.

Дальнейшая судьба постановления о фузионировании, принятого при соблюдении указанных условий, находилась в зависимости от того, предусмотрено ли оно было уставом или нет. В положительном случае оно являлось обязательным для всех акционеров, как для участвовавших, так и для не принимавших участия в общем собрании. Если же устав не предусматривал вопрос о фузионировании, то должны были применяться определенные в уставе правила относительно постановления о добровольной ликвидации компании, и в этом случае постановление о фузионировании делалось обязательным для всех акционеров, «так как фузионирование есть не что иное, как одна из форм неполной ликвидации»⁴⁹. Если, наконец,

устав не предусматривал вопросов ни о фузиировании, ни о ликвидации, то постановление общего собрания, принятое при соблюдении вышеуказанных условий, могло быть обязательным только для согласившихся акционеров.

То же правило действовало и в отношении кредиторов компании, поэтому в последнем случае как акционеры, так и кредиторы компании, несогласные на фузиирование, имели право требовать: первые — возврата своей доли из имущества компании, вторые — уплаты по обязательствам компании. В случае же неудовлетворения их требований они могли обратиться в суд, который, в зависимости от обстоятельств дела, мог отменить постановление общего собрания, приостановить его исполнение или обеспечить требование истцов. Поэтому законодательства многих стран в этот период требовали, чтобы имущество фузиирующей компании управлялось отдельно от имущества той компании, с которой она сливалась, до тех пор, пока все кредиторы первой компании будут удовлетворены. В обеспечении интересов кредиторов ст. 2188 т. X ч. 1 Свода законов устанавливала, что акционер не может получить обратно «никакой части своего капитала, пока в одно из государственных кредитных учреждений не будет внесена сумма, необходимая для оплаты всех обязательств компании». Ст. 132 разд. X Устава кредитного также говорила о суммах, оставшихся на покрытие долгов кредитного установления и подлежащих разделу между акционерами, и предоставляла общему собранию право определять, куда «деньги эти должны быть отданы на хранение в случае неявки лиц, коим они следуют». Акционеры в результате сложившейся практики фузиирования и перехода актива и пассива одной компании к другой получали в обмен на свои вклады деньги, акции или то и другое, а в случае образования новой компании с ними рассчитывались акциями последней, но во всех случаях при отсутствии в уставе указаний на общую обязательность постановлений о фузиировании или о добровольной ликвидации несогласные акционеры и кредиторы имели право требовать удовлетворения их претензий исключительно деньгами.

Акт фузиирования должен был быть выражен в письменном договоре, заключаемом уполномоченными на это общим собранием лицами и утверждаемом общим собранием. Как постановление общего собрания о фузиировании, так и вышеуказанный договор должны были быть зарегистрированы и опубликованы, а затем имущество фузиирующей компании должно было управляться отдельно до полного удовлетворения кредиторов или соглашения с ними.

Ликвидация общества

Русское законодательство различало добровольную и обязательную ликвидацию. Добровольная ликвидация являлась результатом добровольного согласия акционеров, представляющих большую часть акционерного капитала, что выражалось в решении общего собрания, принятом большинством голосов в соответствии с количеством акций, принадлежащих каждому акционеру. Постановление общего собрания по этому вопросу было обязательным, вне зависимости от того, предусматривал устав такой вид ликвидации или нет.

Решение о добровольной ликвидации обычно выносилось с целью закрытия компании, но чаще всего оно являлось способом «редукции акционерного капитала». Это значило, что акционерная компания ликвидировалась, чтобы немедленно учредиться вновь с меньшим капиталом⁵⁰. В некоторых случаях добровольная ликвидация служила способом обеспечения права собственности на имущество компании за одним или несколькими акционерами, которые, пользуясь низким курсом акций, постепенно скупали их до тех пор, пока все акции или большая их часть не концентрировалась в их руках, после чего выносилось постановление о ликвидации.

Обязательная или вынужденная ликвидация была следствием: 1) недостаточного числа акционеров, 2) уменьшения акционерного капитала до известной нормы, 3) перерыва в операциях компании свыше установленного срока, 4) истечения срока существования компании, 5) достижения цели, для которой общество создавалось (например, постройка железной дороги), если компания имела целевой характер, или ее недостижимости (например, в результате истощения рудника), 6) постановления устава.

П. 15 ст. 2191 т. X ч. I Свода законов требовал, чтобы в уставе компании был определен порядок ликвидации. В соответствии с этим в уставах акционерных обществ говорилось, что в случае прекращения действия компании общее собрание избирает ликвидационную комиссию и «определяет порядок ликвидации дел общества», а комиссия, приняв дела от правления, вызывает кредиторов и принимает меры к их удовлетворению, «производит реализацию имущества, а также вступает в соглашения и мировые сделки с третьими лицами на условиях, указанных общим собранием»⁵¹.

Роль ликвидаторов возлагалась на лиц, предусмотренных уставом; чаще всего это были члены правления или лица, которых избирало для этой цели общее собрание. Уставы акционерных компаний не ограничивали полномочий ликвидаторов завершением «текущих

дел» и не лишали их права начинать новые операции. Лишь п. 12 ст. 130 раздела 10 Устава кредитного запрещал ликвидаторам кредитных учреждений и страховых обществ продажу недвижимого имущества «по вольной цене» без согласия общего собрания, однако этот запрет нисколько не ограничивал право самого собрания на предоставление ликвидаторам соответствующего полномочия на передачу недвижимого имущества присоединяющей или вновь учреждаемой компании «по вольной цене».

Срок окончания ликвидации в законодательстве указан не был, но ликвидаторам акционерных банков и страховых обществ вменялось в обязанность по истечении каждого года публиковать отчет о своих действиях. Конечной целью ликвидации являлся раздел имущества компании между акционерами. Он наступал только после удовлетворения требований всех кредиторов, свидетельством чего являлось внесение в Государственный банк сумм, необходимых для оплаты всех долгов.

При несостоятельности компании, т. е. когда ее имущества было недостаточно для покрытия долгов, объявлялся конкурс. В юридической доктрине того периода, а также в правоприменительной практике возникал ставший сейчас тривиальным вопрос о том, следует ли считать несостоятельной и потому подлежащей правилам о конкурсе ту компанию, имущество которой, будучи достаточным для удовлетворения требований кредиторов, недостаточно для удовлетворения прав акционеров. В качестве выражения сути этой проблемы, существующей в акционерном праве в течение довольно длительного периода времени, можно привести точку зрения виднейшего дореволюционного правоведа И.Т. Тарасова: «Вопрос этот может быть разрешен только в отрицательном смысле, так как, во-первых, акционеры ни в коем случае не считаются кредиторами компании и акции их не суть долговые обязательства на компанию, а только документы на акционерное право... Конкурс есть не что иное, как та же обязательная ликвидация, но всегда вызываемая исключительно только одной причиной — несостоятельностью компании, причина же эта создает борьбу двух совершенно противоположных интересов — акционеров и кредиторов, влияющую на сам характер ликвидации, называемой поэтому конкурсом. При ликвидации кредиторы получают полное удовлетворение по своим требованиям на компанию, и если кто теряет что-либо, то это одни только акционеры, и главная цель ликвидации заключается в защите интересов акционеров, между которыми должен быть разделен остаток имущества компании, тогда как при конкурсе интересы кредиторов настолько господствуют над имуществом компании, что акционеры не только не получают дивидендов, входящих в конкурс-

ную массу, но даже вынуждены бывают иногда делать еще дополнительные взносы, если акции не были еще сполна оплачены»⁵². Поэтому назначение ликвидаторов общим собранием акционеров представляется вполне оправданным, но применительно к конкурсу это было бы равносильно подчинению акционерам интереса кредиторов компании. Так, например, английское законодательство того периода устанавливало назначение конкурсных администраторов судом и большинством кредиторов.

Порядок признания акционерного общества несостоятельным регулировался законом от 22 мая 1884 г. «О порядке прекращения действия частных и общественных установлений краткосрочного кредита», а также законом от 6 мая 1894 г. «О закрытии акционерных обществ вследствие несостоятельности». В соответствии с этими актами прекращение деятельности акционерного общества вело к разделу его имущества, свободного от долгов, между акционерами. Объявление о признании акционерного общества несостоятельным производилось уведомлением соответствующего министерства для «формального обнародования» через Сенат, а также публикацией в «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях».

Подводя итог, можно сделать следующие обобщающие выводы. Акционерное право дореволюционной России, зародившееся в XVIII в., поскольку именно к этому времени относится появление первых акционерных компаний⁵³, достигло апогея своего развития во второй половине XIX — начале XX в. Для России это был период, когда она в своем экономическом развитии в наибольшей степени приблизилась к Европе. Как следствие этого русское акционерное законодательство развивалось в ключе общеевропейского законодательства, аккумулируя в себе все самое ценное, сформированное европейской правовой системой. Процесс первоначального накопления капитала проходил в промышленно развитых странах приблизительно по одной и той же схеме, соответственно, и развитие акционерных обществ протекало в них во многом идентично.

К середине 30-х гг. XIX в. в Западной Европе интерес к деятельности акционерных компаний со стороны владельцев капиталов возрос настолько, что эмиссия акций не поспевала за спросом. Это привело к значительному росту цен на акции и развитию торговли ими, и во многих случаях акции покупались независимо от цели и выгодности деятельности предприятия. Акционерная организационно-правовая форма являлась заманчивым источником легкой наживы в периоды активизации акционерного движения. «Везде, во всех государствах, зарождение и дальнейшее развитие акционерного дела сопровождалось явлениями самой разнузданной спекуля-

ции»⁵⁴. В дореволюционной России, хоть и несколько позже — во второй половине 1850-х гг., проявились те же тенденции: на начальной стадии формирования капиталистических отношений страна прошла период многочисленных афер, связанных с образованием акционерных обществ⁵⁵.

Законодательство большинства стран старалось своевременно и адекватно откликаться на развитие этой сложной организационно-правовой формы предпринимательства, причем происходило взаимопроникновение норм, выработанных правовыми системами различных стран, поэтому уже на самых ранних этапах своего становления акционерное право проявило себя как интернациональный институт. Россия не была в стороне от этого процесса, ведь именно товарооборот с иностранными партнерами дал импульс к становлению в стране акционерной формы предпринимательства.

Необходимо, однако, отметить, что Россия в сфере акционерного права, развиваясь в данном отношении синхронно с другими странами, во многом опережала государства, традиционно считающиеся пионерами акционерного дела. Так, именно в русском законодательстве впервые был сформулирован и закреплён принцип ограниченной ответственности акционеров⁵⁶, как никакой другой выражающий суть акционерных правоотношений. Что же касается разработки собственно акционерного систематизированного законодательства в России во второй половине 30-х гг. XIX в., предпринятой правительством Николая I, то она представляла собой одну из первых разработок такого рода в мировой практике. «Положение о товариществах по участкам или компаниях на акциях», утвержденное 6 декабря 1836 г., во многом определяло развитие имперского акционерного права вплоть до 1917 г.⁵⁷ Принятие этого закона, в основе которого лежала идея общего регулирования порядка учреждения и правил деятельности акционерных компаний, поставило Россию в один ряд со странами Европы, уже вступившими на путь индустриализации. Ст. 2 названного положения вводила концессионную систему возникновения акционерных обществ, при которой ни одна компания не могла быть учреждена без особого разрешения правительства. Концессионная система как юридическая норма была тогда принята всеми передовыми странами Европы, и ее нельзя расценивать как архаичную черту именно русского дореволюционного акционерного права⁵⁸. Концессионный этап учреждения акционерных обществ прошли большинство промышленно развитых стран. Да и на современном этапе в ряде государств ведение некоторых видов предпринимательской деятельности допускается частным товариществам лишь при получении концессии от государства либо от органа местного самоуправления. Так, например, в

Японии для создания общества с иностранным финансовым участием необходимо получить предварительное разрешение от Министерства внешней торговли и промышленности⁵⁹. Во Франции на образование такой компании также должно быть получено согласие Министерства экономики и финансов. Разрешительный порядок сохранил свое действие главным образом в отношении компаний, которые занимаются банковскими, страховыми операциями, а также компаний с преобладающим участием иностранного капитала.

В дореволюционном акционерном праве были разработаны многие основные категории современной конструкции акционерного общества, такие как общее понятие акционерного общества (товарищества), виды и значение акций, формирование уставного капитала, права акционера, управление акционерным обществом, его слияние и ликвидация.

В соответствии с законодательством акционерная компания признавалась юридическим лицом и рассматривалась как организация с определенным капиталом, формируемым из вкладов участников. Особенностью формирования акционерного капитала в дореволюционном праве было то, что, кроме складочного капитала компании, образовывался и запасной капитал, который являлся дополнительной гарантией обеспечения прав кредиторов акционерного общества.

Российским акционерным обществам была свойственна в основном двухзвенная система управления — общее собрание и правление. Российское законодательство не требовало учреждения проверочного (наблюдательного) совета, но с течением времени этот орган появился во многих крупных акционерных обществах. Показательным является тот факт, что члены правления и других исполнительных органов общества не могли являться членами наблюдательного совета, кроме того, «в члены проверочного совета не могли быть избираемы лица, состоящие в близком родстве с членами правления или директорами»⁶⁰.

Несомненным достоинством отечественного дореволюционного акционерного права являлось существование разнообразных видов акций, в том числе предъявительских. «Необходимым условием привлечения капиталов в акционерные компании является свобода оборота акций и легкая их реализуемость; этими свойствами обладают прежде всего предъявительские акции»⁶¹. В прибыли общества акционеры участвовали соответственно количеству принадлежавших им акций. Дивидендом признавалась та часть чистой прибыли, которая за исключением предусмотренных уставом отчислений подлежала разделу между акционерами, а также та доля чистой прибыли, которая падала на каждую акцию. Право требования раздела

имущества могло быть осуществлено акционером при распаде акционерного товарищества, а также при проведении амортизации в том случае, если она предусматривалась уставом.

Акционер имел право участвовать в общих собраниях, быть избранным в члены правления и ревизионной комиссии, знакомиться с балансовыми документами. Участие акционера в обществе не мешало ему быть контрагентом последнего, но он лишался права голоса в общем собрании в тех случаях, когда обсуждался вопрос о заключении с ним сделки. Для защиты своих интересов акционер имел право обратиться в суд с иском к товариществу и потребовать в судебном порядке выдачи ему дивиденда, признания постановления общего собрания недействительным полностью или в части, а также «акционерного товарищества прекратившимся»⁶².

Таким образом, оценивая дореволюционное отечественное акционерное право в целом, следует сделать вывод, что это был развитый институт, отвечающий экономическим и социальным реалиям своего времени. В России была создана эффективная правовая система, регламентирующая вопросы учреждения, организации, прекращения существования и осуществления контроля за функционированием акционерных обществ с учетом географической и экономической специфики страны, что способствовало долговременной и продуктивной деятельности акционерных компаний не только на внутреннем, но и на международном рынке. Эффективность норм акционерного законодательства рассматриваемого периода объясняется и его тесным взаимодействием в рамках гражданского законодательства с торгово-промышленным и банковским законодательством. Необходимо отметить, что на этой основе государство имело возможность осуществлять весьма разумный и действенный контроль за притоком внутреннего и внешнего капитала в акционерные общества, поощряя конкуренцию между крупными торгово-промышленными компаниями, тем самым обращая их интересы на развитие национальной российской экономики.

Примечания

- 1 Суханов Е.А. Вступительная статья // Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. М., 1994. С. 25.
- 2 См.: Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973.
- 3 См.: Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. М., 1984.
- 4 См.: История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 2000.

- 5 Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). II собр. Т. XI. Отд. 2. № 9763.
- 6 См.: Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 111—121, 188—201, 216—222.
- 7 Свод законов Российской империи (далее — Свод законов). Т. X. Ч. 1. Ст. 2128, 2131, 2139; Устав торговый. Ст. 55, 58.
- 8 См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 138.
- 9 Петражицкий Л.И. Акционерная компания: По поводу предстоящей реформы акционерного права. СПб., 1898. С. 37.
- 10 Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. Ярославль, 1879. С. 97.
- 11 См.: Писемский П.А. Акционерные компании с точки зрения гражданского права. М., 1876; Федоров А.Ф. Курс торгового права. Одесса, 1903; Таль Л.С. Отчет о договорах присоединения // Вестник гражданского права. 1914. № 1; Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 1. СПб., 1908. С. 45.
- 12 ПСЗ. II собр. Т. XXXIX. № 15800. Решение Кассационного департамента Сената 1898. № 31.
- 13 Писемский П.А. Указ. соч. С. 59.
- 14 Тарасов И.Т. Указ. соч. С. 5.
- 15 Петражицкий Л.И. Указ. соч. С. 37.
- 16 Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. С. 145.
- 17 Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2000. С. 369.
- 18 Свод законов. Т. X. Ч. 1.
- 19 Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. С. 146.
- 20 Свод законов. Т. XI. Ч. 2. Устав кредитный. Раздел X. Ст. 6.
- 21 См.: Спасович В.Д. Вопросы, возбуждаемые новейшими проектами преобразований акционерного законодательства в России // Вестник права. 1900. № 8.
- 22 Сборник решений 4 Департамента и общих собраний Правительствующего Сената по делам коммерческих судов Империи / Сост. Д.А. Носенко. СПб., Т. 1. 1878. Решение № 186 (1873 г.).
- 23 Свод законов. Т. XII. Устав путей сообщения. Ст. 575.
- 24 Там же. Т. X. Ч. 1. Ст. 2190.
- 25 Белинский В.Е. Недействительность учреждения акционерной компании // Вестник права. 1899. № 8.
- 26 Свод законов. Т. X. Ч. 1. Ст. 2141, п. 2; Ст. 2196.
- 27 Там же. Ст. 2166, п. 1.
- 28 Там же. Ст. 2165.
- 29 Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. С. 523.
- 30 Маклаков В.А. Власть большинства в акционерных компаниях // Вестник гражданского права. 1914. № 2. С. 138—139.
- 31 См.: Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. Вып. 2. Ярославль, 1880. С. 161.
- 32 Он же. Учение об акционерных компаниях. М., 2000. С. 244.
- 33 Цит. по: Черножуков М.В. Развитие акционерного права в России в XIX — начале XX в. 1805—1917 гг. Историко-правовое исследование: Дисс... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001. С. 79.
- 34 Спасович В.Д. Об акционерных обществах. Тифлис, 1885. С. 6—7.
- 35 Устав Общества Московско-Рязанской железной дороги // Щепкин М.П. Наши акционерные порядки. М., 1884. С. 81.

- 36 См. статью В.Д. Спасовича в: Русская мысль. 1885. Кн. 3. С. 109.
- 37 Там же. С. 107.
- 38 ПСЗ. III собр. Т. XXI. 1901. Отд. 1. 1903. Кн 2. Решение Гражданского департамента Сената. № 127; Т. XXIX. 1909. Отд. 1. 1912. Решение Гражданского департамента Сената. № 3.
- 39 Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. С. 423.
- 40 Свод законов. Т. X. Ч. 1. Ст. 2178.
- 41 ПСЗ. III собр. Т. XXIX. 1909. Отд. 1. 1912. Кассационное решение Гражданского департамента Сената. № 36.
- 42 Петражицкий Л.И. Указ. соч. С. 36.
- 43 Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. С. 162.
- 44 Свод законов. Т. X. Ч. 1. СПб., 1892. Ст. 2200.
- 45 Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1910. № 96. Слияние Русско-Китайского и Северного банков в Русско-Азиатский банк.
- 46 Венедиктов А.В. Слияние акционерных компаний. СПб., 1915. С. 217. Уставы Санкт-Петербургского страхового общества (§ 48), Северного пароходного общества (§ 76), Восточного общества товарных складов, страхования и транспортировки товаров (§ 68).
- 47 См.: Свод законов. Т. X. Ч. 1. Ст. 2148; Венедиктов А.В. Указ. соч. С. 217. Уставы Восточного общества товарных складов, страхования и транспортировки товаров с выдачей ссуд (§ 69); Санкт-Петербургского общества страхований (§ 48), Русско-Азиатского банка (§ 56, 59).
- 48 Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2000. С. 584.
- 49 Там же.
- 50 Там же. С. 585.
- 51 Венедиктов А.В. Указ. соч. С. 219. Уставы акционерного общества Екатеринославского костеобрабатывающего завода (§ 68), Восточного общества товарных складов, страхования и транспортировки товаров с выдачей ссуд (§ 85), Северного пароходного общества (§ 83).
- 52 Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2000. С. 591.
- 53 Каминка А.И. Акционерные компании: Юридическое исследование. Т. 1. СПб., 1902. С. 329.
- 54 Тарасов И.Т. Настоящее и будущее русского акционерного дела // Русское обозрение. 1897. № 3. С. 263.
- 55 См.: Лизунов П.В. Российское общество и фондовая биржа во второй половине XIX — начале XX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2005. М., 2005.
- 56 ПСЗ. Т. XXVIII. № 21900. 1805. 6 сентября.
- 57 Свод законов. Т. X. Ч. 1. Ст. 2139—2198.
- 58 См.: Черножуков М.В. Указ. соч.
- 59 Henderson D. Foreign Enterprise in Japan: Laws and Policies. The University of North Carolina Press, 1973.
- 60 Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2000. С. 577.
- 61 Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. С. 146.
- 62 Там же.

История предпринимательства

Уральские заводчики в первой половине XIX в.: особенности и итоги владения и управления

Рубеж тысячелетий ознаменован утверждением новой парадигмы гуманитарного знания, выдвинувшей на первый план антропоцентричный подход в исторической науке. Его применение в изучении отечественной экономической истории ставит в центр исследований ее наиболее значимых «действующих лиц» — предпринимателей, и в частности владельцев крупных промышленных предприятий. Изучение их личной и семейной истории, особенностей предпринимательской деятельности позволяет не только реконструировать их социальный облик, но и углубить представление о роли субъективного, личностного фактора в экономической истории.

Наше исследование посвящено владельцам горно-заводских округов крупнейшего металлургического региона России — Урала — первой половины XIX в., периода далеко не однозначного и сравнительно слабо изученного в контексте истории российской и уральской экономики. Анализ историографии показывает, что, в отличие от более полно представленных в трудах историков предыдущего и последующего периодов развития горно-заводской промышленности, состав и экономическая роль заводчиков первой половины XIX в. остаются до сих пор малоизученными¹. Проведенное нами исследование позволило в какой-то степени восполнить указанный пробел. В ходе реконструкции практик владения по всем 50 частным горно-заводским округам Урала первой половины XIX в. восстановлен состав владельцев и изучена их деятельность по выполнению базовых функций владения и управления².

Определение персонального состава владельцев показывает, что за период с 1800 по 1861 г. в этой роли побывало 324 чел., представлявших 31 род, в том числе 14 разветвленных родов, включавших от 2 до 24 фамилий, и 14 заводчиков, не давших начало династиям³. За вычетом 60 лиц, вступивших в права владения еще в предшествующем столетии, количество заводчиков первых шести десятилетий XIX в. примерно в 1,4 раза превышало общее число уральских за-

* Неклюдов Евгений Георгиевич — доктор исторических наук (Социально-гуманитарный институт Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии).

водчиков периода всего XVIII в. Это говорит о значительном росте их численности, что при отсутствии возможности образования новых горно-заводских хозяйств на казенных землях (запрет введен Манифестом 28 июня 1782 г.) явилось следствием двух основных процессов: «генеалогической» эволюции родов заводчиков, т. е. естественного прироста, и движения заводской собственности в ходе купли-продажи.

По числу владельцев группа «старинных» родов, сформировавшихся еще в XVIII в., была представлена 275 лицами (84,9% всех владельцев), в том числе 238 дворянами (86,5% владельцев в группе), 26 купцами и почетными гражданами (9,5%) и 11 мещанами (4,0%). В составе группы было 35 титулованных особ и 108 женщин (около 40%), получивших заводы, как правило, по наследству. В течение изучаемого периода эта группа уменьшилась почти на половину и потеряла 23 из 48 горно-заводских хозяйств, находившихся в их владении. К 1861 г. группа «старинных» заводчиков, представленная 65 лицами (63 дворянина и 2 почетных гражданина), полностью или частично владела 28 горно-заводскими округами⁴.

В группу «новых» владельцев, вошедших в состав уральских заводчиков в первой половине XIX в. путем покупки заводов, входили 49 лиц (15,1% от всех владельцев), в том числе 26 дворян (53% владельцев в группе) и 23 купца (47%). Среди них было 13 женщин (26,5%), включая одну титулованную. В 1861 г. 18 «новых» заводчиков (9 дворян и 9 купцов) полностью или частично владели 14 округами⁵. В результате увеличения роста числа представителей доминировавших «старинных» дворянских родов (как правило, 3—6-поколенных), а также благодаря вертикальной социальной мобильности и государственной политике⁶, в течение первой половины XIX в. из состава заводчиков выбыли низшие слои городских обывателей (мещане и купцы 3-й гильдии), и группа стала более однородной и «благородной» по статусу (63% дворян в 1800 г. и 87% в 1861 г.).

Заводовладельцы-дворяне принадлежали ко всем учтенным законом группам (дворянство жалованное, военное, по чиnam и орденам, иностранное, титулованное и древнее) с преобладанием жалованного дворянства, что отразило сложную историю происхождения большинства заводчиков еще в XVIII в. В первой половине XIX в. восходящая социальная мобильность достигалась в основном военной и гражданской службой, зачастую связанной с благотворительной деятельностью. Этим путем воспользовались 9 купеческих родов⁷. Среди небольшой недворянской группы в составе уральских заводчиков преобладали первостатейные столичные купцы и почетные граждане.

Развитие принадлежавших им промышленных хозяйств во многом зависело от того, как заводчики выполняли свои базовые функции владения и управления. В новый период развития уральской горно-заводской промышленности в первой половине XIX в. одна из этих функций — владельческая, или юридическая, — заключалась в оформлении и отстаивании своих прав на заводы, а также решении проблем наследования заводской собственности.

Известно, что одним из следствий развития уральской промышленности в сложный период ее становления в XVIII в. явилось утверждение с 1794 г. двух юридических статусов заводов — владельческого и посессионного, отличавшихся степенью правоспособности в отношении распоряжения заводами, землями и заводским населением⁸. В этой связи важное место в юридических делах владельцев первой половины XIX в. занял вопрос об установлении исторически обоснованного статуса заводов, согласующегося с принципами их основания и отношениями с казной. При этом заводчики стремились, если имелась хоть малейшая возможность, к приобретению более привлекательного владельческого статуса, равнозначного статусу полного собственника.

С этими проблемами заводчики, отнесенные к группе посессионеров, пытались справиться двумя способами. Один из них заключался в индивидуальной борьбе владельцев за перевод отдельных заводов в группу владельческих. Об этом свидетельствует история Билимбаевских заводов Строгановых, Сергинско-Уфалейских — Губиных, Суксунских и Ревдинско-Рождественских — Демидовых и Кыштымских — Расторгуевых. Но это, как правило, приводило лишь к расширению группы округов двойного статуса, в составе которых имелись как посессионные, так и владельческие заводы. Второй способ заключался в коллективной борьбе заводчиков против посессионных ограничений. Но ее результатом стало лишь некоторое облегчение правил распоряжения заводскими крепостными в 1830—1850-е гг., а не отмена всех норм посессионного права. Случалось, что и вотчинники объединяли свои усилия, когда власти покушались на их права⁹. Таким образом, подобная активность заводчиков не привела к полной ликвидации посессионного права, которое, в отличие от фабрично-заводской промышленности, сохранялось в горно-заводской промышленности в течение всего XIX в. Такое положение во многом объяснялось заинтересованностью казны, обусловленной возможностью получать повышенную горную подать с 58% горно-заводских округов Урала, имевших посессионный или двойной статус. Позиция государства становится понятной, если учесть, что горная подать шла преимущественно на финансирование казенных заводов, работавших на оборону.

Практики владения свидетельствуют также, что сверхактуальной в первой половине XIX в. стала проблема «многовладельческой» собственности, связанная с «генеалогической» эволюцией преимущественно «старинных» и отчасти некоторых «новых» родов, насчитывавших в своей истории владения заводами уже от 2 до 6 поколений. Трудности возникали в связи с владением горно-заводскими округами, признанными «нераздельными» именами еще в 1762 г. Такие владения, фактически находившиеся в общей собственности нескольких лиц, испытывали проблемы «измельчания» доходов, усложнения управления и финансирования, что создавало почву для споров. Случалось, что разногласия совладельцев выливались в острые и длительные семейные конфликты, негативно влиявшие не только на отношения между родственниками, но и на деятельность заводов. Нам известно о 15 таковых конфликтах, большая часть которых напрямую касалась вопросов заводской собственности¹⁰.

Предусмотрительные или наученные горьким опытом заводчики старались различными способами не допустить или преодолеть дробление имений и его последствия. На практике это достигалось путем денежного и/или натурального выдела совладельцев, учреждения майората, добровольной передачи владения одному наследнику с правом получением фиксированного дивиденда, раздела округов без дробления заводов или с «раздроблением на части». Случались и сложные разделы, сочетавшие несколько вариантов¹¹. Наиболее «безболезненным» для заводов оказывался либо «натуральный выдел» совладельцев, либо раздел округов. Но воспользоваться этими вариантами могли только те заводчики, во владении которых оказывалось несколько округов или равная по доходам или стоимости с заводами не заводская собственность — вотчины, дома, лавки и пр. Различные варианты денежного «выдела», включая и близкий к нему майорат, обременяли заводы значительными непроизводственными расходами и могли негативно влиять на их развитие. Фактический раздел Пожевского округа, как показал печальный опыт Всеволожских, привел к банкротству владельцев и потому оказался единственным в первой половине XIX в.

Сложности осуществления таких мероприятий предопределили то, что наиболее распространенным оставался «долевой» раздел заводов (50 из 78 учтенных разделов, или 64%), во многих случаях сопряженный с негативными последствиями. Способ преодоления возможных разногласий по управлению общим имением был успешно апробирован наследниками С.С. Яковлева, владельцами одного из самых «многовладельческих» округов — Алапаевского (в 1861 г. — 14 чел.). Они составили особое Положение по управле-

нию, утвержденное императором в 1858 г. Право голоса в общем управлении зависело от доли участия во владении. Этим способом учреждения семейно-паевого товарищества воспользовались владельцы еще нескольких горно-заводских округов (Невьянского, Пожевского, Нижнетагильского), но произошло это уже в пореформенный период. Неудачная попытка составления такого рода положения владельцами Сергинско-Уфалейских заводов Губиными в 1857—1859 гг. послужила одной из причин их скорого разорения.

Таким образом, осуществление функции владения в изучаемый период сталкивалось с проблемами статуса заводской собственности. При их решении заводовладельцы практиковали разные способы, среди которых наиболее распространенные оказались далеко не самыми эффективными. В итоге обострившиеся в первой половине XIX в. проблемы владения заводами так и не были устранены и достались в наследство следующему периоду истории уральской горно-заводской промышленности, усугубив присущие ему кризисные проявления.

Вторая функция заводовладельцев — организационно-распорядительная, или административная, — в первой половине XIX в. претерпела серьезную эволюцию, связанную с изменением места и роли владельца в структуре управления. Еще с XIX в. в историографии распространено мнение о том, что заводчики уже не жили тогда на своих заводах и не принимали личного участия в управлении ими¹². Изучение практик владения показывает, что это представление справедливо лишь отчасти.

Действительно, «пространственное» отделение владельцев от владений началось еще во второй половине XVIII в. и было вполне закономерным следствием действия двух основных факторов: 1) завершения процесса формирования окружной организации заводского хозяйства, и в частности аппарата его управления¹³; 2) нобилитации заводчиков-недворян и происходивших вследствие этого изменений в их образе жизни и менталитете, в то время как у большинства потомственных дворян владение заводами изначально совмещалось с государственной службой и не меняло привычного образа жизни, за рамками которого оказывалось проживание на заводах¹⁴. Основным местом жительства знатных и богатых заводчиков стал Петербург, а резиденциями — великолепные дворцы на центральных аристократических улицах города. Так, только на Английской набережной домами владели девять родов уральских заводчиков¹⁵. Но в такой ситуации была выработана особая модель дистантного управления, ставшая наиболее распространенной в первой половине XIX в. Механизм участия владельцев в таком управлении зависел от расстояния, на котором находился владелец

от хозяйства, от структуры и величины последнего, от наличия связанных с заводами вотчин и в общих чертах оказался у всех заводчиков схожим. Обязательными элементами структуры такого управления являлись центральное, расположенное, как правило, при резиденции владельца, и многоуровневое заводское правление на Урале, а также конторы по продажам в разных торговых центрах России и, если продукция заводов шла на экспорт, в Западной Европе и на Востоке. В этой сложной системе управления роль заводладельца сводилась к функции высшего контроля, осуществлявшегося не только посредством деловой переписки, но и во время нечастых приездов владельцев или их уполномоченных на заводы; к определению перспектив развития заводов при динамично меняющейся рыночной конъюнктуре; к проведению такой социальной политики, которая способствовала бы гармонизации отношений заводчика и представлявшей его на заводах администрации с горно-заводским населением. Важнейшей обязанностью владельца являлось обеспечение предприятия оборотным и запасным капиталами, от которых напрямую зависела стабильная работа заводов.

Реконструкция практик владения свидетельствует, что временный или хронический недостаток оборотного и отсутствие запасного капитала испытывали в первой половине XIX в. преобладающее большинство горно-заводских хозяйств Урала. Зачастую это приводило к задержкам в оплате труда рабочих, запрещенной расплате с ними заводской продукцией, «ярлыками» или «бонами», как, например, в Пожевском округе Всеволожских в 1840-е гг.; к несвоевременной или ограниченной заготовке «заводских припасов», включая хлебный провиант для населения; к временной или полной остановке заводов; к срыву договоров о продаже металлов; к невыгодной «кредитной» продаже их еще до изготовления и накоплению податных недоимок. Такой компетентный человек, как главный начальник уральских заводов В.А. Глинка, в 1846 г. констатировал, что «нужду» в оборотных капиталах имели «все заводчики, исключая очень немногих»¹⁶. Среди тех немногих, кто справлялся тогда с финансированием заводов за счет «внутренних» резервов, можно назвать «тагильских» Демидовых, «верх-исетских» Яковлевых, «симских» Балашевых и «катавских» Белосельских-Белозерских. Остальные были вынуждены прибегать к разнообразным способам решения финансовых проблем, в первую очередь за счет «внешних» заимствований.

Наиболее распространенным из них был залог заводов в «кредитных установлениях» и у частных лиц. Лидирующее положение среди кредитных учреждений у уральских заводчиков занимал Государственный Заемный банк. С начала XIX в. и до 1861 г. он выдал

им около 9,8 млн руб. сер., что составляло 54,8% всех учтенных нами ссуд и около трети всех операций банка за время его существования (с 1787 по 1859 г. они составили 32,2 млн руб.). Причиной тому оказались более выгодные условия, предоставлявшиеся банком горнозаводчикам под залог крепостных, по сравнению с Петербургской и Московской сохранными казнами, хотя их операции в масштабах всей империи по объему более чем в 10 раз превышали операции Заемного банка. Сыграл свою роль и запрет 1824 г. сохранным казнам выдавать ссуды под залог приписанных к заводам населенных имений (т. е. посессионных владений)¹⁷. Судя по статистике залоговых операций, опекунские советы сохранных казен выдавали ссуды исключительно заводчикам-вотчинникам, Коммерческий банк — в основном заводчикам-посессионерам, особенно после того, как в 1847 г. была открыта его Екатеринбургская контора, выдававшая краткосрочные ссуды под залог металлов. Государственные Вспомогательный банк для дворянства, учрежденный в 1797 г., и Заемный банк, а также горные учреждения — Горный департамент Министерства финансов и Уральское горное правление — в своей кредитной политике не делали различий между статусными группами заводов и заводчиков. Эти же данные свидетельствуют, что наиболее активно пользовались всеми видами займов владельцы Лысьвенского округа В.А. Шаховская и В.П. Бутеро, получившие из Московской сохранной казны, Заемного банка, Горного департамента и от родственников Голицыных 1608474 руб. сер. Крупнейшими заемщиками банка оказались владельцы Билимбаевского округа С.В. и Н.П. Строгановы, по четырем ссудам получившие 2752913 руб. под залог многотысячного населения своих уральских вотчин. Чаше других заводчиков пользовались помощью государства «суксунские» Демидовы, получившие по пяти ссудам из Заемного банка 1552200 руб., а по ссуде из Государственного казначейства и трем ссудам из Уральского горного правления — еще 462143 руб. Пять раз пользовались услугами банка Осокины, хотя общая сумма займов достигала всего 238325 руб., что было связано с небольшими масштабами их уральских владений. Активными пользователями ссуд сохранных казен были Лазаревы, по четырем займам получившие 1090230 руб. Но самыми крупными должниками казны оказались Всеволожские, по нескольким ссудам из банка получившие более миллиона рублей и из Петербургского опекунского совета — самую большую ссуду, выданную кому-либо из уральских заводчиков в первой половине XIX в., в 3,5 млн руб. сер. Залогом такого беспрецедентного займа являлась огромная собственность Всеволожских, включавшая помимо 1288427 дес. уральских владений еще и 2027368 дес. акватории Каспия с рыбными промыслами.

Ипотечные или подтоварные займы не всегда являлись свидетельством финансовой несостоятельности владельца, хотя большинство из них предоставлялось именно «на уплату объявленных заводских долгов» или «во избежание упадка заводов». В то же время Строгановы и Лазаревы брали крупные ссуды в основном для выплат по «выделам» части наследников. В.П. Бутеро-Родали, заложившая свои Лысьвенские заводы в 1838 г., за этот счет отчасти решала проблему личных долгов. Случалось, что выданные на поправление положения заводов ссуды расходовались вовсе не по прямому назначению, о чем свидетельствует пример душевнобольного владельца Сергинско-Уфалейских заводов К.М. Губина или А.В. и Н.В. Всеволожских, по свидетельству современников проигравших деньги в Баден-Бадене.

Большинство владельцев старались выплачивать казенные долги, поскольку в противном случае им грозило наказание в форме казенного присмотра, секвестра металлов или продажи заводов с публичных торгов по «банковским правилам». Нередко это и происходило. Так, за неуплату долга Государственному казначейству был учрежден присмотр горного чиновника за деятельностью частной администрации в 1813—1815 гг. на Ревдинско-Рождественских заводах А.В. Зеленцова, за недоимки Заемному банку — в 1836 и 1837—1838 гг. на Белорецких заводах Пашковых, за недоимку Опекунскому совету — в 1850 и 1852—1861 гг. на Никитинских и в 1855—1864 гг. на Пожевских заводах Всеволожских. В сочетании с горными недоимками и частными долгами, свидетельствовавшими, как правило, о полной финансовой несостоятельности владельца, невозврат банковских ссуд мог привести к устранению владельца и его заводской администрации от управления, но не владения и к учреждению временного казенного управления с назначением заводов к публичной продаже. Так случилось в 1815 г. с Ревдинско-Рождественскими заводами А.В. Зеленцова, в 1828 г. с Юговскими заводами А.А. Кнауфа и в 1829 г. с Холуницкими заводами А.И. Яковлева. В первом случае заводы были проданы, во втором — акционированы, в третьем — сначала отданы в кредиторское управление, а позже проданы с публичных торгов.

Значительные капиталы заимствовались в счет частных залогов, которыми в той или иной степени пользовались все заводчики. Из них крупнейшим должником оказался А.А. Кнауф (более 4 млн руб. сер.). Его уральская горно-заводская «империя», созданная за счет частных, в первую очередь иностранных, кредитов, пала жертвой Наполеоновских войн и амбиций владельца¹⁸. Крупным «неоплатным» должником был владелец Холуницкого округа А.И. Яковлев (около 850 тыс. руб.). Несоизмеримо меньшие суммы задолжали

своим кредиторам П.М. Гусятников (52 тыс. руб.), А.С. Иноземцев (около 10 тыс. руб.), А.М. Подъячев и его наследники (до 14 тыс. руб.), но, так же как Кнауф и Яковлев, они не сумели их вовремя вернуть и подверглись санкциям со стороны горных властей.

Наличие одних «партикулярных» долгов по закону не считалось свидетельством упадка заводов. Поэтому взыскивать их предписывалось не путем продажи заводов, а отчислением из доходов от продажи металлов в соответствии с указом от 26 мая 1809 г. Особой формой контроля становилось в таком случае кредиторское, или конкурсное, управление заводами должника. Поскольку такая мера, инициированная кредиторами, предусматривала устранение владельца от управления и должна была гарантировать уплату горных и других податей, ее учреждение согласовывалось с горными властями.

Тем не менее, например, Подъячевы, благодаря различным махинациям, граничащим с преступлением, сумели в 1810—1820-е гг. уклониться от наказания и сохранить во владении Шильвинский завод. Следствием же банкротств Иноземцева, Гусятникова, Кнауфа и Яковлева стало учреждение кредиторских управлений на их заводах, ни одно из которых, впрочем, не справилось со своими задачами. Преображенский завод П.М. Гусятникова вскоре после развала кредиторского управления (1796—1814 гг.) был продан наследниками вместе с так до конца и не выплаченными долгами. Конкурсное управление Таишевскими заводами наследников А.С. Иноземцева (1809—1814 гг.) из-за недостатка капиталов само «отозвалось» от своих обязанностей. Переданные под казенный присмотр, эти заводы были проданы с публичных торгов. Московская Комиссия кредиторов А.И. Яковлева (1831—1838 гг.) и кредиторы А.А. Кнауфа барон А. Ралль и купец Доути (1818—1828 гг.) не только не сумели наладить стабильное финансирование перешедших под их контроль заводов, но и сами задолжали огромные суммы казне, которая вынуждена была вмешаться в дела по управлению. Холуницкие заводы были выставлены на продажу и проданы за сумму, компенсировавшую в основном лишь казенные долги. Кнауфские заводы, продажа которых не могла покрыть не только многомиллионные частные, но и казенные долги, были взяты во временное казенное управление. Четверть века (1828—1853 гг.) потребовалось государству, чтобы вернуть только свои капиталы. Возвращение частных долгов было предоставлено самим кредиторам, в акционерную собственность которых передавались Кнауфские заводы.

Нам известны четыре попытки учреждения акционерных компаний по управлению уральскими горно-заводскими округами в первой половине XIX в. Первая была предпринята 19 московскими

кредиторами А.И. Яковлева, предложившими Е.Ф. Канкрину в 1831 г. передать им Холуницкие заводы «с разделением долга на акции». Вместо этого, как уже упоминалось, заводы были отданы им в кредиторское управление. Вторая попытка, предпринятая попечителями Петра и Павла Демидовых для предотвращения продажи Суксунских заводов с публичных торгов, увенчалась основанием в 1848 г. первой на Урале акционерной компании — Товарищества Суксунских заводов. В 1853 г. была учреждена Компания Кнауфских заводов, хотя разрешение о ее составлении было дано кредиторам еще в 1824 г. Наконец, в 1860 г. Н.В. Всеволожский пытался акционировать принадлежавший ему Никитинский округ с участием одного немецкого банка. Но тогда его постигла неудача. Передача управления заводов акционерным компаниям, состоявшим в основном из кредиторов бывших владельцев, была следствием безвыходной финансовой ситуации, сложившейся в этих горно-заводских округах. Но при отсутствии не предусмотренного такой формой акционирования достаточного притока капиталов «со стороны» обе компании не смогли обеспечить полноценного финансирования хозяйств. Одними из первых они не выдержали испытаний экономическим кризисом на рубеже 1850—1860-х гг. и, приведя заводы «в совершенный упадок», в 1863 и 1864 гг. сами инициировали передачу заводов в казенное управление.

Осознающие свою финансовую несостоятельность владельцы пытались порой прибегнуть к такому средству, как отказ от управления и даже владения заводами в пользу казны. Так поступили в 1808 г. А.С. Ширяев, просивший взять Шайтанские заводы «в управление горного начальства», Н. Маленков, в 1823 г. предлагавший «взять в казну» его уже недействующий Берсудский завод, и «суксунские» Демидовы, в 1832 г. предлагавшие казне купить их заводы, а в 1847 г. — установить полный казенный присмотр. Без содействия казны фактически отказался содержать свои Шурминско-Залазнинские заводы Н.И. Мосолов в 1861 г. Подобные же просьбы поступили в 1847 г. от владельца Авязно-Петровских заводов П.М. Губина и в 1859 г. от владельца Шильвинского завода Н.Н. Подъячева. Правда, в последних двух случаях принять такое решение владельцев заставили объективные обстоятельства, связанные с не решенной казной проблемой наделения заводов лесами. На все эти предложения казна ответила положительно только однажды, приняв в казенное управление Шайтанские заводы А.С. Ширяева, продолжавшееся всего два года.

Дело в том, что учреждение такого управления было «сопряжено вообще с большими затруднениями и даже пожертвованиями со стороны казны, ибо редко случалось, чтобы в подобном случае она

не принуждена была задолжать на безостановочное действие заводов значительных капиталов, с трудом впоследствии возвращаемых, не говоря уже о том, что для такого управления надобно отделять сведущих к оной (так в источнике. — *Е.Н.*) чиновников, в коих и казенные заводы имеют надобность»¹⁹. Поэтому не только известный своей бережливостью Е.Ф. Канкрин, чьи слова приведены выше, но и другие министры зачастую отказывали владельцам или Уральскому горному правлению в просьбе учредить казенное управление, если имелся хоть какой-либо иной шанс уберечь заводы от полного банкротства и остановки. Не шла казна и на национализацию частных заводов, практиковавшуюся в XVIII в., но совершенно прекратившуюся в первой половине XIX в. Типичным ответом на подобное предложение становился отказ, обоснованный отсутствием необходимости в увеличении числа казенных заводов, которых уже «имелось достаточное количество для удовлетворения всех надобностей армии и флота». Поэтому казенные управления заканчивались либо возвращением их владельцам или кредиторам, либо, если не выказывалось с их стороны такого желания, продажей заводов с публичных торгов.

Известны три случая, когда «расточительные» владельцы добровольно отказывались от управления заводами с учреждением над ними попечительства. В 1833—1848 гг. попечительство управляло Пожевскими заводами Всеволожских, в 1835—1847 гг. — Суксунскими заводами Демидовых и в 1839—1861 гг. — частями П.Д. Соломирского в Сысертских заводах²⁰. Главной особенностью попечительства являлось то, что по выбору и вместо заводовладельца, которому назначалась некоторая сумма «на содержание», в его роли временно выступали, как правило, представители высшей столичной бюрократии. Судя по всему, такой выбор был не случаен, а рассчитан на получение с помощью всемогущих попечителей различных привилегий и льгот. Так, например, за время управления попечительством Суксунскими заводами были отсрочены выплаты по ссуде Заемному банку, заводы перезаложены на 37-летний срок, выделены две ссуды в 200 тыс. руб. сер. из Горного правления, также рассроченные на длительное время, и получено предварительное согласие императора на новую огромную ссуду в 1,6 млн руб. В попечительство в разное время входили тесть владельца — начальник III отделения А.Х. Бенкендорф, сенатор и член Государственного совета П.И. Кутайсов, генерал-адъютант А.Я. Лобанов-Ростовский, член Хозяйственного комитета Сената Д.Н. Замятнин, директор Заемного банка Н. Попенполь.

Эти льготы приносили временное облегчение и создавали видимость благополучия. Но они не могли существовать бесконечно; к

тому же новые долги только усугубляли и без того сложную финансовую ситуацию. Не всегда рационально расходовались и полученные прибыли. В итоге все три попечительства оказались бессильны противостоять главной причине бед — недостатку оборотного и отсутствию запасного капиталов и были ликвидированы. Находившиеся под их попечением заводы и заводчики оказались перед выбором между казенным управлением (Сысертский округ), акционированием (Суксунский округ) или разделом, сопряженным с арендой (Пожевский округ).

Аренда считалась еще одним из возможных способов поправить шаткое финансовое положение заводов. Горное правление даже нередко советовало находившимся на грани банкротства заводчикам взять компаньона. Но в шести из одиннадцати известных нам случаев аренда завершалась остановкой заводов²¹. Причиной неудач, как правило, становились разногласия владельцев с арендаторами, приводившие к расторжению договора. Вероятно, доля истины заключалась и в уверении Иноземцевых, что арендатор являлся «хозяйном временным» и «не имел нужды прочить завод на будущее время к лучшему его существованию»²². В трех случаях арендные сделки оказывались недобросовестными со стороны либо владельца, либо арендаторов, либо того и другого. Но даже вроде бы «удачные» аренды приносили лишь временный эффект, исчезающий после восстановления «хозяйственного» управления²³. Как и попечительство, аренда не приводила к накоплению оборотного капитала, т. е. не устраняла главную причину бед, которая обострилась к середине XIX в. в большинстве горно-заводских хозяйств Урала.

Проблема финансирования заводов была теснейшим образом связана с обязанностями владельца заботиться о благополучии своих крепостных, поскольку оборотный капитал в первую очередь расходовался именно на оплату труда и заготовку «хлебного провианта» для рабочих и их семей. Кроме того, необходимо было создавать и поддерживать социальную инфраструктуру округов, содержать церкви, школы, больницы, богадельни, приюты, что требовало дополнительных и значительных средств. По мере увеличения численности населения и роста его потребностей эти расходы возрастали и занимали все большую долю в заводском бюджете, превышая порой половину его «расходной части». Пренебрежение своими помещичьими обязанностями в первую очередь было чревато серьезными проблемами во взаимоотношениях владельцев с заводским населением. Судя по статистике рабочего движения, фактически ни один уральский горно-заводский округ в первой половине XIX в. не избежал крупных или мелких, активных или пассивных проявлений недовольства мастеровых и рабочих людей. По числу волнений ли-

дировали Алапаевские, Сысертские, Лысьвенские, Ревдинско-Рождественские и Сергинско-Уфалейские заводы²⁴. Социальная нестабильность, естественно, негативно влияла на динамику заводского производства, создавала дополнительные проблемы и неоправданные расходы, сказывалась на авторитете владельцев как среди населения, так и у властей.

Для профилактики волнений более дальновидные заводчики в первой половине XIX в. обратились к особой социальной политике, которую сами называли попечительской или отеческой. Помимо исполнения установленных законом помещичьих обязанностей по содержанию крепостных, они выделяли значительные средства на не предусмотренные законодательством награды и пенсии служащим и мастерам, в вотчинных имениях освобождали крепостных от подушной и других податей, прощали многотысячные долги, организовывали ссудные кассы, заводили школы, приравненные к уездным училищам, открывали библиотеки, музеи и даже театры. В основу этой политики были положены широко распространенные тогда патерналистские идеи о «семейственном» характере взаимоотношений между помещиками и крепостными. Они были теоретически обоснованы в трудах Ф. Лепле, одного из основоположников современной социологии, неоднократно проводившего свои исследования на уральских заводах. Эти идеи органично сочетались с православным сознанием народа и основами российской государственности²⁵.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, патерналистскую политику проводили или пытались проводить владельцы Нижнетагильских (Н.Н., П.Н. и А.Н. Демидовы, А.К. Карамзина), Ревдинских (М.Д. Демидова), Билимбаевских (С.В. Строганова), Чермозских (Е.Л. и Х.Е. Лазаревы), Нытвенских (А.А. и С.М. Голицыны), Лысьвенских (В.А. Шаховская), Катавских (А.Г. Белосельская-Белозерская), Симских (А.Д. и П.А. Балашевы), Юрюзанских (Е.А. Сухозанет), Верх-Исетских (Ал.И. Яковлев), Сергинско-Уфалейских (А.И. Ушакова, урожденная Кони, в первом браке Губина), Преображенского (Н.И. Гусятникова) заводов. Особым размахом в данном отношении отличились мероприятия, осуществленные графиней С.В. Строгановой, которая в принадлежавшем ей огромном майорате, пожалуй впервые на Урале, учредила ссудные кассы для рабочих, страхование от пожаров и падежа скота, «узаконила» выдачу пенсии мастерам и служащим и тем самым стала в глазах своих крепостных заботливой матерью-покровительницей. Следствием патерналистской политики становилось сглаживание остроты социальных отношений, что способствовало увеличению производительности крепостного труда и доходности заводов. Среди заводского

населения формировался даже своего рода культ владельцев, который те всячески поддерживали и укрепляли.

На тех же предприятиях, владельцы которых не понимали необходимости перемен в отношениях с крепостными либо не имели достаточных капиталов на довольно затратную патерналистскую политику, возникали разной интенсивности конфликты, в ходе которых заводское население вовсе не случайно обрушивало свой гнев, как правило, на приказчиков и управляющих. Дистантная модель управления выдвигала в качестве непосредственного объекта социального недовольства именно их, а не далекого владельца. В этом заключалась еще одна привлекательная для владельцев сторона такого управления. Лишь в редких случаях рабочие признавали виновниками своих бед самих заводчиков. Так, в 1857 г. мастеровые Уинских заводов наследников С.С. Яковлева жаловались министру финансов на владельцев, которые, по их выражению, «находят себе средства к стеснению и разорению заводских людей и уклоняются чрез пресечение способа к жалобам от справедливого преследования законов и ответственности пред правительством за жестокое обращение заводского начальства»²⁶. По жалобам и тем более волнениям рабочих горные и гражданские власти обязаны были проводить расследования, причем нередко виновной стороной признавались владельцы заводов.

Местное горное начальство, как правило, более резко, чем высшее, реагировало на «неисправные» действия владельцев и их заводууправлений, пытаясь для предотвращения собственных неприятностей даже выйти за рамки дозволенных законом мер. Высшие горные инстанции (Горный департамент, министр финансов) руководствовались «писаным» правилом, по которому вмешиваться в хозяйственное управление можно было лишь в случае справедливых жалоб населения. Тем не менее в качестве профилактической меры и они прибегали к напоминаниям владельцам о необходимости вовремя и полностью выплачивать зарплату рабочим и иметь запас провианта на заводах. К примеру, в 1828—1835 гг. сам министр финансов Е.Ф. Канкрин «во избежание ропота заводских людей» вел переписку с влиятельной графиней А.Г. Лаваль о финансовой ситуации на ее Архангельском заводе до тех пор, пока владелица наконец «не одумалась» и не стала присылать деньги в необходимом количестве. В 1822 г. Горное правление рекомендовало Губиным поднять расценки за работы; в 1839, 1841 и 1855 гг., когда от заводских исправников поступали сведения о задержках выплат рабочим, оно же «понуждало» Пашковых предоставлять сведения «об удовлетворении людей платами».

В соответствии с указами от 16 января 1836 г. и 26 ноября 1840 г., «в случае справедливых жалоб рабочих людей на недостаточное и стеснительное содержание со стороны владельцев», посессионные заводы следовало брать в казенный присмотр, а владельческие — в опекуновское управление. На практике все выглядело сложнее, поскольку справедливые жалобы не являлись, как правило, единственным следствием беспорядочного управления, а сочетались с другими грехами владельцев: накоплением податных недоимок, залоговых долгов и пр. Поэтому палитра мер воздействия оказывалась более разнообразной.

Известны пять случаев установления казенного присмотра, среди причин которого указывались жалобы рабочих. В 1825—1832 гг. особый горный чиновник наблюдал за правильным расходом капиталов на Кыштымских заводах дочерей Л.И. Расторгуева, тогда был арестован управляющий Г.Ф. Зотов, а позже арестован и сослан в Финляндию муж владелицы П.Я. Харитонов. В 1837 г. казенный присмотр был установлен на Белорецких заводах Пашковых, в 1856—1858 гг. — на Кирсинско-Кажимских А.И. Маликова, в 1859 г. — на Каноникольском Е.И. Шешуковой и в 1860—1862 гг. — на Кагинских заводах Ф.П. Никифорова и А.В. Татарина. В 1841 г. на Сергинско-Уфалейских заводах К.М. Губина, в том числе «за несправдную выдачу заводским людям содержания», был учрежден полный казенный присмотр, при котором финансы целиком переходили под контроль назначенного чиновника. Следствием жалоб рабочих, остановивших в 1817 г. Каноникольский завод, явилось поступление его в частичное казенное управление. Такие же жалобы явились одной из причин введения полного казенного управления в Сысертском и Шурминско-Залазнинском округах в 1861 г.

В нескольких случаях властям пришлось прибегнуть к введению на частных заводах казенных штатов или составлению особых правил содержания людей. Первый раз это произошло на Белорецких заводах И.А. Пашкова, где «за притеснительное для рабочих управление» в 1817 г. были введены специально составленные «штатные положения». Подобные же «положения в отношении плат и уроков» были введены на Кыштымских заводах в 1832 г., на Ревдинско-Рождественских — в 1843 г., на Кнауфских — в 1846 г. и на Кагинских — в 1854 г. В 1843 г. на Сергинско-Уфалейских и в 1844 и 1855 гг. на Алапаевских заводах, где в составе населения находились казенные мастерские и неперменные работники, поступили проше, введя там с согласия владельцев штаты Екатеринбургских и Гороблагодатских казенных заводов 1829 г. Штаты тех же Екатеринбургских заводов действовали в 1850-е гг. на Сысертских заводах. Вследствие жалоб заводских людей в 1849 г. Горное правление предписало владельцам

Шильвинского и Бемышевского заводов руководствоваться штатами Пермских казенных заводов 1827 г.

Опекунское управление, назначаемое местными или центральными дворянскими опеками, было установлено на Пожевских заводах В.А. Всеволожского в 1797—1802 гг. после волнения. В 1823—1825 гг. те же санкции были применены к Кагинским заводам, где в результате невступления в управление наследников И.Е. Демидова «рабочие люди вышли из повиновения и отреклись от работ». В 1827—1832 гг. действовал казенный присмотр на Богоявленском заводе П.П. Бекетова, где «крестьяне от неполучения платы подверглись истощению», в 1841—1846 гг. — на Каноникольском и в 1848—1857 гг. — на Авзяно-Петровских заводах, когда П.М. Губин отказался от высылки денег и были прекращены закупка провианта и выдача заработной платы. Ужесточение мер воздействия на нерадивых заводчиков накануне и в ходе Крестьянской реформы коснулось того же Каноникольского завода Е.И. Шешуковой, где за беспорядки в содержании людей в 1861 г. была учреждена уже вторая по счету опека. Когда в 1859 г. злоупотребления владельца Шильвинского завода Н.Н. Подъячева по содержанию рабочих достигли крайнего предела, не только завод был взят в опеку, но и сам заводчик отправился в ссылку. В те же годы по инициативе губернских властей чуть не попали под опеку Юрюзанские заводы Е.А. Сухозанет, несмотря на то что общее управление ими осуществлял ее высокопоставленный муж.

Наиболее оптимальным средством избежать банкротства являлась продажа заводов или долей владения самими владельцами. Практики владения показывают, что добровольно по различным мотивам в первой половине XIX в. расстались со своей заводской собственностью владельцы или совладельцы 21 горно-заводского округа (42%). Причем Кирсинско-Кажимские заводы были перепроданы дважды, а Кагинские заводы — трижды. Однако продажу дорогостоящих и сложноорганизованных горно-заводских хозяйств было довольно трудно осуществить. Как правило, заводчики находили покупателя, лишь пообещав ему льготные условия продажи (в рассрочку или под залог) или по заниженной цене. Кроме того, «новые» владельцы далеко не всегда оказывались в состоянии эффективно управлять заводами. Так, из 26 частных продаж заводов только восемь оказались удачными (причем половина из них была осуществлена между «старинными» заводчиками), а в семи случаях последовала новая перепродажа. Возможности «капиталистских» людей в России того времени, ограниченные недостаточным развитием предпринимательской инфраструктуры, отставали от уже

сформировавшейся потребности в эффективном перераспределении крупной заводской собственности.

Зачастую в безвыходной ситуации казне приходилось вмешиваться и в права владения: продавать заводы с публичных торгов или разрешать их акционирование. Но и предпринимаемые властями попытки найти новых эффективных собственников, как правило, не удавались. Из 28 назначений к продаже, касавшихся 17 горно-заводских хозяйств, было осуществлено только 6, причем ни одно из этих мероприятий нельзя назвать удачным по последствиям для второго поколения владельцев²⁷. Пять хозяйств, на которых не нашлось покупателя, пришлось ликвидировать с распродажей имущества²⁸. Как уже упоминалось, полным фиаско закончилась деятельность обеих акционерных компаний, учрежденных на Урале в дореформенный период. Не увенчалась успехом и деятельность двух горно-заводских хозяйств с участием иностранного капитала (Преображенский завод П.М. Гусятникова и Юговские заводы А.А. Кнауфа).

Таким образом, факты свидетельствуют о том, что большинство заводчиков первой половины XIX в. все-таки участвовало в управлении своими заводами, но посредством дистантной модели и далеко не всегда справлялось со своими административными обязанностями. Наиболее заметным симптомом этого явления было введение в частных горно-заводских округах различных форм «нехозяйственного» управления. Сумели избежать этого только «тагильские» Демидовы, «верх-исетские» Яковлевы, Строгановы, Голицыны, Лазаревы, Белосельские-Белозерские, Балашевы, Лебедевы, А.П. Полторацкая и Е.В. Дашкова, а также Осокины и их преемники Д.Е. Бенардаки, Пастуховы и Коровины. Владельцы 32 горно-заводских хозяйств (64%) испытали на себе различные формы казенного и общественного контроля. Всего за первую половину XIX в. нам известно 16 случаев установления казенного присмотра, 12 — казенных управлений и полных казенных присмотров, 19 — опекунских управлений и 5 — попечительств. Частным лицам было разрешено открыть 5 кредиторских управлений заводами, а самим владельцам заключить 11 арендных договоров.

Наибольшее число случаев введения «нехозяйственных» форм управления касалось посессионных округов. Из 28 таких хозяйств, включая округа, где были заводы обоих статусов, 21 (или 75%) подверглось с конца XVIII в. по 1861 г. каким-либо формам общественного или казенного контроля, в то время как в группе владельческих округов — только 10 из 22 (т. е. 45 %). Среди первых особо выделялись Юговские заводы (в общей сложности находились в «нехо-

зайтвенном» управлении 43 года), а также Сысертские (39 лет), Суксунские (27), Кагинские (24), Кыштымские (18), Ревдинско-Рождественские (17), Авзяно-Петровские (11), Холуницкие (10); из вторых — Пожевско-Никитинские (24 года), Белорецкие (19), Таишевские (18) и Каноникольский (10) заводы. Посессионные округа абсолютно лидировали и по количеству случаев установления разнообразных форм контроля (42 из 59, или 71%), в особенности по казенным управлениям (10 из 12). Среди них своего рода рекорсменами оказались Кагинские (3 казенных присмотра, казенное управление, 2 опеки и продажа с публичных торгов), Сысертские (казенное управление, опека, 2 попечительства и управление комиссии), Суксунские (казенный присмотр, попечительство и акционерно-кредиторское управление) и Юговские (кредиторское, казенное и акционерно-кредиторское управления) заводы. Из владельческих округов отличились не случайно, видимо, ликвидированные Таишевские заводы (аренда, казенный присмотр, опека, конкурсное управление, продажа с публичных торгов), а также Пожевско-Никитинские (3 казенных присмотра, опека, попечительство) и Каноникольский (казенное управление, казенный присмотр и 2 опеки) заводы.

В целом реконструкция практик владения всеми горно-заводскими округами Урала в первой половине XIX в. позволяет говорить о том, что общему кризису уральской промышленности во второй половине этого столетия предшествовал своего рода кризис владения и управления, обнаружившийся еще в дореформенное время. Его сутью являлась финансовая и организационная неспособность большинства заводчиков (до 90% состава) справиться с ролью владельцев заводов, а характерной особенностью — уже начавшееся замещение их в этой роли, но не столько наемными специалистами или новыми, эффективными владельцами, сколько государственными или общественными институтами. «Менеджерский» тип управления делал еще первые шаги и далеко не всегда становился эффективным на практике. Не всегда действенной оказывалась и утвердившаяся в тот период модель дистантного управления, сочетавшая элементы предпринимательского и менеджерского типов²⁹. Немногочисленные новые владельцы, как правило, были не подготовлены к восприятию трудной роли заводчика и так же не справлялись с ней, как и большинство «старинных» владельцев и наемных специалистов.

Судя по динамике учреждения различных форм «нехозяйственного» управления, симптомы этого кризиса проявились уже в

1820-е гг. и особенно усилились в 1840-е — начале 1860-х гг. Причем, как уже упоминалось, некомпетентными чаще показывали себя заводчики-посессионеры. В то же время владельческий статус вовсе не являлся гарантией успешного развития заводов даже в условиях их более щедрого государственного кредитования и не защищал от вмешательства властей. Это говорит о том, что правовой статус хозяйства являлся важным, но не решающим фактором, определявшим характер развития заводов. Доминирующими здесь оказывались объективные, а потому общие для всех заводов экономические, а не правовые условия развития горно-заводской промышленности в первой половине XIX в., связанные с обострившимися противоречиями окружной организации заводского хозяйства, а также технико-технологическими и рыночными вызовами Запада³⁰. Важную роль играли и субъективные проявления воли самих заводчиков, зависевшие в первую очередь от личностных качеств владельцев или ментальных установок дворянского сословия, к которому принадлежало большинство из них. Существенное влияние на развитие заводов оказывал также объективно-субъективный фактор, связанный с наследственным характером собственности и вытекавшими отсюда проблемами далеко не всегда идиллических внутрисемейных отношений, а также степени готовности и желания наследников заниматься сложным заводским делом отцов.

Вместе с тем активная финансовая и административная помощь заводчикам со стороны государства и общества, как показывают те же практики владения, редко приводила к благоприятным результатам для заводов обоих статусов. Успешными можно признать всего 2 центральные опеки и 4 казенных управления, т. е. только 10% всех случаев контроля. Остальные были либо малоэффективными, либо вовсе безрезультатными и даже вредными по своим последствиям. В большинстве случаев вмешательство государства только затягивало уже проявившиеся кризисные явления. Консерватизмом отличалась и политика власти по отношению к основам горно-заводского права. Все это косвенно отразило необходимость серьезных перемен не только в организации горно-заводской промышленности и составе заводовладельцев, но и в промышленной политике государства и в целом в базовых основах российского общества, во многом исчерпавшего к середине XIX в. позитивный потенциал своего стадийного развития. Немногочисленные пока историографические свидетельства подобного же состояния заводов и «старинных» родов заводчиков других металлургических центров России, в частности Замосковского района, подкрепляют этот вывод³¹.

Примечания

- ¹ Наиболее значимыми монографическими исследованиями являются: Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. 1. М.; Л., 1949; Павленко Н.И. История металлургии в России в XVIII в.: Заводы и заводладельцы. М., 1962; Вяткин М.П. Горно-заводский Урал в 1900—1917 гг. М.; Л., 1965; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861—1917). М., 1982; Сапоговская Л.В. Горно-заводская промышленность Урала на рубеже XIX—XX вв.: (К характеристике процессов монополизации). Екатеринбург, 1993; Гуськова Т.К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. Челябинск, 1995; Юркин И.Н. Демидовы — ученые, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии. М., 2001.
- ² См. также: Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004.
- ³ К 14 разветвленным родам уральских заводчиков относились Демидовы, Губины, Гусятниковы, Зеленцовы, Курочкины, Мосоловы, Мясниковы, Расторгуевы, Турчаниновы, Хлебниковы, Шаховские, Ширяевы, Яковлевы, Ярцовы. В состав заводчиков входили также представители родов Всеволожских, Глазовых, Голицыных, Иноземцевых, Кобелевых, Коровиных, Красильниковых, Лазаревых, Лебедевых, Маленковых, Осокиных, Пастуховых, Подъячевых, Пономаревых, Строгановых, Тевкелевых, Шелашниковых, имевших только родовую фамилию. Роды Грибановых, Бенардаки, Рошефоров, Граматчиковых, Ильиных, Хвоцинских, Никифоровых, Рукавишниковых, Тимашевых, Гротенов, Кнауфов, Маликовых, Старковых, Татариновых были представлены только в одном лице или поколении (в рамках 1800—1861 гг.).
- ⁴ На 1861 г. группа «старинных» заводчиков владела 6 посессионными (Нижнетагильским, Верх-Исетским, Алапаевским, Сысертским, Шурминско-Залазнинским, Бемышевским), 15 владельческими (Билимбаевским, Кыновским, Нытвенским, Лысьвенским, Чермозским, Пожевским, Белорецким, Симским, Юрюзанским, Катавским, Каноникольским, Богоявленским, Воскресенским, Верхоторским, Архангельским) и двумя (Сергинско-Уфалейским и Ревдинско-Рождественским) округами двойного статуса (т. е. такими, где имелись и владельческие, и посессионные заводы). Два хозяйства были приобретены покупкой (Благовещенский и Преображенский заводы), одно (Никитинский округ) выделилось в результате раздела, и два (Невьянский посессионный и Суксунский двойного статуса) состояли в частичном владении.
- ⁵ На 1861 г. группа «новых» заводчиков владела 10 посессионными округами (Холуницким, Кирсинско-Кажимским, Авзяно-Петровским, Омутнинским, Кагинским, Шайтанским, Мешинским, Богословским, Шильвинским и Святочудовским), одним посессионным округом частично (Невьянским), одним владельческим округом (Троицким) и двумя — двойного статуса (Кыштымским и Уинским). Правда, три из этих хозяйств (Уинские, Богословский и Святочудовский заводы) в 1861—1862 гг. уже прекратили выплавку меди, но еще не были исключены из списка уральских металлургических предприятий.

- 6 Указ от 27 июня 1823 г. подтвердил ранее не распространявшееся на «старинных» заводчиков положение Жалованной грамоты городам о том, что владеть горными заводами могут только дворяне, именитые граждане и купцы 1-й и 2-й гильдий.
- 7 Губины, Ширяевы, Курочкины, Иноземцевы, Гусятниковы, Красильниковы, Ярцовы, Зеленцовы и Грибановы.
- 8 В 1800 г. посессионными числились 23, владельческими — 23 округа и два округа имели в своем составе заводы обоих статусов. В 1861 г. соотношение групп оказалось таковым: 17 посессионных, 19 владельческих и 6 округов двойного статуса.
- 9 Например, в 1820 г., когда Горное правление пыталось повсеместно ввести «правила содержания рабочих», или в ходе кампании «по разбору прав заводчиков» в 1830—1850-е гг., когда властями проводилась своего рода «аттестация» всех владельческих заводов Урала.
- 10 Такие конфликты, в частности, имели место между владельцами Сысертских заводов — наследниками А.Ф. Турчанинова, Верх-Исетских и Невьянских — С.Я. Яковлева, Шурминско-Залазнинских — И.А. Мосолова, Чермозских — Е.Л. Лазарева, Шайтанских — И.М. Ярцова, Белорецких — И.А. Пашкова, Кагинских — И.Е. Демидова и др.
- 11 Примерами денежного и/или натурального выдела совладельцев могут послужить разделы Лазаревых в 1840 и 1860 гг., Мосоловых в 1842 и 1848 гг., Осокиных в 1847 г., «белорецких» Пашковых в 1853 г., «кыновских» Строгановых в 1859 г.; учреждения майората — «билимбаевских» Строгановых в 1817 г.; добровольной передачи владения одному наследнику с правом получением фиксированного дивиденда — Белосельских-Белозерских в 1861 г. или «тагильских» Демидовых в 1861—1862 гг.; раздела округов без дробления заводов — Пашковых в 1803 г., наследниц Е.И. Козицкой в 1810 г., Бекетовых в 1824 г., Губиных в 1838 г., наследниц И.М. Ярцова в 1851 г. — или с «раздроблением на части» — Всеволожских в 1848—1849 гг. Сложные разделы были осуществлены у Яковлевых в 1806 г., Белосельских-Белозерских в 1830 г., наследниц И.М. Ярцова в 1856 г. или А.Г. Лаваль в 1850 г.
- 12 Напр., см.: Головшиков К.Д. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881; Кафенгауз Б.Б. Хозяйство Демидовых к концу первой трети XIX в. // Генезис капитализма в промышленности. М., 1963. С. 224—236.
- 13 Об окружной системе см.: Гуськова Т.К. О новых подходах к изучению уральской горно-заводской промышленности // Урал в прошлом и настоящем. Ч. 1. Екатеринбург, 1998. С. 231—234; Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX—XX вв.: К 90-летию со дня рождения В.В. Адамова. Екатеринбург, 2004.
- 14 Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия XVII — первой трети XIX в. М., 2002.
- 15 Соловьева Т.А. Английская набережная. СПб., 2004.
- 16 Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 24. Оп. 23. Д. 5893. Л. 1—2.
- 17 Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи. М., 2002. С. 55—57, 64—65, 71—72, 74.
- 18 В начале XIX в. нее входили купленные Юговские и арендованные Златоустовские и Кыновские заводы.

- 19 ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5186. Л. 211—212.
- 20 Попечительство над Лысьвенскими заводами В.П. Шуваловой в 1823—1827 гг. было учреждено не столько за долги, сколько из-за сложившейся ситуации с владением и управлением огромным наследством графини после внезапной смерти ее мужа, а попечительство над Сысертскими заводами, едва успев организовать в 1824 г., в 1825 г. было заменено опекой.
- 21 Аренда А.А. Кнауфом Кыновских заводов Г.А. Строганова в 1804—1817 гг., А.И. Миловановой Коринского завода Красильниковых в 1813—1818 гг. и А.А. Утямышевым Таишевского завода Иноземцевых в 1801—1813 гг. С тем же результатом завершилась аренда Огаревых в начале XIX в. и А.В. Борисова и А.И. Миловановой в 1813—1818 гг. Берсудского завода Н. Маленкова. Раздоры между Тевкелевыми и С.Д. Фитоновым, еще в 1770—1790 гг. арендовавшим их Варзино-Алексеевский завод, продолжались до 1805 г., когда предприятие уже семь лет как бездействовало.
- 22 ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 71. Л. 248.
- 23 К первой категории неудачных арендных сделок относилась аренда купцами Шишкиными Шильвинского завода Н.А. Подъячева в 1822—1824 гг., ко второй — аренда А.И. Миловановой Коринского завода Красильниковых в 1813—1818 гг., к третьей — сделка А.И. Каршевой с И.П. Рубо-де-Понтевесом на часть Шурминских заводов в 1833 г. «Удачными» можно назвать аренды Всеволодовильенских приисков Заозерской золотопромышленной компанией в 1840-е гг. и купцом Юхневым в 1850-е гг., Омутнинских заводов Г.И. Осокина в 1820—1840-х гг. А.Ф. Веймарном, Белорецких заводов Пашковых купцами Сарычевыми в 1837—1841 гг.
- 24 Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. 1800—1860. М., 1951. С. 903—922.
- 25 Ермоленко Т.Ф. Патернализм в России: (Опыт культурно-исторического анализа). Ростов-на-Дону, 1999; Мондей К. Французский социолог Фредерик Лепле и его деятельность в России // Коммерция и государство в истории России. Екатеринбург, 2001. С. 64—76.
- 26 Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 792.
- 27 С торгов были проданы Нювчимский завод А.М. Грибанова в 1812 г., Таишевские заводы Иноземцевых в 1826 г., Ревдинско-Рождественские — Зеленцовых в 1833 г., Холуницкие — А.И. Яковлева в 1838 г., Кагинские — Демидовых и А.И. Пашкова в 1855 г., Авзяно-Петровские — П.М. Губина в 1858 г.
- 28 Пыжманский завод Кобелевых и Варзино-Алексеевский Тевкелевых в 1823 г., Берсудский Н. Маленкова в 1826 г., Коринский и Архангельский-Шаранский Красильниковых в 1832 и 1836 гг.
- 29 The Essential Alfred Chandler: Essays Toward a Historical Theory of Big Business / Ed. by Th. K. McCraw. Boston: Harvard Business School Press, 1988.
- 30 Гуськова Т.К. О новых подходах к изучению уральской горно-заводской промышленности; Опыт российских модернизаций. XVIII—XX вв. М., 2000.
- 31 Арсентьев Н.М. Баташевы: история расцвета и упадка промышленной династии // Демидовский временник. Кн. 1. Екатеринбург, 1994. С. 278—294; он же. Замосковский горный округ: заводовладельцы и рабочие. Саранск, 1994; Гавлин М. Российские Медичи: Портреты предпринимателей. М., 1996; Ульянова Г.Н. Мальцовы: двести лет на российском рынке // Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. М., 1997. С. 178—200.

Московский предприниматель на земельном рынке в конце XIX — начале XX в.

Период 1861—1917 гг. представляет собой особый этап в развитии российской сельской усадьбы. Для аграрных отношений пореформенной России характерно перераспределение земельной собственности между дворянством и другими сословиями под воздействием требований рынка. В широком плане проблема «оземливания» буржуазии уже относительно давно поставлена в науке. Исследования А.М. Анфимова¹, Н.А. Проскуряковой², А.П. Корелина³, Л.П. Минарик⁴ показали, что к началу XX в. доля дворянского землевладения заметно уменьшилась, хотя его общий удельный вес оставался значительным. В частности, Л.П. Минарик обращала внимание на то, что в это время среди крупнейших российских латифундистов появилась недворянская группа, причем всего 7 такого рода семей владели более 1 млн дес. земли⁵.

В своем фундаментальном труде «Крупное помещичье хозяйство Европейской России» А.М. Анфимов обратил внимание на «противоречивость процесса движения земельной собственности», подверженного сильному влиянию товарно-денежных отношений в стране. Проанализировав массу разнохарактерных материалов относительно частновладельческих хозяйств, он пришел к выводу, что помещики, одновременно бывшие владельцами промышленных заведений, торговцами, держателями ценных бумаг, фактически становились буржуазными предпринимателями, причем изменялась и психология помещика как «дельца-капиталиста»⁶.

Выявляя тенденции в развитии помещичьего хозяйства, Анфимов заметил, что «проблема землепользования и система ведения помещиками их хозяйства — важнейшая и труднейшая», особенно если речь идет об изучении определенной группы владельческих имений⁷. Он даже отказался от «попытки определения преобладающей системы ведения собственно помещичьего хозяйства», ссылаясь на недостаточное количество источников⁸. И.Д. Ковальченко, Н.Б. Селунская и Б.М. Литваков, исследовав-

* Савинова Елена Николаевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного исторического заповедника «Горки Ленинские».

шие возможности более широкого изучения помещичьего хозяйства Европейской России в пореформенное время, также отмечали, что многие аспекты жизни конкретных имений «остаются еще недостаточно или вовсе неизученными», так как не удастся преодолеть «ограниченность источниковой базы»⁹.

Экономисты и статистики давно заметили отличие Московской губернии от других в Центрально-Промышленном районе с точки зрения землевладения. Роль Москвы как торгово-промышленного центра и транспортного узла Российской империи, интенсивная «дачная жизнь» губернии и колоссальное распространение в пригородах кустарных и других промыслов, сориентированных на московский рынок, — все это накладывало свой отпечаток на характер землевладения и землепользования в губернии.

Издание «Россия: Полное географическое описание нашего Отечества» сообщало в 1899 г., что «по количеству лично владимой собственности» в Московской губернии второе место «занимают купцы», причем в этой «наиболее фабрично-промышленной» губернии постоянно происходит сокращение дворянского владения в пользу купеческого¹⁰.

Московская губерния и до отмены крепостного права была обширным промышленным регионом. Но при этом, в силу сложившейся среди крупных отставных чиновников традиции приобретать в окрестностях Первопрестольной поместья для тихой жизни «на покое», губерния была и центром дворянского землевладения. После реформы 1861 г., несмотря на то что помещики оставили за собой усадьбы с окружающими их пашнями, сенокосами и луговыми угодьями, земледельческое хозяйство губернии переживало глубокий упадок.

Процесс внутрисословного перераспределения дворянского земельного фонда был сложным: значительная часть имений и их частей продавалась и покупалась неоднократно. Дворянство было не только крупнейшим продавцом, но и крупнейшим покупателем на земельном рынке. Как заметил еще П.И. Лященко, «оскудение» коснулось далеко не всех владельцев имений, а только «экономически слабые» группы¹¹. Одновременно шла перестройка дворянских имений на новые методы хозяйствования, результаты которой появились в середине 1870-х гг.

Новая экономическая обстановка принесла убытки не умевшим действовать в реалиях рынка землевладельцам, которые покрывали их продажей леса, отдельных угодий и целых поместий. «Продажа дворянских имений в 1863—1872 гг. приобрела в русских нечерноземных губерниях максимальные размеры, — отмечал Н.М. Дружинин. — Проведение железнодорожных линий значительно повысило

цены на землю, и этот фактор, в свою очередь, оказал могущественное влияние на процесс мобилизации земельной собственности. Дворянские имения начали уплывать в руки купцов, зажиточных крестьян и крупных землевладельцев, обладающих денежными капиталами»¹².

В 1877 г. возглавляющий Отдел хозяйственной статистики Московского губернского земства В.А. Орлов попытался проанализировать сведения, собранные его ведомством о хозяйствах частных землевладельцев в Московском уезде и губернии. Он задался целью определить, «в каком направлении развивается землевладение», обобщив сведения о распределении земли в Московском уезде по сословиям участвовавших в купле-продаже субъектов и по количеству десятин, используя окладные книги, исправленные по данным о переходах земель от владельца к владельцу, и поземельные книги населенных и ненаселенных имений, имеющиеся в ведении Московской губернской земской управы¹³. Орлов сделал вывод о том, что в этом самом населенном уезде близ Москвы купеческое землевладение увеличилось с 1865 г. в 3 раза. Размер владений купцов также имел тенденцию к увеличению.

Таблица 1

**Размер купеческого землевладения в Московском уезде
в 1865 и 1875 гг.**

Показатели	1865	1875
Количество земли во владении купцов, в %	9,3	27,7
Средний размер владения купцов, в дес.	87,2	91,5
Доля купцов в общем числе землевладельцев в уезде, в %	24,6	30,6

Источник: Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 1. Вып. 1. Московский уезд. Статистические сведения о хозяйственном положении Московского уезда / Сост. по поручению Московской губернской земской управы В. Орлов. М., 1877. С. 13—14.

Сменивший Орлова на должности главы Отдела хозяйственной статистики видный экономист Н.А. Каблуков также изучал хозяйство частных землевладельцев Московской губернии. Он считал «естественным», что в окрестностях Москвы, равно как и других европейских крупных городов, земельная собственность выступает как «преобладающий вид богатства», и данные земства свидетельствовали о сосредоточении крупных земельных участков (свыше 200 дес.) в руках небольшого числа владельцев и одновременно о росте числа мелких земельных собственников, имеющих до 50 дес. земли. Каблуков подметил «выпадение середины и образование двух противо-

положных крайностей по обладанию имуществом»¹⁴. Сравнив данные за 1865 г. и 1876 г., он подсчитал, что владельцев из купцов за соответствующий период стало в Московской губернии почти вдвое больше, а количество принадлежащей им земли увеличилось почти в 4 раза.

Таблица 2

Рост земельной собственности купцов и почетных граждан Московской губернии в 1865—1876 гг.

Показатели	1865	1876
Доля купцов в общем числе землевладельцев в губернии, в %	10,37	19,75
Количество земли во владении купцов, в %	5,32	19,58
Количество земли во владении купцов, в дес.	59194	198227

Источник: Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. V. Вып. 1. Очерк хозяйства частных землевладельцев. М., 1879. С. 35.

По поводу купцов и почетных граждан Каблуков заметил: «Из мелких землевладельцев они переходят в средние, из средних — в крупные»¹⁵. Сравнивая данные о продаже земли в Московской губернии, он отметил, что активность этой категории граждан на земельном рынке за период с 1865 по 1876 гг. увеличилась и количество купленной за этот срок купечеством земли превышало количество проданной. За эти годы купцы и почетные граждане совершили 798 покупок земли, а продаж — 390, при этом они приобрели 156890 дес. земли, а продали 58638 дес.¹⁶

Анализируя собранные его ведомством сведения, Каблуков не только сделал вывод о росте землевладения торгово-промышленного сословия в окрестностях Москвы, но и указал на стремление обладать земельной собственностью у «разных» слоев населения, высказав мнение, что «земля служит в большинстве случаев... не столько предметом сельскохозяйственной культуры, сколько объектом совсем другого рода операций»¹⁷.

В 1880—1882 гг. Московское губернское земство вновь предприняло изучение хозяйства частных землевладельцев Московской губернии, а позже проанализировало сведения, собранные по шести уездам: Бронницкому, Верейскому, Волоколамскому, Звенигородскому, Можайскому и Рузскому. Составитель изданного по результатам обследования обобщающего труда К.А. Вернер пояснил: «Все сведения собирались на местах от самих владельцев или их управляющих и приказчиков, и только в случае отсутствия тех и других владельцам отставлялись бланки с просьбой прислать свои ответы в

Статистическое отделение, и, независимо от этого, о хозяйстве в таких имениях мы расспрашивали сельских старост и даже ближайших соседей»¹⁸.

Собранные при обследовании имений цифры были обнаружены в виде статистических таблиц — поездных и общих. Отметим, что впервые статистикам пришла мысль объединить при учете имения купцов, потомственных граждан и мещан как «сословий торгово-промышленных». Итоговая таблица по шести уездам выглядела таким образом:

Таблица 3

Количество владельцев и земли, состоящей в собственности разных сословий, в Московской губернии в 1881 г. (в %)

Уезды	Дворяне	Торгово-промышленные сословия	Крестьяне	Земля во владении дворян	Земля во владении торгово-промышленных сословий	Земля во владении крестьян
Можайский	68,4	22,8	8,8	69,9	28,0	2,1
Волоколамский	63,0	21,8	15,2	89,7	7,7	2,6
Рузский	47,0	28,0	25,0	77,5	15,4	7,1
Звенигородский	57,6	29,8	12,7	73,5	24,3	2,2
Верейский	58,4	26,7	15,9	71,8	25,6	2,6
Бронницкий	33,6	42,7	23,7	68,5	26,9	4,6

Источник: Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел сельскохозяйственной статистики. Т. V. Вып. 2. Хозяйства частных землевладельцев Московской губернии. Уезды: Можайский, Волоколамский, Рузский, Звенигородский, Верейский и Бронницкий / Сост. К.А. Вернер. М., 1883. С. 94.

Дворянское землевладение преобладало во всех означенных уездах, кроме Бронницкого, где владения купцов и мещан преобладали по численности владельцев, но не по количеству земли. Однако, считая Бронницкий уезд первым по развитию купеческого землевладения, статистики отмечали достаточное развитие его в Можайском и Звенигородском уездах.

Собранные земскими корреспондентами данные важны для выявления состояния помещичьего хозяйства, но их вряд ли можно назвать исчерпывающими. К.А. Вернер объяснял: «...наши данные по землевладению совершенно не сравнимы с данными Н.А. Кабукова и составителей статистики поземельной собственности. [...] Во

время местных исследований мы весьма часто соединяли в один номер несколько владений, если только они составляли одно хозяйство, хотя бы они были записаны в окладную книгу под разными номерами и им выдавалось несколько окладных листов (напр., имение мужа и жены; брата и сестры; несколько последовательно купленных участков земли и т. д.), и наоборот, одно владение мы разбивали на две части, если оно составляло два совершенно самостоятельных и независимых хозяйства; наконец, имения, находящиеся в двух уездах, мы считали один раз и в том уезде, где лежит центр хозяйства. Вообще мы даем не число *владений*, а скорее число *хозяйств* (курсив источника. — *Е. С.*)»¹⁹.

Сделанные статистиками более 140 описаний конкретных имений стали богатым источником для изучения сельских усадеб московских предпринимателей. Что касается таблиц, то представленные там цифры не позволяют увидеть, как именно развивалось «купеческое» землевладение. При принятом статистиками методе сбора данных расположенные недалеко друг от друга или от «фамильной» фабрики имения родителей, братьев и сестер учитывались как одно. А между тем они были совершенно разными с точки зрения постановки хозяйства и усадебной культуры. К примеру, вблизи сельца Люблимовка Московского уезда на сравнительно небольшой территории находилось промышленное производство и «подмосковная» потомственного почетного гражданина, московского 1-й гильдии купца, основателя промышленного и торгового товарищества «Владимир Алексеев» В. С. Алексеева. Позже на территории большого имения образовалось несколько имений его наследников — Алексеевых — Сапожниковых.

Обращение к формам описаний имений и спискам, по которым работали земские статистики, позволяет увидеть, как долго и не просто для предпринимателя формировалось его поместье, преобразовываясь из отдельных участков, часто расположенных отдельно друг от друга и чересполосно с крестьянскими, в единое обширное владение. Проходили годы, пока в результате обмена с крестьянскими обществами, целого ряда покупок именно одного владельца и именно однотипных участков земли в окрестностях не появлялось «вдруг» на карте Московской губернии частное владение, пригодное как для развития на нем доходного производства, так и для усадебной жизни владельца и его семьи.

Сложность процесса межсословного перераспределения земли как нельзя лучше показывают материалы Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. В 1905 г. комитет начал сбор данных о частном землевладении в Московской губернии по сословиям и по уездам, желая сравнить их с данными 1877 г.

Непосредственным сбором сведений в данном случае занимались различные ведомства, не имевшие единства в методах и принципах опроса землевладельцев на местах. При этом наблюдался сильный разброс в критериях определения сословной принадлежности частных хозяев. Разделив всех земельных собственников на дворян, купцов, иностранных подданных, крестьян, мещан и духовных лиц, члены комитета пытались выяснить количество землевладельцев в каждой группе. Собранные данные были представлены по уездам в виде таблиц. При этом оказалось, что «купеческое» землевладение наиболее велико в Московском (11,6%), Серпуховском (11,2%), Богородском (11,1%) и Звенигородском (10,6%), а наименее — в Клинском (4,9%), Можайском (3,9%) и Волоколамском (3,2%)²⁰ уездах. Отдельной графой в данных о земельной собственности в Московской губернии были указаны имения торгово-промышленных товариществ. Интересно, что в 1905 г. они не были зафиксированы вообще в Волоколамском и Звенигородском уездах, в Дмитровском их собственность составляла 3,1%, в Подольском — 5,1%, а в Богородском — 11,1%, то есть столько, сколько приходилось на дворянское землевладение в том же уезде²¹. Анализируя изменение цифр за 18 лет, правительственные статистики отметили рост числа владельцев не только купцов (на 44%), но и мещан (на 111%), а также иностранных граждан и прочих сословий, между тем как дворянское землевладение сократилось (на 23%)²².

При всей ценности собранного комитетом материала, он дает лишь общее представление о тенденциях развития землевладения в конкретных уездах, так как сословный признак идентификации землевладельцев, который был использован при сборе материала, затруднял понимание истинного положения вещей. Как известно, сословная структура общества была крайне размыта, особенно трудно было выделить в городской среде купцов и мещан. Н.П. Вишняков, владелец старинной усадьбы Юсуповых при селе Чижове в Московском уезде, внук основателя золотоволоочильной фабрики в Москве купца 1-й гильдии П.М. Вишнякова, замечал по поводу «близких купечеству» сословий: «Платя гильдию, мещанин становился купцом, и наоборот, переставая платить, он возвращался в мещанство. [...] Мы стояли к ним слишком близко, чтобы проводить между ними и нами какую-нибудь существенную грань»²³.

Есть немало примеров того, как, формально оставаясь в своем сословии, многие крестьяне и мещане становились крупными предпринимателями и земельными собственниками. С другой стороны, распространенная практика пожалования дворянского достоинства выдающимся представителям делового мира в пореформенную эпоху вовсе не предполагала отказа от предпринимательской деятель-

ности, и такие «купцы во дворянстве» оставались в составе буржуазии.

К началу XX в. целый ряд купеческих фамилий благодаря чину, ордену или «за выдающиеся заслуги» уже был причислен к «благородному» сословию. Среди них — Боткины, Коншины, Крестовниковы, Перловы, Прохоровы, Рукавишниковы, Солдатенковы, Харитоненко, Четвериковы, Якунчиковы. Их земельные владения, естественно, учитывались в 1905 г. как «дворянские». При этом в более ранний период они же рассматривались земскими статистиками как «купеческие».

Практически ни один из представителей предпринимательских династий не отошел от дел, несмотря на перемену сословной принадлежности. Кроме того, представители делового мира фактически так и не «одворянились» окончательно. Сделав шаг в сторону повышения своего статуса, они не изменяли прежней социальной природы, которая проявлялась более всего в частной сфере, в семейном укладе, в хозяйстве и быте сельского имения. Привычные к ведению «дела», они трезво подходили к сложившейся экономической ситуации, и «в деревне» ориентируясь на требования рынка.

Интересно, что во время сбора уездной земской управой сведений об имениях в Серпуховском уезде владелец усадьбы при деревне Сохинки А.П. Мантейфель приложил к своему заполненному бланку «Описания имения» письмо, рисующее его, а равно и массы дворянства, отношение к новым владельцам поместий: «На смену дворянам хлынули изо всех щелей новые типы помещиков, нагулявшие наживу. Они окружают нас: это нажившиеся дворецкие, волостные старшины, сельские кабатчики, фабриканты-кулаки, бывшие кучера, красивые лакеи, проживающие возле старых сердобольных барынь, — вот те “новые” люди, которые скупили за бесценок земли и леса, и усадьбы, и сады барские и поживают себе припеваючи. Дух времени и суть дела они постигли отлично. У них и поля пашутся вовремя, и луга косятся задаром или за пойманную скотину, и жатва у них обильная, и крестьяне находятся в полном повиновении»²⁴.

Однако постепенно представители поместного и служилого дворянства также приобщались к новым формам экономической деятельности. Заметим, что имение Мантейфеля буквально через десятилетие уже числилось в уезде среди образцовых, развивалось при его наследниках и просуществовало до Первой мировой войны.

Со временем по своему социальному статусу (а в основе социальной идентификации лежит источник доходов) дворяне-землевладельцы становились фактически буржуа. Вовлечение их в товарно-денежные отношения сопровождалось процессами социальной консолидации дворянства и буржуазии²⁵. Но, взаимодействуя с по-

следней в деловой сфере, «благородное» сословие продолжало сохранять отчуждение. Один из ярких представителей торгово-промышленной и банковской Москвы В.П. Рябушинский по этому поводу писал: «...не вся Москва была купеческая, была и дворянская Москва, но соприкосновение между этими мирами было небольшое. Домами очень редко были знакомы... Московские “бары” пренебрежительно смотрели на “купчишек”, а московские купцы из-за обилия “своих” не замечали бар»²⁶.

Разумеется, в этом высказывании есть некоторое преувеличение. Среди предпринимателей было достаточно много людей из «благородного» сословия. Сиятельные бизнесмены являлись владельцами промышленных и торговых предприятий, в том числе находившихся в их имениях, держателями ценных бумаг, входили в правления акционерных компаний, товариществ, банков наряду с выходцами из купеческой среды²⁷. Многие купеческие фамилии были связаны родственными узами с дворянскими родами и крупными государственными чиновниками. В качестве примера можно назвать семейство получившей потомственное дворянство через брак с приват-доцентом Московского университета А.Т. Морозовой, одной из крупных землевладелиц Звенигородского уезда. Среди ее родственников были как потомственные дворяне Кривошеины, Смольяниновы, Ненароковы, Головнины, Кавелины, фон Мекки, так и получившие дворянское звание купцы Лепешкины и оставшиеся в купечестве Морозовы и Рябушинские.

Большой фактический материал дает изучение нотариальных данных Московской губернской земской управы о купле-продаже земельных владений. К сожалению, они сохранились по разным уездам не с одинаковой полнотой. Акты о сделках, которых насчитывается несколько тысяч, показывают, что в период «оскудения» предприимчивые дворяне довольно активно спекулировали именьями, как, впрочем, и зажиточные крестьяне и лица других сословий. Так, в Звенигородском уезде жена дворянина В.В. Есипова, купив 25 февраля 1870 г. у дворянина Н.И. Озерова имение при селе Свадове в 174 дес. 2080 саж. за 1800 руб., в ноябре перепродала его за 4500 руб. губернскому секретарю Э.В. Гафнеру, а 17 июня 1874 г. имение перешло к купцу С.А. Харичеву²⁸. Мещанин Сергиевского Посада Н.М. Матвеев в том же уезде при селе Одинцове в пустоши Глазыниной 6 мая 1872 г. купил 21 дес. 1112 саж. у трех крестьян за 1000 руб., а спустя пять месяцев земля перешла к почетному гражданину Г.С. Палицкому за 5000 руб²⁹. Во всех уездах Московской губернии имения дробились и продавались по частям объединившим свои накопления крестьянам или жителям ямских пригородных слобод, которые их покупали и тут же продавали в два-три раза дороже.

Выявилась определенная категория людей, которые постоянно занимались перепродажей земли, как, например, ямщик Рогожской слободы Н.И. Дечкин в Богородском уезде. Известный промышленник, купец Богородского уезда А.Ф. Елагин 11 декабря 1878 г. приобрел у него имение за 650 руб., которое двумя месяцами ранее Дечкин купил у своего родственника за 200 руб.³⁰

Заметим, что в разные годы под словом «имение» при покупке или продаже земельной собственности подразумевались разные ее виды. Если обратиться к нотариальным актам, фиксирующим куплю-продажу имений по разным уездам, то картина складывается одинаковая в смысле «товара». Изучая копии этих документов, отложившиеся в Оценочном отделении Московской губернской земской управы за период с 1863 по 1880 г., можно заметить, что в земельном обороте находились «земли за ненаделением крестьян», «ненаселенная земля», участки земли, леса или сенокоса, пустошь, «вырубка» и очень редко — «усадебка с господским домом», а чаще — «земля со строениями», то есть часть имения с хозяйственными постройками.

Исследование комплекса нотариальных данных за период с 1863 по 1880 г. по уездам Московской губернии дает дополнительную информацию о том, кто реально участвовал в торговых операциях с землей. Представляется уместным при определении владельцев имений следовать той классификации, которую обосновал Ю.А. Петров в книге «Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика»³¹, внося в нее некоторые дополнения:

1. Купцы. Сюда отнесены владельцы имений и усадеб, которые официально именовались «купец», «купеческий брат», «купеческая вдова», «жена купца».
2. Почетные граждане (потомственные и личные). Представляется корректным вычленить эту группу, так как она ранее других групп предпринимателей законодательно получила преимущество в приобретении земли разного рода.
3. Дворяне. В эту группу включены как титулованная знать, так и служилое дворянство — чиновники и офицеры. Формально сюда попадают представители предпринимательского мира, которым потомственное дворянство было пожаловано.
4. Мещане. К этой группе отнесены и цеховые, а также ямщики, отставные солдаты, унтер-офицеры, сходные по своему положению с мещанами.
5. Крестьяне. Данная категория означает лишь члена крестьянской общины или нескольких членов крестьянского сообщества.

6. Крестьянские общества. Эта категория выделена, так как по решению схода общинная земля могла продаваться обществом. Общество выступало подчас коллективным покупателем угодий.
7. Иностранцы подданные. Близкая к купечеству и предпринимателям вообще социальная группа, чьей особенностью является подданство.
8. Лица свободных профессий. Социальная группа, не укладывающаяся в рамки сословной организации общества.
9. Ассоциированные владельцы. Акционерные компании, товарищества и пр. или их представители.
10. Священнослужители. Сюда же причислены церковные причты.
11. Прочие. В эту группу входят управления по делам опеки над имуществом, конкурсные комиссии по делам имений, администрации Министерства государственных имуществ.

Представляется интересным взглянуть на сословные категории, взаимодействующие на земельном рынке Московской губернии. Просмотрев несколько тысяч нотариальных форм, фиксирующих куплю-продажу земли по уездам, мы сочли уместным сконцентрировать свое внимание на трех — Звенигородском, Богородском и Подольском. При выборе мы руководствовались соображениями большей сохранности всего комплекса и полнотой описаний имений, которые делались земскими статистиками не в каждом уезде.

Эти уезды, подчеркнем, являются и разными по характеру землевладения, как это было замечено земскими статистиками. Так, Богородский уезд считался одним из самых «фабрично-промышленных», Звенигородский относился к «аристократическим», а Подольский занимал некое среднее положение среди других подмосковных местностей.

В Богородском уезде было выявлено всего 400 нотариальных форм о купле-продаже в 1863—1880 гг. Ситуацию с приобретением имений в этом уезде показывает Таблица 4.

Таблица 4

Сословный состав покупателей и продавцов земли в Богородском уезде, 1863—1880 гг.

Сословие или сословная группа	Продавцы		Покупатели	
	чел	%	чел	%
Купцы	45	11,25	122	30,5
Почетные граждане	28	7	44	11
Дворяне	164	41	30	7,5

Таблица 4 (Окончание)

Сословие или сословная группа	Продавцы		Покупатели	
	чел	%	чел	%
Мещане	75	18,75	76	19
Крестьяне	57	14,25	74	18,5
Крестьянские общества	10	2,5	13	3,25
Иностранные подданные	2	0,5	4	1
Лица свободных профессий	2	0,5	1	0,25
Ассоциированные владельцы	6	1,5	24	6
Священнослужители	1	0,25	4	1
Прочие	10	2,5	8	2
Всего	400	100	400	100

Е.п.и. + і.е.е.: Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 184. Оп. 9. Д. 49.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в Богородском уезде в качестве продавца земли выступало прежде всего дворянство, на долю которого приходился 41% сделок по продаже земли. В группе мещан 50 из 75 сделок по продаже участков земли совершили ямщики Рогожской слободы, которая обладала значительными лесными угодьями. Они продали $\frac{1}{8}$ часть всех земельных имений. Крестьяне Богородского уезда также охотно продавали землю, которая не приносила дохода земледельцу. Более богатые скупали небольшие отрезки (до десятины) и пускали их в продажу по более высокой цене.

В качестве покупателей в этом уезде преобладают купцы и почетные граждане — 41,5%. Если обратиться к пометкам о характере земельного владения, то их коммерческий интерес прослеживается очень четко. Приобретаются «земля с фабрикой», «земля с лесом», «усадебная земля с рекой» или многочисленные мелкие участки земли, которые затем будут использованы в производственных целях.

Покупка лесного участка, при наличии действующей поблизости фабрики, в ряде случаев становилась началом создания господского дома с угодьями, то есть усадьбы и даже нескольких усадеб. К примеру, близ села Городищи, где с 1831 г. работала сукновальная мельница Четвериковых, потом была построена их семейная Городищенская суконная фабрика.

После смерти И.И. Четверикова фамильные дела повел старший сын — С.И. Четвериков, которому тогда едва исполнился 21 год. Ему удалось отвести угрозу банкротства от фабрики с помощью капиталов семьи Алексеевых, так как его супругой стала М.А. Алексеева. Четвериков отдавал модернизации предприятия много сил и време-

ни, и вскоре возникла необходимость устройства семейного дома в Городищах. «Купив себе небольшой клочок земли, пустошь “Кашинцево” близ Анискина, поселился на житье там безвыездно, отдавая весь труд фабрике, требовавшей неустанной о себе заботы», — писал С.И. Четвериков³². Четвериковы приобрели 168 дес. земли у профессора Московского университета дворянина В.А. Рахманова в 1878 г. за 2600 руб.³³ В 1883 г. они решили завести основательное хозяйство: построили ферму, где держали племенных коров и выездных лошадей; засеяли поле клевером и викой; стали выращивать для собственных нужд картофель. «Ведение хозяйства, — пояснял С.И. Четвериков в собственноручно составленном им «Описании имения», — имеет целью разнообразить дачный образ жизни»³⁴. Предприниматель прожил в усадьбе более сорока лет, находя возможность совмещать большую работу по управлению многочисленными промышленными предприятиями, которые постоянно развивал и реконструировал, с удовольствием быть сельским хозяином. В «Кашинцево» в год получали более 16 тыс. ведер молока, 22 пуда сливочного масла, из которых даже приходилось часть продавать³⁵.

В 1884 г. младший брат Четверикова, Д.И. Четвериков, занимавший один из административных постов на фабрике, решил обзавестись семьей, причем его избранницей стала А.А. Алексеева, сестра супруги владельца «Кашинцева». К свадьбе брата С.И. Четвериков купил при селе Анискине, которое имело еще одно название — Тимофеевское, усадьбу «Тимофеевка»³⁶, где уже имелся небольшой помещичий дом.

При том же селе находилась и усадьба «Солнцево» со старозаветным господским домом. Ее в 1884 г. Д.И. Четвериков-старший приобрел на свое имя у дворянина А.Н. Калужского³⁷, перепродав его позже Е.М. Алексеевой. После смерти единственного сына, Н.А. Алексеева, она жила в «Солнцево» в окружении многочисленной прислуги, наладив свой быт довольно пышно. В «Солнцево» поддерживался поистине барский образ жизни, не известный Е.М. Алексеевой по рождению, но привитый воспитанием³⁸. Впрочем, потомственное дворянство имела и она, и Четвериковы — «за заслуги» отцов. Таким образом, близ Городищинской суконной фабрики появилось не одно ново-«дворянское гнездо», а несколько. При этом каждое имение обладало особым укладом хозяйства и быта.

Земские статистики констатировали распространение в Богородском уезде крупного и мелкого землевладения, носящего фабричный характер. В 1878 г. Каблуков писал: «В Богородском уезде купечество не только приобретает в свои руки массу земель, но и прочно удерживает их за собою»³⁹. Эта тенденция придавала именьям Богородского уезда свои особенности.

Ситуация с куплей-продажей имений в Звенигородском уезде в тот же период времени была несколько иная. Распределение нота-

риальных документов за 1862—1880 гг. по сословиям и сословным группам представлено в Таблице 5.

Таблица 5

Сословный состав покупателей и продавцов земли в Звенигородском уезде, 1863—1880 гг.

Сословие или сословная группа	Продавцы		Покупатели	
	чел	%	чел	%
Купцы	25	7,29	57	16,62
Почетные граждане	18	5,26	32	9,33
Дворяне	232	67,63	141	41,12
Мещане	13	3,79	16	4,66
Крестьяне	24	7	50	14,58
Крестьянские общества	17	4,96	3	0,87
Иностранные подданные	4	1,17	13	3,79
Лица свободных профессий	2	0,58	2	0,58
Ассоциированные владельцы	2	0,58	24	7
Священнослужители	3	0,87	3	0,87
Прочие	3	0,87	2	0,58
Всего	343	100	343	100

Источник: ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 449.

Как видно, Звенигородский уезд продолжал оставаться дворянским, хотя землевладение торгово-промышленного сословия в нем было значительным. Заметим, что здесь находились усадьбы потомственных почетных граждан Д.И. Хлудова, О.М. фон Вогау, П.П. Боткина, Т.И. Сушкиной, И.О. Сушкина, Г.М. Сушкина, И.С. Перлова, С.Н. Карзинкиной, А.Я. Полякова, А.К. Медведниковой и многих других заметных фигур «купеческой Москвы».

Высокая цифра покупок имений дворянами при анализе нотариальных данных о переходах земли оказывается ниже, так как в этом уезде предпочитала приобретать усадьбы «одворянившаяся» буржуазия. Так, в этот период несколько имений в Звенигородском уезде купили «купцы во дворянстве» А.Т. Карпова, основавшая в бывшем имении дворян Кильдюшевских «Брыково» лесное производство, В.И. Якунчиков, имевший близ станции Одинцово кирпичные заводы, и некоторые другие.

В уезде было сравнительно много землевладельцев — иностранных подданных, «скрывающихся» иногда под названием «московский купец». Документы свидетельствуют, что, как правило, дворянские усадьбы покупались целиком, а потом к ним докупались

или выменивались у крестьянских обществ примыкающие участки. К примеру, потомственная почетная гражданка М.А. Катуар купила в 1872 г. в Перхушковской волости при селыце Осорвино «недвижимое имение с господским домом» у кн. А.С. Урусова за 15000 руб. В последующие годы ею и ее мужем А.И. Катуаром были приобретены в той же волости 254 дес. леса за 18000 руб., а затем — 111 дес. земли «с господскими строениями» в имении надворного советника Н.Ф. Самарина⁴⁰.

Так же действовали и другие новые землевладельцы. Например, директор-распорядитель товарищества чайной торговли «П. Боткина сыновья» П.П. Боткин приобрел в 1874 г. в Московском уезде участок сенокосной земли в 139 дес., ставший затем его имением «Поповка» с развитым полевым и молочным хозяйством⁴¹.

Нотариальный архив по Подольскому уезду зафиксировал еще один вариант сословной характеристики регионального земельного рынка (см. Таблицу 6).

Таблица 6

Сословный состав покупателей и продавцов земли в Подольском уезде, 1863—1880 гг.

Сословие или сословная группа	Продавцы		Покупатели	
	чел	%	чел	%
Купцы	18	6,23	51	17,65
Почетные граждане	8	2,77	16	5,54
Дворяне	209	72,32	95	32,87
Мещане	11	3,81	37	12,80
Крестьяне	19	6,57	57	19,73
Крестьянские общества	12	4,15	5	1,73
Иностранные подданные	3	1,04	3	1,04
Лица свободных профессий	3	1,04	3	1,04
Ассоциированные владельцы	1	0,35	15	5,19
Священнослужители	3	1,04	5	1,73
Прочие	2	0,69	2	0,69
Всего	289	100	289	100

Источник: ЦИАМ. Ф. 164. Оп. 9. Д. 679.

В Подольском уезде дворянское землевладение до 1880 г. оставалось весьма устойчивым. Одновременно в уезде шло межсословное перераспределение земли, в котором активную роль играли, помимо

дворян, купцы и потомственные граждане, крестьяне и мещане. Дворяне уезда, как показывает более детальный персонифицированный анализ документов, пускали в продажу усадебную землю, лес и «угодья».

«Описания имений», составленные статистиками Подольского уезда в 1877 г., содержат краткие характеристики осматриваемых хозяйств, из которых следует, что имения покупались с целью вырубки леса, сдачи угодий в аренду. Так, купец И.В. Костяков купил у кн. Урусова в Кленовской волости при деревне Маврино за 30000 руб. имение, состоящее из усадьбы, лугов и леса. Сохраняя лесные массивы, новый хозяин пахотные земли и луга сдал под покосы местным крестьянам «поднарядно»⁴². Все угодья были сданы под покосы и в имении купца Васильева при селе Васюanine Вороновской волости⁴³. При деревне Горки у купца Н.О. Сушкина, как отмечалось, «имение в запустении и приходит в упадок», хотя и «куплено им шесть лет назад», а владелец «пользуется покосами и лесом»⁴⁴.

Изучение актов о купле-продаже выявило наиболее крупных землевладельцев из торгово-промышленной среды, которые выделялись как размерами своих имений, так и наличием там усадебных строений и разного вида угодий. Ими были московские купцы Д.С. Лепешкин, купивший в 1879 г. старинное «Валуево» в 622 дес. 2142 саж. земли; А.И. Шамшин, имевший с 1876 г. при селце Кленове 551 дес. 127 саж. земли с усадьбой; В.В. Блинников, владевший 396 дес. с усадьбой при селце Жохове; потомственный гражданин Г.М. Сушкин, оформивший покупку имения при селе Горки, где числилось 348 дес. 203 саж.; крестьянин Серпуховского уезда Г.С. Волков, перекупивший у генеральши П.А. Замятиной в 1870 г. усадьбу при селце Шарапове с 293 дес. угодий; купец Э.И. Бромлей, который приобрел в 1872 г. земли Мельгуновых при селе Таболове в 432 дес. 505 саж. с господскими строениями⁴⁵.

При этом данные нотариального архива Подольского уезда показали достаточно большую потенциальную силу крупного дворянского землевладения. Примером тому может служить эволюция усадьбы «Михайловское» С.Д. Шереметева. В 1870 г. флигель-адъютанту полковнику графу С.Д. Шереметеву удалось выкупить у А.С. Мусина-Пушкина это родовое имение Шереметевых близ села Бынева за 40 тыс. руб. Он не только благоустроил обветшавшую усадьбу, но и превратил «Михайловское» в одно из лучших хозяйств России, совместив коммерческий расчет и дворянскую культуру. Шереметев постоянно расширял границы имения, которое и так насчитывало 989 дес. 1265 саж. земли. В том же году он купил еще 141 дес. близ «Михайловского», в апреле 1871 г. — 245 дес. «лесных земель с домом» при соседнем Сандыреве, в 1874 г. — 401 дес. пашни при деревнях Плескове и Заболотье и т. д.⁴⁶

Изучение комплекса нотариальных документов и выявление среди них купчих позволяет, на наш взгляд, уточнить долю торгово-предпринимательских слоев в землевладении Московской губернии. Как выяснилось, она различна в разных уездах, что определяется местными географическими и социальными условиями. Напомним, что в 1876—1877 гг. процентное соотношение землевладельцев по сословиям в Московской губернии земские статистики определили на основании подсчета землевладельцев в 1865 и 1876—1877 гг.; показатель для «купеческого» землевладения составил соответственно 10,37% и 19,75%⁴⁷. В 1905 г. та же задача решалась Центральным статистическим комитетом МВД на материалах распределения землевладения в Московской губернии между сословиями⁴⁸.

Цифры, полученные в результате выявления и подсчета нотариальных копий купчих, составленных на приобретение имений выходцами из предпринимательской среды, достаточно определенно указывают тенденцию развития землевладения в Московской губернии. В подтверждение можно привести имеющиеся в нашем распоряжении расчеты Н.А. Каблукова на 1865 г. и 1876—1877 гг. для Богородского уезда. Тогда доля купечества среди купивших землю была соответственно 31,6% и 35,3%⁴⁹. Но персонифицированный анализ нотариальных копий актов показывает еще более высокую степень землевладения представителей торгово-промышленного сословия в этом уезде.

К сожалению, архив Оценочного отделения, хотя и содержит многочисленные документы, относящиеся к фиксации земельных сделок, все же не является полным. В то же время он является богатым источником фактического материала по истории сельской усадьбы и землевладения в целом, который позволяет не только увидеть, как реально происходила мобилизация земли в руках московской буржуазии, но и выявить конкретных продавцов и покупателей на земельном рынке Московской губернии.

С 1883 г. капиталистический предприниматель стал ключевой фигурой землевладения в Московской губернии. «Буржуазия во дворянстве» усиливала помещичье хозяйство, внося в него новые социальные черты. Внуки основателей фирм — новые землевладельцы — мало походили на своих предков. «Это были преимущественно крупные негоцианты и банкиры, люди, ведущие большие дела, обладавшие крупными средствами, деловитые практики, — вспоминал С.В. Бахрушин. — На смену вымирающему типу благообразного купца старого пошиба, безмолвного кулака, еще не утратившего сходства с героями Островского, здесь все более выдвигался всесторонне образованный, побывавший неоднократно за границей банковский или торгово-промышленный деятель новой формации, приобретший до известной степени европейский лоск»⁵⁰.

Представители групп «мещан» и «крестьян», включавших в себя значительную часть людей, чей социальный статус не соответствовал их сословному положению, также становились хозяевами барских усадеб. «С имениями шло на убыль, — так оценивал ситуацию земский врач С.Я. Елпатьевский. — Дворянские имения распродавались. [...] Исчезали из уезда целые фамилии, когда-то занимавшие крупное место в местной жизни. Покупали имения местные купцы и какие-то пришлые люди из Москвы и Петербурга — судя по фамилиям, недворянского рода, покупали и крестьяне, местные и пришлые»⁵¹.

Те, кто не имел достаточно средств на покупку имения, приобретали мелкие участки в окрестностях города. Мелкое землевладение, особенно в Московском уезде, было сильно развито. «Оно обуславливается не столько причинами, лежащими в условиях сельскохозяйственного производства, сколько различными социальными явлениями, производимыми частью центральным положением Москвы и скученностью ее населения, что ведет к развитию дачной жизни и увеличению тех мелких участков, которые покупаются под дачи и ежегодно охватывают все больший район вокруг Москвы»⁵², — писал Н.А. Кабулков.

Ошибочно думать, что устройство дач в своих имениях было свойственно только выходцам из «низших» сословий. Для примера можно привести имение «Кучино» потомственной почетной гражданки Евф. П. Носовой (урожд. Рябушинской) при одноименной платформе Московско-Нижегородской железной дороги, а вернее — владение, которое Носовой было выделено по семейному разделу. Принадлежавшая к купеческой элите Первопрестольной, супруга суконного фабриканта В.В. Носова планировала устроить на своем участке дачный поселок, оставив часть земли под свою собственную усадьбу. Идея «города-сада», воплощенная в представленном ею проекте, была рассчитана на потребности интеллигентных горожан, поэтому план устройства поселка включал в себя создание общего парка, культурного центра и фермы для обслуживания поселка продуктами сельского хозяйства⁵³.

Приобретение земельной собственности московскими предпринимателями можно было бы объяснить одной только коммерческой выгодой от владения землей, которая росла в цене. Однако загородные поместья второй половины XIX — начала XX в., ставшие колыбелью экономического и научного новаторства, усадебного меценатства и новых культурно-бытовых традиций, были организованы в соответствии с системой ценностей русской буржуазии.

Таким образом, анализ материалов земской статистики, и прежде всего данных нотариального архива Московской губернской земской управы, показал еще более высокую активность москов-

ской буржуазии на земельном рынке, чем это следовало из цифр статистического обследования частновладельческих хозяйств Московской губернии. Более того, детальное и персонифицированное исследование актов о купчих с описаниями вида угодий дало возможность определить характер земельных приобретений, выявить крупных продавцов и покупателей в уездах, каждый из которых имел свои местные особенности, сказывавшиеся на характере частновладельческого хозяйства.

Примечания

- 1 Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1969.
- 2 Проскурякова Н.А. Статистика землевладения и землепользования // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979.
- 3 Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России в конце XIX — начале XX в. 1861—1904. М., 1979.
- 4 Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в. М., 1971.
- 5 Там же. С. 13—14.
- 6 Анфимов А.М. Указ. соч. С. 288.
- 7 Там же. С. 88.
- 8 Там же. С. 20.
- 9 Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы изучения. М., 1982. С. 4, 6.
- 10 Россия: Полное географическое описание нашего Отечества / Под общим руководством П.П. Семенова. Т. 1. Московская промышленная область и Верхнее Поволжье. СПб., 1899. С. 123.
- 11 Лященко П.И. Мобилизация земельной собственности в России и его статистика: Окончание // Русская мысль. 1905. № 1. С. 39—60.
- 12 Дружинин Н.М. Помещичье хозяйство после реформы 1861 г. (По данным Валуевской комиссии 1872—1873 гг.) // Исторические записки. Т. 89. М., 1972. С. 195.
- 13 Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 1. Вып. 1. Московский уезд. Статистические сведения о хозяйственном положении Московского уезда / Сост. по поручению Московской губернской земской управы В. Орлов. М., 1877. С. 5.
- 14 Там же. С. 31.
- 15 Там же. С. 35.
- 16 Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. V. Вып. 1. Очерк хозяйства частных землевладельцев. М., 1879. С. 35—36.
- 17 Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 1. Вып. 1. Московский уезд. М., 1877. С. 45, 48.
- 18 Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. V. Вып. 2. Хозяйства частных землевладельцев

- Московской губернии. Уезды: Можайский, Волоколамский, Рузский, Звенигородский, Верейский и Бронницкий / Сост. К. Вернер. М., 1883. С. III.
- 19 Там же. С. 95.
- 20 Статистика землевладения. 1905 г. Вып. I. Московская губ. СПб., 1906. С. 44.
- 21 Там же.
- 22 Там же. С. 41, 44—45, 50.
- 23 Вишняков Н.П. Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. Ч. 3. М., 1911. С. 57.
- 24 Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 184. Оп. 10. Д. 2458. Л. 323.
- 25 Корелин А.П. Указ. соч. С. 120—121.
- 26 Рябушинский В.П. Купечество московское // Старообрядчество и русское религиозное чувство. М., 1994. С. 144.
- 27 См.: Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика. М., 2002.
- 28 ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 449. Л. 86—87.
- 29 Там же. Л. 130—131.
- 30 Там же. Д. 49. Л. 447—448.
- 31 Петров Ю.А. Указ. соч. С. 72.
- 32 Четвериков С.И. Невозвратное прошлое. М., 2001. С. 18.
- 33 ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 49. Л. 517.
- 34 Там же. Оп. 10. Д. 2447. Л. 231—234.
- 35 Там же.
- 36 Четвериков С.И. Указ. соч. С. 89.
- 37 ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 49. Л. 818.
- 38 Штеккер Е.Д. Воспоминания о Е.М. Алексеевой. (Рукопись из семейного архива Четвериковых предоставлена автору Н.А. Добрыниной.)
- 39 Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 1. С. 59.
- 40 ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 9. Д. 49. Л. 134, 135, 206.
- 41 Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 122. Д. 338.
- 42 ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2457а. Л. 464.
- 43 Там же.
- 44 Там же. Л. 468.
- 45 Там же. Оп. 9. Д. 679. Л. 88, 130, 145, 149, 150, 154, 194, 321, 715, 716.
- 46 Там же. Оп. 10. Д. 2460. Л. 117—164; Ф. 184. Оп. 9. Д. 679. Л. 58, 59, 83, 125.
- 47 Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 1. С. 84.
- 48 Статистика землевладения. 1905 г. Вып. I. Московская губ. С. 43.
- 49 Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 1. С. 55.
- 50 ЦИАМ. Ф. 2263. Оп. 1. Д. 2. Л. 42.
- 51 Елпатьевский С.Я. Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. С. 43—44.
- 52 Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Вып. 1. С. 31.
- 53 ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 24. Д. 116. Л. 59об; Ф. 449. Оп. 1. Д. 34. Л. 1, 3, 4—5.

История фондовой биржи в дореволюционной России

Структура и динамика биржевого индекса дореволюционной России: анализ рынка акций ведущих промышленных компаний

К началу XX в. Петербургская биржа становится одной из наиболее крупных фондовых бирж Европы, уступая по объему котирующихся ценностей лишь Лондонской, Парижской и Берлинской биржам. Укреплению ее статуса способствовало утверждение императором Николаем II в 1900 г. законопроекта об образовании Фондового отдела Петербургской биржи. К 1913 г. через эту (центральную для российского фондового рынка) биржу мобилизовывались средства для инвестиций в основной капитал почти 200 крупных промышленных предприятий России. Как отмечалось в 1916 г. в «Банковой энциклопедии», в России начала XX в. биржа стала «центром хозяйственной жизни, а не придатком ее... Рост акционерной формы и крупного производства сделал невозможным расширение существующих предприятий и создание новых вне и без биржи»¹. В другом издании, «Коммерческой энциклопедии», подчеркивалось, что «в конце концов именно благодаря бирже устанавливается оценка бумаг по их действительным достоинствам»².

Естественно, что именно биржевые индексы (формируемые на основе курсов цен акций ведущих компаний) рассматриваются обычно в качестве основных индикаторов («барометров») экономической конъюнктуры. Активное использование биржевых (или фондовых) индексов началось в XX в., однако на ведущих биржах мира индексы начали подсчитываться уже в конце XIX в. Так, знаменитый американский биржевой индекс Доу-Джонса, оценивающий динамику курсов акций крупнейших промышленных компаний (Dow Jones Industrial Average), с известий об изменениях которого и сегодня начинаются ежедневные выпуски новостей бизнеса, ведет свою историю с 1896 г.

* Бородин Леонид Иосифович — доктор исторических наук (Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова), Перельман Грегори — преподаватель Университета штата Калифорния (Сан-Франциско, США).

Авторы данной работы признательны участникам Международной конференции «Индустриальное наследие» (Саранск, июнь 2005 г.) и семинара Центра экономической истории при Историческом факультете МГУ за полезные обсуждения и конструктивные советы.

В дореволюционной России по разным причинам подобные индексы не рассчитывались. Данная работа является первой попыткой создать биржевой индекс, подобный индексу Доу-Джонса, используя котировки акций ведущих российских предприятий конца XIX — начала XX в.³ В значительной степени эта работа стала возможной благодаря базе данных, содержащей систематизированные данные о котировках акций российских акционерных компаний на Петербургской бирже (единственной в России бирже европейского значения). Эта база была составлена в 2002 г. Международным центром финансовых исследований при Йельском университете⁴. В дополнение к котировкам были использованы балансы предприятий, публиковавшиеся в «Ежегоднике Министерства финансов».

Следует отметить, что пристальный интерес к российской промышленной и финансовой статистике начала XX в. был вызван значительным объемом размещенных в стране зарубежных инвестиций. По мнению П. Грегори, российская промышленная статистика по объему и детальности превосходила в определенных аспектах соответствующие публикации в других странах⁵.

Акционерные промышленные компании и петербургский фондовый рынок в конце XIX — начале XX в.

Вторая половина 90-х гг. XIX в. была периодом бурного роста российской промышленности. Доминирующей в это время стала акционерная форма организации крупных предприятий. Отдельные предприниматели уже не обладали, как правило, капиталом в том размере, который требовался для организации промышленного производства в крупных масштабах. Несмотря на ограничения российского акционерного законодательства, сдерживавшие появление новых компаний⁶, по подсчетам Л.Е. Шепелева, с 1893 по 1901 гг. в России было учреждено 1460 акционерных компаний, 1014 из которых начали свою деятельность⁷. В Таблице 1 приводятся данные о динамике акционерного учредительства в эти годы. Количество учрежденных компаний особенно впечатляет в сравнении с предыдущими периодами. Так, в 1874—1881 гг. было учреждено 256 компаний, в 1882—1892 гг. — 383, а в 1893—1901 гг. — 1460. Даже за последующие после периода бурного грюндерства 9 лет (1902—1910 гг.) было зарегистрировано меньшее количество акционерных компаний — 1081⁸.

Акционерное учредительство в России, 1893—1901 гг.

Годы	Российские компании		Иностранные компании		Всего компаний	
	Учреждено	Открыто	Учреждено	Открыто	Учреждено	Открыто
1893	56	48	5	2	61	50
1894	64	45	3	2	67	47
1895	79	80	7	6	86	86
1896	128	95	24	25	152	120
1897	137	98	19	20	156	118
1898	188	129	34	24	222	153
1899	305	156	73	37	378	193
1900	162	121	30	36	192	157
1901	122	61	24	25	146	86
Итого	1241	833	219	177	1460	1010

Источник: Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 139.

Кроме экономического подъема, росту акционерного учредительства также способствовало наличие свободных фондов на российском денежном рынке. С одной стороны, конвертация государственного долга в 1890—1894 гг. на более низкий процент побудила многих держателей этих бумаг искать более прибыльные вложения в других ценных бумагах. С другой стороны, введение золотого стандарта в 1897 г. привлекло в страну значительное количество иностранных предпринимателей, которых ранее отпугивала нестабильность русского кредитного рубля⁹. К этому следует добавить, что российские коммерческие банки, особенно в Петербурге, значительно увеличили онкольные операции¹⁰, которые повысили уровень ликвидности на денежном рынке. Все это, естественно, привело к буму на Петербургской бирже. Уже в 1895 г. раздавались голоса о «зловредной спекуляции» и «биржевой вакханалии», а в бюджетном докладе царю в 1896 г. министр финансов С.Ю. Витте отмечал, что биржевое увеличение 1895 г. было «одним из первых в ряду отрицательных явлений в русской экономической жизни»¹¹. Если серьезные биржевые колебания не были чем-то новым в странах Западной Европы, особенно в Англии и Франции, то в истории России, пожалуй, впервые размеры биржевой спекуляции достигли размеров, привлекавших серьезное внимание правительства и общественности.

Несмотря на падение цен акций на Петербургской бирже во второй половине 1895 г., промышленный подъем в стране продолжался, и вскоре он отразился в новом росте котировок. Как видно из Таблицы 1, пик акционерного учредительства приходится на 1899 г., когда было учреждено 378 компаний и 193 из них начали свою деятельность. Но уже в следующем году в стране начался экономический спад, который привел к резкому сокращению числа учреждаемых компаний. Падение цен на бирже было замечено еще в начале 1899 г. Однако эта тенденция в разной степени характеризовала курсовую динамику различных акций.

Преимущество использования биржевого индекса для определения динамики котировок на рынке ценных бумаг состоит в том, что он, с одной стороны, суммирует биржевую информацию в одном показателе, что для наблюдателя намного удобнее, чем изучать движение цен многих бумаг и пытаться выяснить направление движения. С другой стороны, биржевой индекс обычно строится по котировкам акций ведущих компаний, репрезентирующих весь фондовый рынок, — таким образом исключаются «случайные» компании, которые попадали в котировку нерегулярно, а таких на бирже было достаточно. Так, из 585 ценных бумаг, попавших в базу данных котировок на Петербургской бирже с января 1865 г. по июль 1914 г., 246 (т. е. 42%) бумаг отмечены в источниках меньше 12 раз за эти полвека, а 42 вообще появлялись лишь однажды.

Интерес к динамике котировок определяется еще и тем, что цены акций на бирже отражают общее отношение «инвестирующей публики» к реальной стоимости капиталов соответствующих компаний. Т. е., покупая акции по определенной цене, акционеры предполагают получение прибыли в будущем, а эта прибыль зависит от перспектив развития соответствующей компании. Если репутация компании повышалась, то, естественно, цена ее акций росла. Если же перспективы компании, по крайней мере в глазах биржевой публики, были не очень радужными, то цена акций понижалась. Конечно, спекуляция со стороны постоянных, а зачастую и случайных игроков на бирже имела существенное влияние на процессы биржевого ценообразования. Цены могли резко двигаться то в одну, то в другую сторону, в зависимости от «понижающей» или «повышающей» игры биржевых дельцов. Для многих завсегдатаев биржи вложение средств в акции было сродни азартной игре и не имело прямого отношения к экономическим перспективам конкретных предприятий. Размеры потенциальных доходов на бирже были довольно значительными, а соблазн их получить — слишком большим, — примеры не самого этического поведения некоторых биржевых участников наглядно описаны и современниками, и ис-

следователями этого периода в наше время¹². Однако в долгосрочной перспективе цены акций отражали действие фундаментальных (экономических) факторов, опыт и мастерство администрации компаний и динамику экономической конъюнктуры.

Создавая биржевой индекс, учитывающий стоимость акций ведущих промышленных компаний России конца XIX — начала XX в., мы можем проследить, как биржа оценивала их реальный капитал, перспективы их развития.

Методика расчета биржевого индекса

При построении любого биржевого (фондового) индекса в расчет принимаются следующие характеристики¹³:

- список индекса (набор акций-представителей);
- метод усреднения (обычно используют арифметическую или геометрическую среднюю);
- виды весов к курсовым стоимостям акций, входящих в список индекса (например, весовые коэффициенты могут определяться курсовой стоимостью акций или капитализацией компании-эмитента);
- базисное значение индекса (значение индекса в периоде, принятом за начало отсчета);
- статистическая база, на основе которой производится расчет индекса (источник, содержащий регулярные сведения о ценах акций).

Существует также ряд «технических» аспектов, которые должны учитываться при построении биржевых индексов. Так, следует придерживаться определенной методики пересчета значений индекса при изменении набора акций-представителей (список индекса может меняться с ростом капитализации одних компаний и уменьшением других). Номинальная цена той или иной акции могла по решению правления соответствующей акционерной компании скачком изменяться (например, уменьшаться вдвое, как это бывало на фондовом рынке дореволюционной России). Методика расчета индекса должна строиться с учетом этих и других особенностей биржевой динамики.

В данной работе построение фондового индекса Петербургской биржи конца XIX — начала XX в. проводится по методике, близкой к той, которая была положена в основу расчета значений индекса Доу-Джонса в указанный период времени (и которая, в принципе, используется на Нью-Йоркской бирже и сегодня).

Индекс с ценовым взвешиванием. Индекс I_1 рассчитывается как среднее арифметическое из текущих цен включенных в его состав акций. Именно так подсчитываются значения индекса Доу-Джонса¹⁴. Недостатком биржевого индекса, основанного на средней цене акций, является непропорциональное влияние изменений цен самых дорогостоящих акций на динамику индекса¹⁵. Причем это влияние, вообще говоря, не зависит от экономического положения соответствующего предприятия.

Чтобы избежать искажений такого рода, в инвестиционной практике используют равновзвешенный индекс I_2 , который основан на той же информации, что и индекс I_1 , построенный с ценовым взвешиванием.

Равновзвешенный индекс. Этот индекс — I_2 — измеряет динамику изменения цен акций в процентном отношении к предыдущему периоду. В начальный момент стоимость каждой акции, включенной в состав индекса, принимается за 100%, и, соответственно, значение индекса принимается за 100. На следующем шаге цена каждой акции вычисляется в процентах от предыдущего значения (например, если цена акции выросла на 10%, то она выражается значением 110), и значение индекса I_2 подсчитывается как среднее арифметическое этих процентных показателей. Таким образом, все акции входят в подсчет индекса с равным весом, значения I_2 не зависят от цены каждой акции, а определяются ее процентными изменениями¹⁶.

При определении состава промышленного индекса Петербургской биржи мы придерживались определенных принципов отбора промышленных акционерных обществ. Поскольку размер активов в значительной степени отражает «вес» предприятий, их роль в соответствующей отрасли, этот показатель был выбран как главный. Используя данные балансов предприятий конца 1890-х гг., опубликованные в выпусках «Ежегодника Министерства финансов», мы решили выбрать те акционерные общества, которые, с одной стороны, имели самые крупные активы, а с другой стороны, регулярно котировали свои бумаги на Петербургской бирже.

Мы отталкивались от данных выпуска «Ежегодника Министерства финансов» 1900 г., который содержит отчетные балансы 931 акционерного общества за 1898 г. Общий баланс активов всех промышленных предприятий, зафиксированных в «Ежегоднике», исчислялся в 1898 г. 3,1 млрд руб., причем 1,4 млрд руб. из них составляли имущество и 0,7 млрд руб. — разного рода товары и материалы. Для сравнения: чистый национальный продукт России в 1898 г. составлял 10,3 млрд руб.¹⁷ В Таблице 2 приводятся данные балансовых отчетов акционерных компаний за 1898, 1905 и 1910 гг., исчисленные по группам производств.

Активы российских акционерных компаний в 1898, 1905 и 1910 гг.: отраслевая структура¹⁸

Производственная группа	Количество компаний			Баланс активов (млн руб)			Доля от суммы всех активов		
	1898 г	1905 г	1910 г	1898 г	1905 г	1910 г	1898 г	1905 г	1910 г
Волокнистая	191	214	262	861	1318	1849	27,6	24,8	24,3
Химическая	41	78	73	100	309	365	3,2	5,8	4,8
Бумагомассная	41	47	68	70	97	479	2,3	1,8	6,3
Горнопромышленная	102	179	186	639	1112	1184	20,5	20,9	15,6
Металлическая	103	163	209	444	745	1235	14,3	14,0	16,3
Керамическая	45	69	57	70	111	110	2,3	2,1	1,4
Сельскохозяйственная	9	10	—	8	9	—	0,2	0,2	—
Лесная	18	31	41	33	50	90	1,0	0,9	1,2
Питательная	175	230	274	338	513	823	10,9	9,6	10,8
Животная	13	19	13	35	45	39	1,1	0,9	0,5
Торговая	42	71	140	133	246	481	4,3	4,6	6,3
Перевозочная	35	47	51	96	214	337	3,1	4,0	4,4
Благоустройство	82	109	117	177	252	460	5,7	4,7	6,1
Смешанная	34	94	42	112	302	142	3,6	5,7	1,9
Всего	931	1361	1533	3117	5323	7595			

Источники: данные за 1898 г.: Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 588—649; данные за 1905 г.: Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1906 г. СПб., 1907. С. 286—359; данные за 1910 г.: Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1912 г. СПб., 1912. С. 594—697.

Построение промышленного индекса Петербургской биржи производится в данной работе для периода 1897—1914 г. Этот 18-летний интервал разбит на три части: 1897—1905 гг., 1906—1910 гг. и 1911—1914 гг. Состав индекса на протяжении указанного периода претерпел некоторые изменения, хотя количество включенных компаний оставалось постоянным. Пересмотр списка был сделан по итогам балансовых отчетов 1905 и 1910 гг. (в связи с изменениями в эти годы размера активов акционерных компаний, котирувавших свои ценные бумаги). В состав индекса каждый год входили 12 крупных российских промышленных компаний¹⁹. При этом мы исходили главным образом из того, чтобы акции отобранных первоначально компаний котиrowались на Петербургской бирже без существенных перерывов с 1897 по 1905 г. Стоит отметить, что именно такое число компаний входило в конце XIX — начале XX в. в состав индекса Доу-Джонса (12 американских промышленных компаний с 1896 по 1916 г.).

Обратимся к данным об активах крупнейших российских промышленных компаний в 1898 г., чьи акции котиrowались на Петербургской бирже.

Возглавляет список компаний Товарищество нефтяного производства братьев Нобель с общими активами в 1898 г. в 63 млн руб.²⁰ Поскольку акции этого крупнейшего в России предприятия регулярно котиrowались на бирже, мы включили его в состав промышленного индекса. Далее следуют два наиболее крупных российских предприятия, связанные с производством металла и продукции тяжелого машиностроения — Общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода и Общество Путиловских заводов (с активами соответственно 38 млн руб. и 33 млн руб.). Акции обоих обществ регулярно котиrowались на бирже, и они также включены в состав индекса. Далее по размеру активов следуют две компании, которые появились в котиrowках значительно позже, в 1913 г., и поэтому не были включены в состав нашего индекса — Южно-Русское Днепровское металлургическое общество и Богословское горно-заводское общество. Затем, на шестом месте, следует общество Коломенского машиностроительного завода (22,8 млн руб.), бумаги которого появились на бирже в 1895 г. и постоянно котиrowались после этого. Соответственно, оно было включено в состав индекса²¹, и т. д. (см. Таблицу 3).

При построении промышленного индекса российского фондового рынка необходимо учитывать, что далеко не все крупные предприятия были акционерными и не все акционерные компании котиrowались на Петербургской бирже. Так, по итогам отчетов за 1898 г., в России было 67 промышленных компаний, активы кото-

рых превышали 10 млн руб. Из них только 29 в то или иное время котировались на бирже.

С января 1906 г. две компании, входившие в первоначальный состав индекса, — Общество вагоностроительных и механических заводов «Феникс» и Компания Петербургского металлического завода — уступают свои места в списке индекса более динамично растущим в то время компаниям — нефтепромышленному и торговому обществу «А.И. Манташев и К°» (организовано в 1899 г.) и Русскому обществу машиностроительных заводов Гартмана (появилось в котировках биржи в 1898 г.). А с января 1911 г. в индекс включены еще две компании — Бакинское нефтепромышленное и Таганрогское металлургическое общества, которые заменили соответственно Русское паровозостроительное и механическое общество и Общество Русско-Балтийского завода²².

В Таблице 3 представлены 16 компаний, включенных (хотя бы на одном из трех интервалов времени) в состав индекса в 1897—1914 гг., с указанием их балансов активов в 1898, 1905 и 1910 гг.

Как следует из Таблицы 3, в состав промышленного индекса Петербургской биржи вошли акционерные компании, связанные с добычей руды и нефти, производством черных и цветных металлов, нефтепродуктов, машиностроением, изготовлением подвижного состава, судостроением, производством стекла и других материалов. Таким образом, можно говорить о том, что построение промышленного индекса Петербургской биржи проводится с учетом экономической конъюнктуры в основных отраслях промышленности, определявших процессы индустриализации в дореволюционной России. Отметим отдельно, что, несмотря на значительный масштаб текстильного производства в России, составлявшего четверть всех активов промышленных компаний²³, на Петербургской бирже эта промышленная группа была представлена всего несколькими компаниями. Лишь две из них входили в число крупных (чьи активы превышали 10 млн руб.): Товарищество Невской ниточной мануфактуры (баланс активов в 1898 г. — 17,6 млн руб.) и Товарищество Шлиссельбургской мануфактуры (10,4 млн руб.). Но их акции котировались крайне нерегулярно. Биржа представляла больший интерес для предприятий более активно развивавшихся отраслей, требовавших привлечения значительных средств, которые не могли быть обеспечены на основе использования традиционных каналов, связанных с возможностями частных предпринимателей.

Прежде чем перейти к построению промышленного индекса Петербургской биржи, рассмотрим, как изменялись финансовые показатели функционирования акционерных компаний, включенных в состав индекса: число акций, их номинальная и рыночная цены, рыночная стоимость компании (капитализация), прибыль, размер выплачиваемых дивидендов.

**Акционерные компании, включенные в состав промышленного индекса Петербургской биржи,
1897—1914 гг.**

№	Компания	Годы в индексе	Промышленная группа*	Промышленный отдел	Баланс активов (млн руб.)		
					1898 г	1905 г	1910 г
1	Т-во бр. Нобель	1897—1914	Горно-заводская	Нефть	63,5	117,6	142,3
2	Об-во Брянского з-да	1897—1914	Горно-заводская	Железоделательный	37,8	64,8	51,8
3	Об-во Путиловских з-дов	1897—1914	Металлическая	Изготовление подвижного состава	33,0	40,9	39,6
4	Об-во Коломенского з-да	1897—1914	Металлическая	Машиностроительный	22,8	24,8	23,3
5	Об-во «Сормово»	1897—1914	Металлическая	Машиностроительный	18,8	25,3	23,5
6	Об-во Мальцевских з-дов	1897—1914	Смешанная		17,3	19,1	20,2
7	Никополь — Мариупольское об-во	1897—1914	Горно-заводская	Добыча и обработка металлов кроме железа	15,5	19,4	19,6
8	Донецко-Юрьевское об-во	1897—1914	Горно-заводская	Железоделательный	13,9	10,9	21,5
9	Об-во «Феникс»	1897—1905	Металлическая	Изготовление подвижного состава	12,4	3,4	9,5

Таблица 3 (Окончание)

№	Компания	Годы в индексе	Промышленная группа*	Промышленный отдел	Баланс активов (млн руб.)		
					1898 г	1905 г	1910 г
10	Об-во Русско-Балтийского з-да	1897—1910	Металлическая	Изготовление подвижного состава	12,1	10,6	14,6
11	Русское паровозостроительное и механическое об-во	1897—1910	Металлическая	Машиностроительный	9,5	9,9	10,1
12	Компания Петербургского з-да	1897—1905	Металлическая	Механические заводы	7,0	9,3	12,8
13	«А.И. Манташев и К°», нефтепромышленное об-во	1906—1914	Смешанная		—	42,8	27,3
14	Русское об-во Гартмана	1906—1914	Металлическая	Машиностроительный	11,3	17,6	18,8
15	Таганрогское об-во	1911—1914	Металлическая	Судо- и кораблестроительный	16,4	19,3	15,4
16	Бакинское об-во	1911—1914	Горно-заводская	Нефть	4,5	7,7	15,2

* Так в источнике.

Источник: см. источники к Таблице 2.

Динамика капитализации компаний, включенных в состав промышленного индекса Петербургской биржи

В момент основания компании номинальная цена акций и размер уставного капитала приблизительно отражают реальную стоимость, которую инвесторы готовы вложить в данное дело. В дальнейшем стоимость основного капитала зависит от того, насколько рационально правление компании вложило средства, от спроса на продукцию, которую выпускает предприятие, от общей экономической конъюнктуры и многих других факторов, влияющих на прибыльность предприятия. Котировки цен на бирже отражают ожидаемую доходность компаний и, следовательно, «оценивают» основной капитал в зависимости от этих перспектив. Отношение текущей рыночной оценки основного капитала к его номинальному значению также является своего рода барометром перспектив промышленного развития предприятий. Из-за трудностей сбора систематизированных данных по котировкам акций до сих пор в литературе приводились лишь номинальные значения оценки акционерного капитала российских компаний конца XIX — начала XX в. Появление баз данных, аккумулирующих регулярные сведения о котировках акций на ведущих фондовых биржах мира с конца XIX в., дает возможность проследить динамику рыночной стоимости компаний на Петербургской бирже. В данном разделе мы определим среднюю рыночную стоимость основных капиталов компаний, включенных в состав промышленного индекса Петербургской биржи, на трех временных срезах, характеризующих периоды промышленного подъема 1890-х гг., депрессии середины 1900-х гг. и последующего (предвоенного) промышленного подъема (соответственно, 1898, 1905 и 1910 гг.). Сравнение с данными, относящимися к году основания каждой из рассматриваемых компаний, мы проводим, используя базу данных RUSCORP, созданную американским историком проф. Т. Оуэном на основе сведений, собранных им в ходе работы над книгой «Corporation under Russian Law, 1800—1917: A Study in Tsarist Economic Policy», изданной в 1991 г.²⁴

Для оценки акционерного капитала компании в любой момент времени нужны значения двух переменных: текущей стоимости акции на бирже и количества акций, выпущенных данной компанией (в случае, когда компания выпускает одну ценную бумагу, что обычно и имело место). Количество акций, допущенных к выпуску, обычно определялось в уставе, представляемом компанией в Министерство финансов России. Исходные данные (на момент основания компаний) по уставному капиталу, номинальной цене и количеству выпущенных акций представлены в первой части Таблицы 4.

Таблица 4

Акционерный капитал и акции компаний, включенных в состав индекса в 1898 г.

№	Компания	Данные на год основания компании				Данные на 1898 г		
		Год основания	Капитал (тыс руб)	Номинальная цена акции (руб)	Кол-во акций	Капитал (тыс руб)	Номинальная цена акции (руб)	Кол-во акций
1	Т-во бр. Нобель (паи)	1879	3000	5000	600	15000	5000	3000
2	Об-во Брянского з-да	1873	400	100	4000	8088	100	80875
3	Об-во Путиловских з-дов	1872	8000	125	40000	10321	100	90000**
4	Об-во Коломенского з-да	1871	2800	250	8000	5000	250	20000
5	Об-во «Сормово»	1894	3000	100	30000	5000	100	50000
6	Об-во Мальцевских з-дов	1894	4000	500	8000	6000	500	12000
7	Никополь-Мариупольское об-во	1896	3000	125	24000	6750	187,5*	24000**
8	Донецко-Юрьевское об-во	1895	1500	250	6000	8192	250	20000**
9	Об-во «Феникс»	1895	3000	250	12000	3600	250	14400
10	Об-во Русско-Балтийского з-да	1874	1000	500	2000	2000	500	4000
11	Русское паровозостроительное и механическое об-во	1895	3500	125	28000	5215	187,5*	27815
12	Компания Петербургского з-да	1857	1000	100	10000	3600	100	36000

* Номинальная цена в 1898 г. приведена в кредитных рублях в отношении 1:1,5; см. прим. 28.

** Подсчитано по выплатам дивидендов. О методике подсчета количества акций см. ниже.

Источники: данные на год основания компаний см.: Owen T.C. RUSCORP: A Database of Corporations in the Russian Empire, 1700—1914 [Computer file]. 3rd release. Baton Rouge, LA: Thomas C. Owen [producer], 1992. Ann Arbor, MI: Inter-University Consortium for Political and Social Research [distributor], 1993; данные балансовых отчетов компаний за 1898 г. см. в: Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. СПб., 1901. С. 588—649.

В базе данных Т. Оуэна в 10-ти случаях из рассматриваемых 12-ти показатели (на момент основания компаний) соответствуют приведенному выше соотношению, т. е. общий капитал равен количеству акций, умноженному на номинальную стоимость одной акции. Так, номинальная стоимость паев Общества братьев Нобель была 5000 руб. Изначально было выпущено 600 паев и, соответственно, общий уставной капитал равнялся 3 млн руб. В двух случаях (Общество Путиловских заводов и Общество Коломенского завода) это соотношение не соблюдается, что, по-видимому, объясняется тем, что в основной капитал были добавлены суммы облигаций, выпущенных компаниями в соответствии с уставами²⁵.

Для определения количества акций в 1898 г. были использованы данные «Ежегодника Министерства финансов» по балансовым отчетам за 1898 г. Среди прочих статей баланса в отчеты были включены данные о размере основного капитала, общей прибыли и сумме выплаченных дивидендов. Кроме того, мы использовали те разделы ежегодника, где приведены котировки акций на фондовых биржах.

Используя доступные нам источники, можно определить количество акций, выпущенных компаниями в 1898 г., двумя методами. Во-первых, можно разделить основной капитал, представленный в балансовых отчетах, на номинальную стоимость каждой акции и таким образом получить общее количество акций. Во-вторых, можно разделить общую сумму дивиденда, выплаченного компаниями в 1898 г. (эти сведения также приведены в балансовом отчете), на размер дивиденда, выплаченного на каждую акцию, — эти сведения приводятся вместе с котировками (см. Таблицу 5). При этом результаты одного метода могут проверяться подсчетами по второму методу²⁶. Результаты подсчетов по обоим методам совпали в 9 случаях из 12. В трех случаях (Общество Путиловских заводов, Никополь-Мариупольское общество и Донецко-Юрьевское общество) использованы результаты второго метода (подсчет по дивидендам)²⁷. Количество акций в 1898 г. приведено во второй части Таблицы 4. Нужно отметить, что номинальная стоимость акций в ежегоднике во всех случаях соответствует значениям в базе данных Т. Оуэна²⁸. Т. е. номинальные цены у всех компаний не изменились со времени основания, тогда как капитал к 1898 г. увеличился практически у всех компаний.

Таблица 5

**Количество акций, прибыли и дивиденды промышленных компаний,
включенных в состав индекса в 1898 г.**

№	Компания	Выплачен- ный диви- денд (руб)	Дивиденд на акцию (руб)	Кол-во акций
1	Т-во бр. Нобель (паи)	1500000	500,00	3000
2	Об-во Брянского з-да	2426250	30,00	80875
3	Об-во Путиловских з-дов	630000	7,00	90000
4	Об-во Коломенского з-да	700000	35,00	20000
5	Об-во «Сормово»			50000
6	Об-во Мальцевских з-дов	468000	39,00	12000
7	Никополь-Мариупольское об-во	288000	12,00	24000
8	Об-во «Феникс»			14400
9	Донецко-Юрьевское об-во	500000	25,00	20000
10	Об-во Русско-Балтийского з-да	468750	125,00	4000
11	Русское паровозостроительное и механическое об-во	504000	18,00	27815
12	Компания Петербургского з-да	450000	12,50	36000

Источники: данные балансовых отчетов за 1898 г. см. в: Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1900 г. С. 588—649; данные дивидендов за 1898 г. см. в: там же. С. 438—464.

Установив таким образом количество акций в 1898 г., мы определили среднюю рыночную цену компаний, входящих в индекс, путем умножения количества акций на среднюю цену акций в течение 1898 г.²⁹ Результаты подсчетов приведены в Таблице 6.

**Акционерный капитал компаний,
включенных в состав индекса в 1898 г.**

№	Компания	Номинальная цена акции (руб.)	Средняя цена акции в 1898 г. (руб.)	Кол-во акций	Средняя рыночная цена капитала (тыс. руб.)	Отчетный основной капитал (тыс. руб.)	Отношение рыночного к отчетному капиталу
1	Т-во бр. Нобель (паи)	5000	8868	3000	26603	15000	1,8
2	Об-во Брянского з-да	100	487	80875	39422	8088	4,9
3	Об-во Путиловских з-дов	100	136	90000	12250	10321	1,2
4	Об-во Коломенского з-да	250	638	20000	12753	5000	2,6
5	Об-во «Сормово»	100	197	50000	9874	5000	2,0
6	Об-во Мальцевских з-дов	500	619	12000	7428	6000	1,2
7	Никополь-Мариупольское об-во	188	238	24000	5724	6750	0,8
8	Донецко-Юрьевское об-во	250	512	20000	10246	8192	1,3
9	Об-во «Феникс»	250	611	14400	8800	3600	2,4
10	Об-во Русско-Балтийского з-да	500	2524	4000	10095	2000	5,0
11	Русское паровозостроительное и механическое общ.	188	268	27815	7462	5215	1,4
12	Компания Петербургского з-да	100	312	36000	11225	3600	3,1
Итого					161882	78766	2,1

Источник: средние цены акций за 1898 г. подсчитаны по базе данных котировок на Петербургской бирже (SPSE), находящейся на сайте icf.som.yale.edu

Как следует из Таблицы 6, в среднем в 1898 г. биржевая оценка основного капитала компаний, включенных в состав индекса, больше чем в два раза превышала номинальное значение. Ожидания инвесторов (и частично спекулянтов) были более чем оптимистичны, в особенности в отношении акций Общества Русско-Балтийского завода и Общества Брянского завода, у которых рыночная стоимость капитала в пять раз превышала номинальные значения, представленные в балансовых отчетах. Акционерный капитал лишь одной компании, Никополь-Мариупольского общества, оценивался ниже отчетного.

Результаты подсчетов биржевой оценки основных капиталов промышленных компаний, входящих в промышленный индекс Петербургской биржи в 1905 г., представлены в Таблице 7.

Таблица 7

**Акционерный капитал компаний,
включенных в состав индекса в 1905 г.**

№	Компания	Номинальная цена акции (руб)	Средняя цена акции в 1905 г. (руб)	Кол-во акций	Средняя рыночная цена капитала (тыс руб)	Отчетный осн капитал (тыс руб)	Отношение рыночного к отчетному капиталу
1	Т-во бр. Нобель	5000	9694	3000	29082	15000	1,9
2	Об-во Брянского з-да	100	174	120875	20984	12088	1,7
3	Об-во Путиловских з-дов	100	122	120000	14618	12000	1,2
4	Об-во Коломенского з-да	250	406	30000	12182	7500	1,6
5	Об-во «Сормово»	100	222	90000	19947	9000	2,2
6	Об-во Мальцевских з-дов	250	335	24000	8037	6000	1,3
7	Никополь-Мариупольское об-во	188	90	36000	3254	6750	0,5

Таблица 7 (Окончание)

№	Компания	Номинальная цена акции (руб)	Средняя цена акции в 1905 г. (руб)	Кол-во акций	Средняя рыночная цена капитала (тыс руб)	Отчетный осн капитал (тыс руб)	Отношение рыночного к отчетному капиталу
8	Донецко-Юрьевское об-во*	250	119				
9	Об-во «Феникс»	250	282	4800	1352	1200	1,1
10	Об-во Русско-Балтийского з-да	250	918	8000	7340	2000	3,7
11	Русское паровозостроительное и механическое об-во	188	236	27815	6574	5215	1,3
12	Компания Петербургского з-да	100	174	36000	6279	3600	1,7

* Компания находилась в администрации, и балансовый отчет 1905 г. не содержал данных о размере акционерного капитала.

Источник: Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1906 г. СПб., 1907. С. 286—359.

Как можно было ожидать после биржевого ажиотажа 1890-х гг., превышение биржевой оценки основных капиталов над их номинальной стоимостью в среднем снизилось — до уровня 1,5. Акционерный капитал одной компании оценивался ниже отчетного (см. Таблицу 7), но в целом биржа отражала оптимизм по отношению к перспективам российских промышленных компаний.

В 1910 г. в среднем оценка биржей основного капитала компаний изменилась незначительно (см. Таблицу 8) и составляла 1,4, хотя цены бумаг отдельных компаний изменились по отношению к номиналу. К примеру, акции (паи) Товарищества братьев Нобель выросли с 1,9 до 2,2 номинала, в то время как акции Общества Коломенского завода упали с 2,6 до 1,6. Теперь уже акционерный капитал трех компаний оценивался ниже отчетного.

**Акционерный капитал компаний, включенных
в состав индекса в 1910 г.**

№	Компания	Номинальная цена акции (руб)	Средняя цена акции в 1910 г (руб)	Кол-во акций	Средняя рыночная цена капитала (тыс руб)	Отчетный основной капитал (тыс руб)	Отношение рыночного к отчетному капиталу
1	Т-во бр. Нобель	5000	10834	3000	32503	15000	2,2
2	Об-во Брянского з-да	100	124	241750	30045	24175	1,2
3	Об-во Путиловских з-дов	100	140	120000	16810	12000	1,4
4	Об-во Коломенского з-да	125	208	90312	18800	11289	1,7
5	Об-во «Сормово»	100	143	100000	14283	10000	1,4
6	Об-во Мальцевских з-дов	250	441	24000	10581	6000	1,8
7	Никополь-Мариупольское об-во	100	84	66000	5511	6600	0,8
8	Донецко-Юрьевское об-во	250	82	60800	4992	15200	0,3
9	Об-во Русско-Балтийского з-да	250	376	16000	6024	4000	1,5
10	Об-во «А.И. Манташев и К°»	250	163	44000	7151	11000	0,7
11	Русское об-во Гартмана	100	232	90000	20885	9000	2,3
12	Русское паровозостроительное и механическое об-во	125	175	41706	7303	5213	1,4
Итого					200897	142632	1,4

Источник: Ежегодник Министерства финансов. Выпуск 1912 г. СПб., 1912. С. 594—697.

Данные о выплате дивидендов за 1898, 1905 и 1910 гг. приводятся в Таблице 9. Из нее видно, что наиболее крупные компании в 1905 г. заметно уменьшили долю прибыли, выплачиваемой в виде дивидендов.

**Динамика выплаты дивидендов в 16 промышленных компаниях,
входивших в состав индекса в 1897—1914 гг. (руб.)**

№	Компания	1898 г			1905 г			1910 г		
		Общая при- быль	Выпл диви- денды	% к доходу	Общая при- быль	Выпл диви- денды	% к доходу	Общая при- быль	Выпл диви- денды	% к доходу
1	Т-во бр. Нобель	2409704	1500000	62	4903717	1800000	37	3219344	1800000	56
2	Об-во Брянского з-да	3625993	2426250	67	2151389			1837807	906563	49
3	Об-во Путиловских з-дов	1249574	630000	50	938297	180000	19	1089867	510000	47
4	Об-во Коломенского з-да	1002076	700000	70	1553155	990000	64	1808404	880000	49
5	Об-во «Сормово»	557045			2834093	1305000	46	283879		
6	Об-во Мальцевских з-дов	941391	468000	50	1193459	540000	45	1657292	672000	41
7	Никополь-Мариупольское об-во	475406	288000	61				1036060	495000	48
8	Донецко-Юрьевское об-во	558243	500000	90	139410			1831318	760000	42
9	Об-во «Феникс»	4720						474092	220000	46
10	Об-во Русско-Балтийского з-да	491510	468750	95	782391	560000	72			

Таблица 9 (Окончание)

№	Компания	1898 г.			1905 г.			1910 г.		
		Общая прибыль	Выпл дивиден- ды	% к доходу	Общая прибыль	Выпл дивиден- ды	% к доходу	Общая прибыль	Выпл дивиден- ды	% к доходу
11	Русское паровозостроительное и механическое об-во	658500	504000	77	1097807	476000	43			
12	Компания Петербургского з-да	489258	450000	92	287899	360000	125			
13	Об-во «А.И. Манташев и К ^о »				7781			50541		
14	Русское об-во Гартмана	54999			2922106	1230000	42	1096872	420000	38
15	Таганрогское об-во	667224						1178383	468750	40
16	Бакинское об-во	1062142	760000	72	1265501	922961	73	482580	424095	88
Итого		11901655	7935000	67	13590818	6211000	46	13860843	6443563	46

Примечание. В общую сумму включены суммы доходов и дивидендов компаний, входящих в индекс в соответствующие годы (см. Таблицу 3).

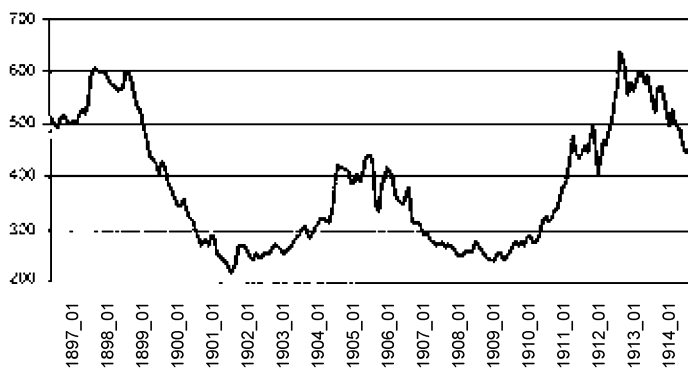
Разработка промышленного индекса Петербургской биржи

В «Ежегоднике Министерства финансов», который стал основным источником используемой нами базы данных котировок, а также в выпусках «Вестника финансов, промышленности и торговли», «Биржевых ведомостей» и «Торгово-промышленной газеты» для каждой акции публиковались высшая и/или низшая цены каждого месяца. При наличии обеих цен в индекс включалась средняя между высшей и низшей. Если же была зафиксирована только одна цена, то она и включалась в индекс³⁰. Мы приводим динамику промышленного индекса петербургского фондового рынка, рассчитанную по двум разным методикам.

Индекс с ценовым взвешиванием. Динамика индекса I_1 (среднее арифметическое из текущих цен включенных в его состав акций — по методике Доу-Джонса) показана на Рисунке 1; она рассчитана для переменного состава компаний, перечисленных в Таблице 3. График начинается с отметки 510,3 (руб.) в январе 1897 г. (т. е. это средняя курсовая цена в рублях одной акции, входящей в индекс). Примечательно, что средняя цена акций, входивших в нью-йоркский индекс Доу-Джонса в конце января 1897 г., была \$42,06, а средняя цена акций (т. е. значение нашего индекса) на Петербургской бирже в пересчете по золотому стандарту была равна в этом месяце \$262,59³¹.

Рисунок 1

Динамика среднеценового биржевого индекса ведущих промышленных компаний (I_1), котировавшихся на Петербургской бирже в 1897—1914 гг.

Примечание. На горизонтальной оси указаны год и месяц (с шагом в 12 месяцев).

Как видно из Рисунка 1, поднявшись до пикового значения 607,5 в марте 1898 г., индекс начал резкое снижение и преодолел этот показатель лишь в августе 1912 г. (640,2).

Как уже отмечалось, недостатком среднеченового биржевого индекса I_1 является непропорциональное влияние изменений цен самых дорогостоящих акций на динамику индекса. В построенном нами индексе таковыми были акции Общества Русско-Балтийского завода (2179 руб. в январе 1897 г.), которые стоили в 17 раз больше, чем акции Путиловских заводов (125 руб. в том же месяце), и, естественно, изменения цен на них отражались существенно сильнее на динамике индекса, хотя по активам первая компания была почти в три раза меньше второй. В Таблице 10 приведены котировки акций в начале и в конце рассматриваемого периода (январь 1897 г. и июль 1914 г.) и три котировки в промежуточных точках³².

Таблица 10

**Динамика средних цен акций компаний,
включенных в состав индекса Петербургской биржи**

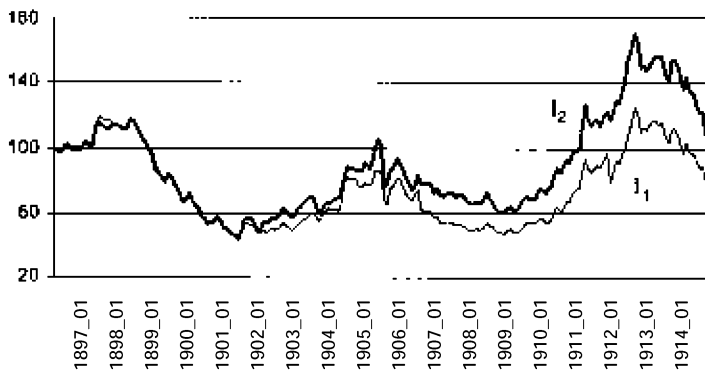
№	Компания	Январь 1897 г	Декабрь 1901 г	Сентябрь 1905 г	Август 1912 г	Июль 1914 г
1	Т-во бр. Нобель	435	423	508	836	762
2	Об-во Брянского з-да	501	149	216	217	129
3	Об-во Путиловских з-дов	125	51	144	184	99
4	Об-во Коломенского з-да*	623	275	474	243	126
5	Об-во «Сормово»	208	75	255	164	106
6	Об-во Мальцевских з-дов*	625	335	373	465	240
7	Никополь-Мариупольское об-во	198	69	116	322	201
8	Донецко-Юрьевское об-во	350	54	156	357	226
9	Об-во «Феникс»	405	45	334		
10	Об-во Русско-Балтийского з-да*	2179	900	930		
11	Русское паровозостроительное и механическое об-во	217	163	289		
12	Компания Петербургского з-да	260	102	215		
13	«А.И. Манташев и К°», нефтепромышленное об-во*				603	190
14	Русское об-во Гартмана				308	180
15	Таганрогское об-во				275	172
16	Бакинское об-во				813	573

* Номинальная цена акций изменилась в течение рассматриваемого периода. В индексе используются цены с поправкой.

Таблица показывает, что падения в цене акций общества Русско-Балтийского завода, даже с поправкой на дробление акций³³, больше всего отразились на понижении значений биржевого индекса. Чтобы избежать искажений такого рода, мы построили равновзвешенный индекс. Этот индекс (I_2) измеряет динамику изменения цен акций в процентном отношении к предыдущему периоду. На Рисунке 2 показана его динамика, которая, на наш взгляд, хорошо отражает динамику котировок на бирже в целом.

Рисунок 2

Динамика равновзвешенного биржевого индекса ведущих промышленных компаний (I_2), котировавшихся на Петербургской бирже в 1897—1914 гг.*

* Для удобства сравнения динамики двух индексов на графике приводятся также нормированные значения среднеценового индекса I_1 : базовое значение индекса I_1 (за январь 1897 г.) было принято за 100, остальные значения пересчитаны пропорционально.

Примечание. На горизонтальной оси указаны год и месяц (с шагом в 12 месяцев).

Рисунок 2 наглядно показывает близость динамики двух биржевых индексов. Если принять отправную точку индекса I_2 за 100 в январе 1897 г., то из Рисунка 2 видно, что биржевая динамика, измеренная с помощью индекса I_2 , была положительной в первые два года, достигнув 117,2 пункта в январе 1899 г., последнего года периода бурного роста российской экономики накануне депрессии 1900—1903 гг. С марта 1899 г. начинается непрерывное падение петербургского фондового рынка, закончившееся в декабре 1901 г. на отметке 44,4, т. е. акции ведущих компаний потеряли в среднем более половины своей стоимости. После этого на бирже начинается подъем, который достиг промежуточного пика на отметке 105,1 в

сентябре 1905 г., т. е. почти через 8 лет биржевой индекс I_2 практически вернулся к исходной точке. Примечательно, что на фоне русско-японской войны и революции 1905 г. индекс продолжал расти³⁴. И это посреди «застойного десятилетия» российской экономики 1900-х гг. (так называл этот период М.И. Туган-Барановский).

Интерпретация курсовой динамики Петербургской биржи, представленной на рисунках 1 и 2, — предмет отдельного исследования. В данной статье отметим лишь, что оба индекса показывают схожие тенденции в развитии экономической конъюнктуры, с тем лишь различием, что равновзвешенный индекс I_2 дает более высокие значения в годы предвоенного экономического подъема. Существенно, что оба индекса дают также промежуточный пик (сравнимый по величине с одним из указанных выше пиков) в период 1905—1906 гг. Означает ли это, что мы традиционно недооценивали процессы в реальном секторе экономики России в эти годы (включающие русско-японскую войну, создававшую повышенный спрос на продукцию ряда ведущих отраслей российской промышленности) или что отмеченный пик биржевых индексов отражает «внутренние» эффекты фондового рынка? Или, может быть, речь должна идти о влиянии на Петербургскую биржу мировых фондовых рынков?

Подъем биржевого индекса середины 1900-х гг.: поиск объясняющих факторов

Рассмотрим более внимательно выявленный нами пик биржевых индексов, приходящийся на середину 1900-х гг. Обратимся к ежегодным значениям биржевого индекса I_2 (см. Таблицу I Приложения). Для начала отметим отсутствие в эти годы заметной связи между изменениями макроэкономических показателей и курсовой динамикой на Петербургской бирже. Об этом можно судить, например, по данным Таблицы 11, содержащей, наряду с данными о динамике биржевого индекса I_2 , сведения о динамике чистого национального продукта (ЧНП), полученные П. Грегори³⁵, и динамике валового производства всей промышленной продукции России, полученные Л.Б. Кафенгаузом³⁶. К примеру, спад ЧНП на 5,7% в 1903 г., по-видимому, никак не сказался на повышательном направлении движения цен акций на бирже; такой же спад ЧНП в 1905 г. сопровождался даже ростом биржевого индекса на 24%. А в 1907 г. 6%-ный рост экономики сопровождался почти 12%-ным падением биржевого индекса I_2 (см. Таблицу 11). Аналогичные наблюдения можно сделать и в отношении динамики валового производства промышленной продукции, испытавшего спад (—4,4%) в 1905 г.

Динамика чистого национального продукта (ЧНП), валовой стоимости промышленного производства России и равновзвешенного биржевого индекса I_2 в 1897—1907 гг.

Год	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907
ЧНП (млн руб.)	9172	10308	11163	10962	11390	12678	11952	13255	12503	12684	13470
Прирост ЧНП (%)	7,5%	12,4%	8,3%	−1,8%	3,9%	11,3%	−5,7%	10,9%	−5,7%	1,4%	6,2%
Пром. производство (млн руб.)	1860,4	2003,6	2120,5	2252,7	2271,5	2244,4	2390,9	2620,2	2505,6	2722,1	3041,6
Прирост пром. производства (%)	8,8%	7,7%	5,8%	6,2%	0,8%	−1,2%	6,5%	9,6%	−4,4%	8,6%	11,7%
Индекс I_2	100,6	112,3	100,3	71,3	51,8	55,4	63,4	71,6	89,8	83,1	73,2
Прирост индекса I_2 (%)	0,6%	11,6%	−10,7%	−28,9%	−27,4%	5,2%	16,8%	13,0%	25,3%	−7,4%	−11,9%

Отмеченные наблюдения наглядно отражены на рисунках 3 и 4. Так, динамика ежегодных приростов ЧНП и биржевого индекса (Рисунок 3) имеет одинаковые тенденции в конце 1890-х — начале 1900-х гг., но после 1902 г. эти показатели изменяются в противофазе — вплоть до 1907 г. включительно. Та же закономерность прослеживается и на графиках Рисунок 4, показывающих, что с 1903 г. увеличение ежегодного прироста промышленного производства сопровождается уменьшением прироста биржевого индекса (и наоборот). Очевидно, биржевые курсы ведущих промышленных компаний в середине 1900-х гг. вели себя несогласованно с российскими макроэкономическими показателями.

Рисунок 3

Ежегодные приросты (%) чистого национального продукта (ЧНП) и биржевого индекса I_2 в 1897—1907 гг.

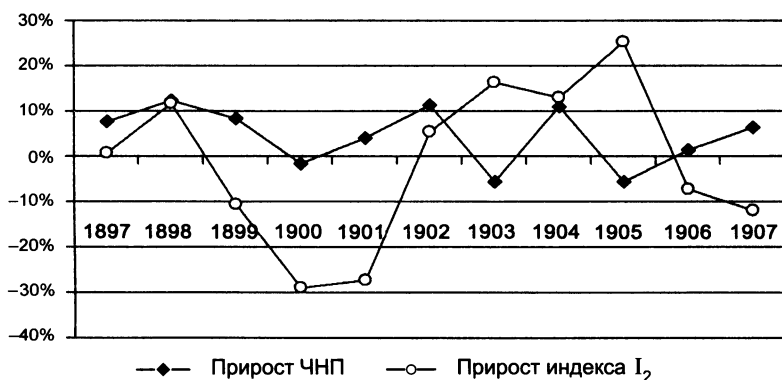
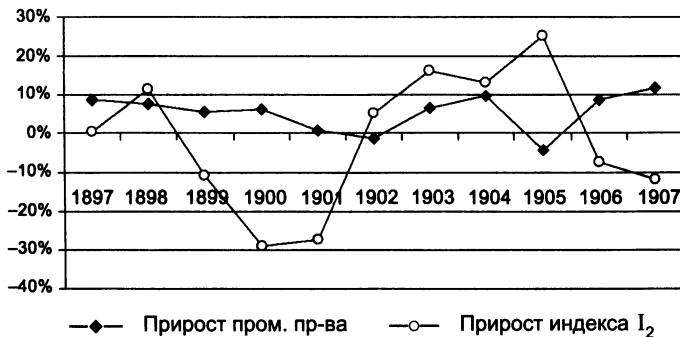

Рисунок 4

Ежегодные приросты (%) стоимости промышленного производства и биржевого индекса I_2 в 1897—1907 гг.

В этой связи представляет интерес обращение к авторитетным оценкам динамики промышленного развития России в первом десятилетии XX в., с акцентом на процессы середины 1900-х гг.

Обсуждая «мировую депрессию», которая охватила в 1901—1903 гг. весь капиталистический мир, М.И. Туган-Барановский отмечал, что в 1905 г. наступил «новый фазис подъема», достигающий своего апогея в 1907 г.³⁷ Что касается России, писал Туган-Барановский, то она «осталась совершенно в стороне от мирового движения капиталистического цикла: промышленное оживление 1905—1907 гг. нас ни малейшим образом не коснулось»³⁸. Это заключение автор иллюстрировал данными о выплавке чугуна в России в 1900—1909 гг. (в млн пуд.)³⁹:

1900 г	1901 г	1902 г	1903 г	1904 г	1905 г	1906 г	1907 г	1908 г	1909 г
178,0	173,2	157,5	149,3	179,9	166,6	164,2	172,5	171,1	175,3

Как следует из приведенных данных, выплавка чугуна в России в 1904 г., после четырех лет непрерывного падения, дает значительный подъем, «совпавший с подъемом капиталистической волны в Западной Европе». Но в то время как в Европе следующее трехлетие ознаменовалось «непрерывным и весьма значительным ростом повышательной волны, у нас то же трехлетие не только не принесло промышленного оживления, а, наоборот, было временем тяжелой депрессии»⁴⁰. Отметим, что применительно к выплавке чугуна это наблюдение относится в большей мере к 1905—1906 гг. (а ведь именно эту отрасль промышленности Туган-Барановский называл «самой характерной для фазисов промышленного цикла»).

Сравнивая циклы промышленного развития России и зарубежных стран, Туган-Барановский отмечал, что за первое десятилетие XX в. мировая капиталистическая промышленность пережила уже два кризиса, разделенные между собой промышленным подъемом. «Россия же не приняла участия в движении мирового капиталистического цикла по той причине, что ее кризис не прекращался целое десятилетие»⁴¹. Объяснение этому феномену Туган-Барановский видел в политических условиях, которые крайне неблагоприятно повлияли на рост промышленности России. «Если бы не японская война и последовавшее тревожное время, не подлежит сомнению, что и русская промышленность пережила бы подъем одновременно с промышленностью других капиталистических стран»⁴². Обсуждая в этом контексте проблему недостатка капиталов для поддержания повышательной волны в России в середине 1900-х гг., Туган-Барановский задавался риторическим вопросом: «Могли ли иностранные капиталисты затрачивать свои деньги на устройство разных

предприятий в России, когда даже те скудные капиталы, которыми мы располагаем, стали уходить за границу, что, несомненно, имело место в разгар революции?»⁴³

Отметим тревогу, которую выразило Министерство финансов в связи с падением на Петербургской бирже курсов ценных бумаг, вызванным началом русско-японской войны. «Вестник финансов, промышленности и торговли» в № 5 за 1904 г. поместил материал «От Министерства финансов», в котором, в частности, отмечалось: «Какое разумное основание может оправдывать сильное понижение акций разных металлургических предприятий, которые, как известно, с наступлением военных событий нередко получают заказы, увеличивающие их производительность и доходность. [...] Падение курсов является здесь прямым результатом растерянности держателей бумаг, поощряемой спекулянтами, которые умышленно воздерживаются от покупок, дабы вызвать этим дальнейшее падение и затем скупить бумаги по дешевой цене. [...] Министерство финансов считает своим долгом предостеречь держателей ценных бумаг от легкомысленных продаж в ущерб себе и на пользу недобросовестной спекуляции, сеющей тревогу, чтобы извлекать барыши. Нужно больше спокойствия, выдержки, нужно более сознательное отношение к событиям на Дальнем Востоке, которые могут создать лишь временные затруднения, но, конечно, не поколеблют экономической мощи России»⁴⁴.

Более дифференцированная (в сравнении с Туган-Барановским) оценка тенденций промышленного развития России в середине 1900-х гг. содержится в фундаментальной работе Л.Б. Кафенгауза⁴⁵. Оценивая динамику развития тяжелой промышленности России в 1900—1908 гг. («период кризиса и депрессий»⁴⁶), Кафенгауз отмечал, что в 1903 г. рынок «несколько оправляется от последствий кризиса» и производство средств производства обнаруживает рост как в физическом (4,7%), так и в ценностном (5,1%) выражении. В 1904 г. подъем производства, «вызванный военными обстоятельствами», сопровождался заметным ростом цен и поэтому более значительным ростом валовой продукции в ценностном выражении (13,3%), чем в физическом объеме (6,5%)⁴⁷. Наиболее значительное понижение физического объема производства тяжелой промышленности пришлось на 1905 г. (−9,3%), однако рост цен, «отчасти вызванный этим сокращением производства», привел к небольшому увеличению стоимости валовой продукции (1,1%). В 1906 г. объем производства не увеличился, но рост цен вызвал небольшой рост стоимости валовой продукции (3,0%). В 1907 г. производство росло одновременно с ростом цен (9,7% и 10,5% соответственно), а в 1908 г. наблюдался «застой в производстве и значительное снижение ценности продукции»⁴⁸ (−0,4% и −6,2% соответственно).

Однако по некоторым важным категориям продукции механических и машиностроительных заводов динамика производства была иной. Л.Б. Кафенгауз отмечал, что падение выпуска паровозов в 1903 г. сменилось в 1904—1906 гг. ростом их производства «под влиянием потребностей, связанных с воинскими перевозками», но, «как только эти военные заказы были выполнены, паровозостроение резко падает»⁴⁹. Однако эти наблюдения не отменяют того факта, что наиболее значительное понижение индекса физического объема производства тяжелой промышленности пришлось, как уже отмечалось, на 1905 г. — весьма успешный по уровню котировок на Петербургской бирже⁵⁰.

Возможно, появление промежуточного пика середины 1900-х гг. в динамике российского биржевого индекса отражает влияние мировых фондовых рынков, действовавших в условиях экономического подъема, имевшего место в западных странах в эти годы?

Рисунок 5

Сравнение индексов Петербургской биржи (I_1) и Доу-Джонса, 1902—1910 гг.

Источники: данные по индексу Доу-Джонса находятся на сайте www.djindexes.com

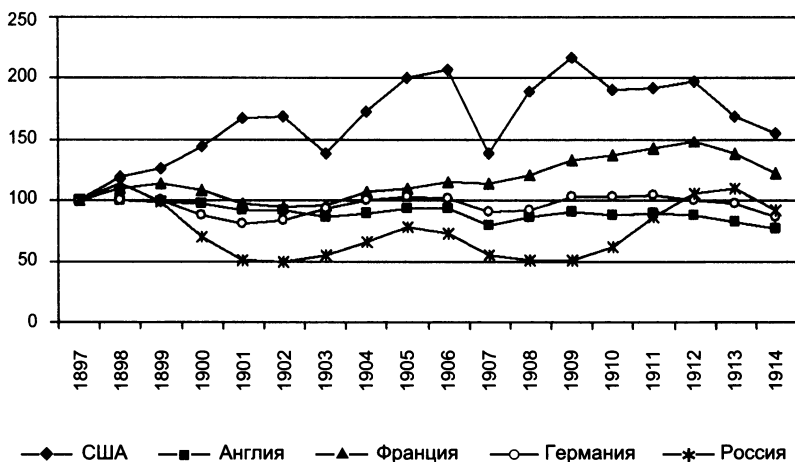
Обратимся к Рисунку 5, на котором представлена динамика индекса Доу-Джонса (Нью-Йоркская фондовая биржа) и Петербургского биржевого индекса I_1 (введенного нами «русского аналога»

индекса Доу-Джонса) для периода 1902—1910 гг. Для удобства сравнения их значения даются в нормированном виде (оба индекса в январе 1902 г. принимаются равными 100).

Как следует из Рисунка 5, нью-йоркский индекс в 1904 г. начинает подъем, отражающий наступление повышательной фазы промышленного цикла; этот подъем длится в течение двух лет, после чего наступает спад 1907—1908 гг. Интересно, что динамику того же типа (рост в 1903—1906 гг.) показывает и немецкий биржевой индекс («Historischer Marktindex») ⁵¹ (см. Рисунок 6). Эти наблюдения дают основания для выдвигания гипотезы о том, что главными факторами подъема петербургского биржевого индекса в годы, последовавшие за кризисом начала 1900-х гг., были влияние мировых фондовых рынков и, возможно, спекулятивные процессы (эндогенный фактор) ⁵². Проверка сформулированной гипотезы — предмет следующего этапа нашего исследования.

Рисунок 6

Сравнение промышленных индексов бирж Англии, Франции, Германии, США и России, 1897—1914 гг.

Источники: США: Cowles / Standard and Poor's Composite index. См.: Standard and Poor's, Security Price Index Record, New York: Standard and Poor's, 1996;

Англия: Smith K.C. and Horne G.F. An Index Number of Secirties, 1886—1914. London and Cambridge Economic Service Special Memorandum No 37, (July 1867 — December 1906), Banker's Magazine (January 1907 — July 1914);

Франция: Marcel Lenoir. Le mouvement des courses des valeurs mobilières françaises depuis 1856 // Bulletin de la Statistique Générale de la France, (9) Octobre 1919: 65—92;

Германия: Donner O. Die Kursbildung am Aktienmarkt, Vierteljahreshefte zur Konjunkturforschung (Berlin: Institut für Konjunkturforschung). Sonderheft 36. 1934.

Примечания

- 1 Банковская энциклопедия. Т. II. Киев, 1916. С. 234. Цит. по: Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 237.
- 2 Коммерческая энциклопедия М. Ротшильда / Под ред. С.С. Григорьева. Т. III. СПб., 1900. С. 326.
- 3 Предварительные результаты нашего исследования были кратко доложены на Международной научной конференции «Индустриальное наследие» (Саранск, июнь 2005 г.). См.: Бородкин Л.И., Перельман Г. «Барометр» экономической конъюнктуры дореволюционной России: о разработке «русского индекса Доу-Джонса» // Индустриальное наследие: Сб. трудов Международной научной конференции. Саранск, 2005. С. 145—162. Отметим, что в настоящей статье мы провели уточнение данных, на основе которых рассчитываются значения промышленного индекса Петербургской биржи.
- 4 Подробное описание этой базы данных см. в: Перельман Г. Котировки акций на С.-Петербургской бирже в 1865—1914 гг. // Экономическая история: Обзорение. Вып. 11. М., 2005.
- 5 Gregory P.R. Before Command. An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year Plan. Princeton University Press, 1994. P. 16.
- 6 В России, в отличие от других европейских стран, действовала разрешительная система учредительства, когда лично царь (а с 1890-х гг. — министр финансов) разрешал учреждение акционерных компаний. Более благосклонная к предпринимателям регистрационная система учредительства, несмотря на многочисленные предложения, так и не была принята в царской России. См. об этом: Шепелев Л.Е. Указ. соч.
- 7 См.: Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 139.
- 8 Там же. С. 92—93, 225.
- 9 В надежности России как должника зарубежные инвесторы, по-видимому, не сомневались. Спустя два десятилетия, в декабре 1917 г., авторы лондонского «Ежемесячного справочника инвестора» не могли себе представить, что Россия откажется выплачивать свои долги: «Вопрос о том, откажется ли Россия от выплаты своих долгов, вызывает много дискуссий, но это крайне невероятно, что любое ответственное правительство в России выберет такой катастрофический шаг. Мы должны помнить, что в прошлом Россия всегда отвечала по своим обязательствам, даже выплатив нам <Великобритании> по купонам, предъявленным во время Крымской войны». См.: The Investor Monthly Manual. No. 12. Vol. 47. December 1917. P. 643.

- 10 Онкольное кредитование при определенных условиях использовалось спекулянтами для покупки ценных бумаг в кредит в расчете на рост в цене и ожидаемую прибыль при последующей продаже. По подсчетам И.Ф. Гиндина, по состоянию на январь 1890 г., из общих активов русских коммерческих банков в 1,2 млрд руб. 345 млн руб. (28%) были обеспечены негарантированными ценными бумагами (включая, помимо прочего, акции корпораций). Из этой суммы онкольное кредитование составляли 184 млн руб. См.: Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. М., 1948. С. 106—107.
- 11 Цит. по: Лизунов П.В. Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703—1917 гг.). СПб., 2004. С. 270.
- 12 См.: Лизунов П.В. Указ. соч. С. 343—397.
- 13 См., напр.: Русинов В.Н. Финансовый рынок: Инструменты и методы прогнозирования. М., 2000. С. 40—46; Ляшенко В.И. Фондовые индексы и рейтинги. Донецк, 2003. С. 51—52.
- 14 Индекс подсчитывается по следующей формуле:

$$I_{it} = \frac{1}{D} \sum_i^N P_{it}$$

Где P_{it} — цена акции i в период t , а D первоначально равняется количеству акций в индексе. Если акции одной компании в индексе заменяются на акции другой, то делитель в таких случаях изменяется таким образом, чтобы не влиять на динамику самого индекса. Для этого делитель, подсчитанный с *измененным* составом, должен быть равен предыдущему значению индекса с первоначальным составом по формуле:

$$D = \frac{\sum_i^N P_{it-1}}{I_{it-1}}$$

- 15 Так же как и в нашем биржевом индексе, в современном индексе Доу-Джонса разница в стоимости акций компаний, входящих в состав индекса, оказывает влияние на его изменения. Так, в январе 2005 г. самая «дорогая» акция (из тех, что входят в подсчет индекса Доу-Джонса), выпущенная компанией United Technologies, стоила около \$100, а самая «дешевая», выпущенная Hewlett Packard, — около \$20. Соответственно, изменения в цене первой влияли на динамику индекса намного больше, чем изменения в цене второй.
- 16 При построении индекса мы использовали цепную методику, когда все значения котировок сравниваются с *предыдущими*, а не с базовым. Первоначальное значение индекса принято за 100, а значение в последующие периоды подсчитывается по формуле:

$$I_{2t} = I_{2t-1} \frac{1}{N} \sum_i^N \frac{P_{it}}{P_{it-1}}$$

- 17 См.: Gregory P.R. Russian National Income, 1885—1913. Cambridge University Press, 1982. P. 56.
- 18 В связи с изменениями структуры статистического учета промышленности в начале XX в., данные таблицы не совсем сопоставимы в динамике.

Так, сельскохозяйственная группа не была приведена отдельно в балансах 1910 г., и отчеты компаний, входивших в нее ранее, были перенесены в другие группы.

- 19 Напомним, что ценные бумаги иностранных компаний не допускались к котировке на российском фондовом рынке.
- 20 В 1898 г. (и в течение всего рассматриваемого нами периода) Товарищество бр. Нобель было крупнейшей промышленной российской компанией по величине активов. На бирже котировались паи компании (номинальная цена — 5000 руб.) и акции (номинальная цена — 250 руб.). При расчете значений индекса мы использовали цены акций товарищества, но для тех месяцев, когда акции не котировались, использовались цены паев в отношении 1 к 20.
- 21 В состав индекса включены только промышленные компании. Не представлены акционерные финансовые компании (коммерческие и земельные банки, страховые компании), транспортные (включая пароходные) и железнодорожные компании.
- 22 Следует отметить, что в составе индекса с октября 1910 г. акции Донецко-Юрьевского общества с номинальной стоимостью 250 руб. были заменены акциями этой же компании выпуска 1910 г. с номинальной стоимостью 200 руб. Делитель индекса был изменен таким же образом, как и при замене одних компаний новыми в составе индекса (см. примечание 14).
- 23 См. данные Табл. 2, отражающие лидирующую позицию отраслей, производящих волокнистые вещества.
- 24 О базе данных RUSCORP см.: Измутьева Т.Ф., Тихонов А.И. RUSCORP: База данных о корпорациях Российской империи, 1700—1914 // Информационный бюллетень Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории РАН и Ассоциации «История и компьютер». 1993. № 8. С. 75—81.
- 25 Т. Оуэн выделил специальным кодом (2) капитал компаний, в который он включил суммы облигаций, выпущенных компаниями. См.: Owen T.C. RUSCORP: A Database of Corporations in the Russian Empire, 1700—1914. Louisiana State University, 1992. P. 47.
- 26 К примеру, основной капитал Общества Коломенского завода составлял 5 млн руб., а нарицательная стоимость каждой акции равнялась 250 руб., т. е. общее количество выпущенных акций было 20000. Тот же результат получается, если разделить сумму дивидендов, выплаченных компанией в 1898 г. (700000 руб.), на дивиденд, выплаченный на каждую акцию (35 руб.).
- 27 Поскольку основной капитал в балансовых отчетах мог включать не только суммы, принадлежащие акционерам, владеющим обычными акциями, сведения о выплаченных дивидендах дают возможность более точного подсчета количества обычных акций. В то же время для трех компаний, где количество акций было определено по выплатам дивидендов, рыночная цена капитала обычных акций, подсчитанная в нашей работе, может не полностью отражать стоимость всего капитала.
- 28 В двух случаях номинальные цены акций во время основания компаний были приведены в золотых рублях. Во второй части таблицы они приве-

- дены в кредитных рублях в отношении 1,5:1 согласно золотому стандарту, введенному в 1897 г.
- 29 Средняя цена была определена таким образом: в каждом месяце, в котором акция котировалась, была определена средняя цена за месяц (средняя между высшей и низшей или одна из цен, если только одно значение было приведено в котировках). Затем все средние цены были сложены и поделены на количество месяцев.
- 30 См. примечания к Таблице II Приложения о пропусках в котировках.
- 31 Хотя золотой стандарт в России был официально введен в 1897 г., уже с 1896 г. обменный курс был близок к золотому стандарту, по которому 1 доллар был равен 1,9434 руб.
- 32 Эти точки выбраны следующим образом: декабрь 1901 г. соответствует самому низкому значению индекса за весь период; сентябрь 1905 г. — промежуточному пику 1901—1909 гг., август 1912 г. — самому высокому значению индекса за весь период.
- 33 Некоторые компании понижали номинальную цену акций с целью их дробления (stock split) для более легкого сбыта на бирже. При этом, если капитал компании не изменялся, новые акции стоили пропорционально меньше.
- 34 О динамике цен акций трех ведущих российских промышленных компаний в этот период см.: Бородкин Л.И., Коновалова А.В., Левандовский М.И. Дивидендные бумаги на Петербургской бирже в 1900-х гг.: влияние русско-японской войны и первой русской революции // Экономическая история: Ежегодник. 2001. М., 2002. Интересно, что динамика цен акций во всех трех случаях в целом совпадает с динамикой построенных индексов I_1 и I_2 .
- 35 См.: Gregory P.R. Russian National Income, 1885—1913. Теоретически инфляция (кстати, весьма невысокая) должна была отражаться одинаково и на ценах акций, и на других ценах, поэтому данные в Таблице II приводятся в текущих ценах.
- 36 Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. М., 1994. Серия «Памятники экономической мысли». С. 66, 117.
- 37 Туган-Барановский М.И. Состояние нашей промышленности за десятилетие 1900—1909 гг. и виды на будущее // Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. М., 1997. С. 488. (Этот обзор впервые опубликован в: Современный мир. 1910. № 12.)
- 38 Там же. С. 489.
- 39 Там же.
- 40 Там же.
- 41 Там же. С. 497.
- 42 Там же. С. 506. В заключении к своей статье Туган-Барановский еще раз возвращается к этому вопросу: «Политическое положение России помешало ей принять участие в мировом капиталистическом подъеме 1905—1907 гг. Теперь (статья написана в 1910 г. — Л.Б., Г.П.) эта последняя причина перестала действовать, и оживление нашей промышленности совпало с таковым же на Западе» (там же. С. 512).
- 43 Там же. С. 500.
- 44 См.: Вестник финансов, промышленности и торговли. 1904. № 5. С. 178.

- 45 Кафенгауз Л.Б. Указ. соч.
- 46 Там же. С. 70.
- 47 Там же. С. 101.
- 48 Там же.
- 49 Там же. С. 91. Кафенгауз приводит следующие данные о выпуске паровозов: 1902 г. — 1142 шт., 1903 г. — 893, 1904 г. — 1156, 1905 г. — 1146, 1906 г. — 1270, 1907 г. — 711, 1908 г. — 622 шт.
- 50 По данным Кафенгауза, в целом по промышленности России 1905 г. был наиболее неудачным: изменение стоимости валовой продукции в этом году составило —4,4%. См.: Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 117.
- 51 См.: Короленко М.В. Развитие и аномалии фондового рынка Германии, 1870—1914 гг.: историко-экономический анализ // Экономическая история: Обзорение. Вып. 11. М., 2005. С. 126.
- 52 Об этом см.: Бородкин Л.И., Коновалова А.В., Левандовский М.И. Указ. соч.

Приложение

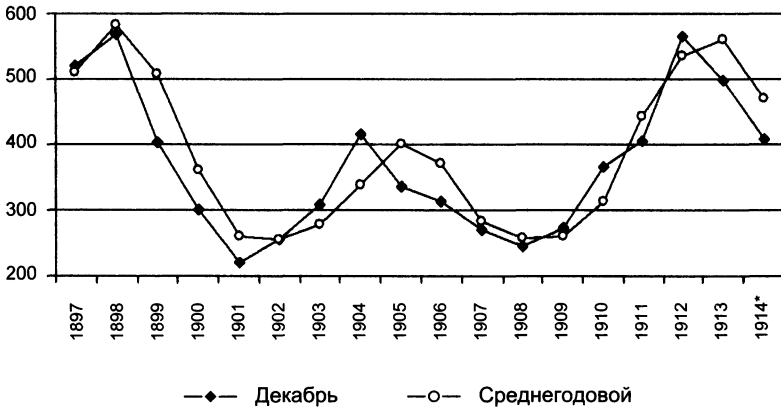
Таблица 1

**Ежегодные значения двух индексов Петербургской биржи (I_1 и I_2),
1897—1914 гг.**

Год	Среднеценовой индекс I_1		Равновзвешенный индекс I_2	
	Декабрьский	Средне- годовой	Декабрьский	Средне- годовой
1897	520	509	101	101
1898	568	583	111	112
1899	403	506	80	100
1900	300	360	58	71
1901	220	260	44	52
1902	255	255	57	54
1903	307	276	70	63
1904	416	337	88	72
1905	335	400	78	90
1906	313	370	79	83
1907	269	283	71	73
1908	244	258	61	67
1909	272	259	69	66
1910	364	312	97	83
1911	404	441	117	115
1912	564	536	147	146
1913	496	561	137	150
1914*	407	470	110	127

* За 1914 г. вместо декабрьских и среднегодовых значений приводятся, соответственно, значения июля и средние за январь — июль.

**Динамика ежегодных значений среднеценового
биржевого индекса I_1
(две методики расчета), 1897—1914 гг.**

* Данные только до июля.

Примечание. График «Декабрь» получен по средним ценам декабря каждого года, график «Среднегодовой» — по средним ценам акций за весь год.

Таблица II

**Котировки акций (в руб.) 16 ведущих российских промышленных компаний и значения индексов
Петербургской биржи (I_1 и I_2) с января 1897 г. по июль 1914 г.**

(Приводятся среднемесячные стоимости акций компаний за те годы, когда соответствующие компании были включены в состав индексов Петербургской биржи: I_1 — индекса с ценовым взвешиванием и I_2 — равновзвешенного индекса)

Год и месяц	Т-во бр Нобель	Об-во Брянского 3-да	Об-во Путиловских 3-дов	Об-во Коломенского 3-да	Об-во «Сормово»	Об-во Малылевских 3-дов	Никополь-Мариупольское об-во	Об-во «Феникс»	Об-во Русско-Балтийского 3-да	Русское паровозостроительное и механическое об-во	Компания Петербургского 3-да	Об-во «А И Манташев и К ^о »	Русское об-во Гартмана	Таганрогское об-во	Бакинское об-во	Донецко-Юрьевское металлургическое об-во	Среднеценовой индекс I_1	Равновзвешенный индекс I_2
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1897_01	435	501	125	623	208	625	198	405	2179	217	260					350	510,3	100,0
1897_02	423	485	125	604	200	576	195	422	2113	208	265					350	496,8	97,8
1897_03	408	477	123	610	195	564	210	427	2093	214	270					350	494,9	98,1
1897_04	416	489	125	624	196	585	225	434	2165	223	293					350	510,2	101,4
1897_05	418	506	127	625	202	599	225	439	2197	224	272					350	515,1	102,1
1897_06	420	472	126	605	196	558	215	452	2165	223	276					350	504,7	100,0
1897_07	395	479	135	596	191	561	220	478	2130	231	258					350	501,8	100,3
1897_08	383	475	138	593	190	550	225	496	2175	232	260					350	505,5	100,8
1897_09	363	468	136	588	190	545	213	506	2160	241	255					355	501,4	99,6

Таблица II (Продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1897_10	372	479	137	610	196	548	192	600	2234	253	260					350	519,2	102,6
1897_11	403	450	132	616	202	549	194	648	2273	254	259					355	527,7	103,8
1897_12	394	453	127	610	187	545	190	589	2295	252	248					358	520,5	101,0
1898_01	385	460	128	616	178	543	190	615	2395	256	265					423	537,6	102,2
1898_02	423	503	137	644	199	616	218	659	2615	271	309					453	587,1	112,4
1898_03	443	511	140	685	203	644	224	674	2720	276	321					452	607,5	116,1
1898_04	440	516	137	673	201	603	214	671	2736	267	318					454	602,3	114,1
1898_05	403	511	137	680	197	605	213	678	2798	260	295					448	601,9	112,3
1898_06	406	489	139	647	199	623	214	634	2825	268	309					443	599,5	112,3
1898_07	410	476	139	628	204	633	234	663	2653	276	323					492	594,2	113,8
1898_08	437	486	139	630	205	644	261	638	2350	279	327					560	579,5	114,8
1898_09	451	473	137	622	200	636	272	643	2296	272	323					595	76,5	114,1
1898_10	493	476	136	617	197	629	283	535	2295	261	323					614	571,4	112,9
1898_11	523	474	135	610	196	620	280	473	2282	266	321					610	565,7	111,9
1898_12	555	477	131	601	191	634	261	455	2323	269	310					608	567,6	111,0
1899_01	633	500	140	610	193	711	270	490	2416	277	318					625	598,5	117,2
1899_02	652	505	148	606	189	735	260	463	2403	272	320					645	599,6	117,1
1899_03	646	504	145	596	182	700	252	390	2370	271	305					635	582,9	113,0

Таблица II (Продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1899_04	658	509	139	578	170	658	251	368	2205	274	286					570	555,3	109,4
1899_05	625	514	136	559	166	673	251	329	2000	271	266					608	532,9	105,6
1899_06	646	492	130	545	171	663	242	318	2025	277	256					601	530,3	104,4
1899_07	645	459	123	513	157	651	233	307	1850	274	246					575	502,6	99,7
1899_08	649	456	123	511	151	639	230	275	1613	267	248					563	476,8	96,8
1899_09	644	467	120	469	170	600	217	178	1350	272	239					518	436,7	91,3
1899_10	664	456	121	457	116	618	222	136	1365	270	242					537	433,5	87,3
1899_11	715	467	114	438	106	608	211	73	1350	262	235					512	424,0	81,8
1899_12	688	458	107	425	99	590	211	90	1225	243	216					490	403,3	80,0
1900_01	698	467	114	439	100	633	200	114	1400	244	230					503	428,3	84,6
1900_02	702	477	126	424	97	628	201	96	1305	251	231					495	419,3	83,7
1900_03	691	489	117	413	94	600	192	86	1135	260	215					428	393,1	80,0
1900_04	670	470	113	423	80	553	174	72	1135	263	204					373	377,3	75,6
1900_05	680	405	111	396	75	523	168	60	1188	270	188					333	366,2	72,0
1900_06	671	328	100	390	65	520	150	55	1113	268	179					310	345,6	67,0
1900_07	618	309	106	369	73	518	143	60	1213	267	183					280	344,6	67,8
1900_08	643	315	106	390	82	528	147	77	1308	266	192					272	360,2	72,1
1900_09	613	290	98	375	76	514	139	63	1175	261	184					258	337,0	67,2

Таблица II (Продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1900_10	580	274	95	365	71	508	133	58	1130	259	173					240	323,6	64,3
1900_11	578	261	90	362	67	503	140	58	1125	261	164					223	319,1	63,3
1900_12	553	238	80	356	55	495	125	53	1063	225	159					206	300,5	58,3
1901_01	515	215	79	347	63	425	125	50	1038	221	156					179	284,3	56,7
1901_02	523	217	74	323	57	358	120	45	1023	214	145					163	271,5	53,5
1901_03	530	232	79	343	63	385	110	47	1063	214	135					177	281,2	55,0
1901_04	500	230	79	337	71	385	100	48	988	205	130					175	270,5	54,2
1901_05	546	266	77	352	87	390	90	50	1163	215	134					131	291,6	57,7
1901_06	560	246	75	324	80	359	90	50	1189	204	119					116	284,2	55,3
1901_07	502	205	69	296	74	350	80	50	1000	192	119					102	253,1	50,9
1901_08	471	217	64	294	75	345	79	50	1038	190	119					90	252,5	50,6
1901_09	490	170	62	278	79	335	78	50	981	189	119					79	242,5	49,2
1901_10	501	150	59	276	79	335	69	50	981	189	104					70	238,5	47,4
1901_11	435	149	56	276	78	331	69	52	925	188	103					62	227,0	46,4
1901_12	423	149	51	275	75	335	69	45	900	163	102					54	220,0	44,4
1902_01	470	159	61	308	87	370	60	54	958	175	117					48	238,7	49,0
1902_02	505	162	76	345	106	420	65	69	1130	195	132					59	271,9	56,1
1902_03	532	152	74	339	108	415	59	98	1080	202	129					76	271,9	57,4

Таблица II (Продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1902_04	534	142	73	332	107	418	66	98	1038	202	124					83	267,8	57,1
1902_05	525	120	67	322	104	388	62	94	1020	200	111					74	257,0	53,8
1902_06	525	98	60	303	106	355	55	78	985	199	113					71	245,4	50,3
1902_07	475	86	63	307	112	355	55	85	1000	198	115					73	243,5	50,5
1902_08	485	112	72	317	121	383	64	98	1000	201	126					74	254,2	55,4
1902_09	450	109	71	312	122	398	62	101	933	207	122					71	246,3	54,7
1902_10	489	110	70	311	125	411	64	103	948	207	122					77	252,8	55,7
1902_11	498	109	73	312	127	418	62	118	963	201	125					84	257,4	56,8
1902_12	497	115	77	304	126	435	62	120	927	190	125					82	254,8	57,0
1903_01	475	116	81	323	139	454	73	130	963	195	132					93	264,2	60,1
1903_02	486	122	88	346	147	473	84	142	991	199	132					97	275,4	63,5
1903_03	491	116	87	336	145	455	76	133	983	192	126					89	268,8	61,3
1903_04	490	101	85	333	140	450	70	136	485	183	123					78	263,0	59,4
1903_05	418	94	81	332	140	437	72	137	487	180	115					73	254,1	57,6
1903_06	473	92	83	315	145	449	77	135	483	181	117					78	259,1	58,8
1903_07	470	99	89	315	149	488	101	136	492	186	118					93	268,8	62,1
1903_08	461	103	90	318	149	505	112	150	517	189	117					104	277,5	64,1
1903_09	465	107	91	316	148	508	114	163	546	202	118					110	285,9	65,7

Таблица II (Продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1903_10	490	119	94	316	152	513	116	166	533	209	118					118	289,5	67,5
1903_11	566	130	101	324	160	529	124	167	553	201	120					125	304,2	70,7
1903_12	555	125	97	314	147	565	122	171	578	194	119					120	306,9	69,8
1904_01	485	101	82	285	144	625	96	142	577	175	110					107	291,9	63,2
1904_02	469	89	78	321	126	585	83	138	578	169	104					93	284,0	60,2
1904_03	493	100	82	288	128	585	85	147	665	173	110					91	300,8	62,8
1904_04	485	102	89	298	136	609	93	154	703	179	121					93	313,5	66,0
1904_05	499	101	91	297	137	605	96	155	763	178	113					92	324,0	66,5
1904_06	520	103	98	284	142	575	94	168	736	179	117					93	320,2	67,4
1904_07	478	111	104	286	154	570	93	184	706	187	122					102	316,7	69,1
1904_08	481	115	103	289	156	545	94	185	705	187	123					104	315,8	69,4
1904_09	507	133	112	317	171	575	98	196	787	193	135					109	343,1	75,0
1904_10	534	158	126	352	187	605	102	222	1020	206	146					122	399,7	83,4
1904_11	544	174	139	360	211	610	96	239	1088	233	157					127	422,0	88,6
1904_12	511	176	137	355	213	595	90	240	1073	233	173					122	415,8	88,1
1905_01	504	169	128	383	220	580	87	262	1070	226	163					118	414,9	87,6
1905_02	499	167	117	388	217	607	86	259	1053	221	157					114	411,5	86,3
1905_03	500	166	119	384	214	592	81	295	895	224	159					109	386,0	85,7

Таблица II (Продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1905_04	498	159	122	398	216	611	87	290	895	221	156					115	388,5	86,3
1905_05	509	180	134	414	236	315	86	294	902	240	175					125	402,2	91,4
1905_06	510	166	126	366	231	303	89	284	911	224	174					119	392,9	88,2
1905_07	490	175	128	378	240	338	93	295	920	239	172					124	404,1	91,1
1905_08	480	211	130	441	258	345	105	321	980	266	213					171	436,9	100,1
1905_09	508	216	144	474	255	373	116	334	930	289	215					156	442,7	105,1
1905_10	493	199	134	470	248	413	113	324	885	280	188					158	433,7	101,6
1905_11	396	126	89	382	154	362	70	201	765	196	188					141	349,5	75,7
1905_12	432	152	92	396	171	347	71	223	645	211	161	164	298			124	334,6	78,1
1906_01	438	161	104	426	184	403	78		807	223		173	336			142	382,7	86,0
1906_02	450	181	99	452	182	433	78		815	231		169	350			132	394,1	88,3
1906_03	452	181	101	490	207	498	78		833	266		163	366			133	416,9	93,0
1906_04	458	163	93	490	199	540	72		762	264		161	384			121	409,4	90,8
1906_05	462	152	92	458	175	473	70		775	252		151	351			111	389,8	85,9
1906_06	457	143	91	443	173	440	60		700	252		142	330			102	365,5	81,7
1906_07	417	141	86	425	167	380	56		760	240		139	316			96	356,6	78,3
1906_08	425	106	83	408	153	358	51		770	230		142	309			83	347,0	74,2
1906_09	423	115	83	410	164	391	51		818	245		141	331			103	366,4	77,2

Таблица II (Продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1906_10	430	131	93	431	173	418	66		807	244		168	334			106	378,0	83,7
1906_11	465	111	93	483	168	412	65		425	243		162	306			124	318,2	79,1
1906_12	512	111	90	478	180	393	68		401	237		155	294			123	313,4	78,9
1907_01	495	112	97	479	166	397	64		413	234		155	314			120	315,0	78,9
1907_02	487	109	103	476	159	385	63		413	230		151	301			119	310,0	77,8
1907_03	475	97	100	458	150	370	63		375	215		146	240			113	289,8	72,9
1907_04	493	103	108	462	151	366	62		368	222		152	268			120	294,8	75,2
1907_05	483	105	104	460	143	320	60		358	217		136	247			105	279,0	71,8
1907_06	538	102	96	417	142	306	58		358	209		153	235			98	275,7	71,0
1907_07	480	103	96	423	152	294	60		363	221		153	229			101	272,3	71,3
1907_08	502	104	96	433	149	300	69		345	221		154	235			99	273,8	72,5
1907_09	520	106	95	420	153	305	69		355	225		157	238			94	277,7	73,5
1907_10	510	100	92	178	139	292	73		353	231		149	225			89	265,9	70,7
1907_11	530	106	91	194	129	312	69		362	220		156	235			82	274,1	72,0
1907_12	537	110	89	195	123	296	72		355	215		155	230			73	269,3	71,3
1908_01	559	115	84	181	114	285	72		355	211		151	218			76	264,8	69,7
1908_02	555	113	80	171	103	268	71		331	202		153	193			77	252,4	66,6
1908_03	561	115	83	174	107	270	65		308	202		157	186			75	249,5	66,2

Таблица II (Продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1908_04	571	112	81	171	101	279	64		328	194		156	192			81	253,9	66,1
1908_05	583	112	83	176	104	295	63		333	196		146	201			78	259,5	67,0
1908_06	570	109	85	168	108	296	59		332	197		141	202			76	256,4	66,2
1908_07	517	111	86	170	106	304	59		353	212		139	214			74	259,3	67,1
1908_08	520	122	91	191	116	338	68		372	221		149	249			79	279,2	73,1
1908_09	518	108	86	180	110	323	63		372	209		142	228			73	268,5	69,2
1908_10	521	105	88	161	104	326	52		367	205		140	215			70	262,2	66,5
1908_11	511	102	79	150	99	325	48		338	166		138	209			69	249,0	62,5
1908_12	513	103	77	140	98	313	46		340	169		135	190			67	243,9	61,0
1909_01	523	102	79	144	97	312	45		340	152		128	193			67	243,5	60,5
1909_02	518	102	79	142	99	312	47		327	148		129	193			73	241,0	60,3
1909_03	513	105	85	147	103	338	46		348	154		142	206			75	253,0	63,2
1909_04	570	106	88	150	111	323	49		347	165		133	207			79	257,1	64,7
1909_05	545	105	84	145	103	328	45		310	157		124	203			76	245,7	61,7
1909_06	553	101	86	149	109	320	45		315	169		123	190			74	246,3	62,1
1909_07	528	107	98	155	117	339	51		324	178		128	211			78	255,9	66,1
1909_08	550	112	106	158	123	353	52		344	187		133	214			87	267,5	68,9
1909_09	565	115	106	163	130	362	55		373	187		133	219			106	278,9	71,1

Таблица II (Продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1909_10	560	111	104	161	123	352	54		364	184		129	209			103	272,3	69,2
1909_11	594	112	109	158	123	361	53		360	181		128	215			100	275,8	69,9
1909_12	578	110	110	160	120	362	51		352	174		127	210			97	271,6	68,7
1910_01	627	118	122	175	131	365	60		371	186		135	215			115	288,4	74,0
1910_02	591	117	125	176	131	385	65		368	195		133	218			113	289,7	74,9
1910_03	564	115	123	168	126	380	65		315	191		128	221			124	276,5	72,5
1910_04	530	115	126	175	130	375	92		324	188		125	221			115	276,9	75,2
1910_05	530	117	131	187	142	387	90		338	195		122	225			126	286,2	77,4
1910_06	553	125	150	250	164	441	90		366	203		130	243			136	319,4	85,5
1910_07	547	126	157	238	160	431	91		408	225		142	240			144	325,8	87,5
1910_08	535	125	153	225	146	429	90		396	212		133	241			113	314,7	84,8
1910_09	516	127	154	237	144	440	88		388	226		187	242			113	321,0	88,4
1910_10	530	134	149	231	147	513	86		414	215		240	235			244	339,8	92,1
1910_11	525	132	146	229	149	534	85		413	214		228	233			240	340,5	91,5
1910_12	528	143	147	238	144	612	99		418	237		235	251	216	269	284	364,2	96,9
1911_01	535	148	142	241	143	651	113					229	252	213	270	279	381,8	98,6
1911_02	535	147	146	220	145	672	118					224	286	211	277	288	386,8	100,0
1911_03	533	168	148	270	157	812	211					220	291	226	276	334	439,3	113,7

Таблица II (Продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1911_04	645	201	158	265	169	836	255					264	291	250	353	342	476,9	127,8
1911_05	605	185	143	254	157	796	238					233	276	224	310	327	446,0	117,9
1911_06	575	172	142	234	152	815	234					229	253	215	311	315	436,4	113,9
1911_07	570	181	150	247	158	823	254					225	262	214	307	335	445,7	116,9
1911_08	570	179	145	249	152	893	216					249	265	213	341	325	459,0	117,8
1911_09	563	173	143	241	138	872	205					243	234	216	355	307	446,3	114,1
1911_10	581	188	147	248	136	962	208					256	267	218	399	303	476,1	120,4
1911_11	587	180	144	247	136	1060	189					285	256	226	438	288	496,5	122,1
1911_12	586	190	148	242	133	230	190					278	262	234	408	283	404,2	117,2
1912_01	594	192	155	241	141	271	198					279	277	231	409	304	429,2	121,4
1912_02	568	191	159	236	152	331	219					312	305	238	465	319	469,7	129,6
1912_03	553	184	158	224	153	325	207					314	299	227	492	303	460,9	127,4
1912_04	542	186	160	240	154	344	232					327	300	228	605	317	487,9	133,7
1912_05	580	185	164	235	149	345	265					413	297	218	712	313	510,2	140,6
1912_06	695	216	190	241	157	349	310					440	307	225	774	327	545,4	153,6
1912_07	778	208	196	236	157	390	302					528	307	226	776	335	579,5	158,9
1912_08	836	217	184	243	164	465	322					603	308	275	813	357	640,2	170,4
1912_09	785	189	181	226	156	447	315					560	302	312	761	326	610,9	164,2

Таблица II (Продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1912_10	675	169	167	200	136	405	300					520	266	279	744	324	558,0	148,9
1912_11	783	177	163	194	133	429	280					551	256	291	744	313	578,2	151,4
1912_12	815	174	158	184	131	428	255					544	252	282	700	257	564,3	147,4
1913_01	826	179	160	184	131	452	269					584	261	285	677	296	585,1	150,9
1913_02	823	182	160	181	134	452	290					670	267	285	679	308	596,5	154,6
1913_03	848	182	163	182	136	430	304					694	269	284	691	316	595,0	156,4
1913_04	814	196	161	183	137	412	312					658	273	270	672	319	579,8	155,2
1913_05	897	206	154	181	134	416	312					693	263	261	710	315	593,5	156,9
1913_06	856	193	141	163	123	368	296					636	242	242	673	297	545,2	145,1
1913_07	828	180	141	155	126	341	286					639	235	239	667	293	525,1	141,5
1913_08	913	194	149	169	143	361	298					702	268	261	725	302	566,8	154,0
1913_09	1037	193	146	158	143	342	292					756	267	257	761	293	573,3	155,1
1913_10	998	185	141	153	141	315	287					752	255	247	726	287	548,3	149,7
1913_11	990	181	134	148	138	284	278					720	238	244	710	282	523,4	144,1
1913_12	939	175	126	142	134	274	261					669	217	231	677	261	496,4	136,6
1914_01	1013	183	131	150	129	297	265					283	243	226	716	270	526,7	143,6
1914_02	990	172	121	140	128	272	244					267	221	218	705	257	498,4	135,9
1914_03	1003	170	115	143	133	264	238					256	212	217	702	251	491,0	134,1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1914_04	991	155	102	137	128	253	225					228	196	206	641	242	464,3	125,6
1914_05	910	150	112	141	131	248	226					216	180	192	596	239	446,3	122,8
1914_06	843	148	112	133	125	278	227					208	180	198	630	240	453,8	122,6
1914_07	762	129	99	126	106	240	201					190	180	172	573	226	406,8	110,2

Примечания.

- В те месяцы, когда акция не котировалась, ее цена заменялась в данной таблице средним значением между «соседними» котировками этой бумаги. Такие замены выделены в таблице курсивом. В одном случае, с Донецко-Юрьевским обществом, с июня по декабрь 1901 г., был семимесячный пропуск в котировках, вызванный тем, что компания попала в администрацию (т. е. из-за убытков руководство компанией перешло к специально назначенным управляющим). В данной ситуации цены были заполнены в соответствии со среднегеометрической прогрессией между ценами мая 1901 г. (131 руб.) и января 1902 г. (48 руб.). Поскольку соотношение между январем и маем было 1 : 2,73, среднее падение цены в месяц было 13% ($\sqrt[7]{2,73} - 1$). Соответственно, цены были заполнены таким образом: июнь — 115,55, июль — 101,92, август — 89,90 и т. д.
- Номинальная цена акций четырех компаний, входящих в состав индекса, изменялась на протяжении рассматриваемого периода. В таких случаях при вычислении значения индекса делались соответствующие пересчеты:
 - Общество Коломенского завода*: в октябре 1907 г. номинальная цена акции изменилась с 250 руб. до 125 руб. Котировка акции упала с 420 руб. до 178 руб.
 - Общество Мальцевских заводов*: номинальная цена акции в мае 1905 г. изменилась с 500 руб. до 250 руб. Котировка в марте была 592 руб., а в мае 315 руб. (за апрель данных в источнике нет). В декабре 1911 г. номинальная цена изменилась с 250 руб. до 100 руб. При этом котировка акции упала с 1060 до 230 руб.
 - Общество Русско-Балтийского завода*: в марте 1903 г. номинальная цена изменилась с 500 руб. до 250 руб. Котировка упала с 983 до 485 руб.
 - Общество «А.И. Манташев и К°»*: в январе 1914 г. номинальная цена изменилась с 250 руб. до 100 руб. Котировка акции упала с 669 руб. в декабре 1913 г. до 283 руб. в январе 1914 г.

Захарий Жданов: судьба «короля биржевых спекулянтов»**

*Был человек тот авантюрист,
Но самой высокой
И лучшей марки.*

С. Есенин. Черный человек.

В начале XX в. самой широкой известностью в России пользовался петербургский банкир и биржевик Захарий Петрович Жданов. Популярность его, не лишенная скандального характера, распространялась далеко за пределы круга лиц, имевших непосредственное отношение к финансам. Его имя, появлявшееся чуть ли не ежедневно на страницах газет на протяжении целого десятилетия, фактически стало нарицательным. Одни периодические издания превозносили Жданова до небес. Другие, наоборот, обвиняли Жданова во всех смертных грехах, возлагая на него ответственность за все негативные явления, происходившие на рынке ценных бумаг.

Многие считали Жданова «большим биржевым магом и волшебником», который, сам нажив миллионы, дал и остальным возможность получить «небывалые еще в летописях спекуляции прибыли»¹. Его называли непревзойденным «королем биржевых спекулянтов», «королем понижения», человеком, «при имени которого мороз по коже проходит»². Жданова представляли в виде «черта, мутящего воду», — «этакий Вельзевул, на лоне своем держащий Мануса и шепчущий ему наставление о том, как надо “бланковать”». В «публике» и даже среди биржевой «кулисы» сложилось мнение, что достаточно всемогущему Жданову «захотеть погубить кредит всех русских предприятий — так и будет; бумаги полетят вниз, разразится крах»³.

Об известности Жданова в самых разных кругах общества свидетельствует использование его образа как типичного биржевого спекулянта на театральных подмостках. В петербургском театре

* Лизунов Павел Владимирович — доктор исторических наук (Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-01-00530.

комедии «Зон» в представлении «Шофер к Зону» режиссер А.Д. Кошевский-Кричевский вывел на сцену узнаваемый всеми персонаж. Актера А. Долматова, игравшего банкира, по утверждению зрителей, нельзя было отличить от настоящего З.П. Жданова⁴.

Человек с «темным» прошлым

З.П. Жданов был человеком «происхождения темного», его недоброжелатели уверяли, что даже с уголовным прошлым. Утверждали, что когда он был объявлен Московским коммерческим судом несостоятельным должником, то изменил фамилию⁵. Однако на запрос председателя Совета Фондового отдела Петербургской биржи, не состоял ли Жданов под судом и следствием, не был ли ранее осужден и не менял ли фамилию, прокурор Петербургской судебной палаты сообщил, что таких сведений у них не имеется⁶.

Жданов старался особо не распространяться о некоторых периодах своего прошлого. Немногим было известно, что его первая фамилия была Голяшкин. Родился он в январе 1867 г. в селе Сменцово Сменцовской волости Мышкинского уезда Ярославской губернии, где окончил 4 класса сельской школы. Позже Жданов посещал бухгалтерские курсы Побединского в Петербурге. Со слов лиц, давно знавших З.П. Жданова, в том числе его жены, фамилию он поменял с «высочайшего повеления» после того, как во время открытия мощей Св. Серафима Саровского в качестве кучера возил на тройке царя Николая II. Сам Жданов позже, на допросах в ОГПУ, объяснял, что «по высочайшему повелению» стал носить фамилию своего дяди из-за «неблагозвучности» своей прежней. Поменяв фамилию, он стал использовать и звание потомственного почетного гражданина своего дяди. Жданов полагал, что оно перешло к нему вместе с новой фамилией⁷. Получение звания потомственного гражданина Жданов своим знакомым и близким также объяснял крупным денежным пожертвованием на благотворительные нужды. Жена З.П. Жданова рассказывала, что за какое-то пожертвование ее супруг получил от Николая II золотой портсигар с императорским орлом из бриллиантов и надписью, а также какой-то орден в розетке, но какой, она не знала. Жданов говорил, что портсигар получил за пожертвование 10000 руб. Женскому тюремному комитету, от которого и получил его в качестве подарка. Портсигар сопровождало благодарственное письмо с подписью императрицы-матери Марии Федоровны⁸.

В возрасте 20 лет Жданов какое-то время находился в Самарканде в качестве представителя московской фабрики конфет товари-

щества «А.И. Абрикосова сыновья», фабрики лаков и красок товарищества Мамонтова и ряда др.⁹ Возможно, что какой-то период своей жизни он провел в Москве.

«Кафе де Пари» и «Петровский яхт-клуб»

Деятельность Жданова в Петербурге началась в 1903—1904 гг., развернувшись сразу после внезапной смерти отца его жены Александры Яковлевны. Тесть был бодрым стариком, владел домом по Фонтанке на углу Измайловского проспекта и обладал большим состоянием, но при этом жил чуть ли не в одной комнате, отказывая себе во всем, за что получил прозвище «Плюшкин». Богатство тестя, по рассказам знакомых Жданова, не давало покоя зятю. После внезапной смерти старика в квартире Жданова ходили разные версии, в том числе и о его причастности к этому, о чем с небольшими отклонениями в деталях вспоминали давно знавшие Жданова петербургские биржевики В.Г. Деранков и И.О. Шатиль.

Как бы то ни было, после этой смерти у Жданова, не имевшего ранее никаких средств, появились деньги. Он стал скупать и продавать ценности и процентные бумаги, а также учитывать векселя. Местом своих операций Жданов избрал знаменитое в то время «Кафе де Пари», внизу Пассажа, где имел свой абонированный столик рядом с конторой. Владельцем кафе тогда был И.В. Цырин, который способствовал операциям Жданова.

Обычно Жданов приезжал в кафе от 11 до 13 часов дня, заходил в контору, где Цырин сдавал ему все приобретенные от разных людей ценности и процентные бумаги. Из бумаг Жданова особенно интересовали выигрышные билеты I и II займов. Многим было известно об этих операциях в кафе, и все удивлялись быстрому развитию дела Жданова, совсем недавно еще нуждавшегося в рубле. На него работали несколько посредников, в том числе П.Н. Гер, Преловский, братья Б.О и И.О. Шатили, О.М. Ивантер, А.М. Пульвермахер и др. Двое последних скупали бриллианты у приезжих в кафе гостиницы «Европейская» и сбывали их Жданову. Преловский, владелец фабрики кроватей, почти ежедневно встречался со Ждановым. В кафе он учитывал векселя всех кучеров Александро-Невской части, где помещалась его фабрика, попутно сдавал Жданову и другие ценности.

Справочник «Весь Петербург на 1905 год», в котором впервые упоминается фамилия З.П. Жданова, сообщал, что тот является купцом, занимающимся строительными подрядами. В 1907 г. Жданов, согласно тому же изданию, состоял совладельцем международной конторы объявлений «Ф.Э. Кое» и издавал еженедельную газету

«Финансовый курьер» (вышло всего несколько номеров газеты, и она закрылась).

С расцветом в Петербурге клубного игорного бизнеса наступает новый этап в жизни Жданова. Он пристрастился к карточной игре, слыл азартным и удачливым игроком: постоянно «метал ответы», т. е. держал банк без ограничения суммы ставок, и весьма успешно¹⁰. В 1905 г. Жданов становится владельцем игорного клуба в доме № 4 по ул. Троицкая. Развивая в невероятном темпе свое дело, Жданов вскоре переводит клуб в дом № 56 на Невском просп. (дом Елисеевых). Его компаньоном становится прибывший из Финляндии некто Л.И. Гершовский. Последний, по уверению Жданова, снимал у него верхнее помещение для игорного клуба. Прикрытием являлся знаменитый «Петровский яхт-клуб». Игорное заведение открывалось с 12 часов дня, а в 11 Жданов был уже в «Кафе де Пари», куда к нему несли свои ценности — часы, кольца, броши, серьги, портсигары и пр. — проигравшие игроки, с целью в случае выигрыша вернуть их обратно. Фактически Жданов занимался ростовщицеством, беря в заклад ценности, проигранные в его клубе. Векселя он учитывал из 10%¹¹.

По словам О.М. Ивантера, Жданов в начале революции говорил, что у него есть 50—60 штук золотых часов, которые он скупил в клубе. Сам Жданов уверял, что у него их было не более 20 штук¹². Обычно в самом клубе Жданов денег под вещи не давал, поскольку об этом было известно начальнику сыскной полиции В.Г. Филиппову и его помощнику Кунцевичу. Они одно время преследовали Жданова, а затем перестали, что давало повод для разных досужих разговоров.

Среди постоянных посетителей, часто навещавших «Петровский яхт-клуб», был метрдотель императорского дворца Люсьен Понсэ, большой любитель бегов, скачек, карт и пр. Весьма часто получая крупные суммы денег (по 5000—8000 руб.) на закупку дичи, рыбы у поставщиков дворца в Чернышевом пер., Понсэ приезжал вечером в клуб, где просиживал за игорным столом до утра, зачастую проигрывая все деньги. Азартный француз постоянно закладывал у Жданова бриллиантовое кольцо, подаренное ему Николаем II. Получив деньги, Понсэ мчался на рынок за покупками, чтобы с первым поездом успеть на кухню дворца в Царское Село или Петергоф. В назначенный срок метрдотель приезжал в Петербург, брал авансы в Аничковом дворце и привозил их в кафе Жданову, где получал кольцо обратно. Жданов, желая заполучить кольцо, стал притеснять Понсэ. Он отказывал ему в выдаче денег под залог, когда тот в них нуждался после очередного проигрыша, и предлагал продать кольцо, на что Понсэ не соглашался. Тогда Жданов стал увеличивать

сумму процентов и выдавал французу по 3000, 4000 и 5000 руб., смотря по необходимости, за услуги брал по 1000 руб. за несколько дней. В конце концов это кольцо оказалось у Жданова. Понсэ и его зять Сенкен, владелец магазина «Депо генераль Франсе» на ул. Большая Морская, говорили, что все ценности Понсэ и его жены остались у Жданова. Многие вспоминали, что он носил на мизинце перстень с большим камнем голубой воды, около 20 карат (возможно, именно тот, который ранее принадлежал Понсэ), а его жена имела много бриллиантовых украшений¹³.

Завистники Жданова уверяли, что тому «везет в покупке ценностей», как, например, с бриллиантовыми серьгами содержанки сына миллионера Синягина С.А. Хайлис. Эти серьги, представлявшие большую ценность, подарил ей А.А. Богданов. Когда «Сонька», как звали Хайлис в определенных кругах, появлялась в театре, то в темноте из ее ложи «прямо шел прожектор» и все знали, что она на представлении. Она постоянно посещала игорный клуб и заложила у Жданова свои серьги за 4000 руб., а когда не смогла их выкупить, получила за них всего 9000 руб., тогда как на самом деле они стоили значительно дороже. Едва только стало известно, что Хайлис продала эти серьги Жданову, как среди перекупщиков, считавших заработок счастливого комиссионера, разгорелись нешуточные страсти. Хайлис потом видела свои серьги на жене Жданова в театре¹⁴.

По словам бывшей любовницы Жданова Е.А. Хайлис (сестра С.А. Хайлис), примерно в 1907 г. он взял у нее 5000 руб. в долг, обещая вернуть их через месяц. Вскоре Жданов открыл на имя своей жены контору по производству крема, мыла и пудры. Продукция выпускалась под названиями «Ниппон», «Ренессанс» и др. В деле также участвовала его сестра — М.П. Жданова. Хайлис оказалась только продавщицей. Обиженная, она потребовала свои деньги обратно. Со слов Хайлис, Жданов с бранью вернул ей 5000 руб., и с тех пор они больше никогда не встречались. Произошло это в 1908 или 1909 г.¹⁵ Другой своей любовнице — В.В. Васильевой — Жданов открыл шляпный магазин на ул. Жуковская. Третьей — Л.Н. Муромской — купил дачу в Петергофе, впрочем оплатив ее только частично, и дом на углу ул. Знаменская и ул. Кирочная, правда продал ее же драгоценности.

Банкирский дом «Захарий Жданов и К^о»

В 1908 г. Жданов передал игорный бизнес правлению «Петровского яхт-клуба» и открыл банкирскую контору «Захарий Жданов и К^о» в доме по Невскому просп., 28/21 (дом компании «Зингер»). На

допросах в ОГПУ Жданов вспоминал, что до открытия банковской конторы «занимался разными делами, соприкасаясь с биржей». «Момент обогащения начинается с биржи, — утверждал он, — ...затем выгодная покупка ленских акций... все это приведет меня к большой состоятельности как биржевого и банковского дельца»¹⁶.

Именно в этот период популярность Жданова достигла апогея. Неплохой психолог и организатор, он способствовал развитию упавшего в широких кругах общества интереса к биржевым спекуляциям. Вовремя поняв, что наступает новый период экономического подъема и биржевого спроса, он учредил банковский дом по типу английских и американских банков для небогатых клиентов. Активно используя газетную рекламу и рассылая в громадном количестве проспекты о биржевых сделках, о благоприятной конъюнктуре, об онкольных операциях, банковский дом Жданова приобрел обширную клиентуру¹⁷. Его реклама регулярно появлялась в «Петроградском листке», «Обзрении театров», «Биржевых известиях». Издатель последних, П.Ф. Левдик¹⁸, был близким советником З.П. Жданова и «вел биржевую игру под сенью» его дома¹⁹.

Первое помещение конторы Жданова, рассчитанное на 75 чел. служащих, вскоре стало тесным. Пришлось переезжать в более просторное здание, но и оно через полгода оказалось недостаточно вместительным. Третье помещение банка занимало весь бельэтаж огромного дома № 45 на углу Невского просп. и ул. Троицкая²⁰.

На официальной бирже Жданов впервые появился не ранее 1908 г., но при попытке войти в постоянные члены Совета Фондового отдела был забаллотирован по протесту некоторых биржевиков. Рекомендующие Жданова взяли назад свои рекомендации, сославшись на свою доверчивость и неосведомленность. В следующем году он вновь баллотировался, причем особое участие в проведении его в члены биржевого общества принимали некие два петербургских банковских дома²¹. Впрочем, как отмечалось в разделе «Хроника» журнала «Банковая и торговая жизнь», представители этих домов сами лично не пожелали взять на себя ответственность, а просили об этом неких маклеров Ф. и П., по рекомендации которых Жданов и стал членом биржевого общества²². И хотя на бирже раздавались недовольные голоса протестовавших против допущения Жданова в 1909 г. в Совет Фондового отдела, у него нашлись защитники и покровители. Заступники Жданова объясняли, что согласно высочайшему манифесту 17 октября 1905 г. несостоятельность его утратила силу, хотя на коммерческую несостоятельность манифест не распространялся и лица, раз объявленные несостоятельными, как и раньше лишались права заниматься банковскими операциями.

Основными в деятельности банкирского дома «Захарий Жданов и К^о» были исключительно биржевые операции. Различные банкирские учреждения имели свои правила относительно онкольных счетов, причем минимальная сумма первоначального взноса колебалась от 200 до 5000 руб. Только в конторе Жданова онкольный счет открывали при взносе 100 руб.²³ В рекламируемых везде и всюду условиях сообщалось, что под правительственные бумаги и фонды банкирский дом дает ссуду в размере 90% биржевой стоимости, оставляя только 10%²⁴. Бумаги у Жданова можно было приобретать в складчину. Недаром его называли «насадителем культуры “коллективного” онколя»²⁵.

Жданов постоянно поддерживал интерес к биржевой спекуляции при помощи распространения всевозможных руководств и пособий. В 1909 г. некто А.И. Репьев (под псевдонимом А. Ратьков) издал брошюру под названием «Кратчайший и доступный каждому путь к богатству. Биржевые операции: Популярное руководство», где откровенно признавался, что добился успеха, совершая свои операции в банкирской конторе «Захарий Жданов и К^о». Брошюра имела успех, и в следующем году последовало ее второе издание тиражом 50 тыс. экземпляров, а затем и третье. Как выяснилось позже, эта брошюра была составлена и издана самим З.П. Ждановым. Он оплачивал все типографские затраты, занимался рассылкой как первого, так и второго ее издания, платил за объявления о выходе книги в разных газетах. А.И. Репьев являлся только доверенным лицом банкирского дома «Захарий Жданов и К^о»²⁶. Согласно версии «Биржевого ежесеместника», Жданов выкупил книгу у настоящего автора, немного изменил ее, во всяком случае последнюю страницу. Затем Жданов передал продажу книги Никольской артели, председателем правления которой состоял его доверенный — А.И. Репьев²⁷.

Вскоре Жданов приобрел славу самого ловкого и удачливого биржевого дельца, клиенты считали его «умной головой и гением»²⁸. Он умело держал в своих руках судьбу многих акций и процентных бумаг, очень ловко «взвинчивал и развинчивал» их цены на бирже. Смело и уверенно, с широким размахом и риском он всевозможными средствами давил на биржу. Для подъема цен закупал акции на миллионы, для понижения на такие же суммы их продавал. Азартный по натуре, он во всех ситуациях сохранял спокойствие, вовремя покупал и сбывал товар и поэтому почти всегда оставался в выигрыше. За какие-то пять лет Жданов превратился в почти легендарную личность. Он богат, знаменит, его имя у многих на слуху и устах. Его сравнивали с покойным директором Петербургского Международного банка А.Ю. Ротштейном, который в свое время

также имел громадное влияние на бирже, и такими «биржевыми хищниками», как Алчевский, Френкель, Поляков, Голубев, Петровский, Мураший²⁹.

Однако, несмотря на то что значительная часть представителей финансовых учреждений и биржевых дельцов совершали со Ждановым крупные сделки, особым доверием он не пользовался. Сам Жданов, в свою очередь, особой дружбы также ни с кем не поддерживал, поскольку не любил никого посвящать в свои дела и тайны³⁰. В приятельских отношениях Жданов, пожалуй, был лишь с И.О. Шатилем. Самым верным помощником Жданова была его сестра Мария Петровна, которую он считал своей правой рукой; ее иногда называли «прототипом своего брата». Это была старая дева, фельдшер-акушер по образованию. Она, как доверенная банкирского дома «Захарий Жданов и К°», заменяла брата в банке, когда он уезжал за границу. Во время отсутствия Жданова сестра подписывала все бумаги³¹.

Одной из любимейших биржевых бумаг Жданова были акции Ленского золотопромышленного товарищества. Он первым обратил внимание на эту бумагу, популяризовал ее на бирже, открыл для нее широкий рынок, доведя ее курс с 1000 до 5000—6000 руб. Недаром ленские акции называли «Еленой Захаровной», а самого Жданова — «крестным Леночки». По некоторым оценкам, он даже в 1913 г., после печально известных событий, имел около 7000 штук акций Ленского золотопромышленного товарищества³². Еще с десяток бумаг были обязаны своим размещением и распространением среди широких кругов «публики» тому же Жданову. Не раз одного слуха о том, что Жданов покупает ту или иную бумагу, было достаточно, чтобы создать для нее огромный спрос.

Начав спекуляцию на повышение ленских акций, Жданов заручился поддержкой некоторых сановников и чинов полиции, которым в благодарность помог выиграть на них по 100 тыс. руб. и более. Особенно энергично Жданов повел игру с ленскими акциями, когда из неофициальных источников узнал, что товариществу грозит ликвидация. Тут он столкнулся с интересами другого петербургского банкирского дома — «Кафталь, Гандельман и К°», который, опираясь на некоторые крупные акционерные банки, вел с теми же ленскими акциями игру на понижение, желая скупить как можно больше этих бумаг по возможно более низкой цене. Между соперниками велась упорная борьба с переменным успехом, но победа осталась за повышателями³³.

Профессор И.Х. Озеров вспоминал: «Жданов ходил по банкам и справлялся, сколько акций у них Ленского товарищества, принадлежащих клиентам, и сколько — банку, и за сговоренную плату услов-

ливался, что банк своих акций до известного назначенного срока не выпустит на биржу или вообще не выпустит их на биржу, а обязуется продать их Жданову же, а тот дает обязательство их купить по установленной цене, по цене, конечно, выше много теперешнего дня...

Итак, заперев акции в банках и зная количество, которое может быть выброшено при повышении, Жданов скупает акции, где только может, но предварительно распространив через мелкую финансовую прессу дурные сведения о приисках, а накупив их по низкой цене, он начинает их поднимать. ...Пресса начинает муссировать слухи об улучшении дел на приисках и т. д., о самородках, о реорганизации дела, а затем он приходит на биржу и заявляет громогласно, что он покупает любое количество... а на следующий день он цену повышает... и опять: покупаю-де любое количество, и так делает день изо дня, повышая курс на известную сумму, хотя в предприятии ничего не произошло и ничего не обещало увеличения его дивидендов, чем определяется обычно курс акций»³⁴. Механизм несложный, но требующий немалых средств, влияния, выдержки и хладнокровия.

На многочисленные обвинения в спекуляции Жданов отвечал: «...биржа не церковь, не аудитория и не театр. Здесь не место для высоких эмоций и торжественных или нежных настроений. Здесь борьба. На бирже все равны, все свободны, и отвечает каждый за себя»³⁵. В одной из своих статей Жданов откровенно писал, что «само дело требует» от банков применять хищнические приемы: «Нельзя стоять в реке и не замочиться. Добыча сама плывет, нельзя же ее пропускать мимо рук... Потом ведь банкам надо же зарабатывать»³⁶.

В марте 1911 г. в банкирском заведении Захария Жданова открылась «вторая вольная биржа». К конторе, располагавшейся в доме на углу Невского и Владимирского пр., Жданов присоединил огромный зал в том же здании, купленный у крупной музыкальной фирмы за 20 тыс. руб.³⁷ В роскошном и удобном зале к услугам посетителей находился целый ряд телефонных кабинок, телеграф, имелись десятки слуг и рассыльных. Многие биржевики установили там свои собственные телефоны³⁸. Внебиржевые встречи в конторе Жданова быстро приобрели большую популярность. Более поздние часы собраний у Жданова, в отличие от официальной биржи, давали возможность «иметь в виду котировку и настроение» европейских бирж того же дня. Здесь присутствовали многочисленные посредники и представители банкирских заведений, были если и не все посетители биржи, то все биржевые спекулянты. К Жданову вскоре перебрались завсегдагаи негласной биржи, собиравшейся до этого в

помещении банкирского дома «Кафталъ, Гандельман и К^о». В отместку этот банкирский дом объявил войну Жданову и бумагам, в которых тот был заинтересован, и в первую очередь ленским акциям. Впрочем, результатами понижения воспользовался их оппонент, скупивший из «слабых рук» товар по сниженным ценам.

В финансовом мире банкирский дом «Кафталъ, Гандельман и К^о» имел репутацию «антагониста» «Захария Жданова и К^о». Если последнего называли «магом в деле повышения», то первого — «кудесником в деле понижения». Обоих считали «теми двумя китами, вокруг которых разыгрывались все перипетии биржевой игры, оба представляли два полюса той биржевой спекуляции, около которой вращалось колесо биржевого счастья, спекулятивной удачи»³⁹.

Другим конкурентом Жданова был А.И. Зейдман. Прежде чем основать свой банкирский дом, Зейдман около года служил в конторе «Захарий Жданов и К^о», откуда был уволен по просьбе сослуживцев, подавших коллективное заявление владельцу банка. Изучив изнутри деятельность банкирской конторы Жданова, Зейдман решил заняться травлей своего бывшего хозяина. В июньском номере издаваемого А.И. Зейдманом «Биржевого ежемесячника» за 1910 г. была напечатана переписка некоего недовольного онколиста с банкирским домом Жданова⁴⁰. Она представляла собой намеренный выпад против З.П. Жданова. До публикации шантажной переписки Зейдман отправил все письма Жданову для «исправления» или «возражения». Об этом он сам «с наивным цинизмом» уведомил читателей, умолчав лишь о содержании своей сопроводительной записки. Жданов, конечно, вернул все обратно без исправлений и без «приложения» откупных за непубликацию. Поэтому переписка и стала достоянием гласности⁴¹.

Жданов не брал плату за посещение своей «вольной биржи», посетителям даже бесплатно предлагался чай и разные мелкие услуги. За одно только помещение он ежегодно платил более 30 тыс. руб.⁴² Делал это Жданов, конечно, не бескорыстно. Все затраты покрывались искусственным изменением действительных биржевых расценок. Для удобства и легкости перехода от одних цен к другим Жданов практиковал весьма простой метод: покупал на официальной бирже небольшую партию своих же бумаг по очень дорогой цене и продавал такую же небольшую партию этих же бумаг по очень низкой цене. Услужливые маклеры отмечали обе сделки в официальном бюллетене, не выставляя справочных цен. Делал это Жданов уже в своей конторе. Этим приемом он облегчал для себя выполнение поручений клиентов конторы, которым при возражениях можно было показать котировку как официальный документ.

Этот «гениальный» по своей простоте прием позволял Жданову получать огромные барыши⁴³.

Даже искусственные в финансовых махинациях опытные биржевые дельцы уверяли, что ничто так не гипнотизирует и не вовлекает в невыгодные биржевые операции, как обстановка всеобщего азарта. На бирже, а особенно на «американке», в шумной толпе, подогреваемой в нужном направлении, было трудно удержаться, чтобы не последовать общему примеру. Операции совершались быстро, и решения принимались молниеносно. Порой не было даже времени что-то сообразить, обсудить и рассчитать. Иначе момент мог быть упущен. Эта ситуация азарта, гипнотизирующая чужим увлечением, заставляющая следовать общему примеру, создавала благоприятную для умелых игроков обстановку, которая успешно использовалась на аукционах в конторе Жданова.

Позже сам З.П. Жданов в цикле статей «За кулисами биржи» описал хорошо знакомые ему собрания «американской биржи»: «Возбуждения, оживления и темперамента здесь подчас даже больше. [...] Заработать “красненькую” на разнице, сбить цену, покрыть бланк, пустить сенсационную утку, учесть до большой биржи только что полученный “первый Берлин”, “первый Париж” и обработать на этой почве не успевших узнать и проверить настроение заграницы, выбить приказы — вот задача “Американки” (курсив источника. — П.Л.). Но и здесь не кончается “работа” биржевика-профессионала. После обеда он вновь мчится в какое-нибудь место сбора биржевиков — бывало, в дни процветания скетин-рингов, в скетин-ринг, на Марсово поле или на Каменноостровский, наконец, он “работал” по телефону»⁴⁴. Про «американку», устроенную в своей конторе, автор скромно умолчал.

З.П. Жданов, делясь своим опытом и знанием «закулисной стороны биржи», уверял, что «цены на бирже строит не Бог, не промышленная конъюнктура, не урожай, не денежное изобилие, не скудость, не мир и не войны — все это служит канвой для узора, а комбинации и махинации спекулятивной техникой тех, у кого в руках козыри и нити активной спекуляции»⁴⁵. Он был искренне убежден в том, что «цены в биржевом бюллетене не выражают собой действительной стоимости бумаг, как товары, а служат лишь определением игровой ставки на данную бумагу». Жданов образно и поэтично представлял изменение биржевых цен как «полет и трепетание в воздухе, пассивное порхание по воле ветров»⁴⁶. Информацией об этих закулисных биржевых махинациях банков он поделился с читателями газеты «Деньги»⁴⁷. По поводу литературных талантов «этого Хамелеона» журнал «Вопросы банков, биржи и финансов» отмечал, что он «пишет почище Хлестакова»⁴⁸.

В конце апреля 1911 г. Жданов воспользовался наивысшими биржевыми ценами и распродал не только свои, но и бумаги своих клиентов, заработав сразу несколько миллионов⁴⁹. В начале следующего года при новом подъеме Жданов сначала попробовал «пойти на понижение», но эта операция сорвалась, и тогда он «пошел на повышение». В июле—августе Жданов «закупился по высоким ценам» и, как сообщалось в прессе, «теперь сидит с товаром... и ходит угрюмым»⁵⁰.

Вынужденная ликвидация дела

В 1911 г. над Ждановым стали сгущаться тучи. Еще в 1909 г. Министерство финансов предприняло проверку банкирского дома «Захарий Жданов и К^о», обнаружило значительные злоупотребления. В материалах министерской проверки отмечалось, что для привлечения публики к биржевой игре использовалась самая широковетельная реклама в печати. По всей России и даже за границу рассылались в сотнях тысяч экземпляров проспекты, в которых рекомендовалась покупка выигрышных билетов и других биржевых бумаг. Расходы на такую рекламу достигали нескольких десятков тысяч рублей в год. Указывалось, что особое развитие получила продажа в рассрочку выигрышных билетов и в сравнительно непродолжительное время после открытия банкирского заведения Жданова обороты по этой операции достигли нескольких миллионов рублей. При этом вскрылись случаи залога ценных бумаг, принадлежащих клиентам и обеспечивающих их специальные текущие счета, без согласия вносителей и продажа этих бумаг, а также залог бумаг, внесенных на хранение. Утверждали, что Жданов даже платил тем, кто выигрывал, за то, чтобы они разрешили ему публиковать, что выигрышный билет был куплен именно у него в конторе, «хотя выигрышные билеты ничего о Жданове не слышали»⁵¹.

На основании этих полученных при ревизии данных министр финансов запретил банкирскому дому Жданова ряд операций. Это распоряжение было направлено местной полицейской власти. Однако предложение министра финансов о публичном объявлении запрещения не было осуществлено. Министр юстиции, запрошенный по этому вопросу, разъяснил, что такого права министру финансов законом не предоставлено. Поэтому банкирский дом «Захарий Жданов и К^о» продолжал публиковать объявления о производстве запрещенных ему операций, и Министерство финансов с трудом смогло осуществить свои требования⁵².

14 декабря 1909 г. Жданов обратился к министру финансов с ходатайством об отмене запрещения, находя его разорительным, но В.Н. Коковцов не признал возможным менять свое распоряжение. Осенью 1910 г. предварительное следствие против З.П. Жданова было прекращено Петербургским окружным судом, тем не менее в силе оставалось запрещение производить продажу билетов выигрышных займов с рассрочкой платежа, перезалог процентных бумаг, под которые выданы ссуды, в сумме, высшей против размера выданных ссуд, и открывать кредиты под обеспечение (специальные текущие счета). Это запрещение было объявлено Жданову под расписку, где Министерство финансов оговаривало, «что все вышеуказанные операции банкирскому дому Жданова запрещаются, под каким бы видом и наименованием они ни производились». Для ликвидации всех дел Жданову был дан годичный срок. Несмотря на это, в разных изданиях продолжали появляться объявления банкирского дома «Захарий Жданов и К^о», в том числе и об открытии онкольных счетов и продаже выигрышных билетов с рассрочкой платежа. Это и стало поводом для того, чтобы министр финансов 25 апреля 1911 г. через прокурора Петербургского суда вторично возбудил уголовное преследование Жданова за производство запрещенных операций. Спустя полгода Жданову была вручена повестка следователя с обвинениями в незаконной деятельности его банкирской конторы.

В мае 1911 г. судебный следователь по особо важным делам М.В. Белевцов начал предварительное следствие по рассмотрению поступавших жалоб на Жданова, обвинявшегося в обманах и мошенничествах. В его банкирской конторе был произведен обыск и изъяты книги за 1909 и 1910 гг., а также составленные на их основе отчеты и балансы на 1 января 1909, 1910 и 1911 гг. Эксперты, изучившие данные материалы, пришли к заключению, что Жданов все эти годы вопреки распоряжению министра финансов занимался запрещенными ему операциями. В своих объяснениях Жданов заявил, что, после того как окружной суд прекратил предварительное следствие, возбужденное по результатам первой министерской ревизии, он полагал, что имеет право заниматься всеми банкирскими операциями и поэтому продолжал их производить. Кроме того, Жданов заявил, что запрещение относилось к банкирскому дому «Захарий Жданов и К^о», но в декабре 1910 г. вместо него функционировало уже товарищество на вере под фирмой «Захарий Жданов и К^о». В его состав вошли два вкладчика: сам Захарий Жданов, внесший капитал в сумме 495000 руб., и его племянница, некая Александра Жданова, проживавшая в Вильно. Она внесла вклад в сумме 5000 руб. Характер нового товарищества был вполне ясен, и уголовное дело, возбужденное против Жданова, пошло своим чередом⁵³.

Особенная канцелярия по кредитной части предложила Жданову прекратить операции по продаже выигрышных билетов, пригрозив закрытием банкирского дома, и назначила ревизию конторы⁵⁴. Новая проверка подтвердила, что проданные на несколько миллионов билеты без согласия клиентов конторы закладывались в других кредитных учреждениях, а значительное количество застрахованных и вышедших в тираж билетов не было заменено новыми. Не оказалось в наличии и некоторых других наименований процентных бумаг, принятых от клиентов в обеспечение срочных ссуд. Эти бумаги были просто проданы на бирже⁵⁵.

По-видимому, дела обстояли столь серьезно, что З.П. Жданов предпочел сам приступить к ликвидации дел своего банкирского дома, не дожидаясь санкций Министерства финансов и коммерческого суда. 27 июля 1911 г. в газетах появилось сообщение, что из-за расстройства «здоровья основателя и главного руководителя фирмы, потомственного гражданина З.П. Жданова, банкирский дом с 28 июля... ликвидирует свою деятельность»⁵⁶. Сам Захарий Жданов объяснял закрытие своего учреждения тем, что правительство было недовольно «черной биржей», собиравшейся у него на лестнице, а также тем, что его «не прельщает перспектива инвалидности в 39 лет»⁵⁷. В «расстройство здоровья» Жданова поверили слабо, и в Петербурге ходили слухи, что он «на самом деле здоров, как Геркулес»⁵⁸.

Банкирскому дому «Захарий Жданов и К^о» предстояло ликвидировать массу онкольных счетов. Чтобы рассчитаться с клиентами по выгодным для себя низким ценам, Жданов заключил негласный договор с представителями неких двух московских банков и несколькими журналистами, среди которых главную роль играл П.Ф. Левдик. С целью сброса ценностей и удержания фондов заказывались статьи и даже была создана маленькая газетка «Голос Петербурга». Появились публикации с предостережениями публики. Даже М.И. Туган-Барановский — сознательно или нет, сказать трудно, — опубликовал статью с предсказанием скорого биржевого краха. Как следствие этой кампании началось понижение. Образовалась довольно сильная группа банков во главе с Международным коммерческим банком и с «Кафталем, Гандельманом и К^о» в хвосте. В результате Жданов достиг своей цели, рассчитав своих клиентов-онколистов по выгодным для себя ценам⁵⁹.

Жданова обвиняли в том, что он обобрал Калашниковский пивоваренный завод, Ленское золотопромышленное товарищество, Глухоозерский портланд-цементный завод, ограбил на понижении держателей акций Мальцовских заводов, Лианозовского товарище-

ства, Петербургского Частного коммерческого банка, Товарищества бр. Нобель, товарищества «Нефть» и др. Владелец банкирской конторы «В.Г. Беллин» А.Н. Трапезников, покончивший жизнь самоубийством, также отчасти был его жертвой.

Ранее в окружном суде заглохли два крупных дела против Жданова. Одно касалось предъявленного им векселя миллионеров Поповых, другое — посланных духоборами Канады 25000 руб., отправленных заказным письмом в банкирскую контору Жданова и пропавших неизвестно где. В производстве сыскной полиции осталось только дознание, якобы неумело проведенное чиновником А.С. Левиковым. Еще несколько дел, возбужденных в окружном суде против Жданова, либо исчезли, либо закончились ничем. Это давало повод для предположений о «большой дружбе» Жданова с прокурором⁶⁰.

Поиски новых сфер деятельности

Ликвидировав к осени 1912 г. дела своего банкирского дома, Жданов не оставил биржу. От его имени на бирже играли его бывший управляющий и доверенное лицо Д.А. Кокизов и несколько представителей разных банков. Жданов пытался устроиться в Англо-Русский банк, который выставил его учредителем, но его не утвердило Министерство финансов⁶¹. На какое-то время имя Жданова исчезло со страниц газет. Появившееся в конце сентября 1913 г. сообщение о его согласии баллотироваться в председатели правления Русского Торгово-промышленного банка было воспринято как сенсация. Пресса писала об этом как о пробуждении Жданова «после долгой спячки»⁶². Он посещал вечерние собрания в Сибирском банке. Согласно данным газеты «С.-Петербургский биржевой день», капитал З.П. Жданова превышал 4 млн руб.⁶³

Хотя Жданов уже не вел таких обширных банкирских операций, как прежде, но продолжал участвовать в различных биржевых синдикатах. Так, в конце 1913 г. на бирже уверяли, что Жданов вместе с «Кафталъ, Гандельман и К^о» дал большой бланк на мальцовские и глухоозерские акции⁶⁴. Задетый намеками в прессе на его «понижательную роль» и даже прямыми обвинениями, Жданов опубликовал в «Русском слове» возражение, местами не лишенное оригинальности. Он не допускал возможности, чтобы «в колоссальной организации биржи решающую роль могли играть несколько понижателей». Этой «устарелой теории» Жданов противопоставлял ряд «понижательных факторов» времени. Публикация была перепечатана другими изданиями⁶⁵.

31 января 1913 г. в Первом департаменте Сената была заслушана жалоба З.П. Жданова на распоряжение министра финансов, воспрепятствовавшего ему производству банкирских операций. Он считал, что запрет мог последовать лишь в случае установления злоупотреблений, но его банкирский дом не только не допускал их, но даже не совершил ни одного отступления от закона. Поэтому Жданов просил Сенат отменить распоряжение министра финансов. В.Н. Коковцов, в свою очередь, представил Сенату свой рапорт, в котором сообщалось, что проверка правительственной комиссией была вызвана множеством жалоб клиентов банкирского дома Жданова столичному градоначальнику Д.В. Драчевскому⁶⁶. Ревизией было обнаружено много самых разных нарушений, например при операциях с продажей выигрышных билетов. В их числе оказалось 125 билетов, вышедших в тираж и не замененных другими. Но особенно серьезные отступления были обнаружены по онкольным счетам. В наличие не оказалось процентных бумаг на 96725 руб. по номинальной цене, а по биржевой цене — на 121850 руб. Коковцов также обращал внимание сенаторов на то, что запрещение производить некоторые операции предоставлено на усмотрение министра финансов. Считая свое решение окончательным, он предложил не обсуждать жалобу Жданова и оставить ее без рассмотрения. Сенат не согласился с этими доводами, но, рассмотрев жалобу, решил оставить ее без последствий⁶⁷.

С января 1913 г. З.П. Жданов и А.И. Репьев (А. Ратьков) приступили к изданию ежедневной вечерней биржевой и финансово-экономической газеты «Биржевой день» с подзаголовком «Издание Захария Жданова». Однако вышло всего 6 номеров. В ноябре того же года газета, поменяв название на «С.-Петербургский биржевой день», перешла сначала к издательству «С.-Петербургского товарищества финансов» в лице Г.С. Короглуева, а затем к И.М. Эн-Янкову⁶⁸.

В том же 1913 г. З.П. Жданов совместно с А.Ф. Филипповым открыл на углу ул. Садовая и Невского просп. в доме № 13 контору под названием «Деньги»⁶⁹. Среди приглашенных на завтрак накануне открытия конторы был даже Г.Е. Распутин. В ноябре стала выходить ежедневная газета «Деньги», редактором которой был А.Ф. Филиппов, юрист по образованию, лишенный за громкие дела права практики, и журналист по профессии. Непосредственное участие в делах газеты принимал и Жданов, постоянно помещая статьи под рубрикой «За кулисами биржи», где довольно откровенно излагал механизм биржевой спекуляции и давал советы читателям. Газета издавалась восемь месяцев и получила «репутацию органа Захария Жданова»⁷⁰.

Изгнание с биржи

На состоявшемся 22 ноября 1913 г. в Особенной канцелярии по кредитной части совещании директоров петербургских банков было решено созвать специальное заседание Совета Фондового отдела Петербургской биржи для рассмотрения вопроса об участвовавших случаях «распространения на бирже заведомо ложных слухов с целью недобросовестного воздействия на курсы ценных бумаг, от которых страдают не только держатели бумаг, но и весь биржевой оборот»⁷¹. В биржевых кругах определенно говорили, что совещание начнется с постановления об исключении из числа членов биржи некоторых «заведомых аферисто-понижателей», в том числе З.П. Жданова⁷².

На имя исполнявшего обязанности председателя Петербургского биржевого комитета А.И. Вышнеградского из Особенной канцелярии по кредитной части поступило письмо с поручением «выяснить, кто именно из членов и посетителей биржи прибегает к... предосудительным приемам»⁷³. В образованную комиссию Совета Фондового отдела вошли А.А. Давидов, О.С. Берсон, Г.Д. Лесин и Л.О. Ульрих. Обсуждение письма директора Особенной канцелярии по кредитной части Л.Ф. Давыдова происходило в обстановке строгой секретности: был даже удален секретарь Совета⁷⁴.

После двух заседаний, 25 и 27 ноября, комиссия пришла к заключению, что «она не видит для себя путей и средств, которые могли бы привести ее к установлению лиц, виновных в распространении возникавших в последнее время заведомо ложных слухов»⁷⁵. Комиссия исходила из того, что биржа сама по себе уже «служит естественной ареной борьбы между покупателями и продавцами, где ежеминутно возникают из неведомых источников различного рода слухи, где участники борьбы обмениваются мимолетными деловыми разговорами, стремятся: одни дешевле купить, другие дороже продать»⁷⁶. В протоколе комиссии отмечалось: «В этой борьбе интересов возникают одинаковые слухи, имеющие повышательные цели, так и слухи, стремящиеся уронить курс... последние даже менее опасны, чем первые, так как они тотчас же вызывают опровержения со стороны заинтересованных лиц и учреждений, тогда как первые всегда остаются без возражения»⁷⁷. Упомянулось, что каких-либо заявлений о распространении на бирже «заведомо ложных слухов» в Совет Фондового отдела никогда ни от кого не поступало. Гораздо большую опасность, по мнению членов комиссии, представляли слухи, распространяемые вне биржи, влиявшие непосредственно на «публику», легче расположенную к восприятию разных известий из-за своей неосведомленности⁷⁸.

Члены комиссии опасались, что применение любых карательных мер «в условиях биржевой обстановки... легко может повлечь за собой необоснованные доносы, клеветы, создать благоприятную обстановку для сведения личных счетов и отвлечь многих серьезных деятелей биржи от посещения из опасения возможности быть вовлеченными к допросам, в свидетели и т. д.»⁷⁹ Выводы комиссии были поддержаны Советом Фондового отдела и отосланы в Особенную канцелярию по кредитной части.

Тем не менее, под давлением Министерства финансов и некоторых крупных банков, несмотря на выводы комиссии, 27 мая 1914 г. Совет Фондового отдела Петербургской биржи постановил: З.П. Жданова исключить из действительных членов отдела с 1 июня⁸⁰. Жданову инкриминировалось постоянное участие в игре на понижение ценных бумаг на фондовой бирже.

8 июня 1914 г. Жданов подал жалобу в Министерство финансов на необоснованное постановление Совета Фондового отдела. Он указывал, что ему «не было предъявлено определенно сформулированного обвинения» и не затребовано никакого объяснения⁸¹. Поскольку Советом отдела эти упущения не отрицались, то сменивший В.Н. Коковцова на посту министра финансов П.Л. Барк велел передать дело Жданова на новое рассмотрение Совета. На этот раз были подготовлены справки, из которых следовало, что в течение последних лет постоянно поступали многочисленные жалобы на не принятые З.П. Ждановым сделки. Оказалось, что в 1909 г. их было 19, в 1910 г. — 17, в 1911 г. — 3, в 1912 г. — 2, в 1913 г. — 4 сделки⁸². К справкам было приложено письмо, поступившее в Совет Фондового отдела от петербургского купца 2-й гильдии М.А. Шоломсона, в котором тот писал, что немало пострадал от проделок Жданова и его компании и хорошо знаком с их уловками. «Как лицо, которое явилось жертвой этих проделок», он соглашался дать сведения о биржевых спекуляциях Жданова⁸³.

Еще в 1910 г. М.А. Шоломсон обвинял Жданова в обмане, «неправильных в отношении его действиях» и в неуплате ему его же денег⁸⁴. А в 1912 г., во время следствия по делу Ленских событий, все тот же Шоломсон дал показания, в которых «высказал свои личные соображения о причинах, вызвавших Ленскую забастовку»⁸⁵. Он сообщил, что еще с декабря 1911 г. З.П. Жданов неоднократно хвастал на бирже о своем желании уронить акции Ленского товарищества с 4000 руб. до 1500, максимум до 2000 руб. И все это время он «бланировал “Лену”», или, другими словами, играл на понижение. Из этого Шоломсон делал предположение о возможной причастности Жданова к организации забастовки. Свидетелями «хвастовства» Жданова он назвал постоянно бывающих на фондовой бирже

Е.И. Херкуса и Н.Д. Берковича. Кроме Жданова, М.А. Шоломсон указал также на банкирские дома «Маврикий Нелькен» и «Кафтал, Гандельман и К^о», которые, по его мнению, могли снабжать того деньгами для агитации среди рабочих Ленских приисков. О близости этих банкирских заведений Шоломсон судил по их общим интересам на бирже, у них же был открыт онкольный счет Жданова⁸⁶. Впрочем, следствие серьезно к этим показаниям не отнеслось. Было понятно, что Шоломсон очень обижен на Жданова. Впрочем, в распоряжении биржевого комитета имелось немало других претензий и жалоб на З.П. Жданова⁸⁷.

13 июня 1914 г. Совет Фондового отдела вторично постановил исключить З.П. Жданова из числа действительных членов «навсегда за признанную... вредную деятельность»⁸⁸. Вопрос был решен закрытой баллотировкой шарами. Из 12 членов Совета «все 12 голосовали за исключение Жданова»⁸⁹. Жданов свое увольнение расценил как несправедливость.

Отметим следующее обстоятельство: полагали, что именно Жданов был причастен к снятию Коковцова, на которого он затаил обиду, с поста министра финансов. С Коковцовым ушел в отставку и директор Особенной канцелярии по кредитной части Л.Ф. Давыдов. Ему была предложена должность в Русском для внешней торговли банке. Однако Давыдову пришлось столкнуться с оппозицией бывших банкиров во главе с З.П. Ждановым. На бирже говорили, что бывшие владельцы банкирских контор, закрытых в бытность Л.Ф. Давыдова директором Особенной канцелярии по кредитной части, решили скупить по возможности большее количество акций этого банка, чтобы иметь за собой значительное число голосов на предстоящем общем собрании его акционеров. Одновременный подъем цен акций Руссенбанка на бирже были склонны объяснять именно их скупкой в России и за границей для «ценза» на общем собрании его акционеров⁹⁰.

Оказавшись не у дел, Жданов отправился путешествовать на Восток. Какое-то время у нем ничего не было слышно. Вернувшись из-за границы в 1914 г., перед войной, Жданов за 200000 руб. купил у инженера Спиридонова «Ижевский источник», создав акционерное общество Спиридоновских минеральных вод. Основной капитал общества, директором которого числился А.И. Репьев, а председателем — якобы отец Жданова Голяшкин, составлял 300000 руб. Пресса по этому поводу иронизировала: раньше была «Елена Захаровна», а теперь будет «Спиридон Захарович»⁹¹! Однако через два года Жданов продал половину предприятия Французскому банку, директором которого в то время был Д.Л. Рубинштейн. Сумма продажи составляла уже 5000000 руб. Однако через год Жданов выкупил эту

половину у банка и до самой революции владел источником один. До войны он купил также большую дачу в 20 комнат с участком земли в Старом Петергофе, в так называемом «Заячьем ремизе», по ул. Садовая, д. 1. Сюда в 1915 г. в специально заказанных вагонах Жданов привозил гостей на свою серебряную свадьбу.

«Третья молодость» Жданова

В годы Первой мировой войны экс-банкир З.П. Жданов опять стал пользоваться среди воротил «кулисы» большим влиянием. Он прилагал все усилия, чтобы официально попасть на биржу, но его старания были безуспешны. Министерства финансов и торговли и промышленности оставались резко настроены против него⁹². Однако на собрания частной неофициальной биржи Жданов имел свободный допуск⁹³.

Входя в разные организуемые им биржевые синдикаты, З.П. Жданов занимался спекуляциями с лотерейными билетами, акциями Беккера, бакинскими, донецко-юрьевскими и др., то понижая, то повышая их. В прессе даже стали писать о наступившей «третьей молодости Захария Жданова»⁹⁴. Журнал «Биржа за неделю» опубликовал статью, в которой сообщалось, что «небезызвестный спекулянт З. Жданов в компании с Манусом» организовал синдикат, поставив цель, кроме скупки выигрышных билетов, также играть на повышение или понижение, смотря по обстоятельствам⁹⁵. В другом номере этого же журнала было написано: «Захарий Петрович Жданов, Дмитрий Львович Рубинштейн и Игнатий Порфирьевич Манус — это три беспардонных кита самой новейшей предпринимательской и “комбинаторской” марки в русском финансово-биржевом океане»⁹⁶.

В 1916 г. в ряде газет публиковались объявления следующего содержания: «Покупаю дома и участки земли в Петрограде за наличный расчет. Предложения только письменно с указанием адреса и времени осмотра. По осмотре, если предложение будет подходить, назначу время для переговоров. Предложения исключительны по своей выгодности, будь то мелкие или крупные, быстро закончу. Дело понимаю, почему и прошу взаимно не затруднять предложениями неинтересными». Объявления принадлежали З.П. Жданову, который не таясь указывал свою фамилию и домашний адрес. В годы войны сильно упали цены на недвижимость, и в то же время появилось значительное ее предложение, чем решил воспользоваться Жданов.

Размах операций, конечно, уже был не тот, что прежде, вновь стали появляться публикации, в которых сообщалось об «уходе на

покой» Жданова, его добровольном или вынужденном «устранении от широких дел»⁹⁷. Последним крупным коммерческим делом Жданова накануне Февральской революции была покупка театра-сада «Аквариум». Договор был заключен уже при Временном правительстве на 12 лет. На этом деле Жданов потерял до 200000 руб.⁹⁸

В период до октября 1917 г. Жданов снова проявил особую активность. По словам самого Жданова, в условиях понижения стоимости рубля у него появилось желание все имеющиеся у него наличные деньги обратить в ценные бумаги. Главным образом он скупал облигации Петроградского кредитного общества, которых у него накопилось на сумму около 1 млн руб. по номинальной стоимости. Приобретал он также бумаги тех предприятий, в делах которых был заинтересован, например Петроградского Частного ломбарда, Общества для заключения движимого имущества и др.⁹⁹

Жданов покупал не только наличные бумаги, но и онкольные счета. Так, начале 1917 г. он приобрел разные бумаги, хранящиеся на текущем счету В.И. Карепанова в Азовско-Донском банке. В 1922 г. для их получения Жданов составил заявление в этот банк от имени Карепанова, которое сам же подписал. Нотариус Рачинский задним числом фиктивно засвидетельствовал эту бумагу¹⁰⁰.

Аресты и выживание

В архиве Управления ФСБ Санкт-Петербурга удалось обнаружить уголовное дело З.П. Жданова. Из него следует, что в 1918 г. Жданова задерживали до 9 раз, причем во время обысков в квартире всегда искали ценности, но ни разу таковых не обнаружили. При одном из обысков сотрудники ВЧК изъяли духовное завешание Жданова, в котором тот все свое имущество завещал на нужды просвещения крестьян Ярославской губернии. Это завешание было составлено еще в 1912 г. и засвидетельствовано нотариусом Начурским. Обыски были и на дачах Жданова в Павловске и в Старом Петергофе.

В июне 1918 г. Жданова по делу «Каморра народной расправы над евреями» разыскивала Петроградская ЧК, для чего устраивала засады у него на квартире в Чернышевском пер., д. 18. Какое-то время Жданов скрывался на квартире своей любовницы, солистки балета Мариинского театра Л.Н. Муромской, проживавшей на углу ул. Знаменская (д. 44) и ул. Кировная. С ней Жданов познакомился еще в 1914 г. Однажды после разговора по телефону со своей сестрой Жданов приехал домой и был арестован. Около 8 месяцев его держали сначала в ЧК на Гороховой, потом в «Крестах». Дело вел

М.С. Урицкий, который неоднократно допрашивал задержанного. Заболевшего Жданова перевели в лазарет дома предварительного заключения.

Во время следствия жене, сестре и любовнице Жданова делались предложения о содействии в его освобождении за деньги. Муромская сообщила в ВЧК, что бывший гусарский офицер Покровский за 1 млн руб. настойчиво предлагал помочь в этом. Кроме него предлагал свои услуги другой бывший офицер, некий Алексеев. Муромская добилась свидания с одним из руководителей Петроградской ЧК Г.И. Бокия, которому сообщила о предложениях шантажистов. Их арестовали на квартире Муромской, после чего вымогательства прекратились. После встречи с Г.И. Бокия Муромская была совершенно уверена в скором освобождении Жданова.

За Жданова брался хлопотать некий А.Н. Михель (он же — Тихомиров), также бывший офицер, уверявший Муромскую, что хорошо знает Ф.Э. Дзержинского и даже бывает у него на квартире. Позже он говорил, что спас Жданову жизнь¹⁰¹.

Сам Урицкий звонил Александре Яковлевне, жене Жданова, чтобы узнать, не получала ли она подобного предложения. Та сообщила, что к ней обращалась какая-то женщина, но она отказалась от ее услуг. (Впрочем, она точно не помнила, было это до звонка Урицкого или после.) Сестра Жданова также сообщала, что к ней несколько раз приходил бывший биржевик К.Д. Шарыпкин, предлагавший свести ее со следователем ЧК, который ведет дело Жданова. Фамилию следователя М.П. Жданова точно не помнила, кроме того, что она была короткая и иностранная¹⁰². Позже ей называли фамилии сотрудников ЧК Байковского, Галевского, Владимирова, Геллера и Кедрова, но она их не вспомнила. Не мог вспомнить эти фамилии и З.П. Жданов, которому их также называли.

Каких-либо доказательств участия З.П. Жданова в организации «Каморры народной расправы» или ее финансировании следствие не обнаружило, и он был освобожден без последствий уже после убийства Урицкого, по распоряжению руководства Петроградского ЧК — Г.И. Бокия или В.Н. Яковлевой. Свое освобождение он объяснял тем, что никогда не увлекался политикой. По утверждению Жданова, по делу «Каморры народной расправы» расстреляли несколько человек, среди них были владелец торгового дома В.П. Мухин и художник Злотников.

Во время следствия А.Ф. Филиппов, сотрудничавший с ВЧК, показал, что З.П. Жданов раньше интересовался только биржей и деньгами, а не политикой. По его утверждению, жертвовать на какую бы то ни было организацию, правую или левую, Жданов бы не стал. Филиппов рассказал, как Жданов еще до революции однажды

заплатил шантажистам, донимавшим его какими-то разоблачениями, да и то не более 6 тыс. руб.¹⁰³

В годы революции и Гражданской войны Жданову удалось спасти часть своего имущества и капитала. Опасаясь конфискации, он фиктивно продал свою квартиру норвежскому подданному, представителю одной автомобильной фирмы на Каменноостровском просп. О.О. Серку, официально заверив сделку у нотариуса. Это давало возможность на дверях квартиры повесить табличку о том, что она является собственностью, находящейся под охраной норвежского консульства. На допросах в ОГПУ Жданов объяснял, что его, как и многих состоятельных горожан, в начале 1918 г. охватил какой-то общий психоз стать под защиту какого-нибудь иностранца, поэтому он также передал квартиру под охрану иностранного подданного. Позже Серк также через нотариуса вернул квартиру со всем имуществом в собственность сестре Жданова¹⁰⁴.

Что-то находилось на счетах Жданова за границей, какие-то ценности он успел извлечь из петроградских банков и закопать на своих дачах в Павловске и Петергофе. Так, при помощи комиссара Сибирского банка К.Д. Шарыпкина, заведующего сейфами, бывшего своего служащего, Жданову в 1919 г. удалось извлечь и вывести ночью ценности и бумаги, хранившиеся в сейфах банка. У Жданова, согласно его показаниям, имелись два сейфа в «Лионском кредите» и один в Сибирском банке. Свои сейфы были в Московском Купеческом банке у жены и в Сибирском Торговом банке у сестры Жданова. При помощи того же Шарыпкина они так же нелегально вернули свои ценности. Среди бумаг сестры Жданова было обнаружено извещение, датированное 16 июля 1919 г., о том «что из сейфа № 659, принадлежащего в бывшем Сибирском Торговом банке гражданке М.П. Ждановой, изъяты процентные и дивидендные бумаги для направления в северо-областную окружную контору Нарбанка, подписанное комиссаром Шарыпкиным» Какие-то ценности Шарыпкин сам принес на квартиру М.П. Ждановой.

Сам Жданов вспоминал, что однажды в 1918 г., до своего ареста, он был вызван повесткой в Сибирский банк, где при осмотре ящиков ему официально были выданы около 8 серебряных руб. и золотой полтинник. Хранившиеся там старинные золотые и серебряные монеты были вытряхнуты в общий ящик. В банке Жданов встретил Шарыпкина, которому сообщил, что получил несколько монет, а в сейфах остались еще акции Международного банка и др. Шарыпкин пообещал прислать Жданову все бумаги и ценности, а последний дал ему ключи от сейфов¹⁰⁵.

В.Г. Деранков утверждал, что Жданов через директора Волжско-Камского банка сумел перевести в Париж 800000 фр.¹⁰⁶ Жена Жда-

нова вспоминала, что в 1920 или 1921 г. по просьбе мужа писала ответ на письмо, пришедшее из Парижа от Шкаффа. В нем шла речь о счете Жданова в одном из парижских банков и долге другому¹⁰⁷.

К делу Жданова приобщены несколько телеграмм в Париж адвокату Полю Гею, биржевым фирмам Жюля Страуса, Грюнберга Флера, Брандейса, Деляной. Брандейс оставался должен Жданову 400000 фр., Деляной — 100000 фр., Жюль Страус — 100000 фр. Фирме Грюнберга Флера Жданов был должен 75000 фр. В этих телеграммах Жданов поручал адвокату П. Гею ликвидировать все его счета. По совету Шкаффа комиссия по взысканиям долгов была определена в размере 7% со всех сумм. Жданов просил инкассировать все причитающиеся ему суммы и погасить счет по дебету у Грюнберга Флера, а оставшуюся сумму перевести в рублях телеграфом через «Лионский кредит» ему в Петербург.

В деле Жданова имеется также письмо М.В. Пилацкого от 6 марта 1924 г. Бывший петроградский биржевой маклер в эмиграции открыл во Франции банкирский дом «Кредит Востока и Парижа» с капиталом 5 млн фр. Содействие Пилацкому оказали его отец и бывший директор Русско-Азиатского банка А.З. Иванов. Предполагалось, что, кроме ведения банковских операций, дом будет заниматься созданием и финансированием предприятий на Востоке и Дальнем Востоке, особенно на территориях бывшей Российской империи и в пограничных странах. Пилацкий, вспоминая прежнее сотрудничество, предлагал Жданову свое посредничество в его коммерческих операциях во Франции, если таковые случатся¹⁰⁸. На допросах в ОГПУ Жданов утверждал, что за 13 лет получил только одно письмо Пилацкого, при этом не в ответ на его запрос, а как сообщение циркулярного характера. Никакого ответа, утверждал Жданов, он не давал¹⁰⁹.

Из документов ОГПУ следует, что второй раз З.П. Жданов был арестован в ноябре 1919 г. за проживание под чужим именем Ивана Михайловича Михайлова. С октября 1918 г. он скрывался в полутора верстах от станции Чаща на хуторе Зверино у Г.О. Загуляева как десятник по заготовке дров. Местные полагали, что это городской житель, приехавший в деревню подкормиться. Вспоминали, как он ходил в рваных брюках, грязной рубаше и все время ловил рыбу.

Вместе со Ждановым на хуторе жили его любовница (вторая жена) Л.Н. Муромская и ее сын Михаил. Инициатива уехать в деревню исходила от нее. Муромская полагала, что, если они останутся в Петрограде, Жданов не утерпит и снова примется за свои старые дела. Когда на хутор приехал агент ВЧК, чтобы арестовать Жданова, Муромская заявила, что его нет дома. Жданов, по-видимому, хотел бежать, но не успел, его обнаружили прячущимся во

дворе. Во время обыска у Жданова были обнаружены 5000 финских марок, которые, как он уверял, были получены в качестве гонорара от доктора Габриловича, с которым являлся совладельцем санатория «Рауха» на станции Иматра (Финляндия). В этот санаторий Жданов вложил 320000 финских марок, с чего получал дивиденд 5%. За проживание под чужим именем и предложение взятки конвоиру Жданов был приговорен к принудительным работам сроком до снятия военного положения в Петроградской губернии. Впрочем, Жданов утверждал, что под фамилией Михайлова никогда не прописывался и жил под ней только один день.

Л.Н. Муромская после ареста Жданова вернулась в Петроград на свою бывшую квартиру. Не имея средств к существованию, она решила вернуться в театр. Через полгода, 17 апреля 1920 г., Жданов был освобожден досрочно ввиду изменившегося политического положения. В первый день после его возвращения в Петроград Муромская объявила о разрыве их отношений. Жданов был поражен до такой степени, что какое-то время не мог говорить, затем, овладев собой, спросил свои золотые часы с цепочкой и ушел. Потом он еще раз приходил к Муромской, чтобы забрать свой янтарный мундштук в виде трубки, оправленной в золото и платину. Встреча закончилась выяснением отношений. Муромская требовала вернуть ее бриллианты, которые отдала Жданову, ставя под сомнение его слова, что тот их продал и купил для нее дом и дачу. В общем, Муромская наговорила много колкостей, чем сильно задела Жданова.

В уголовном деле имеется письмо Жданова, которое он написал Муромской в мае 1920 г.¹¹⁰ В этом письме он упрекал свою бывшую любовницу в том, что она «разбила его жизнь», что обманула, когда обещала быть верной женой и другом. Жданов вспоминал слова Муромской, называвшей его «Богом», «героем», «заслонявшим для нее весь мир». Он, в свою очередь, «потерял голову» от любви, боготворил только ее. Называл день знакомства «одним из счастливейших» и одновременно «одним их несчастливейших, проклятых дней своей жизни». Более того, Жданов обвинял Муромскую и ее нового любовника Н.Е. Королева в том, что своим последним арестом и 6-месячным лишением свободы был обязан только им. Письмо было полно обидных и резких выражений, сильно оскорбивших Муромскую. Так, Жданов предостерегал ее от дальнейших авантур и «эротических экспериментов», которые до добра не доведут. Муромская хотела вернуть письмо Жданову, о чем несколько раз просила Королева. Тот вернул письмо, но уже после смерти Муромской.

Муромская неоднократно жаловалась Королеву на то, что в театре ведутся разговоры о том, что она состоит агентом ВЧК, и поэтому

коллеги ее сторонятся. Муромская полагала, что эти слухи — дело рук Жданова, желавшего ей отомстить. Она сильно изменилась, стала неузнаваемой, замкнутой. Здоровье Муромской быстро расшатывалось, она боялась всего, ее страшили тишина, темнота, тени, она проявляла признаки недоверия ко всем. Целыми днями она лежала в постели и курила. Чтобы избавить Муромскую от страхов, Королев приучил ее к морфию. Вместе с ним Муромская увлеклась спиритизмом и черной магией. Никакие уговоры обратиться к врачу на нее не действовали. Муромская пыталась выступить, как-то раз танцевала очень скверно, и публика проводила ее молчанием. В конце концов Муромская попыталась покончить с собой; позже уверяла, что совершенно не помнит, как это произошло, очнувшись на полу с обрывком шнура от вентилятора. Через несколько дней, 4 октября 1920 г., во время отсутствия Королева, она повесилась на проводе электрической лампы. Во время следствия по делу Жданова в 1931 г. следователь Троицкий задал Королеву вопрос: когда и каким образом Жданов поручил ему умертвить Муромскую или довести ее до самоубийства? Тот ответил, что никогда об этом они не говорили. Более того, Королев утверждал, что Жданов был искренне огорчен и взволнован, когда узнал о смерти Муромской, и долго расспрашивал о последних днях ее жизни¹¹¹. (В том же 1920 г. умерла другая бывшая сожительница Жданова — Л.П. Тулупова-Семенова.)

Трудно сказать, чем занимался З.П. Жданов в 1919—1921 гг.; сам он уверял, что с 1919 г. болел. На вопрос, почему он не уехал за границу, Жданов отвечал, что не знает языков и там у него мало денег¹¹².

В 1921—1922 г. Жданов числился артельщиком в одной из петроградских артелей¹¹³, но фактически продолжал свою прежнюю деятельность спекулянта-перекупщика. В эти годы он активно скупал аннулированные процентные бумаги, золотые монеты, бриллианты, меха, картины и другие ценные вещи. А.А. Мартинсон вспоминал, что после революции Жданов покупал все, что можно было купить за полцены. Он приобретал картины, но только хороших мастеров (в деле упоминались полотна Врубеля, Репина, Маковского, Тропинина, французские миниатюры начала XIX в.). Картины переправлялись в 1921—1922 гг. при посредничестве знакомого Жданова Ф.М. Горячева через эстонскую миссию. В описи имущества в городской квартире Жданова перечислены около сотни картин и акварелей таких художников, как Айвазовский, Бюнау, Брюллов, Верещагин, Клодт, Крамской, Коровин, Маковский, Серов, Суриков, Поленов, Шишкин и др.¹¹⁴ При виде золота, утверждал Мартинсон, Жданова начинало трясти и у него являлось непреодолимое желание купить увиденную вещь. Вес он мог опре-

делить рукой, как опытный ювелир. Ходили даже слухи, что Жданов покупал золото для ОГПУ¹¹⁵.

Где-то в конце 1921 — начале 1922 г. Жданову удалось приобрести большую партию мебели (кровати, столы стулья и пр.), которую он разместил при помощи своего знакомого в торговом помещении на ул. Большая Конюшенная. Дело, однако, оказалось невыгодным, и вскоре Жданов продал мебель через комиссионный магазин «Аполлон» себе в убыток.

О продаже, покупке и перепродаже в Петрограде/Ленинграде аннулированных акций, котирувавшихся на европейских биржах до середины 1920-х гг., известно из документов ОГПУ в связи с делом З.П. Жданова и др. В некоторых советских газетах, например «Красной газете», «Известиях ВЦИК», еще в начале 1920-х гг. публиковались объявления о продаже и покупке аннулированных облигаций Петроградского и Московского городских кредитных обществ. В объявлении говорилось, что желающих продать данные бумаги просят сообщить свой адрес с указанием количества и желаемой цены. Под объявлением был указан адрес берлинского Дойчебанка для Оскара Бахмана. Выяснилось, что в 1922 г. эти объявления подавал З.П. Жданов вместе с бывшим маклером А.А. Муром для отправки ценных бумаг, котирующихся на Берлинской фондовой бирже. Мура считали правой рукой Жданова. Целью публикации, как объяснял Жданов, было желание поднять котировочную цену этих бумаг. Переписка велась Муром, который был арестован ВЧК, отправлен в ссылку и через некоторое время умер. Жданов вскоре также был арестован, но по другому делу¹¹⁶.

Лица, которые имели акции и облигации кредитных обществ, охотно их продавали, поскольку многие окончательно убедились, что они ничего не стоят. Жданов скупал их, платя примерно 6 руб. за тысячу или 60 коп. за сторублевую акцию. Некая Е.А. Чеховская уверяла, что она продавала свои акции даже рубля по три за штуку¹¹⁷.

Король «черной биржи» и владелец «подземного банка»

В 1922 г. З.П. Жданов принимал активное участие в работе так называемой «черной биржи», являлся ее «королем»¹¹⁸. Вокруг него постоянно вились маклеры. Ему оказывал всяческую помощь сотрудник Государственного банка Л.М. Зандберг. Благодаря ему Жданов имел свободный доступ в Госбанк, который посещал по утрам до биржи и где узнавал настроение на предстоящий день. Полученные сведения он использовал на возобновившей свою работу

Петроградской бирже, а после ее окончания — на «черной бирже». По настоянию Зандберга «черная биржа» была перенесена с улицы на крышу гостиницы «Европейская».

Действовал Жданов весьма осторожно. При помощи своего приятеля, заведующего гостиницей Н.П. Глясса, он занял номер на 1-м этаже. В двух комнатах Жданов принимал приезжавших из Минска агентов по закупке золота. На официальной бирже действовали «жучки», которые, узнав о прибытии из Минска продавцов валюты, отправляли их к Жданову. Эта деятельность продолжалась до тех пор, пока Л.М. Зандберга не заменили на партийца, воспретившего Жданову вход в Госбанк и на официальную биржу, где были введены пропускные билеты. Это вынудило Жданова выехать из гостиницы и продолжить работу у себя на квартире. Иногда Жданов посещал кафе «Бристоль» или «Лор», где можно было купить и продать разные ценности. В клубе бывшего Учетно-ссудного банка, который также посещал Жданов, играли в карты на валюту и золото. Здесь же все это можно было купить или продать.

Жданов продолжал ежедневно приезжать в кафе гостиницы «Европейская» к 16 часам. Сюда после окончания биржи в 16.30 приходили к нему с отчетом о своих операциях маклеры. Тут же Жданов скупал у них валюту и золото. Реализация товара происходила уже на квартире Жданова после 19 часов. Особенно крупные операции Жданов вел через Б.О. Шатиля с его родственником инженером В. Осинским (оба были женаты на родных сестрах), директором-арендатором Чудовского цементного завода. Осинский, имея казенные деньги, давал их Шатилю, который скупал днем на бирже золото и валюту, а вечером реализовывал все у Жданова, получая комиссию с обеих сторон. В результате Осинский растратил огромную сумму, был выслан и отбывал наказание. Его драгоценности остались у Жданова.

Его человеком на бирже был маклер Ж. Эдельберг, плативший там самую высокую цену за золото, которое все шло к Жданову. На него работал бывший присяжный поверенный А.В. Зунделиович, ставший в 1922 г. биржевым маклером. На этих же условиях работал и И.О. Шатиль, к которому Жданов имел неограниченное доверие. В том же 1922 г. органами милиции был произведен обыск на квартире Жданова и арест нескольких валютчиков. Позже выяснилось, что у Жданова имелась сигнализация, и части присутствовавших лиц удалось скрыться. У хозяина почти ничего конфисковано не было. Всеми добытыми ценностями ведала сестра Жданова. Ей он полностью доверял, и она, как сама уверяла, беспрекословно выполняла все поручения брата. Полагали, что клад находится в доме Жданова в Слуцке (Павловске), который раньше был приобретен на

средства сыновей великого князя Константина, Сергея и Игоря, ведших разгульный образ жизни с артистками балета, или на даче в Старом Петергофе. За глаза Жданова стали называть владельцем «подземного банка»¹¹⁹. О спрятанном золоте говорили все знакомые Жданова, уверяя позже на допросах в ОГПУ, что слышали об этом от него самого. Жданов же сознался только в том, что в 1920 г. на даче в Павловске закопал металлическую коробку из-под печенья с серебряными столовыми приборами. Осенью в 1926 г. они были вырыты, а в 1927 г. — проданы.

В конце 1922 г. «в момент функционирования черной биржи» Жданов был арестован в третий раз. Обвиненный по статье 138 УК «в злостном и умышленном понижении курса червонца», на основании постановления комиссии НКВД от 23 марта 1923 г. он был выслан на родину в Ярославскую губ. сроком на 3 года. По отбытии срока, на основании постановления Особого совещания при Коллегии ОГПУ, Жданов был лишен права проживания в 6-ти пунктах и пограничных губерниях сроком на 3 года. Вернувшись раньше времени в Ленинград, Жданов легально прописался в Слуцке, у жены Александры Яковлевны, с которой с 1919 по 1925 г. был в разводе. Свое возвращение без разрешения ОГПУ Жданов объяснил следующим образом: якобы в Рыбинске от некоего Скребцова он узнал, что его брат досрочно был освобожден благодаря стараниям бывшего присяжного поверенного М.И. Михайлова, проживавшего в Детском Селе. Он списался с Михайловым, который за 250 руб. согласился помочь. Выслав ему 100 руб. задатка, Жданов получил телеграмму с извещением о своем досрочном освобождении. На этом основании он покинул Ярославскую губ., не известив местные органы, и вернулся в Слуцк¹²⁰.

С началом нэпа, после возвращения в Петроград Жданов вновь принялся за коммерческие операции. Играл на курсе золотого червонца, скупал аннулированные акции коммерческих предприятий, котирующиеся на иностранных биржах. По возможности Жданов переправлял за границу имеющиеся у него ценности. Так, при помощи бывшего присяжного поверенного В.И. Булавинцева и его жены, молодой и ловкой женщины, Жданов в 1925 г. отправил часть своих ценных бумаг и бриллиантов в Париж. По его просьбе после их реализации деньги должны были перевести на его текущий счет в Русско-Азиатский банк. Булавинцевы вернулись из Франции без денег и в результате поссорились со Ждановым¹²¹.

Занимался Жданов и ростовщичеством: принимал в залог золотые вещи и бриллианты. А.А. Окутин, одно время исполнявший у Жданова обязанности «сотрудника для поручений», сообщал о том, что его патрон интересовался всем, на чем можно заработать: про-

центными бумагами, золотом, бриллиантами и картинами. Квартиру Жданова постоянно посещали разные люди, желавшие продать ту или иную ценность¹²².

Бывший секретарь и помощник Жданова А.К. Яковлев в своих показаниях вспоминал, как тот любил похвастаться дешевой купленной вещью, которые затем перепродавал своим знакомым по более высокой цене. Несколько раз Жданов показывал ему некоторые приобретенные «по случаю» вещи, для чего звал свою сестру и просил ее принести ту вещь, которую дал ей накануне спрятать. Жданов «смаковал» покупку, вычислял, сколько на ней заработает, после чего, добившись похвалы, отдавал вещь обратно сестре на хранение. Яковлев, ссылаясь на слова Жданова, рассказывал, что некоторые приобретения были очень ценные. Желая их сохранить у себя, Жданов их не показывал, ссылаясь на то, что вещь убрана далеко и ее скоро не достать. Яковлев утверждал, что собственными глазами видел слиток золота, который Жданов спрятал в шкатулке с табаком, какие-то драгоценности он держал в верхнем ящике с правой стороны письменного стола, валюта хранилась в библиотечном шкафу между страницами книг. Он также припомнил, что видел у Жданова в ящике стола кубики золотых монет, завернутых в бумажку столбиками рублей по 200—300¹²³.

По словам И.К. Козака, знакомого Жданова, тот якобы утверждал, что после революции заработал в 10 раз больше, чем у него отобрали большевики. Жданов заявлял, что у его жены так много бриллиантов, что ими можно одеть ее с ног до головы. Козак на допросах в ОГПУ вспоминал, что жена Жданова как-то раз просила его уговорить мужа бросить спекулировать. Она говорила, что у них есть столько богатства, что хватит не только им до смерти, но и их потомству, если бы такое у них было. Другой знакомый утверждал, что не раз слышал, как Жданов сам хвалился, что ценностей ему хватит на всю жизнь¹²⁴.

Имея большое количество акций Виленского земельного банка, Жданов пытался выяснить, какова их стоимость за границей, через своего старого знакомого О.М. Ивантера, уроженца Вильно. До революции 250-рублевые акции этого банка стоили 700—800 руб., последняя их котировка на Петроградской бирже была 912 руб. Ивантер, в свою очередь, через бывшего директора Общества взаимного кредита С. Выгодского, также родом из Вильно, узнал, что срок представления этих акций уже прошел и они никакой цены там не имеют. Ивантер сообщил об этом Жданову и посоветовал вообще выбросить все акции¹²⁵, хотя сам Ивантер продал свои 5 акций банка по 10 руб. племяннику, который приезжал из Вильно в Ленинград¹²⁶.

В 1927 г. Жданов познакомился с ксендзом костела Св. Екатерины К.О. Величко, которому предложил приобрести имеющиеся у него акции Виленского земельного банка, хотя и аннулированные, но не потерявшие цену в Польше. Жданов также уверил его в том, что его акции на общем собрании банка представлял какой-то Монтивил или Кончи, заплативший за представление акций несколько рублей. Величко согласился узнать, можно ли акции отправить за границу и какова их стоимость. Когда Величко узнал, что акции банка номиналом в 250 руб. котируются на бирже Вильно по 102—105 польских злотых, он решил купить у Жданова 161 акцию, предложив по 6 долларов за каждую. После торговли сговорились на 15 долларах за акцию. Часть суммы Величко уплатил в английских фунтах сразу, часть должен был выплатить червонцами из расчета 5 руб. 25 коп. за доллар в течение двух лет. Акции были переправлены в Вильно при помощи Я. Лисовской, которая уезжала к мужу. Она должна была передать акции профессору Виленского университета Б. Жонголовичу, для того чтобы тот через своих знакомых Пяттера, Мейштовича и Шахно реализовал бумаги на бирже или в банке. Величко уверял, что хотел отвязаться от Жданова, а тому все казалось, что он продешевил с продажей, и постоянно спрашивал о стоимости акций в Вильно. Ксендз иногда давал Жданову варшавские газеты, но в них котировку акций Виленского земельного банка не печатали¹²⁷. Величко нуждался в деньгах, поскольку собирался уехать в Польшу в 1930 г.

Продавая акции, Жданов агитировал, что после падения советской власти на них можно будет заработать большие деньги¹²⁸. По подсчетам ОГПУ, в 1928 г. Жданов переправил за границу аннулированных процентных бумаг на 10000 долларов, а также бриллианты и другие ценности¹²⁹.

А.К. Яковлев вспоминал, что при встречах со Ждановым в начале 1930 г. неоднократно спрашивал его, на что он живет, если ничего не делает и нигде не работает. Тот отвечал, что выменивает «рыжики» и на это существует. На возражение, что до бесконечности нельзя менять золото, его просто-напросто не хватит и ему придется где-то служить, Жданов отвечал, что проживает не более 300—350 руб. в месяц и на такую сумму «рыжиков» у него хватит¹³⁰.

Тем не менее Жданов пытался найти работу. С этой целью он даже ездил в марте—апреле 1930 г. в Москву, где хотел устроиться комиссионером для распространения литературы и стекол для волшебных фонарей в Общество художников-реалистов (ОХР)¹³¹. Однако вернулся ни с чем, т. к. в ОХР не было человека, который мог бы утвердить Жданова на службу. Мысль о работе в ОХР Жданов не оставил и продолжал вести переговоры, считая такую службу для себя подходящей.

Последний арест и ссылка

16 мая 1930 г. Жданова арестовали в четвертый раз. Его задержали на просп. 25-го Октября (Невском просп.) около дома № 108, напротив ул. Марата. При обыске у него были изъяты кроме личных вещей несколько номеров белогвардейских газет «Вести дня», «Сегодня», «Сегодня вечером» за апрель—май 1930 г. На следующий день была задержана и арестована жена Жданова, а через два дня — сестра.

При обыске на квартире Жданова в Слуцке в столовой были обнаружены восемь пакетов с разными аннулированными процентными бумагами, одна пачка иностранной валюты, две пачки аннулированных дензнаков. В комнате в буфете нашли тридцать пакетов с процентными бумагами и разная переписка. В спальне были найдены еще одна спрятанная пачка с процентными бумагами и разные документы на недвижимость¹³². В описи изъятых акций и денежных обязательств значились 2013 наименований разных ценных бумаг на 1112475 руб. Среди них были акции и облигации городских кредитных обществ и ломбардов, железнодорожные, промышленные, нефтяные, банковские, страховые и государственные ценности¹³³.

На первом допросе Жданов сообщил, что в течение 26 лет являлся банкиром, добившись всего своим «личным трудом», с 13 лет работая «мальчиком» в частной типолитографии. Капитал его, составлявший в 1913 г. свыше 10 млн руб., находился преимущественно в недвижимости: участке земли размером в 5000 кв. саж. (10668 кв. м) и особняке на Каменноостровском просп., 5 домах, дачах в Павловске и Старом Петергофе (в конце 1919 г. последняя была реквизирована под детский санаторий, в 1921 г. там размещался дом рабочих, а с 1929 г. — дом отдыха ученых) и др. Кроме того, ему принадлежал Ижевский минеральный источник. На счету в Государственном банке находилось 4 млн руб. До революции в течение 28 лет жил в Петербурге/Петрограде в Чернышевом пер., д. 18, кв. 4. Ежегодно 3—4 раза в год по коммерческим делам выезжал за границу (Берлин, Лондон, Париж). Во Франции имел «аккредитовое сальдо» в 450 тыс. фр., образовавшееся от покупки и продажи ценных бумаг. После Октябрьской революции, по словам Жданова, все его имущество было конфисковано, за исключением «квартирных обстановок» в Чернышевом пер. и дачи в Павловске, но ее пришлось продать и обзавестись квартирой. С 1918 г. он жил, как уверял, на средства от продажи оставшегося имущества, вещей и ценностей (золота, бриллиантов)¹³⁴. На допросах утверждал, что никаким имуществом, кроме пиджака и брюк, в которых был аресто-

ван, не владеет. Вещи в квартирах в Слуцке и в Чернышевском принадлежат жене и сестре.

По сведениям чекистов, капитал Жданова до Октябрьской революции составлял 30 млн руб., некоторые свидетели называли цифру 40 млн руб., но таких личных капиталов, как известно, в то время не было ни у одного из российских капиталистов.

На первых допросах Жданов наотрез отказывался от того, что участвовал после Октябрьской революции в каких-либо биржевых или имущественных сделках. Он клялся, что ничего не продавал, не покупал, не обменивал, не закладывал и не отдавал на хранение; не субсидировал и не жертвовал средств никаким организациям. Уверял, что все эти годы не общался с бывшими биржевыми деятелями и владельцами ценного имущества ни в коммерческом, ни в личном смысле¹³⁵. Лишь под напором показаний разных лиц Жданов стал постепенно признаваться, но делал это в дополнение к своим прежним показаниям. Признавая себя частично виновным в предъявляемых ему обвинениях, Жданов до последнего отрицал скупку ценных вещей, золотых монет, золота и прочих ценностей, а также их хранение.

Свидетель А.М. Ивантер, знавший Жданова лет 30, уверял на допросе в ОГПУ, что «по характеру тот злой, скупой, любящий деньги, жадный на них», по политическим убеждениям — монархист, большой антисемит, недовольный советской властью. Инженер С.И. Николаев определил характерную черту Жданова как «любопытность во всем». Бывший маклер А.П. Домашев уверял, что Жданов «по характеру своему человек жадный, любит рисковать, смело смотрит опасности в глаза и такое дело, как контрабанда, ему, как говорят, плевое дело». Бывший биржевик И.О. Шатиль, считавшийся личным другом Жданова, на следствии отозвался о нем как о человеке по натуре скрытном и упрямом, твердого характера. Добровольно, полагал Шатиль, он о своих ценностях не скажет. Балерина Муромская (ее мнение о Жданове изложил Королев) отзывалась о нем как чрезвычайно алчным человеке и азартном биржевом игроке, признающем ценность только тех бумаг, которые легко подвергаются колебаниям. Их у него, по ее мнению, было очень много, на несколько миллионов рублей в золоте; что касается бриллиантов, то их у него было мало и он ими не дорожил. Он считал, что дело лучше иметь с ценными бумагами¹³⁶.

После предъявления 2 июня 1930 г. официального обвинения, состоявшего из 7 пунктов, и постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, Жданов признал себя виновным лишь частично. Это касалось только бесед с горным инженером С.И. Николаевым об аннулированных советской властью строительных акций и

продаже ему нескольких таких бумаг. Обвиняемый уверял, что монархистом никогда не был, политикой никогда не занимался и ни к какой партии не примыкал. Единственный раз, когда были всеобщие выборы, голосовал за кадетов в силу того, что на предвыборном собрании биржи большинство голосовало за эту партию¹³⁷.

В тюрьме Жданова навещала В.В. Васильева, его бывшая любовница. Она была допрошена следователем ОГПУ, которому сообщила о предложении Жданова после освобождения отблагодарить ее за внимание к нему. Это внимание он оценил в 100 тыс. руб. Васильева утверждала, что на свиданиях советовала Жданову отдать припрятанное. На это он ответил: «Если и отдать им миллион, все равно меня не выпустят и заберут не только то, что я отдам, но и все остальное»¹³⁸.

Из показаний М.П. Ждановой следовало, что лично ее в связи с арестами брата обыскивали не менее 5 раз. С октября 1918 г. она по просьбе брата жила в его бывшей квартире в Чернышевском пер. Каждый раз искали ценности, иностранную валюту и бриллианты, но ни разу не нашли. Ценными бумагами, принадлежавшими брату, как уверяла М.П. Жданова, она топила печь. Их количество ей было не известно¹³⁹.

Жданов был обвинен в связи с юристами и банкирами, бежавшими за границу, с целью сбора информации об экономическом положении СССР, и в частности о денежной способности аннулированных акций, имевших котировку на иностранных биржах; в том, что после Октябрьской революции систематически занимался скупкой упраздненных ценных бумаг и переправкой их нелегально за границу через частных лиц и иностранные консульства; в сбыте ценных картин, валюты и золотых монет; в изготовлении и распространении антисоветских листовок. Постановлением «тройки» Полномочного представительства (ПП) ОГПУ от 25 февраля 1931 г. Жданов был осужден по статьям 58—10, 59—9, 59—12 и 88 УК РСФСР, приговорен к 10 годам заключения в концлагере и сослан в Соловки. Жена и сестра Жданова, как его пособницы и укрывательницы ценностей, были высланы в Севкрай сроком на 3 года. В 1932 г. постановлением «тройки» ПП ОГПУ от 4 ноября дело З.П. Жданова было пересмотрено. Он был досрочно освобожден и выслан в Севкрай на 3 года¹⁴⁰. О его дальнейшей судьбе ничего не известно.

Несколько иначе поведал о последнем периоде жизни З.П. Жданова ленинградский чекист Ф.Т. Фомин. В своих воспоминаниях он утверждал, что спустя два года Жданов сумел бежать с Соловков и вернуться в Ленинград¹⁴¹. Человек он был достаточно заметный, и органам ОГПУ вскоре стало известно о его возвращении. Жданов

был арестован. Задержали и его любовницу Васильеву, у которой он скрывался. С ее слов стало известно, что Жданов где-то прячет 10 млн руб. золотом и собирается с ними бежать за границу. Следователям удалось сначала «убедить» Жданова перевести в фонд индустриализации 650 тыс. фр., хранящихся на его счету в Парижском банке, а затем его заставили показать место на даче, где были закопаны остальные ценности: валюта, акции и пр.¹⁴² Их стоимость, по утверждению Фомина, составляла только около 1 млн руб. На все просьбы и требования чекистов добровольно передать советской власти оставшиеся 8,5 млн руб. Жданов уверял, что отдал все и больше ничего не имеет. Были вызваны на очную ставку свидетели, которые помнили о его дореволюционных финансовых делах. Два старика, бывшие фондовые маклеры Петербургской биржи, подтвердили, что в свою бытность биржевиком Жданов оперировал обычно суммой в пределах 2 млн руб. Они заверили, что держать часть капитала мертвым фондом он бы не стал, не было резона. Капитал в обороте — это верный доход. Старики-маклеры также вспоминали, что Жданов особо и не скрывал свои капиталы и «любил..., грешным делом, себя показать». Опросы других свидетелей также подтверждали отсутствие других ценностей у Жданова¹⁴³. Следствие по делу было закрыто, а Жданова выслали на жительство в Архангельскую обл., где он вскоре и умер¹⁴⁴.

Возможно, старого чекиста на склоне лет подводила память, и некоторые детали он перепутал с фактами из других дел. Во всяком случае, в деле Жданова не упоминается о переводе денег из Парижского банка и изъятии закопанных драгоценностей. Но возможно, что эти детали не вошли по понятным причинам в официальное дело Жданова.

К З.П. Жданову можно относиться по-разному. Безусловно, он был типичным дельцом-спекулянтom — «биржевым шибером», «великим комбинатором», не брезговавшим ничем ради личного обогащения. Но несомненно и то, что это была личность колоритная, незаурядная, чрезвычайно энергичная и предприимчивая. Его жизнь, напоминавшая порой авантурный роман, была насыщена взлетами и падениями. Судьба З.П. Жданова на фоне произошедших в России исторических событий имела много общего с судьбами других «бывших непроститариев», оставшихся после Октябрьской революции на Родине.

В марте 2001 г. дело З.П. Жданова было пересмотрено Прокуратурой Ленинградской области. В постановлении заместителем прокурора признано «считать обоснованным» привлечение Жданова к уголовной ответственности по статьям 59—9 и 59—12 УК РСФСР. И только по статье 58—10 на него распространяется действие статей 3 и 5 закона «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.¹⁴⁵

Примечания

- ¹ Биржевые известия. 1911. 27 июня.
- ² Биржа за неделю. 1914. № 13—14. С. 3; Вопросы банков, биржи и финансов. 1915. № 7. С. 13.
- ³ Биржевая спекуляция и акционерное дело. 1913. № 10. С. 6—7.
- ⁴ Банки и биржа. 1913. № 41. С. 8.
- ⁵ Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 852. Оп. 2. Д. 702. Л. 24; Биржевой ежемесячник. 1911. № 7. С. 83; Банковая и торговая жизнь. 1909. № 3. С. 11.
- ⁶ ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 2. Д. 702. Л. 23—24.
- ⁷ Там же. Л. 126об.
- ⁸ Архив УФСБ РФ по С.-Петербургу и Ленинградской области (далее — Архив УФСБ). Д. П-51010. Т. 1. Л. 125об.; Т. 2. Л. 140.
- ⁹ Там же. Т. 3. Л. 103.
- ¹⁰ Биржевой ежемесячник. 1911. № 7. С. 83.
- ¹¹ Архив УФСБ. Д. П-51010. Т. 3. Л. 52об.
- ¹² Там же. Т. 2. Л. 165; Т. 3. Л. 83, 126об.
- ¹³ Там же. Т. 3. Л. 53об., 59об.
- ¹⁴ Там же. Л. 53об., 58—60.
- ¹⁵ Там же. Т. 1. Л. 104—104об.
- ¹⁶ Там же. Л. 126об.
- ¹⁷ Биржа. Спекуляция. Обогащение: Экономический этюд. Издание банкирской конторы «Захарий Жданов». СПб., 1907; З. Ж-овъ (Жданов З.П.) За кулисами биржи // Деньги. 1914. 29 марта.
- ¹⁸ Банки и биржа. 1915. № 21. С. 4.
- ¹⁹ Всероссийский вестник торговли, промышленности и техники. 1912. № 7—8. С. 8.
- ²⁰ Банкирский дом «Захарий Жданов и К°». СПб., 1911. С. 5.
- ²¹ Банковая и торговая жизнь. 1909. № 3. С. 11.
- ²² Там же. Этими маклерами могли быть Э.К. Пилацкий и Н.К. Фелейзен.
- ²³ Банки и банкирские конторы в зависимости от того, при какой минимальной сумме взноса они открывали онкольный счет, распределялись следующим образом: при 5000 руб. — Русский для внешней торговли банк, Русский Торгово-промышленный банк, Петербургский Учетный и ссудный банк, Волжско-Камский банк, Русско-Китайский банк, Московский Купеческий банк; при 3000 руб. — Международный Коммерческий банк, Северный банк, «Э.М. Мейер и К°»; при 2000 руб. — Азовско-Донской банк, «Бр. Джамгаровы»; при 1000 руб. — Сибирский Торговый банк, Петербургское общество взаимного кредита, «Лампе и К°», «Бр. Рябушинские», «Юнкер и К°», «Лионский кредит», Соединенный банк, Общество взаимного кредита Петербургского уездного земства, «Г. Волков с с-ми», «Кафталъ, Гандельман и К°», «Маврикий Нелькен»; при 500 руб. — Русское Торгово-промышленное общество, «Вавельберг», Частный коммерческий банк, Коммерческий банк в Варшаве, Общество взаимного кредита деятелей печатного дела; при 300 руб. — А.В. Смирнов; при 100 руб. — «Захарий Жданов и К°». Позже такой же взнос установили Д.Г. Лесин и Банкирский дом Русской промышленности. Из приведенного списка видно, что солидность банка прямо пропорционально зависела от минимальной суммы открытия онкольного счета. Серьезные банки не стремились заполучить к себе мелких клиентов, с которыми работы больше, чем с крупными клиентами, при том же дохо-

- де. См.: Всероссийский вестник торговли, промышленности и техники. 1910. № 4. С. 8.
- 24 ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 2. Д. 368. Л. 11об.; Биржевой ежемесячник. 1910. № 10. С. 31.
- 25 Вопросы банков, биржи и финансов. 1915. № 7. С. 13.
- 26 ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 2. Д. 368. Л. 11об.—12.
- 27 Биржевой ежемесячник. 1910. № 9. С. 58.
- 28 Там же. 1911. № 4. С. 35.
- 29 Там же. № 9. С. 61.
- 30 Архив УФСБ. Д. П-51010. Т. 3. Л. 89об.
- 31 Там же. Т. 2. Л. 21.
- 32 Банки и биржа. 1913. № 40. С. 3.
- 33 Всероссийский вестник торговли, промышленности и техники. 1912. № 5—6. С. 10.
- 34 Озеров И.Х. Воспоминания: Черновики 1905—1917 гг. (Рукописный отдел Национальной публичной библиотеки (далее — РО НПБ). Ф. 541. Оп. 1. Д. 4. Л. 14—15).
- 35 Биржевая спекуляция и акционерное дело. 1913. № 5. С. 3.
- 36 Роль банков // Деньги. 1914. 19 марта.
- 37 Биржевой ежемесячник. 1911. № 51. С. 36.
- 38 Там же.
- 39 Финансовое обозрение. 1912. № 21. С. 3.
- 40 Письма в редакцию // Биржевой ежемесячник. 1910. № 6. С. 20—28.
- 41 Этика, шантаж, залоги и т. д. // Всероссийский вестник торговли, промышленности и техники. 1910. № 6. С. 12.
- 42 Биржевой ежемесячник. 1911. № 6. С. 11.
- 43 Там же. № 4. С. 34.
- 44 За кулисами биржи // Деньги. 1914. 8, 9 февраля, 6 марта.
- 45 Там же. 7 марта.
- 46 Там же.
- 47 Роль банков // Там же. 18 марта.
- 48 Вопросы банков, биржи и финансов. 1915. № 5. С. 13.
- 49 Биржа. 1912. № 44. С. 45.
- 50 Там же.
- 51 Архив УФСБ. Д. П-51010. Т. 3. Л. 16.
- 52 Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 23. Оп. 7. Д. 605. Л. 53об.—54, 71—72.
- 53 Биржа. 1912. № 3. С. 3.
- 54 Биржевой ежемесячник. 1911. № 7. С. 83.
- 55 Озеров И.Х. Указ. соч. Д. 131. Л. 97; он же. Назревший вопрос // Русское слово. 1911. 21 сентября.
- 56 Биржевые известия. 1911. 27 июня.
- 57 Там же. 4 ноября.
- 58 Биржевой ежемесячник. 1911. № 7. С. 83.
- 59 Всероссийский вестник торговли, промышленности и техники. 1912. № 7—8. С. 8—9.
- 60 Там же. С. 9.
- 61 Там же. С. 9—10.
- 62 Банки и биржа. 1913. № 34. С. 7; № 37. С. 4.
- 63 С.-Петербургский биржевой день. 1914. 12 марта.
- 64 Тогда же в прессе сообщалось, что Жданов за 310 тыс. руб. приобрел в собственность Мало-Охтинскую мануфактуру вместе с 6000 кв. саж. земли. Вскоре он продал фабрику и 2000 кв. саж. за 250 тыс. руб. Таким обра-

- зом, 4000 кв. саж. земли на Охте ему стоили 60 тыс. руб., тогда как Петербургское городское кредитное общество за эту землю предлагало 180 тыс. руб. См.: С.-Петербургский биржевой день. 1913. 18 декабря.
- 65 С.-Петербургский биржевой день. 1913. 9 декабря; Деньги. 1913. 10 декабря.
- 66 Кстати, отставку петербургского градоначальника генерала Д.В. Драчевского в 1914 г. связывали с «грязной историей» банкира Захария Жданова. См.: Врангель Н.Н. Дни скорби. Дневники 1914—1915 гг. СПб., 2001. С. 22.
- 67 Банки и биржа. 1913. № 3. С. 12.
- 68 Газета «С.-Петербургский биржевой день», редактируемая И.М. Эн-Янковым, постоянно публиковала материалы, направленные против З.П. Жданова, даже стихи вроде таких: «...Чтоб акции упали, — ожданю биржу я, // Ожданю, озахарю, — в том тактика моя. //... бланкистов я кумир, // Захарий Полуленский — блистательный банкир». См.: С.-Петербургский биржевой день. 1914. 12 февраля.
- 69 См.: Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1984. С. 116; Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860—1914 гг. Л., 1991. С. 140; Лебедев С.К. Алексей Фролович Филиппов: литератор, банкир и чекист // Из глубины времен. СПб., 1998. № 10. С. 155.
- 70 Биржа. 1916. № 16—17. С. 27.
- 71 Там же. 1913. 23 ноября.
- 72 Там же.
- 73 ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 2. Д. 657. Л. 1—1об.
- 74 Банки и биржа. 1913. № 54. С. 6.
- 75 ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 2. Д. 657. Л. 3.
- 76 Там же. Л. 3об.
- 77 Там же.
- 78 Там же. Л. 4.
- 79 Там же.
- 80 Там же. Д. 702. Л. 87.
- 81 Там же. Л. 30.
- 82 Там же. Л. 10.
- 83 Там же.
- 84 Там же. Д. 398. Л. 8, 29—30.
- 85 РГИА. Ф. 1469. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
- 86 Там же. Л. 3—3об.
- 87 ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 2. Д. 368, 380, 388, 613 и др.
- 88 Там же. Д. 702. Л. 5.
- 89 Там же.
- 90 См.: «Бывшие банкиры» и Л.Ф. Давыдов // С.-Петербургский биржевой день. 1914. 10 февраля.
- 91 Вопросы банков, биржи и финансов. 1915. № 7. С. 13.
- 92 Биржа за неделю. 1916. № 39—40. С. 9.
- 93 Там же. № 42. С. 5.
- 94 Там же.
- 95 Там же. № 6. С. 10.
- 96 Там же. № 28. С. 5.
- 97 Там же.
- 98 Архив УФСБ. Д. П-51010. Т. 1. Л. 128об.
- 99 Там же. Т. 2. Л. 1об.

- 100 Там же. Л. 51об.—52.
- 101 Там же. Т. 2. Л. 100об., Т. 3. Л. 39—39об.
- 102 Там же. Т. 2. Л. 21—21об., 24—24об., 97—97об., 99.
- 103 См: Лебедев С.К. Указ. соч. С. 162—163.
- 104 Архив УФСБ. Д. П-51010. Т. 2. Л. 2об.—3, 97; Т. 3. Л. 152.
- 105 Там же. Т. 2. Л. 5; Л. 164—164об., 197; Т. 3. Л. 39об.
- 106 Там же. Т. 3. Л. 128об.
- 107 Там же. Т. 1. Л. 124.
- 108 Там же. Т. 3. Л. 163—163об., 165—165об., 166—166об.
- 109 Там же. Т. 2. Л. 1.
- 110 Там же. Т. 3. Л. 154—155об.
- 111 Там же. Л. 85—93об.
- 112 Там же. Т. 2. Л. 43; Т. 3. Л. 7.
- 113 Весь Петроград на 1923 г.
- 114 Архив УФСБ. Д. П-51010. Т. 3. Л. 149—151.
- 115 Там же. Т. 3. Л. 77—77об.
- 116 Там же. Т. 1. Л. 143—143об.
- 117 Там же. Т. 1. Л. 129об., 192об.
- 118 Там же. Л. 128об.
- 119 Там же. Л. 60—61об., 129.
- 120 Там же. Т. 2. Л. 50об.
- 121 Там же. Т. 1. Л. 130—130об.
- 122 Там же. Т. 3. Л. 121об.
- 123 Там же. Л. 111—111об.
- 124 Там же. Т. 2. Л. 5—5об.; Т. 3. Л. 125об.
- 125 Там же. Т. 1. Л. 178.
- 126 Там же. Т. 2. Л. 163об.
- 127 Там же. Л. 163об.—164, 169, 174—176об.
- 128 Там же. Т. 3. Л. 131об.
- 129 Там же. Т. 1. Л. 137.
- 130 Там же. Т. 3. Л. 111об.
- 131 Там же. Т. 1. Л. 125.
- 132 Там же. Л. 10, 57.
- 133 Там же. Т. 2. Л. 188—190.
- 134 Там же. Т. 1. Л. 49об.—50.
- 135 Там же. Л. 126—127об.
- 136 Там же. Л. 70об., 177об., 229об.; Т. 2. Л. 130об.; Т. 3. Л. 88—88об.
- 137 Там же. Т. 2. Л. 3.
- 138 Там же. Т. 3. Л. 134об.
- 139 Там же. Т. 1. Л. 62об.— 63.
- 140 Там же. Л. 295—317.
- 141 См.: Фомин Ф.Т. Записки старого чекиста. М., 1964. С. 201.
- 142 В воспоминаниях Ф.Т. Фомина, явно не совсем объективных, допросы и многочасовые беседы с чаем следователей об утаенных Ждановым драгоценностях очень напоминают «Сон Никанора Ивановича» из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». См.: Булгаков М.А. Собр. соч. В 5-ти томах. Т. 5. М., 1999. С. 155—167.
- 143 Фомин Ф.Т. Указ. соч. С. 201—207.
- 144 Архив УФСБ. Д. П-51010. Т. 1. Л. 117об.
- 145 Там же. Л. 323. В постановлении прокурора почему-то как место рождения З.П. Жданова указано село Смендово Сланцевского района Ленинградской области. Даже после смерти Жданова преследуют расхождения данных о нем, начало чему он когда-то положил сам.

Социальные аспекты
промышленного труда
в первой половине XX в.

Условия труда промышленных рабочих Урала в 1910-е — 1930-е гг.

Важной характеристикой уровня развития общества являются материальные условия жизни людей, в том числе условия труда на производстве. Образ жизни промышленных рабочих закономерно связан с конкретной степенью промышленной революции. Как в советской, так и в постсоветской исторической литературе вывод о быстром завершении промышленного переворота на Урале, доминировании в региональной промышленности «группы из 20—30 крупных, технически более хорошо оснащенных заводов, по своему оборудованию не уступавших заводам Центральной России, а в ряде случаев и заводам Западной Европы»¹, сочетался с утверждениями о неизменно тяжелых условиях труда всех пролетариев². Например, можно встретить необоснованное утверждение о «немногочисленных заводах с устаревшим и заброшенным оборудованием» на Урале к октябрю 1917 г.³ Хорошо известно, что более 60% металлургических заводов края представляли собой как раз такие предприятия, с числом рабочих не более 500 чел. на каждом. Кроме того, около 30 заводов были законсервированы⁴. Техническая отсталость оборудования большинства заводов, преобладание устаревших форм организации производства, опора металлургии на древесноугольное топливо, неразвитость железнодорожной инфраструктуры — широко известные факты. Обращает на себя внимание методология доказательств: перечисление отдельных технических достижений в промышленности без комплексного анализа; оперирование документами «грандиозных проектов»⁵.

Наше исследование указанного вопроса доказывает незавершенность промышленного переворота на Урале до тридцатых годов XX в., что не совпадает с доминирующей точкой зрения о времени завершения промышленного переворота в России в целом⁶. Вот это принципиальное обстоятельство — **сохранение значительного массива небольших, маломощных заводов с устарелой технической базой, являющихся в то же время градообразующими предприятиями,** —

* Фельдман Михаил Аркадьевич — доктор исторических наук (Уральская академия государственной службы, Екатеринбург).

оказало значительное влияние на судьбу уральской промышленности, образ жизни рабочих в первые десятилетия XX в. Но и крупные заводы отличались доминированием ручного труда. Символическими можно назвать наблюдения крупного специалиста в области экономики И.Х. Озерова, относящиеся к Надеждинскому заводу: в первые годы после его запуска погрузочные работы осуществлялись вручную. Только после реконструкции (т. е. с 1906 г.) Надеждинский завод стал похож на современное производство. Но и тогда он в целом отставал от южных заводов⁷.

Слабым энергетическим и техническим хозяйством характеризовалась значительная масса уральских заводов, с трудом выживающих сначала в рыночных, а затем в военных условиях. Закономерные результаты выявило комплексное обследование черной металлургии Урала в 1928 г., показавшее, что основные производственные процессы осуществлялись преимущественно вручную. Так, вручную осуществлялась подача шихты на 54,4% всех печей, загрузка засыпных аппаратов — на 65% (при помощи ручных лебедок), исключительно вручную производилась такая трудоемкая операция, как уборка чугуна⁸. Все это формировало определенную среду труда на заводах Урала.

Исследование *состояния санитарно-гигиенических условий и медицинского обслуживания рабочих* позволяет прийти к выводу о том, что практически все виды работ в горно-заводской и фабрично-заводской промышленности велись в неблагоприятных для здоровья людей условиях: резкие перепады температур; воздух, наполненный угольной и металлургической пылью; ядовитые газы и т. д. Наиболее опасными для здоровья и жизни рабочих были металлообрабатывающие предприятия, т. е. с высокой степенью интенсивности работ. Так, на Мотовилихинском заводе за год четверть рабочих получили травматические повреждения. Пример Мотовилихи был показателен. Число несчастных случаев среди рабочих казенных горно-заводских округов Урала заметно превышало аналогичный показатель по всем горно-заводским рабочим России: соответственно 243 и 171,8 на 1000 рабочих за год. Это означало, что каждый четвертый рабочий казенных округов в течение года получал травму. Отметим и несовершенство «усредненной» статистики: если на Мотовилихинском пушечном заводе на 1000 рабочих приходилось 146 несчастных случаев, то на предприятии с рядом новых, мало освоенных производств — Воткинском заводе — этот показатель составил 1079 несчастных случаев, т. е. превысил списочный состав пролетариев⁹.

Показатель травматизма у рабочих казенных округов Урала, т. е. наиболее индустриально развитых среди горно-заводских округов и

более благополучных по условиям труда в регионе, в 1913 г. на 41% превосходил общероссийский показатель¹⁰. В одной из статей Б.Н. Миронова отмечается, что производственный травматизм является показателем дисциплинированности рабочих. Качество труда, дисциплина, соблюдение правил поведения на производстве, подверженность производственному травматизму находятся в связи с грамотностью рабочих и их социальным происхождением. Грамотность благоприятно, а крестьянское происхождение отрицательно сказывалось на отношении к труду¹¹. Однако, и приведенные выше данные по казенным округам, и подсчеты Б.Н. Миронова говорят о более широком комплексе факторов, влиявших на показатель травматизма у рабочих. Так, исследователь вывел следующую зависимость: на предприятиях, где преобладал ручной труд, дисциплина была лучше, число штрафов было меньше, чем на крупных предприятиях, использующих машинную технику¹². Противоречия в этом не будет, если вспомнить о весьма фрагментарной механизации на ранней индустриальной стадии развития российской промышленности¹³. Следует согласиться и с тем, что рабочие коллективы мелких и крупных предприятий различались по характеру межличностных отношений. На мелких предприятиях, напоминающих большую семью или рабочую артель, нарушить дисциплину незаметно для остальных было трудно. На крупном предприятии преобладали анонимные, формальные отношения рабочих и администрации¹⁴. На общую тенденцию понижения уровня трудовой дисциплины рабочих России в 1901—1913 гг. влияли рост и радикализация рабочего движения¹⁵.

Негуманный характер индустриализации проявился в том, что наиболее развитая в промышленном отношении уральская губерния — Пермская — занимала первое место в России по такому показателю, как средняя смертность¹⁶. Закономерность такого явления вытекает из отставания уральской промышленности в техническом плане, незавершенности промышленного переворота на Урале.

Значительное количество несчастных случаев, причем большинство со смертельным исходом, имело место и в частновладельческих округах, прежде всего в добывающей промышленности. Закономерно, что при существующих условиях труда в 1911—1914 гг. в среднем за год каждый рабочий промышленности Урала болел 2—3 раза; преобладали такие болезни, как анемия, изнурение, заболевания сердца и легких¹⁷. Болезни (в среднем на одного уральского рабочего) отнимали 7,5 дня в году¹⁸. О состоянии здоровья уральских рабочих в начале XX в. можно судить и по информации, полученной позже от их детей. Проведенное в 1927 г. обследование учащихся ФЗУ Урала (81% из которых были выходцами из рабочих семей) по-

казало, что у 23,5% молодых рабочих родители страдали алкоголизмом, у 19% — туберкулезом, у 17% — нервными болезнями¹⁹. Перед нами важное социальное явление — в начале XX в. довольно значительная доля рабочих страдала серьезными заболеваниями, оказывающими влияние на их социальное поведение.

Вместе с тем если все работы на заводах Урала велись в неблагоприятных санитарно-гигиенических условиях, то обеспечение рабочих медицинской помощью во многом зависело от ведомственной принадлежности и величины производственного объекта. Расход на медицинское обслуживание одного рабочего на казенных предприятиях в 1913 г. на треть превышал средний показатель для рабочей ценовой промышленности Урала и на 42% — средний общероссийский²⁰.

Однако, как показывают подсчеты, даже в казенных округах расходы на медицинское обслуживание в среднем составляли 88% от нормы, а в остальных округах — менее 63,5%. Аналогичная тенденция просматривалась и в обеспечении больничными койками заводских госпиталей Урала: количеством коек выше нормы (1 больничная койка на 100 рабочих) обладали крупные казенные заводы; не добирали до нормы (1 койка на 114 рабочих) казенные заводы в среднем; еще хуже было положение на предприятиях остальных округов. Статистика свидетельствует о закономерности — более высокие расходы на врачебную помощь на крупных казенных заводах. Если средний расход на медицинское обслуживание одного рабочего в казенных округах вырос с 5,4 руб. в 1907 г. до 8,8 руб. в 1913 г., то на *крупных Мотовилихинском и Воткинском заводах этот показатель превышал 12 руб.* при норме расходов на эти цели в 10 руб.²¹ Масштабным и качественным был комплекс бесплатных медицинских услуг, предоставляемых рабочим Ижевского завода. Они могли лечиться в госпиталях, других военно-медицинских заведениях за счет государства до двух месяцев, а при производственной травме или увечьи — до выздоровления. При необходимости казна оплачивала лечение в земских и других больницах на основе норм, установленных для нижних чинов. За рабочими сохранялась на срок болезни заработная плата, как правило, в половинном размере²². Только в казенных горно-заводских округах бесплатная медицинская помощь оказывалась и постоянным, и временным рабочим. Судя по воспоминаниям рабочих казенных горно-заводских округов, осознание значимости такой формы социальной защиты ощущалось современниками²³.

В частновладельческих округах больницы, отвечавшие требованиям заводской медицины, существовали только на ряде крупных предприятий (например, на Верх-Исетском, Нижнетагильском за-

водах). На остальных предприятиях имелись, как правило, фельдшерские пункты, а приисковые, лесные и куренные рабочие были фактически лишены медицинской помощи²⁴. Иерархия возможностей рабочих получать медицинскую помощь очевидна: от превышения норм расходов на крупных казенных заводах до вдвое меньших ассигнований на частновладельческих предприятиях, и незащищенность в этом отношении горных и лесных рабочих.

В тесной связи с условиями труда *продолжительность рабочего дня* является одним из основных показателей положения промышленных рабочих. Материалы за 1913 г., касающиеся всей промышленности России, обработаны и опубликованы²⁵. За 1904—1913 гг. средняя продолжительность рабочего дня у рабочих фабрично-заводской промышленности сократилась с 10,6 до 9,9 часа, в том числе у мужчин — до 10 часов, у женщин и подростков — до 9,7, у малолетних — до 7,7 часа. Характерно, что 7,9% рабочих предприятий, подведомственных фабричной инспекции, трудились по 8 часов; 36,5% — 9 и менее часов; 61,1% — более 9 часов, в том числе 15,5% — более 11 часов. На предприятиях, подведомственных горной инспекции, 15% рабочих трудились по 8 часов, 20% — 9 и менее; 80% — 9 и более часов, в том числе 14% — 11 и более часов. Продолжительность чистого «урочного» времени рабочих в 1913 г. Ю.И. Кирьянов определял в 9—10 часов, без учета полутора часов, отводимых на обед²⁶.

Близкими к этим цифрам были показатели рабочего времени на предприятиях фабрично-заводской промышленности Урала. На Урале в 1913 г. в горячих цехах большинства горно-заводских предприятий действовал 8-часовой, в остальных — 10-часовой рабочий день. 10-часовой рабочий день преобладал и в горно-добывающей промышленности²⁷. Исходя из соотношения численности уральских рабочих в указанных видах производства, нами подсчитано, что продолжительность рабочего дня в горно-заводской промышленности Урала с начала XX в. до 1913 г. сократилась в среднем с 10,5 до 9,3—9,5 часа. Обратим внимание на наличие среди горно-заводских рабочих края двух примерно равных полярных групп: кадровых пролетариев из основных цехов, перешедших на 8-часовой рабочий день, и рабочих вспомогательных профессий, вынужденных трудиться по 10 и более часов. Однако в данном случае (символически приведенный выше пример Мотовилихи) на первый план выступал объединяющий признак — крайне неблагоприятные для здоровья условия труда рабочих всех профессий на всех видах работ в горно-заводской и фабрично-заводской промышленности.

В качестве поясняющего примера приведем слова из воспоминаний рабочего Надеждинского металлургического завода Чашина об

условиях труда в первые годы XX в.: «В прокатном цехе болванки из нагревательной печи подавались на стан вручную. [...] Раскаленные болванки, весом не менее тонны, подвозили люди. Трое рабочих с шести утра запрягались в тележку и, как взмыленные лошади, бегали весь день — двенадцать часов — рысью, чтобы своевременно подать болванку к стану. Это была адская работа! Когда я наблюдал, как они, в рубахах без пояса, потные, взлохмаченные, обожженные, с рубцами и шрамами на руках, волочили металлическую грохочущую тележку с раскаленной тяжестью и, сбросив груз, быстро отбежали, чтобы не быть искалеченными, я всегда смотрел на них глазами полными ужаса. [...] Если только рабочий был утомлен, взволнован или отвлечен, то сейчас же происходил несчастный случай». Не менее тяжелой была работа и в других цехах самого современного на Урале завода, где «...рабочий ничем не был защищен от жары. И часто одежда на нем начинала дымиться и тлеть, а кожа на руках и на лице запекалась, как у яблока»²⁸.

Спецификой Урала оставалось меньше, чем по России в целом, число рабочих дней на предприятиях цензовой промышленности — 250—260 при 290—294 днях в наиболее развитых промышленных регионах²⁹. К последним были близки показатели на уральских предприятиях, подведомственных фабричной инспекции (287—291 день), металлообрабатывающих, прежде всего на казенных оружейных заводах (293 дня). Либо непрерывно, либо за вычетом воскресных дней работали горячие цеха технически передовых заводов Урала. Вместе с тем на устаревших в техническом отношении заводах сохранилась такая традиция, как закрытие предприятия на весь полевой сезон. Даже на казенных небольших заводах, не имевших постоянных заказов, — Серебрянском и Артинском — число рабочих дней в году не превышало 157³⁰.

В меньших размерах, чем в начале XX в., сохранялось и такое явление, порожденное избытком рабочей силы, как «гулевые дни». Число «гулевых дней» наиболее сократилось на казенных заводах, получивших в 1900—1913 гг. крупные военные заказы, и составляло, например, на Мотовилихинском оружейном заводе не более 12% от объема рабочего времени³¹. Что же касается труда на лесозаготовках, то здесь сохранилась сезонность работ и рабочий год (за исключением работ по обслуживанию печей углежжения) составлял 66—120 дней³². Таким образом, **только трудовой год пролетариев основных цехов заводов казенной заводской промышленности Урала и немногих крупных предприятий частных и посессионных горно-заводских округов соответствовал распорядку работы и отдыха категории рабочих индустриального общества. Незавершенность промышленной революции не могла не влиять на ритм труда.**

Годы Первой мировой и Гражданской войн стали временем изнурительных испытаний для рабочих промышленности Урала. В 1921 г. болезни отнимали у рабочих края в среднем на одного человека в 2,5 раза больше, чем до революции, — соответственно 18,9 и 7,5 дня в году³³. Разруха на предприятиях, низкие материальные стимулы к труду, напряженность в отношениях со специалистами привели к росту прогулов в рабочей среде. Рабочий промышленности Урала в 1921 г. в среднем на человека прогуливал в 3,5 раза больше, чем в 1916 г.³⁴

Установление советской власти дало толчок эволюционным изменениям в сфере условий труда рабочих. 30 октября 1922 г. был принят новый Кодекс законов о труде (КЗОТ), закрепивший ряд важных положений в области охраны труда: 8-часовой рабочий день, двухнедельный оплачиваемый отпуск, социальное страхование, ряд конкретных мер, направленных на охрану труда³⁵. Содержание КЗОТ 1922 г. фиксировало и отказ от некоторых норм, провозглашенных ранее на самом высоком уровне: отсутствовало положение о предоставлении всем без исключения трудящимся месячного отпуска, обещанного Второй программой РКП(б) после окончания Гражданской войны; не упоминались вопросы страхования временных и сезонных рабочих; ничего не говорилось о пенсиях по старости. Умеренность положений КЗОТ 1922 г. отвечала существовавшему уровню развития экономики Советской России, но противоречила обещаниям правящей партии о быстром переходе к социализму. Этим, в частности, можно объяснить довольно сдержанную оценку КЗОТ 1922 г. в советской литературе³⁶.

Советские исследователи, руководствуясь марксистскими положениями о труде, создали теорию освобождения труда при условии смены общественного строя. Согласно этой теории, по мере движения к коммунизму происходит формирование нового отношения к труду, а сам труд перестает быть только средством к существованию, превращается в первую потребность жизни³⁷. Однако, как справедливо отмечают А.К. Соколов и А.М. Маркевич, теория труда при социализме, созданная учеными-обществоведами в советский период, оказалась, в сущности, виртуальной, выдававшей желаемое за действительное и обходившей стороной реальное состояние трудовых отношений на советских предприятиях. Особенно это было свойственно истории советского рабочего класса, где научный анализ подменялся иллюстрацией идеологических схем и догм³⁸.

Положения Кодекса 1922 г. закрепляли за профсоюзами и Наркоматом труда дальнейшее регулирование трудового законодательства. Однако в 1923—1928 гг. изменения и дополнения статей кодек-

са носили фрагментарный характер³⁹. Более того, в ряде случаев просматривался некоторый откат назад в области страхового законодательства. Так, число особых дней отдыха, установленных на местах и, как правило, связанных с религиозными праздниками, было сокращено с 15 до 8 — в мае 1925 г. и до 6 — в июле 1928 г.⁴⁰ Расширились возможности хозорганов увольнять рабочих за первое же нарушение⁴¹, и т. д. Вместе с тем законодательство 20-х гг. вопрос о религиозных праздниках адресовало местным органам труда, разрешив вводить 6 «особых» дней отдыха⁴².

Серьезной проблемой оставалась практика применения сверхурочных работ. В среднем по промышленности к сверхурочным работам в 1923—1926 гг. привлекались от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{5}$ всех рабочих, а в горной и горно-заводской — до половины. В целом по стране число сверхурочных часов в месяц на одного промышленного рабочего, трудившегося сверх нормы, в 1923 г. составило 26,6 часа, в 1924 г. — 22 часа, в 1925 г. — 21,5 часа⁴³. Еще сложнее обстояло дело на Урале, где острее ощущался недостаток квалифицированных рабочих, а многие предприятия работали на устаревшем оборудовании, — и это открыто признавали руководители Наркомата труда⁴⁴. В качестве примера приведем вводную статью известного уральского экономиста В.А. Овсянникова «Положение труда на Урале в 1923 году» к статистическому сборнику с аналогичным названием. Не только масштаб (55 стр.), но и обстоятельность и глубина выводов в подчеркнуто «нейтральной» манере изложения позволяют рассматривать эту статью как самостоятельное исследование монографического характера. «Современный рабочий, — подчеркивал В.А. Овсянников, — отдает работе времени больше, чем в довоенное время, а отдыхает вдвое меньше»⁴⁵. Но, возможно, это были голословные утверждения? В публикации профсоюзного издания приводилась весьма примечательная таблица (см. Таблицу 1).

Таблица 1

**Продолжительность труда и отдыха рабочих Урала
(на одного рабочего в среднем дней в году)**

Годы	Работа в днях	Дни отдыха
1913	250—260	90
1920	243,8	51,7
1921	235	46,1
1922	269,9	41,6
1923	265,1	45,2

Источник: Положение труда на Урале в 1923 году. Свердловск, 1923. С. 50.

В принципе, лидеры большевизма могли не придавать значения таким публикациям, которые фактически играли роль громоотвода в политической системе Советского государства в 20-е гг. Однако существовали и иные факторы. В 1923—1927 гг. стабильно росла численность трудовых конфликтных ситуаций в рабочей среде. Так, на Урале число трудовых конфликтов в 1925/1926 г. выросло втрое по сравнению с 1924/1925 г. Характерно, что в 1925/1926 г. из 411558 участников трудовых конфликтов на Урале 404800 работали на госпредприятиях⁴⁶. Это означало, что степень конфликтности на госпредприятиях была выше, чем на частных и концессионных⁴⁷.

В советской историографии обоснованно отмечались позитивные сдвиги в улучшении условий труда на фабриках и заводах, прежде всего в отношении **сокращения рабочего дня**. В обобщающих исторических трудах такое сокращение определялось следующим образом: с 10 часов в 1913 г. до 7,6 часа в середине 20-х гг.⁴⁸ Профсоюзный журнал 20-х гг. давал несколько иные цифры: с 9,7 часа в 1913 г. до 7,6 часа в 1926 г., определяя сокращение рабочего времени на 25%⁴⁹. Этот же журнал отмечал и масштаб сверхурочных работ: на каждого рабочего, по данным ЦСУ, в 1926 г. в среднем в месяц приходилось от 15 до 18 сверхурочных часов. Особенно велики были сверхурочные работы в металлопромышленности. Часть сверхурочных работ происходила без законного разрешения инспекции труда: последняя дозволяла около 8 млн сверхурочных часов в квартал, а в реальности только в ценовой промышленности этот показатель составлял 10—12 млн сверхурочных часов в квартал⁵⁰.

Наличие Наркомата труда, сохранение элементов гласного обсуждения проблем в 20-х гг., по крайней мере на страницах профсоюзной печати, позволяли формировать разностороннюю картину положения рабочих в сфере труда. Общесоюзный профсоюзный журнал «Вопросы труда», уральский «Рабочий журнал» (до своего закрытия в 1926 г.), статистические сборники, издаваемые профсоюзами на Урале, предоставляют обширный материал по интересующему нас вопросу. Увеличение вдвое ассигнований на технику безопасности и санитарию в промышленности в 1922—1926 гг. позволило навести элементарный порядок на производстве с вентиляцией, обеспечением рабочих спецодеждой, очками, респираторами, спецпитанием. На одного рабочего промышленности в 1926/1927 г. в среднем тратилось 17,7 руб. на охрану труда и 14 руб. на спецодежду и спецпитание⁵¹. Вместе с тем следует отметить, что во второй половине 20-х гг. требования профсоюзов по технике безопасности выполнялись только на 50%; при этом реализация средств на улучшение условий труда в уральской промышленности составляла 57—61%⁵².

Значительным оставалось число несчастных случаев на производстве. Статистические данные, отмечалось в статье наркома труда В.В. Шмидта, говорят о росте числа несчастных случаев в советской промышленности как за период 1925—1927 гг., так и в сравнении с довоенным временем. Так, на предприятиях Москвы и Московской области общее число несчастных случаев в 1926 г. выросло вдвое в сравнении с 1912 г. При этом существенно сократилось число несчастных случаев, закончившихся смертью рабочих или инвалидностью⁵³. По данным Уралпрофсовета, число несчастных случаев в 1925 г. в крае заметно превышало аналогичные показатели 1912 г.⁵⁴ В узком кругу партийных лидеров звучали более откровенные цифры. В марте 1926 г. на пленуме Уралобкома ВКП(б) отмечалось, что в металлообрабатывающей промышленности Урала в 1912 г. на 1000 чел. приходилось 103 несчастных случая, а в 1925 г. — 230⁵⁵.

Согласно официальной статистике, на 1000 рабочих крупных предприятий РСФСР в 1925/1926 г. в среднем приходилось 97,6 несчастного случая с потерей трудоспособности, или 24,4 в квартал. В 1926/1927 г. этот показатель вырос более чем на 25%⁵⁶. Сравнение показателей количества несчастных случаев в дореволюционной России (171,8 на 1000 рабочих за год) и в РСФСР в 1925/1926 г. (97,6), даже при различии сопоставляемых массивов предприятий (горно-заводские в одном случае и крупные предприятия ценовой промышленности в другом), на первый взгляд говорит о *существенном* улучшении в сфере труда. Однако опубликованные в 1925/1926 г. данные по отраслям вызывают сомнение в таком выводе: количество несчастных случаев в деревообрабатывающей промышленности составило 237,1 на 1000 рабочих; в лесопильной — 250,8; в металлургии — 172,5; в машиностроении — 200,4; в каменноугольной отрасли — 141,2; в химической промышленности — 117,7. Следует учитывать и такой важный факт: как подчеркивалось в специальном обзоре, посвященном состоянию охраны труда в РСФСР в 1927 г., «техническая инспекция расследует обычно лишь около 20% всех несчастных случаев»⁵⁷.

Заметим, что вскоре, в апреле 1928 г., журнал «Вопросы труда» привел статистику промышленного травматизма в Германии: в горной промышленности (т. е. наиболее опасной) число несчастных случаев в 1920 г. составило 11829 на 1084,5 тыс. рабочих, или 10,9 на 1000 рабочих. В 1926 г. этот показатель вырос до 13,6 на 1000 рабочих⁵⁸. Сопоставляя аналогичные характеристики промышленного травматизма рабочих в 1926 г. в горной промышленности Германии (13,6) и каменноугольной промышленности СССР (141,2), читатель профсоюзного журнала мог сделать вывод о существенном отличии

(на порядок выше) важного показателя условий труда рабочих в советском государстве и в стране «загнивающего» капитализма.

Материалы расследований показывали, что основными причинами несчастных случаев являлись непринятие предохранительных мер, неправильная организация работ, неисправность станков и инструментов, низкая квалификация рабочих⁵⁹. Профсоюзная печать неоднократно обращала внимание на то, что в таком технически отсталом районе, как Урал, размер отпускаемых средств на охрану труда совершенно не соответствует самым неотложным нуждам. «Почти на всех заводах Урала замечается ветхость зданий и отсталость в смысле технического оборудования... что ведет к увеличению профессиональных заболеваний»⁶⁰. Сложность проблемы оздоровления сферы труда обусловила различные темпы реализации намеченных социальных программ: так, уровень выполнения договоров по охране труда за 1926/1927 г. в Москве составлял 72%, а по Уралу — 43%. При таком финансировании обеспечение спецодеждой рабочих Урала осуществлялось на 20—30% от установленных норм⁶¹. Проблема обеспечения спецодеждой — брезентовыми костюмами, фартуками, халатами, головными платками для работниц, кожаными сапогами и ботинками, как отмечают современные исследователи, обострялась еще и в силу небрежного отношения рабочих к «дармовой» спецодежде. Кроме того, в условиях дефицита и дороговизны носильной одежды типичными были случаи, когда рабочие использовали спецодежду для повседневной носки вне предприятия, а увольняющиеся стремились не сдавать спецодежду обратно⁶².

Будем объективны: изменить коренным образом социальное положение рабочих в короткий исторический срок было действительно невозможно. Да и КЗОТ 1922 г. в общих чертах соответствовал уровню трудового законодательства развитых капиталистических стран⁶³. Вместе с тем за период с 1923 г. и до осени 1927 г. произошла консервация трудового законодательства СССР, — и это обстоятельство было подмечено наиболее принципиальными специалистами в области трудовых отношений.

И в силу цензурных соображений, и вследствие не столь долгого промежутка времени (1913 г. — середина 20-х гг.) в документах 20-х гг. редко присутствует обобщающая оценка состояния условий труда рабочих. Чаще встречается критика конкретных лиц или инстанций, реже — освещение положения дел в конкретной отрасли. Например, в резолюции коллегии НК РКИ от 28 августа 1928 г. основная вина за тяжелые условия труда рабочих возлагается на Наркомат труда. В духе времени было предложено пересмотреть состав руководящих работников наркомата⁶⁴.

Выскажем мнение, отличающееся от имеющегося в литературе: издание Манифеста ЦИК СССР от 16 октября 1927 г., заявившего о постепенном введении в СССР 7-часового рабочего дня, следует отнести к ряду мер, продиктованных исключительно идеологическими факторами. Парадоксальность этого заявления — чисто внешняя: введение 7-часового рабочего дня представляло собой акцию неподготовленную, не просчитанную ни с экономической, ни с организационно-технической стороны⁶⁵. Очевидность этого, опасность дезорганизации производства не были тайной не только для специалистов, профсоюзных работников, руководителей Наркомата труда, но и для думающих рабочих⁶⁶. Суточное использование оборудования в нашей промышленности в 1913 г. исчислялось 12,8 часа, а в 1926 г. — всего 10,6 часа, и об этом предостерегал профсоюзный журнал⁶⁷. Основной целью такого мероприятия было, главным образом, стремление лидеров СССР сбить волну недовольства рабочих условиями жизни⁶⁸. Момент принятия решения определялся тем, что 10-летие Октябрьской революции давало весомый повод для анализа рабочим классом подлинных и мнимых достижений Советской власти. Естественно, сокращение рабочего дня должно было вызвать (и вызвало, как показывает изучение сводок ОГПУ) положительный эмоциональный подъем у населения. Издержки же подобного решения должны были оплатить «враги» — в данном случае «старые специалисты», профсоюзные работники и... аппарат Наркомата труда.

1928 г. стал началом кампании «проработки» указанных профессиональных групп⁶⁹. Так, Наркомат труда обвинялся именно в том, в чем было виновато само руководство ВКП(б), — в «потакании» хозяйственникам, протекционизму на биржах труда⁷⁰. Между тем установка на первоочередное устройство на работу членов партии, бывших красноармейцев была достаточно известна, закреплена в законодательном порядке⁷¹ либо существовала в виде «телефонного права»⁷². Таким образом, с 1927 г. выбор приоритетов политики в рабочем вопросе был сделан не в сторону последовательного, пусть и относительно медленного, улучшения жизни рабочих, а в направлении декларативных заявлений и, по мере возможности, кампаний по улучшению отдельных сторон сферы условий труда. Вместе с тем введение более короткого рабочего дня не могло не стать мощной пропагандистской акцией, способствовало укреплению доверия рабочих к власти.

Со второй половины 20-х гг. возрастает секретность, окутавшая подлинное состояние дел в сфере условий труда советских рабочих. Акцент в публикациях делается на качественные перемены в жизни советских рабочих. Однако для примера в основном приводились

сведения о сокращении рабочего дня. И в архивных материалах сведения носят несистемный характер. Тем значимее отчеты профсоюзных организаций по рассматриваемой проблеме, а также все более редкие публикации Наркомата труда. Так, по данным ВЦСПС о производственном и бытовом травматизме за 1934—1937 гг., число травм на 1000 рабочих среди металлургов Урала (профсоюз черной металлургии Восточных районов) составило: в 1934 г. — 162,1 случая; в 1935 г. — 146; в 1936 г. — 172,8; в 1937 г. — 168. В горно-рудной промышленности Урала соответствующие показатели были примерно на 20% ниже, чем в металлургии, а на предприятиях деревообрабатывающей промышленности — в среднем на 10% выше. На Челябинском тракторном заводе в 1936 г. на 1000 рабочих приходилось 270 травм⁷³. Отчеты справедливо указывали на связь травматизма и массового притока новых рабочих.

Важным источником по рассматриваемой проблеме является работа В.И. Величкина о производственных и бытовых условиях на Верх-Исетском металлургическом заводе (ВИЗ)⁷⁴ — крупном предприятии Урала, имевшем двухвековую историю. Сведения по условиям труда рабочих ВИЗ за 1913 и 1934 гг. можно систематизировать в виде следующей таблицы.

Таблица 2

Условия труда рабочих Верх-Исетского металлургического завода в 1913 и 1934 гг. (в %)

Показатели условий труда	1913 г	1934 г
Работали в тесных помещениях	65	29
Работали в темных помещениях	60	15
Полагалась спецодежда	10,1	86,6
Пользовались теплыми туалетами	1,4	22,7

Источник: Величкин В.И. Производственные и бытовые условия рабочих на Верх-Исетском металлургическом заводе (ВИЗе). Свердловск, 1936. С. 47, 49.

Анализ данных таблицы позволяет отметить наличие в 1913 г. части рабочих (10—40% состава заводского коллектива), условия труда которых заметно отличались в лучшую сторону от этого показателя у большинства металлургов. Позитивные перемены для большинства визовцев произошли к середине 30-х гг. К ним источник относит, в частности, появление первых душевых, цехов с лучшей вентиляцией. Аналогичную тенденцию отмечает и статистика не-

счастливых случаев на предприятии. Картина на ВИЗ подтверждала общесоюзную ситуацию: в 1926 г. на 1000 рабочих ВИЗ приходилось 297 несчастных случаев и 1611,3 потерянных вследствие этого дня; в 1934 г. — 155 несчастных случаев и 797,3 дня, или почти вдвое меньше⁷⁵. Как видно из приведенных данных, при улучшении условий труда в 1926—1934 гг. и обусловленном им сокращении практически в два раза количества несчастных случаев и потерянных дней, уровень травматизма у рабочих ВИЗ в 30-е гг. оставался весьма высоким. Значительным остался и показатель заболеваемости рабочих-визовцев. В 1933—1937 гг. продолжительность болезней в среднем на одного рабочего ВИЗ постоянно возрастала: с 15,6 до 19,4 дня в году⁷⁶. Напомним, что в послевоенном 1921 г. этот показатель у всех рабочих промышленности края составлял 18,9 дня в году. За один 1937 г. 2,2% рабочих из более чем четырехтысячного коллектива ВИЗ перешли на инвалидность⁷⁷. Разумеется, приведенный показатель отразил результаты травм, полученных рабочими не только в 1937 г., но и за всю трудовую деятельность. Однако не замечать высокую цену сохраняющегося негуманного характера индустриализации было бы невозможно.

В 20-е и в 30-е гг. на ВИЗ, как и на других предприятиях Урала, условия труда и высокая текучесть рабочих кадров объективно сохраняли высокую планку травматизма и перехода рабочих на инвалидность. В профсоюзной печати начала 30-х гг. еще можно было встретить сведения о масштабе инвалидности в среде советских рабочих. По данным статсектора Наркомата труда СССР, в крупной промышленности на 1 января 1929 г. среди молодых рабочих до 19 лет инвалидов насчитывалось 1,9% у мужчин и 3,5% у женщин. В возрасте от 20 до 24 лет этот показатель возрастал до 11,7% у мужчин и до 14,8% у женщин. Это означало что, **примерно каждый восьмой молодой рабочий к 24 годам становился инвалидом (!)**. Молодые рабочие-инвалиды составляли 31,9 % всех рабочих-инвалидов. Статья в профсоюзном журнале возлагала вину за такое явление на вредителей-специалистов⁷⁸. Но объяснить наличие столь огромной армии инвалидов труда — 467555 рабочих в СССР (1930 г.) и 40000 на Урале⁷⁹ — только деятельностью вредителей было затруднительно. **И на Урале, и в масштабах всего СССР число рабочих — инвалидов труда превышало 10% от общей численности рабочих промышленности.**

При ряде произошедших в рассматриваемой сфере позитивных сдвигов следует подчеркнуть определенную стагнацию условий труда рабочих, вызванную объективным фактором — общим негуманным характером индустриализации, вне зависимости от того или иного политического режима. Об этом, в частности, свидетельствует справка Госплана СССР для СНК СССР об итогах второй пятилет-

ки в сфере труда⁸⁰. Сведем основные показатели справки в форме таблицы (см. Таблицу 3) и сопоставим с опубликованными ранее данными.

Таблица 3

**Показатели рабочего и потерянного времени
рабочих промышленности СССР в 1922—26 и 1932—1937 гг.
(в среднем дней на одного рабочего)**

Год	Кол-во рабочих дней	Простои	Праздничные и выходные дни	Отпуска	Болезни	Отпуска по родам	Прогулы
1922/23	262,4	1,8	59,8	12,3	13,7		9,6
1923/24	262,4	1,3	60,6	13,1	14,6		9,3
1924/25	262,1	0,9	61,8	14	15,1		7,2
1925/26	259,8	1,9	61,2	14	16,1		8
1932	257,2	1,24	67,07	15,07	11,9	2,34	5,96
1933	265,9	1,77	64,87	13,68	11,4	1,85	0,93
1934	265,4	1,78	65,82	14,32	11,68	1,77	0,67
1935	266,2	1,62	65,07	14,01	11,38	2,58	0,76
1936	264,2	1,02	65,31	13,17	13,83	3,66	0,93
1937	260,2	1,33	65,84	13,68	11,62	6,01	1,05

Источник: Российский государственный архив экономики. Ф. 4372. Оп. 36. Д. 1831. Л. 36. Вопросы труда. 1927. № 5. С.16.

Данные таблицы несут весьма интересную и малоизученную информацию: во-первых, об определенной стабилизации положения в сфере условий труда в промышленности; во-вторых, о наличии как позитивных, так и негативных тенденций. К позитивным факторам, упомянув о поистине «драконовских» законах начала 30-х гг.⁸¹, следует отнести сокращение величины простоев и прогулов; к негативным — сокращение в 30-е гг. времени и без того небольших отпусков, а также некоторое увеличение продолжительности рабочего времени в 1933—1936 гг. Обращает на себя внимание всплеск заболеваний рабочих в 1936 г. (рост на 21,5%) после стахановского 1935 г. Аналогичные явления наблюдались и на рубеже 20-х — 30-х гг., в период штурмовых декад и месячников, когда показатели травматизма превзошли дореволюционный рубеж⁸². Только в последние предвоенные месяцы укрепление трудовой дисциплины и

сокращение текучести позволили сбить волну травматизма и заболеваний в рабочей среде⁸³.

Фотографии заводских территорий крупных предприятий конца 30-х гг. наглядно свидетельствуют о переменах к лучшему в сфере условий труда: появлении обширных светлых цеховых зданий, асфальтированных дорог, озеленения вокруг цехов и участков. Об этом же говорят и заводские годовые отчеты, книги по истории предприятий. Объективный свидетель — американский рабочий Джон Скотт, трудившийся на Урале в 30-е гг., — обратил внимание на наличие прекрасного механического цеха на Уралмаше, длиной в целую милю, оснащенного и укомплектованного передовым американским, английским и немецким оборудованием. «На заводе был также и прекрасный литейный цех, полностью механизированный, построенный и оснащенный новейшим оборудованием по американским стандартам»⁸⁴. Перемены к лучшему были видны и на Магнитке. Так, в доменном цехе, где в первой половине 30-х гг. преобладали «отсутствие опыта и небрежность», приводившие к большим потерям (например, взрыву на домне № 2), к 1935 г. был наведен внешний порядок: домны были чистыми, стены побелены, инструменты аккуратно висели на своих местах. Бригады спокойно и умело занимались своим делом⁸⁵. Однако от взгляда внимательного наблюдателя не укрылись и серьезные нарушения в организации цеховой работы на Магнитке, ведущие к большим потерям. Так, в 1936 г. одну четвертую часть общего времени работы мартеновских печей составляли простои⁸⁶.

Сравнение показателей травматизма в горно-заводской промышленности Урала до революции и аналогичных показателей середины 30-х гг. позволяет сделать вывод о лишь частичном улучшении условий труда рабочих Урала к концу 30-х гг., что было вызвано, прежде всего, объективными факторами: низкой степенью механизации производства⁸⁷ и невысоким уровнем общеобразовательной и профессиональной подготовки рабочих. Весьма высоким в 30-е гг. оставался и уровень травматизма у советских рабочих — показатель, более других характеризующий подлинное состояние условий труда.

Примечания

¹ Гаврилов Д.В. Модернизационные процессы в горно-заводской промышленности Урала в конце XIX — начале XX века (1890—1917 гг.) // Уральский исторический вестник. № 9. Екатеринбург, 2003. С. 141.

² См., напр.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 228—240.

- 3 Гаврилов Д.В. Диссидентская «теория многоукладности»: испытание временем на достоверность и жизнеспособность // Урал индустриальный: Пятая региональная научная конференция. Екатеринбург, 2003. С. 5—22.
- 4 Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914—1941 гг. Екатеринбург, 2001. С. 80—82.
- 5 Гаврилов Д.В. Диссидентская «теория многоукладности»... С. 19.
- 6 Подробнее об этом см.: Фельдман М.А. Промышленный переворот на Урале: попытка переосмысления // Отечественная история. 2005. № 4. С. 168—175.
- 7 Озеров И.Х. Горные заводы Урала. М., 1910. С. 6.
- 8 Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 7. Д. 249. Л. 121.
- 9 Подсчитано по: Горный журнал. 1916. № 7—8. С. 130.
- 10 Подсчитано по: там же.
- 11 Миронов Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социс. 2001. № 10. С. 104.
- 12 Там же.
- 13 См.: Фельдман М.А. Промышленный переворот на Урале: попытка переосмысления.
- 14 Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 104.
- 15 Там же. С. 105.
- 16 Население России и СССР: новые источники и методы исследований. Екатеринбург, 1993. С. 21.
- 17 Алферова Е.Ю. Состояние здоровья и медицинское обслуживание рабочих Урала в начале XX в. // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма. 1861—1917 гг. Свердловск, 1990. С. 60.
- 18 На новых путях. 1922. № 10. С. 6.
- 19 Просвещение на Урале. 1928. № 6. С. 54.
- 20 Горный журнал. 1916. № 7—8. С. 117, 139.
- 21 Там же; Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 24. Оп. 16. Д. 976. Л. 4—17, 21—24, 80—85.
- 22 Дмитриев П.Н. Социальный облик рабочих Удмуртии в первые десятилетия XX в.: социально-бытовые, производственные, политические аспекты // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. Вып. 4. М., 2004. С. 152.
- 23 См., напр.: Лютков С.Н. Камско-Воткинский завод и его рабочие // Ижевско-Воткинское восстание. 1918 г. М., 2000. С. 60—63.
- 24 Горный журнал. 1916. № 4—5. С. 110—113; № 6. С. 179—181. Вместе с тем и в поселках казенных заводов, за исключением Воткинского завода, отсутствовали водопроводы.
- 25 См: Данные о продолжительности и распределении рабочего дня в промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции за 1913 г. СПб., 1914.
- 26 Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. М., 1979. С. 47, 56—57.
- 27 ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1572. Л. 36—95.
- 28 Свет над тайгой: Очерки истории Серовского металлургического завода. Екатеринбург, 2001. С. 17.

- 29 Положение труда на Урале в 1923 г. // Труды Урал. обл. стат. бюро. Серия 3. Т. 2. Свердловск, 1924. С. 50.
- 30 ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1572. Л. 36—95.
- 31 Степанов П. Наделение земель горно-заводского населения на Урале. СПб., 1914. С. 63.
- 32 См.: Семенов К.С. Лесное хозяйство Урала. Свердловск, 1925. С. 50—51.
- 33 На новых путях. 1922. № 10. С. 6.
- 34 Там же.
- 35 См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (далее — СУ). 1922. № 70. Ст. 903.
- 36 См.: История советского рабочего класса. В 6-ти томах. М., 1984. Т. 2. С. 100.
- 37 Маркевич А.М., Соколов А.К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883—2001 гг. М., 2005. С. 4.
- 38 Там же.
- 39 См.: Вопросы труда. 1927. № 10. С. 127.
- 40 СУ. 1928. № 29. Ст. 205; № 98. Ст. 623.
- 41 Вопросы труда. 1927. № 10. С. 128.
- 42 СУ СССР. 1928. № 98. Ст. 623.
- 43 Вопросы труда. 1927. № 6. С. 20.
- 44 Там же. № 1. С. 16.
- 45 Положение труда на Урале в 1923 году. Свердловск, 1923. С. 50.
- 46 Вопросы труда. 1927. № 1. С. 114.
- 47 На государственных предприятиях в 1924—1926 гг. работали 95% рабочих. Доля же участников конфликтов составила 98,5%.
- 48 См.: История советского рабочего класса. Т. 2. С. 100—101.
- 49 Вопросы труда. 1927. № 10. С. 60.
- 50 Там же. № 4. С. 108.
- 51 Там же. № 10. С. 10.
- 52 Прошина Н.М. Профсоюзы и защита интересов трудящихся Урала в годы нэпа (1921—1928 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1993. С. 18.
- 53 Вопросы труда. 1927. № 10. С. 7.
- 54 Там же. 1926. № 5—6. С. 199.
- 55 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1. Л. 130.
- 56 Вопросы труда. 1927. № 4. С. 110.
- 57 Там же.
- 58 Там же. 1928. № 5. С. 81.
- 59 Там же. 1925. № 7—8. С. 23.
- 60 Там же. 1924. № 4. С. 139.
- 61 Там же. 1928. № 11. С. 24.
- 62 Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928—1938 гг. М., 2004. С. 147—148.
- 63 К такому выводу приводит анализ публикаций по данному вопросу в печатном органе НКтруда «Вопросы труда». См., напр.: Вопросы труда. 1926. № 7—8. С. 137—152.
- 64 Вопросы труда. 1928. № 11. С. 26.

- 65 См., напр.: там же. № 3. С. 3—5; № 6. С. 14—15.
- 66 Там же.
- 67 Там же. № 6. С. 13.
- 68 Трудовые конфликты в Советской России. М., 1998. С. 32, 63, 314; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 217. Л. 7, 55, 78.
- 69 См.: Вопросы труда. 1928. № 11. С. 13—26.
- 70 Там же. С. 15—18; Плановое хозяйство. 1930. № 10—11. С. 175.
- 71 См.: СУ. 1922. № 19. С. 209.
- 72 Вопросы труда. 1928. № 7. С. 9.
- 73 Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 133.
- 74 Величкин В.И. Производственные и бытовые условия рабочих на Верх-Исетском металлургическом заводе (ВИЗе). Свердловск, 1936.
- 75 Там же. С. 131—132.
- 76 ГАСО. Ф. Р-122. Оп. 2. Д. 1230. Л. 57.
- 77 Там же.
- 78 Вопросы страхования. 1931. № 1. С. 7.
- 79 Там же. № 3. С. 14; № 14. С. 18.
- 80 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 36. Д. 1831.
- 81 См., напр.: СУ. 1930. № 2. Ст. 5; № 6. Ст. 69; 1931. № 4. Ст. 47; 1932. № 78. Ст. 475.
- 82 См.: Вопросы труда. 1930. № 10. С. 87.
- 83 См.: ГАСО. Ф. 262. Оп. 3. Д. 134. Л. 43; Д. 140. Л. 27об; Ф. 841. Оп. 1. Д. 630. Л. 143, 211.
- 84 Скотт Д. За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали. М., Свердловск, 1991. С. 120.
- 85 Там же. С. 150—151.
- 86 Там же. С. 177—179.
- 87 На низкий уровень механизации в промышленности указывают работы, посвященные самым передовым заводам СССР. См.: Маркевич А.М., Соколов А.К. Указ. соч. С. 124.

Рабочие «Метростроя»: условия жизни и труда на «ударной стройке» 30-х гг.

15 мая 2005 г. исполнилось 70 лет пуска первой очереди Московского метрополитена. Решение о строительстве первой линии метро было принято в 1931 г. ЦК ВКП(б) несколько неожиданно, так как в 1920-е гг. партия и правительство не слишком интересовались планами, разработанными еще на рубеже веков московским муниципалитетом и частными лицами. С принятием решения ЦК предприятие «Метрострой» стало в высшей степени приоритетным. За считанные месяцы «Метрострой» стал важнейшим престижным проектом начала 1930-х гг., энергично подталкиваемым тогдашними партийными секретарями Москвы Л.М. Кагановичем и Н.С. Хрущевым.

Первая очередь строительства метрополитена (1931—1935 гг.) включала сооружение трех радиальных линий общей протяженностью 11,6 км. После длительной, неэффективной и хаотичной, начальной фазы строительство было осуществлено в рекордные сроки в стиле «ударной стройки», впрочем, ценой чрезмерных расходов рабочей силы и материальных ресурсов и в условиях лихорадочной спешки. Ведущееся под лозунгом «*Вся страна строит метро*» строительство призвано было символизировать прорыв в новую, лучшую эпоху и показать всему миру, на какие достижения способна столица социализма.

Успешная прокладка линий метро действительно стала огромным достижением инженеров и рабочих, приведшим в восхищение международную общественность. Но Московское метро было и остается гораздо большим, чем просто видом городского транспорта. Оно является воплощенным в бетоне, стали и мраморе памятником призрачной идее, идее социалистического переустройства мира и создания «нового человека», который строит этот мир и достоин в нем жить. И сегодня эта идея придает архитектурно выразительным станциям особое впечатление, живет в созданном в 1930-е гг. пропа-

* Нойтати Дитмар — профессор (Исторический факультет Университета им. Альберта Людвиг, Фрайбург, Германия).

Перевод с немецкого — Ю.А. Петров.

гандистском мифе, при входе и выходе из метро все еще заметен контраст между наземным миром и его подземным антиподом, который призван был в первом приближении отобразить идею социализма.

Не только готовое строительное сооружение, но сама работа по его возведению отмечена социалистической идеологией: тогдашняя пропаганда торжественно объявляла «Метрострой» «кузницей нового человека», подземной «школой» и «университетом»¹. Этот курс о преобразовательной силе строительства, действовавшей на всех метростроевцев, не ограничивался только пропагандистским уровнем, но был воспринят многими функционерами и рабочими. Особенно отчетливо он проступает в текстах, возникших в рамках проекта «История метро» 1934—1935 гг.: «Совершенно естественно поэтому, что стройка метрополитена — это не просто достижение нашей страны в технике, а это гигантская человеческая машина, которая, наряду с тем что производит материальные ценности, производит ценность, состоящую в перделке людей. 40-тысячный коллектив, находящийся в производственном жизненном водовороте, и служит как бы той кузницей, которая готовит новых людей. Эта стройка поднимает на небывалую высоту нашу технику и, с другой стороны, поднимает на небывалую высоту человеческую активность»².

Реальность на площадках «Метростроя» была, как нетрудно предположить, гораздо сложнее. Многократно воспетый энтузиазм имел место, но он определял поведение не обычных рабочих, а меньшинства, твердого ядра комсомольцев и членов партии. Основная масса рабочих придерживалась иной модели поведения. Низкая дисциплина и производительность труда являлись постоянным предметом нареканий со стороны партийного руководства. В 1934 г., в самый разгар строительных работ, около 20 тыс. рабочих были уволены из-за нарушения трудовой дисциплины или самовольно покинули стройку³. Почему так произошло, становится понятным, если обратиться к освещению вопросов о том, как люди приходили на стройку и в каких суровых условиях им приходилось там жить и работать.

Вербовка и наем рабочей силы

Первый пятилетний план породил значительную нехватку рабочей силы в промышленности и строительстве. Сорванные с насиженных мест в ходе одновременно проходившей коллективизации сельского хозяйства крестьяне устремились в города. В 1930 г. проф-

союз работников строительной промышленности сообщал, что в города Подмосковья прибыло из деревень 400 тыс. сезонных рабочих-батраков. Весной 1930 г. массу их можно было встретить на московских вокзалах⁴.

В своей многократно цитируемой речи «Шесть условий хозяйственного строительства» от 23 июня 1931 г. перед хозяйственным активом, которая в последующие годы служила путеводной нитью, И.В. Сталин отдал предпочтение потребности заводов и строек в рабочей силе перед интересами колхозов. В одном из этих шести пунктов он потребовал заключать с колхозами договоры, чтобы таким образом проводить организованную вербовку (оргнабор) рабочей силы⁵. Тем самым традиционная форма сезонных работ (отходничество)⁶ должна была быть направлена в установленное русло и использоваться в целях индустриального строительства.

Впоследствии было заключено множество договоров между предприятиями и колхозами, но нередко они разрывались обеими сторонами. Заводы посылали на село целую армию вербовщиков, обещавших крестьянам высокую зарплату и спаивавших их, чтобы добиться подписания договора. Если правление колхоза отказывалось заключить договор, вербовщики обращались к крестьянам-единоличникам, число которых снова возросло после массового выхода из колхозов весной 1930 г. В принципе, с помощью оргнабора все же не удалось справиться со стихийным отходничеством. Масса рабочих покидала деревню на свой страх и риск, отправляясь в город на поиск работы, и руководство колхозов было бессильно что-либо с этим поделать⁷. Условия жизни в деревне были столь ужасающими, что крестьян-отходников не могла остановить угроза потери своей доли трудовой.

Подавляющее большинство новых рабочих, однако, нанималось не в рамках оргнабора, а, по выражению источника, «у фабричных ворот»⁸. В Магнитогорске организовано набранные рабочие только в 1931 г. составляли 48% всех новопришедших. В 1932 г. их доля упала до 29%, в 1933 г. — до 24%⁹. У завода «Серп и молот» в Москве в 1931 г. ежедневно появлялось 20—30 рабочих, главным образом бывших крестьян, подыскивавших себе работу¹⁰. Практика по найму предприятиями рабочих в одиночку или группами «у фабричных ворот» была санкционирована законом от 13 сентября 1931 г.¹¹

На строительстве метро также с самого начала обнаружилась чувствительная нехватка рабочей силы. Подготовленные в декабре 1931 г. контрольные цифры на 1932 г. оценивали потребность в рабочих для первого квартала в объеме 6 тыс. чел., второго — более 18 тыс. чел.¹² Уже в январе 1932 г. число фактически нанятых рабочих (320 чел.) составляло только половину необходимых по плану

600 чел. Причина этого, в первую очередь, заключалась в том, что рабочих негде было разместить, «Метрострой» сначала должен был возвести жилые бараки¹³.

В конце июля 1932 г. прием и увольнение рабочих были переданы в ведение отдельных строительных объектов (участков). На каждом участке была образована группа по приему и увольнению¹⁴. Центральный отдел кадров занимался трудоустройством только руководящего состава¹⁵. Таким образом, строительные участки могли вести более самостоятельную политику при выборе рабочих. В результате они перестали придавать значение формальностям и выяснению социального происхождения нанимаемых. В 1932—1933 гг. на стройку принимался практически каждый желающий, невзирая на отсутствие или неправильное оформление документов¹⁶. Доходило до того, что рабочего оформляли, когда он еще не был официально уволен с прежнего места работы¹⁷. Позднее были «разоблачены» целые «кулацкие бригады», нашедшие прибежище на строительстве метро¹⁸. Ситуация изменилась, когда первый секретарь Московского комитета партии Л.М. Каганович в апреле 1934 г. ввел в руководство «Метростроя» сотрудника ОГПУ И.Н. Кузнецова в качестве уполномоченного по кадровым вопросам. Кузнецов заменил на строительных участках персонал отделов, ответственных за прием рабочих, и распорядился заново перерегистрировать весь трудовой коллектив, очистив его от нежелательных элементов. После этой коренной реорганизации, длившейся 4 месяца, никто больше не мог быть принят на работу или уволен без согласия Кузнецова¹⁹.

Кампания по вербовке рабочих принесла мало результатов. Хотя «Метрострой» специально ввел институт вербовщиков²⁰, заключенные с колхозами договоры часто оставались клочком бумаги. Из 14 тыс. нанятых до начала декабря 1932 г. больше половины скоро разбежалось из-за плохих жилищных и бытовых условий на строительстве метро²¹.

Самая крупная вербовочная акция была проведена в Башкирии. С Калташинским районом Башкирской АССР, населенным по преимуществу татарами и марийцами²², 8 апреля 1933 г. был подписан договор. Местные партийные, комсомольские и административные органы обязались популяризировать среди колхозников идею метро и послать на его строительство 6 тыс. проверенных с точки зрения социального происхождения рабочих. «Метрострой» в виде ответной меры обещал поставить району оборудование и инструменты для ремонта сельскохозяйственной техники, агитационный вагон, радиооборудование, передвижную библиотеку и домашнюю аптечку, командировать на посевную и уборочную 6—10 человек, в том числе врача и агитатора, оказать помощь при строительстве рай-

центра в виде подготовки чертежей и составления сметы командированными специалистами и содействовать в создании телефонного узла связи. Кроме того, рабочие на строительстве метро должны были овладеть рядом технических специальностей (механики, водители, электромонтеры), что позднее послужило бы на благо колхозов²³. На собраниях вербовка строителей метро проводилась на языке местного населения. Помимо добровольцев, каждый колхоз командировал на строительство метро 10—15 мужчин. Эти люди трудились в качестве землекопов на участке строительства открытым способом в Сокольниках²⁴.

Заключение договоров вовсе не служило гарантией того, что ответственное число рабочих фактически прибудет на стройку. Из источников остается неясным, сколько именно человек в результате вербовочной кампании в Башкирии — единственной, которую признали успешной, — в конце концов прибыло в Москву. Ответственные за вербовку и редактор газеты «Ударник «Метростроя»» впоследствии говорили о более чем 4 тыс. приехавших²⁵. Составленный к 1 июля 1933 г. обзор зафиксировал, напротив, только 1300 марийцев и 1200 татар, что соответствует информации «Ударника «Метростроя»» лета 1934 г. о 2—2,5 тыс. «татар», занятых на строительстве метро²⁶. Уполномоченный по кадровым вопросам Кузнецов осенью 1934 г. упоминал о 2600 «башкирах», под которыми имел в виду марийцев и татар²⁷.

В отношении прочих вербовочных акций даже сами их участники открыто говорили о неудаче. Согласно плану, в 1933 г. должно было быть завербовано 18,7 тыс. рабочих. До июня 1933 г. «Метрострой» нанял 12,8 тыс., причем из них только 5,8 тыс. по «оргнабору», а остальных 7 тыс. — «с улицы». Договоры о найме 4 тыс. рабочих между тем снова были аннулированы. Хотя стояло самое благоприятное время года для строительных работ, на стройке не хватало 6 тыс. рабочих²⁸. Начальникам шахт и дистанций было поручено независимо от центральных вербовочных акций позаботиться самим о найме рабочей силы на периферии²⁹. При этом они подчас использовали земляческие контакты и посылали вербовщиков в те местности, уроженцы которых уже работали на стройке³⁰. Однако покрыть дефицит рабочей силы таким способом им не удалось³¹.

К тому же множество рабочих покидало стройку спустя всего несколько недель. Отчасти причина заключалась в том, что вербовщики возбуждали в рабочих завышенные ожидания. Агитационный плакат «Метростроя» 1933 г. манил рабочих высоким заработком, проживанием в новых бараках и хорошим снабжением потребительскими товарами и продуктами питания. Заявлялось, что работы в шахтах будут вестись «по последнему слову международной техни-

ки, абсолютно механизированно»³². Редакция «Ударника “Метростроя”» снабжала вербовщиков листовками, на которых чаще всего печаталось письмо колхозника своим односельчанам с описанием того, как хорошо работается и живет на «Метрострое» и как заметно он «вырос» на этой стройке³³.

Некоторые вербовщики растрачивали доверенные им деньги. В октябре 1933 г. был осужден инженер, который в ходе своей 6-недельной командировки спустил на курортах Черного моря несколько тысяч рублей и вместо опытных тоннельщиков привез в Москву только продавца лимонада, сапожника, мясника и пару юношей³⁴. Другие вербовщики, если им не удавалось нанять рабочих в колхозах, не долго думая, собирали алкоголиков, бродяг, воров и иных сомнительных личностей, которых подбирали на вокзалах³⁵.

Жилищная проблема вынудила «Метрострой» весной 1934 г., когда строительные работы достигли своего пика, принимать преимущественно тех рабочих, которые уже проживали в Москве³⁶. Из почти 62 тыс. чел., которые в 1934 г. пришли на строительство метро, лишь немногим более 5 тыс. были завербованы в организованном порядке вне Москвы, тогда как, по меньшей мере, 37,5 тыс. были набраны «у ворот», а около 19 тыс. чел. «мобилизованы» с московских предприятий³⁷.

«Мобилизация» на московских предприятиях

Недостаток рабочей силы, слабая дисциплина и низкая производительность труда рабочих, а также разочаровывающие «достижения» «Метростроя» побудили Московский комитет партии в начале 1933 г. отдать приказ о переводе комсомольцев с московских предприятий на строительство метро. Постановлением от 28 февраля 1933 г. партийный комитет «Метростроя» обязывался проверить дислокацию членов партии и молодых коммунистов внутри коллектива, озаботившись тем, чтобы в каждой смене имелось твердое ядро коммунистов и комсомольцев. Областной и городской организациям комсомола было приказано мобилизовать в течение месяца на «Метрострой» тысячу комсомольцев³⁸.

«Мобилизация», как называлось проводившееся партией, комсомолом или профсоюзами откомандирование, являлась типичным методом раннего сталинизма и была направлена на преодоление узких мест или выправление кризисного положения. В годы первой пятилетки члены партии, квалифицированные рабочие и прежде всего комсомольцы в массовом порядке подвергались мобилизации, будь то строительство Днепрогэса, Сталинградского тракторного завода или Магнитогорского горно-металлургического комбината³⁹.

Для мобилизационных акций комсомольцы подходили наилучшим образом благодаря своей юношеской увлеченности, подвижности, отсутствию обременяющих связей и царившей в их организации дисциплине. Комсомольцев можно отнести к основополагающим опорам советского режима. Без них ни индустриализация, ни коллективизация, вероятно, не были бы осуществлены.

На строительстве метро комсомольцы в 1931—1932 гг. еще никак себя не проявили. Из почти 10 тыс. чел., занятых в начале 1933 г. на строительстве, комсомольцев насчитывалось всего 610 чел. (6,1%). Они, правда, создали отдельные комсомольские бригады и устроили три комсомольских барака, а также собирали среди рабочих рационализаторские предложения, но в остальном проявляли мало инициативы. Из этих 610 комсомольцев в шахтах работал всего 31 чел., 172 занимали должности служащих в административном аппарате. Не слишком заметны были такие символы эпохи, как социалистическое соревнование, ударничество, политическая агитация среди остальных рабочих⁴⁰.

Московский горком комсомола поэтому 1 февраля 1933 г. решил провести коренную реформу комсомольской организации «Метростроя». Комитет комсомола «Метростроя» обязан был позаботиться о том, чтобы как минимум половина молодежи отправилась в шахты в качестве проходчиков, механиков и кессонщиков, организовав две образцовые комсомольские шахты, соревнующиеся друг с другом. Для придания работе комсомольцев дополнительного стимула им должны были возвести отдельное барачное поселение с образцовым оборудованием. Они обязывались создать ударные и молодежные бригады и развернуть социалистическое соревнование. Для усиления комсомольской организации с московских фабрик и заводов намечалось мобилизовать на строительство метро 200 комсомольцев. Дополнительно предстояло откомандировать 20 пропагандистов для чтения комсомольцам и беспартийным лекций, проведения политзанятий, коллективного посещения кино и других политизированных форм проведения досуга⁴¹.

В марте 1933 г. Московская городская организация комсомола, в ответ на приказ партии от 28 февраля 1933 г., постановила послать на строительство тысячу комсомольцев⁴². Между райкомами были распределены квоты, сколько членов комсомола и какой квалификации они обязаны мобилизовать. Райкомы, в свою очередь, перераспределяли эти квоты между отдельными предприятиями. Комсомольцы-метростроевцы были посланы на фабрики, чтобы агитировать молодежь поступать на стройку. Многие предприятия оказывали сопротивление и заявляли, что не смогут обойтись без своих рабочих. Только под давлением вызванного на поддержку

партийного секретаря райкома они давали добро на мобилизацию рабочих⁴³.

Отклики среди заводской молодежи на эту акцию были весьма разнообразны. На ряде предприятий в связи с вербовочной кампанией нашлось немало добровольцев, воодушевленных идеей помочь строительству метро. Многие из добровольцев, признанные негодными после медицинского освидетельствования, убеждали врачей записать их здоровыми⁴⁴. Имелись и прямо противоположные примеры: юноши симулировали болезнь, чтобы не попасть под мобилизацию⁴⁵. На ряде фабрик комсомольцы хоть и задавали заинтересованные вопросы, насколько тяжела и утомительна работа, как обстоит дело со снабжением и питанием, однако лишь немногие записались добровольцами⁴⁶.

Поскольку не находилось достаточно добровольцев, комсомольские секретари оказывали давление на членов своих организаций. Многих откомандировали против их воли или исключали из комсомола за отказ работать в «Метрострое». Часть мобилизованных сбежала со стройки уже через несколько дней после ознакомления с условиями труда. Поскольку это означало исключение из комсомола, многие возвращали свои комсомольские билеты⁴⁷. Один комсомольский секретарь по распоряжению райкома вынужден был, наконец, сам отправиться на строительство метро, так как мобилизованные им люди разбежались⁴⁸.

В начале мая горком комсомола вынес порицание районным организациям, поскольку выделенные им квоты не были выполнены, а среди мобилизованных обнаружилось немало «дезертиров». До 10 мая 1933 г. кампанию следовало еще раз усилить и привести к завершению. Имена «дезертиров» открыто назывались на собраниях⁴⁹.

Несмотря на все меры, мобилизовать требуемую тысячу комсомольцев так и не удалось. Хотя в дальнейшем говорили о «тысячниках», имея в виду первую волну мобилизованных комсомольцев, фактически на строительство метро было командировано 834 комсомольца⁵⁰. Некоторые секретари комсомольских ячеек в интересах своих предприятий препятствовали проведению этой акции, заполняя выделенную квоту рабочими с физическими недостатками в расчете, что их вскоре пришлют обратно, так как они по здоровью не смогут использоваться на подземных работах⁵¹.

14 мая 1933 г. комсомольцев на торжественном заседании с музыкой и приветственными речами провожали на строительство метро. Второй секретарь Московского городского комитета партии Н.С. Хрушев и другие функционеры в своих обращениях к молоде-

жи выражали уверенность, что своим непреодолимым энтузиазмом она способна внести решающий перелом в дело строительства метро⁵². Ей предстояло вести борьбу за твердую дисциплину, против упущений в работе и простоев, против «кулаков», «троцкистов», «правых оппортунистов» и других врагов, внедряющихся на стройку⁵³. Сверх того, комсомольцы должны были перевоспитывать в большевистском духе прибывающих из деревень новых рабочих, прививая им социалистический стиль работы и навыки культурной жизни⁵⁴. Комсомольцы приняли в конце патетическую резолюцию, в которой торжественно обещали оправдать возлагаемые на них надежды⁵⁵.

В источниках нет сведений, сколько этих «тысячников» надолго задержалось на «Метрострое». Известно, что многие уже спустя несколько дней покинули стройку, а часть других только с большим трудом удалось уговорить остаться⁵⁶. Некоторые из посланных на строительство против их воли просто не хотели там работать. Условия, в которых они оказались, вызвали разочарование и фрустрацию, однако, даже у тех, кто вызвался работать на строительстве метро осознанно или даже из убеждения.

Многие прибыли на стройку в ожидании, что их встретят с распростертыми объятиями, позволят сразу же спуститься в шахту и все переделать на свой лад. Действительность же выглядела совсем иначе. Начальники строительных участков отреагировали на прибытие комсомольцев скорее холодно и выражали скепсис по поводу того, что с этой молодежью, не имеющей понятия о строительстве тоннелей, можно вообще что-либо затеять⁵⁷. Первое разочарование комсомольцев заключалось уже в самом факте, что их прибытие на стройку прошло совершенно незаметно и никто пока о них не заботился. Последующие разочарования были связаны с тем, что комсомольцев по целым дням отсылали из одной конторы в другую, пока наконец не поручали второстепенную работу, нередко прямо давая понять, что они никому не нужны⁵⁸. «Никто не знал о нас, никто нам не помог, никто нас не обучал. [...] Даже бригадир не обращал на нас внимания», — вспоминал позднее один из комсомольцев⁵⁹.

Некоторые комсомолки прилагали усилия, чтобы их допустили к подземным работам в шахтах. Секретарь московского комсомола А.М. Шаширин должен был лично обращаться с жалобой к руководству шахт, чтобы те прекратили сопротивление против использования женского труда⁶⁰. Другие комсомолки, напротив, боялись спускаться под землю и с трудом привыкали к постоянной грязи и сырости⁶¹.

Часто работа на стройке замедлялась из-за непонятных бюрократических препятствий. Одни получили в первую получку столь малый аванс, что продавали выданный им белый хлеб и на вырученные деньги покупали черный, чтобы наестся⁶², других разместили в переполненных бараках, так что они фактически снова оказались на улице⁶³, третьим днями не выдавали продуктовых карточек и открещивались от столовой⁶⁴.

Ввиду потока жалоб и постоянного отлива мобилизованных, горком комсомола послал на строительство метро нескольких функционеров, поручив им позаботиться о молодежи⁶⁵. Комсомольскую организацию «Метростроя» и ее секретаря Кулагина, который хоть и объявил одну из шахт «комсомольской» (шахту № 12 под Театральной пл., на которой предусматривалась щитовая проходка) и перевел две сотни комсомольцев из административного аппарата на работу в шахты, но в целом мало что сделал для мобилизованных, обязали совместно с руководством стройки озаботиться тем, чтобы молодым коммунистам была предоставлена квалифицированная работа на решающих участках строительства. «Тысячников», сверх того, следовало быстро обучить, перевести в более высокооплачиваемую тарифную категорию и как можно скорее предоставить им должности десятников и бригадиров. Наряду с этим им предоставлялось право организовывать на строительных объектах комсомольские ячейки и руководить ими⁶⁶.

Несмотря на трудности, мобилизация вскоре обнаружила и положительные стороны. Та часть «тысячников», которая осталась на стройке, образовала твердое, высокомотивированное ядро, в обезкураживающе короткий срок овладела требуемой квалификацией и стала авангардом всего трудового коллектива. «Тысячники» вскоре поднялись до десятников и бригадиров и создали цепь комсомольских ячеек на строительных объектах. Ввиду таких благоприятных результатов, механизм мобилизации был задействован в течение последующих месяцев еще несколько раз. Каганович в июле 1933 г. дал распоряжение районным комитетам партии откомандировать на строительство метро тысячу коммунистов и 500 избранных беспартийных рабочих с московских предприятий. Комсомолу дали приказ до конца месяца набрать дополнительно 1,5 тыс. чел.⁶⁷

В ответ на это 15 июля 1933 г. Московский горком комсомола решил до 1 августа мобилизовать на строительство метро еще 2 тыс. чел.⁶⁸ Инструкция о проведении этой акции свидетельствует, что из ошибок научились извлекать уроки: во всех районах были образованы комиссии-«тройки» с участием представителя «Метро-

стройка». Все отобранные комсомольцы должны были сохранять свое прежнее место жительства, чтобы «Метрострою» не нужно было предоставлять им жилье. За первый месяц работы все мобилизованные должны были получить зарплату в размере не ниже прежней среднемесячной⁶⁹.

Руководство «Метростроя» на этот раз также заранее позаботилось о том, чтобы устройство молодежи проходило без задержек и она была снабжена всем необходимым. Комсомольцев теперь предполагалось использовать не на вспомогательных работах, а только в качестве проходчиков, плотников, механиков и землекопов⁷⁰. Между тем начальники строительных участков на опыте «тысячников» научились ценить потенциал комсомольцев.

Включение в работу стройки «двухтысячников» благодаря осмотрительной подготовке прошло сравнительно гладко. Тем не менее плановый рубеж вновь не был достигнут: в конце августа 1933 г., т. е. спустя 4 недели после назначенного срока, к работе на строительстве метро приступили только первые 470 комсомольцев. Мобилизованных было гораздо больше, но их отправка задержалась из-за проходившей в то же время чистки партийных и комсомольских организаций. Подобным же образом проходила мобилизация райкомами партии тысячи коммунистов и 500 беспартийных рабочих. До конца августа из них на площадках «Метростроя» появились первые 500 чел.⁷¹ Среди них были не только рабочие, но и партийные функционеры предприятий и районов, которые теперь стали руководить партячейками на «Метрострое»⁷². До конца года в рамках кампании по мобилизации на строительство метро было привлечено 938 членов партии и 201 беспартийный⁷³.

23 августа 1933 г. московский комсомол объявил об установлении шефства над строительством и решил до 1 октября 1933 г. послать на «Метрострой» 10 тыс. чел., из них по меньшей мере 2 тыс. женщин⁷⁴. Заявленная задача по мобилизации не была выполнена. Как и в предыдущие месяцы, директора ряда предприятий категорически отказывались отпустить добровольцев на строительство метро или откомандировывали таких рабочих, которых было не жалко потерять: моложе 15 лет или ожидающих призыва в Красную армию⁷⁵.

К 29 октября 1933 г. удалось отправить на «Метрострой» вместо требуемых 10 тыс. чел. всего 7223, из них 1313 женщин (18%). Фактически приступили к работе только 5860 чел.⁷⁶ Всего за три мобилизационных волны 1933 г. вместо намеченных 13 тыс. чел. смогли привлечь к строительству метро немногим более половины, а именно 7443 комсомольцев⁷⁷. Из этой цифры следует еще вычесть не

поддающееся точному учету число тех, кто покинул стройку вскоре после поступления на работу.

В декабре 1933 г. мобилизация была возобновлена. Теперь было принято решение послать на строительство метро 4 тыс. комсомольцев⁷⁸, т. е. фактически недостающее до 10 тыс. чел. количество. Кроме того, теперь подключился и Московский комитет партии. В постановлении от 29 декабря 1933 г., тщательно подготовленном Кагановичем, предусматривалось совместно с профсоюзами и комсомолом в течение января — февраля 1934 г. послать на строительство метро 20 тыс. рабочих московских предприятий, образовав особую комиссию⁷⁹. Проведенный в начале 1935 г. подсчет, основанный на отчетных материалах отделов кадров шахт и дистанций, дал цифру около 18,8 тыс. рабочих, которые в 1934 г. поступили на работу в «Метрострой» в ходе мобилизации⁸⁰.

Среди москвичей было распространено представление, что на строительстве метро в крупном масштабе применялся труд заключенных⁸¹. Подобные утверждения содержатся и в некоторых исторических трудах⁸². Указания источников по этому поводу различны. На каменоломнях и гравийных карьерах «Метростроя» под Москвой время от времени действительно использовался по преимуществу труд заключенных и мелких преступников-рецидивистов⁸³. В самой же Москве отказывались от сколько-нибудь заметного применения принудительного труда, поскольку оно никак не соответствовало созданному пропагандой образу элитарной стройки энтузиастов, служившему приманкой для иностранных гостей. Здесь трудились исключительно бывшие заключенные с Беломорско-Балтийского канала, которые были освобождены после окончания его сооружения в 1933 г., а также специалисты, осужденные как «вредители», но теперь понадобившиеся как носители технических знаний⁸⁴.

Текучесть рабочей силы

Трудовой коллектив «Метростроя» развивался в зависимости от предстоявших работ, наличия жилищного фонда и возможностей трудоустройства рабочих. Цифры занятых на стройке рабочих, привлеченных в результате описанной выше вербовки, путем найма «с улицы» или в ходе мобилизаций, нельзя механически суммировать, так как имела место значительная текучесть рабочей силы. В течение 1931—1935 гг. на «Метрострой» было принято во много раз больше рабочих, чем когда-либо одновременно трудилось на стройке. Впечатляющий прирост численности рабочих отмечается с янва-

ры по май 1934 г. Своего пика он достиг в мае 1934 г., когда число рабочих составило ровно 76 тыс. чел.⁸⁵

Таблица 1

Рабочая сила «Метростроя», 1932—1935 гг.

Период / дата	Рабочие		ИТР		Всего занято (чел.)
	чел	% к итогу	чел	% к итогу	
1-й квартал 1932 г.	1328	55,6	169	7,1	2389
2-й квартал 1932 г.	3106	67,9	(330)*	7,2	4574
3-й квартал 1932 г.	4333	63,6	(460)	6,8	6809
4-й квартал 1932 г.	(5200)	60,5	(635)	7,4	(8600)
1-й квартал 1933 г.	5734	63,4	727	8,0	9038
2-й квартал 1933 г.	8499	64,7	848	6,5	13141
3-й квартал 1933 г.	14893	68,0	1762	8,0	21907
4-й квартал 1933 г.	25326	77,1	2195	6,7	32848
1.2.1934	38434	78,6	3100	6,3	48897
1.3.1934	49130	80,5	3855	6,3	61062
1.4.1934	54638	79,9	4449	6,5	68421
1.5.1934	60302	79,7	4756	6,3	75639
1.6.1934	56724	80,0	4319	6,1	70936
1.7.1934	53788	78,7	4539	6,6	68347
1.8.1934	51776	77,6	4766	7,1	66750
1.9.1934	51475	76,0	5080	7,5	67719
1.10.1934	51459	76,5	4859	7,2	67294
1.11.1934	49933	74,9	4979	7,5	66709
1.12.1934	49178	75,0	4856	7,4	65605
1.1.1935	48056	74,3	5038	7,8	64668
1.2.1935	47737	74,4	4668	7,3	64154

* В скобках приведены недостающие данные, оцененные с помощью графика.

Источники: «Метрострой». Штатный состав на 1 декабря 1931 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 8. Л. 9—11); Конъюнктурные отчеты «Метростроя» с января по август 1932 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 162. Л. 11—12, 39, 45, 63, 65, 82, 101, 104; Д. 163. Л. 9, 17, 43—46); Конъюнктурный отчет с января по октябрь 1932 г. (ЦМАМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 395. Л. 209); Краткое техническое описание первой очереди метро, 16 февраля 1935 г. (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 40. Д. 16. Л. 50 — данные за 1933—1935 гг.). Квартальные данные 1932 г. приведены по состоянию на центральный месяц квартала.

Отличительной чертой первых пятилеток была высокая текучесть рабочей силы на производстве. Частую смену места работы следует воспринимать как средство успешного противодействия системе, объявляющей стачку преступлением и лишаящей профсоюзы их основной функции обеспечения рабочим лучших условий труда, дополнительных бытовых удобств или более высокой оплаты⁸⁶. В условиях хронического дефицита рабочей силы люди почти всегда могли рассчитывать на то, что подыщут новую работу⁸⁷. Этот образ действий в годы форсированной индустриализации был усугублен обострением жилищного кризиса, ухудшением положения со снабжением продовольствием и потребительскими товарами, а также кардинальными отличиями в уровне зарплаты на отдельных предприятиях⁸⁸. На стройках, которые для миллионов крестьянских мигрантов служили своего рода промежуточными станциями на пути из деревни к фабрике, текучесть кадров носила выраженный сезонный характер, который не только зависел от временной конъюнктуры строительного дела, но и определялся связью рабочих с деревней.

На строительстве метро в первые годы текучесть рабочей силы была громадна. В начале 1933 г. председатель Московской комиссии партийного контроля Филатов сообщал Кагановичу, что в 1932 г. на «Метрострой» прибыли 18585 рабочих, а 14305 сбежали со стройки или были уволены. На 31 декабря 1932 г. продолжали трудиться 5674 рабочих. Если учесть среднее число рабочих за год (2749), то при 14305 покинувших стройку показатель текучести составит 520%, или 43% ежемесячно. Это соответствует 9 неделям средней продолжительности пребывания рабочего на стройке⁸⁹.

В 1933 г. положение не улучшилось. В январе 1933 г. текучесть рабочей силы на строительстве метро составила 31,6%, в феврале — 24,2%, в марте — 24,1% и в апреле — 27,6%⁹⁰. С возрастанием числа занятых текучесть кадров в процентном отношении сокращалась. Но абсолютные цифры оставались тревожными на протяжении всего 1933 г.: в октябре на «Метрострой» пришло 3000 рабочих, а уволилось 3300, в последние три месяца года в целом пришло 14800 чел., а ушло 12700⁹¹.

В 1934 г. ситуация несколько улучшилась. При численности рабочих в середине года примерно в 36,5 тыс. чел. было зарегистрировано около 62 тыс. приемов на работу на шахтах и дистанциях и, по меньшей мере, 34513 уходов⁹². Эти цифры соответствуют показателю текучести 95% в год, или ежемесячно 7,9%. Правда, они не могут быть сопоставимы с данными 1932—1933 гг., так как осенью 1934 г., после окончания тоннельных работ, штат «Метростроя» был единовременно сокращен на 12 тыс. рабочих. Поэтому увольнения

1934 г. не в полной мере могут быть подведены под определение текучести. Среди инженерно-технического персонала и служащих текучесть кадров, впрочем, была весьма незначительна⁹³.

Причины ухода рабочих со стройки были многообразны: в 1932—1933 гг., до введения сдельной оплаты труда, многие были недовольны уровнем зарплаты, к тому же способ ее исчисления оставался рабочим непонятен⁹⁴. Частые перебои в работе из-за организационных неурядиц и нехватки материалов негативно влияли на уровень зарплаты, которую иногда выплачивали с недельным опозданием. Многих рабочих завербовывали с помощью ложных обещаний, а на месте они обнаруживали далекие от ожидаемых условия труда и отдыха. Даже неизбалованным советским гражданам нелегко было перенести условия жизни в бараках в 1932—1933 гг.⁹⁵ Профсоюзы поначалу мало заботились об улучшении условий жизни метростроевцев. Другой причиной в 1933 г. служила длительная процедура трудоустройства. Новопришедшие рабочие вынуждены были до 12 дней ожидать на улице, пока их оформят на работу, не имея в это время ни спального места, ни хлебной карточки⁹⁶.

Часть рабочих была вынуждена уволиться: с одной стороны, постоянно повторялась ситуация, когда центральный отдел найма и увольнения посылал на стройку рабочих, чьи специальности не требовались, и тех рассчитывали⁹⁷; с другой стороны, значительная часть рабочих была уволена вследствие нарушений трудовой дисциплины или прогулов⁹⁸.

Политическая власть и руководство предприятия стремились справиться с избыточной мобильностью рабочей силы, используя двойную стратегию: с одной стороны, издавались draconовские законы, чтобы ограничить передвижение людей; с другой — старались заинтересовать рабочего остаться на своем предприятии: с помощью материальных стимулов, например за счет дифференциации заработной платы в духе «шести пунктов» Сталина, или имеющих идеологическую подоплеку мероприятий (ударничество и социалистическое соревнование)⁹⁹. Руководство «Метростроя» и соответствующие партийные органы не раз указывали на необходимость улучшения условий жизни рабочих, чтобы сдерживать текучесть кадров¹⁰⁰. Введением прогрессивной сдельной оплаты стремились пробудить в рабочих материальный интерес, агитацией о значении «Метростроя» пытались добиться их идентификации с объектом строительства¹⁰¹.

Законы, с помощью которых режим пытался сдерживать высокую текучесть кадров и неконтролируемый приток населения из деревни в город, были не проявлением эффективного контроля над

населением, а скорее импровизированной реакцией на проблему, реакцией, не ставшей постоянным инструментом¹⁰². Зимой 1932—1933 гг. положение обострилось: сотни тысяч людей, голодающих в результате проведения коллективизации, двинулись из села в города в надежде пережить здесь тяжелое время. В этих условиях перекочевка с одного места работы на другое осуществлялась для поиска не столько большего заработка, сколько достаточного пропитания¹⁰³. Чтобы воспрепятствовать массовому переселению из деревни в город и постоянной смене рабочих мест, были введены, по образцу подобных документов царского периода, внутренние паспорта¹⁰⁴. С их помощью стремились привязать сельское население к колхозам, чтобы улучшить продовольственное снабжение и смягчить жилищный кризис в городах, обеспечить «социальную чистоту» городов и крупных строек.

Декретом правительства от 27 декабря 1932 г. все городские жители старше 16 лет и занятые на крупных стройках обязывались оформить паспорта во вновь созданных паспортных столах ОГПУ. Наличие паспорта являлось условием легального пребывания в городе или на строительном объекте. Сельские жители могли получить паспорт только при поступлении на работу, что определенно предусматривало получение разрешения на пребывание в городе¹⁰⁵.

В Москве и ее окрестностях в радиусе 100 км жители должны были зарегистрироваться до 15 апреля 1933 г. В 1932 г. население города выросло с 3135 тыс. до 3663 тыс. чел. Цель выдачи паспортов заключалась в сокращении до конца года населения Москвы до 3,3 млн чел. Цель эта отчасти была достигнута: к июлю 1932 г. численность москвичей сократилась на 246 тыс. чел. Правда, к 1 января 1934 г. население снова выросло до 3613 тыс. чел., но при беспрепятственном продолжении роста в динамике прошлых лет оно достигло бы 4,2 млн чел.¹⁰⁶

Паспорт не выдавался лицам, которые а) не занимались «общественно полезным трудом», б) в качестве кулаков, раскулаченных, осужденных судом или другим образом были объявлены лишенными гражданских прав и в) прибыли в Москву после 1 января 1931 г. и не работали или заведомо являлись «летунами» и «дезорганизаторами производства»¹⁰⁷. Чтобы выследить этих людей, ОГПУ оказывало соответствующее давление на управдомов, а милиция устраивала облавы по квартирам и в общественных местах¹⁰⁸.

На предприятиях обнаружилось большое число людей, принятых на работу без документов. 60 тыс. чел. предпочли вообще не являться в паспортные столы, а в первые же два месяца проведения акции покинуть Москву, в том числе 2 тыс. рабочих автозавода АМО—ЗиС. Особенно высок был удельный вес таких лиц на круп-

ных стройках. Руководители предприятий срывали проведение закона, и в дальнейшем принимая на работу лиц без документов, настаивая в милиции на безотлагательной выдаче паспортов таким рабочим и грозя, что в противном случае завод или стройка не сможет выполнить производственный план¹⁰⁹.

К 8 мая 1933 г. в Москве выдали 2394 тыс. паспортов и временных документов. В выдаче паспортов было отказано 86373 чел. (3,5% взрослого населения города). Большинство этих людей являлись безработными, «летунами», «дезорганизаторами» и беглыми кулаками (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Категории, которым отказано в выдаче паспорта, Москва, 1933 г.

Категории	Чел	%
«Лица, прибывшие в Москву после 1 января 1931 г. и являющиеся безработными, летунами или дезорганизаторами»	23008	26,6
«Беглые кулаки и раскулаченные»	22344	25,9
«Осужденные преступники»	13674	15,8
«Лица, не занимающиеся общественно полезным трудом»	12647	14,6
«Лица, состоящие на иждивении у других»	10036	11,6
«Лишенцы»*	4084	4,7
«Перебежчики»**	580	0,7

* «Лишенцы» — лишенные гражданских прав из-за принадлежности к «эксплуататорским классам».

** Эта категория в источниках не разъяснена. Предположительно, речь идет о лицах, перебивавшихся из одного района в другой, чтобы избежать регистрации.

Источник: Заместитель начальника Московской милиции и начальник паспортного отдела Лепсис. Состояние выдачи паспортов в Москве, 8 мая 1933 г. (ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1517. Л. 17).

Лица без паспортов подлежали высылке из Москвы. Впрочем, значительной части удалось затаиться без документов или раздобыть себе фальшивые паспорта. При проведенной в 1941 г. проверке документов в Москве были задержаны тысячи людей с неправильно оформленными документами или вовсе без бумаг¹¹⁰.

На «Метрострое» выдача паспортов началась в феврале 1933 г. Газета «Ударник “Метростроя”» призвала рабочих устроить облаву на «классово чуждые элементы», которые затесались в их ряды и са-

ботировали строительство, признав одновременно, что лишь часть партийных и комсомольских ячеек на участках проявляли активность в этом направлении. Комиссии-«тройки» были заняты разоблачением «паразитических элементов, кулаков, воров, мошенников, хулиганов, спекулянтов» и других «классовых врагов». При появлении подозрений писали письма в сельсовет родной деревни, чтобы выяснить социальное происхождение вчерашнего крестьянина¹¹¹.

В ходе этих проверок установили, что многие рабочие вообще не имели документов, а картотеки отдела приема на работу находились в беспорядке. Например, картотека конторы гражданского и промышленного строительства включала 3000 рабочих, тогда как фактически на объекте трудилось 700 рабочих. На 200 из них не имелось свидетельств о социальном происхождении. Еще у 100 не было никаких документов¹¹².

Благодаря паспортной системе на «Метрострое» был все же введен более строгий режим найма рабочих. Лазейка оставалась в виде трехмесячных свидетельств, которые выдавались вновь прибывающим в Москву до окончания операции выдачи паспортов по всей территории Советского Союза и многими использовались для того, чтобы укрыться на строительстве метро. В последующем на истечение срока действия этих документов не обращали внимания¹¹³.

Когда год спустя, в апреле 1934 г., сотрудник ОГПУ И.Н. Кузнецов в качестве уполномоченного по кадровым вопросам при руководстве «Метростроя» взялся за перерегистрацию и проверку всего штатного персонала, он столкнулся с аналогичными сложностями: картотеки были неполны, бумаги находились в беспорядке, надлежащие документы отсутствовали. Вплоть до марта 1934 г. шахты и дистанции принимали рабочих без паспортов и без справки с последнего места работы¹¹⁴. В ходе реорганизации кадровой службы, продлившейся 3—4 месяца, были уволены 2 тыс. рабочих, которые не имели паспортов либо были разоблачены как преступники или сбежавшие из ссылки кулаки. Некоторое, точно неизвестное число рабочих затаились и избежали тем самым проверки¹¹⁵. Кузнецову удалось в течение 1934 г. установить жесткий контроль над кадровыми делами. Если верить отчетам отделов кадров, то во второй половине 1934 г. у каждого рабочего имелась справка с последнего места работы, паспортные данные рабочих были занесены в персональную картотеку. Рабочих без необходимых документов на стройку больше не принимали¹¹⁶. Лишь на отдельных строительных объектах признавали, что система учета рабочей силы все еще оставалась ненадежной¹¹⁷.

Обеспечение рабочих жильем

Трудности вербовки рабочих и удержания их на более или менее длительное время были прямо обусловлены, среди всего прочего, жилищной проблемой. Дефицит жилья являлся в Советском Союзе хроническим. В своих «Шести условиях...» от 23 июня 1931 г. Сталин потребовал улучшения жилищных условий рабочих¹¹⁸. На практике же в 1930-е гг. они еще более ухудшились, при том что исходный уровень и без того был низок. Если в 1912 г. на одного москвича приходилось в среднем 7,4 кв. м жилой площади, а в 1920 г. «даже» 9,5 кв. м (поскольку в годы Гражданской войны резко сократилось население города), то затем этот показатель постоянно снижался вплоть до 4,1 кв. м в 1940 г. (в 1928 г. — 5,6 кв. м, 1931 г. — 5,2 кв. м, 1934 г. — 4,2 кв. м). Только в 1960-е гг. средняя норма жилой площади в Москве достигла уровня 1912 г.¹¹⁹

Бюджет Моссовета по жилищному строительству был недостаточен, чтобы удовлетворить потребность в жилье, резко обострившуюся из-за массового притока рабочих. Это бремя было взвалено на предприятия, спешно возводившие на окраинах города барачные постройки, которые являлись насмешкой над социалистическим планом застройки города и часто не имели не только газа и электричества, но даже водопровода¹²⁰. В 1935 г. более $\frac{2}{3}$ жилья в Москве было возведено за счет предприятий и наркоматов отдельных отраслей промышленности. Нередко приезжавшие из провинции обнаруживали на окраинах Москвы поселки из землянок, в которых бывшие крестьяне обитали в привычных деревенских условиях¹²¹.

Средняя жилплощадь в рабочих слободах на окраинах Москвы составляла в начале 1930-х гг. 2 кв. м на человека, т. е. примерно столько, сколько занимает кровать. В 1934 г. строительство барачных было запрещено, но предприятия находили возможности обойти этот запрет. 35% построенного в 1935—1937 гг. жилья приходилось на «стандартные дома»¹²², которые строились на деревянном каркасе, обшитом изнутри и снаружи досками. Промежуток между каркасом и досками заполнялся утеплителем — торфом или стружками. «Стандартные дома» отделывались штукатуркой и выглядели как капитальные сооружения, но в действительности являлись лишь улучшенным типом барака. При этом бараки были еще не худшим пристанищем для приезжих рабочих. В 1933 г., по свидетельству очевидцев, для ночлега часто использовались подвалы с углем, склады или лестничные клетки в подъездах¹²³.

Как и многие другие предприятия, «Метрострой» обязан был сам позаботиться о размещении и проживании своих рабочих. В ноябре 1931 г., одним из первых в системе «Метростроя», был основан от-

дел по строительству жилья¹²⁴. В декабре 1931 г. «Метрострой» получил под застройку жилья для рабочих 56 га земли в районе станции «Лось» Северной железной дороги, в нескольких километрах за тогдашней границей города. Там в 1932 г. был построен первый и самый крупный барачный поселок «Метро-стройка»¹²⁵. Кроме него барачные поселения, одиночные бараки и жилые дома были возведены на окраинах города (в Филях и Черкизово, а также в Сокольниках на ул. Мазутная и Колодезная) и вдоль трассы первой линии метро (например, бараки на Остоженке, на Мясницкой и в районе Каланчевской площади)¹²⁶.

К 1 августа 1933 г. «Метрострой» располагал 85 бараками общей площадью 28,9 тыс. кв. м на 9260 чел. (в среднем 3,5 кв. м на человека), которые были построены своими силами, 90 бараками в 30 тыс. кв. м на 8570 чел., предоставленными Моссоветом, 60 жилыми объектами с 751 комнатой и 75 квартирами, а также 150 комнатами и 27 квартирами для инженерно-технического персонала и рабочих с семьями, также полученными от Моссовета. За счет этого фонда с трудом были обеспечены жильем 18,7 тыс. рабочих, занятых к тому времени на строительстве. Сооружение новых бараков было временно приостановлено, потому что пришлось в первую очередь ремонтировать старые¹²⁷. До конца 1933 г. «Метрострой» приобрел еще один поселок в Ростокино (к северу от Сокольников) с двухэтажными стандартными домами, а также поселок в Лужнецком пер. (рядом с Новодевичьим монастырем)¹²⁸. К сентябрю 1934 г. количество жилых строений «Метростроя» достигло 400. Из них 240 размещались в поселках, остальные были разбросаны по городу¹²⁹. В феврале 1935 г. их число выросло до 500, из них 140 объектов представляли собой двухэтажные дома квартирного типа¹³⁰.

Положение барачных поселков в 1932—1933 гг. оставалось удручающим и, несмотря на многочисленные жалобы и вмешательство контрольных органов и профсоюзов, улучшалось крайне медленно. Периодически проводившиеся «походы за культурный барак» давали незначительный эффект. Во время первого такого похода в июле 1932 г. вполне удовлетворялись тем, что в бараках имелось достаточно мешков с сеном и деревянных лежаков и рабочие не были вынуждены спать на полу. Столы и прикроватные тумбочки считались шиком¹³¹. В большинстве бараков только у каждого второго жильца имелась табуретка и тумбочка. Простыней, наволочек, одеял и матрасов было недостаточно. Умывальники, душ и туалеты во многих бараках и вовсе отсутствовали. Во время «походов» составлялся список недостатков и того, чего нехватало, проводилась дезинфекция и уничтожение вшей; в бараках организовывались «культбыт-тройки», проводились социалистические соревнования уборщиц и суб-

ботники по уборке территории вокруг бараков, размещались плакаты и транспаранты¹³².

По рассказам строителей метро, в первое время не было одеял и простыней, и им приходилось вспарывать мешки с сеном и забираться в них, так что только голова торчала наружу¹³³. «Условия в бараках были кошмарные, люди спали в мешках, часто просто на полу»¹³⁴. Другие жили ввосемьмером на 8 кв. м¹³⁵ или месяцами ночевали в душевой, так как не могли получить постоянного спального места¹³⁶. Так как в поселках метростроевцев — кроме посещения немногочисленных «красных уголков» с газетами, шахматами, шашками и домино — не было возможности увлекательно проводить свободное время, то драки и пьянство в переполненных бараках являлись постоянным пунктом повестки дня¹³⁷. Вследствие переполнения бараков и нехватки санитарного оборудования распространялись вши, блохи и клопы. Количество построенных в поселке Лось бань еще в конце 1932 г. было столь недостаточным по сравнению с числом жителей, что рабочим зачастую приходилось ездить в Москву, чтобы помыться¹³⁸.

В феврале 1933 г. Комиссия партийного контроля и Рабкрин, проведя выборочное обследование бараков в районе Остоженки и в Филях, обнаружили мрачную картину: помещения не отапливались, так как не было дров, щели в домах не были заделаны, отсутствовали водопровод и канализация. Уборные и прилегающие к баракам дворы пребывали в таком неопишемом состоянии, что приходилось всерьез опасаться возникновения эпидемий. Постельное белье не менялось в течение 4—5 месяцев, и в результате катастрофических санитарных условий уже получили распространение инфекционные заболевания¹³⁹:

«В Бутниковских¹⁴⁰ бараках до сих пор нет дров, воды, а также нет кипяченой воды в бараках для питья, уборной нет, рабочие оправляются вокруг бараков... Чайников, кружек нет, белье рабочим не стирают, матрацы (мешки с сеном) по 4 месяца не меняют, в общежитии клопы, грязь.

Комсомолец Джанолидзе говорит: “Мы тут живем невыносимо плохо, по десять дней не топили бараки, и сейчас, если мы дров со стройки не принесем, то наш барак остается холодным. Мы обращались много раз в Правление «Метростроя», но все наши просьбы остались невыполненными. Вот мы вокруг бараков гадим, оправляемся, а весной будет зараза, уборной не могут построить...”

Проходчик Посичник говорит: “Придешь из шахты грязный и в грязную постель ляжешь, помыться нигде...”¹⁴¹

Даже бараки-новостройки в Филях были совершенно замусорены, умывальники и туалеты непригодны для использования, зимние

оконные рамы не застеклены, не было электричества, отсутствовали ночные тумбочки и табуретки, у многих рабочих даже не было матрасов¹⁴².

Причину такого положения дел контрольные органы усматривали в том, что созданный 1 января 1933 г. коммунальный отдел «Метростроя» еще не начал работать в полную силу, а начальники участков, в чьем ведении прежде находились бараки, больше не интересовались их состоянием. Коменданты барачных частей часто сменялись, партийные и профсоюзные организации строек слишком мало занимались условиями жизни строителей. Несмотря на скандальную ситуацию, контрольные органы ограничивались упреками в адрес ответственных лиц и указаниями по улучшению санитарной обстановки в бараках¹⁴³.

Распоряжения Комиссии партийного контроля эффекта не дали. Ни один из проверенных барачных частей не был приведен в порядок. В начале марта 1933 г. «Ударник “Метростроя”» потребовал предать суду «дезорганизаторов рабочей жизни» и исключить из партии числящихся среди них коммунистов¹⁴⁴. Похожее требование рабочие выдвигали уже при первой проверке в феврале, назвав деятельность ответственных за санитарное состояние барачных частей «вредительством»¹⁴⁵.

Когда весной 1933 г. на строительство метро пришла первая тысяча комсомольцев, они жаловались своей организации и начальникам на невыносимые условия жизни в бараках¹⁴⁶. Тогда были перестроены и образцово оборудованы отдельные комсомольские бараки. При этом молодежь сама помогала делом, красила стены, убирала мусор и организовывала в бараках пункты питания¹⁴⁷. Комсомольцы устраивали субботники, на которых очищали территорию вокруг барачных частей и сажали деревья. В дальнейшем они брали шефство над другими бараками и организовывали там жизнь по принципу взаимопомощи¹⁴⁸, так что рабочие постепенно начинали понимать, что сами должны следить за состоянием своих жилищ¹⁴⁹.

В то же время коммунальный отдел «Метростроя» занялся ремонтом барачных частей, небрежно построенных в предыдущем году, а также тех жилых строений, которые «Метрострой» получил от организаций Моссовета в начале 1933 г. Почти все они были полуразрушены, без штукатурки и внутренней отделки, так что пришлось потратить несколько месяцев, чтобы привести их в удовлетворительное состояние¹⁵⁰. Кроме того, в этих бараках отсутствовали прачечные, бани, столовые, детские сады и дезинфекционные камеры, которые были обустроены только во второй половине 1933 — 1934 г.¹⁵¹

Несмотря на все старания, осенью 1933 г. выяснилось, что многие бараки оставались в плачевном состоянии и не были подготовлены к зиме. Инспекторы профсоюзов и Комиссии партийного контроля докладывали в ноябре 1933 г., что некоторые поселки и отдельные бараки очищены, протоплены и готовы к приходу зимы; в других не были запасены дрова, во многих бараках не были установлены умывальные раковины, зато наблюдалась перенаселенность на 10—20%. Новые бараки были оснащены громкоговорителями, но половина аппаратов не работала. Правда, достаточно много было открыто читальных комнат и библиотек¹⁵². Ни в одном из поселков не закончили стеклить окна. Практически все входные двери не были обтянуты утеплителем и стояли открытыми настежь. В большинстве бараков отсутствовали сушилки и прачечные¹⁵³. Особенно «отличились» бараки на ул. Мазутной в Сокольниках: «Столовая не закончена. Во многих бараках не закончены штукатурные работы. Окна не остеклены. В этих бараках в совершенно невозможных условиях живет свыше 300 рабочих. В бараках на стенах снег, с потолка и со стен течет. Рабочие лежат в шубах. Температура в комнатах — 5—10 градусов ниже 0»¹⁵⁴.

В январе 1934 г. по распоряжению ЦК профсоюзов железнодорожников и метростроевцев была проведена серьезная проверка положения дел в поселках Лось, на ул. Луговой и Потешной. Во время однодневного обхода были зарегистрированы 644 жалобы рабочих. Выяснилось, что профсоюзная организация «Метростроя» не уделяла должного внимания потребностям и условиям жизни рабочих. В очередной раз была разработана серия распоряжений по устранению недостатков¹⁵⁵.

Свою лепту внес и Московский комитет партии. В июне 1934 г. Каганович приказал заместителю управляющего «Метростроя» Е.Т. Абакумову и секретарю парткома «Метростроя» К.Ф. Старостину лично проверять состояние бараков и принимать необходимые меры¹⁵⁶. За этим последовала генеральная санация бараков, летом и осенью 1934 г. они были оштукатурены изнутри и снаружи и приведены в более пригодный для жилья вид. Деревянные лежаки заменили железными кроватями, к которым прилагалось по два комплекта постельного белья, подушка и одеяло. В бараках повесили занавески, зеркала, поставили общие столы, стулья, появились ночные лампочки, тумбочки, радио, проигрыватели, было открыто множество «красных уголков», в которых имелись газеты, книги, пропагандистские материалы, игры и иногда даже музыкальные инструменты. В поселках были посажены деревья, подведены водопровод и канализация, основные улицы заасфальтированы, появились бытовые здания и сооружения (10 клубов, 10 столовых,

21 детское дошкольное учреждение (детские сады и ясли), 10 медпунктов, 14 прачечных, 16 общих кухонь, 11 камер дезинфекции и дезинсекции, 37 котельных с бойлерами, 7 продуктовых магазинов, а также швейные комнаты, мастерские по ремонту обуви, парикмахерские, спортплощадки, бани, телефонные узлы, радиоприемные установки). Поселки Лось и Ростокино обзавелись школами, поскольку они были слишком удалены от существующих школ. В поселке Лось даже был открыт филиал рабочего факультета, а также пункт военной подготовки и стрельбище¹⁵⁷.

Но не все шло так гладко, как может показаться из этого перечисления. Партком «Метростроя» и газета «Ударник “Метростроя”» постоянно занимались выявлением недостатков и определением виновников отставания, о чем доводили до сведения компетентных органов¹⁵⁸. Рабочие присылали в редакцию «Ударника “Метростроя”» множество писем, жалуясь на санитарные условия, нищенское оснащение бараков и низкий темп ремонтных работ. В июле 1934 г. участились жалобы по поводу того, что кишашие клопами деревянные лежаки до сих пор не заменены железными кроватями, а постельное белье зачастую не менялось в течение нескольких месяцев¹⁵⁹.

Александр Шаширин, секретарь комсомола «Метростроя», в начале декабря 1934 г. отмечал, что «абсолютное большинство» молодежи «Метростроя» живет в «чрезвычайно плохих условиях»¹⁶⁰. Так, в «Ударнике “Метростроя”» осенью и зимой 1934 г. все еще публиковались материалы о том, как рабочие вынуждены спать без матрасов, подушек и одеял. Рабочие 5-й автобазы предпочитали ночевать в кабинах своих грузовиков¹⁶¹. Но если сравнить жалобы рабочих 1934 г. с проблемами предшествующих 1932—1933 гг., то становится очевидно, что в целом положение заметно улучшилось: жалобы на плачевное состояние бараков теперь уже не преобладали и относились не к поселкам вообще, а касались отдельно взятых бараков. Кроме того, выросли и сами требования: если в 1932—1933 гг. речь шла о таких элементарных потребностях, как доставка лежаков и мешков с сеном, то теперь требовали уличного освещения, культурной программы, улучшения снабжения «красных уголков» газетами, играми, радиоприемниками и музыкальными инструментами¹⁶².

Условия труда

Один из партийных функционеров вспоминал, что некоторые «хорошие ребята-коммунисты, видя тяжелые условия работы на метро, впали в панику. Большинство из них пришло с заводов, где

они не привыкли к таким условиям»¹⁶³. Многие из тех, кто в пылу комсомольской романтики с энтузиазмом записался на строительство метро, чтобы «бороться» с трудностями, после первых же дней пребывания на стройке оказывались деморализованы, когда насквозь промокшие и продрогшие, иногда со слезами на глазах¹⁶⁴, перейдя предел физической и психической выносливости, испытывая боль во всем теле, возвращались после смены в холодные и грязные бараки, где нельзя было помыться, и полностью опустошенные падали на свои кишасшие клопами лежаки¹⁶⁵.

Износ человеческой рабсилы был чрезмерен. Без оглядки на вредные для здоровья последствия юных в большинстве своем рабочих побуждали к высшим достижениям в экстремальных условиях. В типичной для сталинизма форме, когда не слишком заботились об экономичности, в жертву основному престижному проекту приносили производственный потенциал, не задумываясь над тем, что в другом месте или позднее его может не хватить. При другой политической системе подобное расточительство ресурсов и человеческого потенциала было бы немислимо.

В то время как рабочие на участках, сооружаемых по открытому методу, мерзли зимой и поочередно бегали на один из вокзалов или в другие здания, чтобы отогреться¹⁶⁶, в шахтах и зимой было жарко и душно от пара, прежде всего при бетонных работах, когда бетон начинал сохнуть и отдавать влагу. В шахтах работали по большей части обнаженными по пояс¹⁶⁷. Хуже всего приходилось кессонщикам: при температуре 40° мужчины работали в спортивных трусах. К этому добавлялось высокое давление воздуха, затруднявшее работу сердца и легких¹⁶⁸. Почти на всех участках рабочим приходилось трудиться в грязи и слякоти. Не только при прорыве грунтовых вод им приходилось работать, стоя в жидком месиве или на коленях. «Бывало, вылезешь из этой колоты не как человек, а как куча грязи», — описывал один комсомолец работу в своей шахте¹⁶⁹. Правда, на строительных объектах уже в 1933 г. были сооружены душевые, где рабочие могли помыться после смены¹⁷⁰.

С техникой безопасности труда дело обстояло плохо, хотя профсоюз и Наркомат труда с 1932 г. следили за ее состоянием и руководство «Метростроя» также уделяло немалое внимание этому вопросу¹⁷¹. Вследствие несоблюдения предписаний по технике безопасности, неопытности рабочих и технического персонала, а также чрезмерных темпов работы на стройке происходило множество несчастных случаев и аварий. Прежде всего комсомольцы, в своем рвении перевыполнить план, нарушали все технические инструкции, что приводило к многочисленным несчастным случаям. Стар-

шие по возрасту рабочие в этом отношении были рассудительней и осторожней¹⁷².

С начала строительства до 30 сентября 1934 г. произошло 444 статистически зафиксированных пожара, из них 268 в одном 1934 г., когда были форсированы темпы строительства. По большей части это были мелкие возгорания, вызванные неисправными электроприборами и печами, произошедшие при нагревании битума или при перегреве¹⁷³. С января 1931 г. на «Метрострое» действовала своя пожарная охрана, которая поначалу состояла из 25 пожарных, а в октябре 1932 г., после крупного пожара, ее состав был расширен¹⁷⁴.

В 1932 г. произошло 116 несчастных случаев, в результате которых погибли двое рабочих. За первые четыре месяца 1933 г. зафиксировали уже 292 несчастных случая, смертельных исходов не было, но четверо рабочих получили тяжкие телесные повреждения, а 164 были легко ранены. Все тяжелые происшествия стали результатом несоблюдения инструкций. Виновных привлекли к ответственности в судебном порядке¹⁷⁵.

О последующем периоде не имеется сводной статистики. Основываясь на сообщениях метростроевцев и составленной на шахте № 47 статистике несчастных случаев, можно заключить, что, хотя число погибших было невелико, количество несчастных случаев и число пострадавших оставалось весьма высоким. Большая часть их относится к зиме 1933—1934 г., когда на стройку пришли тысячи мобилизованных. Летом 1934 г. производственный травматизм удалось снизить. На шахте № 47 за 1934 г. в общей сложности пострадало 710 чел., но лишь трое получили тяжкие телесные повреждения. По преимуществу речь шла о легких травмах, связанных с потерей трудоспособности на срок от одного до нескольких дней; погибших не было¹⁷⁶. Экстраполируя эти данные на другие строительные участки (примерно 50 объектов с приблизительно равным количеством занятых), можно определить цифру получивших производственные травмы за 1934 г. в 35 тыс. чел.

Большинство случаев было связано с поражением током, возгораниями, прорывом грунтовых вод и плывунов, обрушением или повреждением канализационных, водопроводных или газовых трубопроводов¹⁷⁷. Имеющиеся в распоряжении автора источники не позволяют четко ответить на вопрос, сколько именно людей погибло при строительстве метро. В сообщениях метростроевцев упоминается в целом о 16 случаях травматизма со смертельным исходом, из них 6 произошли в результате обрушения, 4 — от поражения током, 1 — вследствие отравления угарным газом и 2 — при пожаре¹⁷⁸. Статистика производственного травматизма позволяет оценить эту

цифру как в целом приемлемую. В отчетах отделов кадров отдельных шахт и дистанций за 1934 г. 13 рабочих зарегистрированы как «умершие», из них пятеро — на шахте № 19-20¹⁷⁹ и по четыре — в кессонной группе¹⁸⁰ и на шахте № 13-14¹⁸¹. Перечень в этих отчетах неполон, однако спекулятивными являются имеющие хождение в литературе утверждения о «дюжинах»¹⁸², «сотнях»¹⁸³ или «бесчисленных»¹⁸⁴ жертвах строительства метро.

Уже среди современников ходили невероятные слухи о катастрофах на строительстве московской подземки. Когда в сентябре 1934 г. на шахте № 12 случился пожар, тайком говорили, что в шахте погибла целая смена рабочих¹⁸⁵. В народе стройку называли «братской могилой»¹⁸⁶. Шепотом говорили о страшных цифрах жертв¹⁸⁷. Появлению таких слухов способствовали зримые повреждения зданий и проезжей части улиц вдоль строящихся трасс. На Арбатской площади, в Охотном ряду, на Театральной площади и Лубянке оказалась проломлена мостовая. Из множества домов были выселены жильцы, некоторые здания обрушились¹⁸⁸. Когда осенью 1933 г. на шахте № 18 под тяжестью чрезмерно нагроможденного грунта рухнул ограждавший стройку забор, по Москве поползли слухи, что засыпанными оказались 300 рабочих и спасательные команды целый день вывозили трупы из шахты. На самом деле лишь четверо рабочих получили легкие травмы¹⁸⁹.

Менее впечатляющими, но в количественном отношении гораздо более значимыми, чем крупные аварии, были многочисленные заболевания и расстройства здоровья, которые метростроевцы получали в результате чрезмерно напряженной работы в сырости и холоде. Многие рабочие болели ревматизмом, гриппом и простудой¹⁹⁰, а также так называемой кессонной болезнью¹⁹¹. Кессонная болезнь, симптомы которой совпадают с симптомами болезни водолазов, наступает при слишком быстром снижении давления воздуха в шлюзовой камере (скафандре). Азот, который при повышенном давлении остается в тканях тела в связанном состоянии, поступает в кровь в виде пузырьков и может стать причиной эмболии и паралича. Для предотвращения кессонной болезни рабочие, покидающие камеру высокого давления, должны были оставаться полчаса в шлюзовой камере, где давление воздуха медленно снижается до нормального уровня. Помимо этого, после работы они должны были от 1 до 1,5 часа оставаться в специально отведенном помещении для отдыха. Часто рабочие полагали, что могут сократить срок ожидания в шлюзовой камере, прежде всего если давление было относительно невелико¹⁹², и вскоре падали обессиленными, испытывая сильную

боль¹⁹³. При слабом поражении помогало пребывание в лечебной камере с высоким давлением, но нередко пострадавшие от «кессонки» с сильными болями и частичным параличом конечностей вынуждены были неделями оставаться на больничной койке¹⁹⁴.

Но и без кессонной болезни многие рабочие не выдерживали работу в кессоне и после двух или трех месяцев приобретали болезни сердца или легких¹⁹⁵. Отдел по охране труда при профкоме «Метростроя» в январе 1934 г. ввиду участвовавших случаев потери трудоспособности постановил тщательнее проводить медицинское обследование вновь принимаемых рабочих, чтобы не допускать на строительные объекты людей с острыми сердечными и легочными заболеваниями¹⁹⁶. В годовых отчетах шахт и дистанций за один только 1934 г. зафиксирован уход со стройки 2505 рабочих вследствие болезни, расстройства здоровья или инвалидности¹⁹⁷.

* * *

Принимая во внимание те ужасные условия, в которых приходилось трудиться метростроевцам, можно лишь удивляться, как, несмотря на это, им удалось в конечном итоге добиться громадных достижений. С одной стороны, это объясняется воздействием механизмов дисциплины и контроля, на функционирование которых решающее воздействие оказывало твердое ядро метростроевцев в лице коммунистов и комсомольцев. Но с другой стороны, строительство метро, без сомнения, порождало и особую мотивацию. Источники единодушно свидетельствуют, что на строительстве метро многие рабочие мирились с такими условиями, которые не потерпели бы в другом месте. Они поступали так не потому, что трансформировались в «нового человека», но по той причине, что идентифицировали себя с этой особой стройкой, стоявшей в центре общественного внимания и придававшей известный динамизм их групповому развитию. Они находились не просто на какой-то стройке, а на совершенно особом строительном объекте, который был у всех на устах и о котором каждый день писали в газетах. Трудовой коллектив «Метростроя» не был сплоченным, единодушным коллективом гордых метростроевцев, каким его описывала пропаганда и провозглашали комсомольцы; однако можно исходить из того, что при оценке самосознания «метростроевца» речь идет не только о дискурсе, выставленном на всеобщее обозрение. Не будучи «энтузиастами» и не принося себя в жертву — хотя и не отвергая в целом общепринятую модель социального поведения, — обычные рабочие вполне могли проникнуться духом «метростроевцев». Они не просто копали землю — они строили «лучшее метро в мире».

Примечания

- ¹ См. заглавия очерков в сборнике, изданном по случаю открытия первой очереди метро: Рассказы строителей метро. М., 1935.
- ² Редакция «История метро». Выступление председателя Кулагина при обсуждении рукописи, 8 марта 1934 г. (Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 269. Л. 1). Наряду с упомянутым в прим. 1 сборником вскоре был выпущен и второй: Как мы строили метро. М., 1935.
- ³ Проблема моделей поведения комсомольцев и «нормальных» рабочих здесь затрагивается лишь вскользь. Подробнее об этой проблеме см.: Neutatz D. Die Moskauer Metro. Von den ersten Plänen bis zur Großbaustelle des Stalinismus (1897—1935). Köln; Weimar; Wien, 2001, S. 237—331. В 2006 г. книга должна выйти на русском языке.
- ⁴ Hoffmann D.L. Peasant Metropolis. Migration to Moscow and the Politics of Social Identity, 1929—1941. Ithaca, NY, 1994. P. 46—47.
- ⁵ Ibid. P. 48; Straus K.M. The Transformation of the Soviet Working Class, 1929—1935. The Regime in Search of a New Social Stability. Ann Arbor, Michigan, 1991. P. 63, 75.
- ⁶ Под этим термином подразумевался временный уход крестьян из мест жительства на заработки в города и на сельскохозяйственные работы в другие местности.
- ⁷ Hoffmann D.L. Op. cit. P. 48—51.
- ⁸ Straus K.M. Op. cit. P. 80, 203.
- ⁹ Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley, Los Angeles, London, 1995. P. 80.
- ¹⁰ Филатов С. Партработа на заводе «Серп и молот». М.; Л., 1931. С. 37.
- ¹¹ Сборник важнейших постановлений по труду. М., 1938. С. 85.
- ¹² «Метрострой». Пояснения к контрольным цифрам на 1932 г. Б/д [18 декабря 1931 г.] (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 18. Д. 116. Л. 30).
- ¹³ Заместитель начальника «Метростроя» Осколков. Конъюнктурный отчет «Метростроя» за январь 1932 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 162. Л. 9—10).
- ¹⁴ Начальник «Метростроя» Ротерт. Приказ 152, 31 июля 1932 г. (Центральный муниципальный архив Москвы (далее — ЦМАМ). Ф. 665. Оп. 1. Д. 9. Л. 186—187).
- ¹⁵ Ротерт. Приказ 153, 31 июля 1932 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 9. Л. 188—193).
- ¹⁶ Отдел кадров шахты № 7-8. Отчет о работе в 1934 г., б/д [после 5 февраля 1935 г.] (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 226. Л. 1).
- ¹⁷ Заместитель начальника «Метростроя» Крутов. Приказ 190, 13 октября 1932 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 9. Л. 246).
- ¹⁸ Стенограмма беседы с партийным секретарем Гусевым, шахта № 33-35 (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 300. Л. 207, 210).
- ¹⁹ Стенограмма беседы с Кузнецовым, уполномоченным «Метростроя» по кадровым вопросам, 20 ноября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 302. Л. 46—48); Отдел найма и увольнения (ОНУ) 3-й дистанции. Отчет о работе в 1934 г., б/д [начало 1935 г.] (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 225. Л. 26).

- 20 Ротерт. Приказ 212, 9 ноября 1932 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 9. Л. 273).
- 21 Оргбюро партийного комитета «Метростроя». Общее заседание с редакцией газеты «Ударник “Метростроя”» о результатах слушания руководителей стройки, 6 декабря 1932 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 239. Л. 58).
- 22 Марийцы, или черемисы, в противоположность тюрко-монгольским татарам относятся к финно-угорской языковой группе. В документах «Метростроя» их чаще всего неверно приписывают к татарам.
- 23 Социалистический договор между «Метростроем» и Калташинским районом Башкирской АССР, 8 апреля 1933 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 152. Л. 6—7).
- 24 Стенограмма беседы с Соколовским, уполномоченным по вербовке рабочей силы, 2 декабря 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 271. Л. 208—210).
- 25 Там же. Л. 208; Стенограмма беседы с Резниченко, редактором газеты «Ударник “Метростроя”», 22 ноября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 307. Л. 38).
- 26 Ударник «Метростроя». 1934. 17 июля. № 165. С. 4 (2,5 тыс.); 1934. 9 августа. № 184. С. 2 (2 тыс.).
- 27 Стенограмма беседы с Кузнецовым, 20 ноября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 314. Л. 222).
- 28 Начальник ОНУ «Метростроя» Лукин — Ротерту, 14 июня 1933 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 152. Л. 23—25).
- 29 Заместитель начальника «Метростроя» Абакумов. Приказ 166, 21 мая 1933 г., Приказ 253, 29 июня 1933 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 45. Л. 84).
- 30 Стенограмма беседы с партийным секретарем Батраковым, шахта № 16-17, 13 апреля 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 242. Л. 141).
- 31 Начальник ОНУ Лукин — Ротерту, 14 июня 1933 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 152. Л. 24).
- 32 Плакат «В Москву, на работу на “Метрострое”», б/д [1933] (ЦМАМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 681. Л. 66).
- 33 Стенограмма беседы с Резниченко, редактором газеты «Ударник “Метростроя”», 22 ноября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 307. Л. 38).
- 34 Уполномоченный МГКК РКИ по «Метрострою» Золотов. Приговор по делу инж. Ронь, 29 октября 1933 г. (ЦМАМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 681. Л. 1—2).
- 35 Начальник отдела кадров 1-й дистанции. Пояснения к движению рабочей силы в 1934 г., 14 декабря 1934 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 225. Л. 1).
- 36 Протокол совещания в МГК ВКП(б), 25—26 февраля 1934 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 124. Л. 4—5).
- 37 Годовые отчеты организаций «Метростроя» о кадровой работе в 1934 г., общий обзор (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 225. Л. 81).
- 38 Бюро МК и МГК ВКП(б). Постановление, 28 февраля 1933 г. (Центральный архив общественных движений г. Москвы (далее — ЦАОДМ). Ф. 3. Оп. 24. Д. 38. Л. 21).
- 39 См.: Kotkin S. Op. cit. P. 74—75; Kuromiya H. Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928—1932. Cambridge, 1988. P. 208.
- 40 Бюро МГК ВЛКСМ. Решение, 1 февраля 1933 г. (ЦАОДМ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 52. Л. 93—94).

- 41 Там же. Л. 96—98.
- 42 Бюро МГК ВЛКСМ. Протокол 17, 27 марта 1933 г. (там же. Л. 47—48).
- 43 Стенограмма беседы с комсомольцем Куневским, шахта № 31-32, 17 сентября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 243. Л. 83); Стенограмма беседы с комсомольцем Шитовым, шахта № 22, 10 октября 1934 г. (там же. Д. 309. Л. 154).
- 44 Стенограмма беседы с комсомольцем Абагаевым (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 307. Л. 18—19).
- 45 Стенограмма беседы с комсомольцем Куневским, шахта № 31—32, 17 сентября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 243. Л. 84—85).
- 46 Стенограмма беседы с комсомольцем Шитовым, шахта № 22, 10 октября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 309. Л. 154).
- 47 Там же. Л. 155; Стенограмма беседы с комсомолкой Одровой, 1-я дистанция (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 306. Л. 15).
- 48 Стенограмма беседы с комсомольским секретарем Шаталовым, шахта № 17, 9 мая 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 241. Л. 6).
- 49 Бюро МГК ВЛКСМ. Протокол 19, 5 мая 1933 г. (ЦАОДМ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 52. Л. 117—118).
- 50 МГК ВЛКСМ. Информация о ходе мобилизации «1000», 13 апреля — 13 мая 1933 г. (ЦАОДМ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 66. Л. 60).
- 51 МГК ВЛКСМ. Стенограмма собрания комсомольцев, мобилизованных на «Метрострой», 3 июня 1933 г. Выступление комсомольца Тютаяева (ЦАОДМ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 67. Л. 34).
- 52 МГК ВЛКСМ. Орготдел. Стенограмма торжественного заседания, 14 мая 1933 г. Речь Хрущева (ЦАОДМ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 66. Л. 10).
- 53 Там же. Л. 15—16.
- 54 Речь партийного секретаря «Метростроя» Сивачева (там же. Л. 35).
- 55 Обязательство мобилизованных на «Метрострой» комсомольцев, 14 мая 1933 г. (там же. Л. 50—53).
- 56 Стенограмма беседы с бригадиром Проскуриным, шахта № 15 (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 306. Л. 158); Стенограмма беседы с комсомольским секретарем Ширяевым, 3-я дистанция, 20 ноября 1934 г. (там же. Д. 309. Л. 164).
- 57 Стенограмма беседы с инж. Ермолаевым, начальником шахты № 9-9 бис, 17 ноября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 301. Л. 14—15).
- 58 МГК ВЛКСМ. Стенограмма собрания 3 июня 1933 г. Выступление комсомольца Романова (ЦАОДМ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 67. Л. 3).
- 59 Стенограмма беседы с Шаталовым, комсомольским секретарем шахты № 17, 3 мая 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 241. Л. 6). См. также: Замокворецкий РК ВКП(б). Отчет о работе мобилизованных на строительство метро, 11 августа 1933 г. (ЦАОДМ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1085. Л. 2).
- 60 Стенограмма беседы с секретарем комсомола Меловановым, шахта № 22 (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 311. Л. 69).
- 61 Стенограмма беседы с бригадиршей Смирновой, 2-я дистанция, 3 ноября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 308. Л. 73); Стенограмма беседы с комсомолкой Адаскиной, шахта № 9, 3 ноября 1934 г. (там же. Д. 310. Л. 79).

- 62 МГК ВЛКСМ. Стенограмма собрания 3 июня 1933 г. Выступление комсомольца Лившица (ЦАОДМ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 67. Л. 17); выступление комсомольца Митрофанова (там же. Л. 27).
- 63 Стенограмма беседы. Выступление комсомольца Макарова (там же. Л. 22); выступление комсомольца Тюфтаева (там же. Л. 36).
- 64 Стенограмма беседы. Выступление комсомольца Валуева (там же. Л. 20).
- 65 Бюро МГК ВЛКСМ. Протокол 21, 25 мая 1933 г. (ЦАОДМ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 52. Л. 140).
- 66 Бюро МГК ВЛКСМ. Постановление о работе комитета комсомола «Метростроя», 8 июня 1933 г. (ЦАОДМ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 53. Л. 8—11).
- 67 Протокол совещания у Кагановича, 11 июля 1933 г. (ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 45. Л. 51); Секретариат МГК ВКП(б). Постановление, 22 июля 1933 г. (там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 32. Л. 87).
- 68 Бюро МГК ВЛКСМ. Протокол 25, 15 июля 1933 г. (ЦАОДМ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 53. Л. 26). Полетаев неверно датирует решение 21 июля 1933 г. (Полетаев В.Е. Из истории строительства первой очереди Московского метрополитена // Исторические записки. Т. 42. М., 1953. С. 24).
- 69 Бюро МГК ВЛКСМ. Решение, 15 июля 1933 г. (ЦАОДМ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 53. Л. 31—33).
- 70 Абакумов. Приказ 291, 21 мая 1933 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 45. Л. 134).
- 71 Редакция «Ударника “Метростроя”». Информационный бюллетень, 26 августа 1933 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 60. Л. 5).
- 72 Стенограмма беседы с коммунистом Титовым, шахта № 18 (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 321. Л. 17).
- 73 Доклад отдела кадров МГК ВКП(б) на IV Московской областной и III городской партконференции, 16—24 января 1934 г. // Материалы к отчету МГК ВКП(б) IV областной и III городской партконференции. М., 1934. С. 82.
- 74 Бюро МК ВЛКСМ. Протокол 27, 23 августа 1933 г. (ЦАОДМ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 53. Л. 48—49).
- 75 Стратегию директоров заводов и бессилие комсомола противостоять ей описал Вольф (Wolf W. K. Russia's Revolutionary Underground: The Construction of the Moscow Subway, 1931—1935. Ann Arbor, 1994. P. 129—131) на материале газеты «Комсомольская правда» за сентябрь — октябрь 1933 г.
- 76 «Метрострой». Обзор хода мобилизации комсомольцев на «Метрострой», 29 октября 1933 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 110. Л. 1). См. также: Wolf W.K. Op. cit. P. 121.
- 77 Доклад отдела кадров МГК ВКП(б) на IV Московской областной и III городской партконференции, 16—24 января 1934 г. С. 82.
- 78 Объединенное бюро МК и МГК ВЛКСМ. Протокол 7, 13 декабря 1933 г. (ЦАОДМ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 308. Л. 49).
- 79 МК и МГК ВКП(б). Областной и городской исполнительный комитет. Постановление, 29 декабря 1933 г. // «Метрострой». 1933. № 1—12. С. 12.
- 80 Годовые отчеты отделов кадров шахт и дистанций «Метростроя» [начало 1935 г.] (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 225. Л. 1—80; Д. 226. Л. 1—90).

- 81 Стенограмма беседы с комсомольским секретарем 3-й дистанции Ширяевым, 20 ноября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 309. Л. 164); ср.: Стенограмма вечера воспоминаний на шахте № 31-32, 17 сентября 1934 г. (там же. Д. 243. Л. 91).
- 82 Хоффманн, например, пишет об этом со ссылкой на один документ Моссовета (Hoffmann D.L. Op. cit. P. 52), но здесь речь идет о недоразумении. Имеющийся в виду документ представляет собой отчет руководителя метро Петриковского от 14 мая 1936 г. о первом эксплуатационном годе. При этом он отмечает, что квалифицированный служебный персонал метро набирался из работников промышленности, транспорта и органов НКВД, т. е. отчет не касается периода строительства метро и упомянутые в нем личности были не заключенными, а сотрудниками НКВД (ЦМАМ. Ф. 150. Оп. 5. Д. 246. Л. 2). Конкест (Conquest R. Stalin. Breaker of Nations. London, 1991. P. 190) ссылается на мемуары испанского генерала, который вместе с тысячами других заключенных работал на строительстве метро, однако имеется в виду не время сооружения первой очереди метрополитена, а 1941 г. (см.: Gonzales V. (genannt El Campesino). Die große Illusion. Von Madrid nach Moskau. Köln; Berlin, 1951. S. 56).
- 83 Сергей Ветлугин. Московский метрополитен строит весь Советский Союз (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 387. Л. 89); Стенограмма беседы с начальником каменоломного хозяйства Гордоном, 16 ноября 1934 г. (там же. Д. 300. Л. 72).
- 84 Стенограмма беседы с помощником начальника «Метростроя» по кадровым вопросам Кузнецовым, 20 ноября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 302. Л. 66).
- 85 Абакумов — Хрущеву, б/д [начало 1934 г.] (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 152. Л. 29).
- 86 Straus K.M. Op. cit. P. 207.
- 87 См.: Hoffmann D.L. Op. cit. P. 208.
- 88 Schröder H.-H. Industrialisierung und Parteibürokratie in der Sowjetunion. Ein sozialgeschichtlicher Versuch über die Anfangsphase des «Stalinismus» 1928—1934. Berlin, 1988. S. 295—297.
- 89 Филатов — Кагановичу, январь 1933 г. (ЦМАМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 679. Л. 115—116).
- 90 Уполномоченный МГКК РКИ по «Метрострою» Золотов. Отчет о работе «Метростроя» за первый квартал 1933 г. (ЦМАМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 682. Л. 68).
- 91 Стенограмма I партконференции «Метростроя», 9 января 1934 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 133. Л. 164).
- 92 Подсчитано по отчетам отделов кадров шахт и дистанций «Метростроя» за 1934 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 225. Л. 1—80; Д. 226. Л. 1—90).
- 93 Отдел кадров шахты № 12. Отчет о работе за 1934 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 226. Л. 24).
- 94 «Метрострой». Пояснения к статистике труда 4-го участка, май 1932 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 25. Л. 13); Уполномоченный МГКК РКИ по «Метрострою» Золотов. Отчет о работе «Метростроя» за первый квартал 1933 г. (там же. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 682. Л. 69).

- 95 Ударник «Метростроя». 1933. 17 октября. № 204. С. 1.
- 96 ЦК профсоюза Желдоршоспортстрой. Отчет о культурной работе на 5-м участке «Метростроя», б/д [апрель 1933 г.] (ГАРФ. Ф. Р-5475. Оп. 18. Д. 139. Л. 163).
- 97 МГКК РКИ, Золотов. Отчет о работе «Метростроя» за первый квартал 1933 г. (ЦМАМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 682. Л. 69).
- 98 Подробную статистику см. в: Neutatz D. Zwischen Enthusiasmus und politischer Kontrolle. Die Arbeiter und das Regime am Beispiel von Metrostroj // Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte / Hg. v. Stefan Plaggenborg. Berlin, 1998. S. 299.
- 99 Straus K.M. Op. cit. P. 213—216.
- 100 Совещание в руководстве «Метростроя». Протокол 8, 9 февраля 1933 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 50. Л. 18).
- 101 Собрание рабочих 3 смены третьего участка шахты № 20. Протокол 1, 13 апреля 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 327. Л. 208).
- 102 Kotkin S. Op. cit. P. 99.
- 103 См.: Bericht des lettischen Gesandten in Moskau. Anlage zum Bericht der Deutschen Botschaft Moskau an das Auswärtige Amt, 15.6.1933. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Berlin (PA AA), R 31961.
- 104 Landwirtschaftlicher Sachverständiger bei der Deutschen Botschaft Moskau, Schiller, an das Auswärtige Amt. Bericht über die Hungersnot in der UdSSR, 18.9.1933. PA AA, R 31961.
- 105 Rapports secrets soviétiques. La société russe dans les documents confidentiels 1921—1991 / Ed. Nicolas Werth et Gael Moulicc. Paris, 1994. P. 45. См. также: Colton T.J. Moscow. Governing the Socialist Metropolis. Cambridge, 1995. P. 270.
- 106 Начальник паспортного отдела НКВД СССР — в Президиум ЦИК, 13 августа 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1650. Л. 29). Документ опубликован в переводе на французский язык: Rapports secrets soviétiques. P. 46.
- 107 Член коллегии Наркомата юстиции Нюрин. Информация о надзоре Московской прокуратуры за выдачей паспортов, 15 мая 1933 г. (ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1517. Л. 20).
- 108 Colton T.J. Op. cit. P. 271.
- 109 Начальник паспортного отдела НКВД СССР — в Президиум ЦИК, 13 августа 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1650. Л. 29—34).
- 110 Colton T.J. Op. cit. P. 341; Hoffmann D.L. Op. cit. P. 52—53.
- 111 Ударник «Метростроя». 1933. 5 февраля. № 12. С. 3.
- 112 Там же.
- 113 Отдел кадров шахты № 13-14. Отчет о работе за 1934 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 226. Л. 27); Отчет о работе кессонной группы (там же. Д. 225. Л. 70).
- 114 См., например: Отчет о работе 4-й дистанции (там же. Д. 225. Л. 30).
- 115 Стенограмма беседы с Кузнецовым, 20 ноября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 302. Л. 47—48).
- 116 Отделы кадров шахт и дистанций «Метростроя». Отчеты о работе за 1934 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 226. Л. 22, 27, 53).

- 117 Отдел найма и увольнений 7-й дистанции. Отчет о работе за 1934 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 225. Л. 55).
- 118 Straus K.M. Op. cit. P. 604.
- 119 Colton T.J. Op. cit. P. 798.
- 120 См. описание бараков фабрики «Серп и молот» в Москве: Straus K.M. Op. cit. P. 181.
- 121 Hoffmann D.L. Op. cit. P. 133—137; также: Kotkin S. Op. cit. P. 136—137.
- 122 Colton T.J. Op. cit. P. 342.
- 123 Ibid. P. 343—344.
- 124 Стенограмма беседы с начальником конторы промышленного и жилого строительства Кочетковым (ГАРФ. Ф. Р-7592. Оп. 7. Д. 270. Л. 14).
- 125 Хроника «Метростроя» (ГАРФ. Ф. Р-7592. Оп. 7. Д. 141. Л. 14). Поселок и сейчас существует, но бараки сменили крупноблочные дома. Сегодня он находится уже в черте города. Названия улиц напоминают о временах стройки первой очереди метро: ул. Ротерта, ул. Егора Абакумова, ул. Проходчиков.
- 126 Ротерт. Конъюнктурный отчет «Метростроя» за июль 1932. (ГАРФ. Ф. Р-7592. Оп. 7. Д. 163. Л. 29); Стенограмма беседы с начальником конторы промышленного и жилого строительства Кочетковым (там же. Д. 270. Л. 14, 17—18). Мазутная улица позже названа Маленковской. В 1932 г. там начали строить бараки и двухэтажные дома для инженерно-технического персонала. В 1950-х гг. там возник солидный многоэтажный поселок «Метрогород» («Метрострой». Вып. 6—7. М., 1967. С. 59).
- 127 Уполномоченный МГКК РКИ Золотов — председателю МГКК РКИ Филатову, август 1933 г. (ЦМАМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 679. Л. 17—18).
- 128 Стенограммы беседы с Орловым, 15 октября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 258. Л. 3—4).
- 129 Группа партийного и советского контроля при МК ВКП(б). Отчет о расследовании состояния домов «Метростроя», 9—10 сентября 1934 г. (ЦГАМО. Ф. 792. Оп. 5. Д. 684. Л. 7).
- 130 Ударник «Метростроя». 1935. 18 февраля. № 40. С. 3. Осипов и др. говорят о 476 жилых объектах. См.: Осипов А.В., Марьяновский А.И., Резниченко Е.Д. и др. Соревнования тысяч // Как мы строили метро. М., 1935. С. 119.
- 131 Воспоминания коменданта бараков из Лося // Ударник «Метростроя». 1934 г. 16 ноября. № 266. С. 3.
- 132 Промежуточные результаты похода за культурный барак, 23 июля 1932 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 154. Л. 1).
- 133 Стенограмма беседы с Кузьминым, начальником шахты № 29, 5 февраля 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 271. Л. 18).
- 134 Стенограмма беседы с секретарем комсомола Максимовым, шахта № 35, 19 апреля 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 242. Л. 62).
- 135 Стенограмма беседы с бригадиром Замудлиновым, шахта № 10-11 (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 301. Л. 88).
- 136 Стенограмма беседы с комсомолкой Шаховой, шахта № 13бис, 1 ноября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 309. Л. 135).

- 137 Стенограмма беседы с партсекретарем Розенбергом, шахта № 22-226бис (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 307. Л. 57).
- 138 «Метрострой». Отчет в МГКК РКИ о выполнении плана в 1932 г., декабрь 1932 г. (ЦМАМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 395. Л. 56).
- 139 Президиум МКК ВКП(б) и коллегия МК—РКИ. Протокол 37, 20 февраля 1933 г. (ЦГАМО. Ф. 807. Оп. 1. Д. 2400. Л. 167).
- 140 Скорее всего, речь идет о «Бутиковских» бараках (Бутиковский пер.).
- 141 Уполномоченный МГКК РКИ по «Метрострою» Золотов — председателю МГКК ВКП(б) Филатову, 13 февраля 1933 г. (ЦМАМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 683. Л. 90).
- 142 Там же. Л. 91.
- 143 Президиум МКК ВКП(б) и коллегия МК—РКИ. Протокол 37, 20 февраля 1933 г. (ЦГАМО. Ф. 807. Оп. 1. Д. 2400. Л. 167).
- 144 Ударник «Метростроя». 1933. 3 марта. № 22. С. 2
- 145 Золотов — Филатову, 13 февраля 1933 г. (ЦМАМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 683. Л. 90).
- 146 МГК ВЛКСМ. Стенограмма собрания комсомольцев, мобилизованных на «Метрострой», 3 июня 1933 г. (ЦАОДМ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 67. Л. 40).
- 147 Стенограмма беседы с комсомольским секретарем Максимовым, шахта № 35, 19 апреля 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 242. Л. 62—63).
- 148 Ударник «Метростроя». 1933. 3 ноября. № 218. С. 3.
- 149 Стенограмма беседы с партсекретарем Розенбергом, шахта № 22-226бис (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 307. Л. 57—58).
- 150 Стенограмма беседы с начальником конторы промышленного и гражданского строительства Кочетковым (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 303. Л. 202).
- 151 Стенограмма беседы с начальником коммунального хозяйства «Метростроя» Орловым, 15 октября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 258. Л. 4).
- 152 МГСПС. Отчет о проверке подготовки бараков, общежитий и стандартных домов к зиме, 15 ноября 1933 г. (ЦМАМ. Ф. 718. Оп. 8. Д. 37. Л. 405, 427).
- 153 Золотов — Филатову и председателю МОКК РКИ Петерсу, 21 ноября 1933 г. (ЦГАМО. Ф. 807. Оп. 1. Д. 1638. Л. 1).
- 154 Там же. Л. 2—3.
- 155 Президиум МОК Желдоршосстрой. Протокол 4, 27 января 1934 г. (ЦГАМО. Ф. 4237. Оп. 1. Д. 11. Л. 266—267).
- 156 Протокол совещания в Моссовете, 4 июня 1934 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 122. Л. 15—16).
- 157 Стенограмма беседы с Орловым, 15 октября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 258. Л. 5—11); Осипов А.В., Марьяновский А.И., Резниченко Е.Д. и др. Указ. соч. С. 116; Ударник «Метростроя». 1935. 18 февраля. № 40. С. 3.
- 158 См., напр.: Бюро партийной ячейки в правлении «Метростроя». Протокол 5, 19 февраля 1934 г. (ЦАОДМ. Ф. 455. Оп. 1. Д. 3. Л. 22); Ударник «Метростроя». 1934. 12 мая. № 108. С. 3.
- 159 Ударник «Метростроя». 1934. 12 июля. № 161. С. 3; см. также: там же. 20 июня. № 142. С. 3.

- 160 ЦК ВЛКСМ. Обсуждение отчетов комитетов комсомола шахт № 18 и 21 «Метростроя», 11 декабря 1934 г. (Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 1м. Оп. 3. Д. 129. Л. 225).
- 161 Ударник «Метростроя». 1934. 5 сентября. № 207. С. 3.
- 162 Там же. 26 сентября. № 224. С. 3; 4 октября. № 231. С. 3; 15 октября. № 240. С. 3; Ударник «Метростроя» на Лоси. 1934. 28 сентября. № 7—8. С. 1.
- 163 Стенограмма беседы с парторганизатором Негровым, кессонная группа, 23 марта 1935 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 342. Л. 222); ср.: Стенограмма беседы с комсомолкой Филиной, 8-я дистанция (там же. Д. 309. Л. 20).
- 164 Стенограмма беседы с комсомолкой Помяловой, 8-я дистанция (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 306. Л. 144).
- 165 Ср., напр.: Стенограмма беседы с комсомольцем Здоровихиным, шахта № 15, 4 октября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 301. Л. 132); Стенограмма беседы с комсомолкой Устиновой, шахта № 18-18бис (там же. Д. 307. Л. 153); Стенограмма беседы с комсомолкой Ибрагимовой, шахта № 10-11, 3 декабря 1934 г. (там же. Д. 312. Л. 237); Стенограмма совещания у секретаря комитета комсомола «Метростроя» Шаширина, 28 февраля 1935 г. (там же. Д. 344. Л. 60).
- 166 Стенограмма беседы с комсомолкой Одровой, 1-я дистанция (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 306. Л. 13).
- 167 Стенограмма беседы с бригадиром Егоровым, шахта № 10-11 (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 301. Л. 7).
- 168 Николаев Н.С. Мемуары [Неопубликованная рукопись] (Народный архив. Ф. 138. Д. 2. Л. 151).
- 169 Стенограмма беседы с комсомольцем Лимончиком, шахта № 13-14 (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 304. Л. 8).
- 170 Стенограмма беседы с комсомолкой Фроловой, шахта № 12 (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 309. Л. 22).
- 171 ЦК Желдоршосстроя — в «Метрострой», 31 января 1932 г. (ЦМAM. Ф. 665. Оп. 1. Д. 9. Л. 36).
- 172 Стенограмма беседы с инж. Ермолаевым, начальником шахты № 9-9бис, 17 ноября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 301. Л. 17—18).
- 173 Начальник пожарной службы «Метростроя» Перов. Обзор пожаров на «Метрострое», б/д [октябрь 1934 г.] (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 455. Л. 22).
- 174 Там же. Л. 11.
- 175 Ротерт. Конъюнктурный отчет «Метростроя» за январь — октябрь 1932 г. (ЦМAM. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 395. Л. 222); МГСПС. Отчет о состоянии охраны труда и техники безопасности на «Метрострое», б/д [май 1933 г.] (там же. Ф. 718. Оп. 9. Д. 22. Л. 35).
- 176 Стенограмма беседы с инж. Рохваргером, начальником шахты № 47, 24 марта 1935 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 318. Л. 327).
- 177 См., напр., стенограммы бесед с различными метростроевцами: ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 299. Л. 106, 160; Д. 300. Л. 206; Д. 302. Л. 108, 141, 206; Д. 306. Л. 100—105, 147—148; Д. 307. Л. 127—128, 160; Д. 308.

- Л. 97—98, 121, 136, 173, 230—231; Д. 309. Л. 23, 62—63; Д. 313. Л. 145—146; Д. 316. Л. 4; Д. 320. Л. 114.
- 178 Wolf W.K. Op. cit. P. 262 (с указанием на следующие источники: ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 267. Л. 18; Д. 291. Л. 157; Д. 294. Л. 114; Д. 298. Л. 256; Д. 300. Л. 206; Д. 306. Л. 148; Д. 308. Л. 89, 173; Д. 311. Л. 48; Д. 318. Л. 101; Д. 342. Л. 1, 32).
- 179 Отдел по приему и увольнению шахты № 19-20. Отчет о работе за 1934 г. (ЦМAM. Ф. 665. Оп. 1. Д. 226. Л. 43).
- 180 Отдел кадров кессонной группы. Отчет о деятельности в 1934 г. (ЦМAM. Ф. 665. Оп. 1. Д. 225. Л. 70).
- 181 Отдел кадров шахты № 13-14. Отчет о работе за 1934 г. (ЦМAM. Ф. 665. Оп. 1. Д. 226. Л. 29).
- 182 Colton T.J. Op. cit. P. 255 (со ссылкой на то, что в 1932—1935 гг. почти каждый протокол Президиума Моссовета о выплате пенсий инвалидам фиксировал пострадавших на строительстве метро). Указанный автор при этом делает ошибочный вывод на основании некоторых протоколов осени 1935 г., в которых эта тема встречалась действительно часто, однако прочие протоколы 1931—1935 гг. крайне редко содержат подобные упоминания (см.: ЦМAM. Ф. 150. Оп. 1. Д. 367. Л. 452, 522, 639, 686).
- 183 Stites R. Stalinism and the Restructuring of Revolutionary Utopianism // The Culture of the Stalin Period / Ed. Hans Günther. London, 1990. P. 91.
- 184 Kahan S. Wolf of the Kremlin. New York, 1987. P. 187. Автор является вну-чатым племянником Кагановича. Книга основана на опубликованной литературе и интервью и не имеет научного характера.
- 185 Осипов А.В., Марьяновский А.И., Резниченко Е.Д. и др. Указ. соч. С. 126; Николаев Н.С. Указ. соч. Л. 154.
- 186 Deutsche Botschaft Moskau. Konsultssekretär Deppe. Aufzeichnung über den Bau der Moskauer Untergrundbahn, 21.6.1934. PA AA, R 94567. Комментарий Деппе: «Это сильно преувеличено, но все же имело место чрезвычайно много несчастных случаев с многочисленными жертвами».
- 187 Motus. A travers le pays des soviets. Paris, 1936. P. 122.
- 188 Deutsche Botschaft Moskau. Konsultssekretär Deppe. Aufzeichnung über den Bau der Moskauer Untergrundbahn, 21.6.1934. PA AA, R 94567; Стенограмма беседы с заместителем главного инженера Шолоховым, 19 ноября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 309. Л. 62); Заместитель начальника ОГПУ по Московской области Дейч — Кагановичу, 9 июля 1934 г. (РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 204. Л. 53—54); Акт комиссии по изучению положения на площади Дзержинского, март 1934 г. (там же. Д. 203. Л. 71). ОГПУ беспокоилось даже о состоянии своего здания на Лубянке: Начальник ОГПУ Ягода — Кагановичу, 8 февраля 1934 г. (там же. Д. 202. Л. 1).
- 189 Стенограмма беседы с секретарем парткома Бакулиным, 8-я дистанция, 24 марта 1935 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 341. Л. 145—147).
- 190 Стенограмма беседы с инж. Ермолаевым, начальником шахты № 9-9бис, 17 ноября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 301. Л. 18); Стенограмма беседы с комсомолкой Дешчевой, шахта № 9, 1 ноября 1934 г. (там же.

- Д. 304. Л. 50); Стенограмма беседы с комсомолкой Моргуновой, шахта № 36-37, 27 октября 1934 г. (там же. Д. 305. Л. 8).
- 191 Стенограмма беседы с Кузнецовым, уполномоченным «Метростроя» по кадровым вопросам, 20 ноября 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 302. Л. 54—55).
- 192 Стенограмма беседы с инж. Павловым, начальником маркшейдерских работ при шитовой проходке, 9 февраля 1935 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 318. Л. 105).
- 193 Ударник шита. 1934. 26 ноября. № 32. С. 2; Стенограмма беседы с партийным секретарем Батраковым, шахта № 16-17, 13 апреля 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 242. Л. 139); Стенограмма беседы с Кузнецовым, 20 ноября 1934 г. (там же. Д. 302. Л. 55).
- 194 Стенограмма беседы с начальником участка Насидзе, шахта № 12, 22 февраля 1935 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 317. Л. 20).
- 195 Стенограмма беседы с секретарем парткома Удалых, кессонная контора, 26 августа 1934 г. (ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 7. Д. 243. Л. 3—4).
- 195 Президиум МОК Желдоршоспортстрой. Протокол 3, 13 января 1934 г. (ЦГАМО. Ф. 4237. Оп. 1. Д. 11. Л. 281—282).
- 197 Подсчитано по отчетам отдела кадров шахт и дистанций «Метростроя» за 1934 г. (ЦМАМ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 225. Л. 1—80; Д. 226. Л. 1—90). Соответствующие данные не приведены по семи строительным объектам. На кессонную группу пришлось только 47 случаев увольнения по состоянию здоровья. «Передовиками» здесь являлись шахта № 21-21бис (296 чел. инвалидов, т. е. утративших трудоспособность полностью или частично), 1-я дистанция (339 чел.) и 6-я дистанция (250 чел.).

Советская экономика
20-х — 30-х гг.:
пути модернизации

Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства в СССР (1926/27—1928/29 гг.)

В историко-экономической науке нет пока устоявшегося, общепринятого понимания тенденций развития российского народного хозяйства. Имеются разные оценки роли государства в социально-экономической жизни нашей страны. Существуют альтернативные взгляды на место периода новой экономической политики в истории России. Особый интерес представляет период «преодоления нэпа», по поводу которого не утихают дискуссии.

Комплексный макроэкономический анализ раскрывает закономерности развития отечественного хозяйства второй половины 20-х гг. XX столетия. Он выявляет преемственность, показывает обусловленность трансформации многоукладной экономики в казенно-кооперативное хозяйство, позволяет определить основные параметры воспроизводства и эволюции советской экономики.

В годы нэпа решающую роль в хозяйственном развитии страны играло государство, задававшее темпы и направленность социально-экономических изменений. Поэтому в исследовании целесообразно использовать концептуальную схему государства-предпринимателя, государства-хозяина, опирающуюся на более широкие, реалистические теоретико-методологические предпосылки, чем традиционная, нормативная модель государственного регулирования национальной экономики.

Государственное предпринимательство — это деятельность государства, связанная с использованием казенной собственности и источников ее пополнения, направленная на расширение оборота контролируемых властью ресурсов. К государственному предпринимательству относятся непосредственное ведение хозяйственных дел (казенное производство товаров и услуг, торговые монополии, займы и субсидии, текущее поступление и расходование средств бюджета) и реализация функций государственного управления (организация кредитно-денежного обращения, законодательная

* Черемисинов Георгий Александрович — доктор экономических наук (Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского).

регламентация налоговых платежей, регулирование режима внешнеэкономических связей, регламентирование цен, тарифов, условий найма рабочей силы). Государственное предпринимательство охватывает спектр отношений с различной степенью эквивалентности: от безвозмездного присвоения и безвозвратного расходования части национального дохода на основании публичного права до обычных рыночных сделок в соответствии с гражданско-правовыми нормами. Объединяющим началом предпринимательства за казенный счет служит бюджет; размеры и характер обращения его средств гарантируют верховенство государства в экономической системе страны.

Государство стремится повседневно приумножать свои финансовые возможности, как и всякий иной субъект хозяйствования. Но рассматривать государственные структуры в виде единого субъекта можно лишь условно, с известными оговорками. Власть представлена многочисленным слоем служащих, образующих иерархию управления. Между отдельными группами управленцев объективно, в силу их принадлежности к разным ведомствам, существуют противоречия. Распределение денежных потоков протекает в противоборствах и согласованиях на каждом уровне административного руководства.

Государственные предпринимательство сводит в одну систему всех, хозяйствующих за счет казначейства. Образуется единый субъект экономической деятельности с расплывчатыми границами, но с ярко выраженным общим интересом доступа к ресурсам бюджета. Бюрократия преследует собственную выгоду, сосредоточивая средства у себя в ведомствах. Централизация денежных источников усиливает социальный статус и распорядительные полномочия госаппарата. Государственные служащие лишь постольку содействуют развитию отечественной экономики, поскольку оно отвечает их личным стремлениям. Это нормальное проявление заинтересованности человека в удовлетворении своих потребностей. Чем внушительнее величина доходов, стекающихся в бюджет, тем больше ресурсов распределяют по своему усмотрению чиновники всех уровней сверху донизу, тем больше зависимость общества от бюрократии.

В основу рабочей гипотезы положены нижеследующие соображения. В стране обычно наблюдается взаимодействие и достижение соответствия между состоянием хозяйственного механизма, соподчинением интересов социальных групп, соотношением частного и государственного предпринимательства, характером законодательного регламентирования экономической деятельности, а также динамикой колебаний конъюнктуры. Государство играет решающую роль в формировании структуры и установлении порядка функционирования перечисленных компонентов социально-экономической

сферы. Они составляют круг тех обстоятельств, к которым приспосабливается правящая власть и которые она приспособливает к собственным нуждам.

От размеров казенного предпринимательства зависят траектория и качество экономического роста страны. Ключевыми параметрами развития служат пропорция между потреблением и сбережением (накоплением) в национальном доходе, норма централизованного изъятия хозяйственных ресурсов и характер их инвестирования или расходования. Экстраординарные, пороговые изменения количества ресурсов, втягиваемых в оборот государственного сектора экономики, как правило, сопровождаются соответствующими переменами в хозяйственном законодательстве, в трудовой этике народа и его социальном расслоении, в режиме функционирования регуляторов рыночного равновесия, в конъюнктурных колебаниях и фундаментальных условиях общественного воспроизводства.

В годы нэпа государственное предпринимательство развивалось в реконструктивном режиме. В 1921—1926 гг. оно было связано с восстановлением близких к довоенным параметров развития многоукладной российской экономики. Последующий период (1927—1929 гг.) был временем преимущественно экстенсивного роста казенного предпринимательства, усиления инвестиционной активности государства.

Вопреки военно-революционному разрыву преемственность хозяйственного развития пробивала себе дорогу. Руководство СССР понимало, что державе предначертано идти курсом дальнейшей индустриализации. Поскольку крупная промышленность в ходе национализации попала в казенные руки, индустриализацию отныне суждено было вершить силами государственного предпринимательства. СССР явил собой уникальный опыт преобразования аграрно-промышленной экономики в индустриально-аграрную, когда не только организатором, но и исполнителем сего действия был государственный аппарат.

Народные комиссары воспользовались рецептом царских министров, проводивших политику попечительства над отечественной промышленностью. Де-факто была скопирована довоенная модель индустриализации России за счет ее включения в международное разделение труда в качестве поставщика хлеба и природных ресурсов передовым странам.

Весомыми источниками капитальных вложений в индустриализацию страны могли быть средства казенной промышленности; денежные сбережения людей и налоги, уплачиваемые с личных доходов и имущества; ресурсы других, негосударственных социально-экономических укладов. Механизмами аккумуляции и распреде-

ления накоплений были денежно-кредитная система, бюджетная система, хозяйственные связи внутреннего и внешнего рынков.

Среди условий продолжения политики индустриализации державы, начатой еще в XIX в., важнейшее место занимало использование аграрного сектора в качестве главного резерва накоплений капитала и рабочей силы. В годы нэпа, до середины 20-х гг., собственных финансов промышленности хватало лишь на то, чтобы едва сводить концы с концами. Размеры получаемых прибылей, из которых формировались чистые инвестиции, выглядели скромно. Только к 1925 г. нормализовалось воспроизводство основных фондов. Но высвобождаемые амортизационные отчисления, каковые вкуче с прибылью образовывали валовые инвестиции, также были недостаточными для реализации серьезной программы нового промышленного строительства.

Доходы большинства жителей СССР чуть-чуть перекрывали потребности на уровне физиологической нормы, и они не могли быть обильным источником прилива сбережений в банки или поступления прямых налогов в казну. Исключение составлял лишь нескудеющий поток алкогольно-табачных акцизов.

Особняком среди прочих налогоплательщиков стояли частные предприниматели, имевшие промышленные и торговые заведения, а также владельцы крепких крестьянских хозяйств. Но база налогообложения зажиточного сословия ограничивалась его сравнительной малочисленностью и незначительностью отдельных индивидуальных богатств. По этой же причине невелик был поток денежных сбережений людей с достатком выше среднего в банковские депозиты.

Оставалась возможность привлечения на нужды индустриализации средств частных вкладов: мелких и средних частнокапиталистических предприятий, кустарных промыслов и ремесел, крестьянских семей. Государство могло добиваться выгоды от использования механизма рыночных связей: через систему цен и тарифов на продукцию казенного сектора экономики; путем установления цен на государственные закупки товаров у частных лиц и предприятий; при помощи регулирования режима внешней торговли.

Успех политики индустриализации напрямую зависел от самочувствия «крестьянской экономики». Закупки сельскохозяйственной продукции на внутреннем рынке и вывоз ее за рубеж позволяли на вырученную иностранную валюту импортировать в СССР новые станки, технологии, сырье и пр. Здесь была важна общая величина сельскохозяйственного производства и доля товарной продукции, поскольку размерами рыночного предложения деревенских товаров определялись масштабы их экспортных поставок. Кроме доходов от внешней торговли, ресурсами увеличения капиталов в стране были

накопления аграрного сектора. Они частично могли инвестироваться в другие отрасли экономики.

Новая экономическая политика благоприятствовала росту производства и особенно потребления в российской деревне. Но в ходе послевоенного подъема сельское хозяйство восстанавливалось как отсталая, во многом самодостаточная сфера экономической деятельности; оно деградировало качественно. Валовая товарность отечественного сельского хозяйства составляла в 1913 г. 40%, а в 1925/26 г. — всего 33%. Этот же параметр в американском аграрном секторе в первой половине 1920-х гг. превосходил 60%, в германском — 80%¹. Не был восстановлен экспортный потенциал сельского хозяйства. Так, в 1925/26 г. производство зерна составило 76,6% от уровня 1913 г., технических культур — 104,2%, продуктов животноводства — 96,1%, а экспорт данных товаров от уровня 1913 г. составил соответственно 20,5%, 23,3% и 23,9%². Виной тому был комплекс внутренних и внешних причин. К первым относились ликвидация крупного капиталистического хозяйства; нивелировка деревни; аграрное перенаселение, увеличение собственного потребления земледельцев, поощряемое «ножницами цен» и дефицитом промышленных товаров; уменьшение налогообложения крестьян, игравшее роль отрицательного стимулирования при продаже сельхозпродукции.

Советская власть стала «заложницей» собственной политики. Ликвидация крупных помещичьих владений и передел национализированной земли разрушили самый производительный и высокотоварный тип хозяйств, свели к минимуму положительный эффект дифференциации деревни. Закономерным итогом революционного популизма оказался рост аграрного перенаселения, нивелировка крестьянских хозяйств: ликвидация мелких и дробление крупных. По расчетам Госплана, в 1926 г. избыточное сельское население СССР определялось в 6,8—8,1 млн чел. Коэффициент использования сельскохозяйственного труда колебался в интервале 50—60%³. Показателем перенаселения был процесс дробления относительно больших хозяйств в деревне, который в годы нэпа протекал в 2—2,5 раза интенсивнее, чем до войны. За 1923—1925 гг. число крестьянских хозяйств в Советском Союзе увеличилось с 21,8 млн до 23,2 млн⁴.

Среди проблем внешнеэкономической сферы следует отметить следующие: утрату за время Первой мировой и Гражданской войн традиционных рынков сбыта российских товаров; неблагоприятную динамику соотношения мировых цен и цен внутреннего рынка; завышенный обменный валютный курс червонца, выполнявший функцию экспортной пошлины; ухудшение качества вывозимых

продуктов; рост издержек экспорта из-за плохой работы торгового аппарата.

Строя взаимоотношения с мелкотоварным сельским укладом в режиме рыночной торговли, государственное предпринимательство не смогло подчинить интересы зажиточных земледельцев интересам ускоренной индустриализации. Подтверждением этому служит обзор итогов хлебозаготовительных кампаний 1924—1928 гг., представленный в Таблице 1.

Таблица 1

Валовой сбор, заготовки и экспорт зерна в 1924/25—1928/29 гг., млн ц

Показатели	1924/25 г	1925/26 г	1926/27 г	1927/28 г	1928/29 г
Объем валового сбора зерна	724,1	762,2	750,6	723,0	733,2
Объем хлебозаготовок	51,3	95,1	116,4	110,3	107,9
Объем экспорта зерна	3,5	19,8	25,4	2,9	1,8

Рассчитано по: Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). М., 1964. С. 112, 127; Саркис А. К хлебозаготовительной кампании // Плановое хозяйство. 1932. № 4. С. 77; Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. М., 1960. С. 110, 144; Показатели состояния народного хозяйства СССР // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11—12. С. 116.

Завершение восстановительного цикла характеризовалось стабилизацией и снижением объемов валовых сборов зерна, сокращением его заготовок, т. е. уменьшением предложения товарного хлеба на внутреннем рынке, а также резким падением экспорта зерновых культур. Нарастание трудностей хлебозаготовительных кампаний показывают и данные Таблицы 2.

Таблица 2

Динамика кредитования хлеботорговых операций и объемов переходящих запасов зерна в 1924/25—1928/29 гг.

Показатели	1924/25 г	1925/26 г	1926/27 г	1927/28 г	1928/29 г
Изменение суммы кредитования хлеботорговых операций, млн руб.; «+» — увеличение, «-» — уменьшение					
июль — сентябрь	+ 45,6	+ 136,3	+ 48,8	+ 95,7	+ 143,1
октябрь — декабрь	+ 49,5	+ 16,1	+ 93,7	+ 24,5	+ 71,8
январь — март	+ 12,1	+ 2,2	- 66,1	+ 57,2	—
апрель — июнь	- 37,3	- 108,3	- 113,3	- 140,0	—
За весь годовой цикл	+ 69,9	+ 46,3	- 36,9	+ 37,4	—

Таблица 2 (Окончание)

Показатели	1924/25 г	1925/26 г	1926/27 г	1927/28 г	1928/29 г
Изменение переходящих запасов зерна, млн ц; «+» — увеличение, «-» — уменьшение					
июль — сентябрь			+ 5,6	+ 9,6	+ 6,1
октябрь — декабрь	—	—	+ 12,4	- 0,8	+ 8,8
январь — март	—	—	- 9,0	+ 3,8	—
апрель — июнь	—	—	- 10,0	- 13,7	—
За весь годовой цикл	+ 3,5	+ 1,0	- 1,0	- 1,1	—

Рассчитано по: Гольденберг А.М. Эмиссионные перспективы и сельскохозяйственная кампания // Кредит и хозяйство. 1928. № 11. С. 11; Рочко Г. Задачи кредитования хлебных операций // Там же. 1929. № 2. С. 31.

В целом прослеживалась взаимозависимость между объемами хлебозаготовок и размерами зерновых запасов, с одной стороны, и изменениями банковского кредитования хлеботорговли — с другой. Приобретение большего количества зерна у производителей обеспечивалось увеличением банковских ссуд, выделяемых на эти цели. Низшей точке объема хлебных запасов, как правило, соответствовал минимальный уровень кредиторской задолженности. Но действие закономерности «сколько хлеба — столько денег» постепенно ослабевало.

Конъюнктура внутреннего хлебного рынка складывалась под влиянием нескольких причин: структуры посевных площадей, размеров урожая, динамики банковского кредитования хлебной торговли, государственной политики закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, административного регулирования заготовок и использования хлеба, общего состояния экономической конъюнктуры в стране.

Хлебная кампания неурожайного 1924/25 г. началась с борьбы хозяйственного руководства с повышением цен на зерно в интересах укрепления покупательной способности рубля. Но заниженный уровень «лимитных» цен сократил государственные закупки продовольствия и расчистил поле деятельности частным торговцам. Недостаточные казенные заготовки обернулись скачком зерновых цен весной. Индекс оптовых сельскохозяйственных цен в апреле — июне 1925 г. превышал оптовый индекс промышленных цен, и весь квартал «ножницы цен» были раскрыты в «обратную» сторону⁵.

Неплохой урожай 1925 г. не смог переломить траекторию повышения оптовых цен на хлеб, ибо платежеспособный спрос доминировал над предложением зерна. Обильные банковские ссуды,

выдаваемые на закупки, и форсированный экспорт подталкивали хлебные цены вверх. В том же направлении двигало цены интенсивное увеличение зарплаты городского населения, связанное с бурным восстановлением и избыточным кредитованием индустрии. Попытки сдержать рост зерновых цен осенью 1925 г. оказались безуспешными; их результатом опять было развертывание стихийных хлебозаготовок.

Борясь с конкуренцией со стороны частных, государство прибегло к административным мерам. В конце 1925 г. было введено «регулирование на транспорте», фактически вытеснившее частные перевозки зерна по железной дороге. Перебой с частными поставками зерна изменили соотношение хлебных цен в производящей и потребляющей зонах. В 1926 г. возник «разрыв» между заготовительными и реализационными ценами, который достигал 50%, намного превосходя обычные накладные и торговые издержки⁶.

Еще одним административно-хозяйственным новшеством стала координация деятельности государственных и кооперативных заготовительных ведомств во избежание их конкуренции между собой. С весны 1926 г. закупки хлеба проводились только тремя основными плановыми заготовителями: «Хлебопродуктом»*, потребительской и сельскохозяйственной кооперацией. Уменьшилось число заготовителей и других сельских товаров⁷. В 1926/27 г. государственные заготовители добились монопольного положения на хлебном рынке. Они осуществляли 86% всех закупок зерна и могли регулировать цены на зерновые культуры.

В торговле продуктами животноводства цены устанавливались частными покупателями и продавцами. Так, на мясном рынке господствовала стихийная конкуренция, ибо централизованные заготовки затрагивали в 1925/26 г. 5,5%, в 1926/27 г. — 7,7% общего объема реализации товаров⁸. О размерах торгового оборота продуктов животноводства дает представление Таблица 3.

Таблица 3

Заготовки продуктов животноводства в 1924/25—1928 гг., тыс. т

Виды продукции	1924/25 г	1925/26 г	1926/27 г	1927 г	1928 г
Мясо и скот (живой вес)	329,1	408,3	761,3	1008,6	1778,0
Масло животное	48,0	62,0	75,2	78,9	82,1

Составлено по: Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 112.

* Специальная государственная торгово-заготовительная организация, созданная в хлебозаготовительную кампанию 1922/23 г. для поставок зерна Наркомпроду.

Конъюнктура рынка животноводческих товаров демонстрировала стабильный подъем. Произошло даже экстенсивное изменение специализации аграрного сектора с растениеводческой на животноводческую товарную ориентацию. В 1925/26 г. доля продукции животноводства составляла 45% всей товарной продукции сельского хозяйства, в 1926/27 г. она достигла 52%⁹.

В 1926—1928 гг. тенденции ценовых колебаний в торговле продуктами сельского хозяйства задавались не столько объективными факторами урожайности и объемов валовых сборов зерна, сколько аграрной политикой советской бюрократии. Заняв положение привилегированного покупателя, «основные плановые заготовители» круто понизили цены на зерно — до уровня себестоимости его производства — и удерживали их на этом уровне в 1926/27—1927/28 гг. Естественным итогом такого ценообразования стало невыполнение плановых заданий по хлебозаготовкам. Под напором недовольства крестьян власти отступили и подняли закупочные цены на зерно в кампанию 1928/29 г.¹⁰

Проблемы хлебозаготовок порождались не только абсолютным уровнем зерновых цен, но и их пропорцией с ценами других товаров. С 1925/26 г. по 1928/29 г. цены на продукцию животноводства стояли высоко в сравнении с закупочными ценами на зерновые и технические культуры. Поэтому крестьянам невыгодно было торговать зерном. Им было доходнее скармливать хлеб скоту и птице и предлагать покупателям продукцию скотоводства и птицеводства. По причине отсутствия материальной заинтересованности в 1926—1927 гг. убавились посевные площади под техническими культурами.

Низкие закупочные цены в неурожайном 1927/28 г. окончательно нарушили шаткое равновесие рынка хлебов. Крестьяне отказались предлагать зерно к полномасштабной продаже. Обычный приток хлеба на пристанционные и пристанские пункты, мельницы и элеваторы сменился приближением покупателей к регионам производства хлебов. Следующими шагами стали заготовки на дому, получение у заготовителей хлеба сохранных расписок и закупки на корню.

Усложнение торгового оборота увеличило затраты кредитно-эмиссионных ресурсов на его обслуживание с 142,5 млн руб. в 1926/27 г. до 177,4 млн руб. в 1927/28 г. при снижении закупок хлеба с 116,4 млн ц до 110,3 млн ц¹¹. Рост кредиторской задолженности заготовителей продолжался в течение девяти месяцев — с июля по март — вместо обычного сосредоточения эмиссии банковских ссуд в первом полугодии хозяйственного года — с июля по декабрь.

Изменение методов хлебозаготовок получило дальнейшее развитие в контрактации посевов зерна. Контракты заключались, как правило, с группами крестьян, объединенных в кооперативы. В 1927/28 г. было законтрактовано 1,8% всех посевов, в 1928/29 г. — уже 19,7%¹². Увеличение предварительной оплаты покупаемого зерна отразилось на размерах и структуре финансирования хлеботорговых операций, что подтверждается данными Таблицы 4.

Таблица 4

Распределение кредитов Госбанка по видам хлеботорговых операций в 1927—1928 гг., млн руб.

Направления использования кредитов	1927 г		1928 г				
	1 07	1 10	1 01	1 04	1 07	1 10	15 12
Авансирование будущих заготовок	6,2	35,6	27,9	37,9	13,5	119,5	67,2
Текущие торговые расходы	47,8	53,0	77,3	92,9	63,4	104,6	106,6
Наличные запасы	60,7	122,4	129,3	167,3	81,2	77,1	201,0
Итого:	114,7	211,0	234,5	298,1	158,1	301,2	374,8

Составлено по: Рочко Г. Указ. соч. С. 32.

Здесь показательны два момента. Во-первых, рост авансирования будущих заготовок в 1928 г. говорил о развертывании контрактации посевов, о закупке хлеба на срок вперед. Во-вторых, повышение текущих торговых издержек свидетельствовало об удлинении расстояния перевозки зерна из сельской глубинки до транспортных узлов и мест хранения и первичной переработки.

Ради стимулирования продаж зерна руководящая бюрократия принимала разные меры — от увеличения завоза индустриальных изделий в районы выращивания хлеба до усиления налогообложения сельских обитателей, прежде всего зажиточных, а также уголовного преследования крестьян и частных скупщиков, конфискации принадлежавшего им хлеба под предлогом борьбы со спекуляцией. Сюда же следует добавить образование в 1928 г. Всесоюзного акционерного общества «Союзхлеб» путем слияния «Хлебопродукта» с местными заготовительными и мельничными организациями¹³.

Заготовки хлеба сокращались в 1927/28 г. и в 1928/29 г. Советской власти пришлось свернуть экспорт зерна и вплотную заняться снабжением населения страны хлебопродуктами. К 1929 г. государственное предпринимательство в аграрной сфере зашло в тупик, не решив важнейшей задачи — повышения товарности сельского хо-

зяйства. Остается фактом, что правительство не справилось с регулированием сельскохозяйственного рынка экономическими методами.

С сентября 1926 г. наметилась тенденция к фактически непрерывному росту сельскохозяйственных цен в частной торговле. Через год такая же тенденция проявилась и в обобществленной торговле. Особенно тяжелая ситуация на внутреннем рынке СССР сложилась в 1929 г., отражая нарастание степени неудовлетворенности покупательского спроса на деревенские товары. Параллельно общему повышению розничных цен увеличивались «ножницы» между сельскохозяйственными ценами частной и государственно-кооперативной торговли. В сентябре 1928 г. первые были больше вторых в 1,6 раза, в июне 1929 г. — уже в 2,25 раза. Такая пропорция розничных цен соответствовала двукратному разрыву в закупочных ценах на зерно основных плановых и частных заготовителей в кампанию 1928/29 г.¹⁴

На конъюнктурные колебания цен влияла соотносительная динамика предложения товаров на продажу и денежно-кредитной эмиссии, представление о которой дают показатели Таблицы 5.

Таблица 5

Показатели товарно-денежного обращения в 1926/27—1928/29 гг.

Показатели*	Стоимость/Объем, млн руб			Прирост по сравнению с прошлым годом, %		
	1926/27 г	1927/28 г	1928/29 г	1926/27 г	1927/28 г	1928/29 г
Товарная продукция промышленности	12715	15072	17894	16,6	18,5	18,7
Товарная продукция сельского хозяйства	6587	6944	7459	6,2	5,4	7,4
Товарная продукция промышленности и сельского хозяйства	19302	22016	25353	12,8	14,1	15,2
Розничный товарооборот	13718	15445**	16698***	20,2	12,6	8,1
Среднегодовая денежная масса	1395	1697	2169	18,0	21,6	27,8

* Показатели товарной продукции и розничного товарооборота приведены в ценах 1926/27 г.

** Показатели товарной продукции и розничного товарооборота приведены в ценах 1928 г.

*** Показатели товарной продукции и розничного товарооборота приведены в ценах 1929 г.

Рассчитано по: Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12; Рагольский М. О вредительской теории Громана — Базарова // Там же. 1930. № 10—11. С. 66; Основные показатели кредитной конъюнктуры // Кредит и хозяйство. 1928. № 12. С. 92—93; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Там же. 1929. № 12. С. 126—127; Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 134.

В 1926/27 г. на внутреннем рынке страны была довольно хорошая ситуация. Прирост денежной массы хотя и превзошел суммарный прирост товарной продукции индустрии и сельского хозяйства, но был меньше темпа раскручивания розничного товарооборота и сопоставим с увеличением объема реализации промышленных изделий. При таких условиях равновесие товарного предложения и денежного спроса поддерживалось относительно стабильными ценами.

Но уже в следующем 1927/28 г. макроэкономическая обстановка осложнилась. Напряжение денежной эмиссии усилилось. Темпы роста розничного товарооборота, напротив, ощутимо упали. Незначительно увеличившийся прирост общего объема промышленной и сельскохозяйственной продукции оказался в 1,5 раза ниже прироста наличного денежного обращения. В 1928/29 г. негативные тенденции получили дополнительный импульс. Отрыв темпов пополнения денежной массы от темпов суммарного увеличения товарной продукции промышленности и сельского хозяйства стал почти двукратным, а от прироста розничного товарооборота составил без малого 3,5 раза. Подобное движение рыночной конъюнктуры мог уравновесить лишь инфляционный подъем цен.

Отказ от осторожного кредитования летом 1927 г. дал начало долговременным макроэкономическим тенденциям. Зимне-весенние сжатия объемов учетно-ссудных операций и наличных денег лишь слегка изгибали траекторию устойчивого роста обоих денежных агрегатов. Под влиянием избыточной эмиссии с 1928 г. набрала силу тенденция почти непрерывного повышения оптовых и розничных цен. Это воздействие видно по данным Таблицы 6.

В июле 1928 г. качественно ухудшилось налично-денежное обращение страны. До сего времени соотношение ходивших в обороте валюты Наркомфина и купюр Госбанка тяготело к отметке 65%. С октября 1928 г. «нормальная» пропорция между казначейскими и

Структура и ценность наличной денежной массы в 1926—1929 гг.

Дата	Количество денег в обращении			Соотношение казначейской валюты и банкнот, %	Реальная ценность бумажной денежной массы, исчисленная по индексу оптовых цен, млн руб	Реальная ценность бумажной денежной массы, исчисленная по индексу розничных цен частной торговли, млн руб
	всего, млн руб	банкнот, млн руб	казначей- ской валю- ты, млн руб			
1926 г.						
1 октября	1291,3	769,7	521,8	67,8	727,8	576,5
1927 г.						
1 января	1354,3	796,7	557,6	70,0	763,8	596,6
1 апреля	1284,0	772,9	511,1	66,2	724,2	565,6
1 июля	1419,7	863,2	556,5	64,4	819,2	620,0
1 октября	1628,3	989,8	638,5	64,5	957,8	720,5
1928 г.						
1 января	1667,8	1002,9	664,9	66,3	974,2	712,7
1 апреля	1518,3	906,2	612,1	67,5	888,4	635,3
1 июля	1701,1	1019,4	681,7	66,8	990,2	644,4
1 октября	1971,4	1063,7	907,7	85,3	1120,1	749,6
1929 г.						
1 января	2027,8	1090,7	937,1	85,9	1148,2	742,8
1 апреля	1997,7	1072,9	924,8	86,1	1118,5	638,2
1 июля	2212,9	1192,4	1020,5	85,6	1226,0	643,3
1 октября	2642,2	1428,2	1214,0	85,0	1453,3	748,5

Рассчитано по: Основные показатели кредитной конъюнктуры. С. 92—93; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита. С. 126—127; Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 383—385.

банковскими деньгами перескочила на уровень 85%. Отрыв от 50% нормы, предписанной документами, удвоился.

Обильные выпуски бумажных, «испорченных» денег испортили сам эмиссионный механизм. Подъем цен стал обгонять темпы разбухания номинальной денежной массы. Прирост денежной наличности с 1971,4 млн руб. в октябре 1928 г. до 1997,7 млн руб. в апреле 1929 г. обернулся потерей ее реальной ценности, исчисленной по индексу оптовых цен, с 1120,1 млн руб. до 1118,5 млн руб. При корректировке по индексу розничных цен частной торговли увеличение номинальной суммы денег с октября 1928 г. по октябрь 1929 г. на 34% не добавило ничего к их совокупной покупательной способности.

Качественно менялось и банковское кредитование. Государственное предпринимательство в области банковских активов было подчинено наращиванию основного капитала важнейших отраслей экономики. Поэтому преобладающей тенденцией с 1927 г. стало развертывание операций капитального кредитования, т. е. долгосрочных ссуд. В 1929 г. объем долгосрочных кредитов превысил размер краткосрочных учетно-ссудных операций¹⁵. Стимулирование инвестиционного бума при помощи банковской сети поддерживалось коренной перестройкой структуры ресурсов кредитной системы страны, о чем говорят показатели Таблицы 7.

При стабильном удельном весе в балансе займов, переучетов (11,6—12,0%) и прочих пассивов (7,7—8,3%) троекратно возросла доля специальных капиталов и специальных средств банков — с 10,1% в октябре 1926 г. до 32,1% в июле 1929 г. За то же время снизились удельные веса собственных капиталов банков — с 15,9% до 11,7%, вкладов и текущих счетов — с 28,8% до 18,5%, эмиссии — с 24,7% до 18,4%. Расширению долгосрочных кредитов сопутствовал мощный приток специальных средств, предназначенных для многолетнего размещения среди клиентов.

Кредитная экспансия государства вышла за пределы резервов ссудного капитала. Этот вывод следует из сопоставления динамики банковских активов и пассивов по характеру их использования, представленной в Таблице 8.

Прирост долголетних кредитов на протяжении почти трех лет превосходил накопление основных (капитальных) ресурсов банков. Аналогично прирост краткосрочных учетно-ссудных операций опережал пополнение деньгами текущих счетов и вкладов. Недостаток ресурсов покрывался за счет перекрестного банковского заимство-

Таблица 7

Источники ресурсов (пассивы) кредитной системы СССР в 1926—1929 гг., млн руб.

Дата	Капиталы банков	Сумма специальных средств и специальных капиталов банков	Сумма вкладов и текущих счетов в банках	Эмиссия	Займы, переучет, перезалог	Прочие пассивы	Итого по балансу (нетто)
1926 г.							
1 октября	828,8	582,8	1503,1	1291,3	610,8	407,2	5224,0
1927 г.							
1 января	893,4	685,4	1636,1	1354,3	682,8	438,1	5690,1
1 апреля	979,3	901,5	1764,5	1284,0	736,6	472,7	6138,6
1 июля	1177,4	1081,7	1560,9	1419,7	783,0	502,5	6525,2
1 октября	1125,3	1510,5	1645,0	1628,3	928,7	563,3	7401,1
1928 г.							
1 января	1126,6	2033,1	1592,0	1667,8	957,3	667,7	8044,5
1 апреля	1153,7	2416,2	1782,5	1518,3	1024,6	714,6	8609,9
1 июля	1214,6	2803,9	1759,0	1701,1	1115,2	777,9	9317,7
1 октября	1232,7	3045,2	1779,7	1971,4	1176,3	809,0	10014,3
1929 г.							
1 января	1245,7	3324,3	2023,1	2027,8	1185,4	872,9	10679,2
1 апреля	1350,9	3629,8	2154,8	1997,7	1282,9	895,1	11311,2
1 июля	1416,2	3874,3	2232,7	2212,9	1367,3	953,7	12057,1

Расчитано по: Основные показатели кредитной конъюнктуры. С. 92—93; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита. С. 126—127; Авербах И. К характеристике пассивов кредитной системы СССР // Вестник финансов. 1929. № 9. С. 59; Шварц Г. Эволюция кредитной системы // Там же. № 3. С. 85.

Динамика активов и пассивов кредитной системы СССР в 1926—1929 гг., млн руб.

№ п/п	Показатели	Периоды времени		
		1 октября 1926 г — 1 октября 1927 г	1 октября 1927 г — 1 октября 1928 г	1 октября 1928 г — 1 июля 1929 г
1	Прирост учетно-ссудных операций	2037,1	2424,7	1561,0
2	в том числе: краткосрочных	817,1	606,9	183,1
3	долгосрочных	1220,0	1817,0	1377,9
4	Прирост собственных капиталов банков	296,5	107,4	183,5
5	Прирост специальных капиталов и специальных средств банков	927,7	1534,7	829,1
6	Итого: прирост основных (капитальных) ресурсов банков, (4 + 5)	1224,2	1642,1	1012,6
7	Прирост суммы вкладов и текущих счетов в банках	141,9	134,7	453,0
8	Прирост прочих пассивов	156,1	245,7	144,1
9	Прирост эмиссии	337,0	343,1	241,5
10	Прирост займов, переучета, перезалога	317,9	247,6	191,0

Рассчитано по: Основные показатели кредитной конъюнктуры. С. 92—93; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита. С. 126—127; Авербах И. Указ. соч. С. 59; Шварц Г. Указ. соч. С. 85.

вания, эмиссии банкнот и казначейских билетов, а также прочих пассивов, в том числе сальдо процентов по долгосрочным ссудам.

О внутрибанковской перекачке средств писал Ф.К. Радецкий: «Необходимость увеличения основного капитала хозяйства приводила к тому, что ресурсы краткосрочного кредита обращались в долгосрочное помещение отчасти прямым путем, отчасти косвенным, поскольку краткосрочные ссуды восполняли убыль оборотных средств промышленности, когда они, так или иначе, обращались в капитальное строительство. От этого краткосрочный банковский аппарат ослаблял свою устойчивость и должен был усиливать использование своих резервов — эмиссию»¹⁶. По оценкам эксперта, приблизительно половина непокрытого основным фондом увеличения активных долгосрочных вложений возмещалась переливом ресурсов из краткосрочного оборота. Другая половина прироста капитальных кредитов обеспечивалась прочими пассивами¹⁷.

Государственный банк налегал на эмиссию, стремясь умножить инвестиции в казенный сектор экономики. Отношение годового выпуска червонцев и рублей к приросту краткосрочных кредитов в 1926/27 г. составляло 41,2%, в 1927/28 г. — 56,5%, что было чрезмерным. Но далее обращение денег перешло в качественно новое состояние. С октября 1928 г. по июль 1929 г. наплыв бумажных купюр в хозяйство превысил увеличение краткосрочных ссуд на 31,9%. Следовательно, эмиссия не только насыщала потребности платежного оборота в деньгах, но и была резервом подвижных, скоротечных помещений средств, а также обогащала фонды финансирования капитального строительства.

Функционирование банковской системы СССР в режиме излишней эмиссии было вынужденным и по причине трудностей пополнения текущих депозитов. Узаконенный порядок распределения прибыли препятствовал накоплению собственного оборотного капитала казенных предприятий и обеднял их банковские счета. По расчетам С. Кистенева, в распоряжении трестов в течение года находились следующие финансовые ресурсы: 18% чистой прибыли (половина капитала расширения — 11,25% и $\frac{3}{4}$ Фонда улучшения быта рабочих — 6,75%), составлявшие 4—4,5% от величины оборотного капитала; среднегодовая сумма амортизационных отчислений, достигавшая 7,5% оборотных средств; прирост прибыли в размере 3—5% оборотных средств. Таким образом, общий прилив собственных ресурсов в индустрию за год оценивался в 15—17% от ее оборотных капиталов¹⁸.

Если из этого итога исключить часть амортизации, вносившуюся на банковские счета долгосрочного кредитования, и затраты трестов на капитальный ремонт и строительство, то темп накопления ликвидных активов промышленности окажется значительно меньше скорости подъема ее производства. Промышленность сама брала краткосрочные кредиты для покрытия возникавшего дефицита оборотного капитала. Так, остатки текущих счетов индустрии по шести центральным банкам уменьшились с 221,7 млн руб. в октябре 1927 г. до 177,5 млн руб. в октябре 1928 г.¹⁹ Только из текстильной промышленности в 1927/28 г. через отчисления в фонды долгосрочного кредита было изъято 177 млн руб.²⁰

Синдикаты также пополняли свой оборотный капитал в большей мере банковскими ссудами, нежели собственными накоплениями. Государственная и кооперативная торговля замещали вытеснявшийся капитал частных коммерсантов. Остатки банковской задолженности по всей товаропроводящей сети, связанные с векселями, подтоварными ссудами, хлебозаготовками, составляли на 1 октября 1926 г. 2074 млн руб., на 1 октября 1927 г. — 2656 млн руб., на 1 октября 1928 г. — приблизительно 3200 млн руб.²¹

Обострение ситуации со свободными денежными ресурсами знаменовало собой наступление нового этапа взаимоотношений промышленности, торговли и банков. В 1926/27 г. между различными кредитными учреждениями разгорелась конкуренция за привлечение средств клиентов на свои текущие счета и во вклады при помощи повышения процента, выплачиваемого владельцам банковских депозитов. Пресекая борьбу кредитных ведомств, 21 мая 1927 г. ЦИК и СНК СССР утвердили «Постановление о принципах построения кредитной системы», в котором закреплялась главенствующая роль Госбанка в отношениях с остальными банковскими учреждениями, определялись принципы разграничения функций банков и их клиентов.

Совнарком 17 февраля 1928 г. принял решение о слиянии Промбанка с Электробанком и преобразовании их в банк долгосрочного кредита²². Их текущие ссудные операции были переданы Госбанку, положение которого на рынке краткосрочного торгового-промышленного кредита фактически достигло уровня банковской монополии. Правительство фактически разъединило кредитную систему державы на две самостоятельные сферы по признаку сроков предоставления ссуд. На подобную мысль наводят показатели Таблицы 9.

Состав и баланс кредитной системы СССР в 1926—1929 гг.

Типы кредитных учреждений	1 октября 1926 г		1 июля 1929 г.	
	Число филиалов	Сумма баланса, млн руб	Число филиалов	Сумма баланса, млн руб
Госбанк	486	2878,9	601	4447,1
Акционерные банки краткосрочного кредита	118	738,8	9	223,3
Акционерные банки долгосрочного кредита	3	121,7	4	2034,4
Кооперативные банки	110	225,7	75	649,2
Система коммунальных банков	149	650,3	78	2189,9
Система сельскохозяйственного кредита	140	1014,9	105	2833,0
Общества взаимного кредита	280	95,0	213	30,2
Итого:	1006	5724,9	872	12407,1

Составлено по: Радецкий Ф.К. Кредитно-банковская система Союза и перспективы ее дальнейшего развития // Кредит и хозяйство. 1929. № 10. С. 17, 18; Юровский Л.Н. Банки в России и в СССР // Кредит и банки: Теория банковского кредита. Организация банковского дела. Банки в СССР и за границей. Государственное финансовое законодательство Союза ССР. М., 1929. С. 426.

Стратегия государственного предпринимательства видоизменила условия товародвижения и кредитно-денежного обращения, сложившиеся в первые годы новой экономической политики. Об этом говорят данные Таблицы 10.

Таблица 10

Коммерческие и банковские кредиты потребительской кооперации в 1924—1928 гг., млн руб.

Дата	Коммерческие кредиты, оказываемые промышленностью потребкооперации	Банковские кредиты потребкооперации
1 октября 1924 г.	331,4	135,2
1 октября 1925 г.	442,0	217,6
1 октября 1926 г.	568,0	296,6
1 октября 1927 г.	706,7	338,3
1 октября 1928 г.	843,4	463,4

Составлено по: Шер В.В. Кредитование товаропроводящей сети // Кредит и хозяйство. 1929. № 6. С. 23.

Возможности развития кооперативной торговой сети были намного благоприятнее, чем у казенных оптовиков. Это объяснялось различиями в правительственном регулировании параметров их воспроизводства: цен, торговых накидок, распределения торговой прибыли и т. п. В частности, в 1926/27 г. норма торговой прибыли кооператоров была равна 14,5%, а казенных коммерческих организаций — всего 5,2%. Синдикаты лишь 19% прибыли добавляли к собственным капиталам. Потребкооперация оприходовала у себя в 1926/27 г. 50% прибыли, в 1927/28 г. — 46,3%²³.

Вполне закономерной в такой обстановке была иммобилизация собственных оборотных средств промышленности, т. е. отток и «замораживание» оборотных активов в элементах основного капитала. По сводному балансу промышленности союзного значения (без Сахаротреста), собственные средства во вложениях основного капитала составили 3691 млн руб. на 1 октября 1926 г. и 4022 млн руб. на 1 октября 1927 г. В балансе мобильных фондов той же промышленности собственные оборотные средства уменьшились с 1081 млн руб. на 1 октября 1926 г. до 896 млн руб. на 1 октября 1927 г.²⁴

В 1927 г. произошло качественное изменение макроэкономических показателей работы казенного сектора в наиболее «предпринимательских» сферах: промышленности и оптовой торговле. Повод для этого суждения дает Таблица 11.

**Сводный баланс мобильных оборотных средств промышленности в ведении ВСНХ
(союзной, республиканской и местной), включая синдикаты, тресты, сырьевые организации
и торги, в 1926/27 г., млн руб.**

Актив	1.10.1926 г.	1.10.1927г.	Пассив	1.10.1926 г.	1.10.1927г.
Производство и материалы	2117,1	2367,4	Собственные средства, включая прибыль	2152,6	1825,2
Товары и готовые изделия	1341,0	1354,8	Долгосрочные ссуды	178,6	370,2
Денежные средства	283,0	228,1	Краткосрочная задолженность по налогам	437,3	466,4
Сальдо дебиторов с кредиторами	315,0	210,0	Краткосрочные кредиты банков	1287,6	1498,4
Баланс:	4056,1	4160,3	Баланс:	4056,1	4160,3

Составлено по: Орловский В. Пути упрощения расчетов в торговле // Кредит и хозяйство. 1929. № 3. С. 37.

В октябре 1926 г. собственные средства в обороте, указанные в первой статье пассива, еще перекрывали потребности производственного процесса — первую статью актива. Через год у промышленности для полного обеспечения производства не хватало уже собственных оборотных фондов вместе с долгосрочными ссудами — второй статьей пассива. Другие статьи актива — готовые изделия и товары, денежные средства, коммерческий кредит (сальдо дебиторских расчетов) — покрывались краткосрочными кредитами банков и задолженностью по налоговым платежам в бюджет перед Наркомфином. Индустрия перестала быть кредитоспособной в торговых отношениях с кооперацией.

В основе увеличения коммерческого кредитования кооператоров в 1927—1929 гг. лежало привлечение на эти нужды трестами и синдикатами краткосрочных банковских ссуд. На самом деле хозорганы не кредитовали друг друга, а передавали по цепочке банковский кредит, получаемый от учета векселей. К исходу 1928 г. функционирование синдикатской оптовой торговли в режиме коммерческого кредита и учета векселей казалось уже аномалией. Государственное предпринимательство уничтожило объективную предпосылку коммерческого кредита — избыток оборотных средств у производителей изделий и их синдикатских объединений. Создав обстановку хронического товарного голода, политико-хозяйственная бюрократия сняла проблему сбыта продукции. В инфляционной, дефицитной экономике деньги из банка получала не организация, каковой ссуда адресовалась, а посредник, уже от себя передававший кредит этой организации. Роль торгово-кредитных посредников, т. е. специальных банков, играли синдикаты.

В отличие от традиционной рыночной экономики с преобладанием предложения, где кредитуются продавец товара, в отечественном хозяйстве второй половины 20-х гг. XX в. деньги притекали к покупателю. Они создавали перевес рыночного спроса и условия инфляционного ускорения экономического роста державы. Ради нагнетания инвестиций реконструировалась и банковская система. Госбанк превращался в кассовый резерв советской экономики, удовлетворяя потребности предприятий и организаций в дополнительных денежных ресурсах и восполняя убыль их оборотных фондов.

Реформирование кредитной системы с 1927 г. шло по пути подчинения ее централизованному, директивно-плановому руководству. Начало регулированию ставок было положено постановлением

Наркомфина от 27 марта 1927 г., которое в дальнейшем дополнялось резолюциями по отдельным банковским операциям. Разрозненные нормативные акты объединило решение Наркомфина от 29 сентября 1928 г. о предельных процентных ставках по всем основным операциям банковских структур СССР. Постановление от 16 мая 1929 г. понизило предельные ставки выплат владельцам текущих счетов.

В середине 1929 г. «шкала» (шкала) ставок, по оценке специалиста, была умеренной: по ссудам в акционерных, коммунальных и кооперативных банках — не свыше 13%, в обществах взаимного кредита — не свыше 12%; выплаты по текущим счетам во всех банках составляли не свыше 6%. Ставки по долгосрочным ссудам Промбанка находились в интервале от 2 до 6% годовых²⁵.

Снижение и фиксирование ставок процента по кредитам ограничило его возможности сбалансировать спрос и предложение на рынке ссудных ресурсов. Утрата банковским процентом роли рыночного регулятора была также вызвана переменами в управлении государственной промышленностью. Вместо показателя балансовой прибыли оценочным результатом функционирования фабрик и заводов стало выполнение плановых заданий²⁶. Противоречие между ненасытной потребностью хозяйственного оборота в кредитах и ограниченными ресурсами банковской сети теперь разрешалось при помощи правительственной разнарядки. Государственное предпринимательство изменило экономическое содержание универсальной формы процента на капитал²⁷.

Поскольку в советской экономике не оставалось места для фондовой биржи (за исключением ограниченного оборота облигаций государственных займов), для исполнения ее функций были созданы банки долгосрочного кредита. Мобилизацией ресурсов на цели многолетнего инвестирования занимался и государственный бюджет. Обычные перераспределители сбережений и ссудных капиталов — фондовая биржа и банки — осуществляли это размещение в добровольном, возвратном и возмездном (дивиденды, проценты) для отдельных лиц порядке. Казна же наладила принудительное, в основном безвозвратное и безвозмездное, отчуждение части накоплений и сбережений одних субъектов и передачу их другим.

Круговорот ресурсов кредитной сферы напрямую зависел от денежных потоков государственной финансовой системы: суммарных доходов бюджета, эмиссии казначейской валюты, расходов Наркомфина на народнохозяйственные нужды и т. д. Перечень основных статей дохода государственного бюджета представлен в Таблице 12.

**Доходы государственного бюджета СССР в 1926/27—1928/29 гг.,
млн руб.**

Статьи доходов	1926/27 г	1927/28 г	1928/29 г
Налоговые доходы (налоги и сборы)	3001	3523	4332
в том числе: акцизы	1210	1491	1803
промышленный налог	676	704	1056
сельскохозяйственный налог	358	354	449
подходный налог и налог на сверхприбыль	246	317	405
таможенные пошлины	189	260	258
Неналоговые доходы от государственного хозяйства	1625	2018	2569
в том числе: промышленности	279	345	390
транспорта и связи	299	498	795
внутренней и внешней торговли	44	39	34
кредитных учреждений	68	86	109
коммунального и жилищного хозяйства	326	351	352
лесов и недр	268	310	379
Государственные займы	319	726	725
Средства государственного страхования	927	1052	1221
Всего доходов:	5877	7320	8830

Составлено по: Плотников К.Н. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1955. С. 76, 106; Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917—1950 гг.). М., 1978. С. 166.

Бюрократия продолжала свою предпринимательскую экспансию. Собираемый ею бюджет прибавлял в размерах быстрее важнейших макроэкономических показателей реального сектора: объемов товарной продукции промышленности и сельского хозяйства, розничного товарооборота. Увеличилась доля народного (национального) дохода, перераспределяемая по каналам Наркомфина. Этот процесс отражен в Таблице 13.

Соотношение народного дохода и доходов государственного бюджета СССР в 1926/27—1928/29 гг.

Показатели	1926/27 г	1927/28 г	1928/29 г
Народный доход, млн руб.	23645	25608	28148
Доходы государственного бюджета, млн руб.	5877	7320	8830
Доля доходов государственного бюджета в народном доходе, %	24,9	28,6	31,4

Рассчитано по: Плотников К.Н. Указ. соч. С. 76, 106; Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12.

Как видно из данных таблиц 12 и 14, государственный аппарат усиливал налоговое давление на население страны, причем стремился к замене прямых налогов косвенными, акцизными. Удельный вес акцизов в налоговых платежах в 1926/27 г. составлял 40,3%, в 1928/29 г. — 41,6%. Советская бюрократия перешеголяла царскую в навязывании косвенных податей. В 1928/29 г. на среднестатистического гражданина приходилось 11 руб. 78 коп. уплаченных акцизов. Если скорректировать эту сумму на индекс подакцизных товаров, равный 1,8, то получится 6 руб. 54 коп. В 1913 г. среднедушевое бремя было легче, всего 5 руб. 99 коп.²⁸ Косвенное обложение в период нэпа переносилось тяжелее довоенного из-за снижения покупательной способности людей.

Таблица 14

Среднедушевые показатели народного дохода и налоговых платежей в 1926/27—1928/29 гг.

Показатели	1926/27 г	1927/28 г	1928/29 г
Народный доход на душу населения, руб.	161,3	171,2	184,0
Налоговые платежи на душу населения, руб.	20,5	23,6	28,4
Доля налогового изъятия из среднедушевого народного дохода, %	12,7	13,8	15,4

Рассчитано по: Плотников К.Н. Указ. соч. С. 76, 106; Старков П., Нусыпин А. Бюджет и народный доход // Плановое хозяйство. 1927. № 10. С. 48, 49.

Правительство большевиков, вопреки официальной идеологии социальной справедливости, выстраивало систему регрессивного налогообложения, падавшего на широкие слои населения. Подтверждает это раскручивание оборота алкогольных напитков. Доля поступлений от продажи спиртных изделий в акцизах в 1924/25 г. составляла 24,4%, в 1926/27 г. — 43,8%, в 1928/29 г. — 50,3%²⁹. В 1928 г. была проведена реформа сельскохозяйственного и промыслового налога, что заметно увеличило размеры их поступления в бюджет.

Увеличение в структуре бюджета удельного веса доходов от размещения ценных бумаг Наркомфина свидетельствовало о переменах в политике государственного заимствования. Новый этап в стратегии казенного предпринимательства открыл в конце 1927 г. выпуск 1-го займа индустриализации. Смену приоритетов отметил Г. Вульф³⁰.

Назойливая распродажа облигаций исчерпала запасы праздно лежавших денег и спровоцировала ответную реакцию держателей — «сброску» казенных ценных бумаг на фондовом рынке. Сброска проявила себя как весомый фактор в конце 1927/28 г., достигнув 45 млн руб. В 1928/29 г. сумма реализованных займов достигла 1028 млн руб., а сброска облигаций составила 303,9 млн руб., в том числе предприятиями и организациями — 82,1 млн руб.³¹ В свободном фондовом обороте облигаций госзаймов 1928/29 г. фигурировало отрицательное сальдо расчетов казначейства с населением в 221,8 млн руб. Люди освобождались от государственных ценных бумаг и по причине инфляции.

При отсутствии заинтересованности владельцев облигаций советская бюрократия внедрила «коллективную подписку» граждан на государственные займы. Обязательства казначейства обрели статус обязательных для массовой покупки «ценных» бумаг. Изменилось отношение правительства к государственному кредиту. Из резерва на трудную минуту государственные займы превратились в обильный источник плановых бюджетных доходов.

Государство брало денежные средства у населения взаймы под проценты и через систему сберегательных касс. Число сберкасс возросло с 14732 в октябре 1927 г. до 20068 в октябре 1929 г., а количество вкладчиков увеличилось с 2611 тыс. до 7630 тыс.³² Экспансия сберегательной сети была преимущественно направлена на охват самого многочисленного контингента клиентов в сельской местности и на привлечение мелких, распыленных накоплений. Процент, выплачиваемый по сберегательным вкладам, был сравним с доходами от госзаймов: по срочным вкладам — 9% годовых, по бессрочным вкладам — 8%³³.

Правительство максимально и комплексно использовало свои каналы аккумуляции средств. За 1926—1929 гг. количество казначейской валюты в обращении возросло в 2,3 раза, сумма вкладов в сберегательных кассах увеличилась в 5,3 раза, а сумма государственного долга — в 4 раза³⁴. Сбор налогов за те же годы лишь удвоился. Предпринимательская «мудрость» руководства страны заключалась в том, что оно одной рукой расплачивалось с народом необеспеченными денежными знаками, а другой рукой забирало их обратно.

Аккумуляция ресурсов была подчинена хозяйственной деятельности государства. Роспись расходов государственного бюджета в Таблице 15 показывает рост удельного веса финансирования народного хозяйства — с 36,1% в 1926/27 г. до 43,4% в 1928/29 г. Важнейшим объектом экономической политики была промышленность, чья доля в бюджетных тратах увеличилась с 11,9% до 14,2%. Резкое возрастание расходов на сельское хозяйство в 1928/29 г. было началом финансовой поддержки коллективизации деревни. Увеличивалась доля финансирования социально-культурной сферы — с 17,2% до 18,5%. Особенно весомыми были расходы казны на образование, в 1926/27 г. составившие 687,9 млн руб., а в 1928/29 г. — уже 1109,7 млн руб.³⁵ Государственному сектору требовалась квалифицированная рабочая сила, и правительство раскошеливалось на разрывание системы просвещения.

Таблица 15

Расходы государственного бюджета СССР в 1926/27—1928/29 гг., млн руб.

Статьи расходов	1926/27 г	1927/28 г	1928/29 г
Расходы на народное хозяйство	2085	2815	3810
в том числе, промышленность	685	926	1248
сельское хозяйство	298	394	714
транспорт и связь	527	712	974
коммунальное и жилищное хозяйство	346	474	562
Расходы на социально-культурные мероприятия	993	1275	1621
Оборона	651	765	875
Содержание органов управления	545	530	537
Расходы по государственным займам	101	300	318
Государственное страхование	840	947	1007
Всего расходов:	5780	7205	8784

Составлено по: История социалистической экономики СССР. В 7 тт. Т. III. М., 1977. С. 486.

Бюджетные расходы на народное хозяйство были самой богатой частью инвестиций в отечественную экономику. Капитальные вложения также составлялись из собственных ресурсов предприятий и организаций — прибыли, амортизационных отчислений, вместе с долгосрочными кредитами. Их распределение по отраслям подчинялось интересам индустриализации державы. В отрасли группы «А» в 1926/27 г. было направлено 903,3 млн руб. из 1274,2 млн руб., вложенных в промышленность, в 1928/29 г. — 1616,3 млн руб. из 2072,8 млн руб.³⁶

Мощный поток капиталовложений содействовал подъему и развитию промышленности. Этот факт констатируют показатели Таблицы 16.

Таблица 16

Основные фонды, производство продукции, число работников, производительность труда в крупной промышленности СССР в 1926/27—1928/29 гг.

Показатели	1926/27 г	1927/28 г	1928/29 г
Основные фонды, млн руб.*	9017,7	9894,9	11018,4
в том числе в отраслях: группы «А»	5074,1	5752,7	6578,7
группы «Б»	3943,6	4142,2	4439,7
Валовая продукция, млн руб.	11379,0	13833,0	16180,0
Число работников, тыс. чел.	2838,6	3096,0	3365,9
Выработка продукции на 1 работника, руб.	4008,7	4468,0	4807,0

* На конец года.

Рассчитано по: История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 124, 153; Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39.

Однако размеры капитальных вложений были недостаточными для полного использования резервов рабочей силы. В Советском Союзе росла численность безработных, колебания которой имели сезонный характер. С апреля 1926 г. по апрель 1929 г. количество безработных возросло с 1056 тыс. до 1741 тыс. чел.³⁷, или на 65%, т. е. почти так же, как капиталовложения в промышленность.

Внутрипромышленные накопления, состояние которых отражено в Таблице 17, были незаменимым источником капитальных вложений.

**Прибыль и амортизационные отчисления промышленности в
1926/27—1928/29 гг., млн руб.**

Показатели	1926/27 г	1927/28 г	1928/29 г
Прибыль (за вычетом убытков)	642	800	1140
в том числе отраслей: группы «А»	179	208	355
группы «Б»	463	592	785
Амортизационные отчисления	398	423	470
Итого:	1040	1223	1610

Рассчитано по: Дьяченко В.П. Указ. соч. С. 165.

Основным источником собственного накопления капитала индустрии была прибыль. Ее доля во внутрипромышленных сбережениях увеличилась с 61,7% в 1926/27 г. до 70,8% в 1928/29 г. Большая часть прибыли создавалась в отраслях группы «Б», которые выполняли функцию «донора индустриализации». Масса прибыли увеличивалась за счет роста производства товаров и за счет снижения себестоимости продукции. О динамике производства, цен и себестоимости промышленной продукции говорят данные Таблицы 18.

**Динамика производства, цен и себестоимости промышленной
продукции в 1926/27—1928/29 гг., %
(«+» — прирост, «—» — снижение)**

Показатели	1926/27 г	1927/28 г	1928/29 г
Валовая продукция промышленности	+ 14,5	+ 21,6	+ 17,0
Валовая продукция отраслей группы «А»	+ 19,3	+ 18,9	+ 19,6
Валовая продукция отраслей группы «Б»	+ 11,9	+ 23,1	+ 15,6
Отпускные цены промышленной продукции	— 2,8	— 3,9	— 1,0
Отпускные цены продукции отраслей группы «А»	— 1,0	— 3,3	— 2,5
Отпускные цены продукции отраслей группы «Б»	— 4,1	— 4,3	+ 0,4*
Себестоимость промышленной продукции	— 1,8	— 6,2	— 5,2

Таблица 18 (Окончание)

Показатели	1926/27 г	1927/28 г	1928/29 г
Себестоимость продукции отраслей группы «А»	— 0,7	— 6,1	— 6,5
Себестоимость продукции отраслей группы «Б»	— 2,4	— 6,5	— 2,8

* Без пищевой промышленности.

Рассчитано по: Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39; Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 398—400, 406; Турецкий Ш. Борьба за качественные показатели плана // Плановое хозяйство. 1930. № 9. С. 73

Увеличение выпуска готовых изделий и уменьшение издержек их производства и реализации обеспечивали рост прибыли промышленности. Понижение цен шло медленнее, нежели уменьшалась себестоимость продукции, и не наносило ущерба норме прибыли. При такой раскладке издержек и цен двузначные темпы подъема производства товаров сопровождалась адекватным приращением суммы прибыли.

Правительственная политика цен была методом аккумуляции ресурсов для казенного сектора экономики. По экспертной оценке Ш.Я. Турецкого, в 1927/28 г. средний уровень себестоимости промышленной продукции по отношению к 1913 г. составлял 1,7, а индекс цен стоял на отметке 1,85. При вздорожании средней себестоимости продукции тяжелой промышленности более чем в 2 раза индекс ее отпускных цен не превышал 1,7. Легкая индустрия развивалась в другой ситуации. Сводная статистическая себестоимость ее изделий увеличилась по сравнению с предвоенной в 1,7—1,75 раза, а индекс отпускных цен этих товаров удвоился. «Средняя норма прибыли, — по мнению автора, — в наших условиях резко модифицировалась в сторону изъятия доминирующей доли накопления по линии легкой индустрии»³⁸.

Различие в подходах к ценообразованию в легкой и тяжелой промышленности имело ярко выраженный предпринимательский интерес. Установление завышенных цен на товары широкого потребления извлекало из кармана народа деньги в пользу казны. Размеры такого «рыночного» передела средств можно приблизительно оценить по нижеследующим расчетам. Если принять среднюю себестоимость изделий легкой индустрии в 1927/28 г. за 1,75, а общий торговый индекс розничных цен на промтовары считать равным 1,98³⁹, то окажется, что чрезмерное вздорожание товаров достигало 11,6%. Поскольку предметов широкого потребления было

продано в 1927/28 г. на сумму 8926 млн руб.⁴⁰, то из них присваиваемая государственной промышленностью наценка составила 1035,4 млн руб. Это больше, чем вся прибыль, полученная промышленностью в том же году.

Заниженные цены на продукцию отраслей группы «А» также приносили выгоды государственному предпринимательству в его внутрихозяйственном обороте. Если принять среднюю себестоимость продукции тяжелой индустрии в 1927/28 г. за 2,0, а индекс отпускных цен средств производства считать равным 1,69⁴¹, то они окажутся недооцененными на 18,3%. Если продукции тяжелой промышленности было реализовано в 1927/28 г. на сумму 4907 млн руб.⁴², то государство сэкономило на ее хозяйственном обороте 898 млн руб. Таким образом, «ножницы цен» на продукцию легкой и тяжелой индустрии помогали государственному сектору развиваться с меньшими денежными ресурсами.

Еще одним источником накопления в стратегии ценообразования были «ножницы цен» на промышленную продукцию, приобретаемую деревней, с одной стороны, и на заготавливаемые сельскохозяйственные товары — с другой. Сводный индекс цен аграрного производства в 1926/27 г. был равен 1,493, в 1927/28 г. — 1,564, а общий торговый индекс розничных цен промтоваров составлял соответственно 2,10 и 1,98. Если считать, что деревня реализовала своих продуктов на «внедеревенском» рынке в 1926/27 г. на 2360 млн руб. и в 1927/28 г. на 3052 млн руб.⁴³, то на их недооценке по сравнению с промтоварами крестьяне потеряли соответственно 959,5 млн руб. и 811,8 млн руб. Большую часть этой ценовой разницы присвоило государство.

Эмиссионная политика и государственное ценообразование формировали динамику конъюнктуры внутреннего рынка. Изменения пропорций между товарной массой и денежно-кредитными агрегатами представлены в Таблице 19.

Таблица 19

**Показатели товарной массы и денежно-кредитного обращения
в 1925/26—1928/29 гг.**

Показатели	1925/26 г	1926/27 г	1927/28 г	1928/29 г
Товарная масса на внутреннем рынке, млн руб.	14162	15847	18251	20150
Среднегодовая масса наличных денег, млн руб.	1180	1395	1697	2170

Таблица 19 (Окончание)

Показатели	1925/26 г	1926/27 г	1927/28 г	1928/29 г
Среднегодовая сумма текущих счетов и вкладов в банках и сберегательных кассах, млн руб.	1372	1757	1966	2594
Итого: масса ликвидных денежных средств, млн руб.	2552	3152	3663	4764
Отношение товарной массы к массе наличных денег	12,00	11,36	10,75	9,29
Отношение товарной массы к массе ликвидных денежных средств	5,55	5,03	4,98	4,23
Среднегодовая сумма краткосрочных кредитов банков, млн руб.	2733	3452	4109	4687
Отношение товарной массы к сумме краткосрочных кредитов банков	5,18	4,59	4,44	4,30

Рассчитано по: Радецкий Ф. Ресурсы Госбанка в пятилетней перспективе // Вестник финансов. 1929. № 5. С. 41; Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39; Денежное обращение и кредит // Кредит и хозяйство. 1927. № 12. С. 107—109; Основные показатели кредитной конъюнктуры. С. 92—93; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита. С. 126—127.

Наблюдалась отчетливая тенденция опережающего роста потенциального покупательского спроса по сравнению с предложением товаров на продажу. Это подтверждают значения двух показателей: отношения стоимости товарной массы к сумме наличных денег и к массе ликвидных денежных средств.

Отношение стоимости товарной массы к циркулировавшим наличным деньгам уменьшилось с 1925/26 по 1928/29 гг. на 22,6%. Пропорция между товарной массой и суммой ликвидных денежных средств за тот же период сократилась на 23,8%. Стало быть, скорость обращения наличных денег и более широкого денежного агрегата

замедлилась почти на четверть. В условиях принудительно регулируемых фиксированных товарных цен снижение скорости хождения денежных знаков было тождественно концентрации у покупателей избыточных средств платежа и обострению дефицита продуктов и услуг. Оно сигнализировало о падении эффективности массы денег и результативности их эмиссии, об уменьшении покупательной способности национальной валюты. Оборот той же товарной массы требовал большего количества рублей. Показатель отношения товарной массы к сумме краткосрочных банковских кредитов также выявлял отрицательную динамику. На продвижение определенного объема товаров по всесоюзному рынку в 1928/29 г. затрачивалось в среднем на 17% больше краткосрочных кредитных ресурсов, чем в 1925/26 г.

Оптовой торговлей заправляли синдикаты. За 1926/27—1928/29 гг. оборот синдикатов по сбыту промышленной продукции увеличился более чем в 2,5 раза⁴⁴. Столь бурный рост объяснялся динамикой выпуска изделий казенных фабрик и заводов и дальнейшим синдицированием индустрии — постепенным сокращением самостоятельной продажи своей продукции трестами и передачей ее на реализацию синдикатам.

Однако экспансия синдикатов не поддерживалась надлежащим пополнением их собственных капиталов. Так, на 1 октября 1923 г. в сводном балансе синдикатов собственные средства составляли 38,7%, а на 1 октября 1928 г. — 20,2%. Недостаток денежных ресурсов покрывался за счет краткосрочных банковских ссуд. Потребность в кредитах была бы еще большей, если бы не убыстрялся оборот оптовой торговли. Скорость оборачиваемости капиталов синдикатов возросла с 1,93 оборота за год в 1923/24 г. до 2,93 в 1926/27 г.⁴⁵ Кредитоемкость оптовой торговли уменьшалась не только по причине рационализации товародвижения — перехода на транзит и т. п., но и в результате обострения товарного голода.

Обстановка хронического дефицита преобразила оборот продуктов на рынке. Сроки вексельного кредитования сократились в среднем в 2 раза по сравнению с дореволюционными 6 месяцами⁴⁶. Как показывает Таблица 20, обеспеченность торговли запасами упала почти в 4 раза по отношению к периоду перед Первой мировой войной, когда залежи товаров на складах достигали объемов почти годичного производства. В городах и рабочих центрах наблюдались постоянные перебои в снабжении. По многим товарам остатки были технически минимальными.

**Товарная масса и товарные запасы в обобщественной торговле в
1924/25—1927/28 гг.**

Годы	Товарная масса, млн руб	Товарные запасы, млн руб	Доля запасов в общей массе товаров, %
1924/25	7474	2248	30,1
1925/26	10437	2694	25,8
1926/27	11439	3022	26,4
1927/28	12741	3215	25,2

Составлено по: Орловский В. О накоплении товарных запасов // Вестник финансов. 1928. № 10. С. 44.

Напряженность нарастала и в оптовых поставках продукции. Товарные остатки 15 крупнейших синдикатов в 1925/26 г. оценивались в 341,5 млн руб. и были достаточны для покрытия оборота на протяжении 1,64 месяца. В 1927/28 г. товарные остатки в сумме 347,2 млн руб. обеспечивали ведущим сбытовикам оборот продолжительностью лишь в 1,07 месяца⁴⁷.

Финансовые ресурсы не отвлекались из оборота торговых организаций в виде сумм кредиторской задолженности до момента реализации товаров и представляли собой «горячие», с высокой скоростью хождения, деньги, обслуживавшие собственно куплю-продажу и транспортировку продуктов. Поэтому отрицательная динамика показателя отношения товарной массы к сумме краткосрочных ссудных операций говорила об инфляционном «перекредитовании» синдикатско-кооперативной торговли и о накоплении неудовлетворенного покупательского спроса. Подтверждают логику высказанных аргументов данные Таблицы 21. Углубление диспропорций между спросом и предложением товаров на всесоюзном рынке было закономерным итогом чрезмерной инвестиционной активности правительства. Прослеживалась прямая зависимость между динамикой отношения товарной массы к денежным агрегатам и показателями степени удовлетворения потребностей.

**Степень удовлетворения потребности в конструкционных
материалах в 1925/26—1927/28 гг., %**

Наименование материалов	1925/26 г	1926/27 г	1927/28 г
Черный металл	—	82,3	80,0
Кирпич	89,9	84,9	81,9

Таблица 21 (Окончание)

Наименование материалов	1925/26 г	1926/27 г	1927/28 г
Цемент	99,0	96,9	94,0
Известь	69,0	75,3	88,4
Алебастр	92,3	98,9	78,0
Лес круглый	77,7	94,1	85,5
Лес пиленный	90,0	80,0	82,0
Оконное стекло	80,4	76,0	69,1

Рассчитано по: Туровский И.Г. Борьба с потерями в народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1929. № 12. С. 35.

Расхождение индексов розничных цен в социализированной и частной торговле выступало показателем степени совпадения платежеспособного спроса населения с рыночным предложением товаров, потребляемых в домашних хозяйствах. Статистические расчеты позволяют приблизительно определить порог, до которого традиционный рыночный механизм справлялся с регулированием товарооборота в условиях разрыва гибких вольных и твердых указных цен. Критическое значение «раствора ножниц цен» лежало около отметки 2,0.

После того как в кампанию 1928/29 г. частные заготовительные, а следовательно, и розничные цены на хлеб в 2 раза превысили уровень государственных цен, была организована нормированная торговля хлебом. Во второй половине 1928 г., т. е. с момента закупки нового урожая, карточки (заборные книжки) были введены в ряде областей Советского Союза по инициативе местной администрации. С начала 1929 г. правительство установило нормированный отпуск хлеба населению по всей территории страны⁴⁸.

В апреле 1929 г. разница между индексами розничных продовольственных цен частной и обобществленной торговли стала двукратной. И со второго квартала 1929 г. карточная система снабжения распространилась на другие продукты питания: сахар, кондитерские изделия, консервы и пр. Переход уже в 1929 г. к нормированному отпуску отдельных промтоваров по членским книжкам и специальным ордерам также не был случайным. Одновременно с налаживанием нормированной продажи была организована «коммерческая торговля» дефицитными промышленными и продовольственными товарами. С декабря 1929 г. в социалистических магазинах по доро-

гим, «коммерческим» ценам стали предлагаться хлопчатобумажные и шерстяные ткани, трикотаж, платки, готовые швейные изделия⁴⁹.

Таким образом, обобществленная розничная торговля начала выполнять функции частных торговцев. При помощи высоких, подвижных цен она занималась арбитражными сделками, получая солидные доходы, приводила в лучшее соответствие суммарную величину платежеспособного спроса покупателей с рыночным предложением товарной массы, уменьшала инфляционный «навес» денежных знаков над экономикой. Одновременно поддерживалась материальная заинтересованность работников в результатах своего труда и увеличении зарплаток, гасилось социальное возмущение людей вынужденностью сбережений денег и отложенностью, неудовлетворенностью потребностей.

Диспропорции между спросом и предложением на рынке достигли критического уровня, за которым закономерно следовало введение централизованного распределения продуктов по единому плану. В мае 1929 г. V Всесоюзный съезд советов утвердил первый пятилетний план развития народного хозяйства как государственный закон.

С изменениями конъюнктуры внутреннего рынка страны было тесно взаимосвязано развитие внешней торговли. Динамика экспорта и импорта, с одной стороны, подчинялась интересам индустриализации державы, с другой стороны, приспосабливалась к текущему соотношению спроса и предложения товаров в хозяйственном обороте. Как явствует из Таблицы 22, наш экспорт сохранял довоенную, преимущественно аграрную специализацию. Но прослеживалась тенденция к росту удельного веса промышленной продукции в экспортных поставках. Если в 1913 г. доля промышленного экспорта составляла 26,2%, а в 1923/24 г. — 30,3% от общего вывоза товаров за рубеж, то в 1927/28 г. достигла 50,6%. Соответственно понижалась доля во внешней торговле сельскохозяйственного экспорта, основу которого составлял вывоз зерна. Ведущее место в промышленном экспорте стали занимать продукты первичной переработки нефти: бензин, керосин, смазочные масла; сырая нефть вывозилась в сравнительно малых количествах⁵⁰. В целом в советском экспорте преобладала продовольственно-сырьевая направленность.

Правительственная стратегия импортных закупок исконно поощряла рост промышленности. Этот вывод вытекает из данных Таблицы 23.

В годы нэпа стремление государственного предпринимательства к индустриализации державы усилилось в сравнении с довоенной порой. Удельный вес иностранных товаров производственного на-

Таблица 22

Экспорт России в 1913 г. и СССР в 1923/24—1927/28 гг., млн руб. (в ценах соответствующих лет)

Статьи экспорта	1913 г	1923/24 г	1924/25 г	1925/26 г	1926/27 г.	1927/28 г
Сельскохозяйственный экспорт, всего	1121,9	364,4	343,6	431,7	471,5	382,3
в том числе: хлебопродукты	654,4	223,5	102,9	198,1	233,7	56,6
масло	71,6	26,5	27,6	30,9	34,3	39,2
яйца	90,6	13,4	25,7	23,6	29,0	40,4
лен и кудель	94,2	23,3	52,4	45,4	20,1	21,3
пушнина	21,1	49,7	67,3	69,3	86,1	119,2
Промышленный экспорт, всего	398,2	158,3	215,0	244,9	299,1	391,6
в том числе: лесоматериалы	164,9	70,4	72,8	58,2	79,8	92,7
нефтепродукты	50,1	37,3	66,6	76,0	89,2	107,0
марганцевая руда	14,6	14,4	17,9	21,3	24,1	13,8
сахар	27,6	5,6	14,0	19,0	31,2	34,3
хлопчатобумажные ткани	43,9	0,9	5,2	14,7	20,9	49,4
Весь экспорт	1520,1	522,6	558,6	676,6	770,5	773,9

Составлено по: Кауфман М. Итоги и перспективы внешней торговли // Плановое хозяйство. 1929. № 4. С. 81.

Импорт России в 1913 г. и СССР в 1923/24—1927/28 гг., млн руб. (в ценах соответствующих лет)

Статьи импорта	1913 г	1923/24 г	1924/25 г	1925/26 г	1926/27 г	1927/28 г
Импорт товаров производственного назначения, всего	884,4	362,8	470,6	590,5	626,2	796,1
Оборудование промышленности и транспорта	172,4	53,9	71,4	107,6	152,8	255,8
Сырье, всего	343,1	231,2	244,5	274,0	328,1	383,6
в том числе: хлопок	114,0	141,8	133,8	117,8	131,5	154,2
шерсть	60,0	43,9	47,5	41,4	51,1	62,1
кожевенное сырье	25,1	7,6	16,7	24,8	38,6	40,1
черные металлы	56,4	0,9	3,8	10,4	11,3	16,8
цветные металлы	—	14,4	18,8	20,7	45,4	57,7
Полуфабрикаты	212,4	69,9	112,1	145,8	101,8	117,1
Топливо	91,2	6,3	0,8	3,7	5,6	0,6
Товары для сельского хозяйства, всего	65,3	11,4	41,7	59,4	37,8	39,0
в том числе: машины и тракторы	49,0	6,2	32,2	48,2	23,8	21,8
Импорт предметов потребления, всего	392,0	67,1	240,7	153,5	80,8	143,0
в том числе: продукты питания	261,3	46,1	204,9	70,4	63,5	115,0
промышленные товары	130,7	21,0	33,9	83,1	17,2	28,0
Все прочие товары	97,6	4,2	12,2	12,3	5,7	5,6
Весь импорт	1 374,0	434,2	723,5	756,3	712,7	944,7

Составлено по: Кауфман М. Указ. соч. С. 86.

значения в общем импорте в среднем за 1923/24—1927/28 гг. составил 79,7% против 64,4% в 1913 г.

Таблица 24 показывает, что развертывание импортно-экспортных операций Советского Союза отставало от развития международной торговли, которая еще в 1925 г. перешагнула предвоенный уровень.

Таблица 24

Баланс внешней торговли России в 1913 г. и СССР в 1923/24—1927/28 гг., млн руб. (в ценах соответствующих лет)

Годы	Экспорт	Импорт	Баланс:
			«+» — превышение экспорта над импортом; «-» — превышение импорта над экспортом
1913	1520,1	1374,0	+ 146,1
1923/24	522,6	434,2	+ 88,4
1924/25	558,6	723,5	- 164,9
1925/26	676,6	756,3	- 79,7
1926/27	770,5	712,7	+ 57,8
1927/28	773,9	944,7	- 170,8

Составлено по: Кауфман М. Указ. соч. С. 81, 86.

По подсчетам М. Кауфмана, отечественная внешняя торговля в 1927 г. добралась лишь до 46% от уровня 1913 г. Поэтому квота СССР в мировом товарообороте в 1927 г. едва достигала 1,2%, тогда как на долю России в 1913 г. приходилось 3,04%⁵¹. Опорой отечественной внешней торговли служил сельскохозяйственный, особенно хлебный, экспорт. Но специфической трудностью новой экономической политики был медленный рост товарной продукции зернового комплекса. Выручка от экспорта наших товаров в 1924/25 г. и в 1927/28 г. практически повторяла прошлогодние доходы. Стагнация была инициирована критическим падением экспорта хлебопродуктов.

Пассивное сальдо внешнеторгового баланса было связано с приобретением на мировых рынках жизненных припасов и с чувствительным расширением производственного импорта, совпадающими по времени с бурным промышленным подъемом и осуществлением интенсивных инвестиций. Тому есть объяснение. Увеличение масштабов хозяйственной деятельности сопровождалось ростом доходов населения и адекватным повышением спроса на предметы потребления. Ради удовлетворения дополнительных личных запро-

сов на внутренний рынок отвлекалась часть продовольственных резервов, предназначавшихся ранее для экспорта, и увеличивался импорт продуктов питания и промышленного ширпотреба. Одновременно возрастал приток из-за границы сырья и материалов, а также оборудования. При сдерживании экспорта и расширении импорта возникали предпосылки их отрицательной разницы.

Советская внешняя торговля подчинялась задачам индустриализации и экономического роста. В структуре товарообмена с иностранцами преобладали сельскохозяйственный экспорт и промышленный импорт. Соотношение статей экспорта и импорта обеспечивало повышение нормы накопления в отечественной экономике. Объем вывозимых потребительских благ и продуктов, из которых можно было производить предметы потребления, превосходил суммарную ценность ввоза аналогичных товаров. Таким образом, внешняя торговля сдерживала потребление людей и пополняла фонд накопления государственного предпринимательства. Инвестиционные ресурсы казны умножались путем перераспределения валютной выручки в пользу приобретения иностранных станков, машин, оборудования, а также временно расширялись за счет отрицательного сальдо внешнеторгового баланса.

До Первой мировой войны в России накопление составляло не более 10% от национального дохода, а потребление — чуть более 90%. За три с половиной года боевых действий казна извела около 50 млрд руб. Если скорректировать эту номинальную цифру на покупательную силу денег по индексам товарных цен, то она составит 21 млрд довоенных рублей. Национальный доход России в 1913 г. оценивался в 16 млрд руб.⁵² Следовательно, из-за принудительного накопления удельный вес фонда потребления в национальном доходе уменьшился почти до 50%, а норма сбережений возросла в 5 раз.

С переходом к нэпу удельный вес накопления (сбережений) в национальном доходе опустился к среднегодовой довоенной отметке и в 1924/25 г. составлял 8,6%, в 1925/26 г. — 9,5%⁵³. В 1927/28 г. доля накопления в национальном доходе повысилась до 11,3%, а в 1928/29 г. — до 16,9%⁵⁴.

Уровень централизованного изъятия ресурсов, т. е. вынужденного ограничения потребления людей и масштабов хозяйственной деятельности частных и государственных предприятий, определял степень перестройки рыночного механизма регулирования экономики. Формирование с 1929 г. жестко централизованной системы управления экономикой стало поворотным историческим пунктом, означавшим, что казенное предпринимательство исчерпало «свободные» ресурсы, которые можно было направлять на ускоренный подъем промышленности, находясь в рамках многоукладного рыночного

хозяйства. Начался переход от использования резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства к созданию предпосылок его инвестиционно-мобилизационного роста.

Примечания

- 1 Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Избранные произведения: В 2 кн. Кн. 2. М., 1993. С. 349.
- 2 Рассчитано по: Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 181, 187.
- 3 Там же. С. 337.
- 4 Там же. С. 215, 343.
- 5 Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). М., 1964. С. 379.
- 6 «Разница в ценах частного рынка, даже между соседними районами и губерниями, оказывалась настолько значительной, что торговцы, а также крестьяне потребляющей полосы находили выгодным за сотни верст возить хлеб гужом (на санях), не говоря уже о всяких смешанных способах перевозки (водой на лодках с перевалом на железной дороге или в комбинации с гужевой перевозкой)» (Авилов Б. Разрыв между заготовительными и реализационными хлебными ценами // Плановое хозяйство. 1928. № 7. С. 160, 167).
- 7 Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 113.
- 8 Пистрак Г. Условия реализации сельскохозяйственной продукции // Плановое хозяйство. 1927. № 10. С. 137.
- 9 Там же.
- 10 Средние заготовительные цены ржи, пшеницы, овса и ячменя за центнер были равны в 1926/27 г. 5,3 руб., в 1927/28 г. — 5,7 руб., в 1928/29 г. — 6,54 руб. при себестоимости их производства соответственно 5,25 руб., 5,68 руб., 5,29 руб. См.: Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 122.
- 11 Гольденберг А.М. Эмиссионные перспективы и сельскохозяйственная кампания // Кредит и хозяйство. 1928. № 11. С. 10.
- 12 Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 123, 124.
- 13 Там же. С. 119.
- 14 Там же.
- 15 Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Кредит и хозяйство. 1929. № 12. С. 126—127.
- 16 Радецкий Ф.К. Кредитно-банковская система Союза и перспективы ее дальнейшего развития // Там же. № 10. С. 20.
- 17 Он же. Текущие проблемы кредита // Там же. № 3. С. 19.
- 18 Кистенев С. Пути к изжитию кризиса краткосрочного кредитования // Вестник финансов. 1929. № 1. С. 27.
- 19 Радецкий Ф. Ресурсы Госбанка в пятилетней перспективе // Там же. № 5. С. 44.
- 20 Он же. Текущие проблемы кредита. С. 21.
- 21 Кистенев С. Указ. соч. С. 35.
- 22 Лившиц Ф. Итоги реорганизации кредитной системы // Вестник финансов. 1929. № 11—12. С. 66.

- 23 Итин М. Проблема накопления торгового капитала // Там же. 1928. № 9. С. 37, 38.
- 24 Вейсброд А. О роли коммерческого кредита в советском хозяйстве // Кредит и хозяйство. 1929. № 4. С. 17.
- 25 Лившиц Ф. Указ. соч. С. 71, 72.
- 26 «Напряженные условия работы заслоняют всякие частнохозяйственные расчеты возможного дохода на ссудный капитал предприятия; наоборот, каждое предприятие готово нести любые (в пределах его прибыли) расходы по оплате процента на ссудный капитал, лишь бы осуществить свой производственный план» (Лившиц Ф.Д. Ссудный капитал в условиях СССР // Кредит и хозяйство. 1929. № 7—8. С. 33).
- 27 «В настоящих условиях экономики СССР в форме “процента” в подавляющем числе случаев и как правило выступает лишь своеобразная универсальная надбавка (“универсальный акциз”) на обращающийся ссудный капитал, надбавка, платимая дебитором кредитору как узаконненное “указное” вознаграждение за предоставление денежных средств для их производительного использования. Но так как главными денежными кредиторами в СССР являются банки, то процент играет в СССР еще и другую народнохозяйственную роль. Именно в форме процента в банках отлагается строго определенная и ясная по своим размерам часть всего национального накопления в денежной форме» (Лившиц Ф. Итоги реорганизации кредитной системы. С. 71).
- 28 Лебедев П. Значение акцизного обложения в современном бюджете // Вестник финансов. 1928. № 11. С. 41.
- 29 Там же. С. 33, 34.
- 30 «В дело государственного кредита решительно вовлекаются средства рабочих и служащих, а затем и крестьянства. Государственный кредит отходит от своих пассивных позиций и переходит в наступление. Государственные займы становятся фактором сбережения, они берут не накопления, уже образовавшиеся в личных бюджетах, а требуют образования сбережений путем сжатия личных расходов; финансовые выгоды для держателя займов играют уже второстепенную роль. На первый план выступает политическое и народнохозяйственное значение займов, их необходимость и выгодность не с точки зрения индивидуального интереса, а с точки зрения общественно-политического целого, интересов Советского Союза...» (Вульф Г. Новая стадия в развитии госкредита СССР // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 4. С. 14).
- 31 Вульф Г. Указ. соч. С. 15, 17.
- 32 Показатели состояния народного хозяйства СССР // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1928. № 1. С. 7; Шварц М. Некоторые вопросы мобилизации средств населения и сберегательного дела в СССР // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 3. С. 19.
- 33 Аболин К. Новые задачи сберкасс // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 3. С. 12.
- 34 Основные показатели кредитной конъюнктуры // Кредит и хозяйство. 1928. № 12. С. 92—93; Основные показатели конъюнктуры денежного обращения и кредита // Там же. 1929. № 12. С. 126—127.
- 35 К XVI съезду партии // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 5. С. 7.

- 36 История социалистической экономики СССР: В 7 тт. Т. III. М., 1977. С. 152.
- 37 Там же. С. 118.
- 38 Турецкий Ш.Я. Проблемы издержек производства в процессе ценообразования // Плановое хозяйство. 1928. № 11. С. 175—176.
- 39 Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 401.
- 40 Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39 // Плановое хозяйство. 1929. № 12.
- 41 Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 399.
- 42 Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39.
- 43 Гатовский Л. О соотношениях цен в 1927/28 и начале 1928/29 гг. // Плановое хозяйство. 1928. № 12. С. 55.
- 44 История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 446.
- 45 Вейсброд А. Указ. соч. С. 17.
- 46 Кириллов И.А. Финансирование промышленности // НЭп и хозрасчет. М., 1991. С. 271.
- 47 Орловский В. О накоплении товарных запасов // Вестник финансов. 1928. № 10. С. 45.
- 48 Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 137—138.
- 49 История социалистической экономики СССР. Т. III. С. 454.
- 50 Там же. Т. II. М., 1976. С. 481.
- 51 Кауфман М. Итоги и перспективы внешней торговли // Плановое хозяйство. 1929. № 4. С. 87.
- 52 Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917—1928). М., 1928. С. 15.
- 53 Железнов В.Я. Накопление в народном хозяйстве СССР // Вестник финансов. 1927. № 9. С. 50.
- 54 Рассчитано по: Плотников К.Н. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1955. С. 76, 106; Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917—1950 гг.). М., 1978. С. 302; Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 39; Квиринг Э. Задачи особого квартала // Плановое хозяйство. 1930. № 9. С. 8; Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969. С. 90—91, 108; Малафеев А.Н. Указ. соч. С. 400.

Индустриализация в рамках нэпа и перспективы советской модернизации**

Понятие «модернизация» стало ключевым в нашем общественном сознании. Оно вошло в научный оборот как в широком, так и в узком смысле. Широкое понятие модернизации охватывает комплекс инновационных мероприятий при переходе от традиционного общества к современному и обозначает совокупность процессов структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, профессионализации, рационализации, образовательной революции и т. д.¹ Модернизация выступает как историческое описание процессов, посредством которых осуществляется «осовременивание» общества через трансформации, революции и реформы. Модернизация не равнозначна индустриализации, поскольку последняя является одним из условий перехода к современному обществу. В узком смысле модернизация — это создание экономической базы индустриального общества. Индустриализация представляет собой превращение страны из аграрной или аграрно-индустриальной в промышленно развитую, «переход от ручного труда к машинному, сначала главным образом в промышленности, а затем и в других отраслях народного хозяйства»². Индустриализация предполагает превращение промышленности и промышленных технологий в основную движущую силу экономического развития³.

Часто модернизацию отождествляют с индустриальными преобразованиями или политикой индустриализации. Весьма распространен в этой связи термин «индустриальная модернизация». Так или иначе, индустриализация рассматривается как способ, вариант модернизации, а изучение закономерностей и особенностей отечественного промышленного развития на различных исторических этапах относится к приоритетным исследовательским направлениям. Проблема исторического контекста модернизации в России — это вопрос о закономерностях и особенностях развития страны. Две трети XX в. Россия решала задачи модернизации в форме

* Рогалина Нина Львовна — доктор исторических наук (Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 0301-00712.

индустриализации, воплощая ее национальную модель. Прошедшая ряд этапов советская индустриализация явилась закономерным продолжением российской.

К настоящему времени в историко-экономической литературе сложились различные подходы и оценки состояния и перспектив как дореволюционного, так и послереволюционного развития России. Современное обновление проблематики, появление пласта новых документальных публикаций, обращение к макроэкономическим исследованиям обнаружили ряд нерешенных вопросов. Одни из них связаны с характеристикой 1920-х гг. как определенного этапа в отечественной индустриальной модернизации. Так, классик теории модернизации У. Ростоу рассматривает период с 1914 г. по 1929 г. как разрыв в середине пути между взлетом, толчком дореволюционной модернизации и гонкой 1929—1950 гг. по направлению к зрелости⁴. Ж. Сапир видит в экономическом росте в годы нэпа парадокс с точки зрения экономической истории и так же, как Ростоу, не связывает его с предшествующими и последующими периодами модернизации⁵. В.А. Красильщиков, напротив, считает нэп колоссальным шагом вперед по пути к модернизации⁶.

Иные спорные вопросы касаются качественной и количественной оценки результатов советской индустриальной модернизации к концу 1920-х гг. Ряд авторов утверждает: «...то, что удалось сделать в период 1921—1928 гг., следует считать выдающимся экономическим достижением»⁷ и даже «экономическим чудом»⁸. Другие исследователи оценивают сделанное гораздо скромнее⁹. Они отмечают трудности сравнительного анализа показателей 1913 и 1928 гг., связанные с недостаточной сопоставимостью данных¹⁰; неясность конкретных результатов восстановления экономики на базе нэпа¹¹. Проблема упирается в состояние как дореволюционной, так и послереволюционной статистики.

Весьма распространена некорректная традиция экстраполяции или ретроспекции экономической ситуации. Например, другой классик, американский экономист А. Гершенкрон, переносит на дореволюционный период модель советской экономической системы, в рамках которой индустриальный рост инициировался бюджетным перераспределением национального дохода. Он объясняет промышленный взлет в России XIX в. соответствующим использованием бюджетных механизмов по аналогии с советской экономикой¹². В.А. Красильщиков, напротив, отождествляет советскую индустриализацию в рамках нэпа с дореволюционной, имея в виду ее ресурсы и методы¹³. Он пишет об ограблении и сверхэксплуатации крестьянства в царской России, что не находит подтверждения в статистических данных и в современных исследованиях¹⁴.

В данной статье рассматриваются назревшие вопросы изучения исходного уровня советской индустриальной модернизации. В центре внимания автора находятся текущие итоги научной дискуссии о достижениях, проблемах и перспективах развития страны в рамках исследуемого периода отечественной индустриализации. Для их осмысления важен анализ институциональных условий, в которых осуществлялась начальная реконструкция народного хозяйства, а также конкретно-историческое сравнение результатов восстановления с соответствующими показателями дореволюционного периода.

Индустриализация в 1920-е гг. выступала как основная задача и цель всей экономической политики. Уже в период между 1922 и 1924 гг. тяжелая промышленность развивалась интенсивнее легкой¹⁵. В последующие два года темп развития отраслей группы «А» оказался в 2,5 раза выше, чем отраслей группы «Б»¹⁶. Содержание индустриализации рассматривалось в двух смыслах, или аспектах: 1) приоритетное развитие тяжелой индустрии по сравнению с отраслями легкой промышленности; 2) преимущественное развитие промышленности по сравнению с сельским хозяйством. Рассмотрим оба этих аспекта.

XIV съезд ВКП(б) в конце 1925 г. констатировал бурный рост народного хозяйства в целом и приближение его к довоенному уровню. Как наиболее значимые в народно-хозяйственном отношении отмечались в 1927 г. успехи крупной промышленности, намного превысившей предвоенный уровень¹⁷. Современники сомневались в том, что промышленность достигла довоенного уровня¹⁸. Тогда же были высказаны критические замечания, связанные с состоянием источников, рисующих картину более благоприятную в данном отношении для Советской России, чем было на самом деле. Во-первых, довоенные данные неполны и сравнимы лишь по отраслям ценовой промышленности¹⁹. Во-вторых, с середины 1920-х гг. ЦСУ СССР рассчитывало динамику продукции по отчетам предприятий об объеме продукции, что при росте цен неизбежно завышало результаты²⁰. Наконец, Госплан в 1927 г. показал, что стоимость продукции промышленности на 1913 г. приумножена не менее, чем на 10%, «так что все проценты, определяющие отношение к довоенному уровню промышленности, должны быть соответственно понижены»²¹.

Согласно установке XIV партийного съезда «...держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования»²², шло усиленное накопление капитала. Крупная промышленность финансировалась из централизованного бюджета с каждым годом все щедрее. Так, в отрасли группы «А» в 1925/26 г.

было осуществлено 66% всех капиталовложений, в 1926/27 г. — 70%²³. Удельный же вес продукции этой группы составлял в промышленном производстве в 1926—1928 гг. 40—44%, приблизительно отразив уровень 1913 г.²⁴

Современники правомерно писали о 1925/26 и 1926/27 хозяйственных годах как о восстановительно-реконструктивных, когда в экономике сочеталось использование старого капитала с частичным переоборудованием и реконструкцией производства²⁵. Восстановление промышленности, как и всего народного хозяйства, проходило неравномерно в отдельных его отраслях и прошло как бы «вчерне» (как выражались специалисты). Финансирование промышленности осуществлялось в основном двумя способами. В 1927/28 г. примерно половина средств была направлена на капитальный ремонт за счет внутрипромышленных накоплений — т. е. за счет амортизации и высоких прибылей, а другую половину составили государственные дотации (за счет налогов и займов). Февральский пленум ЦК ВКП(б) 1927 г. принял по докладам В.В. Куйбышева и Г.М. Кржижановского резолюцию о капитальном строительстве промышленности в 1926/27 г. Он одобрил план капитальных работ в размере 1100 млн руб., в котором более четверти всей суммы приходилось на долю металлической промышленности. Была признана необходимость увеличения масштаба капитальных работ для обеспечения более быстрого темпа развития металлургии и машиностроения. В этих целях предлагалось привлечь всевозможные добавочные ресурсы (дополнительные заграничные кредиты, потенциал долгосрочного внутреннего кредита, различные средства лучшего использования внутренних ресурсов самой металлопромышленности и т. д.). Была поддержана мысль Куйбышева о том, что энергетика — это рычаг модернизации промышленности. Кржижановский отметил громадную диспропорцию между отечественной энергетикой и энергетикой капиталистического окружения, при этом подчеркнул, что «...мы вдвое увеличили сравнительно с довоенными заданиями наше производство электрической энергии»²⁶.

Колоссальные средства, составившие основной капитал промышленности, направлялись в тяжелую индустрию и в электростроительство (по темпам прироста новых мощностей электростанций СССР вышел на первое место в мире), на предметы технического потребления. В результате была полностью восстановлена топливная база российской промышленности с реконструкцией на новой технической основе. Высокими темпами восстанавливалась металлообработка, но восстановление черной металлургии (по выпуску стали, чугуна, проката), производства строительных материалов и особен-

но пищевой продукции и т. д. не было достигнуто. Отраслевая «со-размерность» внутри промышленности была нарушена.

Наличие широкомасштабного государственного сектора с его монопольным положением в экономике и высоким уровнем концентрации производства позволяло непосредственно контролировать 50% всего реализованного национального дохода и распоряжаться $\frac{2}{3}$ реального накопления, созданного в общественном производстве²⁷. Достигнутая перед началом первой пятилетки норма накопления превышала как показатели дореволюционного развития России, так и норму накопления развитых капиталистических стран²⁸. Темпы роста промышленности стабилизировались после восстановления в 1927 г. ее довоенной структуры, а взлет бюджетных расходов сопровождался замедлением темпов экономического роста. До 1928 г. накопления не покрывали нормального износа средств производства, и основной капитал в стоимостном выражении был ниже довоенного.

Процесс освоения унаследованных производительных сил шел, но оборудование устарело и было изношено; ведь с 1913 г. русская промышленность жила, не делая амортизационных отчислений. Она «проедала» капитал: текущий износ приближался к 40%. Как опасная оценивалась современниками диспропорция между транспортом и другими подразделениями народного хозяйства. Она ставила объективный предел развитию всех отраслей производства²⁹. Государство пыталось увеличить размеры дотации промышленности за счет эмиссии, а это с каждым годом приводило к инфляции. «Твердой валюты у нас нет», — заметил замнаркомфина Г.Я. Сокольников в 1926 г.³⁰, а во второй половине 1928 г. покупательная способность червонца резко упала. Инфляция казалась причиной хозяйственных затруднений, но свое происхождение вела от преувеличенного представления о возможности одновременного значительного повышения реального жизненного уровня и накопления в стране. В качестве причины обычно называют еще ориентацию большевиков на высокие темпы роста любой ценой. Нет, в 1926 г. так вопрос еще не ставился. Слабое развитие легкой промышленности обостряло товарный голод, причем самым дефицитным товаром была мануфактура.

Сокращение развертывания промышленности, уменьшение сумм затрат на капитальное строительство могло бы стать существенным вкладом в борьбу с товарным голодом. Однако средства, притекавшие в промышленность из сельского хозяйства, шли на рост реальной зарплаты рабочих, а также на капитальные вложения. По данным Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), начисления на зарплату в 1925/26 г. достигали 31% против 9% довоенного

уровня. При этом средняя зарплата составила 120% от 1913 г.³¹ Однако производительность труда не повышалась в том же размере (если измерять ее месячной выработкой на одного рабочего в довоенных ценах) — налицо тенденция отставания производительности труда от роста заработной платы³².

Повышение уровня жизни рабочего класса по сравнению с довоенным происходило при пониженном национальном доходе³³ и явилось результатом значительного уменьшения потребления капиталистических слоев городского населения. Другим важным источником было извлечение средств из сельского хозяйства и относительное понижение потребления промышленных товаров крестьянством по сравнению с довоенным периодом. До революции шло снижение относительных цен на промтовары, обусловленное быстрым ростом российской промышленности. Снижение цен на промышленную продукцию позволяла производить экономия на масштабах производства³⁴.

В середине 1920-х гг. себестоимость промышленной продукции выросла в 2—2,5 раза по сравнению с 1913 г. Цены на промышленные товары в 1926 г. вдвое превышали цены 1913 г. и были выше в 2,4—2,5 раза, чем в ведущих капиталистических странах³⁵. В 1927 г. А.М. Гинзбург писал: «...в настоящее время на душу населения предметов личного потребления приходится лишь немногим более половины того, сколько приходилось в довоенное время. Еще более низким представляется коэффициент современного потребления по отношению к товарам производительного потребления: на душу населения приходится чугуна в два раза меньше, чем до войны»³⁶.

«...Не имея заграничных кредитов в достаточной степени, не имея валютных ресурсов, мы не можем больше ускорять темп роста нашего производства», — говорил летом 1927 г. нарком внешней и внутренней торговли А.М. Микоян³⁷. Действительно, доля иностранных средств в общей сумме новых капиталов составляла в середине 1920-х гг. 3,2% (235 млн руб.)³⁸. Отметим, что в 1913 г. почти 1/3 всех капиталов, вложенных в крупную промышленность, имели иностранное происхождение³⁹. Теперь нужны были миллионные и долгосрочные вложения, а добыть с громадными трудностями за границей удавалось лишь подтоварные кредиты на 3—4 года при условии заказа оборудования. Так, осенью 1928 г. подошел первый срок платить за полученный от Германии гарантированный кредит в 300 млн марок на оборудование, которое еще не было установлено ввиду неудовлетворительной организации работы на советских предприятиях⁴⁰. На практике программа капиталовложений в промышленность второй половины 1920-х гг. предполагала возрастание государственных расходов без согласования с требованиями рынка.

Эта несогласованность — общая проблема всех командных экономик, не только в СССР и не только в 1920-е гг. От мобилизации «мертвого капитала», т. е. от освоения имевшихся мощностей, намеревались перейти к освоению «добавочного капитала», т. е. к новому строительству. Заместитель председателя ВСНХ Г. Пятаков выразил эту тенденцию на Апрельском 1926 г. пленуме ЦК ВКП(б) довольно прямо: «Ведь программа капитальных работ, и особенно программа нового промышленного строительства, и есть конкретное содержание политики индустриализации; не темп прироста промышленной продукции, а темп прироста капитальных работ, и особенно нового промышленного строительства, определяет, какими шагами мы идем по пути индустриализации»⁴¹. Пропорциональным развитием легкой промышленности решено было пренебречь, и капиталовложения стали замораживаться в дорогостоящих долговременных объектах.

Приведем примеры из числа многих, отмеченных Рабоче-крестьянской инспекцией. Так, при обследовании хода электрификационных работ было выявлено следующее: «Достаточно разработанного плана электрификации не имеется... Ни для одной из обследованных станций при начале строительства планы и сметы готовы не были... Стоимость строительства всегда превышала смету... Все станции плохо оборудованы... Строительные работы производятся медленно. Ни одна из районных станций не строилась меньше, чем в четыре года... Кроме объективных трудностей, во многих случаях отмечалась полная бесхозяйственность в ведении работ»⁴². Строительство Волховской ГЭС продолжалось шесть лет и обошлось в 4 раза дороже сметы. К 1927 г. она работала лишь на $\frac{1}{3}$ своей плановой мощности с постоянными поломками, требовалось ее радикальное переоборудование⁴³. Известно, что в черной металлургии удельный вес незавершенного строительства достигал 32,3%⁴⁴. Картины «вопиющей бесплановости и неорганизованности» были характерны для большинства строителей⁴⁵, — опять же общая проблема командных экономик.

В своем заключительном слове на Августовском пленуме ЦК ВКП(б) 1927 г. глава правительства А.И. Рыков обозначил главный принцип в области нового строительства — максимальное сокращение сроков строительства новых сооружений и его удешевление. «Все деньги в необходимом размере должны быть выделены в первую очередь на осуществление уже начатых работ и быстрейшее их окончание. К новому строительству можно приступать только в том размере, как это допускают оставшиеся после этого средства»⁴⁶. «Рационализация нашего хозяйства стоит перед нами в виде проблемы реконструкции», — говорил Г. Кржижановский, подчеркивая

трудность задач рационализации производства. Ссылаясь на опыт Европы и Америки, он призывал «выровнять наш фронт по этой линии». Мы не можем угнаться за ними в капиталах по строительству, «но мы можем создать новое качество нашего промышленного здания... Мы имеем национализацию земли, промышленность и кредит, создающие особые предпосылки»⁴⁷. Фактически государственная политика была в целом ориентирована на высокие темпы роста любой ценой, а следовательно, на обильные капиталовложения.

Источником накопления для индустриализации, возможным методом модернизации промышленности выступил «режим экономии». Эта первая хозяйственная кампания явилась «составной частью политики по усилению накопления средств производства в целях форсированного развертывания группы “А” за счет сокращения потребления и увеличения производительности труда в условиях низкой технологии...»⁴⁸. Интенсивность труда возросла (на многих заводах с 1927 г. была введена третья смена), но она не могла компенсировать сокращения рабочего времени. Материалоемкость продукции возросла, а рентабельность и фондоотдача производства резко упали. Отмечалось и худшее использование ресурсов по сравнению с предреволюционным периодом⁴⁹. Кампания «экономии» не только фактически провалилась, но и привела к ухудшению материального положения рабочих. Это признавалось и руководством страны⁵⁰.

Развитие капитального строительства в тяжелой индустрии шло за счет эмиссии, а не реального народно-хозяйственного накопления. Инфляция нарастала ввиду товарного голода, отсутствия предметов непосредственного потребления. Таким образом, количественные результаты восстановительного процесса в промышленности обуславливались экстенсивным расширением хозяйства (увеличением числа рабочих, вовлечением новых предприятий и оборудования), а также более полным использованием имевшегося труда и капитала. В качественном отношении удалось технически модернизировать работающую на экспорт нефтяную промышленность. В 1927 г. Н. Осинский с гордостью отмечал: «...мы оказались в состоянии так реорганизовать нефтяную промышленность, что цены на керосин равны довоенным»⁵¹. Были намечены к специализации машиностроительные заводы, выросла механизация внутреннего транспорта в каменноугольной, металлургической и текстильной отраслях⁵².

Сравним теперь положение промышленности и сельского хозяйства, рассмотрим роль последнего в финансировании индустриализации. Доля сельского хозяйства в совокупной валовой продукции промышленного и сельскохозяйственного производства составляла

в середине 1920-х гг. 53,6%, что соответствовало, как и до революции, статусу России как аграрно-индустриальной страны⁵³. Восстановление проходило на базе полунатурального крестьянского хозяйства, товарные возможности которого были объективно экономически и ментально ограничены. В.Г. Громан писал: «По строю крестьянского хозяйства при советском режиме крестьянство направляет средства на улучшение собственного питания»⁵⁴. Другой известный исследователь народного хозяйства, А.Н. Челинцев, отмечал: «Одна обувь в бюджете крестьянских хозяйств занимает большее место, чем годовая затрата на средства производства сельскохозяйственного производства»⁵⁵.

Социалистическое накопление не могло заменить собой довоенное накопление крупнокапиталистических и мелкобуржуазных слоев, поэтому «здоровое» развертывание промышленности могло происходить в основном на базе дальнейшего роста доходности сельского хозяйства. Не на базе роста доходности самой по себе, а на основе регулярных изъятий государством у крестьян «излишков» продукции (которые возникали в силу роста доходности сельского хозяйства) с целью инвестирования их в промышленность. Однако большой приток вложений в промышленность шел в условиях недовосстановления сельского хозяйства. Прежний уровень товарности земледельческого хозяйства далеко не был достигнут в большинстве производящих районов: в Восточном и Юго-Восточном районах, на Северном Кавказе, Средней и Нижней Волге, где в 1925/26 г., по данным бюджетных описаний, у 11% хозяйств было сосредоточено 76% всех товарных излишков. Всесоюзная статистика показывает, что доля крестьянских дворов рыночного типа в 1924/25—1926/27 гг. увеличилась с 4% до 10—12%⁵⁶. В 1927 г. в стране насчитывалось всего 1,4% хозяйств с посевной площадью от 16 дес. и выше⁵⁷.

Для обеспечения Центра к середине 1920-х гг. не хватало хлеба, производимого в районах европейской части страны. Его приходилось везти из Сибири, что удорожало производство вообще и означало потери для крестьянства в цене. Посевы зерновых культур сокращались, что объяснялось падением их конкурентоспособности в сопоставлении с другими продуктами полеводства из-за низких цен. Поощрение процесса осереднячивания в ущерб дифференциации привело к измельчанию крестьянского хозяйства, а это было равносильно падению доходности и сокращению производительных сил.

С публикацией ранее недоступной исследователям сельскохозяйственной статистики мы получаем все новые доказательства натурализации и низкой товарности крестьянской экономики по

сравнению с дореволюционным состоянием. Так, в «Докладе Экономического управления Наркомторга СССР», с предварительной оценкой состояния рынка и товарооборота в первом квартале 1927/28 г., от 6 февраля 1928 г. отмечалось, что если валовой сбор снижен на 2,8—3%, то товарная часть сокращается на 10—12%⁵⁸. На практике процесс перераспределения народного дохода, перевод значительных средств из сельского хозяйства в промышленность, происходил непосредственно по инициативе государства в порядке бюджетного финансирования, за счет налогов с крестьянства, эмиссионного налога и кредита, а также соответствующего ценообразования. Неоправданный отток капиталов и хозяйственных накоплений из деревни шел за счет растущих «ножниц цен». Так, в 1926/27 г. деревня недополучила при обмене своих продуктов 645 млн довоенных (нечервонных) рублей, в то время как довоенные платежи за землю составили 375 млн руб. Крестьяне теряли на неблагоприятном соотношении индексов промышленных и сельскохозяйственных цен 1 млрд руб.⁵⁹

Политика цен на важнейшие сельскохозяйственные культуры не способствовала росту производительности и товарности. Так, при обмене пшеницы на промышленные товары крестьянин получал в 1926/27 г. лишь половину того, что до войны⁶⁰. Теперь крестьянину приходилось продавать в 2 раза больше сельскохозяйственных продуктов, чтобы купить промышленные товары. Это перекачивание капиталов из деревни тормозило восстановление сельского хозяйства, покупку сельскохозяйственной техники. Но сделать политику прокрестьянской значило бы распространиться с социалистическими иллюзиями, утратить так называемые командные высоты.

Например, как важная командная высота рассматривалась монополия внешней торговли. Л.Д. Троцкий в 1925 г. резонно замечал: «Если монополию снять, то ни диктатура пролетариата, ни национализация средств производства, ни коммунистическая партия не удержатся»⁶¹. «Монополия, — это защита нашей советской промышленности от конкуренции иностранной и защита нашей индустриализации, и, во-вторых, — это защита планового хозяйства, социалистически строящегося хозяйства от мирового капиталистического рынка», — говорил народный комиссар внешней и внутренней торговли СССР А.И. Микоян на Февральском пленуме 1927 г.⁶² А Н.И. Бухарин рассуждал следующим образом: «Если бы у нас не было монополии внешней торговли, то темп развития, на известный период, возрос бы, было бы больше товаров, интенсивнее шла бы их циркуляция. Однако мы этого не делаем именно из соображений о нашей независимости»⁶³. На самом деле государственная монополия внешней торговли являлась крупным препятствием для расши-

рения экономических связей (в том числе международных), а также для прочного долговременного хозяйственного подъема, поскольку ограждала советскую экономику от торговой интервенции иностранных монополистов, а следовательно, конкуренции с их стороны, создавала много непроизводительных и накладных расходов на работу госаппарата. По данным Конъюнктурного института при Наркомфине СССР, производителю доставалось 50—60% цены, уплаченной потребителем за хлеб. В 1927 г. отечественные сельскохозяйственные товары были на 26% дешевле заграничных. Экспорт по сумме составил 46%, а импорт оборудования — 45%, т. е. приблизительно половину от уровня 1913 г.⁶⁴

Темп прироста объемов сельскохозяйственного производства хронически отставал от этого показателя в промышленности. В. Громан на заседании Совета труда и обороны 26 октября 1925 г. сообщил о 2%-ном годовом росте продукции сельского хозяйства при 60%-ном росте промышленной⁶⁵.

В фундаментальном издании документов «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание» впервые опубликованы данные о реальных валовых сборах и запасах хлеба в крестьянских хозяйствах во второй половине 1920-х гг. Они оказались гораздо ниже, нежели мы ранее себе представляли. Новые источники раскрывают характер манипуляций с оценкой невидимых крестьянских запасов. На самом деле, как показали расчеты Экспертного совета при ЦСУ при оценке «Баланса зерновых хлебов на 1926/27 и 1927/28 сельскохозяйственные годы», они были далеки от «мифических» (выражение Н.И. Бухарина) 900 млн пуд. хлебных запасов⁶⁶. Мизерные, они и не обнаруживали тенденции к росту. На заседании Экономического совета 24 декабря 1927 г. нарком торговли РСФСР Г.В. Чухрита сказал, что «...напряженное состояние на хлебном рынке не является исключительным, а имеет место на всех с/х рынках, прогрессивно увеличиваясь, ежегодно повторяется...». Докладчик подчеркнул, что основные причины этого явления заложены во всей системе построения народного хозяйства, а именно: в темпах роста капитальных вложений в промышленность, опережающих темп роста народного дохода; в росте фонда зарплаты и других видов денежного дохода, находящемся не в соответствии с ростом производства промышленной продукции широкого потребления и главных продуктов питания. «Последнее в особенности приводит к сокращению с/х экспорта, а следовательно, к уменьшению валютных поступлений... развертывание промышленности обгоняет рост ее с/х базы»⁶⁷.

По данным ЦСУ СССР 1920-х гг., крестьянские хлебные запасы выступали не более как необходимые страховые фонды, и принуди-

тельные изъятия ударили по благосостоянию всей деревни. Масштабы изъятий из сельского хозяйства в 1926/27 г. характеризуются следующими показателями: при росте валового сбора на 6,5% государственные заготовки увеличились на 25,2%. Таким образом, в 1927 г., после самого урожайного года, хлебных запасов не было ни в городе, ни в деревне, но экспорт хлеба (188,4 млн пуд.) увеличился за счет сокращения снабжения городского населения. Об этом запрещено было писать в печати, и к сохранению тайны было привлечено ОГПУ⁶⁸.

В 1927 г. Г.М. Кржижановский признавал: «...за счет деревни мы не располагаем никакими ресурсами для намечаемого нами плана индустриализации... При низком уровне производительности труда и низком душевом доходе деревня живет на пороге физиологических норм существования и не может служить сколько-нибудь заметным источником для социалистического накопления»⁶⁹. Между тем диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством увеличивалась из-за сезонности аграрного производства: до революции последняя компенсировалась наличием значительных товарных запасов, а теперь их отсутствие вызывало каждой осенью явления кризисного порядка. В сельском хозяйстве вместо накопления материальных ценностей шел интенсивный отток их в промышленность, а это не только разрушало базу и стимулы земледельческого хозяйства и парализовывало дальнейшие народно-хозяйственные накопления. В 2—3 раза по сравнению с дореволюционным временем возросла безработица, что объясняется слабой мобильностью трудовых ресурсов, снижением уровня квалификации, разрушением центров крестьянского отходничества и пр. В деревне насчитывалось ежегодно 2 млн избыточных рабочих рук, $\frac{1}{4}$ часть из них направлялась на заработки в город, а промышленность могла «поглотить», например, в 1926 г. не более 100 тыс. чел.⁷⁰

Специалисты осторожно предупреждали, что достижение довоенного уровня производства не означает достижение довоенного уровня потребления: «Чтобы достичь насыщения рынка в довоенных масштабах, мы должны производить больше товаров, чем до войны, компенсируя экспорт. Ведь население увеличилось с 1913 по 1927 г. на 7,1%. Достичь довоенного уровня потребления не значит больше потреблять»⁷¹. Таким образом, задача состояла не только в увеличении личного потребления крестьянства. «Значение накопления средств производства важнее повышения личного потребления и предметов обрабатывающей промышленности», — писал П.П. Маслов в своей записке к материалам доклада В.М. Молотова на XV партийном съезде, характеризуя сущность кризиса, в котором оказалась страна осенью 1927 г. Производительность труда в

сельском хозяйстве вырастает при увеличении производительных затрат. То есть, сельское хозяйство нуждается в капитале на производительные цели. Поэтому важен характер потребления доли национального дохода, а не только ее размер⁷². Покупательный фонд крестьянства вырос по сравнению с довоенным периодом, по данным Э.В. Квининга, на 750 млн червонных рублей⁷³. До войны увеличивались вклады в сберкассы и в систему мелкого кредита⁷⁴.

Н.А. Осинский связывал развертывание общего кризиса с усиленной индустриализацией, с развитием «производства в темпе и по направлениям, которые не соответствуют реальным возможностям страны»⁷⁵. План начала 1928 г. предусматривал рост продукции не на 11—13%, как прежний, а уже на 18%. В.А. Базаров, имея в виду установку планов развития промышленности, назвал их «поверхностной индустриальной экспансией», поскольку построены они были без учета наличных финансовых, технических и культурных возможностей⁷⁶. Поскольку производительное накопление было сведено к минимуму, то и темп пятилетки мог стать непосильным и нереальным. Н.Д. Кондратьеву это было ясно уже в 1927 г.⁷⁷

Другой представитель Конъюнктурного института — А. Вайнштейн — назвал темп развития слишком быстрым, непосильным и нереальным, а рост потребления, благосостояния и накопления — не согласованными между собой. Он говорил, что необходимо снизить темп роста промышленного производства, «причем в большей мере за счет производства средств производства, чем за счет производства средств потребления, дабы можно было сбалансировать спрос и предложение товаров широкого потребления. Этим будет смягчена и диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством», — писал он, критикуя перспективный план развития народного хозяйства СССР⁷⁸. Интенсификация сельского хозяйства, его механизация при финансировании отрасли и правильной политике цен могли составить реальную основу индустриализации страны и общего экономического подъема.

Перспективы интенсивной индустриализации, быстрого расширения технической базы производства упирались не только в недостаток капиталов, сырья и в высокую себестоимость промышленной продукции. На практике же перенакопление вызывало разбалансированность внутреннего рынка. Так, в группу «А» был сделан в 1927/28 г. 71%, а в 1928/29 г. — 77% всех капиталовложений. Председатель ВСНХ В.В. Куйбышев на Ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) сообщал, что «за три года до 1928/29 года всего было вложено в промышленность без электрификации 3 млрд 200 млн рублей»⁷⁹. Перекачка средств из сельского хозяйства в промышленность нарастала из года в год. Общий уровень хозяйствования снизился. Усилилась

диспропорциональность. На базе хронического «недоимпорта — недоэкспорта» страна лишилась важных позиций в мировой экономике. Современные исследовательницы С.Н. Лапина и Н.Д. Лелюхина отмечают, что истекшее десятилетие не внесло глубоких качественных изменений в производственную (отраслевую) и технологическую структуру народного хозяйства. Изменения затронули лишь организационную и социальную структуру. Под знаком социалистических преобразований продолжали развиваться, но в новых, более широких масштабах, прежние тенденции развития огосударствления и монополизации экономики⁸⁰. Система управления промышленностью, приспособленная к наличию рыночных элементов, сохраняя с самого начала нэпа централизованно-плановый характер, трансформировалась в течение 1920-х гг. в систему отраслевого оперативно-планового управления промышленными предприятиями⁸¹.

Таким образом, индустриализация выступала на протяжении 1920-х гг. как магистральная народно-хозяйственная задача, призванная разрешить ключевые противоречия социально-экономического развития. Ученые-экономисты правомерно видели в ней важнейшее средство модернизации страны, в том числе аграрной сферы. Не только народно-хозяйственная конъюнктура конца 1920-х гг., но и мировой и собственный исторический опыт показывали, что «развитие индустриализации предполагает уже накопление капитала. Так как накопление капитала может идти лишь постепенно, то и развитие индустриализации может совершаться лишь в соответствии с реальными возможностями»⁸².

Анализ «нормального» нэпа в рамках середины 1926 г. и «сходящей» индустриализации в рамках 1927 г. на базе вновь открывшихся «документальных обстоятельств» приводит к выводу о том, что государство укрепилось более, чем восстановилась экономика. Незавершенность восстановительного этапа в количественном, а главное, в качественном отношении ставила объективные пределы индустриальному рывку. Однако хозяйственная политика исходила из нереальных возможностей одновременного значительного повышения жизненного уровня и накопления в стране. На практике программа капиталовложений в промышленность второй половины 1920-х гг. строилась на увеличении государственных расходов без согласования с требованиями рынка, а ее реализация вела к нарастанию диспропорций между промышленностью и сельским хозяйством.

Все вышесказанное позволяет яснее представить перспективы (отнюдь не радужные), которые просматривались уже в мае 1929 г. Сложившиеся институциональные условия, практика нерационального и затратного хозяйствования закладывали будущие противоречия, на-

капливая предпосылки для последовательного огосударствления и централизованного планирования первых пятилеток.

Нужны было время и терпение, а главное — повседневная кропотливая работа по завершению восстановительных процессов и выращиванию предпосылок для здоровой модернизации экономики, тем более что международная обстановка конца 1920-х гг. не содержала в себе непосредственной военной угрозы⁸³. Однако задачи в области хозяйственного строительства определяли идеология и политика. Форсированная индустриализация потребовала насильственной коллективизации, широкомасштабного применения принудительного труда, огромных материальных и нравственных жертв народа. Результатом этого были определенные достижения. Но потери оказались неизмеримо большими. Вопрос о том, можно ли было избежать этих жертв, является предметом постоянных и давних споров между оптимистами и пессимистами в оценке перспектив нэпа, а также между социалистами и либералами «о преимуществах или недостатках централизованного экономического планирования»⁸⁴. Гипотетический ответ на эти вопросы дан западными исследователями Х. Хантером и Д. Ширмером — авторами модели «KAPROST» (капитального роста в России). В своем исследовании «Ошибочные основания: Советская экономическая политика. 1928—1940 гг.» они проанализировали ежегодную динамику двенадцати базовых отраслей народного хозяйства в изучаемый период на основе статистических материалов и данных наиболее авторитетных российских и зарубежных ученых с точки зрения готовности ко Второй мировой войне. Авторы пришли к выводу, что выбранный путь не был оправдан жертвами и состоявшийся экономический рост был потенциально неправильным; что коллективизация оказалась ошибочной и более медленный темп развития тяжелой индустрии сделал бы жизненные стандарты выше; что правильные цены, умеренные темпы и уровень производства при индивидуальной инициативе явились бы достаточными основаниями для эффективности советской экономики⁸⁵.

Примечания

- ¹ Лейбович О.Л. Модернизация в России: К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 1996; Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994; Социально-экономическая и политическая модернизация в XIX—XX вв.: Сб. ст. СПб., 2001; Красильщиков В.А. Вдгонку за прошедшим веком: Развитие России с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.
- ² Зак Л.М., Лельчук В.С., Погудин В.И. Строительство социализма в СССР. М., 1971. С. 67.

- 3 Индустриализация: исторический опыт и современность. СПб., 1998. С. 8—9, 139.
- 4 Там же. С. 175.
- 5 Там же. С. 99.
- 6 Красильщиков В.А. Указ. соч. С. 86.
- 7 См.: Обсуждение лекции С.В. Ильина «Промышленное развитие России от конца XIX в. до начала сталинского “Великого перелома”» // Конференции, дискуссии, материалы. 2004. М., 2004. С. 131.
- 8 Р.А. Белоусов пишет, что в этот непростой восстановительный период «...удалось превзойти довоенный уровень развития промышленности и сельского хозяйства, производительности труда и его оплаты», что и качественные показатели превысили уровень 1913 г., что, наконец, это было лучшее пятилетие хозяйственного строительства (Белоусов Р.А. Русское экономическое чудо // ЭКО. 2003. № 5. С. 179).
- 9 Лапина С.Н., Лелюхина Н.Д. Советская экономика на завершающем этапе нэпа: тенденции и перспективы развития // Нэп: завершающая стадия. М., 1998; они же. Две модели государственного предпринимательства в России в 1910-е и 1920-е годы XX века: сравнительный анализ // Нэп в контексте исторического развития России XX века М., 2001; Орлов Б.И. Противоречия индустриализации // Россия нэповская. М., 2002; Роголина Н.Л. Аграрные реформы в России 10-х — 20-х гг. (историко-сравнительный анализ) // Реформы и революция. М., 2002.
- 10 The economic transformation of the Soviet Union, 1913—1945 / Ed. by R.W. Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 54.
- 11 Обсуждение лекции С.В. Ильина «Промышленное развитие России от конца XIX в. до начала сталинского “Великого перелома”». С. 131; Дэвис Р. Развитие советского общества в 1920-е годы и проблемы альтернативы // Россия в XX веке. М., 1994. С. 312.
- 12 Цит. по: Петров Ю.А. Российская экономика в начале XX века // Россия в XX веке. М., 2002. С. 218.
- 13 Красильщиков В.А. Указ. соч. С. 42, 93.
- 14 См.: Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX в. М., 2003; см. также статьи Ю.А. Петрова и А.П. Корелина в сборнике «Россия в XIX—XX вв.» (М., 2002), а также в книге «Индустриальное наследие» (Саранск, 2005).
- 15 Вайнштейн А. Избранные труды. Народное богатство и народный доход России и СССР. М., 2000. Т. 1. С. 360; Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 240—241.
- 16 Квириг Э.В. Очерки развития промышленности СССР. 1917—1927. М., 1929. С. 121.
- 17 Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969. С. 13; История советской социалистической экономики. М., 1977. Т. III. С. 90.
- 18 Маслов П.П. Записка по просьбе замнаркомфина М. Фрумкина от 10 октября 1927 г. в Комиссию Политбюро к докладу В.М. Молотова на XV съезде ВКП(б) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 193; Югов А.

- Индустриализация и проблема капитала // Нэп: Взгляд со стороны. М., 1991. С. 174.
- 19 См.: Бруцкус Б.Д. Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьбы // Вопросы экономики. 1991. № 10. С. 137.
- 20 Ханин Г.И. Почему и когда погиб нэп? // ЭКО. 1989. № 10. С. 68—69.
- 21 Громан В.В. Народное хозяйство СССР. М., 1927. С. 47. В фундаментальном труде Л.Б. Кафенгауза «Эволюция промышленного производства в России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.)», написанном в 1930 г. и увидевшем свет лишь в 1994 г., это обстоятельство, видимо, не учтено и масштабы восстановительных процессов в промышленности явно преуменьшены. Кроме того, автор не сообщает о методике сравнения дореволюционных и постреволюционных показателей.
- 22 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 3. С. 245.
- 23 Индустриализация Советского Союза: Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Ч. 1. М., 1997. С. 223.
- 24 Социалистическое строительство СССР. М., 1934. С. 10, 11; Социалистическое строительство СССР. М., 1936; Народное хозяйство СССР в 1958 году. М., 1959. С. 2.
- 25 Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 240, 278; Квириг Э.В. Указ. соч. С. 41.
- 26 Индустриализация Советского Союза. Ч. 1. С. 120—121.
- 27 Материалы по балансу народного хозяйства СССР за 1928, 1929 и 1930 гг. М., 1932. С. 84.
- 28 См.: Барсов А.А. Указ. соч. С. 17; Черемисинов Г.А. Конъюнктурные циклы нэпа // ЭКО. 2003. № 1. С. 147.
- 29 Промышленность и народное хозяйство. М., 1927. С. 99—101; Бруцкус Б.Д. Указ. соч. С. 138.
- 30 Индустриализация Советского Союза. Ч. 1. С. 87.
- 31 Вайнштейн А. Указ. соч. Т. 1. С. 416.
- 32 См.: там же. С. 433. Эти выводы противоречат заключению Р.А. Белоусова о том, что «высокие темпы повышения реальной заработной платы связаны с ростом эффективности производства» (Белоусов Р.А. Экономическая история России. XX век. М., 2000. Кн. 2. С. 391).
- 33 ЦСУ не публиковало в 1920-е гг. данные об объеме национального дохода по сравнению с 1913 г., не желая обнаруживать неприятную правду. В статистическом справочнике «Народное хозяйство СССР в 1958 году» (С. 52) зафиксирован его рост на 19%. Специальные подсчеты показали, что национальный доход в 1928 г. оказался на 12—15% ниже уровня 1913 г. при росте населения на 5%, душевое же производство уменьшилось на 17—20% (См.: Ханин Г.И. Указ. соч. С. 70).
- 34 Грегори П. Поиск истины в исторических данных // Экономическая история: Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 487.
- 35 Промышленность и народное хозяйство. М., 1927. С. 64, 262.
- 36 Там же. С. 64.
- 37 Индустриализация Советского Союза. Ч. 1. С. 175.
- 38 Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 237.
- 39 Оль П. Иностранные капиталы в России. М., 1922. С. 8.
- 40 Нэп: Взгляд со стороны. С. 181—182.
- 41 Индустриализация Советского Союза. Ч. 1. С. 103.

- 42 Экономическая жизнь. 1928. 22 мая.
- 43 См.: Нэп: Взгляд со стороны. С. 190.
- 44 История социалистической экономики СССР. М., 1977. Т. 3. С. 157.
- 45 Квириг Э.В. Указ. соч. С. 207—208.
- 46 Индустриализация Советского Союза. Ч. 1. С. 177.
- 47 Там же. С. 122.
- 48 Ульянова С.Б. Противоречия режима экономии в промышленности 1920-х годов // Отечественная история. 2001. № 3. С. 144.
- 49 Струмилин С.Г. Статистика и экономика. М., 1928. С. 399, 435; Ханин Г. Указ. соч. С. 71, 73.
- 50 Большеви́стское руководство: Переписка. 1912—1927. М., 1995. С. 334; Индустриализация Советского Союза. Ч. 1. С. 179.
- 51 Большеви́стское руководство. С. 359.
- 52 Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929—1930 год. М., 1929. С. 425.
- 53 Квириг Э.В. Указ. соч. С. 88. Квириг считал, что в 1926/27 г. восстановились довоенные пропорции по валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в ценностном выражении.
- 54 Громан В. Народное хозяйство СССР. 1927. Упадок и возрождение: Меморандум, представленный экономической конференции в мае 1927 г. М.; Л., 1928. С. 17.
- 55 Челинцев А.Н. Сельскохозяйственные районы. Порайонные перспективы сельского х-ва и мероприятия сельскохозяйственной политики // Материалы к перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства за 1928, 1932, 1933. М., 1928. С. 6.
- 56 Экономический бюллетень Конъюнктурного института. М., 1927. № 11—12. С. 13—15.
- 57 Тяжесть обложения в СССР: (Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг.): Доклад Комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения Союза. М., 1929. С. 27; СССР в 1928 г.: Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 146—147.
- 58 Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. М., 1999. Т. 1. С. 203.
- 59 Бруцкус Б.Д. Указ. соч. С. 145; Экономическое обозрение. 1927. Февраль. С. 62—63.
- 60 См.: На аграрном фронте. 1928. № 10. С. 79; Внутренняя торговля СССР за 10 лет. М., 1927. С. 108—110.
- 61 Индустриализация Советского Союза. Ч. 1. С. 53.
- 62 Там же. С. 142.
- 63 Там же. С. 136.
- 64 Вайнштейн А. Указ. соч. Т. 1. С. 470; Статистическое обозрение. 1928. № 1. С. 74.
- 65 Индустриализация Советского Союза. Ч. 1. С. 11.
- 66 Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 116, 118.
- 67 Советское руководство: Переписка 1928—1941. М., 1999. С. 38.
- 68 Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 772, 773.
- 69 Перспективы развертывания народного хозяйства СССР. М., 1927. С. 30.
- 70 Известия. 1926. 6 ноября.

- 71 Квиринг Э.В. Указ. соч. С. 43, 88.
- 72 Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 213.
- 73 Квиринг Э.В. Указ. соч. С. 89.
- 74 Там же. С. 90.
- 75 Большевиетское руководство. С. 359.
- 76 Экономическое обозрение. 1928. № 6. С. 169.
- 77 См.: Плановое хозяйство. 1927. № 4. С. 32—33.
- 78 Вайнштейн А. Указ. соч. Т. 1. С. 497.
- 79 Индустриализация Советского Союза. Ч. 1. С. 223.
- 80 Нэп: завершающая стадия: Соотношение экономики и политики. М., 1998. С. 5.
- 81 Там же. С. 111.
- 82 См.: Кондратьев Н.Д. Особое мнение. М., 1993. Кн. 1. С. 304.
- 83 Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 22.
- 84 См.: История экономических учений. М., 1994. Ч. 2. С. 242; Меньшиков С. Экономика России: Практические и теоретические проблемы перехода к рынку. М., 1996. С. 35—36, 42; Реформы глазами американских и российских ученых. М., 1996, С. 31, 32; Роголина Н.Л. Нэп как реформа: итоги и некоторые проблемы изучения // Отечественная история XX века. М., 2004. С. 88—111; она же. Аграрная история СССР 1920—1930-х гг. в свете новых документальных публикаций // Экономическая история: Ежегодник. 2005. М., 2005. С. 409—424; Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика: послереволюционная Россия 1917—1928 гг. СПб., 1997. С. 282, 360—366.
- 85 Hunter H., Szyrmer J. Faulty Foundation: Soviet Economic Policies 1928—1940. New Jersey, 1992. P. 3, 5, 8, 11, 42.

Нефтяной штурм и его последствия

При разработке первого и второго пятилетних планов была принята попытка рывком вывести нефтедобычу (и, соответственно, нефтепереработку) на невероятную, фантастическую высоту. Это был поистине «штурм неба». Последствия его оказались самыми ужасными. После того как было объявлено, что отрасль первой, за два с половиной года, выполнила план первой пятилетки, нефтедобыча сначала упала, а потом несколько лет росла черепашими темпами.

Пятилетний план развития нефтяной промышленности был частью общего пятилетнего плана и отражал все его особенности и характерные черты. Варианты плановых заданий неоднократно менялись, каждый раз изменения затрагивали и нефтяную промышленность.

Первым вариантом пятилетнего плана можно считать разработанную в 1925 г. «пятилетнюю гипотезу» Особого совещания по воспроизводству основного капитала промышленности (ОСВОК). Предлагалось за пятилетие, с 1925/26 до 1929/30 г., увеличить нефтедобычу на 40,9%¹. В 1926 г. ОСВОК было упразднено на том основании, что предлагало слишком низкие, да еще и затухающие темпы роста.

В июне 1927 г. Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) предложил проект пятилетнего плана, по которому добыча нефти должна была возрасти в два с лишним раза больше, чем по гипотезе ОСВОК, — на 89,1% (во всех плановых наметках любили такую точность — до десятых долей процента через пять лет)². В ноябре 1927 г. ВСНХ, в следующем варианте плана, предлагал еще увеличить добычу нефти за пять лет, но не намного — довести прирост до 92,0%³.

В декабре 1928 г. В.В. Куйбышев предложил к 1932/33 г. выйти на уровень добычи в 21,7 млн т⁴. В апреле — мае именно таким «оптимальный» вариант пятилетнего плана был принят Совнаркомом, XVI конференцией ВКП(б) и Пятым Всесоюзным съездом советов⁵.

* Иголкин Александр Алексеевич — доктор исторических наук, Соколов Андрей Константинович — доктор исторических наук (Институт российской истории РАН).

Принятие «оптимального» варианта пятилетнего плана не означало, что прекратилась работа по его «уточнению». Уже в августе 1929 г. Совнарком СССР «предложил» ВСНХ к концу первой пятилетки довести добычу нефти до 26 млн т⁶. В январе 1930 г. было предложено довести к концу пятилетки добычу до 40,2 млн т⁷. Но и на этом в ЦК ВКП(б) решили не останавливаться. В ноябре 1930 г. ЦК принял решение довести добычу нефти к концу пятилетки до 46 млн т⁸. В реальности на масштабы добычи в 45—46 млн т СССР вышел через 20 лет после первой пятилетки, в 1952 г., в результате освоения Волго-Уральской нефтеносной провинции. Баку и Грозный (а именно там добывалась почти вся нефть в 1930-е гг.) дать таких объемов никак не могли.

Становление плано-директивной системы управления отраслью

Уже в 1929 г. началась «борьба за досрочное выполнение заданий нефтяной пятилетки», своего рода штурм в духе общего социалистического наступления, т. е. стремления в короткий срок построить в стране социализм. Штурм происходил чуть ли не по правилам военных действий: с формированием фронтов, в данном случае нефтяного, ударных участков, на которые бросались все силы и средства. Были названы враги, с которыми нужно было бороться, созданы штабы, ударные бригады и т. п., и все это — в сфере экономики, которая не терпит ни штурмов, ни авралов, а требует постоянной, будничной работы. Прежде чем говорить о том, к чему это привело, следует сказать о том, как складывалась система управления нефтяным хозяйством, как оно приспособлялось к идущим сверху плановым заданиям, директивам и указаниям из центра, назвать тех, кто ее возглавлял и кто отвечал за все, что происходило. При этом не стоит забывать, что с конца 1920-х гг. в стране установилась диктатура Сталина. Его указаниями и директивами определялись главные направления развития страны, в том числе и нефтяной промышленности. Встает вопрос: насколько Сталин разбирался в нефтяном деле? Сам он считал себя далеко не последним человеком в этой области, так как еще в начале века «разворачивал революционную борьбу бакинского пролетариата», и большинство из ближайшего окружения Сталина потакали подобному самолюбию вождя. Его соперники по партии к тому времени были устранены с политической арены, а их место заняли сталинские выдвиженцы, такие как В.М. Молотов, ставший в 1930 г. председателем СНК, Г.К. Орджоникидзе, или «товарищ Серго», назначенный руководителем глав-

ного промышленного штаба страны — ВСНХ. Ранее возглавлявший его В.В. Куйбышев казался слабым практиком и был переброшен на Госплан, роль которого, впрочем, в царившем плановом ажиотаже становилась все более важной. Заметной становилась также фигура Л.М. Кагановича, заместителя Орджоникидзе в ВСНХ. Эти два руководителя, между собой называвшие Сталина «хозяином», имели, пожалуй, наибольшее отношение к нефти, хотя Кагановича время от времени Сталин перебрасывал на те или иные «узкие» места. С виду приятельские отношения между сталинскими выдвиженцами не мешали, однако, плести интриги, при случае «подставлять» соперников. Так, один из главных руководителей Закавказья Л.П. Берия в письме на имя Орджоникидзе о том, как идет добыча нефти в Баку в марте 1933 г., жаловался, что его постоянно дискредитируют, распускают о нем ложные слухи. Судя по документам, видно, что Орджоникидзе пытался честно вникнуть в дела отрасли, анализируя ворохи отчетов и часто бывая на предприятиях. Каганович тоже не был чужд этой формы работы, но, в то время как Серго часто предстает в них человеком довольно простоватым, Лазарь Моисеевич — куда более хитрым. Оба руководителя в соответствии с советской практикой управления любили выступать на собраниях, активах, мобилизовывать подчиненных на выполнение планов, ставить одних в пример, устраивать разносы другим. Особняком стояли другие руководители, причастные к нефти, которым Сталин и его клика не особенно доверяли. К таким, например, принадлежал Г.Л. Пятаков, назначенный еще одним заместителем Орджоникидзе. Это была, так сказать, руководящая головка, под которую выстраивается в 1930-е гг. система управления нефтяной промышленностью. Укрепление централизации, личностного начала, усиление роли партийно-хозяйственной номенклатуры означали, что в лице центрального партийного аппарата, непосредственно подчиненного Сталину, создавалась реальная управленческая структура, соединявшая в себе все нити руководства страной, с соответствующим постепенным падением роли и престижа всех остальных органов и организаций, призванных теперь выполнять только исполнительные функции. Основные решения принимались Сталиным, утверждались Политбюро и поступали в Госплан, в наркоматы, в первую очередь — в ВСНХ, которому подчинялась нефтяная промышленность. Утверждение планов в законодательном порядке на съездах советов и сессиях ЦИК (позже — Верховного Совета СССР) было уже делом техники.

Нельзя не упомянуть все более частое вмешательство в дела управления нефтью контрольных и карательных органов. Сначала контрольные функции принадлежали объединенной комиссии

ЦКК—РКИ, которую до прихода в ВСНХ возглавлял Орджоникидзе. В 1934 г. вместо нее была образована Комиссия партийного контроля (КПК). Ее уполномоченные на местах пользовались неограниченной властью, время от времени организуя проверки нефтяной отрасли в свете принятых наверху решений. Была еще менее влиятельная Комиссия советского контроля (КСК), тоже проверявшая состояние нефтяного дела. Обе комиссии работали в тесном контакте с ОГПУ, а с 1934 г. — с Наркоматом внутренних дел (НКВД). Здесь тщательно проверялись списки руководящих работников отрасли на предмет их соответствия «генеральной линии партии», собирались досье, содержавшие жалобы, доносы и другие материалы. При назначении на ответственные посты требовались справки из органов ОГПУ, а позже — Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД. Первым председателем КПК стал Н.И. Ежов, не случайно в 1936 г. передвинутый на пост наркома НКВД. Под его руководством и были развернуты массовые репрессии 1937—1938 гг., названные «ежовщиной». «Ежовщина» по своей сути представляла массовый политический террор, сильно затронувший нефтяную отрасль. О репрессиях против «вредителей» уже было сказано, но такого, что случилось при Ежове, история еще не ведала. Однако чрезмерное усиление роли карательных органов встретило сталинское руководство, поскольку нарушало складывающуюся систему управления, и «ежовщина» была осуждена, хотя роль НКВД и органов государственной безопасности в делах нефтяной отрасли оставалась значительной на протяжении всей советской истории.

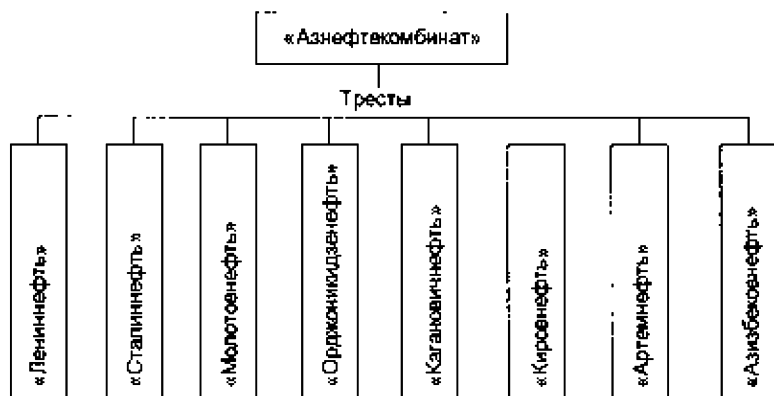
Что касается управления внутри самой нефтяной промышленности, то здесь общая тенденция в 1930-е гг. выражалась в укреплении ведомственности, бюрократизации аппарата, умножении числа органов, отвечавших за ее развитие: главков, объединений, трестов, всевозможных контор. Сперва в этой системе легко прослеживались черты, унаследованные от «военного коммунизма». На базе государственных синдикатов, которые еще в период нэпа монополизировали снабжение и сбыт, создаются производственные объединения, весьма смахивающие на первые советские главки и положившие начало ведомственной экономике. Производство должно было строиться путем прямого централизованного регламентирования сверху всего и вся вплоть до норм оплаты труда рабочих. С переходом к плано-директивному управлению предприятия должны были, в сущности, бесплатно получать от ВСНХ соответствующие фонды сырья и материалов по карточно-нарядной системе. Снова, как в годы «военного коммунизма», заговорили о прямом плановом продуктообмене, об отмирании денег, о преимуществах карточной

системы снабжения и распределения. Ликвидировалось наследие нэпа, связанное с существованием товарно-денежных отношений. На производстве вводилось единоначалие, руководители предприятий напрямую делались ответственными за выполнение промфинплана. Все они назначались теперь по особому номенклатурному списку, утверждаемому Политбюро.

В январе 1930 г. в структуре ВСНХ было создано объединение «Союзнефть». Вместо прежнего Нефтесиндиката создавался трест «Союзнефтесбыт». Наряду со старыми был создан ряд новых производственных трестов: «Майнефть», «Сахалиннефть», «Среднеазнефть», «Туркменнефть», «Востокнефть», «Нефтезаводы», «Нефтепроводстрой», «Нефтемаштрест», Трест по разведкам и бурению. В конце 1931 г. «Союзнефть» была преобразована в нефтяной сектор Главтопа ВСНХ, а после его разукрупнения в 1932 г. — в образованный на его базе Наркомат тяжелой промышленности (НКТП) во главе с Орджоникидзе. В 1931 г. в составе ВСНХ было образовано Геологическое управление, руководителем которого назначен академик И.М. Губкин.

Следующий этап ведомственного строительства пришелся на вторую пятилетку. В апреле 1933 г. в структуре НКТП было создано Главное управление нефтяной промышленности — Главнефть — во главе с М.В. Бариновым, бывшим руководителем «Азнефти». Главнефть ведала разведкой, бурением, добычей, переработкой нефти, строительством нефтеперегонных заводов, нефтепроводов и сбытом нефтепродуктов. Главнефти были подчинены объединения «Азнефть», «Грознефть», «Майнефть», региональные тресты «Эмба-нефть», «Сахалиннефть» и т. п., специализированные тресты «Нефтезаводы», «Нефтепроводстрой», «Нефтепроект», объединения «Союзнефтеторг», «Нефтеэкспорт», «Союзнефтесбыт», ряд других нефтяных контор, а также научно-исследовательские институты: Научно-исследовательский нефтяной институт (НИНИ), АзНИИ, ГрозНИИ, ВГРИ и другие. В том же 1933 г. был создан трест авиационных топлив и масел — «Авиатоп». В 1934 г. «Авиатоп» поглотил трест «Нефтезаводы».

Количество организационных структур нефтяного управления множилось стремительно. Уже в конце 1933 г. в составе объединения «Азнефть» было образовано 3 треста: «Азнефть», «Азнефтезаводы», «Азнефтеразведка». В 1935 г. был образован трест «Азнефтемаш». В том же году трест «Азнефть» был разукрупнен на 4 треста, а в 1936 г. «Азнефть» превращается в Азнефтекомбинат, структура которого выглядела весьма своеобразно в духе восточного чинопочитания: тресты носили имена партийных деятелей.

Как видим, был представлен большевистский «иконостас» с некоторым местным уклоном и исключением опальных вождей. В отношении трестов «Кергезнефть» и «Алятнефть» то ли вождей для них не нашлось, то ли их сочли недостойными называться столь «высокими» именами. Список подобных наименований продолжался трестами в Средней Азии — «Калининнефть» и «Ворошиловнефть». Название ведь должно было обязывать и стимулировать выполнение плановых заданий, рост производства и производительности труда. Такого рода наименования, подобно эпидемии, распространялись на различные этажи управления вплоть до отдельных нефтепромыслов и нефтезаводов.

Структура объединения «Грознефть» была более скромной по названиям, но столь же сложной. В него входили тресты: «Октябрьнефть», «Старогрозненский», «Горский», «Малгобекнефть», «Грознефтеразведка» и др. В 1937 г. был образован Грознефтекомбинат, аналогичный азербайджанскому.

Нефть и продажа национальных ценностей

С переходом к выполнению плановых заданий под лозунгом «План — любой ценой!» и форсированной индустриализации перед сталинским руководством остро встала проблема ресурсов, необходимых для строительства промышленных гигантов, обновления оборудования; это касалось также нефтепромыслов и нефтезаводов. Современное оборудование, учитывая состояние отечественной промышленности, надо было закупать за границей. На это нужны были средства в твердой валюте. Золотые запасы, которыми обладала страна, были растрочены на нужды индустриализации. Совет-

ский рубль не был средством в международных расчетах. Продажа нефтепродуктов была, пожалуй, в это время самым важным источником валютных поступлений. Наблюдалось стремление еще более централизовать международную торговлю нефтью. В 1930 г. после ликвидации «Нефте синдиката» было создано специальное государственное объединение «Нефтеэкспорт». Перед ним, как и перед его предшественником, была поставлена задача наращивать объемы продажи нефти за границей. Однако в связи с наступлением в конце 1929 г. мирового экономического кризиса размеры международной торговли нефтепродуктами сократились. Цены на нефть на рынке катастрофически падали. То же самое произошло с другими экспортными товарами — зерном, лесом и т. д.

Сталинское руководство лихорадочно искало выход из сложившегося положения, и возникла идея расширить такой способ получения валюты, как продажа национальных ценностей. Придя к власти, большевики прибегли к конфискации и национализации художественных и антикварных ресурсов страны: имущества царской фамилии, Православной церкви, дворянских усадеб, государственной казны и частных коллекций. Теперь они считались собственностью государства. Для особо ценных предметов создавались государственные музеи, открытые для обозрения, но большинство художественных ценностей лежало в запасниках. Нельзя сказать, что и прежде большевики бережно относились к культурному наследию. Многие из них считали, что «пролетариат нуждается в другой, своей собственной культуре», и не придавали большого значения старым, «антикварным», устаревшим и не имеющим цену по их мнению, произведениям искусства. Другие полагали, что с приходом мировой революции эти ценности все равно станут достоянием трудящихся, а третьи, в силу своей безграмотности, вообще не представляли, каким достоянием они обладают, и нередко за бесценок продавали предметы старины иностранным покупателям.

Индустриализация набирала темпы, росли валютные планы, и идея осуществить массовый экспорт художественных ценностей за границу с целью получения дополнительных валютных резервов приобретала организационные формы⁹. На базе старых структур государственной торговли антиквариатом была образована всесоюзная контора «Антиквариат», подчиненная Внешторгу СССР. Как выразился заместитель наркома торговли СССР Л.М. Хинчук, глава комиссии по наблюдению за отбором и реализацией антикварных ценностей, «от кустарного периода» перешли «к их <ценностей> серьезной реализации». Аппарат «Антиквариата» был структурирован и сформирован по образу и подобию других советских центральных учреждений. На руководящие должности в нем, как и везде,

назначались не специалисты, в данном случае искусствоведы и музейные работники, а проверенные «партийцы», далекие от мира искусства. Их посадили на дело реализации ценностей, дабы «добыть тракторную колонну за одного Рембрандта» и, как признавался Пятаков, чтобы преодолеть саботаж интеллигенции, которая сидит на музейном деле, на искусстве. Нужно, указывал он, посадить на это дело людей, которые в нем ничего не понимают. Первым председателем правления «Антиквариата» стал А.М. Гинзбург, о котором Пятаков говорил буквально следующее: «Гинзбург — хороший товарищ, но он только теперь начинает отличать Рафаэля от Рембрандта». Как-то побывав в Эрмитаже, Гинзбург обмолвился: «Неужели же находятся дураки, которые за это платят деньги?» Ненамного отличались от Гинзбурга другие руководители «Антиквариата» — сменивший его Н.Н. Ильин, большевик из рабочих, террорист до 1917 г., служивший после революции «по отделу сырья» в советском аппарате, и Г. Самуэли, венгерский коммунист, нашедший приют в Советской России, человек, тоже далекий от искусства и больше озабоченный проблемами мировой революции.

Первые попытки выйти с антиквариатом на мировой рынок были неудачными. Группа советских торговых представителей обратилась к Жермену Селиньяну, известному французскому антиквару, еще до революции вместе с отцом торговавшему произведениями искусства, вывезенными из России. Селиньяну в Москве было показано хранилище, заваленное серебряным и позолоченным хламом. Естественно, фирму Селиньяна, торговавшую мировыми шедеврами, подобный антиквариат не интересовал.

Между тем с требованием ускорить продажу произведений искусства за границу выступило Политбюро, явно недовольное состоянием художественного бизнеса. Под председательством М.П. Томского была образована комиссия, задачей которой было осуществить прорыв в деле «ликвидации художественных запасов страны». Решения комиссии ознаменовали переход от продажи «второстепенного антиквариата» к реализации более ценных вещей. Комиссия Томского постановила выделить 30-миллионный фонд антикварных ценностей для реализации его на международном рынке в течение 2 лет. Из них 25 миллионов должно было обеспечиваться продажей мировых шедевров.

Поиск покупателей продолжался. И тут объявился известный нефтяной делец Калуст Гульбенкян, которого уже давно привлекали вещи из русских коллекций.

Биография Гульбенкяна — крупнейшего представителя международного нефтяного бизнеса — неисповедимыми путями оказалась связанной с Россией. Его отец, владевший участком в Бакинском

нефтепромышленном районе еще в позапрошлом веке, дал сыну прекрасное образование (Королевский колледж в Лондоне), пытаясь сделать из него горного инженера. Какое-то время Калуст работал на промыслах в Баку. С того времени, по его свидетельству, он заболел нефтью. Рассказывают, однако, что эта довольно-таки грязная работа отбила у Гульбенкяна охоту заниматься практикой, больше его интересовали теория нефтяного дела, финансы и биржевые спекуляции, хотя им было написано несколько трудов по российской нефти и организации нефтедобычи. Со временем Гульбенкян превратился в, как его называли, «нефтяного Талейрана». Он принимал участие в строительстве Багдадской железной дороги, в организации Англо-Персидской нефтяной компании, освоении месопотамской нефти. Тем не менее он остерегался вкладывать свои капиталы в дорогостоящие нефтяные проекты и, чтобы избежать риска, ограничивался незначительной долей участия во многих компаниях, предпочитая иметь стабильный доход, за что получил прозвище «мистер пять процентов». В финансовых сделках Гульбенкян слыл весьма недоверчивым и осторожным. В 1920-е гг. Гульбенкян уже считался самым состоятельным человеком в Европе, своего рода нефтяным Крезом. Он водил дружбу со многими нефтяными «королями», в том числе и с сэром Генри Детердингом, которому Гульбенкяну пришлось «уступить» свою жену Лидию Павлову. В то же время Гульбенкян считал, что «нефтяная дружба — весьма скользкое понятие», и это во многом определяло поведение этого «гражданина мира», склонного ко всякого рода махинациям. Будучи «турецко-подданным» (до распада Оттоманской империи), так же как и хорошо известный нам Остап Бендер, только более широкого международного масштаба, Гульбенкян имел паспорта многих стран, куда забрасывали его интересы дела. Его называли «таинственный миллиардер», «самый таинственный человек нашего времени». С детских лет Гульбенкяном владела страсть к коллекционированию, превратившаяся со временем в болезнь, приобретенные вещи он называл «мои дети».

Гульбенкян стал первым, с кем советское руководство стало вести переговоры о продаже мировых шедевров. С Гульбенкяном встретился Пятаков, возглавлявший в то время советскую торговую миссию в Париже. Был составлен перечень желаемых приобретений, известный как список Пятакова. Между Пятаковым и Гульбенкяном установились интенсивные контакты, которые не прерывались и после того, как Пятаков вернулся в Москву, чтобы руководить Госбанком СССР, и продолжались в письменной форме. К переговорам были подключены представители «Антиквариата», для чего в

Париж выезжал вышеупомянутый Гинзбург, а также сотрудники советского посольства во Франции.

Интересы Советов в переговорах с Гульбенкяном заключались не только в возможности получить валюту, но и в расширении деловых связей. От Гульбенкяна требовалось организовать экономическое содействие СССР в продвижении советской нефти на мировой рынок и оказании финансовой помощи в создании советской промышленности. По его свидетельству, речь шла о предоставлении западными банками на эту цель крупных займов. В первую очередь, как настаивал Пятаков, было необходимо создать объединение банков для финансирования тяжелой промышленности. При содействии Гульбенкяна был получен положительный ответ на это ряда европейских и американских банков. Согласие выразил крупнейший германский Дойче Банк, несмотря на резко отрицательное отношение его руководства к Советскому Союзу, и даже отклонил возникший в связи с этим протест Детердинга. Однако, как выяснилось, Москва и иностранные банки по-разному понимали проблемы сотрудничества. По советским представлениям, речь шла не о том, чтобы допустить иностранные банки к участию в советской индустриализации, а лишь о выгодных займах, т. е. о льготах, предоставляемых государству, по сути враждебному Западу. В переговорах двусмысленная позиция Гульбенкяна по этому вопросу была очевидной. С одной стороны, он внушал Пятакову, что дело вовсе не безнадежное и элементы политики можно исключить, с другой — говорил, что не следует начинать с больших операций, а на первых порах ограничиться продвижением советской нефти, создав для этого объединение банков, но не для предоставления займов, а в форме концессий. В связи с этим Гульбенкян жаловался на трудности Сахалинской концессии, в которую он пытался войти.

Гульбенкян вел с советским руководством сложную игру. Ясно, что никакого объединения банков не могло быть создано. Данные Гульбенкяном практические советы способствовали, конечно, советскому нефтяному экспорту, но Гульбенкян преследовал прежде всего свои собственные интересы, и за свою помощь он рассчитывал получить от Советов сговорчивость и льготные условия в приобретении художественных ценностей.

Первой партией к продаже были предназначены коллекция серебра из Эрмитажа, две картины Г. Робера и другие вещи. Картины Робера были куплены Гульбенкяном за 6 тыс. фунтов стерлингов каждая. Разумеется, он всячески подчеркивал, что является единственным покупателем, готовым платить столь высокие цены. Цены были предметом постоянных споров, но не только они. Советские представители, согласившись с индивидуальной ценой на ту или

иную вещь, как правило невысокой, согласно советской практике пытались «всучить» еще кое-что «в нагрузку», назначая общую цену. Гульбенкян же, естественно, стремился покупать только то, что хотел, угрожая расторгнуть сделку.

Зимой 1929/30 г. начались переговоры о продаже второй партии художественных ценностей, которые с советской стороны вел Самуэли. К тому времени в результате кризиса положение на антикварном рынке еще более ухудшилось. Резко пошел вниз спрос на «второстепенный антиквариат». Только крупные шедевры могли заинтересовать покупателя. А кампания индустриализации в Советском Союзе продолжала набирать темпы, и средств для закупки нового оборудования совсем не оставалось. Пришлось продавать гораздо большие ценности из Эрмитажа. Гульбенкян приобрел 13 предметов французского серебра и «Портрет Елены Фоурмен» Рубенса за 155 тыс. фунтов стерлингов. Отдельно за 3 тыс. фунтов была продана картина французской художницы Виже-Лебрэн. Попытка Гульбенкяна приобрести знаменитую «Юдифь» Джорджоне за смехотворную цену в 40 тыс. фунтов была отвергнута. Несмотря на уверения Гульбенкяна в письме Пятакову, что он поседел на этой сделке, стремления к дальнейшему приобретению ценностей из Эрмитажа у него не поубавилось, а, наоборот, его аппетиты выросли. Он составил список из 25 картин, которые желал бы приобрести. Советская сторона в ответ ограничилась 4 произведениями, которые, по мнению Самуэли, не имели большой ценности на рынке («Портрет Титуса» и «Портрет Яна Собесского» Рембрандта, «Стакан лимонада» Терборха, «Купальщицы» Ланкрэ), предложив купить их за 130 тыс. фунтов. Начались сложные торги. Прослышав, что на мировом художественном рынке появились сокровища Эрмитажа, активизировались другие коллекционеры, у Гульбенкяна появились конкуренты. Среди них был известный представитель американского делового мира Эндрю Меллон, действовавший через германскую антикварную фирму «Матиссен Гэллери». По всей видимости, это заставило Гульбенкяна быть посговорчивее. В результате третьей сделки коллекция Гульбенкяна пополнилась следующими картинами: «Портрет Титуса» и «Афина Паллада» Рембрандта, «Вестник» Ватто, «Урок музыки» Терборха, «Купальщицы» Ланкрэ, а также скульптурой Гудона «Диана», которую Гульбенкян очень желал получить. Здесь советская сторона пошла ему навстречу. Общая стоимость сделки составила 140 тыс. фунтов стерлингов.

Осенью 1930 г. Гульбенкян приобрел еще «Портрет старика» Рембрандта за 30 тыс. фунтов. На этом история советских контактов с Гульбенкяном закончилась. К этому времени он уже не был главным покупателем. Пальма первенства перешла к Эндрю Меллону.

В общей сложности от сделок с Гульбенкяном советская сторона получила немногим более 380 тыс. фунтов стерлингов (или около 4 млн руб.), что было намного меньше планируемой Политбюро цифры в 30 млн руб. Столь незначительный эффект вызывал острое недовольство. Новый председатель «Антиквариата» Ильин обвинял Самуэли в разбазаривании шедевров. Каждый писал доносы руководству страны: Ильин заявлял, что можно было продать дороже, используя конкуренцию на рынке и не ограничиваясь одним покупателем; Самуэли защищал свою правоту: он-де выторговал наиболее высокие по тем временам и условиям цены. Как бы то ни было, продажа шедевров из советских музеев продолжалась до середины 1930-х гг.

Уже после завершения сделок Гульбенкян прислал Пятакову злорадное письмо, в котором писал: «Вы знаете, что я всегда придерживался мнения, что предметы, которые составляли многие годы коллекции Ваших музеев, не следует продавать. Они не только составляют национальное достояние, но они также — великий источник культуры и предмет гордости нации. Если продажи совершатся и этот факт станет известен, то престиж Вашего правительства страдает. Будет сделан вывод, что Россия в самом деле находится в очень плохом состоянии, коль скоро Вам приходится распродавать предметы, которые в действительности не дадут Вам достаточно больших сумм для улучшения финансового положения государства. Продавайте что угодно, но только не из музеев... Я откровенно говорю, что Вам не следует продавать даже мне и тем более другим... не хочу, чтобы Вы думали, будто я пишу это с тем, чтобы Вы продавали только мне одному»¹⁰.

Однако, скорее всего, именно последнее, а не забота о культурном достоянии России все-таки определяло содержание письма. Гульбенкян знал, куда побольнее ударить. Он сам в ответ на вопрос советских представителей, что он желал бы получить взамен за действие в продвижении советской нефти на мировом рынке, прямо указал, что хотел бы купить художественные ценности из Эрмитажа. Да и дальнейшие шаги Гульбенкяна свидетельствовали о том, что он как-то не особенно тревожился о сохранении культурных сокровищ России. Свои приобретения он легко продавал другим покупателям, но уже по более высоким ценам, оставляя только те, которые соответствовали его вкусу. Да и вся эта история как-то неуловимо напоминает охоту за известными двенадцатью стульями, в том числе их продажу на аукционе, описанную в романе Ильфа и Петрова.

Что касается советской стороны, то ее действия были особенно неприглядны. Конечно, сама по себе торговля произведениями искусства не является преступлением, но важно учитывать, что стоит

за этим, каковы масштабы и соотношения приобретений и потерь. Общий же итог кампании оказался незначительным — получено около 40 млн руб., т. е. стоимость примерно одного крупного нефтеперерабатывающего завода. Мало того, что советские руководители показали, что являются плохими предпринимателями, практически за бесценок продавая вещи величайшей культурной ценности, со временем приобретающие все более высокую стоимость, делая это ради сиюминутных выгод, — они понимали, что творят нечто противоестественное и нелепое. Неслучайно все эти сделки были спрятаны от общественности, и не только от нее. Советские руководители боялись даже своего окружения, зашифровывая имена покупателей в секретных документах «Г», «З», «М» и т. д.

Нельзя сказать, что действия руководства по продаже культурных ценностей не вызвали протеста, и, прежде всего, со стороны тех, кто по долгу службы должен был отвечать за сохранение культурного достояния, т. е. Комиссариата просвещения. Разумеется, музейные и научные работники старались предотвратить утрату ценностей, но трагедия заключалась в том, что, несмотря на их сопротивление, под давлением сверху именно их руками составлялись списки сокровищ, предназначенных к продаже, определялись их состояние и примерные цены. Они не могли уклониться от маховика, запущенного Политбюро. Для многих утрата страной шедевров превращалась в личную драму, а скорбь по поводу утраченных сокровищ в результате сомнительных сделок с сильной нефтяной подоплекой будоражит общественное сознание и сегодня.

Проблемы нефтяного экспорта

Благодаря подобным сделкам, а также путем переговоров и интриг советское руководство продолжало наращивать нефтяной экспорт. В 1929 г. он составил 3,9 млн т нефтепродуктов, в 1930 г. — 4,7 млн т, в 1931 г. — 5,2 млн т, в 1932 г. — 6,1 млн т. По стоимости, однако, вследствие падения цен на нефть, он уменьшался. Если в 1930 г. удалось выручить, в том числе с учетом продажи произведений искусства, 157 млн руб., то в 1932 г. — только 107 млн руб. На международной конференции в Нью-Йорке в мае 1932 г. западные компании предлагали СССР отказаться от самостоятельных действий по продаже нефти, поставлять им примерно 5 млн т нефти ежегодно в течение 10 лет по фиксированной цене. Но советское руководство в лице наркома внешней торговли А.П. Розенгольца, считывая на наращивание экспорта, выдвинуло на переговорах чрезмерные требования. По этому поводу Сталин писал Каганови-

чу: «...так соглашения не строят. Нефтяная группа сильнее нас экономически. Она всегда может помешать нашему нефтеэкспорту, может сбить цены и вогнать нас в большие убытки, если даже предположить, что бросовой нефти для экспорта будет у нас все больше и больше. Но дело в том, что бросовой нефти у нас не будет больше, и наш экспортный нефтяной фонд будет уменьшаться ввиду колоссального и все растущего спроса со стороны водного и железнодорожного транспорта, грузовой и автомобильной промышленности, тракторной и авиационной промышленности...»¹¹ Далее Сталин писал, что Розенгольц не учитывал силу и удельный вес нефтяников в деле интервенции против СССР, что с их помощью можно было бы нейтрализовать политически наиболее агрессивную англо-американскую нефтяную группу, чтобы сохранить мир на ближайшие два-три года¹². Но время было упущено, и договориться не удалось.

Между тем Советский Союз продолжал рассчитывать на то, что экспорт будет расти. Госплан предполагал вывозить к 1937 г. 10,4 млн т, существенно изменив структуру экспорта. На первое место ставился бензин и лигроин — 4,25 млн т, затем мазут — 2,25 млн т. Доля керосина должна была сократиться до 1,2 млн т. Планам этим не суждено было осуществиться. С 1933 г. физический объем нефтяного экспорта стал падать. В 1933 г. он уменьшился до 4,9 млн т, в 1934 г. — до 4,3 млн т, в 1935 г. — до 3,3 млн т, в 1936 г. — до 2,7 млн т, в 1937 г. — до 1,9 млн т. Первая и наиболее очевидная причина этого заключалась в отставании нефтедобычи и нефтепереработки от намеченных планов. Внутренняя потребность в производимых объемах нефтепродуктов резко усилилась, и, как бы ни хотело советское руководство получать валюту за счет экспортных операций, оно вынуждено было считаться с интересами государства, которые само же и провозглашало. Вторая причина — продолжающееся падение мировых цен на нефть в результате сдвигов в технологии производства, удешевления производства и снижения себестоимости. Третья была в том, что структура и качество отечественного нефтяного экспорта не отвечали требованиям мирового рынка.

Как загнали Грозный

Под большевистским напором ударными темпами началось форсированное наращивание добычи нефти. К концу 1930 г. добыли 17 млн т, в 1931 г. — 22,3 млн т. Растущие цифры внушали оптимизм. Сталин слал приветственные телеграммы: «Приветствую рабочих и административно-технический персонал “Азнефти” и

“Грознефти” с выполнением пятилетки в два с половиной года. С победой, товарищи!»¹³ Как видно, фантастическая цифра в 46 млн т была забыта, до нее было еще очень далеко. Но и эти успехи были достигнуты ценой неимоверного напряжения, штурмовой работой. Слухи о голоде в Баку ползли по стране. Азербайджанцы просто бежали с промыслов, и нехватку рабочих компенсировали завозом из центра. На этот счет бытовала песня: «Зовут меня Мирза, работать мне нельзя. Пусть русский Иван выполняет свой пятилетний план». В Влихорадке не обращали внимания на аварии и пожары. Грандиозный пожар в Майкопе в апреле 1931 г. быстро ликвидировали и «помчались» дальше.

Победный рапорт несколько омрачал официальный отчет «Союзнефти» в связи с досрочным выполнением плана. В нем, разумеется, отмечались достижения: значительный прирост нефтедобычи, ее механизация, распространение вращательного и турбинного бурения, применение глубоких насосов и пр. В то же время говорилось о заметном отставании нефтеперегонной промышленности, недостатке производства реагентов (кислот, щелочей), в результате чего нефтетресты поставляли на рынок не вполне качественные в отношении очистки продукты. Из-за недостаточного количества масляных заводов тресты нередко поставляли автотракторной промышленности масляные суррогаты. Недовыполнены были планы по «вспомогательным» нефтяным продуктам: асфальту, парафину, мылу и т. д. Недовольственной признавалась работа по бурению, особенно разведочному. Резко сократилось бытовое потребление керосина. Причинами подобных «недостатков» назывались резкое увеличение заявок на нефтепродукты, транспортные проблемы¹⁴. Но особенно обращает на себя внимание неравномерность успехов, разбалансированность отдельных участков нефтехозяйства.

Более трети прироста добычи нефти в годы первой пятилетки пришлось на Грозный, несмотря на то что обстановка в Чечне с началом массовой коллективизации снова осложнилась. Чеченцы, особенно в горных районах (Урус-Мартановский округ по тогдашнему административному делению Чечено-Ингушетии в составе районов Веденского, Шалинского, Гудермесского, Нажай-Юртовского), никак не желали «коллективизироваться» и снова прибегли к тактике вооруженного сопротивления, громя колхозы и нападая на нефтепромыслы. Для борьбы с бандитизмом была сформирована Особая группа, состоявшая из частей Красной армии и войск ОГПУ. В ходе боевых операций организованное сопротивление было подавлено, но обстановка в районе оставалась напряженной вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Рост нефтедобычи был обязан нещадной эксплуатации грозненских фонтанов, ведущейся с нарушением всех технологических правил. При бурении скважин нефть бралась преимущественно из насыщенных пластов. Несколько месяцев можно было брать нефть, а затем наступало обводнение. Действовали по принципу «давай-давай!». Буквально через несколько недель после победного рапорта Сталину в Грозном обозначились «грозные» признаки, снизилась добыча. Попытки объяснить снижение объективными причинами встретили сверху решительный отпор. Развернулась борьба против «гнилой теории затухания Грозного», как назвал эти попытки Орджоникидзе. Ее сторонники подверглись репрессиям под лозунгом борьбы против классово-чуждых влияний. Среди действий «вредителей» назывались также канцелярско-бюрократические методы руководства, распыление средств и кадров в разведочных районах, недостаточное внимание к механизированной добыче и увлечение фонтанами. Вместо Ф.И. Чамрова руководителем «Грознефти» был назначен К.С. Рябовол, вскоре, однако, взятый наверх, а на его место поставлен Розиноер, по словам товарища Серго «хороший мужик, но трусоватый».

На XVII съезде ВКП(б) Орджоникидзе говорил: «В Грозном топчутся на месте. Пока у них были фонтаны, готовы были рапортовать всему миру, а как фонтаны прекратились, оказалось, что не умеют ни бурить, ни добывать. Одно время в Грозном господствовала линия: Грозный исчерпан, больше нефти нет. Но покопались, пробурили и нашли».

В действительности дело заключалось не только и не столько в нефтеразведке: в «Азнефти» отставание от плана в этой области было даже выше (38%). В Грозном слились вместе все последствия штурмового хозяйствования. Грозненская нефть была самой лучшей по качеству, требовала меньших затрат при ее переработке, поэтому ее и гнали усиленными темпами. О содержании нефти в грозненских пластах тоже было достаточно известно. Еще при старом руководстве «Грознефти», признанном «вредительским», с 1924 г. под началом инженера К.А. Прокопова велись геологические изыскания на нефть. Перспективным было признано освоение так называемого Урус-Мартановского купола. Но в целом проблема Грозного состояла в том, чтобы осваивать более глубокие пласты (из 45 новых скважин 40 были заложены под глубокий горизонт). Это приходилось делать на изношенном оборудовании при отсутствии специалистов по глубинному бурению. Нужны были глубокие насосы, высококачественные трубы, которые не выпускались в стране, а заводы, перед которыми ставились задачи их производства, например «Серп и молот» в Москве, с ними не справлялись. Сказались также

методы работы ударников, пропагандировавшие сталинским руководством. Они вели к чрезмерным нагрузкам на оборудование, нарушению правил эксплуатации, частым поломкам и простоям. Не удивительно, что на каждой скважине происходил обрыв бурильных труб или их прихват горными породами. Но, даже если бы в оборот было введено большее количество скважин, нет сомнения, что они эксплуатировались бы так же хищнически, как и другие. С фонтанной добычей дело тоже обстояло не так просто. Правильное использование этого способа зависело от умения поддерживать давление в нефтяных пластах. Неограниченный отбор нефти из скважин приводил к падению давления, неравномерному продвижению контуров водоносности и обводнению залежей. Дебит скважин падал, добыча неумолимо сокращалась. Истощение скважин вело к ухудшению качественных показателей, падению производительности труда. По сути, такой нефтедобычей отбиралось лишь 20—25% нефти, содержащейся в пластах. Открытые фонтаны и неправильное хранение вели к улетучиванию наиболее ценных легких фракций. Не последнюю роль в трагедии Грозного сыграли процессы против «вредителей», приведшие к резкому сокращению числа специалистов на нефтепромыслах и нефтезаводах. Неслучайно именно в Грозном впервые была инициирована кампания по их реабилитации. Руководители «Грознефти», а за ними местные газеты непрерывно трубили о необходимости бережного отношения к старым специалистам. Очевидной стала недостаточная квалификация инженеров и техников, наскоро подготовленных в советских вузах и не имевших ни достаточных знаний, ни опыта нефтяного дела. Несмотря на принимаемые меры по исправлению положения, добыча нефти в Грозном продолжала падать и падать, что наглядно видно из следующих погодных данных (в т):

1931 г.	8064000
1932 г.	7709000
1933 г.	4862000
1934 г.	3364000
1935 г.	3371000
1936 г.	3251000
1937 г.	2729000
1938 г.	2657000
1939 г.	2168000

Наиболее катастрофическим было падение в 1933 г., когда добыча составила только 69% к уровню предыдущего года. При этом доля «фонтанной добычи» быстро снижалась: в 1935 г. — до 12%, в 1937 г. — до 5,3%. Поразительно, но факт: несмотря на борьбу с

«фонтанной психологией», по выражению Орджоникидзе, доля фонтанов в Азербайджане поднялась с 17% в 1932 г. до 28% в 1937 г., а в целом по Союзу — с 24% до 27% соответственно¹⁵. Упадок Грозного был объективным результатом гонки. Чтобы вывести грозненскую промышленность из того тупика, в котором она оказалась, требовались большие средства и комплекс мероприятий по восстановлению нефтепромыслов.

Провалы или стабилизация?

Вслед за кризисными явлениями в Грозном проблемы нефтяной отрасли обозначились и в масштабах страны. В 1932 г. объемы общей добычи снизились до 21,4 млн т, а в 1933 г. она осталась на том же уровне, т. е. как бы стабилизировалась. Естественно, что замедление роста нефтедобычи вызывало обрушение плановых позиций по другим отраслям, и в советской промышленности стали нарастать дисбалансы. Ломов, заместитель Куйбышева по Госплану, в начале 1933 г. говорил на объединенном пленуме ЦК—ЦКК: «Вы понимаете, насколько опасна такая стабилизация добычи, когда у нас необычайно быстро растет тракторный парк, когда авто- и танкостроение идут бурными темпами, развивается экспорт»¹⁶. Естественно, что вслед за добычей снизились цифры в нефтепереработке, которая, в свою очередь, находилась в плену плановых иллюзий. Как не было ожидаемого прироста нефтедобычи, так не было и производственных мощностей, способных переработать в нефтепродукты 40 млн т нефти. Не хватало средств на строительство нефтеперегонных заводов, не хватало нового оборудования, несмотря на закупки за границей. Выступая на совещании хозяйственников в 1935 г., Орджоникидзе говорил, что по нефти наблюдается только ухудшение. Хвастались: два с половиной года. Только Закавказье под присмотром Берии еще как-то выполняло планы. «Азнефть» за два года, 1933 и 1934 гг., дала прирост в 4 млн т и довела добычу до 20 млн т. Организаторами победы «Азнефти» стали тт. Берия и Багиров. В Грозном пошли обратным ходом. А в целом, говорил он, бурим недопустимо медленно. Эксплуатируем месторождения чисто варварски, некультурно¹⁷.

Еще в 1931 г. «Союзнефть» докладывала: «Производственные программы нефтетрестов на всех основных участках (добыча, переработка, капстроительство) буквально срываются из-за непоступления на места материалов и оборудования. В «Азнефти», например, 367 буровых скважин не могут быть закончены и пущены в эксплуатацию из-за непоступления обсадных и насосно-компрессорных

труб, а между тем на заводе объединения «Сталь» лежали готовыми 450 вагонов труб, которые не могли быть своевременно вывезены из-за отсутствия порожняка... Возможность построить 200 новых вышек совершенно исключается из-за отсутствия леса»¹⁸.

Отечественная нефтеперегонка, где еще использовались не соответствующие времени старые кубовые батареи, требовала решительного обновления. Не хватало трубчатых установок. За три года первой пятилетки было установлено 23 крекинга, в основном иностранного типа, способных перерабатывать 3 млн т сырой нефти, и 25 трубчаток мощностью 11 млн т. Но пуск новых нефтеперегонных заводов постоянно задерживался. Сроки строительства срывались, каждая новая стройка оборачивалась невероятными мучениями строителей, лишенных нормального жилья, питания, снабжения и т. п. Тем не менее в результате нефтяного штурма ценой огромных усилий удалось к 1932 г. создать мощности по переработке 11,5 млн т нефти.

От плановых иллюзий к бюрократическому прагматизму

Ценой авралов, чрезмерного напряжения, жизни впроголодь, растраты национального достояния, хищнического истощения недр, неоправданных жертв в годы первой пятилетки удалось осуществить прорыв в нефтяной отрасли. То же самое наблюдалось по всей экономике. Но уже к концу 1931 г. страна погрузилась в состояние экономического и социального хаоса. Размеры новых капиталовложений резко упали, снизилась их отдача. Если в 1929 г. промышленный рост составил 24%, то в 1931 г. — только 5%, при этом он был в значительной степени иллюзорным, достигнутым за счет так называемого «освоения средств». Наблюдалось их фактическое распыление по многочисленным объектам и стройкам. Нарядно-карточная система распределения и снабжения вела к тому, что повсеместно обнаруживались острейшие дефициты сырья, материалов и оборудования.

Нужно было что-то корректировать в политике. Первые симптомы к ее изменению обозначились в выступлении Сталина перед хозяйственными работниками 23 июня 1931 г. Сказывалось влияние наиболее прагматично настроенной части партийно-хозяйственной номенклатуры, людей, которые воочию наблюдали, что творится в стране. В своем выступлении Сталин указывал на шесть условий, якобы необходимых для успешного строительства социализма. Первое — это плановый набор рабочей силы (оргнабор), механизация производственных процессов. Второе — борьба с текучестью рабо-

чей силы и уравниловкой в зарплате, улучшение бытовых условий населения. Третье — правильная расстановка кадров. Четвертое — необходимость скорейшей подготовки специалистов из рабочих для народного хозяйства. Пятое — прекращение преследования старых специалистов. Наконец, шестое — это внедрение хозрасчета и необходимость социалистических накоплений. Каждое из этих условий понималось весьма своеобразно. Так, хозрасчет означал замену карточно-нарядной системы финансовыми платежами и обязательствами. Некоторые авторы, основываясь на этом, сегодня говорят о некоем сталинском неонэпе. На самом деле деньги становились всего лишь мерилom хозяйственного обращения. Теперь все накопления предприятий изымались в госбюджет. Все звенья производства, все его непосредственные участники и все ресурсы становились объектами прямого государственного регламентирования. Были установлены два вида отчислений: отчисления с прибыли и налог с оборота. Это позволяло государству централизованно выделять средства для нового строительства, для поддержки «на плаву» не только отдельных предприятий, но и целых отраслей. При этом главную роль играли устанавливаемые сверху обязательные цены на товары и услуги («социалистические цены»), чаще всего далекие от их реальной стоимости. Деньги, хотя и получили право на жизнь, служили, как уже было сказано, лишь своеобразным мерилom обращения, финансовой отчетности, оплаты труда. Вводилась жесткая финансовая дисциплина, которая сковывала малейшие проявления инициативы и предприимчивости, вела к бюрократизации управления и составлению кучи отчетных финансовых документов, что хорошо знакомо каждому, кто жил при советском строе. Точно так же причудливо истолковывались другие сталинские условия. Как бы то ни было, они звучали теперь с официальных трибун, развешивались в форме лозунгов на предприятиях, промыслах и даже на гулаговских стройках.

Вторая нефтяная пятилетка (1933—1937 гг.) была отмечена двумя тенденциями. С одной стороны, продолжалась политика штурма, рассчитанного на досрочное выполнение плановых заданий. С этой точки зрения вторая пятилетка была как бы продолжением первой. С другой стороны, для нее было характерно постоянное усиление реалистических начал в политике сталинского руководства, что выразилось в принятии более взвешенных и умеренных показателей развития народного хозяйства, смещении акцента на повышение производительности труда, возрастании внимания к социальным нуждам населения. Осознание провалов и неудач отчасти повлияло на психологию руководителей, продиктовало необходимость будничной постоянной работы, показало, что экономика и социальная

жизнь не меняются словно по мановению волшебной палочки. Однако, несмотря на поворот к прагматизму, методы выполнения плановых заданий в нефтяной промышленности во-многом оставались прежними: директивы, указания, развитие соревнования, расчет на общественный энтузиазм и т. д. Планы по-прежнему плохо принимали в расчет реальные возможности народного хозяйства страны, которое продолжало пребывать в постоянном напряжении. Невыполнение планов в одной отрасли вызывало цепную реакцию задержек по всем отраслям народного хозяйства. Острая нехватка ресурсов и система приоритетов вызывали конфликты между предприятиями.

«Прощение» старых специалистов

Одним из условий построения социализма, провозглашенных Сталиным, было прекращение преследования старых, или буржуазных, специалистов, осуждение их травли. Сталинское руководство осознало, что такая политика при острой нехватке квалифицированных кадров только усугубляет трудности в стране. Был приторможен процесс выдвигенчества, поскольку многие выдвигенцы не оправдали ожиданий и своими абсурдными действиями только подрывали авторитет руководства. Кризис в отрасли показал, что «вредители» во многом оказались правы, предсказывая последствия нефтяного штурма. Но «извиняться» перед специалистами сталинское руководство вовсе не собиралось. Им, оказывается, нужно было заслужить прощение за чужие грехи.

Специалистов стали возвращать из Соловков и других лагерей на предприятия, где они трудились под присмотром ОГПУ. В 1932 г. было объявлено о «прощении» ряда лиц, связанных с «вредителями», ввиду готовности работать на благо социализма, с 1933 г. с них снималась судимость. Рамзин, например, за «раскаяние» получил возможность работать в числе других заключенных специалистов для Технического отдела Экономического управления ОГПУ. Сложилась группа, работающая над котлом, в которой трудилось двое молодых вольнонаемных инженеров-коммунистов и четверо «старых специалистов-вредителей». Группа положила начало ОКБ, численность которого выросла с 11 человек до 200 к 1936 г. В июле 1934 г. было заявлено об освобождении заключенных. Создание водотрубного котла под руководством Рамзина долгие годы потом считалось главным достижением советской технической мысли. Был освобожден и даже направлен в командировку в Америку для закупки оборудования один из авторитетов в области перегонки нефти —

Л.Д. Нерсесов, освобождены многие другие специалисты нефтяного дела, горячим защитником которых выступал руководитель Главнефти Баринов. Но многие продолжили работать в «особых технических бюро», оставались в лагерях и ссылке. Например, направленный на работу по специальности в Ухтпечлаг И.Н. Стрижов работал там заместителем начальника геологического сектора Н.Н. Тихоновича, а затем в других лагерях, созданных в районе нефтяных месторождений Коми АССР. Только в конце 1930-х гг. они получили возможность вернуться к нормальной жизни. Тихонович вернулся в Москву в 1939 г. и начал преподавать в нефтяном институте. При этом полностью борьба против «вредителей» не прекратилась. Так, на протяжении 1930-х гг. упорно боролись против выдвинутой в 1932 г. «вредительской и предательской теории инженера В.В. Билибина», согласно которой планирование надо строить исходя из падения коэффициента дебита скважин по мере их эксплуатации. Эта борьба сыграла свою роль в массовых репрессиях против нефтяников в 1937 г.

Второй пятилетний план

Должные уроки из провала нефтяного штурма извлечены не были. При разработке плана второй пятилетки задания ставились так же исходя не из реальных ресурсов и возможностей, а из соображений, продиктованных намерениями сталинского руководства «догнать и перегнать» США по большинству показателей экономического развития, в том числе по добыче и переработке нефти. Ее намечалось добыть 120 млн т. План составлялся еще в незнании, какими будут результаты первой пятилетки. Столь же нереальными были намечаемые показатели по автомобилестроению, тракторостроению, авиастроению. Лишь провалы в отрасли, порожденные штурмом, привели к корректировке плановых показателей в сторону более умеренных. Первый признак этого был замечен в преддверии XVII партийной конференции, специально посвященной развитию производительных сил страны. На Всесоюзной топливной конференции в июле 1932 г. говорили уже о намечаемых на конец пятилетки 75 млн т. Тогда же «Союзнефть» наметила произвести в 1937 г. 8650 тыс. т бензина, в том числе для автотранспорта — 6250 тыс. т, для авиации — 1350 тыс. т. Легкого тракторного топлива предполагалось поставить 7535 тыс. т, из них керосина — 6705 тыс. т, лигроина — 830 тыс. т. Если сравнить эти цифры с наметками первого пятилетнего плана, будет явно виден поворот к большему прагматизму, но они все равно оставались нереальными.

Чтобы произвести эти нефтепродукты, требовалось новое нефтедобывающее и нефтеперерабатывающее оборудование в значительно больших количествах, чем к тому времени имелось, больше труб, буровых станков, компрессоров, насосов и т. п. Потребности значительно превышали возможности советских заводов и импорта оборудования.

Вторая пятилетка началась, а окончательного варианта плана не было. Подобное явление стало типичным для советского планового хозяйства и повторялось при принятии всех последующих планов. Плановые цифры постоянно продолжали «поправлять». Окончательно принять контрольные цифры предстояло XVII съезду ВКП(б). Ему было предложено утвердить на 1937 г. добычу нефти в 47,4 млн т и переработку в 40,5 млн т. На самом съезде, однако, задания снова были несколько понижены. В окончательном варианте плана, утвержденном ЦИК и СНК в конце 1934 г., после чего план стал законом, цифры снова подверглись корректировке. Тем не менее добычу и переработку нефти предполагалось удвоить по сравнению с 1932 г. Предусматривалось наращивание год от года капиталовложений в нефтяную отрасль, которые к 1937 г. должны были увеличиться в 4 раза и достичь 1746 млн руб. Вместо генеральных планов утверждалось так называемое «планирование от достигнутого». Так, вторая сессия ЦИК, утверждая план на 1936 г., наметала произвести уже 30 млн т нефти, т. е. на 10 млн т меньше, чем предусматривалось планом. Любопытно появившееся раздвоение цифр в советской статистике: наряду с мифическими показателями, которых намеревались достичь и которые чаще всего публиковали в печати, существовали реальные, которые старались упрятать от общественности.

Действительные цифры каждый год отставали от плановых, а в Грозном продолжалось падение нефтедобычи. Если в 1932 г. ее доля в союзной нефтедобыче составляла 38%, то в 1937 г. — менее 10%. В 1937 г. добыча нефти составила, по официальным цифрам, 28,4 млн т, из них 21,4 млн т приходилось на Баку, где положение было все-таки лучше, чем на других нефтепромыслах, но и здесь процент выполнения плана составил только 75%. В Грозненском и Эмбенском районах выполнение составило соответственно 32 и 29% плана. Чуть лучше обстояло дело в других трестах. Несколько сдвинулось положение в «Востокнефти». Там в 1937 г. добыча чуть-чуть перевалила за 1 млн т.

Не были выполнены плановые задания и по нефтепереработке. В 1937 г. производство керосина составило 6,1 млн т, бензина и лигроина было произведено 4,3 млн т, т. е. 53% от плана¹⁹. Особенно плохо обстояло дело по моторному топливу, которого, как доклады-

вал на совещании нефтяников в феврале 1938 г. Каганович, нарком НКТП, сменивший репрессированного В.И. Межлаука, вместо 4,5 млн т было произведено только 1,5 млн т.

В связи с реконструкцией и пуском ряда автомобильных, тракторных, танковых и авиационных заводов довольно быстро увеличивалось производство машин, требующих горючего и смазки.

Несмотря на рост выпуска моторной техники (автомобилей, тракторов, танков и самолетов), он постоянно отставал от намеченных планов. Само по себе это отставание позволяло мириться с невыполнением нефтяных планов. Как говорил Орджоникидзе, «по одежке протягивай ножки». Тем не менее, если суммировать эти цифры в плане учета всего «машинного парка», очевиден большой сдвиг в области «моторизации», несмотря на еще сильное отставание от других стран. В 1935 г. в СССР было 245 тыс. автомобилей, тогда как в США — около 26 млн, в Великобритании и Франции — по 2 млн, в Германии — 1 млн²⁰. В 1937 г. потребление автомобильного бензина в стране составило 2,4 млн т, но нужда в нем оставалась исключительно острой. Так же обстояло дело и в других отраслях, связанных с потреблением нефтепродуктов. Предприятия, особенно военные заводы, буквально перехватывали нефтяные грузы, добывались их переадресовок, активно применяли так называемое замещение, т. е. использовали вместо нужных нефтепродуктов их смеси, черную солярку, заменители нефтетоплива.

Изменения в технологии нефтяного дела

Трудности существовали на всех участках нефтяного хозяйства. На их преодоление затрачивались огромные усилия. Первая и вторая пятилетки совпадали со временем больших сдвигов в советской технологии добычи и переработки нефти. В книге С.М. Лисичкина, посвященной истории нефтяной промышленности СССР, подробно рассказывалось о достижениях советской нефтедобычи и в этот период. Изменений в нефтепереработке автор не касался, считая это задачей отдельного исследования. Чуть затронуты были многие другие проблемы: транспортировка нефти, ее доставка потребителям, торговля нефтепродуктами и пр. Искусственное расчленение единого нефтехозяйства, а именно как единое оно обычно и рассматривается, сказалось на содержании труда. Он был призван показывать успехи, достигнутые советскими учеными и инженерами, правда, однако, проскальзывала на страницах, но, как бывало в советской литературе, представлялась как «отдельные недостатки» на общем фоне «громких успехов». Напротив, американский исследователь

Э. Саттон в своем гигантском трехтомном труде доказывал, что никаких достижений в принципе не могло быть из-за политической системы, существовавшей в стране. Все советские достижения, в том числе и в нефтяном деле, рассматривались как украденные с Запада, устаревшие и слабые копии западных образцов. Подобный взгляд кажется упрощенным и односторонним, не учитывающим законов диффузии технических достижений, далеко не всегда зависящих от политического строя. Вовсе не обязательно, чтобы под каждый строй создавалась «своя» технология. Как бы то ни было, но в литературе встречаются прямо противоположные оценки того, что было сделано в годы сталинских пятилеток. Однако, как известно, все познается в сравнении и зависит от учета множества факторов, имеющих место как внутри страны, так и за ее пределами, от так называемого исторического контекста. Заимствований было действительно много, и трудно разобраться, что было плодом изобретательской и конструкторской мысли советских ученых и инженеров, а что — лишь слабой копией или незначительным усовершенствованием иностранной техники, сделанным в советских НИИ, конструкторских бюро и заводских лабораториях. Поэтому следует, видимо, обратить внимание на сопоставительные материалы, представленные как отечественными, так и иностранными специалистами, и на те новации, где отечественным разработкам принадлежал безусловный приоритет.

В развитии технологии нефтяного дела явно прослеживаются две тенденции: если первая советская пятилетка была отмечена ускоренным внедрением западных образцов, то вторая — их освоением и разработкой на их основе советской технологии.

Руководитель «Азнефти» А.П. Серебровский, в частности, писал в 1929 г.: «Если бы все нужное нам оборудование мы приобрели бы за границей, нам бы не хватило валюты. Если бы мы заказали его на заводах в центре нашего Союза, оборудование стоило бы очень дорого и запоздало бы к срокам, которые мы намечали. Поэтому мы, прежде всего, поставили на твердые ноги наши бакинские машиностроительные заводы, оборудовав их станками, выписанными из Америки. Мы построили два основных завода: один для изготовления буровых станков и бурового оборудования, другой — для изготовления только одних глубоких насосов. Заводы были построены по американскому плану и работали по американским методам»²¹.

Крупные комплексы нефтеперерабатывающих производств были построены с помощью иностранцев на выходах нефтепроводов и предназначались практически только для экспорта, в частности Батумский нефтеперерабатывающий завод мощностью 1,6 млн т нефтепродуктов в год, Туапсинский нефтеперерабатывающий завод

мощностью 2 млн т, оборудование для которого поставили американская фирма «Стандард Ойл», английская «Крейг», германские «Хекманн», «Вилке и Пинч». Были поставлены вакуумные установки для производства высокосортных масел на Батумском заводе, заводах в Туапсе (1930 г.) и в Ярославле (1932 г.). Все первые крекинги на советских заводах были импортными: американской системы «Винклер—Кох», английской «Виккерс», немецкой «Штайншнайдер». Закупались трубы, особенно широкого диаметра, и другое оборудование для нефтепроводов, насосные станции, сварочные агрегаты, экскаваторы и краны, трубоочистительные машины. В феврале 1930 г. заработал нефтепровод Баку — Батуми, построенный при техническом содействии Запада за два года. К 1932 г. доля закупок машин и оборудования, в том числе для нефтяной промышленности, в советском импорте увеличилась до 60%. Так, стоимость закупленного бурового оборудования в 1930 г. достигла 4550 тыс. золотых руб. (в 1929 г. — 875 тыс.), в 1931 г. составляла 3253 тыс., в 1932 г. — 1361 тыс. руб.²²

Решения об иностранных закупках принимались на самом высоком уровне — в Политбюро. Одно из направлений пропагандистской работы на Западе было связано со стремлением заинтересовать иностранцев перспективами освоения новых месторождений на востоке страны. В июне 1932 г. Сталин в письме Кагановичу дал директиву поднять в печати кампанию о богатейших перспективах стерлитамакской, ухтинской и эмбенской нефтедобычи. К кампании были привлечены Губкин, Ганшин, Косиор. Но зарубежные фирмы не торопились, при этом началось свертывание сотрудничества с иностранцами. Изменились условия оплаты труда иностранных специалистов: с 1933 г. они перестали получать деньги в твердой валюте, и начался их «исход» из СССР. Впрочем, некоторые иностранные инженеры, специалисты и рабочие остались в нефтяной отрасли на рублевых контрактах, еще не зная, какая участь будет уготована им в 1937 г. Заявки на иностранное оборудование продолжали поступать и после того, как Советский Союз заявил о своем освобождении от иностранного импорта. Нужда в нем оставалась, импортные поставки нужны были хотя бы для того, чтобы подерживать в действии ранее закупленное.

По мере того как в СССР происходило становление своей технической базы, возрастало стремление опираться на собственные силы и противостоять безудержному восхвалению американцев. К этому времени в СССР была достигнута высокая степень электрификации, механизации добычи, которая, по официальным цифрам, составила 98%. Производительность труда в отрасли увеличилась в 5 раз по сравнению с 1928 г. Выработка на одного рабочего достигла

1500 т. Увеличивалась средняя скорость бурения на станок. Происходила замена воздушных насосов газолифтом (воздушный способ давал возможность получать большее количество нефти, но смешивание отработанного воздуха с газом и бензиновыми частями приводило к улетучиванию легких фракций и ухудшению качества нефти; при газолифте избыточный газ утилизировался до получения газаolina). В 1937 г. компрессорный способ и газолифт составляли 37,9% добычи, глубоконасосный — 33,9%. Нашли применение глубинные насосы усовершенствованного типа, с длинным ходом, передвижные и подъемные механизмы. Стали устанавливаться буровые вышки из металлических конструкций, хотя металла для них остро не хватало. Было освоено производство полимеров, новых видов масел, прочей ранее не выпускавшейся в стране нефтехимической продукции. Бензина было произведено 3,05 млн т в 1937 г. против 752 тыс. т в 1928 г., изобретен собственный термический крекинг — более совершенный, чем зарубежный. К середине 1930-х гг. в общем и целом закончился первый этап сотрудничества СССР с зарубежными компаниями, связанный с широким внедрением иностранной технологии. К этому времени техническое содействие СССР в области нефти оказывала фактически только одна компания — «Стандард Ойл оф Нью-Йорк».

Отставание от Америки на различных участках нефтяного хозяйства оставалось заметным. В 1930 г. средний срок эксплуатации скважины в Союзе составлял 5 лет. Даже для того чтобы поддерживать добычу на одном уровне, не говоря уже об ее увеличении, требовалось вести бурение, как разведочное, так и эксплуатационное, в гораздо больших масштабах, чем планировалось в СССР. Так, в 1937 г. 85% добычи пошло на восполнение сокращения дебита старых скважин²³. Правильное соотношение разведочного и эксплуатационного бурения не соблюдалось, и из-за того, что новые эффективные площади не были подготовлены в срок и надлежащим образом, приходилось бурить малодобитные пласты.

В 1930 г. средняя скорость бурения в СССР была в 5—6 раз ниже, чем в США. Основная нагрузка приходилась на вращательное бурение. К 1932 г. значительную часть бурильного оборудования составили уже станки отечественного производства. Скорость бурения возросла почти в два раза (с 79,4 до 149,2 м на станок в месяц). Но особенно резкие сдвиги в скорости произошли в годы второй пятилетки. Скорость в 1937 г. увеличилась до 615 м на станок в месяц, но все же еще существенное отставание от США сохранялось. В 1936 г. в США скорость бурения неглубоких скважин составила 2800 м, глубоких — 1540 м. Рекордный показатель бурения в Америке составлял 4600 м на станок в месяц; в СССР бригада стахановца

Позднякова из «Майнефти» пробурила скважину глубиной 940 м за 6 дней (что давало примерно такой же показатель в расчете на месяц), но это был, очевидно, случай рекордомании и показухи, свойственных стахановскому движению. Средние показатели скорости проходки неизменно оставались ниже американских.

В 1936 г. в США для закупки оборудования и ознакомления с опытом была направлена представительная делегация нефтяников во главе с Бариновым. После командировки делегаты сравнивали качество советского и американского нефтяного оборудования: «Высокое качество металла, термическая обработка и полная взаимозаменяемость частей — вот это определяет качество оборудования в Америке. Там не бывает случая, чтобы вертлюг отказался вертеться через час после начала работы... а у нас — обычное явление. Там не бывает, чтобы после одной буровой лебедка поступила в ремонт, чтобы кулачковую муфту на ней пришлось включать кувалдой... Вертлюг у нас является самым узким звеном в буровом оборудовании. Причина — отсутствие производства в Союзе основной решающей части вертлюга — роликового подшипника. Кустарно изготовленные в Баку подшипники не работают иногда и одного часа. У нас образовались уже груды корпусов вертлюгов, лишенных роликов...»²⁴

Особенно заметным было отставание в количестве пробуренных скважин. В середине 1930-х гг. их было в 17 раз меньше, чем в США. Стоимость одной пробуренной скважины там составляла в то время примерно 35 тыс. долларов. Такие расходы нефтяная промышленность СССР позволить себе не могла, и дело заключалось не столько в деньгах, сколько в уровне развития смежных отраслей, поставляющих нефтяное оборудование. В 1932 г. было 344 бурильные установки, в 1933 г. — 300, а к 1937 г. их число сократилось до 196. Тут сразу же напрашивается вопрос: куда же они подевались? Видимо, вышли из строя, а новых не поступило. Возникли споры об отставании отечественного бурения. Одни нефтяники преувеличивали отставание, другие оправдывали, объясняя его специфическими условиями нефтедобычи в СССР и требуя введения поправочных коэффициентов при сопоставлении советских и американских показателей. Подобные представления советские руководители называли ошибочными.

Не было специальных заводов нефтяного машиностроения, и заказы на станки и трубы приходилось размещать на обычных машиностроительных предприятиях (Ижорском заводе, заводе им. Петровского и др.). Много говорилось о необходимости турбинного бурения, которое, по сравнению с роторным, ускоряло темпы проходки скважин, снижало их кривизну и решало проблему безаварийного

бурения. Был сконструирован советский турбобур, делались его усовершенствования, но, судя даже по советским источникам, его внедрение растянулось на подозрительно длинный срок.

Большая роль в нефтедобыче принадлежала насосам, используемым для промывки скважин. Побывавшая в 1936 г. в США делегация докладывала Орджоникидзе: «Насос в бурении играет решающую роль, в работе насоса решающую роль играет резина поршня, резина рубашки, резина клапана, материал сальниковой набивки. Стойкость этих материалов в Америке в несколько раз превышает стойкость наших материалов». И в конце 1930-х гг. качество насосов, производимых на заводах СССР, оставалось низким. Так, Н.К. Байбаков сообщал, что насосы, поставляемые грозненским заводом «Красный молот», можно охарактеризовать как негодные²⁵.

В 1930-е гг. отошли в прошлое добыча нефти тартанием и кустарная добыча из колодцев, ударный способ бурения был вытеснен вращательным. Произошел решительный сдвиг к использованию компрессоров и глубоких насосов. Эксплуатационные расходы при их внедрении сокращались примерно вдвое. Компрессорный способ добычи позволял поднимать из скважин большое количество жидкости из глубин и выносить из них песок. В 1932 г. компрессорный способ применялся примерно на половине нефтяных скважин Советского Союза. Затем компрессоры стали все более вытесняться глубинными насосами. Это было связано с тем, что глубинные насосы требовали меньше электроэнергии. Начались изменения в фонтанной добыче нефти. По итогам командировки в США специалисты докладывали: «У нас в Ишимбаево десятки скважин стоят, прекратив фонтанирование, ожидая третий год строящейся электростанции». В Америке в таких случаях использовали газомоторы, работающие на попутных газах, у нас же, заключали авторы доклада, газ на новом промысле девать некуда²⁶.

Пожалуй, наибольшее оставание было в нефтепереработке. В 1937 г. в мире было уже 963 нефтеперегонных завода, из них 681 — в США. 311 заводов имели крекинг-установки, в том числе 211 заводов в США. В Германии было 38 нефтеперегонных заводов, в Англии — 27, в Румынии — 29, в Польше — 20, во Франции — 16, в Японии — 15, в Италии — 7 и т. д. Когда в СССР крекинг-установок не было вовсе, в США доля крекинг-бензина составляла уже 44% его общего производства. Крекинг-установки, как уже говорилось, пришлось импортировать. Советские нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ) имели недостаточную пропускную способность и плохо перерабатывали нефть. В 1930 г. в Грозном использовались кубовые батареи, установленные в начале XX в. Они потребляли огромное количество топлива и из 24% бензина, содержащегося в грознен-

ской нефти, отбирали лишь 18%. В 1930 г. была сдана в эксплуатацию первая советская трубчатка, но к концу года из 15 установок только 2 были советскими. Только к середине 1930-х гг. все вновь построенные трубчатки были советского производства.

Проблема создания советских крекингов активно обсуждалась на всех уровнях. Для этой цели, а также для выпуска трубчаток и прочей аппаратуры для НПЗ был намечен машиностроительный завод в г. Подольск под Москвой. Соответствующее оборудование было заказано за границей. К концу 1932 г. завод изготовил аппаратуру для 12 крекинг-установок²⁷. В том же году производство крекинг-оборудования освоил механический завод «Красный молот» в Грозном. В 1936 г. была введена в строй отечественная установка двухпечного крекинга мазута, которая была более производительной, чем американская установка Винклера—Коха. Но в целом, как признавалось в отчетах, был налицо большой разрыв между добычей и переработкой нефти. В то время как в Америке перерабатывалась вся добываемая нефть, в СССР оставались переработанными 3 млн т нефти. Строительство новых НПЗ значительно отставало от потребностей. В ходе второй пятилетки выявились «узкие места» в установке крекингов. На 1934 г. трест «Нефтезаводы» сделал заявку на импорт 189 единиц оборудования для Саратовского, Хабаровского и Орского крекинг-строев, для заводов им. Шаумяна и им. 26-ти бакинских комиссаров, Нефтегаза № 2 и др.²⁸ В марте того же года Баринов просил закупить дополнительное оборудование для строительства второй очереди Хабаровского НПЗ (крекинг-строй № 3)²⁹. В том же году Орджоникидзе обратился к Сталину с жалобой на Розенгольца: «Наркомвнешторг срывает пуск крекингов... Я очень прошу заставить тов. Розенгольца выполнить заказ по трубам, которые до сих пор не заказаны для крекингов второй очереди в Саратове и Грозном и недоданы для первой очереди Саратова. Так же безобразно обстоит дело с насосно-компрессорными и бурильными трубами для “Азнефти”...»³⁰

В октябре 1935 г. заместитель Орджоникидзе Пятаков обратился с просьбой в ЦК о закупке в Америке специальной установки по изготовлению высококачественных масел. В том же году проводилось совещание по строительству нефтеперегонных заводов. Орджоникидзе говорил о том, что в стране так и нет опыта их строительства, отмечал, что первый завод по пиролизу был построен в Баку еще в 1915 г., а после этого никакого опыта не накопили, что вопрос о крекинг-строе обсуждается уже 5 лет, но трест «Нефтепроект» много проектировал, но ничего не строил, а теперь возникают проблемы, ибо реализация этих проектов — это не наши насосы (намекая на Сумской машиностроительный завод). Сильно, говорил он, мешает

ведомственность. В Машинострое, например, не знают, что нужно делать, а если бы правильно организовать дело, то страна могла бы построить 32 крекинга и не надо было бы покупать оборудование за огромные деньги. Говорил о том, что на Западе оборудование значительно сильнее нашего, сравнивая советскую трубчатку и трубчатку Баджера. Нефтеаппаратуру, которую начали производить на Подольском заводе, оценивал как слабую, при этом полагал, что аппаратура такая не потому, что завод не может производить качественную, а потому, что он в этом не заинтересован. Причину незаинтересованности, однако, видел, не в самой экономике, а в слабых заданиях — типично для психологии советского командного управления. Говорил о том, что эксплуатационные заводы (производство масел, смазки и т. п.) разбросаны по всей стране. «Будучи оторванными от сырьевых баз, мы очень страдаем, особенно в области поставок для армии», и серьезные трудности в связи с этим испытывали Константиновский, Саратовский, Хабаровский, Московский, Горьковский НПЗ. Новые НПЗ строились в Москве и Ярославле, но, говорил Орджоникидзе, «ярославцы канителются»³¹. Канитель с внедрением и установкой нового оборудования становилась чертой советского производства. Проблемы, которые здесь возникали, хорошо знакомы по более позднему времени. Это незаинтересованность руководителей что-либо менять в предвидении «головной боли» насчет получения средств и ресурсов, задержки с установкой оборудования, его залеживание на складах, нерациональное использование, неправильная эксплуатация и как следствие — частые поломки, замены и подмены и т. д. Советские производственные стандарты нередко бывали ухудшенного качества, так как сказывалось наследие прошлого, сохранение отсталой техники и недостаточная подготовленность кадров. Тем не менее за счет как иностранных, так и внутренних источников произошло существенное обновление основных фондов советской нефтяной промышленности, однако еще недостаточное, чтобы в будущем обходиться собственными силами. Поэтому советское руководство не было заинтересовано в полном прекращении международного сотрудничества.

Советские нефтяники осознавали, что техника нефтедобычи и нефтепереработки еще далеко отстает от американского уровня. Орджоникидзе, обращаясь к хозяйственникам — участникам пленума ЦК ВКП(б) 25—26 декабря 1935 г., говорил: «Неверная точка зрения, что мы сами с усами», — и призывал «учиться у Запада, ибо на том же самом или лучшем оборудовании мы даем меньше и хуже». Но все же постоянные разговоры об американском превосходстве, названные самим Орджоникидзе «американскими сказками», стали

раздражать. Начали говорить о руководителях, избалованных импортом. На VII съезде советов Оржоникидзе заявил следующее: «Тут часто говорят: у американцев другое оборудование и то, что делает американец, нам не под силу, мы не в состоянии сделать. Такие разговорчики среди нефтяников всех наших районов имеются. Часто можно услышать такой разговор: американец сидит у себя в буровой, и, если ему понадобилось какое-нибудь техническое снабжение — трубы или еще что-нибудь другое, он по телефону заказывает, и ему привозят, — а у нас сколько надо мучиться. У американцев — трехскоростные лебедки, у американцев — мощные насосы, у американцев — трубы другие, а у нас... Ну куда же нам до американцев! Конечно, такие разговоры никуда не годятся...»³²

«Американские сказки»

Лучше всего о состоянии нефтехозяйства Соединенных Штатов говорили объективные показатели производства и потребления нефтепродуктов. На 1935 г. в США они выражались следующими цифрами³³:

Таблица

Потребление нефтепродуктов в США в 1935 г., тыс. т

Отрасль потребления	Объем потребления	Вид потребляемого топлива
Автотранспорт	43050	бензин
Дизельмоторы	2624	диз. топливо
Торговый флот	6872	мазут, газойль
Авиация	100	бензин
Тракторы и другая с/х техника	1108	мазут, бензин, керосин
Военный флот	1195	мазут, газойль, бензин
Железные дороги	6860	мазут, газойль
Электростанции	1570	мазут
Обрабатывающая промышленность	7880	мазут, газойль
Горная промышленность	686	мазут, газойль
Газовые заводы	1814	мазут
Сама нефтепромышленность	7164	мазут
Домовое и кухонное потребление	11309	н/д
Прочее	1644	н/д

Эти цифры и сегодня представляют определенный интерес, а тогда, в 1930-е гг., они служили ориентиром для советской нефтяной отрасли. Конечно, ничего сказочного в этих объективных показателях не было. Тем не менее, вторя Орджоникидзе, разоблачению «американских сказок» посвятил свой отчет о поездке в Америку упоминавшийся Л. Д. Нерсесов. Он подчеркивал прежде всего то обстоятельство, что американская нефтяная промышленность велика и многообразна. В каждом штате и в каждой фирме дела, утверждал он, идут по-разному, а благоприятный образ американцам создают главным образом посредники, которые ходят за вами буквально по следам в надежде получить выгодный заказ, и только тогда отказываются, когда дело касается «друга» Советского Союза Г. Детердинга. В целом же об Америке создается искаженное представление, и не во всем американской нефтепромышленности стоит подражать. В ней далеко не все ладно. Расхваливали в Союзе долото Зублина, а оно, оказывается, применяется всего на одном промысле. На знаменитом американском глубинном бурении работают всего 30 станков из 3000. Перемежающийся лифт, или насос замещения, находится в экспериментальной стадии. На 53 тыс. скважин (6% общего числа и 16% эксплуатируемых) применяется фонтанный способ добычи нефти. Асфальтовые и бетонные дороги на нефтепромыслах — тоже миф, в основном они грунтовые, залитые мазутом. Рассказывают также об утопающих в зелени нефтяных городках, но в них живут только администрация и хозяева промыслов, а рабочие ютятся в сараях, сколоченных из ящиков хибарах или в палатках.

Нерсесов не отрицал достижений американской нефтепромышленности. О них упоминалось в официальном отчете советской делегации, и отчасти об этом уже говорилось. В то же время не нашли у Нерсесова одобрения американские методы бурения. Указывалось на то, что из 900 тыс. пробуренных за всю историю американской нефтедобычи скважин 300 тыс. оказались сухими или обводненными, а всего остались заброшенными 40% скважин — слишком высокий процент для бурения. Особое внимание обращалось на структуру американской нефтяной промышленности, комплексную организацию добычи, переработки и доставки потребителям. Не прошел автор отчета и мимо хищнической эксплуатации скважин, незаконной торговли «горячей» нефтью. Невысоко оценивал возможности американской геологоразведки, несмотря на случаи применения самых современных достижений, бурение «диких кошек». Большая часть нефти в США, 60—65%, писал Нерсесов, добывается на малодебитных скважинах, а открытие богатых месторождений — большое событие. Но на что автор обращал особое внимание — это на быстроту

освоения месторождений в США, причем не преминул противопоставить различные принципы освоения в США и СССР. У нас, писал он, начинают с энергетики и с хозяйственного обустройства. У американцев — совсем иначе. Они начинают с массового бурения. Число бурильных станков в богатых месторождениях доводится сразу до 75. Для приведения их в действие применяются самые разные подручные средства. Сам станок становится и потребителем, и производителем энергии. В районах освоения появляются городки, как во времена чаплинской «золотой лихорадки». Не успели еще установить вышки, как возникают целые улицы складов, временных сооружений. Товары и части оборудования завозятся раньше, чем могут потребоваться. Никто, в отличие от нас, не занимается ремонтом. Легче и дешевле выбросить деталь, купить или заказать новую. Постепенно перспективные районы обустраиваются. Строятся дороги, особняки, домики для семейных рабочих из трех комнат, иногда за плату, иногда от фирмы, бесплатно.

Вождь советского народа, прослышав о поездке в Америку группы нефтяников, велел Серго созвать совещание работников отрасли с целью узнать, «привезли ли что-нибудь новое, и если да, то можно ли внедрить его у себя, а если что надо купить — купим». Состоявшийся на совещании разговор оказался довольно любопытным. В пересказе он звучит примерно следующим образом. Время изменилось, говорил Орджоникидзе, комментируя сталинское указание, если раньше мы бегали в коротких штанишках, то теперь у нас подросли кадры. То, что надо было посмотреть, мы посмотрели. Теперь наша задача облегчается. То, что нужно тащить сразу у американцев, надо тащить, то, что можно сделать у нас, следует делать. Но то, что советские руководители требовали 5 млн на техническую помощь, для него было новостью. Сколько, говорил нарком, он дрался с Бариновым и Ганшиным, которые заявляли, что то или это у нас не пойдет. А вот привел их на нашу выставку оборудования и показал: вот, что вам нужно, зачем же лезть в Америку? Просто в Америке бегают за заказами, а разве у нас так? Нет, не бегают. Ответа на вопрос, почему «не бегают», Орджоникидзе не нашел. Вот и получается, продолжал он, что на Саратовском заводе устанавливается уже устаревшее оборудование по очистке нефти. А что касается закупок, мы плохо знаем, говорил нарком, что есть за границей, так как не владем английским языком. Орджоникидзе призывал поднажать на производство отечественных двухпечных крекинг-установок; говоря о начавшемся строительстве Уфимского завода (оборудование и чертежи покупались у американцев), подчеркивал, что подготовитель-

ная работа идет плохо, отсутствует необходимая электростанция. Он также отмечал, что встает проблема обработки сернистой нефти (ишимбаевской), советовал обратиться к изучению этого процесса в Горьком и Саратове³⁴.

Ударники и стахановцы нефтяной отрасли

Что же можно было противопоставить «американским сказкам», на что было опираться в стремлении догнать и перегнать Америку и другие капиталистические страны по объемам производства и производительности труда? Мы, говорил Орджоникидзе, «будем равняться на тех, кто умеет работать»³⁵. Ставка была сделана на стахановское движение, на новый взрыв социалистического соревнования.

Первая волна массового соревнования в стране пришла на годы первой пятилетки, которую можно назвать ударной. С 1929 г. велась массированная кампания по пропаганде различных трудовых починов: движения ударников, движения за принятие встречных повышенных планов, «непрерывки» и др. Они были рассчитаны на революционно-романтические общественные ожидания и надежды на то, что с помощью штурма, наскока, порыва можно сделать все, воплотить в жизнь любые планы, сколь бы оторванными от реальности они ни были. По официальной статистике, движение ударных бригад широко охватило нефтяную отрасль. В 1931 г. в ней (и в нефтедобыче, и в нефтепереработке) 73% рабочих считались ударниками. При сравнении таких цифр размаха ударной работы с тем, что было на деле, становится очевидным, что движение было чистой водой профанацией. К середине 1930-х гг. ударничество практически выдохлось, хотя по-прежнему составлялись списки ударников, их представляли к награждению орденами и медалями. Так, после успехов в Азербайджане Орджоникидзе обратился к Сталину с просьбой наградить работников нефтяной промышленности республики орденами Ленина, а также Берию и Багирова за умелое руководство добычей нефти. Награждение приобретало любопытный иерархический характер. Так, в начале 1935 г. список представленных к орденам работников «Азнефти» возглавлял ее управляющий А.П. Петерсон, затем шли его заместитель С.М. Борц, управляющий трестом «Азнефтезаводы» С.Б. Слуцкий, за ними — подряд все директора трестов, директора НПЗ, начальники служб и контор, и лишь потом — отдельные мастера, бригадиры, рабочие. Состав представляемых к награждению Грамотой ЦИК СССР был пожиже.

Кроме того, для награждения выделялось 20 легковых машин, 75 радиоустановок, 75 патефонов и 300 тыс. руб. деньгами.

Стахановское движение представляло собой попытку оживить общественный энтузиазм и стало второй волной массового соревнования. Упор теперь, в отличие от ударничества, делался не на коллективные усилия бригад, а на индивидуальные рекорды на уровне мировых достижений путем новаторских методов работы, с помощью использования технических усовершенствований и т. п. Пионером движения, по имени которого оно и называлось, был провозглашен шахтер Алексей Стаханов, в августе 1935 г. превысивший норму добычи угля почти в 7 раз. Вторая по значению топливная отрасль, разумеется, не должна была отставать. Самый знаменитый стахановец нефтяной отрасли буровой мастер из Баку Леонид Парфенов выступил с инициативой сделать 1936 г. стахановским. Его призыв якобы был подхвачен на всех предприятиях. На деле везде стахановское движение с самого начала приобретало характер показухи и рекордомании. Стахановские рекорды тщательно готовились. Идея состояла в том, чтобы после достижения индивидуальных рекордов, сделать их массовыми («закрепить стахановские рекорды»), т. е. распространить на всех рабочих путем повышения норм выработки до стахановских.

О том, какая картина складывалась в отрасли в связи с движением, свидетельствует эпизод на совещании стахановцев тяжелой промышленности и транспорта, проводимом Орджоникидзе в декабре 1935 г. Естественно, сказать первое слово было доверено Боршевскому, управляющему трестом «Майнефть», где все чуть ли не поголовно были стахановцами. Сразу пошел обмен репликами. Первым делом Боршевский сделал выпад в адрес «Грознефти»: когда, мол, там перестанут топтаться на одном месте, и привел примеры успешной работы своего треста, рассказал о том, что мастер Дзугаев установил невиданный рекорд в скорости бурения, а по его примеру более половины мастеров треста бурят свыше 500 м на станок в месяц, и уже цифра 700 м не кажется эфемерной. Петерсон, призванный к ответу за сокращение добычи нефти в Баку, заявил, что все свои надежды он возлагает на стахановцев. Руководитель Главнефти Баринов в своем выступлении больше упирал на необходимость роста нефтедобычи (Орджоникидзе его прервал: «Что в нефти нужда, мы все реведем!») и препятствия, которые существуют, говорил о том, что на чистое бурение по Союзу расходуется 68,8% рабочего времени, остальное — поломки и остановки. Отметил положительную работу Розиноера в Грозном. На вопрос Орджоникидзе, почему

там нет стахановского движения, Баринов ответил, что есть. Орджоникидзе парировал: «Два-три десятка — только начало!»

Розиноер в своем выступлении оправдывался в падении добычи нефти, указывал, что в Америке процент неудовлетворительных скважин выше, чем у нас, жаловался на техническое отставание разведки. В эксплуатации скорость бурения — 400—500 и даже 600 м, а в разведке — 100—150 м, т. е. на решающем участке — самые низкие скорости. Орджоникидзе потребовал увеличить скорости до предела. Объективные возражения встретил язвительным смехом и добавил, что будет рассматривать их как факты саботажа, что опасение обводнения скважин — напрасное оправдание. Когда испуганный Розиноер стал пить воду, Орджоникидзе заявил: «Как только будете давать 800, вода не понадобится, 600 запишем без всякого разговора». Проблемы Грозного не в стахановском движении, продолжал Розиноер: «У нас новое оборудование, и мы можем давать больше. Но это боевые части, а тыл старый. Обоз тянет. Мы едем на машинах, а обслуживающее хозяйство тянется на арбах и телегах». Орджоникидзе: «Скажите членораздельно, что вам надо, и мы дадим. Болтаете о всякой чепухе. Рабочие наступают на хвост хозяйственникам!»³⁶

Стахановское движение почти сразу же обнаружило признаки сбоя. В нем не были заинтересованы руководители предприятий, поскольку оно входило в противоречие с планово-распределительной системой, нарушало единый производственный ритм, распределение лимитов, фондов, требовало увеличения заработной платы, фонд которой был жестко ограничен. Не были заинтересованы в нем и рабочие, так как стахановское движение грозило им ростом интенсивности труда, увеличением норм выработки. Как ни странно, в конечном счете, в массе своей оказались не заинтересованы в нем и сами стахановцы. Они рассчитывали, что зарплата будет расти так же, как перевыполнение заданий. Поначалу так и было. Л. Парфенов получил за один месяц 1935 г. за свой рекорд заработок в 1939 руб. (в 5—6 раз больше, чем остальные). Выступая на совещании руководителей нефтяной промышленности в Грозном, он говорил: «Теперь скажу, чем меня наградили за мою работу. У меня семья из 6 человек. Мне дали квартиру такую, какой, думаю, и у Нобеля не было, из трех комнат. Купили мне обстановку, патефон, установили радио»³⁷.

Слабое представление бакинского нефтяника о том, как жила семья бывших владельцев нефтепромыслов, не отменяет факта весьма существенного вознаграждения. Мастер Паскевич из «Майнефти» рассчитывал зарабатывать 6—7 окладов. Как только были пересмотрены нормы и фонд заработной платы, стахановское дви-

жение в принципе оказалось обреченным. Стахановские рекорды, конечно, оставались в анналах истории, но закрепить их, как на то рассчитывало сталинское руководство, не удавалось.

Буквально через несколько месяцев после декабрьского 1935 г. совещания стахановцев, в марте 1936 г., состоялось совещание, призванное подвести некоторые итоги. На нем уже говорилось о фактическом срыве движения. «В чем дело? — задавал вопрос Орджоникидзе. — Проводим стахановские месячники, декады в нефтяной отрасли, а добыча падает». И сам же отвечал: это происходит потому, что в стахановские декады работали как попало, только бы дать плановый процент, выработку в рублях не считали. С раздражением заметил: «Жалеете свои копейки и не жалеете наркоматские тысячи, нет чтобы выиграть на скорости и на затратах труда»³⁸, — и попал, как говорится, не в бровь, а в глаз. Действительно, руководители были заинтересованы получить как можно больше средств и ресурсов, но, поскольку последних все равно было мало, жесткая финансовая дисциплина обязывала считать каждую копейку. Да и в целом в силу разбалансирования работы участков получалось, что в одном месте боролись за экономию, а в другом это оборачивалось убытками. С крахом стахановского движения связана дальнейшая судьба социалистического соревнования. Оно зажило своей виртуальной жизнью. На словах все были его участниками, боролись за установление рекордов, выдвигались новые трудовые почины, в то время как на производстве дела шли своим, не зависящим от соревнования чередом.

Очереди за керосином

С 1928 по 1932 г. потребление керосина сельским хозяйством и промышленностью в стране возросло в 7 раз, но его все равно не хватало. Сталинское руководство решило пожертвовать интересами населения. К тому же в эти годы делалась ставка на борьбу с «буржуазно-индивидуалистическим домашним хозяйством». В социалистическом обществе, писал в 1930 г. Л.М. Сабсович, индивидуальное приобретение и приготовление пищевых продуктов совершенно не будут иметь места. Они будут полностью индустриализованы, а питание населения будет происходить в общественных столовых³⁹. Однако общественное питание не могло поспевать за растущими нуждами, было плохо организовано. Длинные очереди, плохое обслуживание, низкое качество пищи, воровство продуктов и т. п. были свойственны советскому общепиту и комбинатам питания на предприятиях. Стремительно росло число городских жителей, гото-

вающих пищу в основном на примусах и керосинках (газовых плит, тем более электрических, еще не было и в помине, а газ для бытовых нужд стал поступать в Москву только после войны). В результате проводимой политики сокращения отпуска керосина для широкого потребления дефицит керосина для повседневных нужд резко обострился.

В 1931 г. «Союзнефтеторг» докладывал о ситуации в Центрально-Черноземной области: «Систематическое уменьшение отпуска керосина для широкого потребления поставило область в крайне тяжелое положение: керосина едва хватает для освещения расположенных в районе больниц, школ, воинских частей... и т. п., а население керосина совершенно не имеет»⁴⁰.

Очереди за керосином стали длиннейшими и сопровождались толкотней, давкой, ссорами и драками. В 1933 г. в эксплуатацию было введено нефтеперерабатывающих мощностей всего на 350 тыс. т, а к 1934 г. бытовое потребление керосина снова сократилось вдвое по сравнению с 1932 г. Острота проблемы вынудила руководство внести изменения в планы второй пятилетки. Бытового керосина намечалось произвести 4,5 млн т, в реальности же было произведено менее 1,2 млн т, в то время как промышленное и сельскохозяйственное потребление возросло более чем в 2 раза и достигло 3,8 млн т. Удельный вес бытового керосина в потреблении нефтепродуктов составил 5,6% в 1937 г. против 14,3% в 1928 г. Проблема не решалась и приобретала все более болезненный характер. К тому же руководство отказалось от безумных планов немедленного обобществления быта, прекратило атаки на семью и домашнее хозяйство, впервые сделало ставку не на коммуналки, а на обеспечение квартирами каждой семьи, хотя в те годы подобный курс на фоне общей жилой и коммунальной неустроенности был поистине фантастическим. Напряжение с керосином не ослабевало. Имеется любопытная информация о том, как его доставали, такие случаи доводились до сведения вышестоящего начальства. Например, охранник одного нефтесклада задержал некоего гражданина Швецова с сапогами и с банкой в руках. Оказывается, тот чинил сапоги начальнику в обмен на керосин, т. е. керосин становился своего рода валютой.

Нефтеразведка и продвижение на Восток

Главную причину невыполнения нефтяных планов сталинское руководство видело в положении с нефтеразведкой. На старых площадях она расценивалась как недостаточная. А как обстояло дело в новых районах?

В апреле 1929 г. в Верхне-Чусовских Городках на Урале при разведке калийного месторождения бурившаяся скважина обнаружила нефть. Это событие считалось в советское время «рождением Второго Баку». Академик Губкин немедленно заявил о том, что это открытие имеет огромное значение, независимо от того насколько велик будет дебит скважины, так как оно бесповоротно решает вопрос о перенесении поисков нефти с окраин в более близкие к центру районы. В Верхне-Чусовские Городки была направлена комиссия во главе с И.В. Косиором, ставшим в то время одним из заместителей председателя ВСНХ. Для поиска нефти была создана специальная контора — «Уралнефть».

Через два месяца после открытия нефти на Урале Сталин писал Молотову: «Обрати серьезное (здесь и далее подчеркнуто в источнике. — А.И., А.С.) внимание на нефтяное дело на Урале. Решили, оказывается, поставить всего лишь 10 буровых за год. Буровые инструменты большей частью ударные, а не вращательные, т. е. проходка будет убийственно медленная. Это значит, что ВСНХ и “шефы” “Уралнефти” — “Азнефть” и “Грознефть” относятся к делу добычи нефти на Урале так же приблизительно, как Нобель относился к Ухте. Это безобразия и преступление. Надо, по-моему: а) организовать теперь же специальный трест “Уралнефть”, освободив Урал от его “шефов”, готовых притупить нефтедобычу на Урале; б) во главе “Уралнефти” поставить опытного коммуниста-нефтяника, прогнав с Урала вредителя Добрынского (кажется, Добрынский), данного “шефом” “Грознефтью” (на тебе, боже, что нам негоже); в) обязать ВСНХ поставить в этом же году от 40 до 80 буровых с вращательными станками. Без таких и подобных мер дело затормозится (или даже заглохнет) и никакой реальной разведки у нас не будет...»⁴¹

Письмо, как видим, еще проникнуто духом выдвигенчества и борьбы с вредительством. Следуя пожеланиям Сталина, осенью 1929 г. был образован трест «Уралнефть», но в основном они остались невыполненными⁴². В дальнейших поисках сказывались недостатки организации советской геолого-разведки и разведочного бурения. Работы по поискам нефти велись малыми силами и на больших площадях, шли очень медленно и допотопными средствами. Поэтому при бурении на разведку большинство скважин не дали промышленной нефти. На совещании геологов в январе 1931 г. прозвучали предложения свернуть разведочные работы на нефть между Волгой и Уралом, а выделенное оборудование вернуть в старые районы добычи нефти. Хотя группа геологов во главе с Губкиным продолжала отстаивать свои позиции, но общий скепсис сказался на размахе разведработ, которые сильно замедлились. В мае 1932 г. две

скважины близ села Ишимбаево дали фонтанные выбросы нефти. Работами руководил ученик Губкина И.И. Блохин. Вокруг Ишимбаево была развернута пропагандистская шумиха. Но вскоре обнаружилось, что в ишимбаевской нефти содержались значительные примеси серы, выше, чем требовалось по стандартам. И хотя в 1932 г. началась промышленная эксплуатация месторождения, приходилось принимать дополнительные меры по очистке оборудования, смешивать получаемый бензин с грозненским. Вялые темпы разведки были особенно очевидны в сравнении с США. В 1928 г. в США было открыто 27 новых нефтеносных площадей, в 1929 г. — 41. В СССР за все время до 1931 г. было обнаружено всего 9 новых месторождений. В 1934 г. в районе Краснокамска опять же случайно, при рытье артезианской скважины, был обнаружен небольшой приток нефти. Была создана разведочная контора «Прикамнефтеразведка», но в течение почти двух лет бурение здесь практически не велось. В 1936 г. бурили только одну скважину, и, только когда дошли до глубины 953 м, скважина дала нефть в объемах, позволивших начать ее промышленную эксплуатацию. В том же году началась разработка промышленной нефти в Самарской Луке близ Сызрани, а в следующем году — в районе Туймазы. Тогда же был получен фонтан нефти в Бугуруслане, и опять — случайно: «Колхозники рыли яму для зимнего хранилища картофеля и на небольшой глубине наткнулись на куски черного грунта, похожего на асфальт. Дальше в работу вступили нефтяники»⁴³.

Долгое время, однако, общие капиталовложения в трест «Востокнефть» (образован в 1930 г., в его ведение была включена территория, ранее подведомственная расформированной «Уралнефти») оставались незначительными, хотя в официальных документах не раз утверждалось, что в Урало-Поволжье «заложены основы новой мощной нефтяной базы»⁴⁴. До «основы», однако, было еще далеко. Годы шли, а работавший на открытых между Волгой и Уралом нефтяных месторождениях трест «Востокнефть» давал мало промышленной нефти. Нередки в нефтеразведке были ошибочные прогнозы. Развертывание строительства в Средней Азии и в Армавире в ожидании крупных нефтяных месторождений оказалось ошибкой.

Транспортные проблемы

Путем эксплуатации фонтанов, технического переоборудования удавалось взять большее количество нефти, в значительной доле переработать, но возникали проблемы ее транспортировки, хранения и т. д. Еще в 1930 г. Ломов, выступая на Пленуме ЦК в декабре

1930 г., говорил: «С транспортом нефти положение чрезвычайно тяжелое...»⁴⁵ Орджоникидзе примерно в то же время сообщал, что нефтеемкости на промыслах переполнены, поэтому приходится «рыть ямы и пускать туда нефть». Появился повод начать борьбу с вредителями на транспорте, инициировать новую волну арестов, судебных расправ и увольнений.

Основным средством доставки нефти и нефтепродуктов во внутренние районы из районов нефтедобычи служили водные пути, прежде всего Волга, как главная транспортная магистраль. В 1928 г. речным транспортом перевозилось 4,8 млн т нефти, в 1932 г. — 7,4 млн т, в 1937 г. — 7,9 млн т. Морские перевозки приходились в основном на Каспийское море, которое было как бы частью общего водного пути. В 1931 г. началось сооружение слипа в Астрахани для ремонта нефтеналивных барж, но и к 1933 г. оно полностью не завершилось. За это время произошло удорожание строительства с 2,5 до 7,5 млн руб. Иной характер имели перевозки по Черному морю, направленные главным образом на экспорт нефти. Нефтеналивной флот на Черном море имел грузоподъемность 110 тыс. т, преобладали большие нефтеналивные суда изменением 10 т.

Для доставки бакинской и грозненской нефти к Черному морю преимущественно использовались нефтепроводы и железные дороги. В 1928 г. длина нефтепроводов была всего 1600 км. В этом году был сдан в эксплуатацию нефтепровод Грозный — Туапсе пропускной способностью 1,5 млн т, в 1930 г. — нефтепровод Баку — Батуми (1,6 млн т). По планам пятилеток намечено было построить 6 крупных нефтепроводов, в том числе Москва — Воронеж, Каспий — Орск, Майкоп — Туапсе и др., 5 продуктопроводов, таких как Москва — Ярославль, Грозный — Армавир, Трудовая — Днепр, Трудовая — Харьков. В 1932 г. введен в строй продуктопровод Армавир — Трудовая (1,45 млн т светлых нефтепродуктов). Остались на бумаге грандиозные проекты нефтепроводов Баку — Москва, Эмба — Саратов и др. Намечаемые сроки ввода в действие новых объектов в годы пятилеток постоянно срывались из-за недостатка труб, плохой сварки. Так, при строительстве продуктопровода Армавир — Трудовая в 1931 г. сроки были сорваны потому, что на отдельных участках дефектность при сварке доходила до 30%, так как проводили ее совершенно неопытные сварщики с месячным стажем⁴⁶. В 1932—1936 гг. велось строительство 12-дюймового нефтепровода Гурьев — Орск. Первоначально он предназначался для перекачки на Орский НПЗ бакинской нефти, доставляемой через Каспий. Однако затем он стал использоваться для перекачки нефти Казахстана, в связи с чем была построена сеть мелких промысловых нефтепроводов. В 1936 г. был сдан в эксплуатацию 12-дюймовый нефтепровод Ишимбай —

Уфа для перекачки ишимбаевской нефти на Уфимский НПЗ. Но в целом темпы строительства нефтепроводов были крайне медленными, если сравнивать с Америкой; там длина трубопроводов в 1935 г. составляла свыше 200000 км, а в СССР в 1932 г. их было всего 2900 км, в 1937 г. — 3900 км.

«Кадры решают все!»

Растущую нефтяную промышленность нужно было обеспечивать кадрами специалистов и рабочих. Эта отрасль всегда была менее трудоемкой. В угольной промышленности работало в 7 раз больше людей, чем в нефтяной. Для подготовки специалистов в годы первой пятилетки была создана система нефтяных вузов и техникумов, призванных готовить квалифицированные кадры для отрасли. Среди них — Грозненский нефтяной институт, Азербайджанский нефтяной институт, созданный на базе Бакинского политехнического. В 1930 г. нефтяное отделение Московской горной академии было преобразовано в Московский нефтяной институт. В 1929 г. в стране было 3 нефтяных техникума, в 1932 г. — 11. На 1 января 1932 г. в нефтяных вузах обучались 5300 студентов, в техникумах — 4450; кроме того, на рабфаках для отрасли готовили еще 5500 чел. В этот период упор был сделан на скоростной выпуск студентов путем внедрения новых методов обучения (рабфаки, непрерывка, бригадные методы, прямая связь с производством). Ускоренные темпы были связаны в том числе и с необходимостью заменить репрессированных «буржуазных спецов». Число студентов увеличивалось стремительными темпами. Но качество подготовки новых специалистов было невысокое.

Во второй пятилетке акцент переносился на более основательную подготовку в духе известного лозунга: «Кадры, овладевшие техникой, решают все!» Изменения коснулись и нефтяного образования. Программы обучения стали более академическими; к преподаванию возвращались ранее репрессированные специалисты. Но все равно плановые цифры подготовки кадров не поспевали за потребностью отрасли. В системе Главнефти в 1934 г. было занято 3785 инженеров со специальным образованием и 2240 инженеров-практиков, 2813 техников со специальным образованием и 3194 техника-практика. Специалистами-практиками в то время стали называть бывших выдвиженцев, которых надо было куда-то девать. Как видно из приводимых цифр, их доля оставалась весьма внушительной. Под влиянием Губкина большое внимание уделялось подготовке кадров для нефтеразведки. В 1938 г. в системе ву-

зов, подчиненных НКТП, из 38 тыс. студентов геолого-разведчиков насчитывалось 1561 чел., нефтяников — 2250.

В основу обучения были положены достижения как отечественной, так и зарубежной науки о нефти. В 1932 г. вышла книга Губкина «Учение о нефти», которая стала базовой для подготовки специалистов нефтяного профиля. «Учение...» представляло собой цикл лекций, читанных Губкиным в Московской горной академии, позже — в Московском нефтяном институте. В 1937 г. вышло ее второе издание, дополненное при участии учеников академика. Появление такой книги следует расценить как большой шаг вперед в сфере нефтяного образования. Книга еще проникнута духом сопоставления мирового и отечественного нефтяного хозяйства, которое в ближайшем будущем должно было выйти на самые передовые рубежи. Этим задавался общий тон «Учения о нефти». В это время научный авторитет Губкина был почти непререкаемым: он определял направления научных разработок и подготовки специалистов. Его именем назывались существующие институты, ему доверялось создание новых учебных заведений. В 1936 г. он стал вице-президентом АН СССР. Международный геологический конгресс в Москве в 1937 г. проходил под председательством Губкина. Он действительно становится «хозяином» в нефтяной науке, не забывая, впрочем, о том, кто является хозяином в стране, и каждое свое выступление заканчивает славословием в адрес Сталина.

Подготовка квалифицированных рабочих для отрасли велась в школах фабрично-заводского обучения (ФЗО) и горно-промышленного фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Их число увеличилось в несколько раз; к 1932 г. в них было около 9 тыс. учащихся. Но главной проблемой было то, как и удержать это количество, и обеспечить плановый выпуск рабочих. Сообщалось, например, что в начале первой пятилетки коренное население в бакинских школах ФЗО составило только 13%. О Грозном и говорить нечего: чеченцы не желали учиться нефтяному делу. В 1931 г. годовой выпуск ФЗУ в районе составил только 150 чел. при потребности примерно в 1000 чел. Основной формой подготовки кадров оставалось индивидуально-бригадное ученичество на производстве.

Самой острой из кадровых проблем в нефтяной отрасли, впрочем как и во всей промышленности, была текучесть кадров. В «Азнефти» в 1931 г. уволилось 86% из среднесписочного состава работников. В «Грознефти», учитывая специфику района, естественно, больше — 105%⁴⁷. Столкнувшись с тяжелыми условиями труда, отсутствием жилья и нормального питания, рабочие, инженеры, учащиеся ФЗУ увольнялись, уходили и продолжали поиск рабочего места с более приемлемыми условиями труда, учебы и быта.

Между тем текучесть рассматривалась сталинским руководством как главный враг на пути выполнения плановых заданий и ставилась в один ряд с нарушениями порядка и правил трудовой дисциплины. Текучести была объявлена беспощадная борьба путем ужесточения дисциплинарных мер. В результате текучесть сократилась (в Баку, например, до 40—60%⁴⁸), но не исчезла, оставаясь самым больным местом советских предприятий. Дисциплина на промыслах и заводах тоже оставляла желать лучшего. Частыми были прогулы и опоздания. Их причинами были пьянство, домашние заботы, бесконечное стояние в очередях и т. д. При этом особенные трудности обнаруживались при наборе рабочих в отдаленных и национальных районах страны. Многие случаи безалаберности, халатности, небрежения к работе были вопиющими. Вот несколько примеров несчастных случаев на производстве, связанных с курением:

«1. Землекоп курил у открытого люка канализации нефтепергонного завода; произошел взрыв, пострадавший был взрывом отброшен и обожжен.

2. Тартальщик вымыл руки тряпкой, смоченной в бензине, затем завязал себе этой тряпкой кисть правой руки и закурил; тряпка вспыхнула, и пострадавший получил ожоги рук.

3. Сортировщик керосинового завода вышел в уборную и закурил; при этом у него вспыхнули смоченные в нефтепродукте рукава, и он получил ожоги рук»⁴⁹.

Перечисление подобных случаев, связанных с халатным отношением к своим обязанностям, можно продолжать почти до бесконечности. Большую часть документов, хранящихся в архивах нефтяной отрасли, составляют акты по случаям аварий, поломок, пожаров и т. п. Они лучше всего доказывают, что в нефтяном деле требования к работникам, связанные с соблюдением порядка и правил техники безопасности и трудовой дисциплины, должны быть более высокими. Не стоит думать, что подобные явления были характерны только для данной отрасли или только для нашей страны, в то же время очевидно, что сама существующая в СССР экономическая система развращающе действовала на отношение к труду.

Чтобы стимулировать более добросовестное отношение к производственным обязанностям, обычно используют, образно говоря, политику «кнута» и «пряника». На «пряники» средств явно не хватало, поэтому больше использовались методы морального поощрения (награды, грамоты, благодарности) и ужесточения наказаний. Неявка на работу, по закону от 15 ноября 1932 г., была чревата увольнением с производства, лишением продовольственных карточек и выселением с занимаемой жилплощади. Еще в сентябре того же года были

введены трудовые книжки, в декабре — паспорта и прописка; одной из задач этих мероприятий была борьба с текучестью кадров. Эти шаги осуществлялись в русле усиления административного режима и карательных мер.

Одновременно были отменены некоторые установленные ранее ограничения в приеме на работу по социальному признаку, введены дифференцированные ставки оплаты труда, сдельно-прогрессивная оплата, которая зависела от количества произведенной продукции и от непрерывного производственного стажа. Стимулировать более ответственное отношение работников к своим обязанностям сталинское руководство пыталось и увеличением заработков, особенно после сталинского выступления в июне 1931 г., в котором вождь объявил о новом курсе строительства социализма. При этом в нефтяной отрасли зарплата росла несколько быстрее, чем в среднем по стране. Так, в нефтедобыче Баку среднемесячная зарплата занятых в бурении росла следующими темпами: в 1928 г. — 77 руб., в 1929 г. — 86 руб., в 1930 г. — 102 руб., в 1931 г. — 127 руб., в 1932 г. — 146 руб., в 1933 г. — 179 руб., в 1934 г. — 209 руб., в 1935 г. — 255 руб., в 1936 г. — 337 руб., в 1937 г. — 353 руб.⁵⁰ Но это были номинальные цифры, не отражавшие реальное значение заработной платы. Даже в государственной торговле и в сфере обслуживания цены за этот период выросли весьма существенно. Но дело даже не в этом. Ликвидация нэпа привела к исчезновению рынка потребительских товаров и услуг и его перемещению в теневую сферу, на так называемый черный рынок. Сталинское руководство поначалу рассчитывало, что оно справится со снабжением путем государственного регулирования. В 1930 г. по всей стране было введено нормированное снабжение по талонам и ордерам, или карточная система. На всех предприятиях учреждались закрытые рабочие кооперативы (ЗРК), призванные без очереди снабжать работников продуктами питания и товарами первой необходимости. Как говорилось в сообщении на имя Орджоникидзе о строительстве толуолового завода в Горьком, планы снабжения ЗРК товарами выполнялись на 10—50%, и только по махорке было перевыполнение. На предприятиях создавались также комбинаты питания, общественные или специальные рабочие столовые, закрытые магазины и распределительные пункты. Значение денежной зарплаты в этих условиях упало, и рабочие часто говорили: «Нам денег не надо, талоны давай!» Но все эти распределительные организации плохо справлялись со своими задачами и с самого начала стали рассадниками злоупотреблений и коррупции. Очереди же еще больше выросли. Попытки усилить государственного давление, в частности путем ликвидации в 1932 г. ЗРК и замены их отделами рабочего снабжения (ОРС), не только

ничего не дали, но даже увеличили безобразия, связанные с «антирынком», несмотря на усилия партийных и государственных органов. В 1933 г. Баку по нормам снабжения был приравнен к Москве и Ленинграду. Решением Сталина, Молотова и Орджоникидзе для «Азнефти» было выделено на последний квартал 1933 г. мяса 764 т, масла животного — 56 т, сельдей — 64 т, крупы — 328 т, сахара — 198 т, чая — 2 т, риса — 172 т, мыла бельевого — 65 т, муки — 596 т, масла растительного — 167 т, сыра — 65 т, кондитерских изделий — 370 т, хлопчатобумажных тканей — 545 тыс. м и прочих разных промтоваров на сумму 2 млн руб.⁵¹ Подобная распределительная деятельность первых лиц государства не может вызвать ничего, кроме усмешки, особенно при взгляде на скудный список выделенных товаров и их незначительные объемы. Можно себе представить, что с ними было дальше и как они «распределялись» в Баку. Карточная система была обречена с самого начала, и с 1 января 1935 г. началась ее постепенная ликвидация, что частично вернуло стимулирующее воздействие зарплаты (если с полученными деньгами постоять в очередях, проявить изобретательность, задействовать блат и связи). Значительную часть своих потребностей работники вынуждены были покрывать в частном секторе, носившем полулегальный характер, или на «черном рынке», где цены были запредельными. Отмена карточной системы, возвращение бывшего значения деньгам и, соответственно, потребность их зарабатывать сыграли свою роль во вспышке стахановского движения в конце 1935 — 1936 г.

В 1935 г. Сталин укоротил основной лозунг второй пятилетки и говорил теперь: «Кадры решают все!» Вряд ли кто ожидал, чем на деле обернется новая редакция лозунга. Постоянные провалы на производстве, расхождение между тем, что было задумано, и тем, что было на практике, вели к непрерывному поиску виновников, возникновению стремления заставить людей вести себя так, как нужно сталинскому руководству, прибегнуть к стимулам более «действенным», чем общественный энтузиазм (тем более, что ни ударничество, ни стахановское движение не приносили сколько-нибудь значимых результатов, в том числе и в нефтяной отрасли). Поэтому годы второй пятилетки были отмечены усилением в экономической политике административного, полицейского и идеологического давления, железными обручами сковывающего страну, и все более частым включением в действие карательных органов. Преследованиям подвергались, по сталинской терминологии, двурушники, с виду верные генеральной линии партии, а на самом деле срывающие ее политику, нытики и маловеры, подвергающие сомнению установленные партией планы и ее решения болтовней об их нереальности и неосуществимости, перерожденцы, шкурники, морально

разложившиеся, политически малограмотные элементы. Для Сталина, о чем он сам неоднократно говорил в своих выступлениях, главным препятствием в выполнении намеченных планов был разрыв между «словом и делом», между партийными директивами и тем, как они выполняются. Это на 90% проистекало, по его мнению, из-за организационных слабостей, плохой расстановки кадров, отсутствия самокритики, бюрократизма и преступной халатности местных органов. Главный вывод, следовавший из этого, — необходимость организации жесткой системы контроля за выполнением принятых решений. Помноженные на болезненную подозрительность вождя, эти намерения и действия постепенно приобретали крайне опасный поворот. Видимое противоречие между внешним проявлением лояльности и «сопротивлением материала», «срывающим» политику руководства, служило свидетельством существования заговорщиков, шпионов, диверсантов и т. п. Не оставляли в покое побежденные соперники в партии: Троцкий, Зиновьев, Бухарин, которые якобы строили козни, вербовали себе сторонников среди окружения вождя, и все руководители, в том числе нефтяники, были обречены поэтому на постоянную демонстрацию преданности, приобретающую иногда нелепые формы.

Выполнение плановых заданий осуществлялось с большим трудом, напряжением, задержками и простоями, создавая у сталинского руководства впечатление о противодействии его «генеральной линии», направленном на ее срыв. Вместо анализа действительных причин существующих трудностей власть пошла по пути сотворения мифа о «всеобщем заговоре», мифа, который легко воспринимался неискушенной общественностью и объяснял существующие неурядицы.

«Большой террор» в нефтяной отрасли

С назначением Ежова на пост наркома внутренних дел начался второй виток массовых репрессий, связанный с общей кампанией политического террора в стране. Естественно, причиной большого размаха репрессий в нефтяной отрасли был срыв планов нефтедобычи и нефтепереработки. Как и прежде, в НКВД составлялись схемы шпионско-вредительских организаций, которые, в отличие от составляемых в ОГПУ, были куда более разветвленными и затрагивали уже десятки тысяч людей. Нагнеталась истерия: пункты политических обвинений сплетались в фантазмагорическую картину, подчас начисто лишенную логики и здравого смысла, находившую тем не менее поддержку у руководства нефтяной отрасли. Уже в

октябре 1936 г. Каганович писал Орджоникидзе, что Ежов по-настоящему взялся за дело, с контрреволюционными троцкистами расправился по-большевистски. 1 февраля 1937 г. Орджоникидзе принимал делегацию работников нефтеперегонной промышленности и их жен. Пафос его речи на приеме — «Добить врага и следить, чтобы он к нам не проник»⁵². Обращаясь к женам работников, он упирал на то, что их обязанность — бдить, бдить и еще раз бдить, следить за воспитанием мужей в нужном духе, следить так, как за своим ребенком. Ведь, говорил он, достаточно одной только спички, чтобы взорвать любой наш завод, зажечь любую нашу вышку. Незадолго до своего самоубийства в феврале 1937 г. Орджоникидзе подготовил резолюцию «О борьбе с врагами, вредителями, японскими, английскими шпионами, троцкистскими агентами в тяжелой промышленности». На резолюции имелись замечания Сталина с упоминанием ряда работников нефтяного хозяйства, и НКВД приступил к «делу».

В Азербайджане вдохновителем массовых репрессий стал Багиров. Выступая перед работниками нефтяной отрасли, он обвинил руководителей в недостаточной поддержке кампании по борьбе с врагами народа. Так, упоминался А.И. Крылов. «Спросим тов. Крылова, — говорил Багиров, — сколько врагов партии и советской власти, вредителей, диверсантов, шпионов и белогвардейцев он сам лично выявил и сдал органам охраны? Ни одного...»⁵³ С.Б. Слуцкий, возглавлявший нефтяную отрасль в республике, тоже подвергся критике, а позже был арестован. В июне 1937 г. на съезде республиканской компартии Багиров заявлял: «Беспечность, притупление бдительности в нефтяной промышленности привели к тому, что в течение длительного времени враги народа — агенты японо-германского фашизма — Борц, Гинзбург, Никулин, Ашраф Алиев, Матевосян, Вершинин, Мусаев, Муса Дадашев и другие вели подрывную вредительскую работу на важнейших участках нашей нефтяной промышленности»⁵⁴.

В Грозном Розиноер в мае 1937 г. заверял на местной партконференции, что приложит «все усилия к тому, чтобы в ближайшее время выкорчевать вредителей... и ликвидировать последствия вредительства»⁵⁵, но сам был арестован. Партийный секретарь Егоров требовал бдительности, бдительности и еще раз бдительности. «Когда, — говорил он, — мы нажимали на Рябовола и директоров заводов на счет политической слепоты, вредители пустили слух, что вредительство раздуто, преувеличено»⁵⁶.

Казалось бы, естественно допустить, что никакого вредительства на самом деле не было, но попробуй сказать об этом. Были срывы планов, аварии, пожары, остановки и многие другие огрехи,

свойственные бюрократическому плановому хозяйству, которые вряд ли можно отнести к деятельности шпионов и диверсантов. Тем не менее это происходило. Однако рвение в репрессиях не помогло Егорову. Он, наряду с рядом прежних партийных руководителей, был арестован и назван главой контрреволюционной организации в Чечено-Ингушетии.

В апреле — мае 1937 г. специально назначенная Комиссия советского контроля (КСК) провела проверку Главнефти НКТП. Возглавлял ее Н. Анцелович. Результаты проверки председатель Госконтроля Н.К. Антипов доложил Сталину, Молотову, Межлауку. Главный упор был сделан на наличие в главке «большого числа троцкистов, диверсантов, шпионов», на то, что «руководство Главнефти не уделяло никакого внимания подбору кадров и изучению людей». Из состава комиссии Баринава, выезжавшей в 1936 г. в Америку, было арестовано 6 чел. из 16, хотя комиссия формировалась самим Бариновым из лиц, которых он считал особо проверенными и надежными. В вину руководству вменялись срывы планов по отрасли, игнорирование восточных районов, саботаж разведочно-поисковых работ в Сибири и на Дальнем Востоке, политическая близорукость и прочие грехи из арсенала тогдашнего партийного лексикона. То же самое было в Ишимбаево, на Эмбинских промыслах и в других районах. Диверсанты назывались виновниками пожаров. В 1936 г. в отрасли было зарегистрировано 37 пожаров, причем насчитывалось 10 погибших и 17 получивших тяжелые увечья. В то время как расследование возложило вину на самих погибших, докладывала комиссия, по ее мнению, пожары были вызваны диверсионной деятельностью шпиона — грозненского инженера Бромбилло⁵⁷. В деле против Бромбилло фигурировал совершенно невероятный факт, показывающий механизм нагнетания репрессий, демонстрирующий, как тонко и ловко, дескать, действуют враги народа и какие усилия требуются, чтобы разоблачать их деятельность. Якобы еще в 1927 г. Бромбилло подкупил бухгалтера производственно-товарной конторы в Грозном, дабы он послал своего трехлетнего сынишку поджечь резервуары с нефтью. В результате произошел грандиозный пожар, сгорело 24 резервуара, и только в 1937 г. удалось «установить», кто был истинным виновником происшествия⁵⁸. Подобные абсурдные обвинения были нередки в делах репрессированных. Был сделан вывод, что «руководство Главнефти (г. Баринов) проглядело... таких врагов, которые совершенно обнагтели и стали действовать почти в открытую»⁵⁹.

Начался подкоп под самого Баринава, деятельность которого и раньше вызывала недовольство. Причины этого, по-видимому, были связаны с влиянием на Сталина руководителей нефтяной про-

мышленности Закавказья. (В конце 1920-х гг. Баринов был на посту руководителя треста «Азнефть», затем был выдвинут наверх.) Баринов, дескать, замалчивает их заслуги, а его заслуги непомерно выпячиваются. Сталин называл это «гнилой несообразностью»⁶⁰. Слишком ретиво, по мнению руководства, Баринов выступал в защиту старых специалистов. Баринов был обречен. К тому же один за другим исчезали его защитники. Ушел из жизни Орджоникидзе. В огне репрессий сгорели Пятаков, Межлаук и многие другие руководители, причастные к нефти. В сентябре 1937 г. Баринов был арестован вместе с близкими к нему людьми.

Репрессии неумолимо надвигались на различные этажи управления отраслью. Свою лепту в нагнетание ситуации внес академик Губкин. Делая доклад на 1-й геологической конференции Азербайджанской ССР в декабре 1937 г., он говорил следующее: «...шпионы, диверсанты, вредители испортили с вредительской целью целых восемь скважин при разведке такой великолепной структуры, как Шихи-кая. Здесь вредительство состояло не только в том, что напрасно деньги затратили, оборудование, людскую силу и т. п., но и в том, что эти негодяи постарались скомпрометировать само месторождение. Они рассчитывали на то, что, если эти восемь скважин не дадут определенных положительных результатов, тогда с этого месторождения уйдут, не будут его разведывать и оно останется для интервентов, которым они продавали Кавказ»⁶¹. Затем Губкин перешел к разбору «вредительских теорий». Вредителям, говорил он, не удалось заставить недра молчать. Сама природа была против них, нефтяные фонтаны работали против их воли и желания. «Бывает так, — говорил академик, — что после прострела скважины она дает 400 т нефти, а через несколько дней — воду. Объясняли это близостью скважины к контуру водоносности и появление воды считали неизбежным. Но, по-честному, вода не пластовая, а верхняя, появилась не потому, что краевая вода подошла и заглушила нефть, а появилась в результате скверного тампонажа из верхних горизонтов». Вот тут-то, по мнению Губкина, и стали применяться вредительские теории об ограниченности нефти из-за истощения скважин, злоумышленное преуменьшение запасов, забрасывание скважин как негодных. «Я, — говорил Губкин, — ходил в 1935 г. с книжечкой и записал большое количество таких скважин, а теперь при последнем посещении промыслов нахожу еще большее количество. Значит, много безобразий, и именно здесь та цель, то место, куда лезут вредители и всякие гады из троцкистско-бухаринских гнезд»⁶². Впрочем, ниже академик, в сущности, опровергал свое «наблюдение». Оказывается, что на промыслах «Азнефти» стоят 34% скважин, но главной причиной он называл уже «ожидание», т. е. не-

поставку в нужный срок оборудования. То же самое отмечалось и по «Грознефти»⁶³.

От массовых репрессий пострадали и те, чьими руками творилось беззаконие. Показательной в этном отношении была судьба руководителя Ухтижемлага НКВД Мороза-Иоссема. В личном фонде Орджоникидзе хранится его совместное с Ягодой письмо от 10 сентября 1931 г. в ЦКК ВКП(б) с просьбой восстановить в партии работников ГПУ Азербайджанской ССР Мороза, Горбаченко, Назарова, Зака, Диширдымова, Матвеева, Жукова. В 1929 г. названные лица допустили незаконные расстрелы, были арестованы и заключены в лагерь. Я.М. Мороз, будучи заключенным, возглавлял геологическую экспедицию ОГПУ на Ухте и Печоре. Эта экспедиция развернулась в Ухтинско-Печорский лагерь, возглавленный Морозом же. Говорилось о том, что лагерь ведет интенсивную разведку на нефть и разведочно-эксплуатационные работы на радиоактивную воду в районе Ижмы. Свое преступление эти лица якобы осознали, за активную работу были освобождены из заключения, восстановлены в ОГПУ и теперь ходатайствуют о восстановлении в партии⁶⁴. Судьба Мороза оказалась такой же, как и его прежних жертв. Возглавляя Ухтижемлаг НКВД, он в 1938 г. был арестован по обвинению в антисоветской деятельности, в том, что с 1927 г. был связан с правым уклоном, что в 1934 г. создал антисоветскую троцкистско-заговорщическую организацию в лагере. Вредительская деятельность Мороза якобы была направлена на «срыв правительственных заданий, добычи нефти, угля и радия, что причинило материальный ущерб свыше 20 млн рублей»⁶⁵.

Кампания по борьбе против «врагов народа» в нефтяной отрасли бушевала почти два года. Выставлялись обвинения в сокрытии месторождений, задержке разведочных работ, нарочито плохом качестве бурения, организации массовых аварий, недоведении бурения на проектную глубину или, наоборот, проходке глубже, чем необходимо, дезорганизации снабжения, некомплектности поставок оборудования, противодействию стахановскому движению и пр.

Последствия массовых репрессий оказались ужасными. И дело не только в физическом устранении людей — на их место пришли другие люди, новое поколение из числа инженеров, закончивших советские вузы. Не менее важным последствием была возникавшая в отрасли атмосфера — страх перед органами безопасности, боязнь подвергнуться нелепым обвинениям, которая сковывала малейшие проявления инициативы, вела к отстранению от активной общественной жизни из опасения преследований и ареста, недоверию и подозрительности («столько лет работали вместе, а вдруг оказывается, что он фашистский негодяй и мерзавец»). Только верные слуги

режима, умеющие «держать нос по ветру», угадать желания «хозяина», получали возможность делать успешную карьеру, прикрывая ее пышными идеологическими заклинаниями, в которые сами не верили.

Примечания

- 1 Пятилетние гипотезы по отраслям промышленности. Книга 26. Нефтяная промышленность. М.; Л., 1926. С. 27.
- 2 Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.). М., 1927. С. 302.
- 3 Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности на 1928/29—1932/33 гг. Доклад В.В. Куйбышева. М., 1929. С. 12.
- 4 Там же.
- 5 Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. М., 1929. Т. 2. С. 123.
- 6 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 5—8.
- 7 Нефтяной бюллетень. 1930. № 2. С. 14—16.
- 8 Кржижановский Г.М. Вредительство в энергетике. М., 1931. С. 14.
- 9 Обстоятельства продажи национальных ценностей за рубеж на основании новых архивных документов подробно исследованы в: Осокина Е.А. «Антиквариат»: Об экспорте художественных ценностей в годы первой пятилетки // Экономическая история: Ежегодник. 2003. Опираясь на этот труд и на другие материалы, можно составить достоверную картину происходившего.
- 10 Цит по: Жуков Ю.Н. Сталин: Операция «Эрмитаж». М., 2005. С. 241—245.
- 11 Сталин и Каганович: Переписка. 1931—1936. М., 2001. С. 148.
- 12 Там же.
- 13 Цит. по: Победа рабочих-нефтяников: Пятилетка в два с половиной года. М.; Л., 1931. С. 3.
- 14 Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 29. Д. 278.
- 15 Лисичкин С.М. Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР. М., 1958. С. 172.
- 16 Индустриализация Советского Союза: Новые документы. Новые подходы. Ч. 2. М., 1999. С. 118.
- 17 Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 85. Оп. 29. Д. 407. Л. 63.
- 18 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 29. Д. 278. Л. 73.
- 19 Индустриализация Советского Союза. С. 173.
- 20 Губкин И.М. Учение о нефти. М., 1937. С. 21.
- 21 Опыт применения американских методов в нефтяной промышленности. Баку, 1929. С. 18.
- 22 Внешняя торговля СССР за первую пятилетку. М.; Л., 1933. С. 306—307.
- 23 Бреннер М.М. Экономика нефтяной промышленности СССР. М., 1962. С. 32.
- 24 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 29. Д. 407. Л. 74, 76.
- 25 РГАЭ. Ф. 7292. Оп. 28. Д. 37. Л. 26.

- 26 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 29. Д. 407. Л. 57—59.
- 27 За освобождение от импорта в тяжелой промышленности. М.; Л., 1932.
- 28 РГАЭ. Ф. 7968. Оп. 1. Д. 107. Л. 16.
- 29 Там же. Л. 3.
- 30 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 2. Д. 29. Л. 1—5.
- 31 Там же. Оп. 29. Д. 94.
- 32 Орджоникидзе Г.К. Избранные статьи и речи. М., 1939. С. 385.
- 33 Губкин И.М. Указ. соч. С. 12.
- 34 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 29. Д. 67. Л. 4—39.
- 35 Орджоникидзе Г.К. Указ. соч. С. 385.
- 36 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 29. Д. 126.
- 37 Развернуть стахановское движение в нефтяной отрасли. М.; Л., 1936. С. 108.
- 38 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 29. Д. 128. Л. 36.
- 39 Сабсович Л.М. СССР через 10 лет. М., 1930. С. 122.
- 40 Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М., 1997. С. 78.
- 41 Письма И.В. Сталина к В.М. Молотову. 1925—1936. М., 1995. С. 147.
- 42 И дальше Сталин был очень внимателен к открытию новых месторождений. В феврале 1934 г. забил нефтяной фонтан в районе Термеза, на участке Уч-Кызыл, давший небывалый выброс — 10 тыс. т нефти за 36 часов. На имя Сталина пришла бумага с сообщением и просьбой пригласить специалистов для обследования района. Сталин наложил резолюцию: «Надо бы взяться за это дело». Но и в данном случае надежды на «большую нефть» не оправдались, вскоре произошло обводнение скважины.
- 43 Байбаков Н.К. «Второе Баку». М., 1939. С. 3.
- 44 XVII съезд ВКП(б). М., 1934. С. 15.
- 45 Индустриализация Советского Союза. С. 366.
- 46 Нефть. 1932. № 1. С. 23.
- 47 Нефтяное хозяйство. 1932. № 10. С. 19.
- 48 Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1932. № 11. С. 1.
- 49 Нефть. 1930. № 2. С. 15.
- 50 Николаевский Н.М. Вопросы экономики нефтяной промышленности СССР. М., 1938. С. 122.
- 51 Сталин и Каганович: Переписка. С. 312.
- 52 Орджоникидзе Г.К. Избранные статьи и речи. М., 1945. С. 165.
- 53 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 17. Д. 112. Л. 37—38.
- 54 Там же. Д. 111. Л. 77.
- 55 Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 565. Л. 37—38.
- 56 Там же. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5727. Л. 33.
- 57 Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 565. Л. 16—37.
- 58 Там же. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5727. Л. 35.
- 59 Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 562. Л. 48.
- 60 Сталин и Каганович: Переписка. С. 408.
- 61 Губкин И.М. Задачи нефтяной геологии в 3-й пятилетке. Баку, 1938. С. 22—23.
- 62 Там же. С. 37—38.
- 63 Там же. С. 41.
- 64 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 29. Д. 10. Л. 1.
- 65 Нефть и газ России XIX—XX вв. М., 2003.

Советская экономика и начало «Большого террора»¹

Со времени страшных событий «Большого террора» 1936—1938 гг. историки и граждане бывшего Советского Союза не прекращали поиск их рациональных объяснений. Открытие советских архивов дало нам возможность гораздо более точно понять характер и масштабы террора, его различные фазы и их взаимосвязь. Очевидно, что в начале 1936 г. по инициативе Сталина произошла серьезная перемена в отношении к бывшим участникам внутривнутрипартийной оппозиции. Хотя в предыдущие годы некоторые из них были заключены в тюрьму или сосланы, многие получили должности в партийном или государственном аппарате. В 1936 г. ситуация изменилась: были подготовлены и осуществлены меры, направленные на полное уничтожение бывших «оппозиционеров»². Кульминационным пунктом этих репрессий стали показательные процессы в августе 1936 г. и январе 1937 г. Затем в течение шести месяцев 1937 г. чистке подверглись Красная армия и оборонные предприятия. Под ударом также оказалось среднее звено номенклатуры³, особенно руководители регионов. Во второй половине 1937 г. и в 1938 г. репрессии переросли в генеральную чистку аппарата управления.

Эти события, жертвами которых пали десятки тысяч людей (причем многие из них занимали высокие посты), могут быть обозначены как «чистка номенклатуры». Основные черты этой чистки исследователи выяснили еще до открытия архивов, поскольку многие из предпринятых акций освещались в прессе того времени или были преданы огласке после смерти Сталина⁴. Но почти ничего не было известно о *массовых чистках* «антисоветских элементов» и членов «контрреволюционных националистических групп». Они были предприняты в период с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. и повлекли за собой казни сотен тысяч советских граждан; другие сотни тысяч были отправлены в трудовые лагеря или высланы в отдаленные районы⁵.

«Чистка номенклатуры» и массовые чистки, конечно, были взаимосвязаны. В эскалации террора присутствовала своя логика, и весь процесс был централизован. Чистки не были хаотичными. Они за-

* Дэвис Роберт — профессор (Центр исследования России и Восточной Европы, Бирмингемский университет, Великобритания).

Перевод с английского — И.В. Кузнецов.

думывались и планировались высшим руководством и проводились по приказам из Москвы. Это обстоятельство является решающим в попытке установить причины террора. Чистки и террор в большем или меньшем масштабе использовались на протяжении всей сталинской эпохи. Но террор 1936—1938 гг. существенно отличался от репрессивных мер предшествующего периода и требует специального объяснения. В данной работе затронут только один аспект этой темы — экономическая ситуация 1936 г. и ее роль в начале репрессий. Переход от «чистки номенклатуры» к массовым чисткам летом 1937 г. требует более глубокого исследования.

Почему в 1936 г. началась «чистка номенклатуры»? В своей новаторской работе, посвященной исследованию общественного мнения, Сара Дэвис утверждает, что «горючим материалом для чисток послужило социальное недовольство». Предметом недовольства стали сокращение расценок весной 1936 г. и конверсия государственного займа в июле того же года, лишившая советских граждан большей части их сбережений⁶. Но сама С. Дэвис не приводит доказательств серьезного роста недовольства в 1936 г. и полагает, что враждебность, выросшая в обществе вследствие стахановского движения, постепенно затухала накануне чисток.

Д. Ширер, который провел тщательное исследование социальной ситуации в 1930-е гг., сначала рассматривал репрессии «как ответ на продолжающийся кризис социального строя», но позднее пересмотрел свою точку зрения и пришел к заключению, что чистки являлись «профилактической мерой против потенциальной угрозы возможного восстания в случае иностранного вторжения». Он обращает внимание на доклад Ягоды Совету народных комиссаров в марте 1936 г., в котором утверждалось, что, за редким исключением, проблемы социального недовольства были решены⁷. Д. Филтцер в своем исследовании о периоде 1930-х гг. приходит к выводу, что «рост промышленности в 1933—1936 гг. сопровождался относительным политическим затишьем» и что в эти годы «оппозиция со стороны сельского населения и рабочих была постепенно подавлена»⁸.

Другая точка зрения, получившая широкое распространение в последнее время, состоит в том, что в 1936 г. имел место не социальный, а экономический кризис и что именно он стал основным фактором в развязывании террора. Е. Залески в классической работе о планировании в СССР, вышедшей в 1971 г., ссылаясь на экономические «диспропорции, возникшие в 1936 г.», и утверждал, что эти диспропорции «стали наиболее распространенным обвинением против тех людей, которых Сталин хотел уничтожить (например,

бывшего заместителя наркома тяжелой промышленности Пятакова)»⁹.

Позднее Р. Мэннинг в интересной статье «Советский экономический кризис 1936—1940 гг. и "Большой террор"» утверждала, что «экономические трудности существенно повлияли на расширение масштабов политического террора», датируя этот процесс первой половиной 1936 г.: «Ключевые отрасли советской экономики уже столкнулись с серьезными проблемами снижения темпов роста в первой половине 1936 г., перед июньским арестом Каменева и Зиновьева». В частности, по ее утверждению, «производство наиболее важных видов топлива и строительных материалов, таких как уголь, нефть и лес... не возрастало, а даже сокращалось в первой половине 1936 г.», и «нехватка топлива и строительных материалов к концу года стала негативно отражаться на других секторах экономики»¹⁰.

Был ли экономический кризис в 1936 г.?

Нет сомнения в том, что в целом работа промышленности в 1936 г. расценивалась как успешная. В Таблице А Приложения приводятся итоги года, которые 22 января 1937 г. с очевидной гордостью опубликовали советские газеты. В стоимостном выражении валовая продукция промышленности выросла более чем на 30%. Ее рост был заметно более быстрым по сравнению с 1934 г. и 1935 г. В эти годы, в целом очень удачные, прирост продукции промышленности составил 20% и 23% соответственно¹¹. Как показывает таблица, темпы роста превосходили 25% и в тяжелой, и в легкой промышленности по всем наркоматам, за исключением Наркомата лесной промышленности.

В своей статье Р. Мэннинг приводит данные о производстве за 1936—1937 гг. Однако она утверждает, что «цифры за 1936 г. отражают скорее достижения 1935 г., чем проблемы, возникшие в 1936 г.», на том основании, что «показатели выпуска продукции приводятся на 1 января данного года»¹². Это очевидная ошибка. Темпы роста¹³ относятся к 1936 г. в целом.

Высокие темпы роста подтверждаются данными о выпуске продукции в натуральном выражении. В закрытых ежемесячных бюллетенях Госплана, тираж которых составлял несколько сотен экземпляров, содержатся сведения о 114 видах продукции. Мы разделили их на группы. Производство 73 видов товаров выросло на 10% и более, в т. ч. производство 35 видов товаров — более чем на 30% (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Темпы роста промышленного производства по основным видам продукции и группам товаров: 1936 г. в сравнении с 1935 г. (по итогам года)¹⁴

Виды продукции	Снижение производства, %	Прирост производства				Общее число видов продукции
		+0—9%	+10—19%	+20—29%	30% и более	
Топливо и металлы		1	5	2	5	13
Продукция машиностроения	21	4	6	1	12	44
Строительные материалы		1	1		2	4
Лесная и лесобумажная продукция		1	1	2	1	5
Химическая продукция		1	1	1	2	5
Продукция легкой промышленности	1	2	5	5	8	21
Пищевые продукты, напитки и табачные изделия	3	6	6	2	5	22
Всего	25	16	25	13	35	114

Проблемы существовали в инвестиционной сфере. Окончательный план 1936 г. был составлен на необычайно амбициозном уровне. Изначально Госплан предлагал очень умеренный показатель инвестиций — 17,7 млрд руб. В результате прямого вмешательства Сталина он, несмотря на возражения Молотова, был увеличен до 27,3 млрд руб., а окончательный план был зафиксирован на уровне 35,1 млрд руб.¹⁵ Неудивительно, что столь значительного роста достичь не удалось. Совокупные инвестиции 1936 г. в текущих ценах выросли на 32,2% по сравнению с 1935 г. (31,75 млрд руб. против 24,02 млрд). Вопрос о том, каков был при этом реальный рост инвестиций в сравнимых ценах, требует отдельного исследования. Но очевидно, что рост был значительным. В то время как среднее число работников в строительстве было несколько ниже, чем в 1935 г., выпуск строительных материалов и оборудования существенно вырос¹⁶. Масштабы прироста производства на одного строительного рабочего в 1936 г. еще предстоит установить.

Сектор экономики в лагерях и колониях, контролируемый НКВД, в 1936 г. существенно вырос. Капиталовложения в текущих

ценах увеличились на 45,5% (с 1852 млн руб. в 1935 г. до 2674 млн руб. в 1936 г.)¹⁷. Заключение строили важнейшие дороги, канал Москва — Волга, зернохранилища для Комитета Госрезервов и железные дороги на Дальнем Востоке. Промышленная продукция в системе НКВД также заметно выросла, особенно в лесной промышленности¹⁸. Производство золота трестом «Дальстрой» на Колыме на Дальнем Востоке увеличилось на 131%, с 14,46 т в 1935 г. до 33,36 т в 1936 г.¹⁹ Указанные результаты были достигнуты без увеличения числа заключенных²⁰. Действительно, в январе — марте 1936 г. в ГУЛАГе имелся избыток заключенных, для которых не было работы²¹. Эти «лишние» заключенные были постепенно привлечены к труду в апреле — сентябре 1936 г.²² (Между прочим, этот факт показывает, что эскалация террора в 1936 г. не была вызвана общей нехваткой рабочей силы в ГУЛАГе.)

Наиболее впечатляющими стали результаты, достигнутые в сфере оборонных приготовлений. В 1935 г. оборонная промышленность сталкивалась с большими трудностями в производстве новых видов вооружения по новым стандартам и с использованием новых методов, которые были согласованы между промышленностью и военными. Заказы военного снаряжения в текущих ценах выросли только на 14%, а индекс Харрисона, характеризующий число единиц вооружения, обнаружил реальное сокращение²³. Но в 1936 г. военные заказы увеличились более чем вдвое в текущих ценах, а индекс Харрисона вырос на 62%²⁴. В 1936 г. наблюдался резкий рост в военном капитальном строительстве и капиталовложениях в оборонной промышленности²⁵.

В 1936 г. железнодорожный транспорт продолжал работать хорошо, о чем свидетельствует рост объемов перевозок по железным дорогам (на 25,3% в тонно-километрах), сопоставимый с темпами их роста в 1935 г. (25,5%).

Первые шесть месяцев 1936 г.

Период с января по июнь 1936 г. имеет первостепенное значение для проверки утверждения о том, что экономические трудности накануне августовского процесса над Каменевым и Зиновьевым были главным фактором нарастания террора. Можно с уверенностью говорить, что вслед за большим скачком в октябре — декабре 1935 г., в первые месяцы стахановского движения, угольная промышленность боролась за то, чтобы удержать уровень декабря 1935 г. Почти аналогичная ситуация сложилась и в нефтяной промышленности (см. Таблицу Б Приложения). Заготовка древесины в первом квартале

1936 г. лишь ненамного превосходила показатели 1935 г.²⁶ В тяжелой промышленности в целом и в строительстве показатели трудовой дисциплины обнаружили в январе — марте 1936 г. незначительное ухудшение по сравнению с первым кварталом предыдущего года (см. Таблицу В Приложения).

Однако даже в угольной отрасли ситуация не была такой уж неудовлетворительной, как могло бы показаться по этим данным. В декабре 1935 г. был достигнут очень высокий уровень производства. В первые шесть месяцев 1936 г. добыча угля упала только по сравнению с последними двумя месяцами 1935 г., в то время как в сравнении аналогичным периодом 1935 г. в первом полугодии 1936 г. она выросла на 23,2%. Производство нефти и газа в первые шесть месяцев 1936 г. было выше, чем в конце 1935 г., и на 13,3% превосходило показатели первого полугодия 1935 г. Третья отрасль топливно-энергетического сектора — производство электроэнергии — демонстрировала значительный рост.

Более того, как показывает Таблица А Приложения, промышленность в целом успешно поддерживала высокий уровень производства, достигнутый в октябре — декабре 1935 г. И в первом, и во втором квартале 1936 г. стоимостной объем производства превзошел показатели соответствующих кварталов 1935 г. более чем на 30%. Более детальные отчеты, содержащиеся в бюллетенях Госплана, свидетельствуют, что этот рост объемов производства в натуральных показателях наблюдался почти по всем видам продукции. Из 107 видов продукции, включенных в перечень, только по 18 видам выпуск за первые шесть месяцев 1936 г. сократился по сравнению с тем же периодом 1935 г., тогда как по 39 видам он вырос на 30% и более (Таблица 2).

Таблица 2

Темпы роста промышленного производства по основным видам продукции: первое полугодие 1936 г. в сравнении с первым полугодием 1935 г.²⁷

Виды продукции	Снижение производства, %	Прирост производства				Общее число видов продукции
		+ 0—9%	+ 10—19%	+ 20—29 %	30% и более	
Топливо, электроэнергия и металлы	0	1	4	8	7	20
Продукция машиностроения и металлообработки	12	4	3	2	14	35

Таблица 2 (Окончание)

Виды продукции	Снижение производства, %	Прирост производства				Общее число видов продукции
		+ 0—9%	+ 10—19%	+ 20—29 %	30% и более	
Строительные материалы	0	0	2	1	1	4
Лесная продукция	1	1	0	3	1	6
Химическая продукция	0	0	0	1	2	3
Продукция легкой промышленности	1	1	4	6	6	18
Пищевые продукты, напитки и табачные изделия	4	2	5	2	8	21
Всего	18	9	18	22	39	107

Эти данные подтверждают, что производство быстро росло во всех отраслях. В первые шесть месяцев 1936 г. работа промышленности была лучше, чем за весь год (что видно из сравнения таблиц 1 и 2).

Ситуация с капиталовложениями, как обычно, была более сложной. Поскольку основной строительный сезон приходился на лето — осень, капиталовложения в январе — июне почти всегда составляли не более 30—40% годового объема. В 1936 г. инвестиции преодолели последствия медленного старта, связанные с принятием в начале года новых правил, ужесточивших требования к планам и сметам, разработка которых должна была предшествовать утверждению капитальных проектов²⁸. Несмотря на эти новые правила, по проектам, о которых имеются данные, капиталовложения на 1 июля 1936 г. составили 32,9% амбициозного годового плана. Показатели, достигнутые к 1 июля предшествующего года, составляли 37,4% от годового плана, но план 1935 г. был более умеренным. Если имеющиеся отчеты репрезентативны, то рост инвестиций в первые шесть месяцев 1936 г. по сравнению с аналогичным периодом 1935 г. в текущих ценах составил около 24%²⁹. За 1936 г. в целом снабжение строительными материалами и капитальным оборудованием существенно возросло, в то время как число строительных рабочих сократилось³⁰.

Работа железных дорог была особенно впечатляющей благодаря значительным капиталовложениям в подвижной состав в 1934 г. и особенно в 1935 г., а также кампании по повышению эффективности, достигшей кульминации в стахановском движении последних трех месяцев 1935 г. В январе — июне 1936 г. среднесуточная перевозка грузов превосходила уровень января — июня 1935 г. в среднем на 36%, а среднее число вагонов, отгружаемых ежедневно, в июне достигло 89900 штук. Это была беспрецедентная цифра. Существенно возросли также показатели по среднесуточному пробегу и средней скорости движения грузовых составов³¹.

До сих пор мы не касались положения в сельском хозяйстве. Погодные условия в 1936 г. были исключительно плохими, и урожай зерновых оказался очень низким. Как поясняет в своей статье Р. Мэннинг, масштабного голода весной 1937 г. удалось избежать только за счет использования части запасов зерна, которые были сделаны в предыдущие два года³². Однако уборка урожая 1936 г. производилась в июле — сентябре, так что первые шесть месяцев 1936 г., о которых здесь идет речь, представляли собой второе полугодие сельскохозяйственного года, продолжавшегося с июля 1935 г. по июнь 1936 г., когда урожай был хорошим. Накануне 1936 г. перспективы на урожай казались многообещающими.

Благоприятное положение в сельском хозяйстве и в розничной торговле нашло отражение в постоянном снижении цен на колхозных рынках. Индексы цен в июне 1936 г. по материалам обследований, проведенных в 95 городах по 32 продовольственным товарам, продававшимся на городских колхозных рынках, приведены в Таблице 3.

Таблица 3

**Индексы цен на продовольственные товары в июне 1936 г.
(июнь 1935 г. = 100)³³**

Все 32 продукта	80,6
5 хлебных продуктов	71,7
4 фуражных продукта	99,3
Картофель	59,5
4 вида овощей	99,1
Растительное масло	79,1
17 мясных и молочных продуктов	80,7

Экономические показатели 1936 г. в сводках и оценках, представленных высшему руководству

Соответствует ли наша в целом благоприятная оценка экономического положения в первом полугодии 1936 г. той картине, которую представляли центральным властям руководители более низкого уровня? 10 апреля 1936 г. председатель Госплана Межлаук направил Сталину, Молотову и Чубарю девятнадцатистраничную докладную записку по результатам первого квартала 1936 г. Там отмечалось, что наркоматы тяжелой, легкой, пищевой и местной промышленности перевыполнили производственные планы и только лесная промышленность демонстрировала отставание. Он перечислял многочисленные виды продукции, по которым плановые показатели не были достигнуты, и столь же многочисленные виды продукции, по которым план был перевыполнен. Как обычно, он с сожалением отмечал, что фонд заработной платы превысил плановый, а план по снижению себестоимости не был выполнен. Но в целом доклад рисовал благоприятную картину состояния экономики страны³⁴. О сельском хозяйстве Межлаук писал: «Большинство районов Союза в марте подошли к завершению подготовки к весеннему севу. На 31/III было отремонтировано к плану 98% тракторов по системе НКЗема и 99% по системе НКСовхозов»³⁵.

Наиболее критическая из оценок того времени, обнаруженных нами в архивах, содержится в докладе заместителя председателя Госплана Квиринга, который он направил Кагановичу в ЦК ВКП(б) и Чубарю в Совнарком (они замещали Сталина и Молотова, находившихся в отпуске). Этот доклад датирован 22 августа, т. е. он появился через месяц после того, как было принято решение о начале процесса над Каменевым и Зиновьевым, но задолго до судьбоносного решения назначить Ежова народным комиссаром внутренних дел. Квиринг писал:

«Выполнение народно-хозяйственного плана в III квартале сего года проходит по ряду важнейших отраслей промышленности неудовлетворительно. В целом продукция наркоматов союзной и местной промышленности за июль месяц составила 28,5% от квартального плана, снизившись по сравнению с уровнем производства в июне до 94,7%».

Однако, несмотря на эту критическую оценку, в докладе признавалось, что планы по железнодорожному транспорту и торговле были выполнены успешно. Одновременно Квиринг предлагал проект квартального плана на октябрь — декабрь 1936 г., который позволил бы наверстать отставание и довести уровень промышленного

производства на всесоюзном и местном уровне до 109% годового плана на 1936 г.³⁶

Как и в предыдущие годы, Наркомат финансов и Государственный банк стремились убедить Сталина и Политбюро уделять больше внимания оздоровлению финансов. 29 мая Гринько и Марьясин, руководители этих структур, направили совместный доклад Сталину и Молотову с предупреждением о том, что денежная эмиссия во втором квартале превзошла плановую, и предлагали ведомствам, занятым внутренней торговлей, улучшить снабжение населения, чтобы изъять из обращения лишние наличные деньги³⁷. Однако в следующей докладной записке Сталину, 16 июля, Гринько выражал больший оптимизм. Согласно его оценке, по итогам 1936 г. бюджетные сметы по доходам и расходам будут превышены. Он полагал, что денежная эмиссия, запланированная на год, будет иметь место в полном объеме, но не превзойдет плановые показатели³⁸. Позднее, 23 августа, через день после того, как Квиринг отправил свою критическую записку, Наркомфин представил новый доклад Кагановичу и Чубарю, в котором говорилось о небывало здоровом состоянии государственных финансов. Приведенные в нем цифры показывали, что прирост денежной массы в первом полугодии 1936 г. был менее быстрым, чем в тот же период 1935 г. Авторы доклада полагали, что плановые показатели денежной эмиссии не будут превышены³⁹. Это стало бы необычайным достижением⁴⁰. О плане, принятом на октябрь — декабрь 1936 г., будет сказано позже.

Члены Политбюро, конечно, были озабочены тем, что некоторые отрасли, особенно угольная промышленность, работали неудовлетворительно. В конце 1935 г. и в первые недели 1936 г. причину видели в неудаче стахановского движения преимущественно из-за саботажа классовых врагов⁴¹. Но весной 1936 г. слабые места советской промышленности были тщательно изучены. В феврале и марте Комиссия партийного контроля ЦК ВКП(б), которую возглавлял Ежов, обследовала Свердловскую область, уделяя особое внимание невыполнению плана по выплавке меди, добыче угля и заготовке леса. По результатам обследования работники Промышленного отдела ЦК ВКП(б) докладывали заведующему отделом Андрееву, что причины неудач заключались не только в авариях и остановках производства, но и в незаконных репрессиях против инженерно-технического персонала⁴². 20 марта ситуация в регионе обсуждалась Оргбюро ЦК с участием Орджоникидзе, Андреева и Ежова. Орджоникидзе только кратко упомянул о саботаже, заявив, что попытки саботировать стахановское движение будут наиболее решительно наказываться партией. Остальная часть его одиннадцатистранично-

го выступления была посвящена мягкой критике консерватизма технического персонала и благодушия, вызванного предшествующими успехами. Ежов и Андреев, которые позднее оказались среди главных организаторов «Большого террора» по инструкциям Сталина, в своих выступлениях не упоминали о саботаже или вредительстве классовых врагов, и в резолюции Оргбюро тоже ничего не говорилось о саботаже и вредительстве⁴³.

Эти события происходили за сценой. А 2 июня 1936 г. «Правда» опубликовала речь Постышева, в которой украинские руководители критиковались за незаконные репрессии. 7 июня в «Правде» была напечатана редакционная статья, озаглавленная «Уроки Донбасса». В ней невыполнение плана по добыче угля объяснялось не вредительством, а погоней за показными рекордами и незаконными преследованиями инженерно-технического персонала. Затем, 25—29 июня, на заседании Коллегии Наркомата тяжелой промышленности Орджоникидзе, говоря об инженерно-техническом персонале, воскликнул:

«Какие там саботажники! Не саботажники, а хорошие люди — наши сыновья, наши братья, наши товарищи, которые целиком и полностью за советскую власть. Умирать будут за советскую власть, если это потребуется. (Бурные и продолжительные аплодисменты)... Не саботаж — это чепуха — а неумение...»⁴⁴

Орджоникидзе был не единственным членом Политбюро, который пришел к подобному заключению. В апреле Каганович занял сходную позицию в отношении железнодорожного транспорта, а на конференции 30 июля, на следующий день после появления секретного письма ЦК ВКП(б) о предательстве Зиновьева и Каменева, он утверждал, что на железных дорогах мало врагов и что репрессии не обеспечат движение вперед⁴⁵.

До начала сентября саботаж и контрреволюция продолжали рассматриваться только как второстепенная причина экономических трудностей⁴⁶.

Располагая этой информацией и этими оценками, объективный исследователь состояния советской экономики весной и летом 1936 г., конечно, не сможет утверждать, что имел место экономический кризис. Здесь можно вспомнить и о выводах эмигрантского института экономических исследований в Праге («Кабинет Прокоповича»). Согласно его бюллетеням, на протяжении первого полугодия 1936 г. наблюдались трудности в угольной и нефтяной промышленности, но, хотя «перед советской промышленностью были поставлены очень большие задачи... промышленность в общем успешно справилась с количественными требованиями плана»; «в общем же,

за исключением топливной промышленности, в текущем году тяжелой промышленности удалось значительно расширить объем валовой выработки и подойти почти вплотную к выполнению заданий по количественному расширению производства»⁴⁷.

Взгляд на экономическое положение страны из Политбюро

Сталин и Политбюро, конечно же, не были объективными наблюдателями. Возможно, Политбюро и персонально Сталин посчитали, что развитие экономики в первом полугодии 1936 г. шло так плохо, что следовало начать массовые репрессии?

Мы видели, что Каганович и Орджоникидзе явно так не думали: их оценка ситуации в экономике соответствовала той, которую дал Ягода применительно к положению в социальной сфере. А что же Сталин, Молотов и другие члены Политбюро? Осенью 1935 г., под впечатлением первых успехов стахановского движения, Молотов авторитетно заявил, что выпуск промышленной продукции может быть в ближайшем будущем удвоен или даже утроен⁴⁸. Это было нереально, и уже к весне 1936 г. стало ясно, что столь высоких темпов роста достигнуть не удастся. Однако признаки того, что провал этих заманчивых перспектив оказал какое-нибудь существенное влияние на позицию руководителей страны в вопросе о чистке, отсутствуют. По нашему мнению, факты свидетельствуют о том, что экономическое положение в 1936 г. не играло важной роли в принятии Сталиным решения о начале процесса над Зиновьевым и Каменевым в августе 1936 г. или о развязывании осенью 1936 г. ширококомасштабной чистки в среде хозяйственных руководителей, которая продолжилась в 1937—1938 гг.

Рассмотрим для примера наиболее важное хозяйственное решение того времени — утверждение 19 июля 1936 г. плана капиталовложений на 1937 г. Годом ранее вмешательство Сталина стало главной причиной пересмотра предложений Госплана по капиталовложениям на 1936 г. в пользу их более быстрого роста. Но в 1936 г. очень умеренные предложения Межлаука по объему капиталовложений на 1937 г. были одобрены Политбюро без изменений, и одновременно Политбюро утвердило на 1937 г. темп роста промышленного производства более низкий, чем по плану 1936 г.⁴⁹ Сталин словно потерял активный интерес к принятию этих решений. Это полностью совпадает с тем, что обнаруживает его переписка с Кагановичем во время отпуска в 1936 г. Отпуск Сталина продолжался с 14 августа по 25 октября. В течение этих 10 недель он и Каганович обменялись более чем 140 письмами и шифрованными

телеграммами. Помимо обсуждения вопросов сельского хозяйства, только полдюжины документов были связаны с экономикой:

17 августа Каганович, Чубарь и Орджоникидзе предложили изменить планы для Сталинградского и Харьковского тракторных заводов по причине задержки с переводом производства с колесных на гусеничные трактора. Сталин согласился;

24 августа Каганович предложил Сталину освободить 8—10 тыс. рабочих авиационной промышленности от призыва на военную службу из-за уменьшения их числа вследствие увольнений «в порядке чистки». Сталин согласился с цифрой 10 тыс.;

28 августа Сталин определил, что 75% оставшихся средств британского займа следует использовать для развития военного кораблестроения;

2 сентября Каганович прислал Сталину для утверждения хозяйственный план на октябрь — декабрь 1936 г. (этот план был утвержден Политбюро 3 сентября);

3 сентября Каганович доложил об успешном развитии золотодобывающего производства в тресте «Дальстрой»;

12 октября Каганович доложил Сталину об обсуждении вопроса о производстве на Горьковском автозаводе, которое было проведено в Политбюро в соответствии с указаниями Сталина, высказанными по телефону⁵⁰.

Наиболее важная корреспонденция, 2 и 3 сентября, касалась народно-хозяйственного плана на октябрь — декабрь. Докладная записка Квиринга ЦК ВКП(б) и СНК от 22 августа, о которой говорилось ранее, включала и проект декрета СНК о хозяйственном плане на четвертый квартал 1936 г. В нем предлагалось увеличить производство промышленных наркоматов на 17,3% по сравнению с третьим кварталом. Отгрузка грузовых вагонов должна была достигнуть 92 тыс. шт. в день, перевозка грузов — 136 млн т, а пассажирские перевозки — 18 млрд пассажиро-километров. Предполагалось, что капитальные вложения вырастут до 7574,6 млн руб., а розничный товарооборот в государственной и кооперативной торговле достигнет 28,5 млрд руб. Проект содержал и другие цифры квартального плана.

В телеграмме Каганович сообщал Сталину, что вопрос о народно-хозяйственном плане на четвертый квартал обсужден с наркоматами, и перечислял важнейшие плановые показатели. Большинство из них, включая план по промышленному производству, не отличались от тех, что предлагались в докладной записке Квиринга. Немного уменьшились плановые цифры для железнодорожного транспорта и розничной торговли⁵¹. Единственное существенное изменение заключалось в увеличении квартального плана капиталовложений с 7574,6 млн руб., предложенных Квирингом, до

7909 млн руб., очевидно, с целью наверстать недофинансирование в предшествующие 9 месяцев⁵².

Сталин утвердил план, включая показатели по капиталовложениям, без комментариев. Эти показатели и сопутствующий им текст были внесены в резолюцию Политбюро на следующий день, 3 сентября⁵³. Телеграмма Кагановича содержала опечатку: план по обороту розничной торговли в ней был указан в размере 28 млн руб. вместо 28,5 млрд руб. Сталин не заметил ошибки, и она вошла в резолюцию Политбюро.

Рассмотренная переписка с Кагановичем является важным свидетельством того, что Сталин не был серьезно обеспокоен неудачами в промышленном секторе экономики в эти месяцы.

А как представлял Сталин положение в сельском хозяйстве накануне и во время процесса над Каменевым и Зиновьевым? Во время отдыха ему, как и в предыдущие годы, присылали детальные отчеты о ходе хлебозаготовок, а Каганович и Чубарь (а после возвращения из отпуска — Молотов) сообщали обо всех изменениях, которые они предлагали внести в задания для различных областей. Всего с 18 августа по 24 октября Сталин получил 13 шифротелеграмм о хлебозаготовках, в которых они сообщали о своих предложениях по сокращению заданий и определению новых планов для регионов. В 10 случаях Сталин просто утвердил эти предложения. Дважды (18 августа и 12 сентября) он решил, что сокращение должно быть даже *большим*, чем предложили Каганович и Чубарь/Молотов. И только 9 октября, когда Каганович и Молотов направили предложение сократить план закупок зерна в 5 областях, Сталин решил в отношении одной из них, что

«в Свердловской области хороший урожай. Требования Кабакова мало обоснованы. Можно дать скидку всего не более 5 миллионов пудов»⁵⁴.

Наиболее заметное вмешательство Сталина произошло 5 сентября. Ему предшествовала докладная записка, которую ответственный за хлебозаготовки Клейнер направил 17 августа Кагановичу и Чубарю. В ней выражалась обеспокоенность снижением темпов заготовок 6—15 августа и предлагалось обсудить этот вопрос⁵⁵. 4 сентября Каганович и Молотов предложили Сталину в связи с «неудовлетворительным прогрессом» в хлебозаготовках направить комиссии в 6 отстающих областей и сообщили, что «дали указания “Правде” и “Известиям” крепче покритиковать указанные края». Сталин уже был знаком с тревожной запиской Клейнера и прислал немедленный ответ, критикующий позицию Клейнера и решение Молотова и Кагановича:

«[Шифротелеграмма]
ЦК ВКП(б). Москва.
Кагановичу, Молотову

По-моему, хлебозаготовки идут неплохо. Нельзя требовать, чтобы темпы все время нарастали, если на Волге засуха, а уборка в Сибири отстала от прошлогодней на целых две декады. Хлеб соберем в Сибири, но с опозданием. Директиву газетам “покрепче критиковать” области считаю тактически неправильной, так как всякая такая критика принесет пользу только агитации фашистов о “голоде” в СССР. Не надо нервничать и поддаваться крикам Клейнера. Хлеб все равно соберем. Можем быть, чуточку меньше соберем, чем в прошлом году, но нам больше и не нужно. Можно ограничиться посылкой людей, а шуметь в печати нет оснований.

Сталин

№ 26

5 сентября 1936 г.»⁵⁶

Летом Каганович также отправил Сталину годовые планы по заготовке хлопка, льна и пеньки. Сталин одобрил оба плана без изменений⁵⁷.

Сельское хозяйство и особенно заготовка зерна являлись теми секторами экономики, где мы могли бы ожидать от Сталина предчувствия кризиса и озабоченности этим. Но имеющиеся свидетельства показывают, что он не чувствовал тревоги.

Если руководители страны видели цель чисток в преодолении экономических трудностей, мы могли бы ожидать, что аресты затронут в первую очередь кадры слабых отраслей экономики. Но ничего подобного не происходило. Возьмем для примера главных действующих лиц из числа тех, кто был смещен со своих постов и затем арестован во второй половине 1936 г. Это были председатель Госбанка Марьясин, первый заместитель наркома тяжелой промышленности Пятаков, нарком связи Рыков, нарком лесной промышленности Лобов и заместитель наркома путей сообщения Лившиц⁵⁸. Из них только Лобов руководил отраслью, которая в 1936 г. работала плохо, тогда как работа Государственного банка, наркоматов тяжелой промышленности и путей сообщения была явно успешной.

Данные о репрессиях в тяжелой промышленности также показывают, что связь между экономическими трудностями и интенсивностью чисток отсутствовала. Доля номенклатурных руководителей, снятых со своих должностей в различных отраслях в 1936 г. (преимущественно в ноябре — декабре) и в январе — феврале 1937 г., составляла в цветной металлургии 9,3%, в химической промышленности — 8,8%, в машиностроении — 8%, в черной ме-

таллургии — 7,5%, в топливной промышленности и электроэнергетике — 5,8%⁵⁹. Руководители в топливно-энергетическом секторе, который испытывал значительные затруднения, пострадали меньше, чем в успешно работавших отраслях.

В компрометирующих материалах, собранных против хозяйственных руководителей в конце 1936 г. и в начале 1937 г., главные обвинения были политическими, например, участие в оппозициях и членство в других политических партиях в прошлом⁶⁰. Интенсивность чистки зависела не от успехов или неудач в работе наркомата или иного государственного органа, а от комбинации преимущественно политических факторов, включая роль бывших видных участников внутрипартийных оппозиций в руководстве наркоматов и степень заинтересованности НКВД или лично Сталина в том или ином наркомате. Молотов в своем выступлении на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. привел следующие данные о числе «членов антисоветских и троцкистских организаций и групп», которые были осуждены с 1 октября 1936 г. по 1 марта 1937 г. (см. Таблицу 4).

Таблица 4

**Численность осужденных работников
(по наркоматам и государственным организациям)⁶¹**

Наркомат тяжелой промышленности и Наркомат оборонной промышленности	585 чел.
Наркомат просвещения	228 чел.
Наркомат легкой промышленности	141 чел.
Наркомат путей сообщения	137 чел.
Наркомат земледелия	102 чел.
Наркомат пищевой промышленности	100 чел.
Наркомат водного транспорта	88 чел.
Наркомат внутренней торговли	82 чел.
Академия наук и вузы	77 чел.
Редакции и издательства	68 чел.
Наркомат местной промышленности	60 чел.
Наркомат здравоохранения	64 чел.
Наркомат лесной промышленности	62 чел.
Наркомат связи	54 чел.
Наркомат совхозов	35 чел.
Наркомат финансов	35 чел.
Суды и прокуратура	17 чел.
Советский аппарат	65 чел.

Этот список весьма показателен. Наркомат просвещения находится в нем на втором месте, а Академия наук, вузы и издательства по количеству арестованных превосходят такие традиционно проблемные сектора экономики, как лесная промышленность и совхозы. Очевидно, что экономические мотивы не были здесь доминирующими.

Свидетельства о том, что положение экономики не было для Сталина и Политбюро главным мотивом начала чисток, находят серьезную поддержку и в заявлениях руководителей страны по этому вопросу. Все они, и публичные, и частные, выражают общую позицию: экономика процветает, саботажники и вредители могут создать лишь мелкие экономические трудности.

Чистки видных деятелей партии и правительства были начаты после секретного письма ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 г. «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», которое предшествовало процессу над Каменевым и Зиновьевым. В нем говорилось:

«Перед лицом совершенно неоспоримых успехов социалистического строительства они вначале надеялись, что наша партия не сможет справиться с трудностями... Но видя, что партия с успехом преодолевает трудности, они ставят ставку на поражение советской власти в предстоящей войне, в результате чего они мечтали пробраться к власти...

И, наконец, не видя никаких перспектив, они в отчаянии хватаются за последнее средство борьбы — за террор»⁶².

На открытом процессе над Пятаковым и другими, состоявшемся 23—30 января 1937 г., обвинительный акт и продолжительный перекрестный допрос Пятакова не содержали обвинений в экономическом вредительстве в 1936 г. Ни в обвинительном заключении, ни во время допросов вообще не упоминалось об экономическом положении в 1936 г. Утверждение Е. Залески об обратном является ошибочным. Ратайчак, известный хозяйственный руководитель, в своем последнем слове даже заявил, что в 1935 г. «фактически прекратил всю активную работу в контрреволюционной организации». Вышинский, завершая обвинительную речь, заявил, что, несмотря на усилия вредителей, «наша промышленность растет быстрыми темпами и перевыполняет производственные планы», что «положение на железнодорожном транспорте такое же», а «урон, причиненный этими одиночками, быстро устраняется миллионами»⁶³. Точно так же на процессе против Бухарина 2—13 марта 1938 г. не было выдвинуто никаких особых обвинений, касающихся экономических трудностей 1936 г.⁶⁴

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. основные доклады Молотова о положении в тяжелой промышленности и Кагановича о положении на железных дорогах не указывали на существование каких-либо особенных проблем в 1936 г. Молотов подчеркнул, что «за последние три года тяжелая промышленность перевыполнила свой план... она выполнила с честью в четыре года и вторую пятилетку». Он утверждал, что успехи могут быть еще более значительными, если с корнем вырвать вредителей⁶⁵. Каганович заявил, что улучшение положения началось в начале 1935 г. и продолжилось в 1935—1936 гг. после разгрома так называемой «контрреволюционной теории предела», которая требовала установления определенных ограничений роста, связанных с пропускной способностью железных дорог⁶⁶.

Сталин в своем выступлении занял позицию, которая заключалась в том, что вредители смогли действовать из-за благодушия партийцев, вызванного большими успехами в экономике: «...наши партийные товарищи... были всецело поглощены хозяйственной работой, они были до крайности увлечены хозяйственными успехами».

«Опасности состоят в том, что у людей, мало искушенных в политике и не очень много видавших, обстановка успехов — успех за успехом, достижение за достижением, перевыполнение за перевыполнением — порождает настроения беспечности и самодовольства».

«Политическая близорукость», заявлял Сталин, поразила «некоторых наших товарищей как результат отвлечения внимания головокружительными хозяйственными успехами». Слово «головокружительные» было взято им из знаменитой статьи 1930 г. «Головокружение от успехов», в которой он критиковал эксцессы коллективизации.

Сталин представлял триумфальный прогресс советской экономики как основание для своей известной теории обострения классово-вой борьбы:

«Чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обреченных».

Сталин вслед за Молотовым утверждал, что экономического кризиса нет, но, искоренив вредителей, можно достичь больших

успехов. Он указал несколько причин, по которым следует отказаться от «гнилой» теории о том, что «систематическое выполнение хозяйственных планов сводит будто бы на нет вредительство и результаты вредительства». Во-первых, «все наши хозяйственные планы являются заниженными, ибо они не учитывают огромных резервов и возможностей, таящихся в недрах нашего народного хозяйства». Во-вторых, выполнение планов в целом не должно заслонять их невыполнение в отдельных важных отраслях народного хозяйства. В-третьих, если бы вредителей не разоблачили, результаты могли бы быть хуже.

Четвертая причина, названная Сталиным, отражает его представления о том, с чем связана наибольшая опасность, исходящая от вредителей:

«Вредители обычно приурочивают главную свою вредительскую работу не к периоду мирного времени, а к периоду кануна войны или самой войны. Допустим, что мы стали бы убаюкивать себя гнилой теорией о «систематическом выполнении хозяйственных планов» и не трогали бы вредителей. Представляют ли авторы этой гнилой теории, какой колоссальный вред нанесли бы нашему государству вредители в случае войны, если бы дали им остаться в недрах нашего народного хозяйства»⁶⁷.

Хотя Сталин и другие выступавшие на февральско-мартовском пленуме 1937 г. объясняли чистки не экономическим кризисом, а иными причинами, к этому времени они совершенно отказались от того взгляда на работу проблемных отраслей народного хозяйства, который преобладал весной 1936 г. В своем основном докладе Молотов много говорил о негативных последствиях вредительства на промышленных предприятиях Кузбасса и Донбасса. Комментируя выступление Молотова, Сталин сказал, что вредители там «постоянно водили стахановцев за нос, совали им палки в колеса, создавали искусственные препятствия для успешной работы и почти достигли успеха в своей деятельности». Партийный секретарь Донбасса Саркисов, вопреки выводам, сделанным весной 1936 г., настаивал на том, что именно троцкисты ответственны за трудности в Донбассе в начале 1936 г. Гуревич, один из высших руководителей Наркомата тяжелой промышленности, утверждал, что вредители сосредоточили свои усилия в черной металлургии, угольной и химической промышленности. Партийный секретарь Азербайджана Багиров обвинял вредителей в организации крупных аварий в нефтедобывающей промышленности в конце 1936 г. и заявил, что в 1936 г. они повредили более 100 глубоких нефтяных скважин⁶⁸.

Таким образом, Сталин и другие руководители накануне чисток ни публично, ни в частной переписке не утверждали, что экономи-

ческие трудности являются оправданием для чисток; действительно, они никогда не считали, что в 1936 г. существовал какой-либо кризис в народном хозяйстве. Но когда чистки начались, большая часть реальных или воображаемых недостатков в экономике была приписана вредителям.

Выводы

1. В первые шесть месяцев 1936 г., перед процессом над Каменевым и Зиновьевым, не наблюдалось никакого экономического кризиса или спада. И в первом полугодии, и в целом за год экономическое развитие было очень динамичным. Урожай 1936 г. был крайне плохим, но его последствия стали ощущаться позже, во второй половине сельскохозяйственного года, продолжавшегося с июля 1936 г. по июнь 1937 г.

2. Доклады, которые поступали к политическим лидерам страны, содержали много фактов о слабых местах в народном хозяйстве, но не давали оснований для вывода о том, что в первом полугодии 1936 г. или в 1936 г. в целом имел место экономический кризис.

3. Весной 1936 г. Каганович, Орджоникидзе и Промышленный отдел ЦК ВКП(б) открыто опровергали утверждение, что саботажники и вредители ответственны за неудовлетворительное состояние экономики, и отказывались признавать существование большого числа вредителей в промышленности и на железнодорожном транспорте. Переписка Сталина с Кагановичем в августе — октябре того же года также не содержит свидетельств того, что Сталин считал, будто народное хозяйство находится в кризисе или есть какие-либо серьезные экономические проблемы, даже в сельском хозяйстве.

4. Даже после процесса над Зиновьевым и Каменевым, когда чистки уже начались, ни материалы открытых процессов 1937—1938 гг., ни опубликованные и секретные записи февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. не отражают признаков экономического кризиса в 1936 г. Официальная позиция и в публичных, и в частных высказываниях состояла в том, что вредители прибегли к террору из-за провала попыток воспрепятствовать успешному социалистическому строительству. Однако, вопреки заключениям, сделанным партийными руководителями весной 1936 г., после начала чисток вредителей стали обвинять во всех прошлых и настоящих трудностях, включая и проблемы 1936 г., а Сталин и его окружение начали утверждать, что, если бы вредителей вовремя разоблачили, экономика развивалась бы быстрее.

Постскрипtum: предварительная оценка влияния чисток на советскую экономику

Кадры истреблял — мы по тяжелой промышленности темпы потеряли.

М.Г. Первухин.

[В] 36—37 гг. сколько было перебито кадров, кривая в 36—39 гг. — минимальные темпы.

М.А. Сулов.

(Заявления, зафиксированные в черновых записях Президиума Политбюро ЦК КПСС во время обсуждения вопроса о культе личности Сталина 9 февраля 1956 г. перед XX съездом КПСС⁶⁹)

Хотя «чистка номенклатуры», начатая в 1936 г., не может быть объяснена экономическим кризисом, нет никаких сомнений, что экономические трудности, которые преследовали Советский Союз с конца 1936 г., были длительными и суровыми.

В четвертом квартале 1936 г. наблюдалось заметное замедление экономического развития. Хотя в сравнении с октябрем — декабрем 1935 г. темп роста промышленного производства (24,8%) был все еще высоким, относительно первых девяти месяцев 1936 г. он оказался гораздо ниже (см. Таблицу А Приложения). На железных дорогах число вагонов, отгружаемых ежедневно, было лишь на 11% выше, чем в октябре — декабре 1935 г., а в абсолютных показателях уступало второму и третьему кварталам 1936 г.⁷⁰ Есть искушение сделать вывод, что замедление темпов экономического развития произошло вследствие устранения ключевых фигур в народном хозяйстве: Пятакова, правой руки Орджоникидзе в тяжелой промышленности, Лившица, который выполнял ту же роль на железнодорожном транспорте, и независимо мыслящего председателя Государственного банка Марьясина. На железнодорожном транспорте арест Лившица сопровождался целой волной арестов в октябре — декабре 1936 г.⁷¹ С другой стороны, плохой урожай 1936 г. уже мог повлиять на работу промышленности: пищевая промышленность в октябре — декабре развивалась медленнее, чем другие отрасли.

Состояние экономики оставалось неудовлетворительным и в последующие годы. В 1937 г. темп роста промышленного производства был намного ниже, чем в предшествующие три года, а объем капиталовложений в абсолютном выражении сократился впервые с

1933 г.⁷² В 1938 г. показатели промышленного производства оставались низкими, а за улучшением в 1939 г. последовал возврат к низким темпам роста в 1940 г.⁷³ В 1938 г. грузовые перевозки в реальном выражении уменьшились впервые с 1933 г.

Есть серьезные доказательства того, что, хотя экономические трудности и не стали причиной чисток, сами чистки вызвали крупные проблемы в народном хозяйстве. Очевидно, что аресты большого числа опытных хозяйственных руководителей и инженеров стали основной причиной ухудшения экономических показателей. На железнодорожном транспорте к ноябрю 1938 г. 2245 из 2968 руководящих должностей (75,6%) были заняты людьми, назначенными после 1 ноября 1937 г.⁷⁴ Если взять народное хозяйство в целом, то в номенклатуре ЦК ВКП(б) по состоянию на 1 марта 1939 г. насчитывалось 32899 должностей, имевших отношение к административному и хозяйственному управлению; из них на 47% назначения были сделаны в 1937—1938 гг.⁷⁵ Часть этих назначений осуществлялась в обычном порядке или на вновь введенные должности, но вместе с тем эти данные позволяют составить представление о масштабе чисток⁷⁶. На некоторых высших постах руководители за эти два года сменились несколько раз. В Госплане, ЦУНХУ, наркоматах финансов и земледелия один за другим были сняты и арестованы по двое руководителей, а в Государственном банке — трое.

Волны репрессий сопровождалась ухудшением экономического положения. В угольной промышленности аресты руководящего персонала в первые месяцы 1937 г. были столь массовыми, что Каган, заместитель директора Главного управления угольной и сланцевой промышленности (Главуголь), писал в марте в Наркомат тяжелой промышленности, жалуясь на полный провал в работе треста «Шахтстрой». Два месяца спустя он сетовал, что в тресте ничего не было сделано в течение пяти месяцев, поскольку весь руководящий персонал был арестован⁷⁷. Аресты охватили всю отрасль. Ежедневная добыча угля в январе — мае 1937 г. постепенно падала и достигла уровня декабря 1936 г. лишь в ноябре 1937 г.⁷⁸

По данным Д. Хоффмана, который провел обширное исследование ситуации на московских предприятиях того времени, в Москве «трудовая дисциплина с началом чисток быстро ухудшалась (о чем свидетельствовал заметный рост числа прогулов и опозданий среди рабочих), что привело к существенному снижению промышленного производства»⁷⁹.

Исследование работы ленинградского треста «Ленэнерго» в 1937—1938 гг., выполненное А.П. Воробьевым, который в 1937—1968 гг. был заместителем директора треста, позволяет сделать

схожие выводы. В 1936 г. «Ленэнерго» перевыполнил план и благодаря этому выполнил второй пятилетний план (1933—1937 гг.) за четыре года. Но в конце мая 1937 г. застрелился главный инженер, в середине июня арестовали директора треста, а потом начались аресты начальников электростанций и отделов треста. К концу 1937 г. все директора и главные инженеры электростанций и начальники отделов «Ленэнерго» были заменены. Это привело к недостаточной готовности к осенне-зимнему сезону 1937/38 гг. В октябре — декабре 1937 г. производство электроэнергии снизилось, а количество аварий и несчастных случаев выросло⁸⁰.

В марте 1939 г., через несколько месяцев после окончания «Большого террора», некто М. Пахомов писал в открытом письме Сталину:

«Если в прошлом году и сейчас большинство отраслей промышленности не выполняют плана, то причиной к тому наши слабые кадры, которые выдвинуты за последний год на руководящую работу. [...] Атмосфера недоверия и излишняя подозрительность, которые существуют во взаимоотношениях людей и на работе, ни в какой мере и ничем не оправдываются. [...] Такая атмосфера и излишняя подозрительность суживают размах работы, тормозят инициативу и энергию работников и чрезвычайно вредно сказываются на всей работе»⁸¹.

Безусловно, чистки руководящих работников являлись не единственной причиной плохого состояния экономики в 1937 г. и в последующие годы. Очень низкий урожай 1936 г. оказывал влияние на развитие пищевой промышленности и розничной торговли по крайней мере до лета 1937 г. В 1937—1939 гг. на развитие народного хозяйства также повлияли ошибки в инвестиционной политике. В 1936 г. капиталовложения были слишком раздуты, а кроме того, в годы второй пятилетки инвестиции распределялись неравномерно и, с другой стороны, вложения в черную металлургию были недостаточны в течение всей второй пятилетки. И чрезмерные капиталовложения, и неправильное распределение средств вызывали проблемы в экономике. Еще одной важной причиной экономических трудностей стал резкий рост военных приготовлений в 1936—1940 гг. Расходы на оборону, по нашим оценкам, выросли с 7,2% чистого произведенного продукта в 1937 г. до 14,7% в 1940 г. Производство вооружений, инвестиции в военное ведомство (НКО) и в оборонную промышленность быстро росли, так же как и стратегические запасы. Намного выросла численность вооруженных сил, забиравших трудовые ресурсы из гражданских отраслей народного хозяйства. Конфликты с Японией в 1938—1939 гг. и война с Финляндией зимой 1939—1940 гг. создали дополнительное напряжение в советской экономике.

В 1940 г. было произведено в 15 раз больше вооружений, чем в 1935 г., а численность военнослужащих за тот же период удвоилась⁸².

Относительная важность этих факторов в объяснении экономических трудностей 1937—1940 гг. еще требует оценки. Но нет сомнения в том, что чистки являются серьезным кандидатом на роль главной причины этих трудностей.

Примечания

- ¹ Я очень благодарен д. и. н. О.В. Хлевнюку за помощь в получении материалов и его замечания. Я многое вынес из обсуждения с ним данного вопроса и более широких аспектов политики репрессий. Ценные замечания и предложения были сделаны также М. Элманом, М. Харрисоном, Д. Хоффманом и Д. Ширером. Р. Мэннинг любезно предоставила мне полезные и конструктивные комментарии. Разумеется, ни она, ни кто-либо другой из названных здесь коллег не несет ответственности за мои взгляды.
- ² См.: Реабилитация: политические процессы 30—50-х гг. М., 1991. С. 176—179.
- ³ Номенклатура — это перечень (или, скорее, несколько перечней) должностей, назначение на которые утверждалось на соответствующем уровне партийной иерархии.
- ⁴ См.: Conquest R. *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties*. London and Melbourne, 1968.
- ⁵ По проблеме массового террора уже появилась обширная литература. Среди публикаций на английском языке можно указать: *Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union* / Ed. B. McLoughlin and K. McDermott. Basingstoke and New York, 2003; статьи С. Уиткрофта и М. Илича в кн.: *Challenging Traditional Views of Russian History* / Ed. S.G. Wheatcroft. Basingstoke and New York, 2002. P. 112—146, 147—170.
- ⁶ Davies S. *Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934—1941*. Cambridge, 1997. P. 35.
- ⁷ Shearer D.R. *Crime and Social Disorder in Stalin's Russia. A Reassessment of the Great Retreat and the Origins of Mass Repression* // *Cahiers du Monde russe*. 1998. Vol. 39. P. 119—148; Idem. *Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD during the 1930s* // *Ibid*. 2001. Vol. 42. P. 506. Доклад Ягоды находится в Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 904. Ягода был наркомом внутренних дел, пока его не заменили Ежовым 29 сентября 1936 г.
- ⁸ Filtzer D. *Soviet Workers and Stalinist Industrialization*. London, 1986. P. 128—129.
- ⁹ Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth*. London and Basingstoke, 1971. P. 248—249. Пятаков стал главным обвиняемым на открытом процессе в январе 1937 г.
- ¹⁰ Manning R. *The Soviet Economic Crisis of 1936—1940 and the Great Purges* // *Stalinist Terror: New Perspectives* / Ed. J.A. Getty and R.T. Manning. Cambridge, 1993. P. 116—117. Бывшие лидеры оппозиции Каменев и Зиновьев были главными обвиняемыми на процессе в августе 1936 г.

- 11 Основные показатели выполнения народно-хозяйственного плана (далее — Основные показатели). Декабрь 1936 г. С. 2. В данной статье, если не указано иное, показатели в стоимостном выражении — это официальные данные о валовом производстве в ценах 1926/27 хозяйственного года. Эти данные несколько превышают темпы роста, но дают хорошее представление об относительных темпах роста в различные периоды времени.
- 12 Manning R. *Op. cit.* P. 126.
- 13 Темпы роста, согласно данным Р. Мэннинг, составили: по нефти — 8,7%, по железной руде — 3,7%, по чугуну — 15,2%, по выплавке стали — 30,1%, по стальному прокату — 32,9%, по цементу — 30,8%, по деловой древесине — 9,5%.
- 14 Подсчитано по: Основные показатели. Декабрь 1936 г. С. 16—25. Некоторые позиции, по которым указано падение производства, заслуживают более тщательной проверки, особенно снижение производства оборудования для металлургической и сталелитейной промышленности, имевшее место в 1937—1939 гг. Но большинство показателей в машиностроительном секторе, по которым наблюдалось снижение выпуска, легко интерпретируемы. Производство колесных тракторов упало в результате болезненного перехода на выпуск гусеничных машин, а падение производства локомотивов произошло вслед за значительным ростом в 1935 г. Кроме того, упало производство большинства видов сельскохозяйственного оборудования на конной тяге.
- 15 См.: Davies R.W., Khlevnyuk O. *Stakhanovism and the Soviet Economy // Europe-Asia Studies*. 2002. Vol. 54. P. 872—874.
- 16 Численность строительных рабочих уменьшилась по итогам года на 5,5% (без учета декабря): Основные показатели. Декабрь 1936 г. С. xxxiii (эти данные не включают сведения по ГУЛАГу). Темпы роста производства строительных материалов были следующими: строительный кирпич — 47,2%; цемент — 30,6%; пиломатериалы (не считая местной промышленности) — 13,8%; оконное стекло — 30,2%; фарфор технический — 8,7%; известь — 37,9%; алебастр — 15,1% (Основные показатели. Декабрь 1936 г. С. 6—24, 66—68). Производство машинного оборудования (без учета местной промышленности РСФСР) выросло на 19,3% (там же. С. 20—21, 24).
- 17 Эти показатели, датированные 28 января 1939 г., даны в фактических ценах (Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 10. Д. 582а. Л. 6). Альтернативные данные (в сметных 1935 г.) показывают рост на 99%, с 1700 млн руб. в 1935 г. до 3380 млн руб. в 1936 г. (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 20а. Д. 461. Л. 6); эта цифра рассчитана как ожидаемая по состоянию на ноябрь 1936 г. и включает ассигнования по другим наркоматам и комитетам.
- 18 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 20а. Д. 461. Л. 12—20.
- 19 Широков А.И. «Дальстрой»: предыстория и первое десятилетие. Магадан, 2000. С. 103.
- 20 Численность заключенных в лагерях составляла 725000 чел. на 1 января 1935 г., 839000 чел. на 1 января 1936 г. и 821000 чел. на 1 января 1937 г. (ГАРФ. Ф. 9114. Оп. 1 Д. 1115. Л. 2). В золотодобывающей промышленности треста «Дальстрой» общее число занятых (включая вольнонаем-

- ных) выросло на 45,5%, с 50300 чел. в конце 1935 г. до 73200 чел. в конце 1936 г. (Широков А.И. Указ. соч. С. 68).
- 21 ГАРФ. Ф. 9114. Оп. 1. Д. 2916. Л. 73—75.
- 22 Там же. Л. 25—26.
- 23 См.: Harrison M., Davies R.W. The Soviet Military-Economic Effort during the Second Five-Year Plan (1933—1937) // *Europe-Asia Studies*. 1997. Vol. 49. P. 380, 390.
- 24 *Ibid.* P. 380, 391. Индекс численности вооружений не показывает повышения сложности и качества вооружения, которое, конечно, имело место в 1936 г.
- 25 *Ibid.* P. 380, 384.
- 26 Основные показатели промышленности Наркомлеса СССР за 1936 г. М., 1937. С. 11.
- 27 Подсчитано по: Основные показатели. Июнь 1936 г. С. 10—17.
- 28 См.: Davies R.W., Khlevnyuk O. *Op. cit.* P. 882—884.
- 29 Основные показатели. Июль 1935 г. С. 84; то же. Июль 1936 г. С. 101.
- 30 См.: Основные показатели. Июнь 1936 г. С. 14—15; то же. Декабрь 1936 г. С. 209.
- 31 Основные показатели. Июль 1936 г. С. 68, 72—74. См. также: Rees E.A. *Stalinism and Soviet Rail Transport, 1928—1941*. Basingstoke and London, 1995. P. 156. Число вагонов приводится в пересчете на двухосные.
- 32 Manning R. *Op. cit.* P. 22—23.
- 33 Основные показатели. Июнь 1936 г. С. 271 (предварительные цифры). Сходные результаты были получены также применительно к ценам на 13 видов продовольственных товаров на городских колхозных рынках в 13 городах (там же. С. 279—286). Большинство продаж приходилось на мясные и молочные продукты (по данным для 28 городов, 69,3% от общего объема продаж в апреле — июне 1935 г. и 71,4% в апреле — июне 1936 г.); продажи зерновых продуктов были невелики (5% от общего объема в апреле — июне 1935 г. и 2,5% в апреле — июне 1936 г.). Общий объем продаж в апреле — июне 1936 г. был на 29,3% выше, чем в апреле — июне 1936 г. (там же. С. 256, 271).
- 34 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 89. Д. 48. Л. 2—20.
- 35 Там же. Л. 11.
- 36 Там же. Оп. 26. Д. 64. Л. 122—133.
- 37 Там же. Оп. 28. Д. 9. Л. 138—141.
- 38 Там же. Оп. 26. Д. 61. Л. 268—275.
- 39 Там же. Д. 64. Л. 14—138 и приложение: Л. 148. Это архивное дело также содержит и докладную записку Квиринага.
- 40 В действительности денежная эмиссия в 1936 г. достигла 1546 млн руб. против 1300 млн руб. по плану — безусловно, успешный результат в сравнении с предыдущими и последующими годами.
- 41 См.: Davies R.W., Khlevnyuk O. *Op. cit.* P. 882—884.
- 42 Об этом см.: *Ibid.* P. 884—885.
- 43 См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 114. Д. 741. Л. 103—113 (выступление Орджоникидзе), 114—115, 116—117 (выступление Андреева), 53—56 (революция).

- 44 См.: Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе: конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1993. С. 60—63; Benvenuti F. Stakhanovism and Stalinism, 1934—1938 // Unpublished CREES Discussion Papers SIPS. No. 30. Centre for Russian and East European Studies, University of Birmingham, UK. 1989. P. 42—49; Siegelbaum L.H. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935—1941. Cambridge, 1988. P. 127—135.
- 45 См.: Rees E.A. Op. cit. P. 140—141, 148. О письме ЦК ВКП(б) см. далее.
- 46 См.: Davies R.W., Khlevnyuk O. Op. cit. P. 886—887.
- 47 Бюллетень Экономического кабинета проф. С. Прокоповича (Прага), сxxx, август — сентябрь 1936 г. С. 82—85.
- 48 См.: Davies R.W., Khlevnyuk O. Op. cit. P. 880; Орджоникидзе даже говорил об увеличении промышленного производства и производительности труда в четыре раза.
- 49 См.: Ibid. P. 873—875, 888.
- 50 Сталин и Каганович: Переписка 1931—1936. М., 2001. С. 629—630, 646, 652, 658—659, 659—660, 701.
- 51 План ежедневной отгрузки вагонов был определен в 91 тыс. шт.; грузоперевозки — в 131 млн т; пассажирские перевозки — в 18 млрд пассажиро-километров; оборот розничной торговли — в 28000 млн руб.
- 52 Сталин и Каганович: Переписка 1931—1936. С. 658—659.
- 53 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 981. Л. 8.
- 54 Руководство Свердловской области просило о сокращении плана на 10,5 млн пудов, Каганович и Молотов предлагали сократить его на 7,8 млн пудов.
- 55 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 26. Д. 73. Л. 174—177.
- 56 Сталин и Каганович: Переписка 1931—1936. С. 661; английский перевод этого и других документов переписки Сталина и Кагановича, которые использованы в статье, дан в кн.: The Stalin — Kaganovich Correspondence, 1931—1936 // Ed. R.W. Davies, O. Khlevniuk, E.A. Rees, L. Kosheleva and L. Rogovaya. New Haven and London, 2003.
- 57 Сталин и Каганович: Переписка 1931—1936. С. 651—652 (28 августа — план по льну и пеньке), 678—679 (16 сентября — план по хлопку).
- 58 Марьясин был переведен со своего поста на работу в ЦК ВКП(б) 14 июля, арестован 21 декабря 1936 г. и расстрелян 10 сентября 1937 г. Пятаков был смещен и арестован в сентябре 1936 г. и приговорен к смертной казни на январском процессе 1937 г. Рыков был смещен с занимаемой должности в сентябре 1936 г., арестован 27 февраля 1937 г. и приговорен к смертной казни на процессе в марте 1938 г. Лобова в октябре 1936 г. назначили наркомом пищевой промышленности, а 21 июня 1937 г. арестовали и 29 октября 1937 г. приговорили к смертной казни. Лившиц был уволен и арестован в ноябре 1936 г. и приговорен к смертной казни на процессе в январе 1937 г.
- 59 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 43. Л. 1. Эти цифры включают следующие категории руководителей: начальникистроек, управляющие трестов, директора заводов и других промышленных объектов.
- 60 Там же. Д. 34, 35, 37, 43, 45. Эти материалы были собраны Отделом руководящих партийных органов (ОРПО) ЦК ВКП(б), который возглавлял Маленков.

- 61 Вопросы истории. 1994. № 8. С. 18 (утреннее заседание 2 марта). Соответствующие цифры приведены по архивной стенографической записи выступлений на пленуме. Об основном докладе Молотова будет сказано ниже.
- 62 Письмо опубликовано в: Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 100—115.
- 63 Report of Court Proceedings in the Case of the Anti-Soviet Trotskyite Centre. Moscow, 1937. P. 4—19 (обвинительное заключение), 21—81 (допрос Пятакова), 571 (Ратайчак), 506 (Вышинский).
- 64 Report of Court Proceedings in the Case of the Anti-Soviet «Bloc of Rights and Trotskyites». Moscow, 1938; русское издание: Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2—13 марта 1938 г. ... М., 1938 (переизд. в 1997).
- 65 Вопросы истории. 1993. № 8. С. 3—26 (утреннее заседание 28 февраля).
- 66 Там же. № 9. С. 3—32 (вечернее заседание 28 февраля).
- 67 См.: Там же. 1995. № 3. С. 3—15. Выступление Сталина состоялось на вечернем заседании 3 марта и было опубликовано в «Правде» 29 марта 1937 г.
- 68 Там же. 1994. № 1. С. 12, 19, 22—23.
- 69 Президиум ЦК КПСС, 1954—1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний: Стенограммы. М., 2003. С. 101.
- 70 Основные показатели. Декабрь 1936 г. С. 130. Средние показатели по отгрузке вагонов упали с 92 тыс. в сентябре 1936 г. до 86,5 тыс. в октябре, 84 тыс. в ноябре и 80,4 тыс. в декабре (Основные показатели. Ноябрь и январь — ноябрь 1937 г. С. viii).
- 71 См.: Rees E.A. Op. cit. P. 154—156.
- 72 По официальным данным, валовой объем промышленного производства в 1937 г. вырос лишь на 11% (Промышленность СССР. М., 1957. С. 34), а объем капиталовложений в текущих ценах упал с 35,3 млрд руб. в 1936 г. до 33 млрд руб. в 1937 г. (см.: Davies R.W., Khlevnyuk O. Op. cit. P. 868). Измерение и сравнение объемов капиталовложений в 1936—1940 гг. представляет сложную проблему, которой я планирую посвятить отдельную статью.
- 73 По официальным данным, темпы роста составляли 12% в 1938 г., 16% в 1939 г. и 12% в 1940 г. (Промышленность СССР. М., 1957. С. 34).
- 74 Железнодорожный транспорт в годы индустриализации СССР (1926—1941). М., 1970. С. 309 (доклад от 17 ноября 1938 г.).
- 75 См. статью О.В. Хлевнюка в: Stalin's Terror Revisited / Ed. by M. Ilic Palgrave. Macmillan, 2006 (в печати).
- 76 Данные по железнодорожному транспорту, возможно, даже занижены, поскольку многие аресты здесь были произведены до 1 ноября 1937 г.
- 77 Письмо Гуревичу от 7 марта 1937 г. (РГАЭ. Ф. 7566. Оп. 1. Д. 2753. Л. 115); письмо Завенягину (там же. Л. 54, 53) (есть два экземпляра этого письма: один без даты, второй датирован 21 мая 1937 г.).
- 78 Основные показатели. Ноябрь и январь — ноябрь 1937 г. С. vi.
- 79 См.: Stalin's Terror. P. 166.
- 80 Ленинградский мартиролог. 1937—1938. СПб., 2002. Т. V. С. 549—555.
- 81 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 336. Л. 9—16; это письмо было направлено помощником Сталина Поскребышевым Жданову.
- 82 См.: Harrisom M., Davies R.W. Op. cit. P. 373, 374, 393.

Приложение

Таблица А

Рост промышленного производства по кварталам 1936 г. (по отношению к аналогичным периодам 1935 г. в ценах 1926/27 гг.)

	январь — март		апрель — июнь		июль — сентябрь		октябрь — декабрь		1936 г в целом	
	Валовая продукция, млн руб	темпы прироста, %	объем производства, млн руб	темпы прироста, %	объем производства, млн руб	темпы прироста, %	объем производства, млн руб	темпы прироста, %	объем производства, млн руб	темпы прироста, %
I										
<i>Общесоюзные наркоматы</i>										
<i>Всего</i>	13167	31,6	13099	36,3	13323	31,9	16296	23,8	55884	30,3
<i>Из них:</i>										
Наркомат тяжелой промышленности	7692	38,8	8086	36,5	8054	30,6	9232	27,9	33064	33,0
Наркомат лесной промышленности	975	7,9	603	27,8	671	18,0	723	9,6	2980	14,1
Наркомат легкой промышленности	1961	27,8	1843	43,5	1823	45,0	2348	26,5	7974	34,5
Наркомат пищевой промышленности	2104	34,0	2164	38,2	2291	35,9	3306	15,5	9864	28,4
II										
<i>Республиканские наркоматы местной промышленности</i>	2042	31,7	2191	32,2	2172	32,8	2439	24,6	9943	30,0

Таблица А (Окончание)

	январь — март		апрель — июнь		июль — сентябрь		октябрь — декабрь		1936 г в целом	
	Валовая продукция, млн руб	темпы прироста, %	объем производства, млн руб	темпы прироста, %	объем производства, млн руб	темпы прироста, %	объем производства, млн руб	темпы прироста, %	объем производства, млн руб	темпы прироста, %
III <i>Промышленная кооперация</i>	1233	39,2	1313	43,9	1315	49,1	1516	36,5	5366	41,8
<i>Всего I — III</i>	16442	32,1	16602	36,3	16810	33,2	20240	24,8	70094	31,1
<i>Из них:</i>										
Средства производства	10134	32,5	10156	37,5	10147	31,2	11734	27,0	42171	32,5
Предметы потребления	6308	26,8	6446	34,5	6662	36,3	8507	21,9	27923	29,1

Примечание. В оригинале эта таблица также включает подразделы для каждого из республиканских наркоматов местной промышленности и каждого вида промышленных кооперативов, Комитета по заготовкам и Комитета искусств. Она озаглавлена «Валовая продукция союзных промышленных наркоматов, наркоместпромов союзных республик и промышленной кооперации за декабрь и январь — декабрь 1936 г.».

Источник: Известия. 1937. 22 января (и другие центральные газеты).

Таблица Б

Выпуск промышленности в натуральных показателях по месяцам, 1935—1936 гг. (в среднем за день)

Виды продукции	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Год в целом
Электроэнергия (млн кВтч) ^{1а}													
1935	49,3	49,7	48,5	47,6	45,5	45,7	44,7	44,4	48,0	53,4	53,9	61,7	49,5
1936	63,1	63,9	61,5	61,5	58,6	59,4	57,0	56,2	60,1	66,3	66,3	73,8	62,5
Каменный уголь (тыс. т) ²													
1935	208,2	277,8	278,1	283,6	278,9	281,1	281,3	280,4	285,8	312,9	333,7	359,4	298,5
1936	368,2	355,8	345,8	343,1	329,8	320,3	309,9	324,0	327,7	349,1	355,6	354,6	339,2
Нефть (с газом) (тыс. т) ³													
1935	65,6	69,1	69,7	72,2	75,2	72,8	72,8	73,7	75,5	78,3	76,9	71,7	73,4
1936	78,4	79,8	79,6	78,0	81,1	81,2	79,9	78,3	76,3	80,0	82,4	80,8	79,7
Железная руда (тыс. т) ⁴													
1935	62,2	72,1	71,9	73,1	77,0	75,2	77,3	75,1	80,1	85,0	81,4	84,5	75,9
1936	79,3	76,0	82,2	82,7	87,3	85,6	79,6	75,5	79,3	83,8	84,5	84,5	81,5
Чугун (тыс. т) ⁵													
1935	29,0	32,5	33,8	33,8	34,5	35,1	35,2	34,6	35,0	34,4	35,0	37,3	34,2
1936	38,1	37,9	40,2	40,3	40,1	38,7	38,3	39,0	39,8	39,3	39,2	41,0	39,3

Таблица Б (Продолжение)

Виды продукции	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Год в целом
Сталь (тыс. т) ⁶													
1935	28,2	31,6	33,6	33,4	33,2	33,2	33,6	33,4	35,3	37,2	37,1	39,0	34,1
1936	42,2	42,3	44,3	45,3	42,8	41,9	40,9	42,8	44,7	48,5	48,0	48,1	44,3
Прокат (тыс. т) ⁷													
1935	20,5	23,2	24,8	25,0	24,1	25,2	24,8	24,1	27,4	29,0	30,1	32,4	26,0
1936	34,1	33,2	33,3	35,3	33,5	33,0	29,6	31,2	33,3	37,2	36,9	39,5	34,1
Черновая медь из руды (т) ⁸													
1935	139,7	155,2	175,7	186,2	179,5	189,7	184,1	156,5	176,8	177,3	177,3	180,8	173,3
1936	193,8	189,7	217,7	224,2	236,5	217,5	192,9	204,2	228,4	272,1	263,6	260,5	225,1
Алюминий (т) ⁹													
1935	56,0	57,5	58,6	59,5	63,7	66,8	67,6	73,3	75,2	77,1	79,2	89,4	68,6
1936	89,9	89,6	83,6	79,3	90,2	90,2	89,6	94,3	86,2	90,9	85,5	97,3	88,9
Шарикоподшипники (тыс. шт.) ¹⁰													
1935	1288	1138	1317	1646	1569	1477	1563	1595	1799	2213	1960	1901	1617
1936	2060	2458	2759	2861	2676	3258	3247	2995	2563	3560	2446	2998	2822
Серная кислота (т) ¹¹													
1935	2322	2642	2801	2775	2760	2592	2092	2255	2781	3001	3122	3207	2695
1936	3450	3504	3589	3651	3461	3264	2605	2406	2641	3556	3745	3852	3316

Таблица Б (Окончание)

Виды продукции	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Год в целом
Суперфосфат (т) ¹²													
1935	2520	3358	3485	3583	3365	2976	2527	2516	3507	3420	3426	3625	3189
1936	4223	4359	4233	4580	3810	3571	2676	959	1459	3359	3996	4173	3434
Цемент (тыс. т) ^{13б}													
1935	6,09	7,33	8,91	9,51	10,72	11,82	11,80	11,22	11,91	11,58	11,25	9,48	10,15
1936	12,18	10,72	13,49	14,01	13,44	13,42	13,24	14,01	14,83	14,15	14,16	12,64	13,36
Целлюлоза (тыс. т) ¹⁴													
1935	21,42	19,99	23,30	21,91	20,78	22,12	23,09	22,79	22,25	24,17	22,48	25,59	22,83
1936	28,25	25,18	31,99	32,72	25,89	30,29	30,99	33,13	29,13	34,66	30,75	35,68	30,62

Примечания:

^а Районные электростанции Главэлектро плюс грозненские промышленные станции (без НиваГРЭСа), но без учета электростанции во Владивостоке

^б По тресту «Союзцемент».

Источник: все показатели, кроме данных о производстве целлюлозы, взяты из: Оперативная сводка о работе промышленности НКТП: А Производство: натуральные показатели за 1936 г / Отчетно-экономический сектор Наркомата тяжелой промышленности, 1937.

¹ С 5 ² С 8. ³ С 18. ⁴ С 23 ⁵ С 25 ⁶ С 26 ⁷ С 27. ⁸ С 37. ⁹ С 41 ¹⁰ С 47. ¹¹ С 63 ¹² С 65 ¹³ С 70

¹⁴ Основные показатели работы промышленности Наркомлеса СССР за 1936 год / Сектор статистического учета Наркомата лесной промышленности, 1937. С 20

Трудовая дисциплина
(а) январь — март 1935, 1936 и 1937 гг.

Показатели	1935 г ¹	1936 г ¹	1936 г (пересмотренные данные) ²	1937 г ²
<i>Крупная промышленность</i>				
1. Прогулы по неуважительным причинам (число дней в первом квартале) по всей крупной промышленности	0,16	0,18	0,18	0,21
в т. ч. в угольной промышленности	0,34	0,46	0,45	0,42
2. Текучесть рабочей силы (в процентах от числа работников) по всей крупной промышленности	20,4	20,1	20,4	19,5
в т. ч. в угольной промышленности	23,6	26,2	26,9	27,3
3. Число отработанных дней на одного рабочего	67,57	66,80	66,80	65,62
<i>Строительство</i>				
1. Прогулы по неуважительным причинам (число дней в первом квартале)	0,42	0,47	0,47	0,68

Таблица В (Окончание)

Показатели	1935 г ¹	1936 г ¹	1936 г (пересмотренные данные) ²	1937 г ²
2. Текучесть рабочей силы (в процентах от числа работников)	62,6	62,5	63,8	63,2
3. Число отработанных дней на одного рабочего	67,36	67,00	67,20	65,98

Примечание: источники содержат данные по 18 отраслям и видам продукции крупной промышленности.

Источники: ¹ Основные показатели. Апрель 1936 г. С. 229—230, 232.

² Основные показатели. Апрель 1937 г. С. 161—163. Пересмотр данных осуществлен в 1937 г.

(б) Прогулы по неубажительным причинам в январе — июне 1935 и 1936 гг.

Отрасль	1935 г	1936 г
Каменноугольная промышленность	0,74	0,95
Химическая промышленность	0,18	0,24
Цементная промышленность	0,35	0,50
Кирпичная промышленность	0,90	0,95
Черная металлургия	0,27	0,34
Машиностроение и металлообработка	0,24	0,34
Хлопчатобумажная промышленность	0,12	0,15
Льняная промышленность	0,49	0,77
Кожевенно-меховая промышленность	0,14	0,15
Полиграфическая промышленность	0,14	0,15
По всей крупной промышленности	0,34	0,39

Примечание. Источник (докладная записка Краваля Чубарю от 5 сентября 1936 г.) также содержит данные по каждому из месяцев первого полугодия 1936 г. В целом в крупной промышленности наблюдался рост прогулов с 0,06 дня в месяц в январе до 0,08 дня в месяц в июне 1936 г. Соответствующий рост происходил в отдельных отраслях. Чубарь оставил написанную от руки резолюцию: «Затребовать объяснения от наркоматов».

Источник: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18. Д. 43. Л. 2—4 (докладная записка Краваля Чубарю от 5 сентября 1936 г.).

История и экология

Изменения пространственно-хозяйственных структур в Калининградской области после 1945 г.¹

Человеческие сообщества, образующие культурные общности, создают на заселенной ими территории уникальные ценозы — системы, обеспечивающие их жизнедеятельность, и сами входят в состав этих систем как существенная и неотъемлемая часть. Переход территории «из рук в руки», в особенности сопровождаемый сменой всего населявшего ее сообщества, ведет к распаду прежнего ценоза. На его остатках возникает новый. Примеры смены ценозов дают возможность познакомиться с особенностями функционирования создававших их сообществ.

После Второй мировой войны произошло изменение границ ряда государств. В частности, в состав РСФСР вошли новые территории: Калининградская область, Карельский перешеек и Северное Приладожье, Южный Сахалин и Курильские острова. Во всех этих случаях произошла полная смена населения: на место прежних жителей прибыли переселенцы из центральных российских областей.

Северная часть бывшей Восточной Пруссии (примерно одна треть), ставшая Калининградской областью, в этом ряду выделяется наибольшей плотностью культурного ландшафта. Со сменой населения здесь произошла смена систем заселения и землепользования, видового состава культурных растений и животных, техносреды и т. д.² Созданная прежними жителями система хозяйствования была отвергнута переселенцами как целое и перестала быть воспроизводимой, становясь часто субстратом для новой хозяйственной деятельности.

Особый интерес для изучения представляют пространственно-хозяйственные структуры — *системы заселения, землепользования, мелиоративная система*. В том, как территория заселена и используется, отпечатывается история и устройство самого сообщества. С другой стороны, эти пространственные структуры, безусловно, требуют от сообщества, населяющего территорию, соответствующих знаний и активности для их поддержания и воспроизводства.

* Сологубов Александр Михайлович — преподаватель (Российский государственный университет им. Иммануила Канта, Калининград).

В статье рассмотрены масштабные изменения в Калининградской области, касающиеся землеустройства, заселения территории и мелиорации, и предлагается подход к их анализу.

Terra incognita

Первые переселенцы в Калининградскую область были из различных («глубинных») областей России. Мало кто из них имел более или менее адекватное представление о земле, на которую приехали, и о ее истории. Все здесь было чужим, незнакомым: организация пространства и организация деятельности, материалы и обращение с ними, техника и технологии и т. д.

Переселенцы начали выстраивать на новом месте свою хозяйственную систему. Способ хозяйствования немцев при этом не был воспринят, и «...мелиоративная немецкая система пострадала больше от наших рук, чем от войны... В воспоминаниях селян мы смогли найти немного примеров освоения немецких традиций в сельском хозяйстве»³. Не мог быть воспринят и быт немцев. Дома и дворы подвергались переделке на новый лад. Например, в областной газете «Калининградская правда» от 7 декабря 1947 г. сообщалось, что «отремонтировано более 3 тысяч кухонных плит, 400 голландских печей. По желанию колхозников сложено более тысячи русских печей». Созданное немцами не акцептировалось, а рассматривалось как строительный материал, субстрат для продолжения привычного способа деятельности.

«Засолили огурцы — целую ванну огромную немецкую, наквасили капусту»⁴.

Переселенцы попали в край действительно неизведанный. Человек чувствовал себя, пожалуй, в роли своего рода разведчика:

«Начали готовиться к весне. *Узнали* (здесь и далее курсив наш. — А.С.), что земля здесь хорошая, но требует удобрений и к тому же заросла сорняками»⁵.

«В окрестностях колхоза было *обнаружено* три мельницы. На одной из них кузнец Леонид Гурилев и его помощник Георгий Евстратиков уже установили паровой двигатель. Две других мельницы будут пушены в ход с помощью *разысканных* колхозниками нефтяных движков...»⁶

«...Передовики сельского хозяйства области, лучшие бригады и звенья на еще *незнакомой* земле вырастили такие урожаи, которых не знали немцы. Это — яркое преимущество социалистической системы ведения сельского хозяйства»⁷.

«Не они ли забывали об отдыхе, когда надо было отремонтировать *невиданную доселе* машину...?»⁸

Переселенцы не знали особенностей здешнего климата, территории (ее истории, хозяйственной структуры, животного и растительного мира, наличия полезных ископаемых), местных материалов и технологий (а это было необходимо для поддержания имеющихся на территории структур и объектов). Все предстояло исследовать и освоить. Эта деятельность растянулась на десятилетия, выразившись, в частности, в создании различных опытных станций, организации исследовательских экспедиций и т. д.

О субъекте деятельности

На территории Калининградской области произошло принципиальное изменение пространственно-хозяйственных структур. С этой точки зрения интересны исследования в рамках направления, начало которому было положено немецким географом Вальтером Христаллером⁹. Исходя из вопроса о закономерностях в расположении населенных пунктов, ему удалось для поселений юга Германии выделить шестиугольную пространственную иерархическую структуру: «кристаллизация массы вокруг ядер является частью элементарного порядка вещей», и людские поселения следуют этому закону так же, как и объекты природы.

Христаллер строил свою модель на некоторых (не приводимых им явно) предпосылках об устройстве пространства (равномерно заселенная сельскохозяйственная равнина) и о поведении населяющих его людей. Он исходит из того, что производители и потребители действуют совершенно рационально. Вот какими качествами обладает *homo oeconomicus*:

«он знает все стоящие перед ним альтернативы и обладает уверенностью в успехе предполагаемого действия (гипотеза о полной информированности, о полноте информации);

он может всегда решить, какая из имеющихся альтернатив принесет наибольшую пользу, и располагает при этом постоянными и последовательными предпочтениями (гипотеза о способности оценки всех данных альтернатив);

он выбирает всегда ту альтернативу, которая максимизирует его выгоду (цена — расходы) и наиболее долго остается действительной в меняющихся рыночных условиях (гипотеза о максимизировании выгоды)»¹⁰.

Новый субъект деятельности в Калининградской области был принципиально иным. Здесь не ставится задача реконструкции его характеристик, однако возможно на ряде сопоставлений проиллюстрировать принципиальное различие условий хозяйствования.

Он действует, не будучи информирован.

«Спросите у председателя правления Григорьева, сколько имеет колхоз сельскохозяйственных машин, — он только затылок почешет:

— А кто же его знает, авось хватит...

[...]

Лошади в колхозе истощенные, есть случаи падежа. Происходит это потому, что выдача кормов не установлена...»¹¹.

Он не имеет возможности выбрать — все уже решено за него:

«Товарищ Сталин учит, что крупное хозяйство в земледелии, охватывающее сотни, а иногда и тысячи дворов, может вестись лишь в порядке планового хозяйства. Без этого оно должно погибнуть и развалиться. Плановая работа в колхозах — это работа сложная, многогранная, требующая много времени»¹².

«...[коммунисты должны] вникнуть в каждую хозяйственную мелочь подготовки к полевым работам и помочь правлению сельхозартели срочно исправить все большие и мелкие недоделки»¹³.

Его действия не направлены на максимизирование выгоды. Например, в теории Христаллера расстояние есть самая важная переменная, расходы на преодоление расстояний определяют деятельность производителей. В Калининградской области, несмотря на наличие густой созданной немцами сети качественных наземных и водных дорог, преодоление расстояний стало существенной трудностью.

«От Правдинска до Калининграда 50 км. Железнодорожного сообщения нет¹⁴, связь осуществляется автобусом. По расписанию он должен курсировать через день, фактически же он делает не больше двух-трех рейсов в месяц»¹⁵.

«У нас не хватает автотранспорта для перевозки людей на объекты, у нас имеются объекты на расстоянии до 20 км от участка»¹⁶.

«Не подготовлена и передвижная мастерская, а ведь некоторые тракторы будут работать в 30 км от МТС»¹⁷ (притом, что протяженность области с запада на восток — всего 205 км, с севера на юг — 108 км! — А.С.).

«Корм приходится завозить за 25—30 км. Доставка его весной будет невозможна»¹⁸.

Деятельность сельскохозяйственных (и не только) производителей носила принудительный характер. Примеры контроля со сторо-

ны руководящих хозяйственных и партийных органов, вникавших во все мелочи сельскохозяйственной деятельности и «организовывавших» ее, многочисленны:

«...только вмешательство вышестоящих организаций положило конец дальнейшему развалу колхоза»¹⁹.

«Заведующему фермой Алхименко ежедневно начисляют по 1,25 трудодня, но деятельность его не контролируют. [...] Районные организации должны обратить особое внимание на колхоз им. Чапаева, обеспечить здесь большевистский порядок»²⁰.

Землеустройство и заселение территории

Характер использования земель и система заселения территории несут на себе отпечаток истории и устройства самого сообщества.

Система заселения и характер землеустройства Восточной Пруссии складывались во времена Немецкого (Тевтонского) ордена. Именно тогда появилось такое распределение наделов среди землевладельцев, при котором большинство из них имели по 20—100 га, что являлось особенностью Восточной Пруссии по сравнению с западно-немецкими землями. Такое распределение (обусловленное, в частности, орденским законом о наследовании, благодаря которому земельные владения не дробились между наследниками) благоприятно сказалось в первой трети XX в., в период механизации сельского хозяйства²¹. В деле моторизации сельскохозяйственных работ Восточная Пруссия находилась в группе самых оснащенных регионов.

В орденские времена на территории Восточной Пруссии появилось 1400 деревень и 93 города. Восточно-прусская хуторская система начала складываться также в орденские времена.

В целом в Восточной Пруссии только с 1919 по 1939 гг. было построено 14536 новых хуторских хозяйств²². К 1943 г. сельскохозяйственные угодья в Северо-Восточной Пруссии находились в собственности 56254 владельцев, имевших от 0,5 га до 1000 га и выше земли²³ и действовавших в условиях рынка. В частном владении в Восточной Пруссии находилось около 72% земли²⁴.

В советское время характер землепользования стал совершенно иным.

«Естественно, что с образованием Калининградской области, с ликвидацией здесь крупного помещичьего и кулацкого хозяйства, после репатриации всего немецкого населения на территорию Германии,

административное устройство области не могло оставаться прежним. Взамен более 56 тысяч единоличных кулацких и помещичьих хозяйств были созданы колхозы и совхозы; взамен разрушенных хуторов советские колхозники и работники совхозов создавали новые села и поселки; прибывшие на исконную славянскую землю советские люди: рабочие, служащие, интеллигенция, инженерно-технические работники и др. — восстанавливали промышленность и хозяйство уже на новой основе, создавая его фактически заново»²⁵.

В 1945—1951 гг. на территории Калининградской области сельскохозяйственные угодья были разделены между 454 колхозами и совхозами. В 1951 г. было произведено укрупнение колхозов, в результате осталось 177 хозяйств такого типа. Укрупнение конца 1960-х гг. уменьшило число колхозов до 160. (Данные в разных источниках одного времени немного различаются, поскольку число землепользователей постоянно менялось, а изменения не всегда одновременно отражались в документах разных организаций.) Колхозы обладали очень ограниченной свободой действий (в сравнении с прусскими землевладельцами) и действовали в условиях советской плановой системы.

Установка на сведение хуторской системы возникла практически со времен первых колхозов.

«Наличие большого количества хуторов и поселков объясняется тем, что в прежней Восточной Пруссии хутора и мелкие поселки преобладали. Прибывшим в область колхозникам-переселенцам в первую очередь предоставлялись сохранившиеся существующие дома и постройки, а, по мере их использования, строительство новых домов для колхозников производится уже в существующих поселках, с распланировкой населенных пунктов и с учетом ликвидации хуторов в будущем»²⁶.

Отчет экспедиции Института географии АН СССР за 1951 г. содержит следующие свидетельства:

«При организации колхозов и совхозов старая хуторская система расселения создавала большие неудобства. Семьи первых переселенцев в колхозах и совхозах находились вдали от центра колхоза и совхоза. Это отражалось на организации труда полеводческих и животноводческих бригад, на создании укрупненных ферм, колхозных хозяйственных строений, на правильном и более эффективном использовании оставшегося жилого и хозяйственного фонда строений»²⁷.

Примечательно, что, познакомившись с хуторской жизнью, колхозники стали проявлять «мелкособственнические настроения»:

«25 марта состоялось собрание областного актива Калининградской организации ВКП(б). [...] Много гневных слов было сказано в адрес тех, кто путается под ногами, мешает работать, скатывается на путь буржуазного перерождения»²⁸.

Как объяснял автору бывший председатель одного из колхозов, по чьему непосредственному приказу производился снос хуторских построек, во-первых, сбор на работу расселенных по далеким хуторам колхозников требовал значительного времени и расходов; во-вторых, из-за удаленности труднее было контролировать действия людей: «Кто его знает, чем он там у себя на хуторе занимается!»

Позднее основания для сселения людей с хуторов изменились. Вот слова первого секретаря Калининградского обкома КПСС Н.С. Коновалова:

«Расширяется социально-бытовое и культурное строительство на селе. Значительная часть сельского населения области значительное время проживала на хуторах, была лишена многих благ, которыми пользуются жители современных колхозных и совхозных поселков. Проведена большая работа по сселению хуторян в крупные населенные пункты. За пять лет планируется ликвидировать 400 хуторов, ввести в эксплуатацию 670 тыс. м² жилья»²⁹.

О том, как исчезали последние следы нежилых хуторов, лаконично свидетельствуют, например, документы мелиоративных служб. Вот выдержки из рабочего проекта восстановления и реконструкции осушительной сети в колхозе «Первомайский»:

«...в целях ликвидации мелкоконтурности и выравнивания полей в границах объекта предусмотреть проведение культуртехнических работ на землях, не требующих осушения:

[...]

8. Подлежат сносу хутора;

9. Подлежат ликвидации все мелкие полевые дороги»³⁰.

Таблица 1

**Ведомость объемов работ по ликвидации хуторов
на участке колхоза «Первомайский»**

№ п/п	№ хуторов	Площадь хутора, га	Объем строительного мусора, м ³	Ямы, м ³
1.	X-1	0,25	685	
2.	X-2	0,48	2479	
3.	X-3	0,09	170	
[...]	[...]	[...]	[...]	[...]

Таблица 1 (Окончание)

№ п/п	№ хуторов	Площадь хутора, га	Объем строительного мусора, м ³	Ямы, м ³
11.	X-32	0,2	833	62
[...]	[...]	[...]	[...]	[...]
15.	X-58	0,16	278	
	Всего:	4,85	16908	93

Источник: Рабочий проект восстановления и реконструкции осушительной сети в колхозе «Первомайский». Запгипроводхоз. Т. 1. Калининград, 1985. Приложение 8. Копия в собственности автора.

Исчезали не только хутора, но небольшие поселки, оказавшиеся «неперспективными».

«На первый план выдвигается задача преобразования сел и деревень в благоустроенные колхозные и совхозные поселки со всеми коммунальными и бытовыми удобствами. Сейчас ведется застройка 9 перспективных поселков. В них решено переселить более 1600 семей колхозников, рабочих и специалистов совхозов. До конца пятилетки будет сооружено еще 8 поселков»³¹.

Один из многочисленных примеров такой тактики представлен в Таблице 2.

Таблица 2

Список поселков, подлежащих селению

№№ пос	Наименование поселков, подлежащих селению	Наименование поселков, в котор нужно селять
	Соболево Рябиновое Кудрявцево Поддубное Яковлево Ростовское Окунево	Глушково Кр. Октябрь

Источник: Проект планировки и застройки центральной усадьбы колхоза «Первомайский». Калининградколхозпроект. Калининград, 1972. С. 102—103. Копия в собственности автора.

Благодаря тому что современное административно-территориальное деление области иногда почти совпадает с довоенным, имеется возможность сравнить по некоторым характеристикам (численность населения, число населенных пунктов) нынешние районы с довоенными округами (Kreis). Рассмотрим изменения, произошедшие после войны, на примере наиболее и наименее заселенных районов Калининградской области — Зеленоградского и

Краснознаменского, сравнив их соответственно с округами Fischhausen и Pilkallen/Schloßberg (см. Таблицу 3).

Таблица 3

**Сравнение довоенного и послевоенного состояния
заселенности для некоторых районов**

Kreis / Район	Площадь, км ²	Население, чел.	Число населенных пунктов
Kreis Fischhausen / Зеленоградский район	1774,74 / 2109,6	76800 / 43900	483 / 124
Kreis Pilkallen/Schloßberg/ Краснознаменский район	1059,4 / 1279,9	42656 / 11700	382 / 53

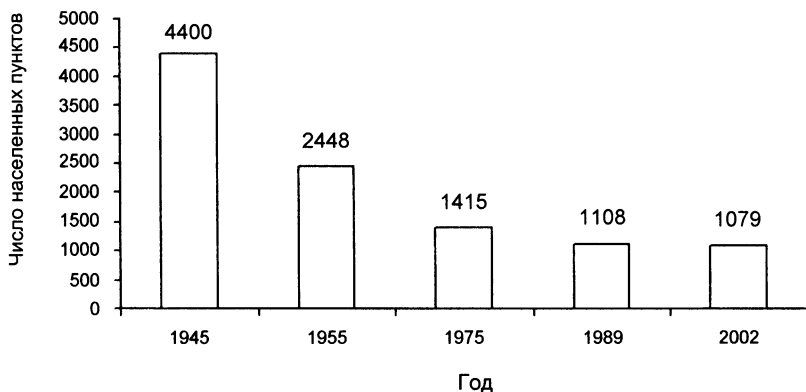
Источники: Gemeindelexikon für den Freistaat Ostpreußen. Band I. Verlag des Preußischen Statistischen Landesamts. Berlin, 1939; Административно-территориальное деление Калининградской области. Калининград, 1989. Подсчеты произведены работником ГАКО А.П. Бахтиным.

Как видно из таблицы, численность населения районов (данные на 1989 г.) уменьшилась в 1,75 и в 3,65 раза соответственно. Число населенных пунктов уменьшилось в 3,9 и в 7,2 раза соответственно.

Уменьшение числа населенных пунктов в послевоенное время по области в целом показано на Рисунке 1.

Рисунок 1

**Изменение числа населенных пунктов в Калининградской области
в послевоенное время**

Источники: Gemeindelexikon für den Freistaat Ostpreußen. Band I. Verlag des Preußischen Statistischen Landesamts; документация ГАКО по АТД (1955 г.); справочник для служебного пользования: Населенные пункты Калининград-

ской области. Калининград, 1975; Административно-территориальное деление Калининградской области; данные переписи населения 2002 г.

Примечание. Оценка на 1945 г. (ок. 4400) произведена сотрудником ГАКО А.П. Бахтиным на основании списка жилых объектов, имевших собственные названия и внесенных в «Gemeindelexikon...». В документах ГАКО указывается значительно меньшее число на немецкий период — 2831 населенный пункт (Экономические данные Калининградской области, составленные по немецким архивам Центральным статистическим управлением, и экономические данные по области на 1 января 1947 г. // ГАКО. Ф. 181. Оп. 1вс. Д. 10. Л. 57. Рубрика «Материалы, полученные от Статуправления РСФСР»). Большая разница между этими числами может быть объяснена следующим. Во-первых, неизвестно, совпадали ли критерии отнесения объекта к населенному пункту, принимавшиеся в «Gemeindelexikon...» и в Статуправлении РСФСР. Во-вторых, часть населенных пунктов была полностью разрушена в результате военных действий. Далее, в первые послевоенные годы некоторые мелкие населенные пункты были безлюдны и потому не учитывались, не переименовывались и позднее были просто разобраны.

Наглядное представление о произошедших изменениях дает сопоставление карт разного времени. На рисунках 2 и 3 отражена одна и та же местность (старейшая в отношении первых мелиоративных работ — начала XVII в.) в 1940 г. (Рисунок 2) и в 1984 г. (Рисунок 3). Видно, что за четыре десятилетия пространственно-хозяйственные структуры претерпели существенные изменения. Исчезли мелкие населенные пункты и отдельные хутора. Исчезли второстепенные дороги, которые вели к этим населенным пунктам. Демонтирована железная дорога, что повлекло за собой исчезновение связанных с ней структур. Исчезли мелкие каналы мелиоративной сети.

Что касается отдельных хуторов, то исследовать, как изменялось их число, пока не удастся.

В последнее десятилетие можно наблюдать постепенное возвращение людей в сельскую местность, что связано, в частности, с изменившимися политическими и экономическими условиями, притоком мигрантов, а также более высокой моторизацией жителей.

Мелиорация

Климат и строение грунта в Восточной Пруссии обусловили необходимость мелиорирования земель. Только благодаря мелиорации около 72% земли стало пригодно для сельского хозяйства. Мелиоративные работы начались в Восточной Пруссии во времена Немецкого ордена, который приглашал голландцев, имевших большой опыт такой работы, на постоянное поселение.

По данным советских мелиоративных служб (середина 1950-х гг.), в области имелось 14 гидрологических бассейнов, в которые входило 365 осушительных систем³². Имелось около 145 насосных станций, которые осушали 108 польдеров (обвалованных участков) общей площадью 103 тыс. га. Длина береговых и защитных дамб составляла более 625 км³³. По оценкам, общая протяженность каналов в Калининградской области, включая открытые коллекторы дренажных систем, составляла 26317 км³⁴ (!). Общая протяженность закрытой сети (дренажа) оценивалась в 420000 км (!): «Длина... подземных линий, уложенных в одну, превышает в десятков раз длину земной окружности по экватору»³⁵. Это самая плотная в Европе мелиоративная сеть. Она нуждалась в постоянном и дорогостоящем уходе (создание и развитие ее также стоило очень дорого).

«Конечно, дальнейшее содержание дамб и дренажных канав, а также подъемников и насосов стоило много труда и средств, которые немецкое население постоянно оплачивало, так как эти затраты высоко окупались»³⁶.

Первые систематические мелиоративные работы на территории современной Калининградской области были проведены в 1613—1616 гг. в районе Гильге — Таве — Скепен³⁷. Массовые мелиоративные работы начались в XIX в.

По оценке Ф. Херррайста, немецкого специалиста-мелиоратора, работавшего в Восточной Пруссии, в целом в восточно-прусскую мелиоративную систему немцами было инвестировано 188 млн рейхсмарок, что соответствует примерно 2,3 млрд марок по курсу 1979 г. Поскольку за некоторые годы статистика отсутствует, общие затраты оценочно равны 4 млрд марок³⁸. Первоначально мелиоративные работы имели государственное финансирование. В середине XIX в. забота о проведении мелиоративных работ и поддержании мелиоративной системы была передана государством общественным объединениям — мелиоративным товариществам³⁹, которых к 1928 г. в целом в Восточной Пруссии было 597⁴⁰.

Несмотря на многочисленность и разрозненность землепользователей, мелиоративных товариществ, действительность принуждала их к кооперации. Мелиоративная система становилась все более сложной и плотной, и ее дальнейшее развитие требовало согласованности действий. В Государственном архиве Калининградской области (ГАКО) имеется небольшой фонд немецких документов, представляющих эту тенденцию в 1920-е гг. Вот выдержка из одного такого документа:

«...разрозненные действия характерны, правда, для строительства всех более ранних дамб. В Голландии тоже обваловывались сначала не-

большие, наиболее пригодные по природным условиям площади и лишь позже... возникли крупные общества, строившие сообща технически сложные и связанные с крупными расходами дамбы и прочие сооружения. [...] В районе затопляемости р. Вислы недавно тоже произошло слияние многочисленных независимых друг от друга мелких обществ в крупное Висло-Погатское обваловательское общество. Там, где не произошло такого рода слияние, началась междоусобная борьба, которая привела, как и на Остфризском побережье, ко всеобщему краху. Что касается данного случая, то эта борьба между обществами уже началась и при каждом новом частичном обваловании, несомненно, чрезвычайно обострялась бы и служила бы поводом для бесконечных судебных процессов»⁴¹.

По своей сложности и оснащенности механизмами мелиоративная система Восточной Пруссии относилась к одной из лучших в Европе. Это признавалось и после войны советскими мелиоративными службами, о чем свидетельствуют неоднократные упоминания в различных документах⁴².

Немецкая мелиоративная система оказалась диковиной для переселенцев, никогда не видевших ничего подобного. Например, как рассказывали автору первые переселенцы, гончарные дренажные трубки, повсюду зарытые в землю, иногда воспринимались как незавершенная немцами саперная работа. Естественно, трубки рассматривались как опасные предметы и изымались с полей и огородов. Сильно нарушила дренаж и глубокая вспашка, противопоказанная в местных условиях, но повсюду применявшаяся. Использовались неправильные агротехнические приемы — бессистемная вспашка. При этом была ликвидирована создававшаяся столетиями система организованного поверхностного стока.

Калининградские земельные и водные управления проводили регулярные информационные мероприятия, в частности в периодической печати. Устраивались так называемые «месячники мелиорации». Калининградские газеты были полны призывов к сохранению мелиоративной системы. Приведем несколько выдержек за один только 1947 г.

«Специфические условия области (повышенная влажность почвы) обязывают нас широко пользоваться осушительной системой. Поэтому надо, пользуясь сухой погодой, очищать осушительные каналы, ремонтировать дренажную систему. Весной будет поздно проводить эти работы. Районные земельные органы и областной отдел мелиорации обязаны ознакомить колхозников с дренажом и осушением почвы, организовать очистку засорившихся каналов»⁴³ (А. Стромский, начальник Калининградского областного земельного отдела).

«Земли Калининградской области чрезмерно обильны влагой. Под полями проложены дренажные трубы, выходящие в сточные канавы. Большинство этих канав завалено мусором, и весной излишки воды, не найдя стока, хлынут на поля и могут превратить их в болота. Расчисткой канав, приемных колодцев не занимаются почти нигде. [...] Беда в том, что никто до сих пор не разъяснил колхозникам необходимость этой работы»⁴⁴.

«В колхозе им. Сталина и во многих других мелиоративная система засорена, талые воды застаиваются на полях, создают угрозу срокам сева. Однако отдел сельского хозяйства не принял мер к осушению полей»⁴⁵.

Уже обустроенная территория должна была инициировать определенные действия со стороны переселенцев. Так, в новом сообществе должны были возникнуть соответствующие новые структуры.

«Реконструкция старых и создание новых осушительных систем области, а также поддержание их в порядке вызывают необходимость создания в области ряда районных машинно-мелиоративных станций, организации при МТС машинно-мелиоративных бригад, организации специальных бригад в колхозах и совхозах, которые осуществляют постоянное наблюдение за осушительной системой в пределах своего хозяйства»⁴⁶.

«...На дренажных системах без такой службы обойтись нельзя, иначе эти земли рано или поздно выпадут из сельскохозяйственного использования»⁴⁷.

«При областном отделе мелиорации в феврале откроются курсы колхозных мелиораторов, рассчитанные на 160 человек»⁴⁸.

В деле эксплуатации имевшейся мелиоративной сети и ее реконструкции советские мелиораторы столкнулись с рядом трудностей, прежде всего структурно-организационного характера. Было испробовано много форм организации работы.

«С момента объединения управления совхозов и управления сельского хозяйства мелиораторы совхозов в оперативном и техническом отношении подчинены системным управлениям облводхоза, получая зарплату в совхозах и оставаясь в административном подчинении директорам совхозов.

Такое двойственное подчинение крайне отрицательно отражается на производстве мелиоративных работ»⁴⁹.

«Даже мы, заядлые водники, начинаем путать и теряться в разрешении функций всех этих организаций. [...] Не пора ли нам вернуться к той форме, которая была в Средней Азии до 1932 г., когда все водохозяйственные работы в районе осуществлялись через одну организацию»⁵⁰.

«Формы организации эксплуатационной службы в колхозах у нас еще не сложились. Мы пробовали создавать мелиоративные бригады, звенья, институт ремонтеров, но ни одна из этих форм не прижилась»⁵¹.

«Н.С. Хрушев высказал тогда мнение, что служба эксплуатации в области должна быть построена по принципам, действующим на железной дороге»⁵².

При восстановлении мелиоративной сети возникло много несогласованностей. Постановлением правительства ведомства были обязаны восстановить осушительные системы в границах своих земельных владений и после восстановления передать в эксплуатацию Калининградскому облводхозу, на который были возложены функции межведомственного контроля и надзора. Однако не все ведомства стали заниматься этой работой, и понятно, что о системности не могло быть и речи.

«У себя в области, где сельское хозяйство базируется почти исключительно на осушаемых землях, мы убедились, что в вопросах производства проектно-изыскательных работ, строительных и эксплуатационных работ не должно быть ведомственных границ... необходимо, чтобы водохозяйственными работами руководила одна межведомственная организация, и думаем, что этой организацией должно быть Министерство водного хозяйства»⁵³.

Другая трудность была связана с тем, что мелиоративная система с самого своего возникновения предназначалась для эксплуатации в условиях индивидуального землепользования. Соответственно, мелиоративная сеть была приспособлена не только к рельефу местности, но и к границам землепользований.

«Существующие системы осушения в ряде случаев, при организации хозяйства колхозов и совхозов, оказались не соответствующими новым условиям крупного социалистического хозяйства. Колхозы и совхозы области должны были их расширить, реконструировать»⁵⁴.

Землеустройство в области было произведено с учетом только открытой мелиоративной сети, поскольку техническая документация по дренажу отсутствовала. Это привело к тому, что отдельные мелиоративные системы стали располагаться в границах разных землепользований (земли колхозов, совхозов, лесных хозяйств и госземфонд). Получилось, что из 365 имевшихся в области мелиоративных систем 342 стали межхозяйственными⁵⁵. Это обстоятельство крайне затрудняло эксплуатацию мелиоративной сети. Так, соседствующие землепользователи, выращивая различные культуры, нуждались в разных режимах мелиорации, обеспечить которые в условиях несовпадения границ землепользований и мелиоративных систем было невозможно.

Большие сложности принес «конфликт» между плановой системой с ее крупными хозяйствами и местными почвенно-климатическими особенностями. Экспедиция Почвенного института

им. В.В. Докучаева выяснила, что в условиях области сформировалось богатое многообразие почв: в одном поле может встретиться три-четыре почвенных разности, которые обладают различными свойствами по отношению к воде и требуют различных режимов мелиорации. Тем самым «исключается возможность применения какой-то одной схемы механического размещения с. х. культур по районам и колхозам области»⁵⁶. Плановые соображения повлияли на то, что специализация части хозяйств изначально не соответствовала природным условиям и степени мелиорированности земель: «...например, на польдерах низкого и среднего уровня существуют хозяйства с таким составом культур, как и на системах самотечного осушения»⁵⁷.

Состояние многих мелиоративных систем было неудовлетворительным. В разных случаях этому давались разные объяснения. В газетах, в официальных документах, предназначенных для обнародования, говорилось, что немцы при отступлении специально уничтожали насосные станции, мосты, дамбы, что все мелиоративные системы выведены из строя в результате военных действий. В документах «внутренних» указывался целый ряд факторов, обусловивших современное состояние мелиоративной системы: военные действия, послевоенный демонтаж, разворывание и уничтожение оборудования, отсутствие ухода. Позднее пришлось завозить недостающие агрегаты из советской оккупационной зоны Германии. Восстановление мелиоративных сетей было осложнено отсутствием немецкой технической документации, в частности по дренажу⁵⁸.

Значительная роль в поддержании мелиоративной системы отводилась населению. Так, например, Полесский райисполком «для обеспечения высоких урожаев на используемых землях и для ввода в сельскохозяйственный оборот новых площадей после их мелиорации» принял план водохозяйственных мероприятий на 1948 г. на сумму 238730 руб., где доля госбюджета составляла 56980 руб., местного бюджета — 14600 руб., остальная часть — 167150 руб. — погашалась за счет трудового участия населения⁵⁹. Мелиорация была объявлена народной стройкой. Однако даже в середине 1950-х гг. отмечалось следующее:

«...несмотря на значительный объем работ, осуществленных по восстановлению осушительных систем, нельзя признать состояние осушительных земель удовлетворительным, и не только по организационным, но и по техническим причинам»⁶⁰.

Даже при осознании необходимости скорейшего восстановления мелиоративной системы в Калининградской области, больших ка-

питаловложениях и искренних усилиях со стороны специалистов-мелиораторов восстановление и реконструкция ее растянулись на десятилетия. Сложная пространственно-хозяйственная структура, требовавшая для успешного использования и поддержания специальных знаний, значительных материальных затрат и организованных физических усилий, оказалась практически заброшенной.

Приведем типичный пример состояния мелиоративной системы на 1985 г.:

«Проектируемый участок в настоящее время осушается открытой сетью на площади 132 га, выборочным дренажем — 78 га, неосушенные земли — 177 га. Существующая осушительная система находится в неудовлетворительном состоянии. Открытые каналы заилены, заросли древесно-кустарниковой растительностью, устья и колодцы частично разрушены. В связи с избыточным увлажнением, интенсивно использовать земли в современном состоянии не представляется возможным»⁶¹.

Ценотический подход

Состояние рассматриваемой территории начиная с послевоенного времени обусловлено самыми различными факторами. Среди них, например, политический фактор — долгая неопределенность с будущей принадлежностью области. Важен также «человеческий фактор» (психологический) — медленное приживание к чужому культурному пространству, специфика нового населения, прибывшего из многих областей Советского Союза и лишенного, вплоть до появления первого поколения местных уроженцев, корней на этой земле. Далее — специфика советского способа хозяйствования и пр.

Наша задача заключается в выработке общего подхода к описанию произошедших на этой территории изменений. Такой общий подход можно разработать, опираясь на понятие *ценоза* в биологии. Ценоз представляется как сообщество живых организмов, которое в рамках своего участка суши или водоема может рассматриваться как целостное и устойчивое в силу приспособленности организмов к среде и их определенных отношений друг к другу. Человеческие сообщества также «составляют устойчивые системы, включающие в себя, кроме людского поголовья, известное количество элементов живой природы и технически организованного косного вещества. Это значит, что в этноценоз (так назовем сложный комплекс, описываемый нами) входят наряду с людьми те или иные домашние животные, окультуренные растения и вещи — как предметы обихода»⁶².

Расширим понятие «этноценоз» до труднопроизносимого термина «этнобиотехногеоценоз» (включив в рассмотрение, кроме человеческого сообщества, животных и растений, а также подвергающийся изменениям природный ландшафт и «техническую среду»)⁶³. В этнобиотехногеоценозе, сложившемся на рассматриваемой нами территории к концу войны, была заменена самая важная часть — человеческое сообщество, и он, конечно, не мог существовать как прежде.

«Вместе с побежденным этносом деформируется и вмещающий его ландшафт, ибо этнос составлял часть данного геобиоценоза, или экосистемы»⁶⁴.

«Рабочая сила, завезенная из различных областей, не представляла единого рабочего тела. Обращение с чужим немецким машинным парком приносило значительные трудности»⁶⁵.

Новое сообщество, которое по устройству и функционированию принципиально отличалось от прежнего, естественно, не могло поддерживать территориально-хозяйственные структуры в былом виде. Новый ценоз функционировал в принципе иначе, чем прежний. Поэтому нельзя согласиться с высказанным после войны мнением о том, что «имей Советский Союз заинтересованность в хозяйстве этой области, то для него было бы возможным в последние шесть лет посредством инвестиций и переселения больших групп людей использовать имеющиеся хозяйственные возможности. СССР отказался от того, чтобы развивать сельское хозяйство, восстанавливать индустрию, заселить область в большем масштабе»⁶⁶.

Этнобиотехногеоценоз является сбалансированной системой, чутко реагирующей на любые изменения. Например, пока в Европе в качестве источников силы использовались исключительно лошади и водяные колеса, производства были «привязаны» к выпасам и рекам; число и места размещения производств определялись запасами сена и возможностями для постройки плотин. Появление паровых машин — «нового вида» в ценозе — сняло прежние ограничения.

Становление этнобиотехногеоценоза есть длительный процесс, «подгонка» и «приработка» его частей происходит в течение десятков и сотен лет. Особая *vis vitalis* — человек — создает и двигает ценоз, подгоняет его элементы друг к другу.

«Особого внимания заслуживают достижения в селекции растений и животных; длившаяся десятилетиями работа (по выведению адаптированных к климату, высокоурожайных культурных растений и высокопродуктивных домашних животных) сделала возможным в данных естественных условиях достичь столь значительных производственных результатов»⁶⁷.

Традиция хозяйствования, принесенная переселенцами, естественно, не могла быть непосредственно продолжена на новом месте. О продолжении немецких традиций не могло быть и речи.

«...По всем осушительным системам и их сооружениям не сохранилось никакой технической документации, ни проектной, ни исполнительской, а новые землепользователи не имеют ни опыта, ни традиций ни в производстве мелиоративных работ, ни в освоении осушаемых земель»⁶⁸.

«Принятое в настоящее время в колхозах области размещение и соотношение посевных площадей с. х. культур нередко находится в противоречии с указанным выше районированием растениеводства, которое исторически вырабатывалось здесь в соответствии с природными условиями земледелия»⁶⁹.

Переселенцы медленно и необратимо изменяли ландшафт новой территории, ее водный режим, состав почв, растительный и животный мир, привнося новые виды и изводя прежние. Изменилась дорожная сеть, система заселения территории. Постепенно исчезла и сменилась новой прежняя техническая среда. Рассмотрим некоторые изменения на примере деятельности мелиоративных служб. Немецкая мелиоративная техника, эксплуатировавшаяся в области в первые послевоенные годы, постепенно выходила из строя.

«Мы пару таких [землечерпалок] восстановили, но одну разобрала при буксировке машинно-мелиоративная станция, а вторая при работе опрокидывалась. [...] А пока что каналы стоят и зарастают»⁷⁰.

Замена вышедшей из строя немецкой техники на отечественную была сопряжена с различными трудностями. В частности, при осуществлении мелиоративных работ, которые в Калининградской области имели сравнительно малый масштаб, требовался тот же, что и при производстве крупных гидростроительных работ, набор инструментов, но меньших размеров и производительности: бетономешалки, растворонасосы, цемент-пушки, вибраторы, вибропогрузатели, грязевые и песковые насосы, эжекторы, средства бесперебойного водоотлива, подъемные краны и т. д. Такая техника нашей промышленностью не производилась.

«...Мы почти всего этого не имеем, и нам приходится самим конструировать и краны-деррики, и полноповоротные краны...»⁷¹.

Еще одна сложность была связана с переводом оборудования, в частности оборудования насосных станций, на отечественные стандарты.

«Нестандартность напряжения и гидромеханического оборудования для нашей промышленности представляла и представляет значительные трудности в восстановлении станций»⁷².

При эксплуатации мелиоративной сети у работников появлялись так называемые рацпредложения; некоторые рацпредложения осуществлялись в виде усовершенствования имеющейся техники либо путем создания новых технических изделий, приспособленных для эксплуатации в данных условиях: в частности, новых или усовершенствованных плугов, ковшей и прочих приспособлений для производства земляных и очистных работ.

«В отношении механизации мы ставим перед собой задачу приспособить косилку для окашивания дамб и каналов и изготовить и внедрить простейшие механизмы для очистки дна канала от растительности»⁷³.

Для характеристики разных этнобиотехногеоценозов и их сравнения интересны самые различные данные: от многообразия культивируемых в сельском хозяйстве растений до разнообразия общественных организаций. К сожалению, на данный момент мы располагаем только разрозненной статистикой, не позволяющей последовательно провести такое сравнение.

* * *

На территории запечатлеваются черты устройства и история населяющего ее сообщества. Смена сообщества означает тотальные изменения созданного ранее.

«Машина для жилья» (Ш.Э. Ле Корбюзье) — бывшая Северо-Восточная Пруссия — была принципиально изменена. «Советские люди заново, на социалистический лад, перекроили здешнюю землю, механизировали колхозное и совхозное производство, применили передовую агротехнику»⁷⁴. Мириады частных ячеек, которые могли функционировать только в условиях прежнего целого, исчезли. Разнообразие форм в ценوزه было существенно редуцировано. Пространству стали свойственны сильная централизованность и связанная с ней асинхронность. Эти особенности, в общем-то характерные и для СССР в целом, очень ярко выявились в процессе освоения «чужого» пространства бывшей Северо-Восточной Пруссии.

Примечания

¹ Статья является существенно переработанным и дополненным вариантом доклада, прочитанного автором 4 декабря 2004 г. на международной конференции «Zwangsmigration und neue Gesellschaft in Ostmitteleuropa nach 1945» в Collegium Carolinum (Мюнхен). Автор благодарит Фонд Герды Хенкель за поддержку проекта «Культура в “чужом” пространстве: российский опыт освоения новых пограничных территорий в послевоенный период», в рамках которого написана эта статья.

- 2 Попытка комплексного рассмотрения этой проблемы была предпринята на организованном автором настоящей статьи в октябре 2002 г. международном научном семинаре «Народы и культурные ландшафты: бывшая Восточная Пруссия после 1945 года».
- 3 Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. СПб., 2002. С. 94—96.
- 4 Там же. С. 87.
- 5 Калининградская правда (далее — КП). 17.12.1946.
- 6 Там же. 15.02.1947.
- 7 Там же. 26.02.1948.
- 8 Там же. 14.03.1948.
- 9 Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland. Jena: Gustav Fischer, 1933.
- 10 Реконструкция из: Heinritz G. Zentralität und zentrale Orte. Stuttgart: Teubner, 1979. S. 24.
- 11 КП. 4.02.1947.
- 12 Там же. 1.01.1948. Доклад секретаря Калининградского обкома партии Егорова А.А. «О подготовке к весеннему севу» на пленуме обкома.
- 13 Там же. 21.03.1947.
- 14 Потому что железная дорога была демонтирована после войны!
- 15 КП. 1.03.1947.
- 16 Материалы областного совещания работников водохозяйственных организаций от 24 июля 1964 года (списки, стенограммы, доклад и др.) // Государственный архив Калининградской области (далее — ГАКО). Ф. 86. Оп. 1. Д. 326. Л. 25.
- 17 КП. 25.04.1947.
- 18 Там же. 18.03.1947.
- 19 Там же. 20.02.1947.
- 20 Там же. 4.03.1947.
- 21 Bloech H. Ostpreußens Landwirtschaft. Leer, 1979. S. 26. См. также: Seraphim P.-H. Die deutschen Ostgebiete. Ein Handbuch. Bd. I: Wirtschaft Ostdeutschlands vor und nach dem Zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1952. S. 16. Немецкий Восток имел «преимущество по отношению к другим немецким сельскохозяйственным областям с их сильной мелкоконтурностью земельных наделов...». Размеры восточно-пруссских наделов были оптимальны для машинной обработки.
- 22 Bloech H. Op. cit. S. 22.
- 23 Экономические данные, площадь, население Калининградской области за 1947 год // ГАКО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 38. Л. 21.
- 24 Bloech H. Op. cit. S. 25.
- 25 Ожевский П.Г. Калининградская область (экономико-географическая характеристика) // ГАКО. Ф. 297. Оп. 128. Д. 6. Л. 10.
- 26 Сводный отчет о распределении земель по угодьям и землепользователям по области за 1951 г. // ГАКО. Ф. 139. Оп. 9. Д. 254. Л. 17.

- 27 Ожевский П.Г. Указ. соч. Л. 135—136.
- 28 КП. 1.01.1948.
- 29 Коновалов Н. Развитие экономики Калининградской области // Блокнот агитатора. Калининград, 1977. № 18. С. 14.
- 30 Рабочий проект восстановления и реконструкции осушительной сети в колхозе «Первомайский». Запгипроводхоз. Т. 1. Калининград, 1985. С. 30. Копия в собственности автора.
- 31 Коновалов Н. Указ. соч. С. 14.
- 32 Справки о состоянии осушительных систем, о выполнении плана водохозяйственного строительства за 1955—1956 гг. // ГАКО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 105. Л. 12.
- 33 Там же. Л. 14.
- 34 Там же. Л. 52.
- 35 Там же. Л. 19, 81.
- 36 Bloech Н. Op. cit. S. 11.
- 37 Herrgeist F. Die Wasser-, Boden- und Deichverbände in Ost und Westpreussen 1868 bis 1938. Grote, 1983. S. 229.
- 38 Ibid. S. 69.
- 39 Ibid. S. 230
- 40 Bloech Н. Op. cit. S. 112.
- 41 Залив Куришгаф. Документы Немонинского обваловательского общества. Тавельнинский польдер. 1922 г. // ГАКО. Ф. 55. Оп. 1—4. Д. 41. Л. 117.
- 42 См., напр.: Материалы по истории Калининградского областного управления водного хозяйства за 1946—1964 гг. (приказы, решения, справки и др.) // ГАКО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
- 43 КП. 4.01.1947.
- 44 Там же. 4.02.1947.
- 45 Там же. 20.04.1947.
- 46 ГАКО. Ф. 297. Оп. 12. Д. 6. Л. 204.
- 47 Справки о состоянии осушительных систем... Л. 107.
- 48 КП. 16.04.1947.
- 49 Материалы по истории... Л. 94.
- 50 Там же. Л. 34.
- 51 Там же. Л. 43.
- 52 Там же. Л. 87.
- 53 Там же. Л. 32.
- 54 Ожевский П.Г. Указ. соч. Л. 201.
- 55 Справки о состоянии осушительных систем... Л. 23, 29.
- 56 Предложения по принципам агрономелиоративного земледелия на землях Калининградской области. 1954 г. // ГАКО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 84. Л. 8—9.
- 57 Справки о состоянии осушительных систем... Л. 48—49.
- 58 Материалы по истории... Л. 1.

- 59 ГАКО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 3. Л. 148.
- 60 Справки о состоянии осушительных систем... Л. 21.
- 61 Рабочий проект восстановления и реконструкции осушительной сети в колхозе «Первомайский». С. 24.
- 62 Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994. С. 366.
- 63 Правомерность рассмотрения техноценозов по аналогии с биоценозами обосновывается в работах Б.И. Кудрина. См., напр.: Применение понятий биологии для описания и прогнозирования больших систем, формирующихся технологически // Электрификация металлургических предприятий Сибири. Вып. 3. Томск, 1976. С. 171—204. Кудрин рассматривает понятие «биотехногеоценоз».
- 64 Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 550.
- 65 Seraphim P.-H. Op. cit. S. 87.
- 66 Ibid. S. 104.
- 67 Neumann R. Die ostdeutsche Wirtschaft. B: Die Ostgebiete des Deutschen Reiches. Würzburg, 1955. S. 148.
- 68 Справки о состоянии осушительных систем... Л. 76.
- 69 Предложения по принципам... Л. 10.
- 70 Справки о состоянии осушительных систем... Л. 83.
- 71 Там же. Л. 38.
- 72 Там же. Л. 76.
- 73 Там же. Л. 50.
- 74 КП. 26.02.1948.

В глубь веков

Многосемейное крестьянское дворохозяйство: реликт патриархального прошлого или феномен Нового времени?

Семья и дворохозяйство как минимальные структурообразующие элементы человеческого общества постоянно находятся в фокусе внимания исследователей. В литературе распространено представление о том, что на протяжении человеческой истории происходило последовательное уменьшение размеров этой минимальной ячейки — от общины охотников и собирателей через патриархальную общину земледельцев и скотоводов к современной нуклеарной семье. В то же время существуют и другие точки зрения. Антрополог А. Купер приводит многочисленные свидетельства того, что базовой формой семьи у современных «малых народов», от бушменов Южной Африки и аборигенов Австралии до индейцев бассейна Амазонки, является именно нуклеарная семья. Большие развернутые семейные структуры возникли на некоторой стадии развития земледельческо-скотоводческого общества и были, таким образом, лишь эпизодом в истории человечества¹.

Вопрос о времени и обстоятельствах обратного перехода от большесемейной общины к малой семье также остается дискуссионным². По мнению М. Миттерауера, различие исторических судеб Западной и Восточной Европы во многом связано с тем, что первая из них претерпела этот переход еще в Средневековье³. С этой точки зрения большесемейное дворохозяйство, доминировавшее у крестьян на Востоке Европы до середины XIX в., представляется реликтом глубокой старины, что позволяет ранжировать европейские социумы по степени их «продвинутости» от патриархальности к модерну.

В данной статье вниманию читателя предлагаются некоторые факты и соображения в пользу того, что динамика семейной структуры была более сложной. Для этой цели целесообразно разграничить понятия «*семья*» и «*дворохозяйство*», хотя они не разграничивались самими крестьянами, в представлении которых

* Носевич Вячеслав Леонидович — кандидат исторических наук (Белорусский научно-исследовательский центр электронной документации, Минск).

все члены общего хозяйства были одной семьей. Но когда исследования идут в русле этой практики, возникает необходимость постоянно различать малые и большие семьи, вводить такие понятия, как «хозяйство-семья» и «составная семья» (по терминологии Б.Н. Миронова⁴), «домовая община» (по терминологии Ю.Л. Бессмертного⁵) и т. п. По нашему мнению, проще под семьей понимать именно нуклеарную семью, а любую группу лиц, ведущих совместное хозяйство, и, как правило, отражаемую в учетно-фискальных документах под одним номером, именовать *домохозяйством*, что является точным эквивалентом англоязычного понятия «*household*», или, предпочтительнее, *дворохозяйством* (в качестве сокращенных форм уместны варианты «*двор*» и «*хозяйство*»). При таком подходе хозяйство может не включать ни одной семьи (дворохозяйство, состоящее из *одиночек*), включать одну семью (в этом случае можно говорить об *односемейном* дворохозяйстве) или семью в сочетании с одиночками (*расширенное* дворохозяйство). Во всех случаях, когда совместно живут и хозяйствуют более одной семейной пары, следует вести речь о *многосемейном* дворохозяйстве.

Примерно такой подход используется в классификационной схеме П. Леслетта, завоевавшей международную популярность⁶. Но она создавалась в первую очередь для отражения западноевропейских реалий, в которых большое значение имеет разграничение разных видов *полной, неполной и редуцированной* семьи, составлявших там абсолютное большинство, но почти отсутствующих во многих восточноевропейских выборках. Для выявления общей картины в масштабах всей Европы достаточно сопоставления трех обобщенных категорий: первая из них объединяет полные, неполные (редуцированные) семьи и одиночек, вторую образуют расширенные хозяйства, третью — все виды многосемейных. Преимущество такой группировки нам видятся в том, что подсчет числа хозяйств первой категории возможен (с минимальными погрешностями) при наличии источников, где указаны только лица мужского пола, что не позволяет провести детальную классификацию по схеме П. Леслетта. При этом данные оказываются сопоставимыми, поскольку полная схема Леслетта почти однозначно преобразуется в обобщенную.

В любом случае возможности такой классификации ограничиваются наличием письменных источников. В более раннее время судить о структуре семьи и дворохозяйства можно лишь косвенно, на основании археологических материалов. Так, характерный для Скандинавии VI—X вв. дом столбовой конструкции, имевший длину около 10—30 м при ширине 4,5—7 м⁷, явно был рассчитан на совместное проживание общины, включавшей несколько брачных пар (двух-трех поколений близких родственников). Кроме них в хо-

зайстве полноценного бонда предполагалось и 2—3 домашних раба. Действительно, указания на совместное ведение хозяйства членами большой семьи встречаются в записях обычного права Норвегии и Швеции еще в XIII—XIV вв.⁸

У восточных славян в VI—VIII вв. господствует иной тип жилища — квадратная полуземлянка с размером стороны от 3 до 4 м, рассчитанная на небольшое число жильцов. Но такие полуземлянки группируются на поселениях в гнезда от 5—6 до 10—15 с общими для них ямами-погребями и наземными хозяйственными постройками, а также площадкой коллективного двора. Данный тип поселения интерпретируется как большесемейная община, образуемая несколькими нуклеарными семьями. Хотя каждая из них спала в отдельном жилище, скот и пищевые запасы были общими и, видимо, являлись объектами совместного труда. Предполагается, что это обуславливалось подсечной формой земледелия⁹.

В последующие века, по мере возобладания постоянных пахотных наделов, произошел переход к усадебной застройке, при которой жилое и хозяйственные строения образуют единый комплекс. Размер срубной избы был невелик: однокамерная постройка с длинной стороны 4—5 м. Типы жилища, ориентированные на совместное проживание нескольких супружеских пар, отсутствовали¹⁰. В принципе это не исключает возможности того, что в одном доме жили пусть не 5—6, но хотя бы 2 семьи. Однако отрывочные сведения письменных источников свидетельствуют, что в Киевской Руси основной формой крестьянского хозяйства была семья, состоящая из одной супружеской пары. Именно такая семья подразумевается в речи Владимира Мономаха, занесенной в летопись под 1103 г.: «*оже то начеть орати смерд, и приехав половчин ударить и стрелюю, а лошадь его поиметь, а в село его ехав, иметь жену его и дети его, и все его именье*»¹¹. Таким образом, переход к малой семье на территории Руси, возможно, произошел раньше, чем в Скандинавии, и примерно в одно время с Германией.

Как же в таком случае объяснить бесспорное преобладание многосемейных дворохозяйств у восточных и южных славян в более позднюю эпоху? Применительно к балканской *задруге* М. Тодорова полагает, что она представляет собой вторичное явление, возникшее не ранее XVII в. в процессе адаптации к специфическому сочетанию экологических и экономических условий¹². По нашему мнению, существует достаточно оснований для такого же утверждения в отношении восточнославянской деревни. Материалы, которыми мы располагаем, относятся в первую очередь к территории современной Белоруссии, но с широким привлечением сопоставимых данных по другим регионам.

Для периода XIV—XV вв. не сохранилось документов, непосредственно описывающих размеры и состав крестьянской семьи на территории Великого княжества Литовского. Есть ряд косвенных данных о размерах податной единицы, с которой исчислялась медовая дань — основной вид повинности в пользу государства или феодала. Обычно плательщик такой дани выступает просто как человек, но из некоторых документов явствует, что он мог быть главой довольно крупной хозяйственной единицы, в более поздних источниках именуемой *службой*. Так, литовский боярин Войтех Монивид, один из приближенных великого князя Витовта, в 1422 г. подарил Виленскому епископству два родственных клана на реке Березине, составлявших некогда, вероятно, одну такую единицу, позднее разделенную на две, — в документе они названы Львовичами и Небутовичами с их братьями и родственниками (*Lwowiecze et Nebutowicze fratres et consangwinei*). При этом отмечалось, что они представляют собой 6 самостоятельных семей (именно такой славянский термин использован в латиноязычном документе: «*sex familiae vulgariter siemie*») ¹³.

Та же система взимания старинной дани фиксируется почти столетием позже в селе Ганевичи, выделенном из Логожского княжества. Упоминание относится к 1516 г., но отражает более раннюю ситуацию: опрошенные в ходе судебного разбирательства свидетели показали, что «з села Ганевицкого на костел Святого Станислава здавна дани давали 8 ушатков и 4 пуда меду, а 2 человека Овдеевичи и Охромеевичи к Логожску 2 ушатка и 2 пуда давали» ¹⁴.

Судя по тому, что службы назывались по именам (точнее, отчествам) их держателей, каждая из них находилась во владении одного крестьянского рода. На момент установления службы ее держателем была, скорее всего, нуклеарная семья. Но в условиях существования фиксированной повинности с нечетко очерченной единицы обложения крестьяне были заинтересованы в том, чтобы при разрастании семьи взрослые сыновья оставались держателями общей службы, — при этом налоговое бремя на каждое хозяйство сокращалось. Поэтому повинность выполнялась родственными кланами, называвшимися по имени первоначального держателя. Вероятно, их размер зависел от того, насколько долго служба находилась в распоряжении одной семьи. За два-три поколения непрерывного держания такая семья могла разрастись до 5—6 и более взрослых мужчин.

К имени Острожчицы (в том же регионе Центральной Белоруссии) при пожаловании его в 1440-е гг. великокняжескому маршалку пану Войтку были причислены «4 човеки Гоголичан Менских, а два човеки Корговци Логожан» ¹⁵. В инвентаре 1557 г. в составе имения фигурируют оба этих поселения: Гоголица и Корго-

во¹⁶. Жители Коргова по-прежнему делились на 2 службы, но теперь одна состояла из 4 *дымов*, другая — из 3. В Гоголице насчитывалось 10 *дымов*, которые не разделялись на службы: принадлежащий каждому участок определяется в инвентаре как *земля зупольная*. Это отражает начавшийся процесс раздела служб на индивидуальные наделы — *дымы*, принадлежавшие в идеале нуклеарным семьям.

В инвентаре имения Радошковичи за 1549 г.¹⁷ братья, а также отцы и их взрослые сыновья очень часто фигурируют как главы отдельных *дымов*: «*Тумаш а Шымко Горачьчычы, дымы 2, пол-службы; Есип Пашкович, а сына его — Ходор, Олексей, Семен, Сидор, Овхим, дымов 6, трети́на службы*» и т. п. В приписанной к этому же имению Реваницкой волости, где основной повинностью была медовая дань, в некоторых случаях дворохозяевами, несомненно, были родные братья: «*Мойсей Малашкович, дым... Конаш Малашкович, дым... Под тыми обе́ма Мойсеем а Конашом земля брата Артима Малашковича*». Из упомянутых друг за другом Карпа Комяжыча и Евхима Карповича первый явно был отцом второго, т. е. сын выделился в самостоятельное хозяйство при жизни отца. Насколько универсальной была эта практика, данный инвентарь судить не позволяет, так как в нем указаны только главы хозяйств. Но это можно узнать по другим источникам.

В инвентаре имения Мядель за 1545 г.¹⁸ фигурируют 97 *дымов* с указанием всех лиц мужского пола (их было 268, или в среднем 2,76 на дым). Даже если интерпретировать как неполные или расширенные семьи все случаи, когда в хозяйстве упомянуты 2—3 бездетных брата, можно утверждать о существовании не более 126 семей. Абсолютно преобладали *дымы*, состоящие из одной семьи, — примерно 68 (70,1%). В 25 случаях в составе дыма было по 2 таких семьи (в основном это семьи двух женатых братьев), в 4 случаях — по 3 семьи. На один дым приходилось в среднем по 2,76 мужчины и 1,3 семьи, на одну семью — по 2,1 лица мужского пола. Если допустить, что количество женщин в целом соответствовало количеству мужчин, то средняя численность семьи немногим превышала 4 чел., а средний размер дворохозяинства был близок к 5,5 чел.

Все лица мужского пола упоминаются также в датированном 1569 г. инвентаре имения Ганута¹⁹. Абсолютное большинство *дымов* (58 из 65, или 89%) состояли из хозяина с сыновьями или без них, т. е. представляли собой, скорее всего, малые семьи. Оставшиеся 7 дворов являлись многосемейными (отец, сын и внук; женатые братья с детьми и т. п.), причем на каждый двор приходилось по 2 семьи. Всего, таким образом, в имении было 74 семьи (1,2 на дым), в них 186 лиц мужского пола (2,5 на семью, или 2,86 на дым). В этом случае размер полной малой семьи следует оценивать примерно в

5 чел., а населенность двора — в 5,7 чел. Эти цифры, как мы видим, не сильно отличаются от цифр по имению Мядель.

Ближе к концу XVI в. и в первой половине XVII в. количество инвентарей возрастает. З. и Б. Копыские обработали данные за этот период по 217 поселениям и 35 службам, для которых источники позволяют установить родственные отношения между лицами мужского пола, и насчитали в них 5663 дыма и 6969 малых семей. Таким образом, в среднем на 1 дым приходилось 1,2 семьи. При этом 4741 дым, или 85,6% от их общего количества, был представлен одной семьей (видимо, включая и расширенные хозяйства), а оставшиеся 14,4% хозяйств являлись многосемейными. Из них 745 дымов (10,6%) состояли из 2 малых семей, а 266 (3,8%) — из 3 и более²⁰.

В другой публикации З. Копыский привел несколько иные, но в целом аналогичные цифры²¹. В 96 имениях он насчитал 8624 хозяйства, из которых 7282 (84,4%) представлены простыми (малыми) семьями. Население 842 дворов (9,8%) он определяет как «корневые семьи», включая в эту категорию хозяйства, в которых совместно жили родители и женатые сыновья, замужние дочери, а также сестры и братья главы хозяйства. Это соответствует многосемейным и расширенным хозяйствам вместе. Еще 500 хозяйств (5,8%) З. Копыский определяет как «смешанные» семьи, в которых под одной крышей жили люди, не связанные прямым родством. Вероятно, это более или менее соответствует типу б классификации П. Леслетта, и в большинстве случаев такие хозяйства были многосемейными.

Нами предпринята попытка реконструировать структуру дворохозяйств в одном из таких инвентарей более детально, опираясь на обобщенную классификацию по схеме П. Леслетта. Был взят инвентарь имения Селец (в Центральной Белоруссии) за 1596 г.²² Результаты реконструкции представлены в Таблице 1.

При такой группировке получается 201 семья, или в среднем 1,14 семьи на двор. Но в 22 случаях вместе с главой хозяйства упомянуты бездетные братья, из которых некоторые могли быть уже женатыми, хотя и не имели сыновей. Поэтому указанное количество малых семей, вероятно, занижено; в действительности их могло быть порядка 210—220, или 1,19—1,24 на двор. В инвентаре фигурируют 533 представителя мужского пола, на одно хозяйство приходилось в среднем 3 мужчины, а на семью — от 2,4 до 2,65. При удвоении числа мужчин средний размер дворохозяйства оказывается равным 6, что неплохо согласуется с данными других инвентарей. Таким образом, в Сельце тоже преобладали разные варианты малых семей, составлявшие, как минимум, 88,7% всех дворов. В них проживало около 87% жителей имения. Несмотря на разницу в терминологии и не совсем одинаковые критерии группировки хозяйств,

Таблица 1

Состав хозяйств в имении Селец, 1596 г.

Состав членов мужского пола	Вероятная форма хозяйства	Количество дворов	%	Количество мужчин	%	Количество мужчин на 1 двор
Вдова с сыновьями	Неполная семья	2	1,1	6	1,1	3,0
Глава с братьями		14	7,9	41	7,7	2,9
Глава без других мужчин	Полная или неполная семья	20	11,3	20	3,8	1,0
Глава с сыновьями или пасынками		121	68,4	388	72,8	3,2
Всего односемейных		157	88,7	455	85,4	2,9
Глава с сыновьями и братьями	Расширенное хозяйство	8	4,5	30	5,6	3,8
Всего расширенных		8	4,5	30	5,6	3,8
Глава с одним или более сыновьями и внуками	Многосемейное хозяйство	3	1,7	13	0,6	4,3
Глава с двумя сыновьями, имеющими сыновей		1	0,6	10	1,9	10,0
Глава с братом, имеющим сына		1	0,6	4	0,8	4,0
Глава с внуком и правнуками		1	0,6	4	0,8	4,0
Глава с зятем, шурином или издольщиком		6	3,4	17	3,2	2,8
Всего многосемейных		12	6,8	48	9,0	4,0
Итого		177	100	533	100	3,0

общие цифры, как видим, достаточно близки к данным З. Копыско-го. Это позволяет оценить структуру домохозяйства в имении Селец как типичную для Белоруссии этого времени.

Для широкого сопоставления этих данных имеется не слишком много синхронных материалов. Некоторое представление о величине крестьянского хозяйства на Северо-Западе России можно получить из новгородских писцовых книг XV в. Правда, они не указывают не только полный состав семьи, но даже детей мужского пола. В число «людей», фигурирующих в этих источниках, включались только женатые мужчины. Зато количество таких «людей», по-видимому, близко к общему количеству малых семей. В среднем на двор в Новгородской земле приходилось 1,3 женатого мужчины, хотя в ряде районов эта цифра доходила до 1,6²³. Исследователи отмечают наличие тех же категорий расширенных и многосемейных домохозяйств, которые встречаются в белорусских инвентарях: дворы, находящиеся в совместном владении женатых братьев, с присутствием двоюродных братьев (*братанов*), внуков и племянников, а также зятьев²⁴. Если даже количество многосемейных хозяйств и было выше, чем в Белоруссии, то ненамного.

В Западной Европе ситуация несколько отличалась, поскольку там формы многосемейных хозяйств, объединявших женатых братьев, практически исключались общепринятым принципом единонаследия. В подобных условиях в среднеанглийских графствах в XIII—XV вв. господствовало односемейное дворохозяйство. Его размер исследователи оценивают в 4—4,85 чел. И в дальнейшем, с конца XVI до начала XX в., в Англии эта цифра колебалась в узких пределах — от 4 до 6 чел. на двор, в среднем — 4,75²⁵. Тем не менее не исключается наличие некоторого числа расширенных семей, а также «корневой» семьи, в которой женатый отец жил совместно с женатым сыном, обычно старшим (наследование по принципу *майората*).

На севере Франции в XIV—XV вв. отмечалось преобладание малых семей в маломощных крестьянских хозяйствах, тогда как более зажиточные, широко арендовавшие землю в дополнение к своему наделу хозяйства могли включать женатых детей и боковых родственников, а также наемных работников²⁶. В середине XVI в. типичная деревня в Иль-де-Франс под Парижем насчитывала около сотни домохозяйств. Ее население составляло порядка 400—500 жителей, т. е. средний размер домохозяйства находился в пределах 4—5 чел., что близко английскому²⁷. Даже утратившие наделы крестьяне предпочитали жить в собственных домах, хотя основные средства к существованию получали за счет работы по найму в хозяйствах соседей.

В Дании для XIV—XVI вв. также характерно наличие массовой прослойки безземельных крестьян, работавших по найму, — халупников (*husmaen*) и батраков (*leghodraendar*). Первые из них снимали дом в чужом дворе, но без земельного участка, вторые жили в доме хозяина, на которого работали. Эти категории крестьян происходили как из разорившихся держателей наделов, так и из сыновей, не получивших наследства²⁸.

Обилие лишенных наделов крестьян отмечено на Северо-Западе Германии, где также господствовал принцип наследования неделимого надела (нем. *Hufenverfassung*). Ко второй половине XVI в. в изученных Г. Хейцем 80 саксонских деревнях почти две трети крестьян (65,2%) входили в разряд безземельных. Из них 36% числились в качестве домашней прислуги в хозяйствах других крестьян, 39% — младшими партнерами зажиточных крестьян (*Hausgenossen*, эквивалент славянских терминов «сябры», «кутники» или «подсудки»), а 25% — безземельными родственниками-захребетниками в расширенных семьях²⁹. По этой причине в некоторых частях Саксонии преобладали многосемейные или расширенные хозяйства, но они строились на совершенно иных принципах, чем в Белоруссии или России: полноправными держателями надела была лишь часть жителей соответствующего двора. Впрочем, масштаб этого явления не нужно переоценивать. В целом по Саксонии, по данным Р. Гросса, около 1550 г. полнонадельные крестьяне составляли 73,7% всего населения, огородники и другие малоземельные — 6,8%, бобыли-захребетники — 18,7%³⁰.

Приведенные данные не позволяют говорить о принципиальной разнице в структуре дворохозяйства на Западе и Востоке Европы. Эта разница возникла лишь позднее. На территории Белоруссии процесс увеличения размеров хозяйства фиксируется в границах XVIII — начала XIX в., причем протекал он очень неоднородно. Так, в 1770-е — 1780-е гг. в одном из *ключей* имения Тимковичи (центр Белоруссии) на двор приходилось в среднем 4,4—4,5 чел., в одном из ключей Берестейской экономии (юго-запад) — 4,9, в имении Смедынь на Полесье — 6,3, в имении Дубровно на самом востоке — 7,1. Но в поднепровском Быховском графстве в 1796 г. на двор приходилось уже 8,1 чел., а в имении Друя на северо-западе в 1793 г. — 8,5 чел.³¹ Сильно расходятся и агрегированные данные разных исследователей. По данным З.Ю. Копыского, в 1238 хозяйствах 70 населенных пунктов насчитывалось 7608 душ, или 6,2 на двор³². А.М. Карпачев и П.Г. Козловский по 58 инвентарям второй половины XVII — XVIII в. насчитали в 766 населенных пунктах 10235 дворов и 68370 жителей, что дает 6,7 чел. на двор³³. Но Ю. Можи по

15 инвентарям Белоруссии и Литвы 1725—1808 гг. насчитал в 414 поселениях 4370 дымов и 34950 чел., т. е. 8 душ на двор³⁴.

Чтобы более детально проследить механизм перехода, нами был проведен анализ серии последовательных данных по одной микропопуляции в Центральной Белоруссии³⁵, в XVIII в. принадлежавшей к имению Корень — владению капитула (духовного совета) Виленского католического епископства, а частично — к плербанию местного костела. После присоединения к Российской империи в 1793 г. имение было конфисковано и в дальнейшем принадлежало частным владельцам. По данной выборке (далее именуемой «Кореньщина») сохранились полный инвентарь за 1740 г.³⁶, серия инвентарей отдельных частей имения (*престимониев*) за период с 1744 по 1789 г.³⁷, ревизские сказки за 1811, 1816, 1834, 1850 и 1858 гг.³⁸, инвентарь за 1841 г.³⁹ В совокупности эти и ряд других источников (метрические книги Кореньского костела и пр.) позволяют реконструировать полный состав популяции и ее распределение по дворохозяйствам с 1740-х по 1850-е гг., т. е. более чем за 100 лет.

Самый ранний инвентарь за 1740 г. частично неполон (по одному селению указаны только лица мужского пола). Все же он позволяет оценить численность населения примерно в 555 чел., средний размер хозяйства — 6,8 чел. Для 69 хозяйств, в которых указаны жены и дети, можно провести и более детальную классификацию по схеме П. Леслетта. Ее результаты отражены в Таблице 2.

Инвентарь за 1761 г. указывает в 34 дворах 131 индивида мужского пола, в среднем 3,9 на двор. В другой части имения в 1774 г. на 36 дворов приходилось 96 мужчин, или 2,7 на двор. Количество дворов в каждой из этих выборок мало, а разброс значений слишком велик. При отсутствии сведений о полном составе дворов далеко идущие выводы делать рискованно. Возможно, структура дворохозяйства в двух престимониях действительно существенно различалась, но могли иметь место и случайные колебания численности или пропорции полов.

В третьей части имения в 1781 г. на двор приходилось в среднем 5,1 чел. (2,9 мужчины), 1,1 полной семьи и 0,2 одиночки. Не исключено, что инвентарь содержит пропуски в женском населении. Спустя 5 лет в том же престимонии было ровно 6 чел. на двор (в том числе 3,1 мужчины), 1,2 полной и 0,1 неполной семьи, 0,5 одиночки. С учетом кутников на двор приходилось 6,2 чел. Доля односемейных хозяйств за это время снизилась с 80 до 44%, расширенных выросла с 10 до 27%, многосемейных — с 10 до 29%. Впрочем, такие колебания порождены прежде всего малым объемом выборки.

Во владениях Кореньского костела в 1783 г. на двор приходилось 6,5 чел. (3,1 мужчины). Семейная структура может быть определена

Таблица 2

Структура дворохозяйств Кореньщины в 1740 г.

Состав	Форма дворохозяйства (тип по классификации П Леслетта)	Количество хозяйств	%	Количество мужчин	Количество лиц обоого пола	Мужчин на хозяй- ство	Человек на хозяй- ство
Неженатые братья без родителей	Редуцированная нуклеарная семья (2a)	1	1,4	2	4	2,0	4,0
Брачная пара с детьми	Нуклеарная семья (3b)	38	55,0	112	215	2,9	5,7
Всего односемейных		39	56,4	114	219	2,9	5,6
Брачная пара с одним из родителей	Расширенная по вертикали (вверх) семья (4a)	1	1,4	1	4	1	4,0
Женатый глава с неженатыми братьями	Расширенная по горизонтали семья (4c)	4	5,8	9	15	2,3	3,8
Всего расширенных		5	7,3	10	19	2,0	3,8
Женатый глава с одним женатым сыном (зятем) и неженатыми детьми	Многосемейное хозяйство с вертикальной связью (5b)	11	15,9	46	82	4,2	7,5
Брачная пара с одним из родителей и братьями (сестрами)		1	1,4	5	8	5,0	8,0

Таблица 2 (Окончание)

Состав	Форма дворохозяйства (тип по классификации П Леслетта)	Количество хозяйств	%	Количество мужчин	Количество лиц обоих пола	Мужчин на хозяй- ство	Человек на хозяй- ство
Женатый глава с женатым братом и одним из родителей	Многосемейное хозяйство с горизонтальной связью (5с)	1	1,4	6	10	6,0	10,0
Женатые братья или шурины без родителей	Братчина (5d)	4	5,8	27	49	6,8	12,3
Женатый глава с несколькими женатыми потомками или племянниками	Многосемейное патриархальное хозяйство (5е)	7	10,1	34	64	4,9	9,1
Две неродственные брачные пары (сябры, потужники)	Хозяйство на основе неродственных связей (6)	1	1,4	3	5	3,0	5,0
Всего многосемейных		25	42,1	123	226	4,9	9,0
Итого		69	100	242	453	3,5	6,6

лишь приблизительно, поскольку женщины не указаны поименно (приводится лишь общее их количество в каждом дворе). Вероятно, ее составляли около 1,2 полной семьи, 0,5 неполной и 0,1 одиночки, но число неполных семей может быть завышено, а число одиночек — занижено. Если учесть неоседлые семьи, то средний размер хозяйства составит 7,3 чел. (3,7 мужчины). Пропорция односемейных, расширенных и многосемейных хозяйств была равной.

В еще одном инвентаре в 1787 г. на двор без учета кутников приходилось в среднем 5,9 чел. (3,05 мужчины). Если учесть неоседлые семьи, то размер хозяйства равен 6,4 чел. (3,2 мужчины).

Таким образом, в 1770-е — 1780-е гг. в среднем на двор приходилось около 6 чел. основного населения и от 0,2 до 0,5 кутника. Мужское население, видимо, несколько преобладало над женским (примерно в пропорции 52 : 48), поэтому в среднем в хозяйстве оказывалось 3,1 мужчины и 2,9 женщины. Общее число полных и неполных семей на хозяйство составляло от 1,3 до 1,7, а доля многосемейных хозяйств колебалась от 10 до 50%. Среди повинностей, указанных в этих инвентарях, доминирует денежный чинш, что было в целом нехарактерно для белорусских имений. Из учтенных В.Ф. Голубевым 23,5 тыс. дворов чисто чиншевыми был 6451 (27,4%), из них основная масса располагалась на Востоке Белоруссии, где их доля составляла 55,8%. На Западе и в Центре такие дворы насчитывали 7,2%⁴⁰.

На момент конфискации владений российскими властями в 1793 г. в популяции насчитывалось 1125 чел. (600 мужчин и 525 женщин)⁴¹. Из них 35 душ относились к категории неоседлых (кутников). Остальные 1090 человек распределялись между 156 дворохозяйствами, выступающими как самостоятельные единицы учета в инвентарях и ревизских сказках. Средний размер хозяйства без учета кутников составлял около 7 чел., а вместе с кутниками — чуть более 7,2 чел. (3,85 души мужского пола, или 53,6%). На дворохозяйство приходилось 1,74 нуклеарной семьи (1,52 полной и 0,22 неполной), около 0,5 одиночки. В классификации П. Леслетта на типы 1, 2 и 3 (одиночки, редуцированные и нуклеарные семьи) приходится 30,1% хозяйств, на подтипы 4а—4с (расширенные семьи) — 11,5, на все виды многосемейных хозяйств — 58,3%.

Дальнейшая эволюция происходила в условиях барщины, на которую были переведены все жители Кореньщины. Реконструкция подворного состава популяции на основании метрических книг и ревизских сказок фиксирует отчетливую тенденцию к увеличению среднего размера дворохозяйства: от 6—7 душ в XVIII в. до 7,9 в 1811 г., к середине XIX в. этот показатель, возможно, достиг 8,2 (статистика на даты ревизий приведена ниже в Таблице 5). Парал-

лельно растет и среднее число семей на хозяйство: от 1,4 до 1,7—1,8. Доля многосемейных хозяйств возрастает с одной до двух третей (точнее — с 36 до 68%), а доля односемейных и редуцированных снижается с 57 до 17%.

Для более детального анализа механизмов, порождающих такую статистику, были построены модели-реконструкции жизненного цикла, отражающие полный набор ежегодных статистических параметров по 50 из примерно 450 дворохозяйств, существовавших на территории Кореньщины с 1762 по 1858 г. (период, за который сохранились метрические книги). Критерием отбора явилось устойчивое сохранение хозяйств на протяжении всего или практически всего 97-летнего периода наблюдений. Все они в большей или меньшей степени отражают «идеальный образ» традиционного крестьянского хозяйства, сохраняющегося из поколения в поколение.

Модель-реконструкция учитывала ежегодные изменения таких параметров, как количество мужчин, женщин, полных и неполных семей, одиночек, а также индексов едока (e) и работника (p). Эти два понятия были введены в 1920-е гг. А.В. Чаяновым⁴². Он предложил простой способ количественного выражения их взаимосвязи — *соотношение едоков/работников в хозяйстве*. Оба индекса условны, у взрослого мужчины они считаются постоянными и равны 1, у женщины — 0,8. У детей оба индекса изменяются в зависимости от возраста. В своих работах Чаянов использовал усредненную модель, в которой дети рождаются с регулярным интервалом в 3 года и начинают работать с 13 лет, причем до 20 лет считаются полуработниками (индекс p для них принимается равным 0,7). Усредненный жизненный цикл крестьянского хозяйства, основанного на труде одной малой семьи, представлен в Таблице 3. Эта модель хорошо демонстрирует циклический характер пропорции едоков/работников, которая возрастает по мере рождения детей в семье и достигает максимума на 12-м — 13-м годах после заключения брака. В этот момент супругам приходится трудиться особенно напряженно. Затем, по мере вступления детей в трудоспособный возраст, ситуация постепенно улучшается.

При построении модели автор несколько модифицировал методику А.В. Чаянова, чтобы сделать динамику индексов e и p по мере роста детей более плавной, а также отразить снижение трудоспособности и потребления у пожилых людей. Вместо условных деторождений раз в 3 года, принятых Чаяновым, подставлялись реальные демографические события в отобранных семьях. Суммарная статистика по всем 50 хозяйствам приводится в Таблице 4. Она разбита на три примерно равных отрезка, из которых первый соответствует периоду нахождения территории хозяйств в составе Великого кня-

Таблица 3

Соотношение индексов едока (e) и работника (p) в модели А. Чаянова

Год наблюдения	Муж		Жена		1-й ребенок		2-й ребенок		3-й ребенок		4-й ребенок		5-й ребенок		Все хозяйство		Соотношение e/p
	e	p	e	p	e	p	e	p	e	p	e	p	e	p	e	p	
1	1	1	0,8	0,8											1,8	1,8	1
2	1	1	0,8	0,8	0,1	0									1,9	1,8	1,06
3	1	1	0,8	0,8	0,3	0									2,1	1,8	1,17
4	1	1	0,8	0,8	0,3	0									2,1	1,8	1,17
5	1	1	0,8	0,8	0,3	0	0,1	0							2,2	1,8	1,22
6	1	1	0,8	0,8	0,3	0	0,3	0							2,4	1,8	1,33
7	1	1	0,8	0,8	0,3	0	0,3	0							2,4	1,8	1,33
8	1	1	0,8	0,8	0,5	0	0,3	0	0,1	0					2,7	1,8	1,50
9	1	1	0,8	0,8	0,5	0	0,3	0	0,3	0					2,9	1,8	1,61
10	1	1	0,8	0,8	0,5	0	0,3	0	0,3	0					2,9	1,8	1,61
11	1	1	0,8	0,8	0,5	0	0,5	0	0,3	0	0,1	0			3,2	1,8	1,78
12	1	1	0,8	0,8	0,5	0	0,5	0	0,3	0	0,3	0			3,4	1,8	1,89

Таблица 3 (Окончание)

Год наблю- дения	Муж		Жена		1-й ребенок		2-й ребенок		3-й ребенок		4-й ребенок		5-й ребенок		Все хозяйство		Соотно- шение e/p
	e	p	e	p	e	p	e	p	e	p	e	p	e	p	e	p	
13	1	1	0,8	0,8	0,5	0	0,5	0	0,3	0	0,3	0			3,4	1,8	1,89
14	1	1	0,8	0,8	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	0,3	0	0,1	0	3,9	2,5	1,56
15	1	1	0,8	0,8	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	0,3	0	0,3	0	4,1	2,5	1,64
16	1	1	0,8	0,8	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	0,3	0	0,3	0	4,1	2,5	1,64
17	1	1	0,8	0,8	0,7	0,7	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	0,3	0	4,5	3,2	1,41
18	1	1	0,8	0,8	0,7	0,7	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	0,3	0	4,5	3,2	1,41
19	1	1	0,8	0,8	0,9	0,9	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	0,3	0	4,7	3,4	1,38
20	1	1	0,8	0,8	0,9	0,9	0,7	0,7	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	5,1	4,1	1,24
21	1	1	0,8	0,8	1	1	0,7	0,7	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	5,2	4,2	1,24
22	1	1	0,8	0,8	1	1	0,9	0,9	0,7	0,7	0,5	0	0,5	0	5,4	4,4	1,23
23	1	1	0,8	0,8	1	1	0,9	0,9	0,7	0,7	0,7	0,7	0,5	0	5,6	5,1	1,10

Результаты реконструкции жизненного цикла 50 выбранных хозяйств

Параметры	Численность			Соотношение <i>e/p</i>	Семей на хозяйство			Средний размер семьи	Одиночек
	мужчин	женщин	всего		полных	неполных	всего		
1-й период: 1762—1793 гг. (учтенных хозяйство-лет — 1234)									
Среднее по всем хозяйствам	4	3,04	7,04	1,38	1,51	0,12	1,64	4,10	0,45
Стандартное отклонение	1,22	1,23	1,94	0,12	0,51	0,19	0,55	0,60	0,51
Доверительный интервал (0,95)	0,34	0,34	0,54	0,03	0,14	0,05	0,15	0,16	0,14
Нижний предел интервала (—)	3,66	2,7	6,51	1,35	1,37	0,07	1,49	3,93	0,31
Верхний предел (+)	4,34	3,38	7,58	1,42	1,66	0,18	1,79	4,26	0,59
2-й период: 1794—1825 гг. (учтенных хозяйство-лет — 1513)									
Среднее по всем хозяйствам	4,01	3,66	7,67	1,36	1,65	0,22	1,87	3,88	0,45
Стандартное отклонение	1,02	1,23	1,95	0,09	0,45	0,25	0,49	0,70	0,48
Доверительный интервал (0,95)	0,28	0,34	0,54	0,03	0,12	0,07	0,14	0,19	0,13
Нижний предел интервала (—)	3,73	3,32	7,13	1,33	1,53	0,15	1,74	3,68	0,32
Верхний предел (+)	4,29	4,01	8,21	1,38	1,78	0,29	2,01	4,07	0,59

Таблица 4 (Окончание)

Параметры	Численность			Соотношение e/p	Семей на хозяйство			Средний размер семьи	Одиночек
	мужчин	женщин	всего		полных	неполных	всего		
3-й период: 1826—1858 гг. (учтенных хозяйство-лет — 1567)									
Среднее по всем хозяйствам	3,91	4,18	8,08	1,32	1,58	0,35	1,93	3,87	0,69
Стандартное отклонение	1,03	1,41	2,03	0,09	0,47	0,27	0,48	1,01	0,4
Доверительный интервал (0,95)	0,28	0,39	0,56	0,02	0,13	0,07	0,13	0,28	0,11
Нижний предел интервала (—)	3,62	3,79	7,52	1,29	1,45	0,27	1,79	3,59	0,58
Верхний предел (+)	4,19	4,57	8,65	1,34	1,71	0,42	2,06	4,16	0,8
2-й и 3-й периоды: 1794—1858 гг. (учтенных хозяйство-лет — 3080)									
Среднее по всем хозяйствам	3,96	3,93	7,88	1,34	1,61	0,29	1,9	3,88	0,57
Стандартное отклонение	0,77	1,21	1,71	0,06	0,37	0,2	0,4	0,62	0,34
Доверительный интервал (0,95)	0,21	0,33	0,47	0,02	0,1	0,06	0,11	0,17	0,1
Нижний предел интервала (—)	3,74	3,59	7,41	1,32	1,51	0,23	1,79	3,71	0,48
Верхний предел (+)	4,17	4,26	8,35	1,35	1,72	0,35	2,01	4,05	0,67

жества Литовского, а два других приходятся на время российского правления. Указаны также среднее квадратическое отклонение, характеризующее степень разброса результатов, и доверительный интервал, в который с вероятностью 95% укладывается погрешность, неизбежная при малых выборках.

Модель-реконструкция продемонстрировала неплохое соответствие с результатами, полученными на синхронных хронологических срезах по прямым результатам ревизий. Модель фиксирует существование в одном хозяйстве в среднем двух брачных пар. Как правило, это семьи отца и старшего сына или же семьи двух и более женатых братьев, но демографические ситуации бывали самыми разными. Если в хозяйстве оказывался всего один взрослый мужчина и не было подрастающих сыновей, он мог дожидаться совершеннолетия старшей дочери и принимал в свое хозяйство зятя, который и становился его наследником. В других случаях компаньоном мог стать муж сестры, который переходил в его дом — либо сразу после брака, либо через несколько лет, когда ситуация в этом доме становилась неблагоприятной. Случалось, что хозяйство продолжали вести совместно мужа двух сестер. Объединение под одной крышей семей более отдаленных родственников или вообще посторонних людей наблюдалось сравнительно редко и, видимо, объяснялось какими-то специфическими факторами, не нашедшими отражения в источниках.

Большинство хозяйств на протяжении нескольких десятилетий последовательно проходило через разные формы семейной структуры. В какой-то отрезок времени хозяйство могло быть односемейным или, при наличии вдового родителя или неженатого брата, расширенным. Но главной особенностью является то, что брак практически никогда не приводил к немедленному образованию нового самостоятельного хозяйства. Этот момент откладывался до наступления определенных условий.

Причина заключается в том, что хозяйство, состоящее из одной брачной пары, по мере рождения детей неизбежно проходило через неблагоприятный период (наглядно видимый даже в упрощенной модели А.В. Чайнова в Таблице 3). Когда в семье оказывалось 3—4 ребенка, старший из которых только приближался к работоспособному возрасту (обычно он наступал через 10—15 лет после брака), пропорция e/p достигала 1,8 и даже 2. Учитывая необходимость отработки барщины, нагрузка на взрослых членов семьи в такой период становилась предельной. Некоторое снижение нагрузки намечалось после того, как старший ребенок достигал возраста примерно 15 лет, но в случае смерти первенца неблагоприятный период мог затянуться надолго.

Если же в хозяйстве одновременно существовали две брачные пары, разница в возрасте между ними составляла, как правило, 5—10 лет. В результате первая семья проходила через пик неблагоприятного соотношения e/p тогда, когда во второй деторождение еще только начиналось. И наоборот, вторая семья достигала этого пика в тот момент, когда первая успевала его преодолеть. Оба пика взаимно сглаживались. Раздел хозяйств становился экономически оправданным после преодоления пика обеими семьями, и он обычно наступал сразу же (а иногда и чуть ранее). Как правило, это событие происходило в тот момент, когда глава отделяющейся семьи достигал примерно 40-летнего возраста, а его старший сын, в свою очередь, — 13—15 лет, т. е. находился в начале работоспособного возраста.

Но если что-то нарушало естественный ход демографического цикла и раздел мог резко повысить пропорцию e/p в одном или обоих новых хозяйствах, он откладывался на неопределенное время. Если один из братьев не имел сыновей или они рано умирали, обе семьи могли оставаться под одной крышей до конца своего жизненного цикла.

Поясним это на примере. В одном из проанализированных хозяйств⁴³ средняя пропорция e/p на протяжении четырех поколений составила 1,46. В первые 32 года хозяйство было в основном односемейным. Точнее, в течение 7 лет в нем проживали две семьи, 10 лет — одна, 12 лет хозяйство было расширенным (одна семья и одиночки) и 4 года состояло только из одиночек. В среднем за период число семей составило 1,13, а пропорция e/p за это время оказалась очень высокой — 1,61. Зато в оставшиеся 65 лет хозяйство почти непрерывно оставалось многосемейным: 6 лет оно состояло из 3 семей, 46 лет — из 2 полных, 8 лет — из одной полной и одной неполной и лишь 5 лет — из одной семьи. В среднем это дает 2,03 семьи, что практически совпадает со средним уровнем для всех 50 отобранных хозяйств. Пропорция e/p составила 1,37. За все годы она ни разу не превысила уровень в 1,6, хотя в каждой семье по отдельности он превышался неоднократно. Этот пример наглядно демонстрирует, почему крестьянам в условиях барщины было выгодно вести совместное хозяйство.

Оптimum пропорции e/p находился в очень узком диапазоне от 1,32 до 1,36. При характерной для данного периода половозрастной структуре это соответствовало примерно 1,9 брачной пары на двор. Но при нормальном ходе событий такое хозяйство в конце концов распалось, от него последовательно отпочковывались семьи старших по возрасту (первыми преодолевшие кризисную точку). Обычно отцовский дом наследовал младший в семье. К возрасту его

40-летия хозяйство почти наверняка вновь становилось односемейным или расширенным, после чего вступало в новый цикл. Суммарная пропорция e/p для такого хозяйства почти никогда не превышала 1,6, что, видимо, было реальной мерой приемлемости.

Можно утверждать, что реконструкция в целом отражает единую модель поведения. Но при сопоставлении модели с возможными характеристиками всей исследуемой микропопуляции возникает одно противоречие: 7 инвентарей, приходящихся на период до 1793 г., фиксируют в среднем чуть более 3,1 мужчины на хозяйство, тогда как реконструкция дает для этого же периода среднюю цифру в 4 мужчины на хозяйство. Автор склонен трактовать этот факт в том смысле, что полученные при реконструкции параметры были свойственны в 1760-е — 1780-е гг. не всей популяции, а только наиболее устойчивым дворохозяйствам (именно по этому критерию они и отбирались для моделирования).

Примечательно, что для второго и третьего периодов те же 50 долговечных хозяйств оказываются вполне репрезентативными: результаты реконструкции очень неплохо соответствуют данным ревизий, проводившихся в это время. Чем можно объяснить тот факт, что один и тот же критерий отбора (в целом не случайный, как того требуют каноны математической статистики, а произвольный) в одном случае не отразился на конечном результате, а в другом существенно повлиял на него? Дело, видимо, в характере той совокупности, из которой делалась выборка. Очевидно, в ней в период нахождения территорий, на которых были расположены рассматриваемые хозяйства, в составе Российской империи произошли существенные изменения по сравнению с прежним периодом.

Понять суть этих изменений позволяет более широкое сопоставление с другими популяциями по результатам коллективного исследовательского проекта «Сравнительный анализ структуры дворохозяйства на территории Российской империи (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.)», осуществлявшегося с 2001 по 2003 г.⁴⁴

В рамках проекта проанализированы четыре выборки хозяйств в центральной части Минской губернии, находящиеся в одинаковых природных условиях, но члены которых принадлежали к разным конфессиям (православные и католики) и разным социальным слоям (помещичьи, государственные крестьяне, измелъчавшая шляхта). Первой из этих выборок послужила Кореньщина. Вторую выборку составила часть соседнего имения Зембин, принадлежавшая к приходу Зембинской церкви. Владевший имением до 1811 г. граф Иохим Хребтович придерживался прогрессивных взглядов, стремился внедрять эффективные формы хозяйствования. В его главных име-

ниях (Щерсах и Вишневе) крестьяне с 1770-х гг. были переведены на чинш, более напомилавший по своим условиям аренду. Правда, в отношении Зембина прямых данных о такой реформе нет, но можно не сомневаться, что и в нем уровень барщины не мог быть высоким. Затем имение неоднократно переходило из рук в руки и раздробилось между заурядными совладельцами-помещиками.

В третью выборку включена часть крупной латифундии Борисовщины (до 1794 г. — Борисовское староство), входившая в Бытчанский униатский, затем православный приход. В XVIII в. ее население относилось к государственным крестьянам, в первой половине XIX в. принадлежало крупным латифундистам.

Четвертую выборку составили семьи мелкой шляхты униатского и католического вероисповедания, жившие на территории приходов Узденского костела и Слободо-Пырашевской церкви. Несмотря на свой относительно привилегированный социальный статус, многие представители этой выборки не имели собственной земли, а арендовали ее у помещиков.

Для всех выборок проанализирована дворохозяйственная и семейная структура на нескольких хронологических срезах: по материалам ревизий 1795—1797, 1811, 1834 гг., а для Зембина и Бытчи — также по ревизии 1850 г. Поскольку в Зембинском и Бытчанском приходах отмечался высокий процент неоседлых, средний размер хозяйства подсчитывался дважды: без их учета и с ними (по Кореньщине все цифры даны с учетом неоседлых и работников, число которых колебалось от 0,1 до 0,3 на двор). По шляхте отдельно подсчитаны данные по арендаторам и по владельцам земельных наделов (последние подразделялись еще на шляхту на собственной земле и чиншевую шляхту, но эта разница при подсчете не учитывалась). На срезах 1834 и 1850 гг. по Зембину учтена лишь часть раздробившегося имения. Итоговые результаты представлены в сводной Таблице 5.

Среди трех первых выборок, отражающих крестьянское население, несколько особняком стоят параметры Кореньщины за 1740 и 1793 гг. и имения Зембин за 1795 г. Они находят соответствие в параметрах мелкой шляхты, особенно за 1834 г. И средний размер хозяйства, и доля многосемейных хозяйств в них заметно ниже, чем в данных по всем трем крестьянским выборкам за XIX в., а по Бытчанскому приходу — и за 1795 г. Напрашивается вывод, что здесь проявились разные модели поведения. Одна из них объединяла чиншевых подданных Виленского капитула с чиншевой и владельческой шляхтой и с подданными имения Зембин в то время, когда это имение принадлежало Иоахиму Хребтовичу. Выше уже отмечалось, что он, возможно, также перевел зембинских подданных на чинш

Структура дворохозяйств по четырем выборкам

Выборка (приход) и даты хронологических срезов		Число дворов в выборке	Средний размер хозяйства	Число семей на хозяйство	Число одиночек	Средний размер семьи	% одно-семей-ных хозяйств	% рас-ширен-ных хозяйств	% мно-госемей-ных хозяйств
1. Кореньский католический:									
1740	все население	69	7	1,4	0,2	4,9	56,5	7,3	36,2
1793		156	7,2	1,7	0,5	3,9	30,1	11,5	58,3
1811		177	7,9	1,8	0,5	4,1	29,4	10,7	59,9
1834		171	7,9	1,7	0,8	4,2	23,4	17	59,6
1850		171	8,2	1,8	0,9	4,1	17,1	15,3	67,6
2. Зембинский униатский:									
1795	без неоседлых	79	5,8	1,6	0,4	3,3	46	14	39
	все население		6,7	1,7	1	3,4			
1811	без неоседлых	72	8,7	1,9	0,5	4,3	32	8	60
	все население		9,2	2,1	0,6	4,1			
1834	все население	59	7,9	1,6	0,6	4,6	30,5	20,3	49,2
1850	все население	48	9,5	1,9	1	4,5	22,9	12,5	64,6
3. Бытчанский униатский:									
1795	без неоседлых	110	8,1	1,7	0,5	4,4	38	12	50
	все население		8,9	2	1,2	3,9			

Таблица 5 (Окончание)

Выборка (приход) и даты хронологических срезов		Число дворов в выборке	Средний размер хозяйства	Число семей на хозяйство	Число одиночек	Средний размер семьи	% одно-семей-ных хозяйств	% рас-ширен-ных хозяйств	% мно-госемей-ных хозяйств
1811	без неоседлых	116	8,6	1,8	0,4	4,5	23	17	60
	все население		9,3	1,8	0,9	4,7			
1834	без неоседлых	109	7,7	1,7	0,5	4,2	30,5	13,7	56,3
	все население		8,2	1,8	0,5	4,3			
1850	без неоседлых	189	8,2	1,85	0,6	4,1	20,1	16,9	63
	все население		9,1	2	0,8	4,2			
4. Слободо-пырашевская шляхта:									
1795	все население	110	4,3	1,3	0,3	3,1	85,5	3,5	11
	арендаторы	62	3,2	1	0,2	3,0	97	0	3
	владельцы и чиншевики	48	5,9	1,4	0,3	4,0	71	8	21
1811	все население	116	6,2	1,4	0,4	4,1	71	8	21
	арендаторы	74	5,5	1,1	0,4	4,6	81	11	8
	владельцы и чиншевики	42	7,5	1,6	0,4	4,4	55	2	43
1834	все население	109	6,5	1,4	0,5	4,3	50,5	14,7	34,9
	арендаторы	69	6,7	1,4	0,55	4,4	49,3	14,5	36,2
	владельцы и чиншевики	40	6,1	1,5	0,5	3,7	50,5	14,7	34,9

или, во всяком случае, не слишком обременял их барщиной. К тому же данная выборка не была чисто крестьянской: более трети ее первоначального состава приходилось на местечко Зембин, жители которого занимались не только земледелием, но и торгово-ремесленной деятельностью. Это также могло повлиять на демографические параметры.

Внутри четвертой выборки можно выделить и более радикальный стиль поведения. Безземельная шляхта, арендовавшая землю у помещиков, при формировании своей дворохозяйственной структуры придерживалась модели, совершенно нетипичной для Восточной Европы этого времени. Пользователями арендуемых участков становились почти исключительно нуклеарные семьи (порядка 80—90% всех хозяйств), а доля многосемейных хозяйств не превышала нескольких процентов. Малый средний размер семей (3 чел.), вытекающий из реконструированных данных ревизии 1795 г., также нетипичен для крестьян. В 1811 г. размер хозяйства арендаторов составлял около 5 чел., при этом оно по-прежнему включало в среднем чуть более одной нуклеарной семьи.

У шляхты, владевшей собственной землей или державшей наделы на условиях чинша, размер хозяйства был выше (за исключением флуктуации 1834 г., возможно порожденной малым объемом выборки) и приближался к значениям, свойственным крестьянам имения Корень в 1740 г. и подданным имения Зембин в 1795 г. Во всех этих случаях на хозяйство приходилось 1,4—1,6 нуклеарной семьи. К 1830-м гг. статистические параметры арендаторов приобретают те же черты.

Можно говорить о наличии трех специфических моделей поведения. Первую из них, ориентированную на односемейное хозяйство, мы предлагаем именовать *малосемейной*. На хозяйство при ней приходится одна брачная пара или чуть более (порядка 1,1), а средний его размер определяется в основном количеством детей в семье, на которое влияли как биологические (колебания продолжительности жизни и баланса рождаемости — смертности), так и социальные факторы. Обычно средний размер малой семьи слегка превышал 4 человека, а средний размер хозяйства при чистой малосемейной модели приближался к 4,5. Эта модель вполне сопоставима с западноевропейской: по приведенной Р. Уоллом сводке, в Англии выборка из 1916 хозяйств на протяжении 1750—1821 гг. распределяется на 8,4% одиночек, 3% редуцированных, 74,2% односемейных, 10,9% расширенных и 3,4% многосемейных хозяйств. Выборка из 2568 хозяйств за 1851 г. распределяется аналогично: 7,2% одиночек, 2,6% редуцированных, 72,8% односемейных, 14% расширенных и 3,3% многосемейных⁴⁵.

Другая модель свойственна большинству крестьянских хозяйств конца XVIII — первой половины XIX в.: близкий к 8 чел. размер дворохозяйства (с довольно широким размахом колебаний между хозяйствами, о чем говорит высокое значение стандартного отклонения) и количество семей на хозяйство, приближающееся к 2. Поскольку данная модель предполагала совместное проживание двух и более брачных пар, ее можно условно назвать *общежительской*. Таблица 4 демонстрирует именно такую модель, которой осознанно или неосознанно следовало каждое из 50 наиболее стабильных крестьянских хозяйств Кореньщины. В Таблице 5 эта общая модель прослеживается в разные годы во всех трех крестьянских выборках. На фоне ее наблюдаются хаотические колебания, но и они в целом укладываются в общее русло.

В XIX в. общежительская модель была характерна для обширных регионов Российской империи. В имении Мишино Рязанской губернии в период 1782—1858 гг. многосемейные хозяйства составляли от 75 до 82%, односемейные — от 6,7 до 12,2%, средний размер дворохозяйства в 1814—1858 гг. варьировался от 8 до 9,7 души⁴⁶. В имении Суховарово Тверской губернии в 1816—1858 гг. на долю многосемейных дворов приходилось от 66 до 79,8%, односемейных — от 7,1 до 13,7%, средний размер хозяйства колебался от 8,2 до 9,1 чел.⁴⁷ Данные о структуре крестьянского двора в селе Петровское Тамбовской губернии, приведенные С. Хоком, говорят о том же: в период с 1813 по 1856 г. доля многосемейных хозяйств изменялась от 78 до 45%, односемейных — от 8 до 20%, средний размер хозяйства — от 7,7 до 9 чел.⁴⁸ По агрегированным данным, приводимым Б.Н. Мироновым, в целом по Европейской России людность крестьянского двора составляла 8,4 чел.⁴⁹

При третьей поведенческой модели средний размер хозяйства оставался в пределах 6—7 чел., а доля многосемейных дворов не превышала 40%. Такая модель была характерна для земледельческого населения, пользовавшегося относительной свободой или сочетавшего труд на земле с иными источниками дохода. Такая ситуация, видимо, наблюдалась у подданных имения Корень в 1740 г., у крестьян и мещан имения Зембин в 1795 г., а также у владельческой и чиншевой шляхты на землях имения Пырашевская Слобода в конце XVIII — начале XIX в. Для этой модели свойственны наличие в одном хозяйстве 1,4—1,6 нуклеарной семьи и его средний размер около 6—7 душ, а доля односемейных дворов выше 50%. Мы предлагаем именовать ее *сбалансированной* (смысл такого названия будет разъяснен чуть ниже).

Имеются сведения о достаточно широком распространении и устойчивом бытовании третьей поведенческой модели в некоторых регионах Восточной Европы. Весьма интересны данные украинского исследователя М. Крикуна, представленные им для международного семинара по проблемам семейной структуры (Вена, ноябрь 2000 г.). Он провел статистическую обработку переписи населения в 28 униатских приходах Житомирского повета Киевского воеводства за 1791 г.⁵⁰ Материалы этой переписи охватывают 2903 двора в 6 местечках и 72 сельских поселениях повета. Детально проанализировав их семейную структуру, М. Крикун показал, в частности, что 56,5% из них состояли из простой семьи или одиночек, 8,1% представляли собой расширенное хозяйство и 35,3% — многосемейное. Средний размер дворохозяйства составил 6,6 чел., на это число приходилось 0,17 *соседа* и *коморника*, 0,32 наемного работника, без их учета размер хозяйства равен 6,1 чел. При среднем размере семьи в 4,2 чел. на двор приходилось 1,55 семьи. Эти цифры удивительно близки к отраженным в инвентаре имения Корень за 1740 г. (см. Таблицу 2).

В опубликованной на финском языке работе М. Пооллаа «Институт семьи Восточной Карелии 1600—1900 гг.»⁵¹ отмечается, что в этом регионе в 1760—1910-х гг. доля многосемейных дворохозяйств составляла от 39 до 57%, а их средний размер колебался от 6 до 9 чел. Для классической общежительской модели это слишком мало и скорее соответствует сбалансированной (точнее, говорит об их чередовании).

В Эстонии во второй половине XVIII в. также широко существовала пропорция хозяйств, характерная для сбалансированной модели. В приходе Отепя на Юге Эстонии в 1765 г. на крестьянский двор приходилось 6,8 чел. Хозяйства в составе одиночек, редуцированных и нуклеарных семей составляли 59,3%, расширенные — 6,2%, многосемейные — 33,5%. На Севере Эстонии, в приходе Карузе, в 1782 г. насчитывалось 54% односемейных (с одиночками) дворов, 14% расширенных и 32% многосемейных⁵². Обе пропорции опять-таки очень близки к данным кореньского инвентаря 1740 г. В еще одной эстонской микропопуляции, имении Пинкенхоф, та же пропорция в 1816 г. составляла соответственно 58 : 18,5 : 23,3, в 1850 г. — 49,9 : 23,3 : 26,6 (в обоих случаях учтены 124 двора)⁵³. Согласно опубликованной Р. Уоллом сводке, в трех эстонских выборках 1850 г. (451, 388 и 165 дворов) пропорция составляла соответственно 52 : 17 : 31, 44 : 23 : 33 и 34 : 19 : 47. В выборке по имению

Линден на территории Курляндии (современная Латвия, 92 двора) в 1858 г. зафиксирована пропорция 52 : 24 : 24⁵⁴.

В эстонских материалах есть дополнительная информация, которая проливает свет на механизм формирования этой поведенческой модели. Источники позволяют различать две категории наделов: одновладельческие и совладельческие. Первый вид надела, господствовавший на севере и островах, находился в полном распоряжении одного дворохозяинства и обрабатывался его членами с помощью батраков. Представители экономически деградировавших хозяйств — бобыли-*лострейберы* являлись социальным аналогом белорусских кутников или неоседлых. Некоторые из них жили отдельно на окраинах деревни и соответствовали в данном случае скорее не кутникам, а халупникам и огородникам белорусских инвентарей. На характерном для большей части материковой Эстонии совладельческом наделе совместно жили члены 2—3 основных дворохозяиств и примерно 5 семей лострейберов. Структура основного дворохозяиства на двух типах наделов в приходе Отепя заметно различалась: одновладельческие имели в среднем 26,7% односемейных дворов и 67,2% многосемейных (что вполне соответствует общежительской модели), совладельческие — соответственно 42 и 48,5%. Общая низкая доля многосемейных хозяйств в этом случае достигалась за счет лострейберов, имевших совершенно иную семейную структуру: 16,4% одиночек, 3,4% редуцированных семей, 73,3% односемейных, 14,9% расширенных и только 2,9% многосемейных дворов. Очевидно, что эстонские бобыли, как и белорусская безземельная шляхта, несмотря на разницу в их социальном статусе, одинаково придерживались малосемейной модели.

Существование разных моделей поведения было характерно для части Австрии — района Тирольских Альп, где преобладали скотоводческие хозяйства. У горцев, населявших округ Виллгратен, в 1781 г. очень хорошо прослеживается корреляция между дворохозяиственной моделью и количеством скота. Если в среднем по выборке из 522 хозяйств пропорция трех типов составляла 60,6 : 21,6 : 17,8, то у тех 103 хозяйств, которые имели менее 5 голов скота, — 83,5 : 14,6 : 1,9 (классическая малосемейная модель); у 116 хозяйств, имевших от 7 до 9 голов, — 60,6 : 21,6 : 17,8 (сбалансированная модель); у 40 хозяйств, имевших 15 и более голов скота, — 24,6 : 27,9 : 47,5 (та же общежительская модель, что у русских крестьян)⁵⁵.

В порядке эксперимента автор пересчитал результаты ревизии 1850 г. по Бытчанскому приходу, в которых доля неоседлых особенно велика, таким образом, что каждая семья неоседлых принима-

лась за отдельное дворохозяйство. Хотя такой подход и не является методически корректным, он позволяет представить, как выглядела бы семейная структура, если бы эта категория населения продолжала вести полноценное хозяйство или учитываться наравне с прочими (подобно тому, как учитывались эстонские лострейберы). Результаты заслуживают того, чтобы их показать. Хозяйственная структура с учетом неоседлых не приводится, поскольку источники не позволяют проследить, в каких именно дворах они квартировали (Таблица 6).

Таблица 6

**Семейная структура в Бытчанском приходе в 1850 г.
при разных способах подсчета**

Способ подсчета	Средний размер хозяйства	Число семей на хозяйство	Число одиночек	Средний размер семьи	% односемейных хозяйств	% расширенных хозяйств	% многосемейных хозяйств
При игнорировании неоседлых	8,2	1,85	0,6	4,1	20,1	16,9	63
При учете неоседлых как сожителей в чужих дворах	9,1	2	0,8	4,2			
При учете неоседлых как самостоятельных дворохозяев	6,7	1,6	0,6	3,8	35,7	14,3	50

Из Таблицы 6 можно увидеть, как при изменении критериев подсчета популяция, характеризующаяся классическими параметрами общежительской модели, заметно смещается в сторону сбалансированной. Этот пример, по нашему мнению, наглядно демонстрирует механизм образования статистики, характерной для сбалансированной модели, и позволяет сделать вывод, что общежительская модель поведения является результатом механического смещения в популяции хозяйств, ориентированных на индивидуализм и экономическую эффективность.

Мировосприятие в этих двух слоях существенно различалось. Члены успешных, благополучных хозяйств видели ясную перспективу и стремились принять все меры к тому, чтобы обеспечить ста-

бильность подрастающим наследникам. В условиях барщины и при отсутствии рынка наемной рабочей силы такую стабильность гарантировала только общежительская модель в ее классической форме, позволявшая поддерживать оптимальный баланс едоков и работников. При этом экономический выигрыш достигался за счет психологического дискомфорта, неизбежного при жизни двух и более семей под одной крышей.

Если же крестьянское хозяйство опускалось в низший экономический слой, его поддержание любой ценой утрачивало свою привлекательность, а психологический выигрыш от раздела мог стать единственным, хотя и слабым утешением. Именно такие хозяйства часто фиксируются инвентарями как состоящие из одиночек или редуцированных семей. На последней стадии хозяйственного упадка члены деградировавшего хозяйства переходили в разряд кутников (неоседлых).

Видимо, в XVI в. малосемейная модель преобладала на всей территории Великого княжества Литовского и Европейской России. Данные о структуре дворохозяйства по Белоруссии и Новгородской земле, приведенные выше, говорят о только начинающемся формировании сбалансированной модели. Ее становление и дальнейшая эволюция в сторону общежительской модели прослеживается затем по отрывочным сведениям. Подсчеты по новгородским и псковским писцовым книгам 1580-х — 1640-х гг. дают средний размер хозяйства примерно в 6,4 чел. (данные охватывают 4242 двора в 1620-е гг. и 7401 двор в 1646 г.). Односемейные и многосемейные дворы составляли в 1620-е гг. соответственно 59,6 и 38,7%, в 1646 г. — 69 и 22,5%. Эти цифры свидетельствуют в пользу преобладания сбалансированной модели. К 1678 г. доля односемейных хозяйств снижается до 49,4%, а доля многосемейных возрастает до 43% (информация по 10436 дворам)⁵⁶. У монастырских крестьян Вологодской губернии в 1678 г. простых и многосемейных дворов насчитывалось 58,5 и 33,9%, но к 1717 г. цифры изменились на почти противоположные — 39,3 и 53,7% (данные охватывают 1000 дворов в 1678 г. и 428 дворов — в 1717 г.)⁵⁷. Таким образом, у российских крестьян в конце XVII — начале XVIII в., как раз во время формирования жесткой крепостнической системы, наблюдается переход на общежительскую модель, что вряд ли является простым совпадением.

Завершение этого процесса в первой половине XIX в. фиксируют материалы по Тамбовской губернии, обработанные по схеме П. Леслетта⁵⁸. В государственном селе Малые Пупки на момент ревизии 1816 г. многосемейные хозяйства (тип 5 по Леслетту) состав-

ляли 54%, к 1834 г. их доля возросла до 67,5%, к 1858 г. — до 74%. Исследователи объясняют этот рост воздействием реформы П.Н. Киселева в государственных имениях. У помещичьих крестьян села Байловка (без учета дворовых людей) эти же цифры составляли соответственно 67, 74 и 64%, т. е. максимум был достигнут поколением раньше. Зато у мастеровых крестьян села Рассказово, лишь частично связанных с земледелием, в 1816 г. многосемейные хозяйства составляли только 34%, к 1858 г. эта цифра возросла до 47%. Средний размер хозяйства за период в целом у них составил 5,6 чел., что характерно для сбалансированной модели.

Еще более впечатляющие данные по имению Вошажниково в Ярославской губернии выявлены недавно Т. Деннисон⁵⁹. В этом имении Шереметевых все крестьяне находились на оброке, барщина отсутствовала. Деньги для выплаты оброка многие крестьяне получали не столько через реализацию продуктов своего хозяйства, сколько путем торговли, отходничества в соседние промышленные центры и т. п. В плане хозяйственной активности они были близки к мастеровым тамбовского села Рассказово. Схожими оказались и статистические параметры.

Средний размер дворохозяйства в Вошажникове в 1816 г. был очень низок: 4,57 чел. на двор (в выборке 227 дворов). На первый взгляд это указывает на полное доминирование малосемейной модели. Но низкая цифра получается отчасти из-за довольно большого (11%) числа редуцированных семей и одиночек (как правило, вдов с детьми и без них), а также деформированной пропорции полов (в среднем 2,1 мужчины и 2,5 женщины на хозяйство), что, видимо, объясняется рекрутскими наборами, высокой мужской смертностью в молодых возрастах и особенностями брачной политики владельца (ограничивавшего выдачу «лишних» невест в другие имения). Соотношение односемейных (с одиночками), расширенных и многосемейных хозяйств составляло в этот момент 58, 19 и 23%. Высокий по западноевропейским меркам процент многосемейных дворов указывает, скорее, на сбалансированную модель, осложненную неблагоприятными демографическими факторами.

В 1850-е гг. средний размер хозяйства в Вошажникове составлял порядка 5,2—5,3 чел., сохраняя ту же пропорцию полов (2,3 мужчины и 2,9—3 женщины на двор) на фоне снижения общей численности популяции (на 20% к 1858 г.). Общая доля одиночек, неполных и нуклеарных семей сократилась до 42—48 %, а доля многосемейных возросла до 29—30 %. Эти цифры в целом типичны для сбалансиро-

ванной модели, которая, таким образом, сохранялась кое-где в промышленном центре России вплоть до отмены крепостного права.

Эволюция дворохозяйственной структуры в Европейской России после реформы 1861 г. примечательна: как только жесткий социальный контроль снимается, агрегированные статистики повсеместно приобретают значения, свойственные сбалансированной модели. К началу XX в. средний размер крестьянского хозяйства по всем губерниям лишь слегка превышал 6 чел.⁶⁰ При этом наличие разных моделей поведения у разных социальных групп иногда удается четко зафиксировать. На территории Кореньщины, по данным переписи населения 1897 г., средний размер дворохозяйства сократился до 7,4 чел. При этом в старых деревнях на надельных землях он составил 6,4 чел., а в арендуемых фольварках и новых хуторах на купчих землях — почти 13⁶¹. Несомненно, что земли покупались только наиболее состоятельными крестьянами, а также потомками мелкой шляхты. Огромный размер дворохозяйства у них объясняется, видимо, приверженностью общежительской модели, которая за счет наложения специфической фазы жизненного цикла в недавно основанных хозяйствах могла приобрести гипертрофированные черты. По данным аграрной переписи 1917 г., в условиях военного времени, средний размер хозяйства составил 6,3 чел., при этом на надельных землях — 6,2, а на купчих — 7,3 чел.⁶²

Таким образом, малосемейная модель в чистом виде существовала там, где земледельцы были свободны от отработочных повинностей и могли использовать наемную рабочую силу или сами активно работали по найму. При усилении феодальной эксплуатации и необходимости полагаться исключительно на труд членов семьи возникали предпосылки для перехода на общежительскую модель. Семьи, ориентированные на один из этих крайних стилей поведения, существовали одновременно, но их соотношение не было произвольным. Довольно быстро они достигали устойчивого баланса. Цифры, характерные для размеров хозяйства каждой из этих групп, взаимно накладывались и порождали среднее значение, характерное для сбалансированной модели. Если же условия менялись таким образом, что ориентированная на односемейность часть крестьянства исчезала или переставала учитываться в качестве дворохозяев, характеристики оставшейся части становились общими, а популяция в целом приобретала черты общежительской модели. Именно так случилось на большей части Европейской России к середине XIX в. После отмены крепостного права сбалансированная модель самовосстанавливается и к концу XIX в. вновь становится преобладающей.

Примечания

- ¹ Kuper A. *The Chosen Primate: Human Nature and Cultural Diversity*. Cambridge, 1993. P. 170, 174.
- ² Носевич В.Л. Еще раз о Востоке и Западе: Структуры семьи и домохозяйства в истории Европы // Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе: Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 2001. С. 15—38.
Интернет-версия: <http://vn.belinter.net/model/10.html>.
- ³ Mitterauer M. *Medieval roots of European family development* // J. Michálek (ed.). *Stredoeurópske kontexty ľudovej kultúry na Slovensku*. Bratislava, 1995. P. 92—105.
- ⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства. В 2 т. 2-е изд., испр. СПб., 2000. Т. 1. С. 220—221 и др.
- ⁵ Бессмертный Ю.Л. Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX в.: данные антропонимического анализа // Средние века. 1980. Вып. 43. М., 1980; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. В 3 т. Т. 1. М., 1985. С. 236.
- ⁶ Hammel E.A., Laslett P. *Comparing household structures over time and between cultures* // *Comparative Studies in Society and History*. 16 (1974). P. 73—109; Леслетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века: Сб. статей / Под ред. А.Г. Вишневского и И.С. Кона. М., 1979. С. 132—157.
- ⁷ Хлезов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I—VIII вв. СПб., 2002. С. 86—96.
- ⁸ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. С. 304.
- ⁹ Тимошук Б.А. Восточнославянская община VI—X вв. н. э. М., 1990. С. 16—29.
- ¹⁰ Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 102—103, 136—143.
- ¹¹ Повесть временных лет / Под ред. В.П. Андрияновой-Перетц. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 183.
- ¹² Todorova M. *Balkan Family Structure and the European Pattern: Demographic Developments in Ottoman Bulgaria*. Washington, 1993. P. 133—158.
- ¹³ *Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej*. Kraków, 1948. № 86. S. 745.
- ¹⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб., 1846. С. 59—60.
- ¹⁵ *Lietuvos Metrika*. Кн. 3 (1440—1498). Vilnius, 1998. P. 44.
- ¹⁶ Инвентарь имения Острожчицы был выявлен в Главном архиве древних актов (AGAD) в Варшаве В.Ф. Голубевым (фонд Потоцких из Радыня, № 390). Он любезно позволил мне воспользоваться его личными выписками из этого инвентаря.
- ¹⁷ Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. М., 1897. С. 116—119.
- ¹⁸ Белоруссия в эпоху феодализма: Сборник документов и материалов в трех томах. Т. 1. Минск, 1959. С. 199—208.

- 19 Istorijos archivas. T. 1: XVI amžiaus Lietuvos inventoriai. Kaunas, 1934. № 20.
- 20 Капыскі З., Капыскі Б. Беларуская вёска і яе насельніцтва ў канцы XVI — першай палове XVII ст.: Вопыт дэмаграфічнай характарыстыкі // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 2. С. 42—45.
- 21 Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. У 3 т. Т. 1. Мн., 1997. С. 103.
- 22 Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 14. Вильно, 1887. № 77. С. 543 и далее.
- 23 История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. М., 1986. С. 274.
- 24 История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2 М., 1990. С. 143.
- 25 Laslett P. Mean household size in England since the sixteen century // P. Laslett and R. Wall (eds.). Household and Family in Past Time. Cambridge, 1972. P. 91—102.
- 26 История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 317.
- 27 Jacquot J. La crise rurale en Ile-de-France, 1550—1670. Paris, 1974. P. 137—138; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. М., 1986. С. 78.
- 28 История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 411; Т. 3. С. 294.
- 29 Heitz G. Die Entwicklung der ländlichen Leinenproduktion Sachsens. Berlin, 1958. S. 24; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 369; Т. 3. С. 140.
- 30 Gross R. Die bürgerliche Agrarreform in Sachsen in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Weimar, 1968. S. 31; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 144.
- 31 Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Т. 1. С. 235.
- 32 Там же. С. 185.
- 33 Карпачев А.М., Козловский П.Г. Динамика численности населения Белоруссии во второй половине XVII — XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968 год. Л., 1972.
- 34 Morzy J. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w 2 połowie XVII wieku. Poznań, 1965. S. 132, tabl. 13.
- 35 Более полно результаты этого микроисследования изложены в монографии: Носевич В.Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск.: Тэхналогія, 2004.
- 36 Государственный исторический архив Литвы (далее — ГИАЛ). Ф. 694. Оп. 1. Д. 4481.
- 37 Отдел рукописей Библиотеки АН Литвы. Ф. 43. Д. 10758, 10760—10766, 10771; Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). Ф. 1781. Оп. 27. Д. 219; ГИАЛ. Ф. 694. Оп. 1. Д. 3397.
- 38 НИАБ. Ф. 333. Оп. 9. Д. 87, 204, 408, 419, 544, 1090, 1096.
- 39 Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 305.
- 40 Голубеў В.Ф. Сялянскае землеўладанне і землекарыстанне на Беларусі XVI—XVIII стст. Минск, 1992. С. 153, 156, 160.

- 41 Эти цифры представляют собой результат реконструкции подворного состава популяции на основании данных метрических книг и суммарных данных ревизии 1795 г. на уровне деревень (первичные материалы этой ревизии не сохранились).
- 42 Чаянов А.В. Бюджет крестьянского хозяйства // Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М., 1924. С. 76—93. Недавнее переиздание этой работы см.: Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избр. труды. М., 1989. С. 90—109.
- 43 Таблицы, относящиеся к этому примеру, см. в интернет-публикации: Носевич В.Л. Модель жизненного цикла крестьянского дворохозяйства (<http://vn.belinter.net/model/11.htm>).
- 44 Исследование проводилось при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г00Р-005.
- 45 Wall R. Zum Wandel der Familienstrukturen im Europa der Neuzeit // Historische Familienforschng. Ergebnisse und Kontroversen. Michael Mitterauer zum 60. Geburtstag / Herausgeben von Josef Ehmer, Tamara K. Hareven und Richard Wall. Frankfurt; N. Y., 1997. S. 280.
- 46 Czap P. The perennial multiple family household, Mishino, Russia, 1782—1858 // Journal of Family History. 7 (1982). P. 5—26; Idem. «A large family: the peasants' greatest wealth»: serf households in Mishino, Russia, 1815—1858 // Family Forms in Historic Europe / R. Wall (ed.), in collaboration with J. Robin and P. Laslett. Cambridge, 1983. P. 105—151.
- 47 Idem. «A large family: the peasants' greatest wealth»: serf households in Mishino, Russia, 1815—1858. P. 128—129, 147.
- 48 Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993.
- 49 Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 225.
- 50 Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве. Ф. 8. Оп. 1. Д. 15. Л. 147—904об.
- 51 Pöllä M. Vienankarjalainen perhelaitos 1600—1900. Helsinki, 2001.
- 52 Палли Х. Население крестьянского домохозяйства (дворохозяйства) в Эстонии в XVII—XVIII веках // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI — начало XX в): Материалы XX сессии Всесоюз. симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Вып. 1. Таллин, 1986. С. 48—56.
- 53 Wetherel C., Plakans A. Borders, ethnicity, and demographic patterns in the Russian Baltic provinces in the late nineteenth century // Continuity and Change. 14 (1999). P. 33—56.
- 54 Wall R. Zum Wandel der Familienstrukturen im Europa der Neuzeit. S. 276—277.
- 55 Schmidtbauer P. The changing household: Austrian household structure from the seventeenth to the early twentieth century // Family Forms in Historic Europe. P. 364.
- 56 Александров В.А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 83; Кох О.В. Крестьянская семья // Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население,

- землевладение, землепользование) / Под ред. А.Л. Шапиро. Л., 1989. С. 56—58.
- 57 Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на русском Севере: конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 37—38.
- 58 Канищев В.В., Кончаков Р.Б., Мизис Ю.А., Морозова Э.А. Структура крестьянской семьи. Тамбовская губерния, XIX — начало XX в. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII—XX вв. Тамбов, 2002. С. 83—101.
- 59 Dennison T. Serfdom and household structure in Central Russia: Voshchazhnikovo, 1816—1858 // *Continuity and Change*. 2003. 18(3). P. 395—429.
- 60 Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 225, 226.
- 61 Подсчитано по данным поселенных итогов переписи населения 1897 г.: Российский государственный исторический архив. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 1299. Л. 605—635, 761, 762.
- 62 НИАБ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 604.

Дискуссии

Редколлегия сборника «Экономическая история: Ежегодник. 2006» публикует ответ Б.Н. Миронова на статью академика Б.В. Ананьича «Заметки по поводу статьи Б.Н. Миронова “Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю. Витте и благосостояние населения в 1890—1905 гг. по антропометрическим данным”», опубликованную в сборнике «Экономическая история: Ежегодник. 2002» (М.: РОССПЭН, 2003. С. 611—613)*

Б.Н. Миронов**

От парадигмы к мифу: ответ Б.В. Ананьичу

Б.В. Ананьич в принципе не согласен с новым антропометрическим подходом к решению проблемы благосостояния населения, называя его «бухгалтерским». При этом, однако, чтобы опровергнуть мои выводы, он обращается к бухгалтерским расчетам относительно фискальной политики. Но, к сожалению, делает это не по стандартам высокой бухгалтерии.

Голод 1891—1892 гг., считает критик, стал следствием не только неурожая, но и фискальной политики Министерства финансов¹. Голод 1891—1892 гг. случился до назначения С.Ю. Витте министром и был, как показал А.С. Нифонтов, печальным эпизодом в успешном пореформенном развитии сельского хозяйства². Но и фискальная политика не имела отношения к голоду. В пореформенное время в налоговой политике произошло три важных изменения.

(1) К платежу прямых налогов были привлечены группы населения, прежде от них освобожденные: дворяне и чиновники, казаки и национальные меньшинства³.

(2) С 1860-х гг. начался переход от подушного принципа к подоходному, в результате *тяжесть налогового бремени перемещалась с бедных на зажиточные слои населения*. В 1859 г. привилегированные группы обеспечивали поступление в казну 17% доходов (главным образом за счет косвенных налогов), а непривилегированные — 76%; 7% государственных доходов приносили монетная, горная и

* Статью Б.Н. Миронова см.: Миронов Б.Н. Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю. Витте и благосостояние населения в 1890—1905 гг. по антропометрическим данным // Экономическая история: Ежегодник. 2001. М., 2002. С. 418—427.

** Миронов Борис Николаевич — доктор исторических наук (С.-Петербургский институт истории РАН).

другие регалии и государственное имущество. В 1887 г. поступления из этих источников доходов соотносились как 38 : 55 : 7. Из общей суммы собственно налогов (без регалий) на высшие классы в 1859 г. приходилось 18%, на низшие — 82%, а в 1887 г. — соответственно 41% и 59%. Другими словами, тяжесть налогов для высших классов увеличилась почти в 2,3 раза⁴. Эта тенденция в дальнейшем усиливалась.

(3) Значение косвенного обложения повышалось, особенно при С.Ю. Витте, благодаря чему податное бремя еще более сместилось с крестьянства на относительно зажиточные городские слои, так как косвенные налоги ложились главным образом на горожанина⁵. В результате в 1901—1912 гг. на долю крестьянства приходилось лишь 32% всех налогов и платежей⁶, а его доля в населении превышала 83%, следовательно, норма обложения у сельского населения к началу XX в. резко понизилась и стала в 3,6 раза меньше, чем у городского населения.

На покрытие прямых налогов в пореформенный период крестьяне стали расходовать меньшую часть своих доходов (см. Таблицу 1).

В 1849—1859 гг. во Владимирской, Костромской, Московской, Нижегородской и Ярославской губерниях, где доходы крестьянства были выше средних по России, прямые налоги поглощали 34% дохода государственных крестьян от земледелия и 22% доходов от земледелия и промыслов вместе. Поскольку обложение удельных и помещичьих крестьян было более высоким, чем государственных, а доходы крестьянства других губерний были ниже, чем в названных 5 губерниях, налоговое бремя в большинстве российских губерний находилось на более высоком уровне. По данным крестьянских бюджетов в 13 губерниях за 1877—1901 гг., на покрытие всех платежей, включая выкупные и арендные, уходило 7,6% доходов от сельского хозяйства в земледельческих губерниях и 13,8% — в промышленных, соответственно — 5,8 и 5,6% всех доходов от сельского хозяйства и промыслов вместе. *В пореформенное время норма обложения крестьян прямыми налогами уменьшилась в 3,9 раза.*

Уменьшилось и общее налоговое бремя крестьянства. В 50 губерниях Европейской России в 1901 г. все платежи (включая выкупные и арендные) равнялись 8,71 руб., доход от сельского хозяйства составлял 30,30 руб.⁷, от промыслов — 12 руб.⁸, общий доход — 42,3 руб. на душу населения. На покрытие прямых и косвенных налогов, а также всех платежей уходило 20,6% доходов, а в 1850-е гг. *только прямые налоги* поглощали 22,1% доходов крестьянства. Между тем в 1850-е гг. косвенные налоги были обременительнее прямых⁹. Значит, в 1850-е гг. на уплату прямых и косвенных налогов уходило намного более 22,1% крестьянского дохода, а в 1901 г. —

Таблица 1

Тяжесть прямых налогов для крестьянства Европейской России в 1849—1858 и 1877—1901 гг.

Губернии	1849—1858 гг., государственные крестьяне, 5 губерний					1877—1901 гг., все крестьяне, 13 губерний				
	валовой доход на д н, руб			налоги и подати		валовой доход на д н, руб			повинности	
	зем- леделие	про- мыслы	итого	руб	%	земле- делие	про- мыслы	итого	руб	%
Центрально- промышленные	14,43	7,70	22,13	4,90	22,14	174	255	429	24	5,59
Земледельческие	—	—	—	—	—	331	100	431	25	5,80

Подсчитано по:

доходы в 1849—1858 гг.: Материалы для статистики России, собираемые по ведомству государственных имуществ. СПб., 1858. Вып. 1. С. 2, 30, 55; там же. Вып. 2. СПб., 1859. С. 182, 185, 191, 204; там же. Вып. 4. СПб., 1861. Отдел В. С. 43, 107; там же. Вып. 5. СПб., 1871. Отдел В. С. 7, 45, 47; Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнивания денежных сборов с государственных крестьян. Вып. 2. СПб., 1857. С. 2, 29, 30, 37, 40;

налоги в 1849 г.: Российский государственный исторический архив. Ф. 869 (Милютины). Д. 789. Таблицы к статистическому атласу, составленному в МВД. 1850 г. Л. 22, 27;

в 1877—1901 гг.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1. С. 38—39.

только 20,6%. К 1912 г. норма обложения понизилась еще на 2,1%¹⁰.

Таким образом, давление налогового пресса на крестьянство в пореформенное время ослабело; чистый остаток после оплаты налогов возрастал. Налоги в России стали ниже, чем во всех великих державах, кроме США¹¹.

Б.В. Ананьич утверждает, что «громадный рост российского бюджета в конце XIX в. не соответствовал росту национального дохода и превышал его в 2,4 раза» (с. 612). На самом деле с 1881 по 1892 г. национальный доход на душу населения увеличился на 23%, а государственные доходы — на 49%, с 1892 по 1904 г. — соответственно на 76% и 108%. Некоторая диспропорция в росте национального дохода и государственных доходов при С.Ю. Витте уменьшилась: в 1881—1892 гг. увеличение налогов обгоняло рост национального дохода в 2,13 раза, а в 1892—1904 гг. — в 1,42 раза. Впоследствии эта тенденция сохранилась: в 1904—1913 гг. налоги росли всего в 1,1 раза быстрее национального дохода¹².

По мнению Б.В. Ананьича, крестьянские восстания в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. — свидетельство тяжелого экономического положения крестьян (с. 612). Но социальные протесты случаются и по другим причинам. В частности, крестьянские бунты марта 1902 г., по мнению экспертов Департамента полиции и следствия, произошли в первую очередь под влиянием хорошо проведенной политической агитации, затем — недородов и вздорожания аренды¹³. Если оппонент считает, что главная причина движения в падении жизненного уровня, тогда ему нужно расчетами, по-бухгалтерски это доказать. Но критик не утруждает себя: ему это кажется аксиоматичным. Он разделяет парадигму, что после 1861 г. вся Россия находилась в состоянии кризиса. Эта парадигма родилась в 1861 г., когда революционные демократы начали атаку на Великие реформы. В 1877 г. Ю.Э. Янсон создал концепцию о несоответствии земельных наделов крестьянским платежам, — эвфемизм тезиса «реформа — грабеж»¹⁴. Л.В. Ходский и А.А. Кауфман доказали ошибочность его расчетов¹⁵. Но в советской историографии утвердилась парадигма кризиса, поскольку она соответствовала спущенной историкам сверху установке доказать закономерность и неизбежность Октябрьской революции 1917 г. Книга А.С. Нифонтова начала ее ревизию¹⁶, которая в 1980—1990-е гг. продолжилась в зарубежной историографии¹⁷. Напомним основные выводы ревизионистов.

Национальный продукт на душу населения с 1889—1892 по 1901—1904 гг. увеличивался на 3,4%. Сельскохозяйственное производство с 1881 по 1905 г. росло на 2,55% ежегодно, в 2,5 раза обгоняя

рост населения, что свидетельствовало о росте производства продовольствия на душу населения. Экспорт хлеба увеличивался еще быстрее, и он не был «голодным»: с 1885—1889 по 1897—1901 гг. количество зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, возросло на душу населения в 1,3 раза. Производство потребительских товаров на душу населения за 1887—1904 гг. выросло на 25%, а реальная почасовая заработная плата сельхозработного с 1885—1887 по 1903—1905 гг. — на 14%¹⁸.

Средние ежегодные недоплаты окладных сборов (не сумма недоимок!) с бывших помещичьих крестьян, которые освобождались от крепостного права на самых тяжелых сравнительно с другими категориями крестьянства условиях, с 1885—1889 по 1900—1904 гг. уменьшились с 2,5 млн руб. до 1,3 млн руб.¹⁹ — в 1,9 раза. При этом население за этот период возросло на 25%.

Количество новых вкладчиков в государственных сберегательных кассах *из числа работников и земледельцев* по 50 губерниям Европейской России с 1889—1893 гг. по 1898—1900 гг. возросло на 20%, а суммарная величина вкладов — на 141%²⁰.

В настоящее время ООН для оценки уровня жизни населения использует *индекс человеческого развития*, учитывающий среднюю продолжительность жизни, процент грамотности и размер внутреннего продукта на душу населения. Все три показателя в изучаемое время росли, следовательно, и индекс человеческого развития вырос (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Средняя продолжительность жизни, грамотность и национальный доход на душу населения в России в 1885—1889 и 1900—1904 гг.

Годы	Продолжительность жизни		Грамотность в возрасте 9 лет и старше		Национальный доход на душу населения руб
	лет	индекс	%	индекс	
1885—1889	28,5	0,058	33	0,330	75
1900—1904	31,6	0,110	42	0,420	106,7

Подсчитано по: Воспроизводство населения СССР / Под ред. А.Г. Вишневого и А.Г. Волкова. М., 1983. С. 61; Миронов Б.Н. История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л., 1991. С. 82; Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 232—237.

Как видим, все имеющиеся на настоящий момент новые данные свидетельствуют о медленном улучшении положения подавляющего большинства населения России, включая крестьянство, в

1892—1904 гг. Увеличение длины тела у населения органично укладывается в эту новую систему фактов. Причем длина тела — самый точный и самый простой для расчетов показатель по сравнению с другими индикаторами благосостояния населения и поэтому надежный *при определении тенденции*.

Итак, уже 30 лет пессимистическая концепция системного кризиса пореформенного российского общества встречает возражения. Почему новые данные не убеждают моего оппонента в ее несостоятельности? На мой взгляд, главная причина — давление стереотипов. Мы имеем классический пример нечувствительности к новой информации под их влиянием. Всю свою профессиональную жизнь Б.В. Ананьич поддерживал концепцию о системном кризисе российского пореформенного общества и государства. И так с нею сжился и уверовал в ее непогрешимость, что все, что ей противоречит, просто не воспринимает. Даже столь очевидные и простые для понимания антропометрические данные. Казалось бы, очевидно, что именно от питания зависит здоровье, рост и вес детей и юношей в такой же степени, как здоровье и размеры животных или растений. Но оказывается, и для понимания такой зависимости нужно отрешиться от привычных шаблонов.

Б.В. Ананьич делает честное признание: «Когда я читал статью Б.Н. Миронова, меня не покидала мысль, что это *розыгрыш читателя*, демонстрация искусства *искаженного изображения прошлого* с помощью ошеломляющего обилия цифрового материала и отсылки на англоязычные издания. Но если это не так, то перед нами *очевидный пример оглушения истории* с использованием антропометрии и математических методов» (с. 613; курсив мой. — *Б.М.*). Итак, новые данные, новые подходы и новые выводы воспринимаются моим оппонентом как розыгрыш, как искаженное изображение, как оглушение истории, т. е. белое кажется ему черным. Такое становится возможным в случае, если находиться под влиянием стереотипа, что рассматриваемый предмет может быть только черным. И здесь, конечно, ни англоязычная литература, ни цифры, ни математические методы помочь не могут.

Примечания

¹ Ананьич Б.В. Заметки по поводу статьи Б.Н. Миронова «Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю. Витте и благосостояние населения в 1890—1905 гг. по антропометрическим данным» // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 612.

² Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974. С. 315—316.

- 3 Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). 3-е изд. СПб., 2003. Т. 1. С. 94—95; Шацилло М.К. Эволюция налоговой системы России в XIX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. С. 345—383.
- 4 Яснопольский Н.П. О географическом распределении государственных доходов и расходов в России: Опыт финансово-статистического исследования. СПб., 1890. Ч. 1. С. 27—31.
- 5 Шацилло М.К. Указ. соч. С. 376.
- 6 Анфимов А.М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901—1912 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск, 1964. С. 502.
- 7 Там же. С. 489—505; он же. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России в 1881—1904 гг. М., 1984. С. 110—111.
- 8 Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1. С. 219.
- 9 Шацилло М. К. Указ. соч. С. 358.
- 10 Анфимов А.М. Налоги и земельные платежи... С. 489—505; он же. Экономическое положение... С. 110—111.
- 11 Микеладзе П.В. Тяжесть обложения в иностранных государствах в 1913 и 1925—26 гг. // Налоговое бремя в СССР и иностранных государствах: (Очерки по теории и методологии вопроса). М., 1928. С. 150—152.
- 12 Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 240, 242; Ежегодник Министерства финансов. Вып. XVII. СПб., 1888. С. 11; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1898 г. СПб., 1899. С. 36; Статистический ежегодник России 1905 г. СПб., 1906. С. 406; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отдел XII. С. 14—15.
- 13 Крестьянское движение в России в 1901—1904 гг.: Сборник документов. М., 1998. С. 108—111.
- 14 Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877. С. 123—125.
- 15 Ходский Л.В. Земля и землевладелец: Экономическое и статистическое исследование. СПб., 1891. Т. 2. С. 243; Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. М., 1908. Ч. 1. С. 53.
- 16 Нифонтов А.С. Указ. соч. С. 315—317.
- 17 Миронов Б.Н. Пришел ли постмодернизм в Россию? Заметки об антологии «Американская русистика» // Отечественная история. 2003. № 3. С. 135—146.
- 18 Грегори П. Указ. соч. С. 35—37, 61, 235—237.
- 19 Хок С.Л. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России, 1861—1914 годы // Отечественная история. 1996. № 2. С. 28—54.
- 20 Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии... Т. 1. С. 50—51.

SUMMARIES*

Sergey V. Kalmykov

Russian Enterprises and Western European Exchanges in Early 1900s

The article deals with an interesting episode in the history of domestic business related to an attempt of the large Russian enterprises to adopt the most advanced forms of business organization and simultaneously to more deeply integrate into the structure of the European markets. Specifically, the case is about an attempt at the beginning of the 1910s of a group of leading commercial banks in St. Petersburg to organize large associations in petroleum («The Russian General Oil corporation») and tobacco («The Russian Tobacco company») industries. The enterprises took the form of holding companies registered in London under English charters and the original intent was to float their shares on European exchanges.

Although the original plans had all the preconditions for success, the political events — the increasing political tensions in Europe in 1912—1914 and their negative influence on financial markets — drove the enterprises to eventual failure. However dismal were the results, these attempts clearly show that in early 1910s Russian businesses were attempting to function on qualitatively higher level of business organization and were ready to integrate into Western European business structures.

Sergey A. Afontsev

Communist Transition and the Structure of Russian Trade with the West

Russia experienced two major economic transitions in the twentieth century. The first transition, that from the market-based economic system of the Russian Empire to the administrative (or «planned») system of Soviet Russia brought about intensive structural and institutional changes in all spheres of economic life, including trade relations with foreign countries. Some of the consequences of the communist transition appeared to be long lasting, and their influence is felt even after the second Russian transition, i.e. the market transition of the 1990s. The article addresses major trends in the structure of Russian trade with the Western world induced by the communist transition.

* Редактор Г. Перельман (Калифорнийский университет, США).

Alexander A. Matveichuk

U.S. Oil Industry Experience on the Pages of the Soviet Oil Trade Publications During the First Five-Year Plan

The article is based on a detailed analysis of articles published in the Soviet specialized oil journals «Neftyanoe Khozyaistvo» (Oil Industry) and «Azerbaidzhanskoe Neftyanoe Khozyaistvo» (Azeri Oil Industry) during implementation of the first Five-Year plan in the USSR. Significant attention is devoted to the need of radical changes in the Soviet oil industry. Also discussed are the main editorial directions of the journals during the reconstruction and modernization period in the country. The author concludes that the introduction of the U.S. oil industry experience, with its effective scientific and technical innovative solutions played a significant role in the processes of industrialization and rapid development of the Soviet oil industry.

Alexander B. Bugrov

Exchange Offices of Assignat Bank (1772—1823)

Using new archive documents, the author addresses the topic of money exchange, an important component in the history of money circulation. Exchange offices were opened in 23 cities of Russian Empire and they facilitated the introduction of paper money — «assignats». However, due to the lack of state treasury resources the offices exchanged them only into copper coins at a forced rate. The article describes the establishment and the process of money exchange in Russia in the second half of eighteenth and the first third of nineteenth centuries. The close connection of money exchange with trade is also discussed.

Ludmila P. Marnei

From the Council to the Agent of the Ministry of Finance: Protection of Russian Trading Interests in the Kingdom of Poland (1815—1830)

The article described the history of the institution of the agents of the Ministry of Finance of Russia. The author suggests that the position of an agent was created during the redistribution of functions between the Ministries of Foreign Affairs and Ministry of Finance, created in 1802. This reorganization coincided in time with the necessity of protection of Russian trading interests in the newly acquired territories of the former Principality of Warsaw. The first agent of the Ministry of Finance was A.J. Lang appointed in 1823. The success of his activities triggered the 1829 appointment of agents to Paris and later to Berlin, Leipzig and Vienna.

Alexandra S. Kushniruk

**The Legal Status of Corporation in Pre-Revolutionary Russia
(Institutional Aspects of Economic Development)**

The article provides an analysis of legal foundations of corporations in Russia in the second half of XIX century. Also discussed are the following topics: general definition of corporation (tovarishchestva), the process of their establishment, classes of shares, internal structure of corporations and the rights of individual shareholders, legal regulations of corporate mergers and dissolutions. The main task of this article is to summarize Russian corporate legal developments before the beginning of the XX century and the determination of the degree of Western European influence on Russian legal norms.

Evgeniy G. Nekliudov

The Owners of the Ural Plants in the First Half of Nineteenth Century: Peculiarities and Results of Their Ownership and Management

This article describes the owners of the Ural metallurgical plants during the least researched period — the first half of XIX century. It discusses their distinctive features and reviews the outcomes of the owners' basic management activities. The author notes the inability of most owners to effectively manage the increasing complexity of industrial development. Also discussed are the proposed solutions sought by the owners and the State treasury, which as a rule turned out to be ineffective.

Elena N. Savinova

Moscow Entrepreneurs as Land Market Customers at the Turn of the Twentieth Century

This article discusses one of the complex issues in the history of entrepreneurship — the process of land purchases by Russian bourgeoisie in the post-reform period. One of the key developments in Russian agriculture was the market-driven process of redistribution of land between gentry and other classes (soslovia). The detailed descriptions of the properties made by statisticians of the Moscow Zemstvo and utilization of its notary archives allowed for significant clarifications in the entrepreneurs' share of the land ownership within Moscow Gubernia, which differed significantly from the other districts within the Central Region. The detailed and personalized review of the deeds, which included description of the properties, helped in determining the circle of main buyers and sellers and highlighted their particular circumstances.

Leonid I. Borodkin, Gregory Perelman

Structure and Dynamics of Russian Stock Exchange Index: Market Analysis of Leading Industrial Shares

The authors construct a share index of leading Russian industrial companies quoted on St. Petersburg exchange in 1897–1914. The index, the first built for a pre-revolutionary Russian exchange, vividly follows the peaks of country's economic developments, showing rapid rises during the economic growth of the late 1890s and before World War One. The trough of early 1900s was also expected, however, the intermediate peak of 1905 questions the generally accepted view that the middle of the first decade was the time of gloom and despair at the time of the Russo-Japanese war and the first revolution. Authors analyze the macroeconomic data of the period and propose that St. Petersburg exchange was influenced by the general expectations of economic growth evidenced by the rising stock prices in other countries, but in St. Petersburg those expectations were reversed due to Russia's internal political challenges.

Pavel V. Lizunov

Zakhariy Zhdanov: the Fate of the «King of Exchange»

The article describes St. Petersburg banker and active stock exchange player Z.P. Zhdanov, who was well known in Russia in early 1900s. His popularity, sometime of dubious character, spread well beyond the financial circles of the time. Zhdanov was known as a successful stock market gampler who controlled the fate of numerous securities. To bid up the share prices he could spend millions of rubles without fear. He bought and sold shares ahead of adverse price movements and almost always at a profit for himself. In a short span of five years his actions on the stock exchange became legendary. At the time, the parallels were drawn between Zhdanov and the late chairman of St. Petersburg International Bank A.Y. Rotshtein, who had had significant influence on St. Petersburg stock exchange. He was also compared to such «stock exchange vultures» as Alchevsky, Frenkel, Polyakov, Golubev, Petrovsky, Muraniy. Under the Soviet regime Zhdanov was accused of spying for bankers who emigrated from Russia and for collecting economic information about the U.S.S.R. He was charged with illegal purchases of securities, which were banned after the revolution, and in illegal dealings in art, foreign currency, gold coins and also in anti-soviet propaganda. On February 25, 1931 he was sentenced to 10 years of jail and sent to the infamous Solovetski labor camp.

Mikhail A. Feldman

Labor Conditions of Ural Industrial Workers in the 1910s — 1930s

Living conditions in general and labor conditions in particular are important indicators of society's development. Ural plants, mines and open pits in the first decades of the XX century used mostly manual labor. The analysis of work conditions and medical services of Ural workers shows that practically all types of work in extracting and production industries were conducted in unhealthy conditions among them: rapid temperature changes, air filled with coal and metal dust, poisonous gases, etc. The most dangerous were the metal factories with their high intensity work.

The comparison in the frequency levels of injuries in the Ural extracting industries before the revolution and in 1930s shows that the working conditions improved only marginally for Soviet Ural workers by the end of 1930s. This was caused by objective factors: the low level of mechanization of production and workers' low level of general and professional training. The high injury frequency among Soviet workers illustrate the real working conditions of the period and in the end they were reflected in the overall life expectancy numbers.

Dietmar Neutatz

Metrostroy Workers: Living and Working Conditions at the «Great Construction Site» of the 1930s

The construction of the Moscow Underground 1931—1935 was glorified by the propaganda not as a mere prestige project but also as the «forging of the new mankind», to which a great power of transformation was attributed. Everyday life looked rather different. There were problems in finding enough workers. Neither the special enrolment of workers nor the intended control of migration from rural areas to the towns worked out. The «mobilizations» were not particularly effective. Even though the Underground was a privileged construction site located in the capital and exposed to regular scrutiny by the highest state offices, it showed an enormous turnover of workers. Just in 1934 20000 workers were dismissed or ran away themselves. A widespread phenomenon, the lack of discipline, was the main reason for dismissal. Turnover, especially at the beginning, was caused by the lack of housing space for workers. Working conditions at the building sites were extremely difficult and often damaged workers' health. Still, the workers' enormous achievements were astounding considering the unfavourable conditions. These achievements could be explained on one hand by the strict system of controls and discipline enforcing, but on the other hand, by the exceptional power of motivation, which the construction of the Underground had generated.

Georgiy A. Cheremisinov

Utilization of Reserves for Extensive Growth by State Entrepreneurship in the U.S.S.R. (1926/27—1928/29)

The article presents a complex macroeconomic analysis of economic development in the U.S.S.R. in the late 1920s. It shows the predetermined nature of transformation from multi-level economy into one of state-cooperative dominated. It explores the specifics of predominantly extensive growth of state entrepreneurship based on state-owned sectors of the economy, the savings of the population, taxes and the resources of non-government owned entities. The author studies how economic resources were accumulated in state hands by using internal and external markets, money circulation and the budget system.

Nina L. Rogalina

NEP Industrialization and Perspectives of the Soviet Modernization

The article addresses the issues related to initial level of Soviet industrial modernization. At the center of attention are the outcomes of current discussions about the achievements, challenges and prospects of the country during the reviewed period. The qualitative and quantitative characteristics of the 1920s as a particular stage in the development of country's economy are presented. The article describes the institutional conditions under which the reconstruction of the economy occurred and provides comparisons with pre-revolutionary period. It shows that the industrialization during the 1920s was the main goal of the economic policy and the contemporaries viewed it as two-sided: 1) priority of the development of heavy industry over light industry; 2) priority of industrial development over agricultural development. The article summarizes alternative scenarios of country's economic development within the NEP economic policy and reviews the reasons for implementation of forced industrialization.

Alexander A. Igolkin, Andrei K. Sokolov

The Oil Drive and Its Outcomes

The article reviews the socio-economic and political aspects of the U.S.S.R. oil industry during the first and second «Stalinist» five-year plans. It shows the cost of the attempts to fulfill the utterly unrealistic plans — the hardening of regime, the reinforcement of the bureaucratic apparatus, the sale of national treasures to foreigners, and the inefficient exploitation of oil tracts (especially in the Grozny region). After the announcement that the industry was the first one to achieve the goals of the first five-year plan, the oil production had actually declined and then grew very slowly. The oil production in 1937 was only 28,5 million tons,

almost 19 million tons less than was called for in the plan adopted by the XVII Congress of the Communist Party.

Robert W. Davies

The Soviet Economy and the Launching of the Great Terror

This article disputes the view that the country experienced an economic crisis in the first six months of 1936 and that it was a major reason for launching the repressions on intellectuals and officials, which started in the second half of 1936. The article shows that (a) there was no economic crisis, on the contrary, the industry was developing particularly rapidly; (b) neither the reports by economic officials to the party leaders nor the public and private statements of the leaders indicated that they believed there was an economic crisis. The origins of the purges must be sought in the non-economic factors. The author argues that it was rather the purges themselves caused economic difficulties in 1937–1938.

Alexander M. Sologubov

Changes in Spatio-Economic Structures in the Kalinigrad Region after 1945

The distinctive features of a particular culture often transpire in comparison with other cultures. Often such differences are revealed during the transfer of particular territory from «hands to hands» — a common occurrence in history. The border changes after World War II resulted in incorporation into Russian Federation certain territories, which belonged to Germany, Finland and Japan. In all of the cases there was a complete changeover of the population: migrants from the central Russian regions replaced prior inhabitants. The absorption of «foreign» culture included the material world (there were changes in the system of land ownership and usage, infrastructure, makeup of animal and plant environment) as well as the realm of ideas (the new toponimics was created as well as the historical-political myths justifying the migration, etc.). The multilevel research of the processes of absorption is undertaken by the author within the topic of «Culture in a “foreign” space». This article reviews the material aspect of the «foreign» cultural absorption by using changes in spatio-economic structures in the Kaliningrad region.

Viacheslav L. Nosevich

The Multi-Family Peasant Household: a Relict of Patriarchal Past or Phenomenon of Modern Time?

A distinct difference existed in the structure of the traditional peasant household in the Western and Eastern Europe. From seventeenth to nineteenth century a nuclear family household dominated in the West. The lack of labor force in such households was alleviated by hiring outside

help. We have clear indications that during the same period in the East a high percentage of households included two or more families. One possible interpretation is that the patriarchal household consisting of multiple families was initially common to both, but in the West it declined much earlier. From this point of view, the nineteenth-century East-European households were the relicts of the ancient past.

The article proposes an alternative view, which states that until the sixteen century the household structure in both parts of Europe was similar and was comprised of a single family. The multiple family households arose in the process of adaptation to specific social and economic conditions, such as work and monetary obligations to the landlord and a limited market for hired labor. Using documented references the author demonstrates that the combination of those specific conditions was responsible for the growth of household size in the Eastern Europe from sixteen century until the peasant emancipation in 1861.

Boris N. Mironov

From Paradigm to Myth: A Response to B.V. Anan'ich

The paper provides new information on taxes, incomes, lifetime expectancy, literacy and anthropometric data from late imperial Russia, which testifies to a gradual improvement in the general material condition of the Russian peasant population in late XIX — early XX century. The data throws into doubt the views articulated by B.V. Anan'ich, and still prevailing in current historiography, that Russian society was affected by a systemic crisis in the era following the Great Reforms.

Содержание

Предисловие	3
-----------------------	---

Экономические отношения России — РСФСР — СССР и стран Запада

<i>Калмыков С.В.</i> Российские компании и западноевропейский фондовый рынок в начале XX в.	9
<i>Афонцев С.А.</i> От Российской империи к СССР: структура торговли со странами Запада	32
<i>Матвейчук А.А.</i> Проблемы внедрения опыта нефтяной промышленности США на страницах советской отраслевой прессы в период первой пятилетки	61

Государство и экономика

<i>Бугров А.В.</i> Променные конторы Ассигнационного банка (1772—1823 гг.).	77
<i>Марней Л.П.</i> От консула до агента Министерства финансов: охрана торговых интересов России в Царстве Польском (1815—1830 гг.)	87
<i>Кушнирук А.С.</i> Правовой статус акционерных компаний в дореволюционной России (институциональные аспекты экономического развития)	96

История предпринимательства

<i>Неклюдов Е.Г.</i> Уральские заводчики в первой половине XIX в.: особенности и итоги владения и управления	127
<i>Савинова Е.Н.</i> Московский предприниматель на земельном рынке в конце XIX — начале XX в.	149

История фондовой биржи в дореволюционной России

<i>Бородкин Л.И., Перельман Г.</i> Структура и динамика биржевого индекса дореволюционной России: анализ рынка акций ведущих промышленных компаний	171
<i>Лизунов П.В.</i> Захарий Жданов: судьба «короля биржевых спекулянтов»	222

Социальные аспекты промышленного труда в первой половине XX в.

<i>Фельдман М.А.</i> Условия труда промышленных рабочих Урала в 1910-е — 1930-е гг.	263
<i>Нойтатц Д.</i> Рабочие «Метростроя»: условия жизни и труда на «ударной стройке» 30-х гг.	282

Советская экономика 20-х — 30-х гг.: пути модернизации

<i>Черемисинов Г.А.</i> Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства в СССР (1926/27—1928/29 гг.)	323
<i>Роголина Н.Л.</i> Индустриализация в рамках нэпа и перспективы советской модернизации	366
<i>Иголкин А.А., Соколов А.К.</i> Нефтяной штурм и его последствия	385
<i>Дэвис Р.</i> Советская экономика и начало «Большого террора»	439

История и экология

<i>Сологубов А.М.</i> Изменения пространственно-хозяйственных структур в Калининградской области после 1945 г.	477
--	-----

В глубь веков

<i>Носевич В.Л.</i> Многосемейное крестьянское дворохозяйство: реликт патриархального прошлого или феномен Нового времени?	503
--	-----

Дискуссии

<i>Миронов Б.Н.</i> От парадигмы к мифу: ответ Б.В. Ананьичу.	541
Summaries	548

Contents

Editorial notes	3
---------------------------	---

Russia and Western Countries: Economic Relations

<i>S.V. Kalmykov.</i> Russian Enterprises and Western European Exchanges in Early 1900s	9
<i>S.A. Afontsev.</i> Communist Transition and the Structure of Russian Trade with the West	32
<i>A.A. Matveichuk.</i> U.S. Oil Industry Experience on the Pages of the Soviet Oil Trade Publications During the First Five-Year Plan	61

State and Economy

A.B. Bugrov. Exchange Offices of Assignat Bank (1772—1823)	77
<i>L.P. Marnei.</i> From the Council to the Agent of the Ministry of Finance: Protection of Russian Trading Interests in the Kingdom of Poland (1815—1830).	87
<i>A.S. Kushniruk.</i> The Legal Status of Corporation in Pre-Revolutionary Russia (Institutional Aspects of Economic Development).	96

Business History

<i>E.G. Nekliudov.</i> The Owners of the Ural Plants in the First Half of Nineteenth Century: Peculiarities and Results of Their Ownership and Management	127
<i>E.N. Savinova.</i> Moscow Entrepreneurs as Land Market Customers at the Turn of the Twentieth Century	149

History of Stock Exchange in Pre-Revolutionary Russia

<i>L.I. Borodkin, G. Perelman.</i> Structure and Dynamics of Russian Stock Exchange Index: Market Analysis of Leading Industrial Shares.	171
<i>P.V. Lizunov.</i> Zakhariy Zhdanov: the Fate of the «King of Exchange»	222

Industrial Labor in the First Half of the Twentieth Century: Social Perspectives

<i>M.A. Feldman.</i> Labor Conditions of Ural Industrial Workers in the 1910s — 1930s	263
<i>D. Neutatz.</i> Metrostroy Workers: Living and Working Conditions at the «Great Construction Site» of the 1930s	282

Soviet Economy in the 1920s — 1930s: the Paths of Modernization

<i>G.A. Cheremisinov. Utilization of Reserves for Extensive Growth by state Entrepreneurship in the U.S.S.R. (1926/27—1928/29)</i>	323
<i>N.L. Rogalina. NEP Industrialization and Perspectives of the Soviet Modernization</i>	366
<i>A.A. Igolkin, Andrei K. Sokolov. The Oil Drive and Its Outcomes</i>	385
<i>R.W. Davies. The Soviet Economy and the Launching of the Great Terror</i>	439

History and Ecology

<i>A.M. Sologubov. Changes in Spatio-Economic Structures in the Kalinigrad Region after 1945</i>	477
--	-----

Ancient and Medieval Economic History

<i>V.L. Nosevich. The Multi-Family Peasant Household: a Relict of Patriarchal Past or Phenomenon of Modern Time?</i>	503
--	-----

Discussions

<i>Boris N. Mironov. From Paradigm to Myth: A Response to B.V. Anan'ich.</i>	541
Summaries	548

Экономическая история
Ежегодник. 2006

Редактор *Л. Епифанова*
Компьютерная верстка *Л. Кругова*

ЛР № 066009 от 22 07 1998 Подписано в печать 05 07 2006
Формат 60 × 90¹/₁₆ Гарнитура «Таймс» Бумага офсетная № 1
Печать офсетная Усл печ л 35,0 Тираж 800 экз
Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция), 334-81-62 (отдел реализации)